

5811

Аймонг Пуанкаре

НА
СЛУЖБЕ
ФРАНЦИИ

Воспоминания

Книга II

Соцэкгиз

1936

Раймонд Пуанкаре

ВОСПОМИНАНИЯ

1914—1918

Перевод с французского

Ф. КАПЕЛЮША

Книга II

Raymond Poincaré

**AU
SERVICE
DE LA
FRANCE**

Neuf Années de Souvenirs

**Éditions d'État
Édition Sociale-Économique
Moscou 1936**

4080

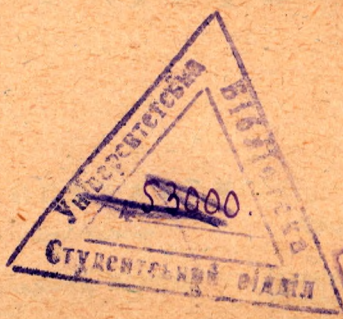
92
9(ч)3
П 88

— Раймонд Туанжаре

НА СЛУЖБЕ ФРАНЦИИ

Воспоминания за девять лет

1185

5 ДЕК 1941

Государственное
Социально-Экономическое
издательство
москва 1936

Вторая книга мемуаров Пуанкаре охватывает события с августа 1915 г. по сентябрь 1916 г. — томы VII и VIII Французского издания. Несмотря на тенденциозное освещение фактов и в частности стремление к личной апологии Пуанкаре, этот том дает богатый фактический материал для изучения истории мировой войны и особенно политики Франции в рассматриваемый период.

Редактор *Н. Рубинштейн*

Технический редактор *О. Прохорова*

Сдано в набор 28/V 1936 г. Подписано к печати 10/VIII 1936 г. Формат 62×94/16.
26³/₄ печ. л. 50 400 зн. в печ. л. Огиз № 1733. Зак. № 1899. Тираж 10 000 экз.
Уполномоченный Главлита № Б-24589. Цена книги 9 р. Переплет 1 р. 50 к.

1-я Образцов. тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Валовая, 28.

Том VII

ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА
1915

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
156	4 сверху	Мармароша, Шигета	Мармарош-Шигета
186	14 снизу	Янену	Жанену
199	7 снизу	организации	реорганизации
240	5 снизу	безнадежными	безнаказанными
374	8 сверху	которые	которые идут
380	19 сверху	Шари	Шари
380	15 снизу	необходимости; в отличие	необходимости, в отличие
380	14 снизу	лиц — увы! — он	лиц; увы! он
381	14 сверху	президента	председателя
387	8 снизу	великий	знатный

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На франко-бельгийском фронте. — Визит королю Альберту и королеве Елизавете. — Вопрос о Саррайле и Дарданеллах. — С Пьером Лоти в Эльзасе. — Кладбища в Моше и Танне. — Правительство, комиссии и парламент. — Сопевдания с министрами и генералом Жоффром. — Бельгийский король на французском фронте. — Император Николай II намерен стать во главе своих армий.

Воскресенье, 1 августа 1915 г.

Все время идет война в окопах. Наши войска иммобилизованы в нескончаемой позиционной войне.

Вчера вечером выехал из Парижа вместе с Мильераном, Дюпаржем, Пенелоном и Дюмейру; утром приехали в небольшой городок Берг. Три четверти жителей покинули его, многие дома разрушены или повреждены бомбардировкой. Фош приехал еще до нас. Пересели в автомобили и все вместе отправляемся на аэродром близ Гондшооте. Там мы застали генерала Эли д'Уасселя, сменившего генерала Пютда в командовании французскими войсками в Бельгии. На поляне, где мы остановились, выстроен 4-й смешанный полк, из новых формирований, в составе стрелков и зуавов. Я принял парад, передал полку знамя и в краткой речи воздал должное храбрости его батальонов, которые уже все отличились в Канны, Ласиньи и Рошенкуре, а также на Марне и Изере. Отсюда мы поехали дальше; близ Кромбека состоялась такая же церемония в честь другого нового полка — 3-го *бис*; это полк зуавов, многие из них уже сражались на Эве и в окрестностях Арраса. Затем мы отправились в Вест-Флетерен, где нашли 3-й смешанный полк стрелков и зуавов, принимавший участие в боях под Аррасом и Суассоном, и полк зуавов 26, отличившийся в деле под Таржетт и Мезон-Бланш и взявший Этренильи. Здесь тоже перед вручением полкам знамен я произнес несколько слов. К знамени полка зуавов 36 я приколом военный крест. У всех этих новых полков, усиленных старыми частями, хорошие кадры, у всех у них очень бодрый вид. Я наградил розеткой ордена Почетного легиона аббата Жана Малори, священника 45-й пехотной дивизии. Он был ранен в 1870 г. под Седаном, будучи солдатом, затем был с 1871 по 1914 г. полковым священником в Алжире;

в 1889 г. он получил звание кавалера ордена, в марте 1915 г. он отмечен приказом по армии; ему семьдесят один год, и в приказе говорится, что он столь же храбрый солдат, как и преданный священник.

Затем мы осматривали в секторе 45-й дивизии укрепления в лесу Зюйдшооте, к северо-западу от Ипра: окопы, небольшие форты, прикрытия для пулеметов, проволочные заграждения. Даже находящаяся недалеко большая ферма тоже укреплена вплоть до погребов. Неподалеку установлена одна из наших артиллерийских батарей. По легкой лесенке я вместе с Мильераном и Эли д'Уасселем взбираюсь на наблюдательный пункт, устроенный на дереве. Не успели мы с генералом подняться на площадку, — Мильеран был еще внизу, — как над нашими головами прожужжал один снаряд, затем другой. Несомненно, неприятель обнаружил наши автомобили. Когда мы спустились вниз, к нам подошли Фош и генерал Кенкандон с известием, что снаряды упали приблизительно в ста метрах позади нас, недалеко от фермы. Снова жужжание, и граната разрывается примерно в том же направлении. Фош, всегда осторожный, когда речь идет о безопасности другого, советует мне удалиться и не идти дальше. Но Эли д'Уассель сказал мне, что предупредил артиллеристов о посещении „высокого начальства“. Я не хотел уходить, не повидавши их. Мы пошли к батарее. Мимо нас пронесли на носилках канонира, раненого в плечо и ногу. Я подошел к нему и сказал ему несколько ободряющих слов. Неприятельский самолет, кружащий над нами, так хорошо направляет стрельбу немецкой артиллерии, что два новых снаряда взрываются опять совсем недалеко от нас. Фош посылает ко мне генерала Кенкандона сказать, что дает нам „приказ к отступлению“. Я иду к нему и смеясь заявляю, что, к сожалению, вынужден оказать ему неповиновение. В сопровождении одного лишь Эли д'Уасселя пробираюсь через заросли и дохожу до батареи. Конечно наши храбрые артиллеристы не нуждаются для ободрения в посещении президента республики; однако они были счастливы увидеть нас, тем более что уже начинали сомневаться в нашем приходе. Затем мы вернулись к Мильерану, Фошу и офицерам и отправились пешком к тому довольно отдаленному пункту, где нам пришлось оставить наши автомобили. По дороге мы снова встретили нашего раненого канонира; его вели на перевязочный пункт. По видимому раны его не тяжелы, и он горячо благодарил меня за подаренные ему мной жалкие часики.

Позавтракав в Роосбрюгге, где находится штаб-квартира Эли д'Уасселя, мы отправились в северный сектор на левом фланге бельгийской армии. Там расположена 38-я дивизия, составленная из зуавов и морских частей. Командир ее — генерал Рукероль, состоящий в родстве с одной семьей в департаменте Маас. Сделав остановку на кладбище Коксид, чтобы почтить память похороненных здесь, бы возвращаемся на территорию Франции. Здесь я посещаю госпитали в Зюйдшоот и Мало-де-Бэн. Раздаю знаки отличия и военные медали инвалидам. В заключение я вручаю пятое знамя маршевому полку марокканской колониальной пехоты.

Переночевал в Берге в своем уютном вагоне.

Сегодня ровно год, как Германия предъявила свой ультиматум Бельгии. В эту печальную годовщину я решил посвятить несколько часов королю и королеве. Рано утром я выехал из Берга с подполковником Жени, начальником французской миссии. Мы направились сначала в Гутам, главную квартиру бельгийской армии, а оттуда в Лоо, где король меня ожидал и встретил со своей обычной любезностью. После короткого разговора о положении на фронтах король с большой задушевностью рассказывал мне о городе Лоо, о его древней истории, о том, что это единственный фламандский город, имеющий в своем гербе римского орла. Ратуша построена в XVI в., она почти заново перестроена в 1842 и в 1906 гг. Это — продолговатое прямоугольное здание; с двух сторон его выступы с бойницами. Квадратная башня у одного из углов фасада свидетельствует о фламандском стиле, ее поддерживают колонны и круговые своды. Король показал нам это здание только снаружи и тотчас повел нас в приходскую церковь — очень изящный образец архитектуры XIII в., к сожалению поврежденный снарядами. Оконная живопись погибла. Главный алтарь и хоры с резьбой Тальебера Ипрского сильно пострадали, и священник обращается к королю с настоятельной просьбой убрать в безопасное место уцелевшую в ризнице резьбу по дереву времени Людовика XVI в. По темной лестнице, затем по неудобным приставным лесенкам мы поднимаемся на колокольню, где устроен наблюдательный пункт; отсюда мы видим равнину Диксмоде, а внизу злосчастный город Лоо со многими разрушенными домами. Бельгийский офицер, приставленный к этому наблюдательному пункту, показывает нам вдали расположение — увы! — знаменитой батареи, обстреливавшей Дюнкирхен и Берг. Затем король и я поехали осматривать укрепления в окрестностях города. Мы были одни в автомобиле и беседовали совершенно свободно. Оба мы были совершенно одинакового мнения о том, что вероятно война затянется и необходимо поддерживать в сердце обеих наших наций веру в успех. Короля очень тревожит отступление русских [1], он не может понять непредусмотрительности дарского правительства, но верит, что, несмотря на эти неудачи, мы одержим верх благодаря выдержке и настойчивости. Мы беседуем о речи, произнесенной вчера Вильгельмом. Он заявляет в ней, что не хотел войны и что совесть его чиста [2]. „Qui s'exuse, s'accuse (кто оправдывается, тот сам себя обвиняет), — заметил мне король. — Если бы на суде обвиняемый так часто заверял в своей невинности, судья немедленно пришел бы к заключению о его виновности“. Мимоходом я коснулся тех странных взглядов, которые высказывал в своих донесениях в Брюссель бывший бельгийский посланник в Париже барон Гильом [3]. Король ответил мне, что лучше кого-либо другого знает, как Франция всегда была далека от политики шовинизма. Мы сделали остановку в Фюрнесе, чтобы еще раз подняться здесь на колокольню. С вышки открывается великолепный вид. Бельгийская равнина изумительно возделана чуть ли не до самого фронта. Если бы не поднимающиеся там и сям на

горизонте дымки от гранат и не вид развалин под нами, можно было бы на мгновение забыть, что теперь война. Я спрашиваю короля, не согласится ли он в скором времени сделать ответный визит во французскую армию. „Из скромности, — говорит он, — не обращался еще к вам с этим предложением. Я буду весьма счастлив посетить ваши войска“. И он произносит передо мною хвалебный гимн Франции и ее армии.

Мы вернулись в Ла-Панн, где нас в небольшой приморской вилле ожидала королева. С нею были оба молодых принца и принцесса, очаровательная со своими кудряшками и смеющимся личиком. Король отвел меня в предназначенную для меня комнату; она меблирована весьма скромно, как и другие. Через несколько минут мы снова встретились в столовой, небольшой залитой светом комнате с видом на море. К столу приглашены де-Броквилль, Мильеран и наши офицеры. Король мило просит извинения за неизысканность блюд. Его повар, говорит он, мобилизован, и его пришлось заменить кухаркой. После завтрака королева быстро сделала несколько снимков своих гостей, и мы все отправились осматривать большой госпиталь в Ла-Панн. Меня поразило его богатое устройство. Он помещается частью в Гранд-отеле, частью в деревянных разборных домиках, куленных в Англии. Здесь было много раненых бельгийцев, несколько французов, один шестилетний мальчик с ампутированной ногой, девочка, изувеченная в Фюрнесе осколком гранаты. Госпиталь носит имя королевы. Она работает в нем с такой энергией и с таким знанием дела, как сестра-профессионалка. Я вручил розетку ордена Почетного легиона главному врачу доктору Депажу, которого она мне очень хвалила, и оставил кое-что для раненых. Выйдя из больницы, мы пошли вдоль берега. Бельгийские пехотинцы во время отдыха расхаживают группами по пляжу или около вилл, в которых они размещены. Среди солдат в мундирах защитного цвета, которые недавно надела бельгийская армия, кое-где люди в штатском, — это жители Ла-Панн — старики, женщины, дети. В своем желании приветствовать нас солдаты, купающиеся в море, не стесняясь бегут к нам в трусах. Музыка играет „Марсельезу“ и „Брабансонну“.

Простившись с королевской семьей, мы уезжаем и по дороге снова проезжаем Дюнкирхен. Сделали привал в Гравелине, где осматривали продовольственные склады, устроенные во Франции бельгийским интендантством. Несколько более продолжительную остановку мы сделали в Кале, осмотрели здесь бельгийский арсенал, красивые английские продовольственные склады и вокзалы обеих союзных армий. Пошел дождь. Мы садимся в мой поезд и едем в Париж.

Вторник, 3 августа.

Приехали в Париж в восемь часов утра. Перед заседанием совета министров я осведомился о том, что произошло за время моего отсутствия. Третьего дня возобновилась сессия Думы. Твердые заявления правительства встречены были на всех скамьях самым решительным одобрением [4]. Палеолог беседовал с депутатами раз-

личных партий. Они утверждали, что народ преисполнен решимости продолжать войну до победного конца (Петроград, № 943) [5].

Продолжаются разговоры с Болгарией, Грецией, Сербией и Румынией. Пересматривают формулировки, вносят одно предложение за другим. Но чем дальше победа, тем беспомощнее дипломатия. Помощник начальника болгарского генерального штаба — он же бывший военный атташе в Германии и доверенное лицо короля Фердинанда — отправился в субботу весьма таинственно в Берлин, где новый болгарский посланник Ризов, симпатии которого всем известны, должен подготовить соглашение с Германией (София, № 351).

Я полагаю, что годовщина заседания парламента от 4 августа 1914 г. налагает на меня обязанность обратиться с посланием к парламента. Но завтра нет заседания. Ближайшее заседание обеих палат состоится только в четверг. К тому же некоторые министры, повидимому, находят нежелательными с конституционной точки зрения слишком частые послания президента.

Среда, 4 августа.

Дюбо и Дешанель оба того мнения, что необходимо отметить годовщину. Английский король тоже обратился ко мне по случаю годовщины с телеграммой, выражающей твердую уверенность в победе. Хорошо, если общественные власти во Франции покажут врагам и нейтральным ту же настойчивость и выдержку.

Четверг, 5 августа.

Сообщение, сделанное вчера союзниками в Нише, было плохо принято Пашичем. Он нашел, что выгоды, обещанные Болгарии, затрагивают самое существование Сербии, и воздержался от немедленного ответа (Ниш, № 558). Я сделал попытку смягчить это недовольство и с согласия совета министров телеграфировал сербскому принцу-регенту: „По прошествии первого года войны считаю своим долгом послать свои пожелания вашему королевскому высочеству и храброму сербскому народу. Месяц за месяцем мы и наши союзники боремся вместе с Сербией против врагов ее независимости, и нам предстоит еще большие усилия, чтобы добиться полной победы. Прошу ваше королевское высочество верить, что во всех дипломатических переговорах, вызываемых событиями, Франция и ее союзники продолжают иметь в виду интересы Сербии. Мы просим у нее согласия на некоторые жертвы только потому, что они могут оказаться условием окончательного успеха. К тому же они будут сторицей возмещены теми значительными выгодами, которые союзники намерены обеспечить Сербии; эти выгоды во всяком случае будут заключаться в присоединении Боснии и Герцеговины и в широком доступе к морю“.

Я сообщил совету министров набросок послания, в котором подчеркиваю необходимость выдержки и единения. Совет одобрил его. „Вы найдете естественным, — говорю я в своем послании, — что по прошествии года войны президент республики считает долгом чести присоединить свой голос к голосу правительства и парламента и

воздать нации и армии дань восхищения и благодарности. Когда год назад я рекомендовал стране то священное единение, которое было и остается одним из условий победы, я не сомневался в том, что мой призыв будет немедленно услышан. Только наши враги, которые всегда ошибались в своей оценке Франции, могли думать, что мы явим зрелище внутренней розни, которая будет на-руку их наглому нападению...“ Воздав должную хвалу нашим солдатам, я продолжаю: „В ослепении своей гордыни Германия вообразила себе Францию легкомысленной, впечатлительной, непостоянной, не способной к выдержке и длительным усилиям. Наш народ и наша армия неизменно отвечают на эту клеветническую оценку своей спокойной силой, противопоставляют клевете действительность...“ В заключение я говорю: „Республика может согласиться только на такой мир, который обеспечит безопасность Европы, позволит нам вздохнуть свободно, жить и работать, восстановит целостность нашего отечества, возместит произведенные у нас разрушения и явится действенной защитой против повторения германской агрессии. Пынешние поколения отвечают за Францию перед потомством. Они не позволяют профанировать и урезать то достояние, которое наши предки вверили их временной охране. Франция желает победы. Она победит“.

Вивiani сообщил в совете министров, что достигнуто соглашение с обеими палатами относительно характера парламентского контроля. Председатель совета министров поставил в этом соглашении категорическое условие, что парламентские миссии могут действовать только по предварительном согласовании между правительством и комиссиями. Совецание представителей фракций, состоявшееся под председательством Жюля Зигфрида, постановило принять к сведению достигнутое соглашение.

Длинная дискуссия по вопросу о Дарданеллах. С одной стороны, Мильеран получил от Жоффра письмо от 3 августа со всякими возражениями против плана генералов Гуро и Байу; с другой стороны, Саррайль не проявляет склонности принять на себя командование экспедицией, если в нее не будут включены новые части. И вот некоторые министры боятся видимости того, что они, так сказать, „унизят республиканского генерала“. Марсель Самба категорически объявил, что, если будет совершена эта ошибка, кабинет будет свергнут. Я умоляю совет министров рассмотреть дарданельский вопрос по существу, не взирая на лица. В конце концов решено было поступить таким образом. Но Мильеран огласил письмо Жоффра, и оно снова взволновало умы. „Несмотря на свое значительное численное превосходство, — пишет главнокомандующий министру [6], — русские отступают перед немцами и австрийцами, что объясняется очевидно нехваткой вооружения и снаряжения. Что касается будущего, то не следует обманывать себя ложными надеждами. Современную мощную армию невозможно восстановить за ночь; нельзя сразу создать кадры и изготовить большое число снарядов и ружей. Итак, могут пройти месяцы, прежде чем русские будут в состоянии снова перейти в наступление. Не забудем, что мы дошли до предела в использовании наших людских ресурсов. Англичане должны в бли-

жайшую зиму дать нам новые войска, но наши собственные контингенты могут отныне только снижаться. Итак, факты доказывают — и весь мир знает это теперь, — что только французская армия может оказать отпор немецкой армии и разбить ее. У нас теперь не только благоприятные условия для наступления, на нас лежит также безусловный долг перед русскими, долг, который они не преминули выполнить в аналогичных обстоятельствах. Наконец мы взяли на себя официальные обязательства в протоколе конференции от 7 июля с. г., подтвержденном военными представителями всех союзных государств [7], и я считаю, что ваша и моя подписи означают обязательство со стороны Франции. Итак, обстоятельства в настоящий момент слишком ненадежны, чтобы мы могли взять из наших армий на севере и востоке войска для отправки в Дарданеллы“. Короче говоря, мнение главнокомандующего сводится к трем-четырем положениям, из которых первое, пожалуй, вряд ли придется по сердцу нашим союзникам: только французская армия способна разбить немецкую армию, французская армия отныне будет уменьшаться, поэтому необходимо действовать, пока она сильна, тем более что мы дали соответствующее обещание.

Что касается этого обещания, то мои сведения о конференции 7 июля до сих пор не дают мне возможности в точности ориентироваться на этот счет. Полковник Бюа просто послал мне от имени министра протокол заседания в Шантильи. На последнем присутствовали Мильеран, Жоффри, итальянский полковник ди Бреганца, сербский полковник Стефанович, русский полковник Игватьев, фельдмаршал Френч и бельгийский генерал-майор Вилеманс. Действительно, принято было решение, что, пока будут продолжаться текущие операции на восточном фронте, т. е. отступление русских, французские войска предпримут ряд местных выступлений и при первой возможности возобновят общее наступление; что британская армия, которая должна вскоре пополниться новыми дивизиями, окажет всемерную поддержку этим наступательным операциям; что бельгийская армия примет в них участие по мере своих сил; что итальянская армия разовьет свои операции в направлении Лайбах — Виллах; и наконец, что сербская армия будет стараться согласовать свои действия с действиями итальянской армии.

Я не знал про эти планы; правительство посвящено было в них не более моего. Мне представляется, что эти планы идут совершенно вразрез с теми взглядами, которые высказало в беседах со мною большинство генералов. Мильеран показал мне зашифрованную телеграмму, посланную ему Жоффриом 3 августа. Согласно этой телеграмме, „полное развитие наших операций“ произойдет между 15 августа и 15 сентября, в момент высадки III армии Китченера; поэтому, говорится в телеграмме, не будет возможности двинуть эту армию между нашими армиями. Я немедленно написал военному министру: „В чем дело? О каких операциях идет речь? Намерены ли мы повторить операции в Шампани, на Вевре, в Эпарже, в Сушэ? Генерал Жоффри в своем длинном письме о Дарданеллах сам заявляет, что убыль наших войск превосходит все предположения. Я официально требую не предпринимать никакого нового наступ-

ления, не ознакомив меня со всеми условиями и размерами этого наступления и не дав мне возможности проверить, не является ли преждевременное выступление опасным разбазариванием наших сил, раз война продлится до будущего года. Когда я получу информацию, мы вместе с тобою обсудим положение и, если понадобится, представим вопрос на разрешение правительства. Я требую, чтобы впредь не предпринимали ничего окончательного и непоправимого. Это не только вопрос военного порядка, это также вопрос дипломатический и общенациональный“.

Самба заявил мне, что считает кабинет „морально свергнутым“ по вине Мильерана. Он желает, чтобы, в случае министерского кризиса, Гэд и он могли получить свободу и бороться против тенденций в социалистической партии, неблагоприятных продолжению войны. Что касается Альбера Тома, то партия разрешит ему остаться в преобразованном кабинете.

Бывший военный министр Этьенн сообщил мне конфиденциально, что виделся на-днях с Жоффром и нашел его в угнетенном состоянии: Жоффр боится, что утратил доверие правительства. Этьенн приехал ко мне из палаты депутатов и рассказывает, что Дешавель выступил с несколькими риторическим восхвалением палаты и таким образом добился весьма значительного успеха. Вивиани взошел на трибуну больной, измученный; еле двигаясь, он чуть слышно, глухим голосом прочитал мое злосчастное послание, которому аплодировали только приличия ради.

Пятница, 6 августа.

Из итальянской главной квартиры приехали майор Револь и мобилизованный в чине лейтенанта сенатор Морис Сарро. Они говорят, что итальянская армия превосходна, но тоже стоит перед лицом кризиса вследствие недостатка снаряжения. Сарро утверждает, что уход Мильерана и особенно снятие Жоффра произведут в Италии крайне нежелательное впечатление.

Суббота, 7 августа.

Вивиани еще болен или переутомлен и не присутствует на заседаниях совета министров. Делькассе зачитал новую телеграмму, отправленную им в Бухарест; он просит Братиано рассеять опасения Болгарии и как можно скорее приступить к переговорам относительно исправления границы Добруджи (из Парижа в Бухарест, № 256). С другой стороны, известие, что четыре союзные державы потребуют от греческого правительства уступки Болгарии Каваллы, вызвало сильное возбуждение и даже волнения в Афинах, Салониках и Сересе (Салоника, № 103).

Русские войска покинули Варшаву, и немцы вступили в город (Петроград, № 964).

Клемансо выступает в „L'Homme enchaîné“ с обвинительным актом против военного управления, против Мильерана, „вождя шайки карьеристов“, против „его соучастника“ Вивиани и против меня, который „после Шарлеруа“ не „выступил с решительными мерами, не повернул как следует руль“. Другими словами, перед битвой на

Марне следовало созвать парламент для вящей уверенности в победе. Кроме того Клемансо, который впрочем одного мнения со мной относительно необходимости выдержки и настойчивости, называет мое послание дешевой агитацией вроде „угощения на сельскохозяйственном конкурсе“. Я нахожу в „Заре“, не у Клемансо, а у Ницше¹, под заглавием „Похвала и порицание“ следующие утешительные строки: „В случае неудачи всегда ищут виновного, так как неуспех вызывает недовольство, против которого невольно прибегают к единственному средству — к новому возбуждению чувства власти, причем это возбуждение сводится к осуждению „виновного“. У Клемансо слишком возбуждена воля к власти, он желает „доказать себе, безразлично чем, что он сильный человек“.

Депутат от департамента Нижней Шаранты Альбер Фавр и депутат от департамента Сены и Уазы Франклин Буйон снова говорили мне о Милберане, на этот раз в более энергичных выражениях, чем когда-либо. Они считают его ответственным за все; они уверяют, что решили свалить его, если я сам не заставлю его подать в отставку. Я ответил им, что парламент волен свергать министров, но что я отказываюсь брать на себя функции парламента и не возьму на себя ответственность за министерский кризис.

Воскресенье, 8 августа.

Вчера вечером выехал из Парижа в сопровождении Пьера Лоти. Надеюсь, он найдет в Вогезах и Эльзасе богатую коллекцию типов и даст нам в результате этой поездки несколько таких страниц, какие только он один умеет писать.

К восьми часам утра мы прибыли в живописный городок Жерармер, где меня ожидал генерал де Мод Гюи, командующий VII армией. Мы сели в автомобиль. Лоти поместил подле себя свой таинственный саквояж, в котором лежат, как он выразился, его „фетиши“ и, если не ошибаюсь, его туалетные принадлежности, что важнее.

Сперва мы отправились в Валтэн, где находится командный пост подполковника Мессими. Я нашел там также полковника Бриссо-Демалье; он командует 3-й стрелковой бригадой и, по словам Мод Гюи, проявил изумительное самообладание в деле под Ленж. Мессими еще не встает с постели, но его рана на бедре заживает, и он, несмотря на свое состояние, находится в веселом настроении. Он повторил мне теперь устно то, о чем уже писал мне. Дело под Ленж, говорит он, было провалено офицерами связи из главной квартиры, которые не желали считаться с мнением исполнителей. Позиции, занимаемые нами у вершины горы, невозможно удерживать ввиду обстрела неприятельской артиллерией; необходимо либо двинуться вперед, либо отступить, а для того чтобы двинуться вперед, нам нужна дивизия свежих войск. Полковник Бриссо-Демалье, которого Мессими просил явиться, подтверждает мне взгляд бывшего министра; этот старый вояка в разговоре со мною вдруг разрыдался. „Ах, — говорил он сквозь душившие его слезы, — когда подумаешь,

¹ „Aurore“ — газета, которую Клемансо издавал в конце XIX в., — значит „Заря“. Ницше написал „Morgenröthe“ („Заря“). — *Приж. перев.*

что наших стрелков заставляют погибать впустую, а между тем они такие прекрасные солдаты!" Его волнение передалось мне, и я обещал снова указать генералу Жоффру на недостатки метода, на которые жалуются многочисленные исполнители.

Уехал я из Вальтена с генералом Пудрагеном, командиром 47-й дивизии; его информация подтверждает слышанное мною в Вальтене. Я знаю, что 3 августа Жоффром были отправлены директивы офицерам связи главной квартиры, призывающие их в большей мере считаться с положением на фронте и производить свои наблюдения вплоть до передовых позиций. Но очевидно контакт между главной квартирой и фронтом еще недостаточен.

По красивой долине Мозлотты мы спустились до Корненкура, затем поднялись к горному проходу Брамон среди изумительных сосен и душистых трав. Перейдя Вогезы, мы очутились в Эльзасе. Дорога вьется зигзагами вдоль верховьев Туры до деревушки Крют. Там мы сделали привал, чтобы осмотреть расположение некоторых частей. К нам бегом устремились солдаты, а также детвора, мальчики и девочки, которые преподнесли нам цветы. Но Лоти, который никогда не был в Эльзасе и даже в Вогезах, удивляется, что эти школьники говорят на немецком диалекте. В самом деле, они гораздо хуже знают французский язык, чем школьники в нижней долине Туры.

В Крют мы сменили наши закрытые автомобили на открытые, более легкие, чтобы легче можно было взобраться по склонам Грибокф. Мы едем по новой дороге, недавно проложенной офицерами инженерных войск. Она медленно ползет вверх среди сосен и буков. Так мы доехали до Миттлаха. Эта деревня делится на две части потоком, который затем впадает в реку Фехт, выше Метдерала. Когда мы вынуждены были уйти из Мюнстера, немцы продвинулись вперед не только до Мюльбаха и Метдерала, но и до Миттлаха и оставались там до 26 апреля. В этот день они чуть было не захвачены врасплох нашими войсками и убежали. В церкви устроена школа для девочек. Мы входим. Там находятся около шестидесяти девочек. Только две из них знают несколько слов по-французски. Две девочки просят меня, одна на ломаном французском языке, другая — по-немецки, чтобы я вернул их отцов, которые были эвакуированы и интернированы, — эти приемы, на которые Баррес вполне правильно обратил общественное внимание, не изжиты еще полностью. Я записал имена и сделаю необходимые распоряжения. Дюжина девочек, одетых по-эльзасски, подносят мне букеты. Класс мальчиков открыт только около десяти дней назад. Я остановился там на несколько минут, затем мэр, который говорит по-французски, провёл меня в помещение мэрии. Здесь я прочел на стене бесхитростную надпись: „Коммуна Миттлах снова стала французской 26 апреля 1915 г.“. Рядом мой портрет, убранный трехцветным флагом. Население, собравшееся впрочем в небольшом числе, встречает меня с любопытством и симпатией, но гораздо сдержаннее, чем население нижней долины Туры. Конечно в головах этих людей бродит мысль, не опровергнут ли факты завтрашнего дня то, о чем говорится в сегодняшней записи на стене мэрии.

Завтракаем с генералом Пуидрагеном на командном посту подполковника Брусса, командующего группой стрелков 66-й дивизии. Мы находимся здесь в секторе генерала Серре, нашего бывшего военного атташе в Берлине, а ныне командующего этой дивизией. Он приехал на минуту в Крют повидаться с нами, но должен был сейчас же уехать в Сент-Амарен, где состоится большое торжество по случаю раздачи наград. Вместо него с нами остался генерал Пуидраген. Командный пост подполковника Брусса помещается в церковном доме; миттлахский священник, немец из Германии, поспешил убраться оттуда. Поваром у подполковника служит главный повар английского короля, француз, мобилизованный в армию, и блюда подавались нам отменные. Мы никак не ожидали такого обильного стола в небольшой эльзасской деревушке, в которую продовольствие с трудом доставляется по горным дорогам.

После завтрака посетили амбуланс, военное кладбище, пулеметную роту и затем отправились приветствовать созванный мэром коммунальный совет. Только два члена его знают по-французски — это ветераны 1870 г. Затем мы поднялись с южной стороны Миттлаха к лагерю стрелков и к наблюдательному пункту в Брайтфирст; оттуда мы увидели окопы в Ленж и Барренкопф и очень далеко, на горизонте, — Оберланд и Альпы. День выдался спокойный. Вчера вечером мы отразили сильную контратаку немцев, и сегодня обе стороны, повидимому, дали себе передышку. Лоти не прельстила мысль подняться на наблюдательный пункт; он ушел помечтать на склоне горы, в лесной прохладе.

Вернулись прямой дорогой в Крют, где нас ожидали солдаты и жители. На этот раз население оказало нам очень горячий прием. Наши автомобили уехали наполненные цветами. При чудесной погоде мы поднялись на Вентронский перевал, а оттуда едем в Тильо, Рамоншан и Летрэй, куда мой друг Морис Бернар пригласил меня в свою тихую виллу. Мы провели здесь среди друзей вечер на фоне прекрасного вогезского ландшафта, вечер, который при других обстоятельствах должен был бы доставить самое тонкое наслаждение.

Понедельник, 9 августа.

Проснувшись утром, увидел перед собой зрелище удивительной и безмятежной природы. Она, можно сказать, возмущает своим бесстрашием... Долго беседовал с Морисом. Затем отправились через Бюссанское ущелье в Урбес и Вессерлинг. Генерал Серре ожидал нас в конце красивой аллеи, ведущей к замку и Заводу. С обеих сторон за шпалерами войск сгрудились восторженные обитатели. Меня встречают уже как старого знакомого, более неуклонно, чем несколько месяцев назад. Дома, деревья, все украшено флагами. Отовсюду слышны только крики „Да здравствует Франция!“ В сопровождении генерала Серре мы отправляемся в Сент-Амарен, где нам вновь оказан еще более горячий прием. Мне навстречу устремляются женщины, подносят мне целые охапки цветов. Вхожу в мэрию. Мэр произносит приветственную речь. Я с грехом пополам отвечаю: меня душат слезы. За стенами школы мальчики и девочки стоя

поют „Марсельезу“. Я узнал большую часть из них. Благодарю их, поздравляю их, ободряю их; не знаю толком, что сказать им.

Тот же прием в Моосге. На левом, гористом берегу Туры лежит обширное военное кладбище, устроенное в виде террас. Над кладбищем развевается огромное трехцветное знамя. Местные жительницы поддерживают кладбище в образцовом порядке. Здесь погребен среди своих собратьев по оружию писатель Поль Аккер.

Проехав Виллер и Бишвиллер, мы спускаемся прямой дорогой до Танна, где я не был с начала войны. Мой приезд не был возведен населению. Когда мы приехали, город казался вымершим. Мы проезжаем по пустынным улицам. Многие дома разрушены или повреждены. Со времени Тридцатилетней войны Танн не подвергался подобному опустошению. Что касается Старого Танна, лежащего внизу, у входа в большую Эльзасскую равнину, то он представляет собой одни развалины. Не узнавшие никем, мы спокойно направляемся пешком к кладбищу. Сторож показывает нам могилы Макса Барту, молодого Бенака и двух их товарищей — все они были скошены несколько месяцев назад немецкой гранатой¹. Мы и искали именно эти могилы. Они надиво убраны цветами. В молчании мы склоняем головы перед этими могилами юношей, подававших столько надежд, и преисполненные грустных дум возвращаемся в город св. Теобальда. В городе царит чрезвычайное воодушевление. Словно по мановению волшебного жезла, он проснулся от сна. Как только распространилось известие о нашем приезде, окна моментально украсились флагами, и жители вышли на улицу; город совершенно преобразился. Старая церковь, построенная в 1430—1516 гг., одна из самых красивых церквей Верхнего Эльзаса, к счастью, мало пострадала. Расписанные окна были заблаговременно сняты и отвезены в надежное место; их заменяют теперь доски, и внутри церкви темно, как в подzemелье. Я посетил больницу, которая частично была эвакуирована вследствие повторных бомбардировок. Однако я застал здесь сестру-начальницу, которой я недавно в Мазво вручил орден; она вернулась сюда, несмотря на канонаду, к своим повседневным обязанностям.

Среди восторженных приветствий населения мы возвращаемся через Бишвиллер и Виллер. Здесь мы нашли наши легковые машины, которые повезли нас по новому военному шоссе к великолепному наблюдательному пункту, расположенному против Гартманнсвайлеркопфа, этой залитой кровью горы, которой наши солдаты дали прозвище Старый Арман. Мы видим перед собой эту гору, совершенно лысую и порыжевшую, с извилистыми линиями французских и немецких окопов. Мы слышим свист пуль, и нам советуют не поднимать голову над кустарником. Путь к наблюдательному пункту ведет, впрочем, через подземный ход. Пьер Лоти не последовал за нами. Он остался ниже, у стоянки наших солдат, там, где среди деревьев бьет родник. Вспомнив свой Стамбул, он совершает омовения.

Однако он садится с нами в автомобиль, и мы отправляемся в путь. Мы то пересекаем зигзагами густую чащу буков и ясеней, то

¹ См. „L'Invasion“, p. 508 et 509.

погружаемся под сень громадных колоннад из сосен, елей и пиний. Сделали привал в живописном Томансплатце, где под листвою деревьев построен бревенчатый барак и кресты указывают могилы. Для нас приготовлен был весьма приличный завтрак. Солдаты смастерили красивые „карточки“ с меню на сосновых дощечках с рамкой из коры. Во время завтрака оркестр стрелков исполнял „Сиди Брагим“ и несколько других вещей. Он приготовил нам также следующий сюрприз: мы неоднократно слышали в глубине леса звуки рога, и при виде этих молодых людей, идущих на бой, нам казалось, что мы воистину слышим

...de ces bruits prophétiques
Qui précédaient la mort des paladins antiques

(те пророческие звуки, которые возвещали смерть древних паладинов).

Но эхо уносится ветром, и в этом восхитительном Эльзасе, который как будто снова принадлежит нам, я на мгновение забываю ужасы войны и неизвестность грядущего дня. Пьер Лоти слушает, глядит, наблюдает и молчит. Ах, да удастся ему написать завтра бессмертные страницы о героях, которые между двумя сражениями наполнили очарованием наше пребывание здесь!

Возвращаемся в Виллер. Новые манифестации населения. Затем по новой дороге, которая прячется за холмами и впоследствии может стать прекрасной дорогой для туристов, мы спускаемся в Мазво. Здесь тоже жители не были извещены о нашем приезде. Но о нем скоро узнали. Пока я шел в мэрию, все улицы запестрели флагами. Драгунский полковник приказал своему полку сестр на коней и устроил импровизированный смотр на площади. Священник повел нас в церковь слушать орган, который пользуется заслуженной славой. Отсюда я отправился в школы, где дети начинают уже весьма прилично, говорить по-французски. Наши автомобили еще раз покрыл цветочный дождь. Наставницы девочек, сестры де Рибовилье, произносят приветствия в честь Франции.

Через Сантгейм и Лашапелль я возвращаюсь в Бельфор и сажусь здесь в поезд, уходящий в Париж.

Вторник, 10 августа.

По приезде в Елисейский дворец я переслал Луи Барту письмо со сведениями для него и для мадам Барту о дорогой для них могиле. Он горячо благодарил меня и прибавил: „Утешение в нашей скорби узнать, и узнать через тебя, каким уходом окружена там далеко могила моего бедного сына благодаря любви и вниманию наших солдат и французов Эльзаса“.

И вот, сейчас же по моем возвращении в Париж, снова неприятности и волнения. Социалистическая фракция приняла резолюцию, приглашающую правительство заменить Мильерана „министром, более энергичным и более склонным поддерживать волю парламента перед военным командованием“. В этих последних словах вся соль;

такая установка чревата опасностями, так как может непосредственно повести к кризису в высшем командовании.

Вивиани снова в замешательстве. Он находит, что социалистическая фракция открыто высказывает то, что думают многие другие депутаты. Он склонен отказаться от Мильерана. Я отвечаю ему, что, если палата считает возможным взять на себя ответственность за министерский кризис, она имеет возможность сделать это, не выходя из неприятного состояния нашего снаряжения. Для этого ей надо ограничиться подчеркиванием волокиты в прошлом и на этом основании отказаться в доверии военному министру; итак, она совершенно свободна в своих действиях, и не дело председателя совета, ни тем более президента республики, брать на себя инициативу, которая принадлежит парламенту. Уступи Вивиани сегодня, у него завтра потребуют чего-нибудь другого.

Палеолог обратился к новому военному министру генералу Поливанову со следующим запросом: „Как вы считаете, когда русские армии смогут снова начать двигаться вперед?“ Генерал ответил: „К концу декабря“ (Петроград, № 970). Другими словами, в будущем году [8].

Англичане высадили, как они извещали, три новые дивизии в бухте Сувла и начали продвижение в большом масштабе по направлению к Богали и Майдос вокруг Сарибайра (генерал Байу военному министру, № 920 M. и 924 N).

Баррер беседовал с Соннино относительно разъяснений, которые Пашич затребовал по поводу сообщения союзников. Итальянский министр признает необходимым дать правительству в Нише известную информацию о тех выгодах, которые будут предоставлены Сербии взамен требуемых от нее жертв. Он не возражает против того, чтобы Сербия кроме Боснии и Герцеговины получила Спалато и Рагузу. Но он не намерен связать себя в вопросе о Кроации (Рим, № 618 и 626). С своей стороны, Пашич считает, что не может дать ответ союзникам, не посоветовавшись с рядом влиятельных депутатов, отсутствующих теперь в Нише; он созывает скупщину на 3(17) сего месяца (Ниш, № 571).

Плохие известия из Туниса. Наш генеральный резидент телеграфирует, что, по его сведениям, в ближайшую пятницу, на другой день после праздника рамадана, туземные войска под предводительством турецких офицеров произведут нападения на Джибат (Тунис, № 191; Алжир, № 596). Оповсюду только опасности и неуверенность в завтрашнем дне.

Среда, 11 августа.

Имел продолжительную беседу с Будано, который сообщил мне последние доклады, сделанные в военной комиссии сената. По словам Будано, отношения между комиссией и Мильераном несколько улучшились. Однако, когда военный министр выступал с объяснениями по поводу декрета 5 августа — этот декрет преследует цель, о которой я уже упоминал выше, а именно замену крепостей укрепленными районами, — он натолкнулся на энергичное сопротивление со стороны Думера и Жаннаней. Первый, кажется, заупря-

мился на том, что крепости должны защищаться под прикрытием своих стен, а второй утверждает, что декрет является незаконным, так как государственный совет нашел возможным обойтись без обнародования его.

В действительности декрет изменяет положения крепостного устава, и во исполнение этих новых мероприятий главнокомандующий решил, что будут образованы укрепленные районы вокруг Вердена, Бельфора и Дюнкирхена. В укрепленный район Вердена войдут 2-й армейский корпус, 67, 72 и 132-я пехотные дивизии и сама крепость Верден. Этот район отнимет у командующего генерала восточную армейскую группу и будет обслуживаться через D. E. S. I армии. Генерал Герр, командующий верденским укрепленным округом, будет в то же время комендантом крепости. Он будет иметь ранг корпусного командира и будет обладать в своей зоне полномочиями командующего отделением армии.

Я принял национальный союз железнодорожников, который подписался уже на сумму более трех миллионов в пользу жертв войны. Я похвалил этих добрых патриотов за то, что они ежедневно делают на пользу национальной обороны, особенно на железнодорожных путях в зоне военных действий.

Четверг, 12 августа.

„Я не могу больше“, — говорит мне председатель совета министров. Он рассказывает мне, что к нему явилась делегация фракции радикал-социалистов в составе Рену, Нуланса, Сельса и Франклена Буйона и требовала удаления Мильерана. При этом они не скрывали от Вивиани, что им было бы приятно добиться также отставки Оганьера и Делькассе. „Итак, — говорю я Вивиани, — от вас требуют теперь удаления нескольких министров. Если вы проявите уступчивость, то не будет отбоя от новых требований. Поэтому отклоняйте все эти требования. Повторяю, трибуна парламента открыта. Пусть те, кто желает смены министров, проводят это нормальным образом — через палату“.

Полковник Фурнье, наш военный атташе в Сербии и Черногории, прикомандированный к сербскому генеральному штабу, и полковник Мокор, наш бывший военный атташе в Константинополе, всесторонне изучили вопрос об экспедиции на Балканы. Они отнюдь не считают ее невозможной и даже подчеркивают выгоды ее. Но они находят, что пути сообщения между Салониками и Россией по территории Сербии и Румынии нуждаются в ремонте. 4 августа Жоффри сам писал в этом смысле Мильерану. Он предлагает произвести обследование на месте и послать с этой целью трех офицеров, хорошо знающих железные дороги на востоке; он называет их по именам. Сегодня совет министров принял постановление отправить на Балканы этих трех офицеров и дать им в придачу нескольких саперов; но работы на греческой территории должны производиться только по соглашению с греческим правительством.

Пятница, 13 августа.

Марген, депутат от Марны, в котором силен дух противоречия, рассказал мне, что он ездил в Швейцарию повидаться с друзьями

и продвигать их и говорил им о предстоящем у нас министерском кризисе. Они заметили, что этот кризис произведет весьма дурное впечатление на сторонников Франции. „Но я, — говорит он, — доказал им необходимость перемен в составе кабинета и в конце концов убедил их“. — „Да, вам быть может удалось убедить двух-трех своих собеседников, но как с другими!“

По словам Маргена, один из его друзей, поручик в Буа-ле-Претр, писал ему, что во время моего посещения окопов (tranchées du quart en réserve) солдаты кричали при моем проходе „Да здравствует мир!“ Это чистейшая ложь, и я энергично опроверг эту выдумку, но Марген находится в таком состоянии духа, что я еще в силах был убедить его. Он говорит, что уход одного Мильерана уже недостаточен, что Вивiani тоже не может оставаться далее на своем посту.

Во второй половине дня я поехал в малый Люксембургский дворец, чтобы вознаградить себя разговором с Антонином Дюбо. Он большой противник министерского кризиса и считает, что если бы наступил этот кризис, то необходимо свести его к минимальным размерам.

Ко мне явилась делегация от трех комиссий палаты депутатов: военной, морской и по иностранным делам. В состав делегации входили генерал Педойя, Пенлеве, Жорж Лейг, Альбен Розе, Франклен Буйон, Виктор Боре, Беназе и др. Они беседовали со мной о положении в Дарданеллах. Все три комиссии единодушно считают необходимым немедленно отправить экспедицию в Дарданеллы, притом в более значительном размере. Я принял к сведению их заявление, но заметил, что не могу ни высказать свое мнение помимо министров, ни вступить в дискуссию с членами парламента. Затем разговор перешел на тему о Болгарии. У моих собеседников создалось впечатление, что мы не действовали в Софии достаточно энергично. Я осторожно указал им на те трудности, на которые мы натолкнулись не только в Софии, но также в Греции и Сербии.

Известия из-за границы продолжают быть невеселыми. Италия как будто собирается объявить в ближайшем будущем войну Турции, но вопреки лондонской конвенции все еще не объявляет войны Германии (Рим, № 641 и 642). Греция энергично протестует против мысли об уступке Болгарии Кавалы (Афины, № 335). Палеолог сообщает нам, что общественное мнение в России очень подавлено постоянными отступлениями русских армий и с нетерпением ожидает, что мы выйдем из своей неподвижности и перейдем в наступление (Петроград, № 988). Сазонов упорно сочиняет разные проекты, чтобы удовлетворить сразу и Румынию, и Сербию, и Болгарию, и Грецию, но попрежнему питает особую слабость к Болгарии (Петроград, № 990 и 991; София, № 378) [9].

Законопроект Дальбье — он ставит себе целью „обеспечить правильное распределение и лучшее использование мобилизованных и подлежащих мобилизации“ — вернулся в палату депутатов из сената, изменившего в нем несколько пунктов. По этому поводу, а также по случаю затребования кредитов для товарищей военного министра сегодня произнесено было в палате несколько несдержанных, неуместных речей, которые заставили сцепиться между собой различные

партии в палате. В Бурбонском дворце имеется глухое недовольство, которое повидимому все растет.

Суббота, 14 августа.

Сегодняшнее заседание совета министров было всецело посвящено обсуждению выступлений фракций социалистов и радикал-социалистов и создаваемой ими ситуации. Вивiani докладывает, что делегаты требуют от правительства замены Мильерана. „В каждой фракции, — говорит он, — соответствующие резолюции были приняты единогласно всеми присутствующими. Я ставлю вопрос на усмотрение правительства“, — закончил он, не высказываясь сам за то или другое.

Оганьер в энергичной речи заявляет, что считает недопустимым, чтобы правительство подчинилось постановлением фракций. На правительство желают возложить ответственность, которую должен нести парламент.

Думерг энергично призывает кабинет блюсти свою спаянность. Весь кабинет в полном составе должен предстать перед парламентом, причем каждый министр должен взять на себя обязательство не вступать в другое министерство, если палата вынесет вотум недоверия.

Старый парламентарий Рибо тоже считает недопустимым, чтобы кабинет подал в отставку по инициативе двух фракций палаты депутатов. Он категорически высказывается за обсуждение вопроса в открытом заседании.

Я подчеркнул, что я с самого начала советовал председателю министров держать того положения, которое защищали предыдущие ораторы. Вивiani подтверждает это и в конце концов как будто приходит к тому же решению.

Но дискуссия затягивается и осложняется. Мильеран, который все время хранил молчание, берет теперь слово и выступает с необычайным жаром. Он утверждает, что ведущаяся против него кампания вдохновляется нацифистами. Ссылается на жалобу, с которой Беназе обратился к Бриану. Дает понять, что если хотят принести в жертву его, Мильерана, то потому, что он представляет идею войны до победного конца. В заключение он заявляет: „Итак, в интересах страны мы должны предстать в полном составе перед парламентом. Но если мы примем это решение, мы должны лояльно соблюдать его. Нет смысла принимать его, если завтра члены кабинета опять станут критиковать меня во фракциях и кулуарах. Солидарность кабинета должна быть полной, тесной, постоянной“. Вивiani дружески замечает Мильерану, что он, пожалуй, был не прав, слишком замыкаясь от своих товарищей по кабинету и оставаясь замкнутым во время совместных совещаний. Я дружески поддерживаю это замечание. Кабинет недостаточно информирован. Не все министры в точности осведомлены о работах парламентских комиссий. Правда, все они от Вивiani и от меня знают, что военная комиссия сената выступила с настоящими обвинительными актами против военного управления. Но по-настоящему вопросы о ходе производства на оборону, о мерах, принятых для ускорения его, о совершен-

ных и частично исправленных ошибках — все это должно было бы быть в свое время предметом обсуждения в совете министров. Я не раз требовал этого, но безуспешно. У меня самого имеется только та информация, которая была затребована мною в письменном виде. Итак, первый нарушил дух солидарности военный министр. Награждение генерала Баке было одним из самых досадных примеров этого сознательного самоизолирования. С своей стороны, продолжая, министры должны были бы либо объявить в совете министров, что они не желают более терпеть такое положение, и уйти, если бы им не удалось добиться перемены, или же, раз они остались в министерстве, им не следовало распространять вне кабинета нарекания на одного из своих товарищей. Я сослался при этом на тот факт, что социалист-диссидент Бризон, депутат безусловно пораженческого направления, мог третьего дня выступить в палате с сообщениями о том, что произошло в Елисейском дворце между министрами, Мильераном и Жоффром. Самба кистосердечно признал, что это он жаловался в своей фракции на позицию Мильерана. Это „открытие“ не взволновало умы, а, напротив, успокоило их. Нарыв вскрылся и пошел на убыль. В результате было единогласно принято решение, что фракциям будет дан ответ: „Кабинет предстанет в полном составе перед палатой“.

Однако Самба немедленно выступил с возражением: „Как! Перед палатой? В открытом заседании? Но тогда скажут, что мы хотим избежать дискуссии, что мы затыкаем рот палате!“ Совет министров выносит постановление, что палате можно будет дать возможность заслушать в закрытом заседании документы и доклады. Но Мильеран заявляет, что, если состоится закрытое заседание палаты, он не примет в нем участия. Он согласен лишь дать объяснение перед военной и бюджетной комиссиями в присутствии специально приглашенных депутатов. „Но какая разница, — заметил я, — между обеими этими процедурами? Обе они сводятся к одному и тому же и представляют одинаковые неудобства!“ — „Нет, — ответил Мильеран, — если состоится закрытое заседание палаты, то открытое заседание последует немедленно вслед за ним, и дискуссия будет продолжаться непрерывно сначала в закрытом, затем в открытом заседании; в таком случае это последнее будет происходить под свежим впечатлением бурных прений в закрытом заседании, на котором, надо думать, разгорятся страсти. Другое дело, если закрытое заседание состоится в комиссии, хотя бы последняя была расширена в такой мере, что охватила бы всех членов палаты; в этом случае между обоими заседаниями обязательно должен пройти известный промежуток времени, пока будет объявлено заседание палаты и произойдет смена президиума. Поэтому открытое заседание сможет протекать в более целесообразной обстановке“. Этот аргумент подействовал на совет министров, последний присоединился к мнению военного министра и стал спокойно выжидать поединка, на который решил пойти.

Во второй половине дня я должен был вместе с Вивиани и Мильераном отправиться в главную квартиру в Шантильи. Военный министр явился в Елисейский дворец первым. Лучше кого-либо зная

его достоинства, его трудолюбие, настойчивость и неутомимую энергию, я по-дружески стал упрекать его в молчаливости, недоверчивости и замкнутости. Я умолял его изменить свое поведение. „Этот ни к чему не поведет“, — заметил Мильеран. — „Почему? Что ты хочешь сказать этим?“ — „Я смогу объясниться в конце войны“. — „Как это понимать? Вот уже тридцать пять лет, как мы знаем друг друга; при таких обстоятельствах так и напрашивается тесное и дружеское сотрудничество, а между тем ты упорно уходишь в себя“. Он закурил губы и хранил молчание; с нахмуренными бровями, с мрачным, сосредоточенным видом он оставался непроницаемым, и тщетно ловил его взгляд. Я ожидал вспышки откровенности, но обманулся в своих ожиданиях. Быть может вина лежит на мне: я не умел вызвать его на откровенность. Да, таков удел старой дружбы, увы, не раз омрачавшейся политикой!

Затем пришел Вивиани. Он сообщил нам, что у него снова были Франклен Буйон, Сельс, Нуланс, Пейтраль-сын и Андре Гесс. Он им сказал, что правительство твердо решилось предстать в полном составе перед парламентом, но что оно охотно объяснится перед всеми депутатами в комиссии. Тогда они высказались в том смысле, что после этого закрытого заседания необходимо будет выйти на открытом заседании резолюцию и принять ее без прений. Это последнее условие прямо противоположно тому, что было решено сегодня в совете министров, а именно намерению Мильерана еще раз выступить на открытом заседании. Мильеран категорически подчеркнул это Вивиани, и я подтвердил, что дело было именно так, как это представляет Мильеран. Вивиани, который не отклонил формально предложение своих посетителей, не скрывает своего замешательства. Я предложил ему держаться решений, принятых советом министров, и он обещал поступить так.

Мы отправились в Шантильи. Нашли Жоффра несколько утомленным и озабоченным беседами, которые он имел с Морисом Сарро и — по телефону — с генералом Мод Гюи. Он боится, что не пользуется более ни моим доверием, ни доверием правительства. Говорит мне, что Морис Сарро сообщил ему о кампании, которая ведется против главнокомандующего и в которой участвуют офицеры. Я успокоил Жоффра и сказал ему, что Морис Сарро, вернувшись из Италии, подчеркивал мне, как Жоффр популярен в этой стране и какое нежелательное впечатление произвел бы там его уход. Я тогда сказал Сарро: „Вы правы, но так как Жоффр принадлежит к вашим друзьям, то вам не мешало бы во время своего пребывания во Франции воздействовать на своих товарищей в парламенте и указать им на опасность нападок на высшее командование, колеблющих его авторитет“. Я прибавил теперь, что, к несчастью, очень многие офицеры обращаются к политическим деятелям с письмами, полными жалоб и критики. „Мой разговор с Сарро, — сказал я Жоффру, — не только не должен вас беспокоить, напротив, вы можете усмотреть в нем свидетельство моего доверия к вам и моей готовности вас защищать“.

S3000.

Что касается разговора с Мод Гюи, то вероятно генерал позвонил Жоффру после моего посещения полковника Бриссо-Демалье и Мес-

сими. Все трое, как читатель помнит, говорили мне, что в Ленж бесполезно принесены были в жертву человеческие жизни. Повидимому, Мод Гюи, уведомляя главную квартиру о моем посещении, приписал мне тот взгляд, который был высказан передо мною другими, и сделал это с той целью, чтобы этот взгляд встретил лучший прием в ставке. Очевидно нападки парламента сделали Жоффра несколько обидчивым, и он спросил меня, отношусь ли я к ним с порицанием. Я еще раз умолял его не слишком полагаться на офицеров главной квартиры и информироваться главным образом у офицеров-фронтовиков согласно его последним директивам.

Мы спросили Жоффра о его стратегических и тактических планах. Он снова решительно подготавливает — на 10 или 15 сентября — большую наступательную операцию в Шампани. Она состоится на протяжении тридцати километров в направлении Суэн и Массиж и будет длиться не более четырех-пяти дней. Если неприятель не будет застигнут врасплох и мы не будем иметь с самого начала решительного успеха, операция будет прекращена. Я передал Жоффру те возражения, которые ряд генералов, командующих армиями, высказывали мне против местных наступлений. „Но мы должны выступить из-за русских; это наш долг союзника“. — „Нет, нет, — заметил я, — вопросы, касающиеся союза, это вопросы правительственного, а не военного характера. Исходите исключительно из стратегических соображений. Все остальное касается министров и меня“ [10]. — „Хорошо, — продолжал Жоффр, — с военной точки зрения я не могу ограничиваться одной обороной. Наши войска утратили бы мало-помалу свои физические и моральные достоинства. Я не утверждаю, что всякое наступление должно непременно удался, но при хорошей подготовке оно имеет шансы на успех. У меня будет девятьсот тяжелых орудий на фронте в тридцать километров. У меня будет достаточно снаряжения не только для интенсивной работы артиллерии в течение самой операции, но также для образования резерва, который отразит немцев, если они получают подкрепления и будут пытаться прорвать наш фронт. Впрочем, могу вас уверить, что они не прорвут его“.

Затем мы перешли к вопросу о Дарданеллах. Жоффр не желает отдавать четыре дивизии, пока не закончится его наступление. По всей видимости, он в душе надеется добиться решительного успеха на западном фронте, что было бы реваншем за Аррас; с этой целью он намерен сохранить все свои войска до этого момента. У него даже вырвались слова: „И какой прок от этих Дарданелл? Разве лишь, что устроят экспедицию в пользу мятежного генерала!“ [11]. И рассыпается в жалобах на Саррайля. „Оставим личность Саррайля в стороне, — говорю я. — Расширить состав дарданельской экспедиции сочли нужным не он, а генералы Гуро и Байу; этого требует комиссия палаты, правительство тоже за это по дипломатическим и военным соображениям; единственно, что мы спрашиваем у главнокомандующего армиями на северо-восточном фронте, — это, находит ли он целесообразным дать нам для Дарданелл два армейских корпуса или нет“. — „Я могу обещать их вам на сентябрь, не раньше“, — был окончательный ответ Жоффра.

Ясно было, что, если мы будем настаивать, он подаст в отставку. Вивиани и я пытались убедить его, но тщетно. Он мягко, но упорно стоял на своем. Такое же упорство он проявил в прошлом году в трагические дни Шарлеруа; оно же в конце концов позволило ему одержать чудесную победу на Марне.

Возвратившись в Елисейский дворец, я принял Шарля Эмбера. Он с добродушным видом приносит мне извинения за свои последние письма ко мне. Сообщает мне, что подписал контракт с новыми владельцами „Journal“. Однако на копии, которую он мне показал, нет имен кроме имени одного старого адвоката Дезуш, и я не считал нужным вызывать его на дальнейшую откровенность. Впрочем Шарль Эмбер сказал мне, что он будет административным и политическим директором газеты, кроме того будет исполнять обязанности главного редактора и заведующего отделом объявлений. „Я буду также, — добавил он, — председателем административного совета, в него войдут еще два члена, один — Шарль, другой — Эмбер“. Он получает твердый оклад в 75 тысяч франков. Когда я разговариваю со своим старым коллегой по департаменту Маас, у меня всегда такое впечатление, что для него важнее всего возможность заявить потом, что он говорил со мной. Когда он ушел, я вспомнил слова Лабрюйера: „Когда человек заключает новые контракты и знает, что казна его растет, он мало-помалу начинает считать себя умной головой и чуть ли не способным управлять“.

Воскресенье, 15 августа.

Вивиани смущен указаниями генерального секретаря палаты Пьера и говорит, что устав палаты не допускает, чтоб все депутаты входили в состав комиссии. Впрочем, теперь фракции повидимому отказываются от прений. „Проявите энергию, — говорю я Вивиани, — и настаивайте сами на этих прениях. В противном случае вас обвинят в том, что вы отступили“. — „Не думаю. Перспектива кабинета Бриана — Комба — Барту — Кошена испугала радикалов, и они скоро успокоятся“. — „Все равно. Объясниться необходимо. Если вы не рассеете недоразумений, они каждый раз будут всплывать снова“.

Саррайль составил записку о военном положении на востоке; она помечена 11 августа и передана мне полковником Бюа, заведующим секретариатом у Мильберана. Саррайль предлагает альтернативно различные комбинации: высадку десанта в Адрамитте, операции в районах Чанака, Чардака или Бруссы, высадку в Смирне или Александретте и наконец интервенцию в Сербии после занятия Салоник. Кажется, он предпочитает эту последнюю операцию.

Кроме того Бюа вручил мне записку о Саррайле, составленную главной квартирой и помеченную 4 августа; она должна служить ответом на определенные, распространяемые в палате утверждения относительно операций III армии в сентябре 1914 г. Утверждают, что во время битвы на Марне Саррайлю удалось спасти Верден только потому, что он не послушался приказа об эвакуации крепости. Главнокомандующий заявляет, что такой приказ никогда не отдавался. Действительно, в записке приведены по порядку все директивы, данные за время от 25 августа по 25 сентября. Два

раза, 8 и 10 сентября, Саррайль уведомлял главную квартиру, что неприятель угрожает ему со стороны Мааса, и ему разрешили тогда свернуть свое правое крыло, чтобы не быть отрезанным от IV армии, но предоставили полную свободу. Во всяком случае за ним та заслуга, что он не использовал этой свободы и продержался.

По словам Пенелона, Жоффр был вполне удовлетворен нашим вчерашним свиданием. Главнокомандующий хотел бы теперь, чтобы под моим председательством состоялись регулярные заседания Высшего совета обороны в составе председателя совета министров, военного министра, морского министра и министра иностранных дел. Он напишет об этом Мильерану.

Понедельник, 16 августа.

Диверсионный маневр, на который англичане возлагали столько надежд на Дарданеллах, кончился неудачей. Первой дивизии, высадившейся 7 августа утром и усиленной в течение дня второй дивизией, не удалось продвинуться на север.

Представители Франции, Англии и России вручили Пашичу новое коммюнике из десяти пунктов, которое привело сербского премьера в большое волнение. „Мы не пойдем на это, — заявил он. — Союзники выкраивают части Сербии и делят ее, словно мы какие-то племена в Африке [12]. Этого хочет Италия. Она более полезный союзник, чем мы. Конечно к ее желаниям прислушиваются. Но мы ничего не требуем. Мы будем сражаться, если понадобится, до последней капли крови“ (Ниш, № 580 и след.).

Вторник, 17 августа.

Наш представитель при бельгийском правительстве Клобуковский пишет 16 августа Делькассе из Гавра: „Де Броквилль приехал на несколько дней в Гавр... Он находит весьма нежелательной и приискорбной ту критику, с которой публично выступают против главнокомандующего союзными армиями... Победитель на Марне не только любимый вождь французской армии, для которого воспоминания прошлого — гарантия новых побед; его невозмутимое хладнокровие, его твердость, не терпящая ни ошибок, ни слабости, вместе с тем его такт, сила его суждения и никогда не изменяющая ему любезность в обращении приобрели ему у союзников такой авторитет, которым не пользуется ни один из самых выдающихся генералов. Доверие к нему будет важным фактором в будущих успехах, и кто пыгается поколебать это доверие, тот берет на себя страшную ответственность. В то же время это значит невольно играть на-руку неприятелю, который уже давно учитывает ослабление волевого порыва французов. Г-н де Броквилль был очень взволнован, когда говорил мне это“.

Из Амстердама мы получили подобные же предостережения (от Лаббе, 16 августа, № 2): „Нападки парижской прессы на высшее командование и перепечатанные в амстердамских газетах отчеты о заседаниях палаты за два последние дня произвели здесь крайне приискорбное впечатление. Зрелище единения французской нации

вокруг ее правительства произвело глубокое впечатление на умы, но нынешние разногласия сильно уронили нас в глазах амстердамской публики. Политически мы совсем падем в ее глазах, если не покажем тесной сплоченности и единодушной решимости“.

Получил трогательный адрес от муниципалитета города Танн от 10 августа. Подписавшиеся благодарят меня за подарок, сделанный мною городу во время моего недавнего посещения, и пишут: „Население Танна с радостью и великой надеждой несет нынешние испытания; среди этих испытаний для него было ценной поддержкой посещение главы государства. Жители были счастливы выразить вам свои чувства, идущие из глубины души. Соболагодите усмотреть в них ту любовь и преданность, которые мы все испытываем к Франции и к личности президента республики“.

Совет министров принял решение, что Вивиани пока что поручит генералу Саррайлю изучить детально план форсирования Дардазелл, причем должны быть оставлены в стороне все прочие проекты: Смирна, Александретта, Салоники, на которые вскользь указывал Саррайль в своем докладе.

Среда, 18 августа.

Ренодель, социалистический депутат от департамента Вар, изложил мне мотивы, заставляющие его выступать против Мильерана. Они представляются мне большей частью направленными совершенно не по адресу: он критикует главным образом операции под Парижем и под Аррасом, к которым военный министр не имеет никакого отношения. По собственной инициативе Ренодель рассказал мне, что он недавно был в Швейцарии, встретился там с немецким социалистом Бернштейном и обсуждал с ним условия будущего мира. „Однако, — уверяет он, — это свидание нисколько не означает, что я не намерен продолжать войну до сокрушения германского милитаризма. Напротив, Бернштейн сам заявил мне, что победа нынешней Германии была бы поражением его идей“. Я пытался доказать Реноделю, что в нынешних условиях его беседы неудобны и что теперь слишком поздно или слишком рано делать различие между немцами. Но я не уверен, что мне удалось убедить его.

Мой старый сотрудник по 1912 г. Рене Бенар вернулся из Швейцарии, где исполнил поручение, возложенное на него военным министерством. Он говорит, что крупные дюринские фабриканты раздобыли химическую формулу удушливых газов, применяемых немцами, и сообщили ее ему. Он уверен в ценности своей информации и сообщит ее завтра утром Мильерану. Говорит, что разговоры Маргена произвели в Швейцарии крайне прискорбное впечатление.

Самба привел ко мне двух своих политических друзей — англичан Смита и Гуджа. Они желают осведомить Францию о том, что делается в Англии для войны, и об образе мыслей британских рабочих кругов. Оба выступят на будущей неделе с докладами в министерстве общественных работ.

Из южного Туниса получены успокоительные известия. Как видно, нападение племен, которого мы опасались, отсрочено (Тунис, № 207).

Результаты выборов в Греции вынудили короля Константина

призвать Венизелоса, и он пригласил его к себе. Но до сих пор бывший премьер не принял и даже не получил никакого предложения относительно формирования кабинета (Афины от Жюна, № 344).

Мэр и муниципальные советники Миттлаха тоже прислали мне письмо, в котором благодарят за оставленный мною населению подарок и высказывают чувства преданности Франции и доверия к правительству республики.

Как сообщил мне Вивиани, „L'Homme enchaîné“ подвергся вчера запрещению на четыре дня, потому что отказался вычеркнуть в соответствии с требованиями цензуры некоторые выпады Клемансо против Жоффра.

Четверг, 19 августа.

Вивиани выглядит измученным; в совете министров он снова жалуется на свое болезненное состояние и заявляет, что требования парламента становятся невыносимыми и что он не чувствует себя в силах управлять. Однако все его товарищи по кабинету находят, что настроение палаты изменилось к лучшему и что все наладится, если правительство проявит энергию и солидарность. Один лишь Марсель Самба считает попрежнему желательным и даже необходимым, чтобы состоялись одно, а еще лучше — одно за другим — два заседания, одно — закрытое, на котором должно быть все высказано, другое — открытое, на котором будут оглашены результаты закрытого заседания.

Мильтеран тоном, не допускающим возражений, напоминает, что он решил не присутствовать на закрытом заседании. Он говорит, что, если палата однажды допустит этот ненормальный метод, это послужит в дальнейшем предлогом то и дело возвращаться к подобному прецеденту. В результате парламентский режим будет функционировать как бы под покровом ночи, ничем не уравновешенный, без контроля со стороны общественного мнения и мало-помалу выродится в тайную тиранию. Аргументы Мильтерана подействовали на тех, кто вначале возражал ему, и совет министров вернулся к идее пленарного заседания, организуемого правительством в случае необходимости вокруг парламентских комиссий; на этом заседании палата не будет заседать во всеоружии своих прав. Однако решено было, что Вивиани предложит эту комбинацию лишь в том случае, если фракции будут считать, что нельзя обойтись без обсуждения положения в парламенте.

Мильтеран докладывает совету министров о своей поездке на фронт вместе с Китченером. Он достиг соглашения с английским министром относительно программы военного сотрудничества; но, к сожалению, эта программа носит еще несколько отвлеченный характер. Английские войска содействуют освобождению французской территории, но инициатива во всем принадлежит Жоффру, как в вопросе о количестве контингентов, пускаемых в дело, так и в вопросе о задачах и времени военных операций. По словам Мильтерана, Китченер вполне одобряет идею наступления.

Немцы взяли Гродно. В кулуарах Думы господствует крайне

пессимистическое настроение и ожидают весьма печальных результатов от этого нового поражения (Петроград, № 1006).

Немецкие газеты торжествуют по поводу наших внутренних разногласий. „Франкфуртская газета“ сообщает, что отставка Мильерана неизбежна.

Пятница, 20 августа.

Очень милая телеграмма английского короля напомнила мне, что мне стукнуло сегодня пятьдесят пять лет...

В палате большие дебаты по поводу постановки врачебно-санитарной части в армии. Присутствовавший на заседании Феликс Декори рассказывает, что Мильеран выступил с длинной речью перед частично враждебной ему палатой и импонировал ей своей настойчивостью, мужеством и несколько грубой энергией. При случае он произнес имя Жоффра. На скамьях крайней левой раздались кое-какие неприязненные возгласы, но они тотчас же были заглушены мощными рукоплесканиями. Депутаты встали со своих мест и устроили овацию главнокомандующему.

Не успел я порадоваться этой демонстрации, как входит Вивиани, весьма расстроенный. „Мильеран, — говорит он, — сделал ошибку за ошибкой. Он должен был говорить только о врачебно-санитарной части; но он воспользовался случаем, чтобы выступить в защиту чиновников своего ведомства и в частности с апологией бывшего директора Труссена, причем не проронил ни слова о работе комиссий. Он весьма некстати намекнул на дело Саррайля, причем пытался спрятаться за спину главнокомандующего. Короче, — заключает Вивиани, — он сделал неизбежными более обширные и более основательные дебаты“. Это также мнение Мальви, который пришел ко мне, когда у меня еще был Вивиани. Оба утверждают, что вторая часть речи Мильерана, в которой он говорил о высшем командовании, о контроле парламента и о военной ответственности, испортила впечатление от первой части и возбудила сильное недовольство на скамьях левой. Однако, просматривая стенограмму заседания, я нахожу сильно преувеличенным волнение, вызванное отдельными несколькими резкими фразами Мильерана.

Суббота, 21 августа.

В начале заседания совета министров Вивиани, видимо, сдерживая себя, говорит, что Мильеран нарушил не только соглашение между кабинетом и обеими группами крайней левой, но также между самими членами правительства. Намек на дело Саррайля, рассуждения об отношениях между правительством и командованием, о контроле парламента — все это выходило из рамок дебатов о врачебно-санитарной части и не могло не вызвать у палаты желания обсудить все эти вопросы. Вивиани упрекает Мильерана в том, что он произнес свою речь, не предупредив товарищей по кабинету; Мильеран, говорит он, то и дело заставляет нас нести солидарную ответственность, хотя сам не считается с ней; он каждый раз ставит нас перед совершившимся фактом, перед тем, что непоправимо. Вивиани закончил свою

речь словами, что теперь невозможно будет избежать закрытого заседания.

Мильеран ответил спокойно и с умеренностью. Он извиняется за промахи, которые, возможно, допустил в своем выступлении; он просто хотел ответить на нападки в печати, он отнюдь не думал прятаться за спину Жоффра, но считал, что если военный министр вынужден будет подать в отставку, то надо, по крайней мере, избежать, чтобы за этим не последовал кризис в высшем командовании. После той овадии, которую палата устроила главнокомандующему, он считает, что этот результат достигнут.

Сарро заявляет, что выступил в своей фракции с двухчасовой речью в защиту Мильерана, но теперь, после выступления военного министра, уж невозможно избежать общих прений. Томсон энергично высказывается в том же смысле. Марсель Самба идет дальше: он не верит, что дискуссия, даже самая широкая, в состоянии исправить теперь положение, и считает, что кризис неизбежен. Думерг в порыве патриотизма закликает Мильерана подумать над этим. Раз Мильеран согласен на закрытое совещание всех депутатов, то почему ему не согласиться, чтобы это собрание состоялось в виде регулярного заседания палаты под авторитетным председательством ее председателя и при всех гарантиях, даваемых уставом палаты. В конце концов Мильеран поддался на эти уведения и согласился на закрытое заседание палаты. Он потребовал лишь следующего: во-первых, в печати будет помещено сообщение, что правительство согласилось на эту процедуру только в виде крайнего исключения; во-вторых, на закрытом заседании не будет принято никакой резолюции, и за ним последует открытое заседание. На этих условиях пришли к соглашению.

Делькассе зачитал в совете министров телеграмму Поля Камбона следующего содержания (Лондон, № 1847): „Сэр Эдуард сказал мне, что лорд Китченер вернулся из Франции весьма удовлетворенный. Он по всем пунктам пришел к соглашению с Мильераном и генералом Жоффром и добился полного согласия между фельдмаршалом Френчем и французским главнокомандующим. Между лордом Китченером и генералом Жоффром и нашим военным министром существуют отношения полного доверия. Ввиду слухов, что перемены в составе нашего министерства или нашего командования могут повлечь за собой уход этих лиц, Китченер не скрывает, что это нарушит ту тесную связь, которая ценой долгих усилий установилась между генеральными штабами союзников. В беседах между английским министром и нашими военными вождями решено было снова перейти в наступление. Назначен день наступления, но сэр Эдуард Грей находит, что необходимо тайно уведомить об этом русское правительство. В Петрограде в настоящий момент царит сильное беспокойство. Вместо того чтобы винить в продвижении немцев глупедредительность и разращенность русской администрации, общественное мнение предпочитает объяснять это продвижение бездействием французской и английской армий. Сэр Эдуард Грей усматривает опасность в таком состоянии умов и поручил лорду Берти предложить вам известить петроградское правительство о намерениях генерального штаба“. Эта

телеграмма вызвала замечание Бриана. Он протестует против вмешательства союзного правительства в наши национальные дела, и которых мы суверенны, а именно в вопросы о составе кабинета и выборе главнокомандующего. В принципе Бриан прав. Но факт налицо. Если у нас произойдет кризис, он вызовет недоумение как в Англии, так и в Италии. С другой стороны, нас толкает на новое наступление не столько надежда облегчить положение русских, сколько необходимость оправдаться в их глазах, и надо опасаться, как бы это наступление опять не оказалось безрезультатным и стоящим слишком многих жертв.

Жоффри передал мне через Пенелона свое пожелание иметь время от времени, если возможно еженедельно, в моем кабинете совещания с председателем совета министров, военным министром, министром иностранных дел и по мере надобности с другими министрами. Я охотно согласился на эти совещания, тем более что события все более и более доказывали их целесообразность. Сегодня в два часа Жоффри явился на совещание. В беседе приняли участие Вивиани, Мильеран, Делькассе и Оганьер. Главнокомандующий обещал, что, если его сентябрьское наступление не увенчается решительным успехом, он отдаст из своих резервов четыре дивизии для отправки в Дарданеллы. Ясно, что для нас чрезвычайно желательно добиться открытия проливов: это повлияет на балканские государства и кроме того даст нам возможность сообщаться с Россией и посылать ей снаряжение в зимнее время, когда Архангельский порт будет закрыт. Мы просили Жоффри поторопиться с отправкой генерала д'Амаде, который едет в Россию для информации о военном положении. Сегодня утром сэр Эдуард Грей дал знать Делькассе через лорда Берти, что, по надежным сведениям, Германия накануне истощения своих последних людских ресурсов. Такие же сведения Делькассе получил от прибывших из Берлина американцев, дружественных Франции. Мы спросили мнение Жоффри об этих сообщениях. Он считает их правдоподобными. Будем надеяться на правильность их, но сохраним осторожность. Жоффри прибавил, что считает вопрос о недоброкачественности наших 75-миллиметровых орудий законченным: число взрывов орудий весьма уменьшилось, теперь приходится не больше одного взрыва на сорок-пятьдесят тысяч выстрелов.

Принял японского посла Иши, получившего назначение на пост министра иностранных дел. Он сказал мне, что всегда будет поддерживать политику тесного сближения с Францией, но не скрыл от меня, что рассчитывает на нас для отвращения притязаний России на Дальнем Востоке [13].

Воскресенье, 22 августа.

В пессимистически настроенных кругах Петрограда считаются с тем, что император и правительство, возможно, должны будут вскоре переехать в Москву. Теперь военные события последних дней ставят этот вопрос перед общественным мнением. Палеолог не думает, что русская армия в состоянии будет задержать натиск немцев раньше чем через два-три месяца (№ 1022). Новогоргиевск и Ковно взяты неприятелем.

Сазонов не скрывает своего раздражения против Италии. „Как! — воскликнул он. — Маркизу Гаррони даны лишь инструкции порвать отношения с Портой, если она будет чинить препятствия отъезду итальянских подданных! Значит, если Порта не будет чинить препятствий, то дипломатические отношения вообще не будут порваны! А между тем вот уже четыре месяца как Италия взяла на себя обязательство напасть на наших врагов. Это скандал. Так не может продолжаться далее!“ (Петроград, № 1027).

Тем временем мы получили сообщение от Баррера, что итальянское правительство наконец вручило паспорта турецкому послу (Рим, № 666). Однако об объявлении войны Германии все еще нет речи.

В Болгарии открыто происходит подготовка мобилизации; в провинции и в Софии ожидают войны в сравнительно скором времени. Однако де Панафье все еще того мнения, что, если Пашичу удастся склонить скупщину без промедления к необходимым жертвам, у нас остается надежда добиться сотрудничества Болгарии против Турции. Если же, напротив, решение сербского правительства будет неблагоприятным, то возможно, что болгарское правительство будет искать удовлетворения с помощью оружия (София, № 392).

С согласия Грея и Сазонова Делькассе настаивал на том, чтобы Сербия не только согласилась уступить после войны Македонию Болгарии, но уже теперь позволила союзникам занять Македонию до Вардара [14]. Пашич надеялся, что члены скупщины отнесутся к этому предложению благоприятно. Он думал, что они взглянут на это, как на гарантию того, что болгары не вступят во владение Македонией, прежде чем сербам не достанутся окончательно те территориальные компенсации, которые им обещаны. Но он встретил со стороны скупщины большее сопротивление, чем ожидал (Ниш, № 605, 608).

Венизелос сказал вчера нашему поверенному в делах Жона, что решил принять предложение образовать кабинет и надеется, что к завтрашнему дню кабинет будет сформирован (Афины, № 351).

Понедельник, 23 августа.

Отправляюсь в Шантильи навстречу королю Альберту, который должен прибыть из Дюркирхена специальным поездом вместе со своими генералами. Меня сопровождают Мильеран и Жоффри. После обычных приветствий король обошел почетный караул и роздал под стационарным навесом несколько знаков отличия офицерам главной квартиры. В свою очередь я вручил ленту ордена Почетного легиона генералу Орье, начальнику бельгийской миссии при генеральном штабе. Поездка глав двух государств не может начаться без такого вступления.

После этого обмена любезностями король сел со мной в автомобиль, Мильеран и Жоффри устроились в другом автомобиле, наша свита в остальных, и мы отправились к VI армии. Погода стояла великолепная. По дороге король говорил со мной о положении на фронтах, и в словах его сказались твердость и уверенность в победе; его беспокоит лишь отступление русских и то впечатление, которое оно может произвести на балканские государства. Мы обменялись

также несколькими замечаниями об отношениях между общественными властями в военное время. „Ремесло главы государства, — заметил король улыбаясь, — несколько осложняется тем, что когда дела идут хорошо, то поздравляют министров, когда же они идут плохо, то обрушиваются на государя или на президента“. Подобную же мысль с такой же улыбкой высказал мне однажды и английский король.

По желанию нашего гостя, мы не возвестили о его посещении ни в одном из городов, куда мы должны были направиться. Мы проехали Санлис и Комьен, не будучи замечены, и остановились недалеко от Ретонд, на равнине, где я недавно делал смотр войскам. Там были сгруппированы 174, 408 и 409-й пехотные полки, 2-й смешанный полк зуавов и стрелков и полк марокканских стрелков — пять новых формирований. Мы обошли все выстроившиеся войска, затем вернулись к центру, где я вручил полкам пять знамен и произнес краткую речь. Я закончил ее словами: „До завершения вашей задачи еще далеко. Возможно, что на это потребуется много времени и усилий. Вы доблестно выполните ее до победного конца“. Я не считаю себя вправе поддерживать у этих храбрых солдат иллюзию скорой победы; мой неумолимый долг — готовить их к мысли о затяжной войне. Многим молодым французам пришлось усвоить слова Наполеона: „Надо желать победить и уметь умирать!“

Приняв парад войск, мы отправились в Булонь-ла-Грасс. Здесь я нашел замок, построенный недавно в очень сомнительном стиле; владелец его, бельгиец, построил его в подражание готическому стилю; ступеньки в башне нарочито исцарапаны, чтобы придать им ветхий вид. Впрочем, мы во всяком случае воспользовались этой башней и устроили на ней наблюдательный пункт. С вершины ее мы видим залитые солнцем наши и неприятельские позиции в окрестностях Руа. Вид на равнину восхитителен; лишь иногда на горизонте появляются дымки взвущихся снарядов.

Я предложил королю легкий завтрак в замке Давнекур, любезно предоставленном в наше распоряжение г. де Вилльнев-Боржмоном. Затем мы поехали в Виллерс-Бретонна, где приняли парад одной из дивизий 9-го корпуса — 18-й. После этого мы снова следуем по шоссе Морейль и Мондидье и наконец через Рессон-сюр-Матц направляемся в Водликур. Отсюда мы по прелестной дороге поднялись в леса, расположенные напротив Тьекура. Леса эти укреплены нами. Мы осмотрели один из центральных пунктов этих укреплений. Я застал здесь славного генерала Ксарделя, моего бывшего капитана-преподавателя по 26-му полку; его некогда столь молодцеватые усы теперь белы, как лунь. Мы прошли лесом до передовых окопов, причем направо от нас взрывались мины неприятельских минометов. На обратном пути мы зашли в живописные гроты, в которых размещена передовая рота; эти гроты напоминают декорацию из оперетты. На одной из скал, образующих гигантский вход в эти гроты, высечен в виде горельефа генерал Жоффри на коне. Обедать вернулись в Шантильи, к главнокомандующему. В половине одиннадцатого вечера поехали экстренным поездом в Пон-Сен-Венсан.

Проснувшись, вижу перед собой залитую лучами солнца идиллическую равнину Мозеля, вид которой всегда напоминает мне стихи Авзония и прозу Барреса. В Пон-Сен-Венсан нас ожидали командующий восточной группой генерал Дюбайль и генерал Жерар, который теперь командует частью лотарингской армии. Население не было извещено о нашем приезде, но при виде выстроившихся войск и всадников, галолирующих по шоссе, жители стали стекаться к станции. Меня узнали, догадались также, что рядом со мной бельгийский король, и отовсюду неслись приветственные клики. Мы отправились прямой дорогой в Азло; на большом плато у края этой общины сгруппированы были весь 20-й корпус и 3-я марокканская бригада. Это было изумительное зрелище. Никогда еще „железная дивизия“ не представляла более внушительного вида. Никогда 20-й корпус в целом составе не производил столь могучего впечатления дисциплинированной силы; с самого начала войны этот корпус отличался своей храбростью и понес большие потери. Мы обошли войска, затем я направился к марокканской бригаде и вручил ей ее знамена. В своей речи я напомнил бригаде, что она отняла у неприятеля все его опорные пункты на запад от Изерского канала и окончательно отбросила его на восточный берег. „Вы, — сказал я, — победоносно начали освобождение благородной Бельгии, потом сражались под Аррасом; августейший государь Бельгии пожелал лично принести вам сегодня свою благодарность и свои поздравления. С помощью героической бельгийской армии и армий наших доблестных союзников вы закончите дело освобождения и спасения“. Король вручил войскам бельгийские знаки отличия. Затем последовал великолепный парад под золотыми лучами солнца. Мимо меня с гордо поднятой головой прошли мой 26-й полк и 2-й стрелковый батальон; взоры бойцов были устремлены прямо и неподвижно. И еще раз я думаю о том, сколько они перестрадали и сколько им еще предстоит перестрадать, и сердце мое обливается кровью.

После парада мы поехали за Эйвиль, где открывается вид на позиции на север и запад от Парройского леса. Осмотрели расквартирование войск в Эйвилле и вернулись через Мекс, Кривик и Сен-Никола в замок Флевилль. Это прекрасная постройка в стиле ренессанса; владелица замка, мадам де Ламбель, потеряла одного сына при Шарлеруа, другой служит офицером запаса в Аргоннах. Она любезно предоставила в наше распоряжение большую столовую замка, и я предложил в ней завтрак королю. Затем через Жарвилль и предместье Бон-Секур мы проехали к Нанси, но не въехали в город: король категорически просил нас об этом, чтобы избежать манифестаций, — он боится их из скромности; он боится их также ввиду того, что почти весь народ его находится под игом неприятеля. Король не желает быть чествуем никем, пока его не сможет чествовать Бельгия.

Мы преклонились перед этим благородным движением души короля и свернули в сторону от Нанси, через Томблан и Эссей. Поднялись на Мальзевильское плато, где помещается большой авиа-

дионный парк. На наших глазах одна за другой поднялись в воздух три группы эскадрилий на самолетах Вуазена. Около шестидесяти самолетов кружили в воздухе. Однако комендант парка Вуазен жалуется, что у него нет достаточно быстроходных самолетов, чтобы соперничать в скорости с аэропланами последних конструкций. Двухмоторные аэропланы Кодрона последней конструкции страдают конструктивными недостатками моторов (machines rotatives), и всегда можно опасаться аварий. При нынешнем положении вещей полеты на большое расстояние пока еще невозможны. Высшим достижением являются пока конструкции заводов в Маннгейме и Карлсруэ.

Затем мы поднялись на гору Сен-Жан. Со времени моего последнего посещения я нашел ее очень изменившейся: проведены дороги для автомобилей, вырыты траншеи, устроены заслоны из ветвей для орудий. Перед нами открывается вид на Номени и дальше, но мы тщетно и с тоской ищем глазами Метц. Его не видно.

На обратном пути мы остановились у лагеря под Кюстином. Победав в экстренном поезде, мы простились друг с другом. Король в восторге повторял мне, что эти два дня, проведенные среди наших войск, произвели на него неизгладимое впечатление.

Среда, 25 августа.

Получил телеграмму из Дюнкирхена, в которой король еще раз благодарит меня и поздравляет французские войска.

За время моего отсутствия румынское правительство, сговорившись с Сазоновым относительно позднейшего распределения территорий, которые будут подлежать разделу, обратилось к Франции, России, Англии и Италии с декларацией следующего содержания: „Мы счастливы констатировать окончательное соглашение с Россией и союзниками относительно будущих границ нашей страны в делах военного сотрудничества; поэтому до выработки соответственных конвенций Румыния попрежнему не будет допускать провоза военного снаряжения для турок, как она поступала и до сих пор“ [15] (Бухарест, № 407).

Вслед за „Лузитанией“ немцы потопили еще один английский корабль „Арабик“, причем погибли опять американские пассажиры. В Соединенных штатах царит сильное возмущение. Белый дом хранит молчание и, повидимому, желает выиграть время, чтобы улеглось возбуждение. Рузвельт выступил с заявлением, что разрыв дипломатических сношений с Германией теперь уже недостаточен и настала пора перейти к действиям [16] (Вашингтон, № 557).

Кабинет Венизелоса был сформирован в понедельник. Венизелос оставил за собой портфель министра иностранных дел (Афины, № 355). Наш новый посланник Гильмен прибыл в Афины (№ 358). Венизелос уже сказал ему, что он является сторонником присоединения Греции к союзникам, но общественное мнение сильно противится уступке Каваллы [17], и к тому же, продолжал Венизелос, Болгария, „к сожалению“, не соглашается на сотрудничество с нами.

Сербская скупщина большинством ста трех голосов против двадцати четырех приняла резолюцию, выражающую доверие прави-

тельству; в резолюции говорится, что скупщина „твердо решилась продолжать бок о бок с союзниками борьбу за освобождение и объединение сербско-кroatско-словенского народа и готова принести неизбежные жертвы во имя жизненных интересов страны“ (Ниш, № 616). Надо думать, что принятие этой резолюции произошло если не всецело, то отчасти, под влиянием опасения, что австро-германские войска готовятся к нападению на Сербию — повидимому, они концентрируются теперь на сербской границе. Мы предупредили правительство в Нише, что мы имеем в виду послать на Балканы техническую миссию с поручением как можно скорее улучшить железнодорожное сообщение между Салониками и Сербией, а также пути сообщения между Сербией и Румынией.

Русские одержали победу в морском сражении в Рижском заливе; германский флот вынужден был уйти из залива.

Четверг, 26 августа.

Важное и тревожное известие! Падение Ковно и Новогеоргиевска побудило русского императора снять великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего и назначить его „наместником его величества“ на Кавказе. Николай II станет лично во главе армии; ему будут помогать при ведении военных операций генералы Эверт и Алексеев. Ставка будет находиться ближе к Петрограду. Император известил о своем решении совет министров, не допуская обсуждения [18] (Петроград, № 1039).

В палате депутатов сегодня продолжалось обсуждение законопроекта об открытии кредитов на двух товарищей военного министра. В сущности это были общие прения о врачебно-санитарной части, о снаряжении, командовании, военных операциях. Как меня вчера предупредил Вивиани, он дойально высказался о промахах в некоторых ведомствах, признал, что были „ошибки, колебания, пробелы, концепции, ныне оставленные“. Приветствовал сотрудничество, установившееся между правительством и парламентскими комиссиями. Дал краткое определение прав парламента: „неограниченная свобода в тылу и свобода, суживающаяся по мере того, как контроль парламента приближается к фронтовой полосе, другими словами, к зоне военных действий; вмешиваться в последние никогда не приходило в голову ни одному сенатору или депутату“. Он не оспаривал права палаты объявлять закрытые заседания, но заявил, что не может дать ей других сведений кроме тех, которые уже были даны комиссиям. Добился того, что вся палата устроила овацию Жоффри. Красноречиво ответил на последние выпады немецкой печати по поводу французского общественного мнения. „Да, — воскликнул он, — между нами есть идейные разногласия и расхождения на словах; они присущи парламентскому режиму, и нас приучила к ним зарядка, данная нам революцией. Но все французы до единого готовы возобновить прошлогоднюю клятву не складывать оружия, прежде чем восстановят независимость героической Бельгии и возвратят Франции наш Эльзас и нашу Лотарингию“. Все депутаты поднялись с мест и аплодировали. В заключение Вивиани просил палату высказаться коротко и

ясно: либо поддержать правительство, либо свергнуть его. Кредиты на товарищей министров были вотированы пятьюстами тридцатью пятью голосами против одного. Этого один — Аккамбра; он далеко не пацифист, но после своего горячего выступления против Мильерана не счел возможным голосовать иначе. Палата постановила расклетить речь Вивияни по стране. Атмосфера совершенно прояснилась.

Я дал аудиенцию Октаву Гомбергу, который отправляется в Соединенные штаты с поручением от министерства иностранных дел и министерства финансов. Он едет вместе с лордом Редингом и английскими представителями. Цель поездки — найти пути для заключения займа. Гомберг показался мне человеком очень умным и компетентным. Однако он не вполне уверен в результатах своей поездки.

Я принял также Густава Эрве. До войны он всегда страстно выступал против меня, но теперь один из его друзей склонил его посетить меня, и он охотно последовал его совету, так как стал восторженным сторонником священного единения. Я ни разу не встречал его прежде. Теперь он предстал предо мною в качестве горячего патриота. Я напомнил ему, с каким жаром он отказался от амнистии, под которую в 1912 г. подвели его Бриан и я, и это воспоминание доставило нам обоим несколько веселых минут.

У меня состоялся обед в честь японского посла виконта Иши, назначенного на пост министра иностранных дел и уезжающего теперь в Токио. Он считает ошибкой Японии, что она со времени капитуляции Цинг-Тао, т. е. с 7 ноября 1914 г., слишком пассивно относилась к войне. Еще в начале текущего года Делькассе тщетно добивался от Японии более тесного участия в союзе. Он не добился ничего ни в Токио, ни в Лондоне. Однако Иши полагает, что его правительство примкнет к декларации 5 сентября 1914 г., по которой союзники берут на себя обязательство не заключать сепаратного мира; он обратится к своим товарищам по кабинету с этим предложением. Лорд Берти, присутствовавший на обеде, говорит мне, что со стороны России разумно было бы отказаться от Константинополя. „Мое правительство, — говорит он, — уступило желаниям Петрограда, потому что думало, что Франция относится к ним благоприятно. Но это было ошибкой. Это обещание парализует все наши усилия в Румынии и Болгарии“. Я спрашиваю у Извольского, известно ли ему решение относительно великого князя Николая Николаевича и может ли он объяснить мне это решение. Он оказывается не осведомленным. Он крайне удивлен и обеспокоен этим известием. Он боится, что задача главнокомандующего будет сопряжена для императора с большими неудобствами. При малейшем поражении поднимутся разговоры об измене. „Тем более, — присовокупляет Извольский, — что двор и без того подвергается уже резким нападкам и сам император доступен личным влияниям. Это должно остаться между нами“, — подчеркивает Извольский, чтобы придать своим словам еще больше значения. Я прошу Иши по возможности ускорить поставку оружия, обещанную Японией России. С другой стороны, я сообщил Извольскому, что японский министр в свое время выразил мне желание получить от русского правительства известные заверения относительно Дальнего Востока.

„Я как раз имею поручение дать ему их“, — отвечает он и направляется к Иши. Веснич, который до сих пор был крайне неуступчив в вопросе о требованиях Сербии, сегодня в первый раз признал, что его страна оказывается в необходимости пойти на некоторые уступки. Барон Гильом, расстроенный сообщениями, появившимися в немедкой печати, не принимал никакого участия в разговоре.

Пятница, 27 августа.

Ко мне явилось несколько депутатов — Дени Кошен, которому вчера аплодировали в палате, Жюсс, Рене Бенар и др. — и уверяли меня в своем намерении поддержать правительство. Рене Бенар кроме того сообщил мне, что привезенная им из Швейцарии химическая формула удушливых газов была проверена на опыте и найдена правильной. Он с полным правом поздравляет себя с этим открытием.

Осматривал большую амбулаторию в Исси-де-Мулино, rozdal подарки раненым, беседовал запросто со многими ранеными.

Меня посетил Эрнст Лависс [19] и рассказал мне, что намерев написать серию брошюр под заглавием: „За терпение“. Я одобрил и поддержал его мысль, так как никогда еще не было столь верно, что победителем окажется тот, кто проявит на четверть часа больше терпения и выдержки, чем другие.

Комиссии палаты, в которые было передано предложение относительно закрытого заседания, решили подавляющим большинством голосов предложить палате отклонить его.

Я запросил Альбера Тома, в каком положении находится производство противогазов¹. Он прислал мне подробное письмо, в котором говорится о производстве уксуснокислой соли для тампонов и новых типов очков с муслиновым бордюром.

„Верьте мне, — пишет он, — что я неусыпно слежу за этим делом. Я два раза на день вижу с генералом Озилом, человеком дела, к которому питаю полное доверие“.

Кажется, сторонники Джолитти распускают теперь слухи, что некоторые французские парламентские деятели, — имен не называют, — в согласии с итальянскими пацифистами будут поддерживать пораженческую кампанию. Кабинет Саландра твердо намерев пресечь эту пропаганду (Рим, № 687).

В телеграмме лорду Китченеру от 23 августа сэр Джон Гамильтон вынужден был признать крушение своего плана завладеть туредкими укреплениями на Галиполи путем обходного маневра. Судя по тону этой телеграммы, главнокомандующий британским экспедиционным корпусом настроен крайне пессимистично. Гамильтон заявляет, что, если ему не будут посланы подкрепления, если ограничатся заполнением пробелов, вызванных неприятельским огнем и болезнями, он будет лишен возможности снова перейти в наступление и вынужден оставаться исключительно в оборонительном положении, причем по всей вероятности ему придется эвакуировать либо

¹ В тексте: „средств против удушливых газов“. — *Прим. перев.*

район Сувла, либо район Анзак. Сам Китченер весьма обеспокоен этим положением. Однако он не желает ни отказаться от экспедиции, ни эвакуировать бухту Сувла, являющуюся хорошей стоянкой для флота. Вместе с тем он остается при своем намерении не отнимать ни одной части из тех войск, которые он обещал Жоффру (от нашего военного атташе в Лондоне полковника де Ла-Пенуз в военное министерство, № 1280).

Суббота, 28 августа.

Совет министров снова рассматривает вопрос о Дарданеллах. Это вызвано не только телеграммой сэра Джона Гамильтона, но также телеграммами де Панафье, Поля Камбона и генерала Байу (Мудрос, от генерала Байу в военное министерство, *О. Т.*, № 211, № 074 М.). Все министры находят, что ввиду неудачи английских операций оказывается безусловно необходимой отправка новых французских сил. Они ознакомились со вторым меморандумом Саррайля, к сожалению, носящим еще слишком общий и неопределенный характер. Зато Мильеран огласил записку генерального штаба, которая более конкретно приходит к выводу о необходимости интервенции на азиатском побережье. Решено было вызвать сегодня Жоффра в Елисейский дворец для ознакомления его с полученными нами телеграммами и для совместного обсуждения необходимых мер.

Комиссии палаты — по иностранным делам, военная и морская — разослали всем министрам и сообщили мне принятую ими резолюцию (по этому вопросу). Как они пишут мне, резолюция принята единогласно, и в письме к Вивиани содержится подробная мотивировка ее. Впрочем аргументы, приводимые комиссиями, неординарного достоинства и подчас не лишены фантастичности. Комиссии не могут быть вполне осведомлены, и суждения их исходят в настоящий момент не столько из глубокого знания фактического положения, сколько из (поверхностных) впечатлений. Так или иначе, резолюция опирается на длинный ряд соображений и заканчивается следующими словами: „Правительство приглашается срочно принять решения, диктуемые обстоятельствами, и без промедления организовать в согласии с союзниками экспедицию, необходимую для форсирования Дарданелл и овладения Константинополем“. Обращаясь к нам с подобным призывом, комиссии очевидно воображали, что ни военное командование, ни французское правительство, ни союзники не занимались до сих пор этим вопросом. Комиссиям неизвестны все те трудности, на которые мы натолкнулись; они думают, что достаточно их властного повеления, чтобы форсировать Дарданеллы и добиться падения Константинополя. Пикантнее всего, что в письме к Вивиани комиссии сами признаются в своей неосведомленности: „Вот уже шесть месяцев, как была предпринята дарданельская экспедиция, а мы не могли добиться полного отчета о положении“.

В том же письме комиссии снова настаивают на создании резервной армии, независимой от армий на фронте. В настоящее время постепенно формируются корпуса этой армии. Комиссии конечно

правы в своем сожалении, что это не было сделано скорее, но Жоффри работает над этим уже несколько месяцев, причем ему пришлось считаться с препятствиями материального характера. Комиссии требуют кроме того „1) усиления дипломатических шагов с целью добиться помощи балканских народов, с которыми надо было вступить в окончательные переговоры еще до отступления русских; 2) укрепления нашего фронта, превращения всех прифронтовых деревень в блокгаузы (фортификацию), подготовки вторых позиций на случай отхода наших войск, проведения временных путей сообщения; 3) защиты, вооружения, снабжения продовольствием и усиления наших крепостей на востоке и на севере, а также укрепленного лагеря под Парижем; 4) спешного приспособления береговых и судовых орудий для употребления на фронте и в крепостях“.

Во второй половине дня в мой рабочий кабинет явились авторы этих требований: Жорж Лейг, Пенлеве, Гроде, Франклен Буйон, Гоннора и восемь-десять других делегатов от комиссий. Они делятся со мной своими патриотическими опасениями и учтиво высказывают свою критику: „Правительство не приняло никакого решения относительно Дарданелл. Правительство не знает, следует ли ему послать две дивизии, три или четыре, или вообще ничего не предпринимать. А между тем время не терпит...“ Итак, этим депутатам неизвестны ни оппозиция Жоффри против немедленной отправки войск, ни его намерение перейти в сентябре в наступление, ни нерешительные и противоречивые проекты Саррайля, ни работа, проведенная генеральным штабом, ни трудности соглашения с Англией. Эти депутаты конечно проникнуты самыми благими намерениями, но я лишен возможности что-либо объяснить им, не открывая военных планов и не возбуждая неудовольствия наших союзников. А между тем любовь к отечеству заставляет этих депутатов порицать правительство за его предполагаемое бездействие и как логический вывод из этого стремиться заменить это правительство другим. Я пытаюсь объяснить им, что мы не можем ежедневно информировать их о ходе переговоров между союзниками, что другие правительства могут обвинить нас в выдаче секретов и что проволочки, на которые они жалуются, например в переговорах с Бухарестом, никак нельзя ставить в вину нашему министерству иностранных дел: они вытекают из трудности согласовать точки зрения России, Англии и Румынии. Но в одном отношении они остаются правы: „Мы лишь даем советы (правительству), но не влияем на (его) поведение“. Я не очень уверен в том, что мне удалось убедить моих собеседников. Некоторые из них в чрезвычайно резких выражениях говорили мне об „инертности правительства“. Они даже утверждают, что последнее голосование в палате и расклейка речи Вивиани не имеют никакого значения, что этим преследовалась лишь цель скрыть от заграницы истину и что никто уже не имеет доверия к кабинету. Я выступил против такого толкования, объявил его противоречащим всем парламентским правилам и, чтобы унять самых возбужденных из своих посетителей, дал им несколько справок, которые должны были успокоить их относительно их требований. Я даже позволил себе показать им, что по некоторым вопросам они ломятся в от-

крытые двери. Однако после их ухода я с тоской задаю себе вопрос, рассеяли ли мои объяснения существующие недоразумения или лишь усугубили их.

Когда депутаты ушли, ко мне пришли Рене Вивиани, Мильеран, Оганьер и Жоффри. Мы сообщили главнокомандующему последние телеграммы Панафье и генералов Байу и де Ла-Пенуз и объявили ему, что правительство, в подтверждение своих предыдущих решений, считает безусловно необходимым отправить в самом скором времени подкрепления в Дарданеллы. Наши слова, видимо, очень взволновали и смутили его; он сказал нам, что вынужден оставить у себя четыре требуемые дивизии, что они нужны ему для поддержки наступления и даже на случай, если придется отражать атаку немцев. Когда мы напомнили его обещание, данное в Шантильи, он два-три раза хватался за голову и в большом волнении говорил о своей ответственности. Мы ответили ему, что правительство тоже несет свою ответственность, а я заметил ему:

„Если наступление, которое вы готовите во Франции и в успехе которого я желал бы не сомневаться, внушено вам чисто стратегическими соображениями, то прекрасно, это касается только вас, и мы преклоняемся перед авторитетом главнокомандующего. Но если это наступление диктуется, на ваш взгляд, нашими отношениями к союзникам, то разрешите сказать вам, что открытые проливы имели бы более важное значение в глазах русского общественного мнения, а также для снабжения русской армии, чем выигрыш нескольких километров на нашем фронте“.

Жоффри повторяет, что ему важно сохранить требуемые четыре дивизии до 20 или 22 сентября, когда он будет знать, закончилось ли успехом его наступление в Шампани, которое начнется вероятно 15 сентября. Если к этому времени этим дивизиям не придется участвовать в дальнейшем ходе наступления, их можно будет отправить на восток вместе с их легкой артиллерией 90- и 120-миллиметрового калибра. Генерал потребует оставления их во Франции лишь в том случае, если надо будет использовать очень крупный стратегический успех наступления, столь крупный, что операции в Дарданеллах окажутся ненужными. Ясно, что Жоффри все еще твердо верит в этот успех. „Мы дадим неприятелю сражение, — неоднократно подчеркивал он, — которое будет самым великим сражением этого года. На войне нельзя оставаться в бездействии, это — позор. К тому же, мы убьем больше немцев, чем немцы убьют наших“. Жоффри приписывают слова: „Мы их обглодаем“ (Nous les grignotons). Он никогда не произносил их предо мной. Но в сущности высказанная им мысль сводится к этому, и на сей раз он, повидимому, твердо надеется, что обглоданный фронт будет разбит. К тому же он уверяет, что четыре дивизии, о которых идет речь, ни в коем случае не будут готовы к отправке раньше 20-го. Мы указываем Жоффри, что англичане дают ему теперь на две дивизии больше, чем обещали; что ему отправляют две новые дивизии из Ла-Куртин и Буржа; что таким образом четыре дарданельские дивизии никак не уменьшат его резервов; и наконец, что, давая ему новые формирования, правительство точно выговорило себе право взять их обратно. Но он

защищает эти дивизии, как сокровище. Перед фактом такого упорного сопротивления мы не решились взять на себя ответственность и немедленно отнять их у него; волей-неволей мы должны были в конце концов остановиться на следующем решении: четыре дивизии передаются 20, 21 и 22-го в распоряжение правительства, которое заранее примет все меры для посадки их на корабли.

Нельзя отрицать, что события в России в известной мере обязывают нас продемонстрировать наступление, но, пожалуй, этот жест произвел бы большее впечатление, если бы был сделан на востоке. Наше бездействие строго осуждается русским народом и русской армией. Нас обвиняют в том, что мы предоставили русских своей судьбе, нас обвиняют чуть ли не в измене, а между тем защитники Ковно и Новогоргиевска дрались из рук вон плохо, и отступление было повальным бегством. Но чем больше упреков приходится делать самим себе, тем больше обрушиваются на нас [20] (Петроград, № 1047).

Между Болгарией и Турцией заключено соглашение. Турция уступает Болгарии правый берег Марицы и левый до границы затопляемой полосы. Железная дорога, а также Карагач переходят к Болгарии. Последняя отказывается от своих притязаний на район Кирк-Килиссе. В обмен за эти уступки турки потребовали от Болгарии только соблюдения благожелательного нейтралитета, но соглашение, хотя и ограниченное по своим размерам, произошло под давлением Германии (София, № 402).

По поводу решения царя снять великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего генерал де Лагин телеграфирует нам из ставки: „Я глубоко сожалею об этой мере, так как великий князь Николай Николаевич — кумир армии, и не известно, как воспримут его уход в военных кругах“ (О. Т., № 38, 184). В политических кругах Петрограда эта мера произвела крайне отрицательное впечатление. Там подчеркивают, что император совершенно несведущ в стратегии, что он будет нести прямую ответственность за поражения, а они по всем признакам неминуемы, и наконец и главным образом, что великий князь пользуется полным доверием народа и армии. Как Сазонов конфиденциально сообщил Палеологу, Николай II согласился только на отсрочку в две-три недели (№ 1050).

Кроме того император занят теперь преобразованием кабинета. Он предложил место председателя совета министров Кривошеину, нынешнему министру земледелия, человеку умному и твердому [21]. Но Кривошеин поставил свое согласие в зависимость от двух условий: прежде всего председатель совета министров не должен отныне ограничиваться одним председательствованием на заседаниях, как это принято теперь, а должен руководить всей политикой, другие министры должны подчиниться ему; кроме того новый кабинет при своем представлении Думе потребует ее доверия. Оба эти новшества должны повести не более и не менее как к отмене самодержавного режима и к водворению представительного режима. Сомнительно, чтобы царь пошел на это без энергичного сопротивления (№ 1051).

Делькассе уехал в Гавр. Он обратится к бельгийскому правительству с просьбой склонить, если возможно, короля Альберта написать Фердинанду Болгарскому и обещать ему, что в случае соглашения с ним мы будем гарантировать его лично от секвестра его имений в Австрии. Будет ли король Альберт иметь больше успеха, чем герцог Гиз? Это мало вероятно.

Печальный опыт с Новогеоргиевском заставил великого князя Николая Николаевича отдать приказ об эвакуации Брест-Литовска. Войска уже покинули город, забрав с собой все наличное снаряжение. Отныне ни одной крепости не будут защищать (от генерала де Лагип, О. Т., № 71, 193).

Понедельник, 30 августа.

Майор Жирар, офицер связи при итальянской главной квартире, говорит мне, что в области промышленности Италия не делает всего, что могла бы, не напрягает всех усилий. Сам генерал Кадорна не отдает себе полного отчета в своих будущих нуждах. Ввиду того что на части фронта артиллерия почти не стреляет, а с наступлением зимнего времени станут невозможны и операции в горах, он считает, что нынешнее производство — 48 тысяч снарядов для орудий всех калибров, — доведенное весной до 50 тысяч, удовлетворит все нужды. Но, помимо того что Италия несомненно выиграет, если будет располагать большим количеством снарядов, она должна была бы помочь нам снабжать союзников недостающим им военным снаряжением. Я пишу в этом смысле Альберу Тома.

Делькассе вернулся из Гавра, где говорил с бароном де Броквиллем и бароном Бейенсом. Бельгийские министры будут просить короля Альберта о том, чтобы шурин его, герцог Вандомский, находящийся теперь в Кале, отправился в Софию. Он будет уполномочен дать королю Фердинанду заверения, что мы возместим его убытки в случае конфискации его имений.

По словам Пенелона, главная квартира изучила возможности операций на Дарданеллах и пришла к заключению, что четырех дополнительных дивизий будет недостаточно; понадобится вдвое больше, для того чтобы операции не велись в слишком узком масштабе. Но согласится ли Жоффр дать эти новые силы и не будут ли они частично израсходованы в его наступлении? Будем ли мы готовы к 20 сентября? Что ж, в парламентской комиссии все эти вопросы были бы разрешены единым махом!

Подражая генералу Жоффру, генерал Кадорна отказывается послать войска в Дарданеллы (Рим, № 696).

Итальянский посланник в Афинах сообщил своему правительству следующие слова, сказанные ему королем Константином на недавней аудиенции: „Вы и ваши союзники тщетно добиваетесь помощи Болгарии. Я знаю от германского императора, что Болгария примкнет к вашим противникам“ (Баррер, № 698).

Вивiani прочитал в совете министров письмо Леона Буржуа, председателя сенатской комиссии по иностранным делам, и письмо Пенлеве, написанное от имени „межведомственной“ комиссии палаты. Оба требуют, чтобы правительство представило свои объяснения по поводу экспедиции в Дардавеллы. Вивiani, Отаньер и Мильеран заявляют, что они вынуждены будут отказать в какой-либо детальной информации о подготовке экспедиции.

Принято решение, что Делькассе по согласовании с Англией обратится к Греции с требованием пропустить в случае надобности войска для оккупации Вардара и эвентуально, если того потребуют обстоятельства, также войска, отправляемые на помощь Сербии против натиска немцев.

Принято также решение, что при всяких обстоятельствах 20 сентября четыре дивизии должны быть готовы к отправке в Дардавеллы.

Принято решение, что, если будет признано необходимым усилить экспедиционный корпус, во всяком случае не будет откладываться отправка четырех дивизий, которых требовали сначала Гуро, затем Байу.

Префект Марны сообщает о чрезвычайной активности неприятельской артиллерии на фронте в Шампани. В Кормиси, Ланевильо-Пон и Вальми снарядами уничтожено несколько домов, были жертвы среди войск и гражданского населения (Шалон, 31 августа, 15 ч. 53 м.).

В докладе военному министру об операциях в Артуа главнокомандующий высказывается следующим образом: „После приостановки операций в Артуа я задался целью обеспечить средства для подготовки генерального наступления, ряда мощных и одновременных атак. В этих средствах не будет недостатка. Непрерывное улучшение наших защитных сооружений, пассивность неприятеля (на всем фронте) за исключением некоторых отдельных пунктов, прибытие во Францию новых британских сил — все это позволило мне мало-помалу извлечь с фронта значительное число пехотных дивизий. Кроме того новый крепостной устав дал мне возможность собрать многочисленную тяжелую артиллерию и снабдить ее в изобилии снарядами. Мы можем с уверенностью ожидать результата операции, построенной таким образом на уроках операций в Артуа. Если эти операции не могли дать нашим армиям решительного успеха, то уроки их, дополняя и продолжая уроки операций в Шампани, подготовят пути к нему“. Как прав был Лависс, собиравсь писать похвалу терпению!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Подготовка нового наступления в Артуа и Шампани. — Генерал Саррайль и Дарданеллы. — Военная и политическая ситуация в России. — Поездка на заводы. — Посещение Эльзаса. — Болгарский король Фердинанд сбрасывает маску. — Венизелос и король Константин. — Тактические успехи в Шампани; стратегического решения не последовало. — Болгарская мобилизация. — Сербия призывает на помощь союзников. — Большой Делькассе говорит о своей отставке.

Среда, 1 сентября.

Депутат от Нижней Шаранты Карре Бонвале предложил мне раздавать всем семьям, потерявшим на войне одного из своих членов, почетные дипломы за подписью президента республики. Я ответил ему, что передам его идею на рассмотрение правительства. Она была принята.

Узнал от Вивиани, что Мильеран виделся сегодня с Жоффром. Главнокомандующий сначала назначил свое наступление на 7 сентября, затем он сказал нам, что отложил его до 15-го, а сегодня он заявляет, что откладывает его до 25 сентября. Как будет с его обещанием относительно четырех дивизий для Дарданелл?

Рэдьярд Киплинг, совершивший поездку на французский фронт, вернулся в восторге. В газетах печатаются его письма к другу. Киплинг пишет, что у него было желание пасть ниц перед каждым встречающимся ему французом. „Но я утверждаю, что год назад Франция сама себя не знала“. Скажем лучше, что действительное лицо Франции оставалось неизвестным иностранцам, даже самым выдающимся и более всего расположенным в нашу пользу. О нас судили по обманчивой внешности. Франция сегодняшнего дня, Франция священного единения, энергичная и упорная, уверенная в своей правоте, уповающая на свою судьбу, — это Франция всех времен, умудренная опытом столетий и помолодевшая в горниле испытаний.

Мильеран переслал мне письмо Жоффра от сегодняшнего числа относительно операций в Дарданеллах. Главнокомандующий правильно требует, чтобы мы поступали по конкретному плану, согласованному с союзниками. „На нашем последнем субботнем совещании, — пишет Жоффр, — меня уверили, что этот план существует. На этом основании я нашел возможным снять 22 сентября

четыре дивизии, которые, как полагают, необходимы для проведения операции в Дарданеллах. После совещания вы прислали мне меморандум генерала Саррайля. Однако этот меморандум рассматривает только возможности высадки войск на различных пунктах европейского и азиатского побережья и не приходит к определенным заключениям... Он не рассматривает ни количества необходимых войск, ни шансов на успех, ни всех многообразных вопросов, касающихся организации экспедиции и ее проведения... " Все это совершенно верно, но, поскольку мне помнится, никто не выдавал меморандум Саррайля за окончательный план. Напротив, я лично специально подчеркивал, что ничего не будет предпринято, прежде чем вопрос не будет изучен основательно. Жоффр сообщает Мильерану, что поручил исследовательскому сектору Совета национальной обороны внимательно рассмотреть предложения генерала Саррайля, а также предложения его предшественников. В сущности говоря, этот сектор, образованный недавно под председательством генерала Грациани, подчинен не главной квартире, а военному министерству, и последнее по собственному почину занялось этим вопросом. От министерства, как и от Жоффра, не скрылись многочисленные трудности этого предприятия. Главнокомандующий требует, чтобы прежде всего Саррайль отправился на восток и на месте приступил к детальному изучению вопроса; вместе с тем Жоффр требует, чтобы отправка четырех дивизий была отложена до первых чисел октября.

Однако вчера Делькассе, в полном согласии с Мильераном и советом министров, телеграфировал в Лондон (№ 2695) и предложил английскому правительству соглашение на следующих основаниях: „1) возможность операции на востоке, проведенной французским экспедиционным корпусом на новом театре военных действий, не на полуострове Галлиполи, но в тесном контакте с английскими силами, сражающимися на этом полуострове; 2) сотрудничество английских судов при перевозке французских войск на восток; 3) полная поддержка со стороны флотов союзников в Дарданеллах при высадке французских войск; 4) устройство специальной французской военной и морской базы в Митилене или в Мудросе, так как нагромождение судов и обоих экспедиционных корпусов, французского и английского, представит одинаковые неудобства для обеих сторон“. Письмо Жоффра не облегчает проведения этой программы.

Между тем Китченер немедленно и с удовлетворением согласился с идеей высадки войск на азиатском берегу с целью напасть с тыла на турецкие укрепления, преграждающие доступ в пролив. Он считает, что для успеха этой операции в ней должны участвовать по меньшей мере четыре дивизии (Лондон, № 1950).

Сербский король Петр телеграфирует мне, что его правительство рассмотрит предложения союзников с той же готовностью к жертвам, которую оно уже проявило (Ниш, № 637 и 638). Однако ответа Пашича мы еще не получили.

Начальник русского генерального штаба конфиденциально сообщил Палеологу, что потери русской армии огромны. В мае, июне и июле они составляли 350 тысяч человек в месяц, а в августе поднялись до 450 тысяч [22]. Однако русские полагают, что к

15 декабря будут в состоянии не только оказать сопротивление немецкому натиску, но и перейти в наступление (Петроград, № 1061).

Четверг, 2 сентября.

У меня состоялось совещание с Вивьяни, Мильераном, Делькассе и Жоффром. Генерал объявил нам, что считает благоразумным отложить наступление до 25 сентября. Ряд исполнителей — Петэн, Фош, Кюре — предупредили его, что не будут готовы к 15 сентября. Однако, откладывая атаку, Жоффр не намерен отказаться от нее. Он продолжает считать ее необходимой и верит в ее успех. Как выражаются фронтовики, он „хочет еще раз пойти на это, чтобы помочь русским товарищам“. Он признает, что, если наступление не увенчается успехом, придется изменить свои планы. Придется держаться оборонительной тактики, обеспечив фронт от прорыва, и искать диверсии в другом месте, на востоке или в Эльзасе. Он думает, что мы могли бы продвинуться в долине Иль, от Мюльгаузена до окрестностей Страсбурга. Он не считается с тем, что операции в Шампани, в Энарж и под Аррасом полностью доказали невозможность форсировать неприятельские укрепления. Он хочет сделать еще одну, последнюю, попытку. Что касается Дарданелл, Жоффр заявляет, что не может взять на себя ответственность и выделить хотя бы одну дивизию до октября. Он прямо сказал, что предпочтет подать в отставку. В октябре четыре дивизии будут свободны, но он считает, что их будет совершенно недостаточно для форсирования проливов. По этому поводу он развивает мысли, изложенные в меморандуме исследовательского сектора и в докладе состоящего при главной квартире полковника Александра. Перед фактом этого непреодолимого сопротивления Жоффра совещание приняло решение, в соответствии с мнением главнокомандующего, что Сарраиль должен как можно скорее отправиться в Дарданеллы, изучить там на месте план форсирования (проливов) — путем ли пополнения действующих войск на полуострове Галлиполи или с помощью операции на азиатском берегу, — установить количество войск, необходимых в обоих случаях, и вернуться во Францию с конкретными и мотивированными заключениями.

Пашич наконец вручил свой ответ представителям союзников. Сербия, говорится в этом ответе, согласна принести новую, „самую большую“, жертву. Она принципиально соглашается на линию границы в рамках старого сербо-болгарского трактата 1912 г., с некоторыми выпрямлениями, соглашается на установление защитной зоны для Ускюба и Орчеполья, причем город Прилеп остается за Сербией и избегается соприкосновение болгарской территории с Албанией. Кроме того Сербия ставит определенные условия: немедленное сотрудничество Болгарии, гарантии союзников относительно режима в Кroatии и Славонии, защита Белграда, финансовой помощи и активного (positive) союза (№ 639 и сл.). Пашич утверждает, что территории, которые он соглашается уступить, являются сербскими в силу исторических прав, бесспорных традиций и всем известных этнических особенностей; ссылается кроме того

на то, что трактат, заключенный в 1912 г. между Сербией и Болгарией [23], уже не существует, так как разорван Болгарией 16 июня 1913 г., когда она внезапно напала на Сербию, и что Бухарестский трактат 1913 г. [24] является единственным интернациональным актом, регулирующим распределение территории между Сербией и Грецией, Болгарией и Румынией. Ввиду этого сербское правительство требует в обмен за свои жертвы уступки Фиуме, освобождения словенских стран, предоставления Сербии западной части Баната и торгового сообщения с Эгейским морем. Как совместить все эти притязания с притязаниями не только Болгарии, но также Италии?

По поводу великого князя Николая Николаевича и угрожающей ему отставки мы получили еще одну телеграмму от генерала де Лагиша и показали ее Жоффру, которого она очень взволновала (О. Т., № 799, 194 и сл.). Генерал де Лагиш надеется, что царь откажется от своего намерения. Если императрица сделается регентшей, то революция, по словам генерала де Лагиш, неминуема. Великий князь пользуется огромным влиянием на солдат; царь не пользуется никаким влиянием на них. Генерал желает, чтобы мы обратили внимание Николая II на последствия его решения. Мы с Вивiani, Делькассе, Мильераном и Жоффром решили, что я сделаю попытку предостеречь царя от этих опасностей. Однако это нелегкое дело. При робкой внешности царь, как мне кажется, подозрителен и упрям. Тем не менее я составил телеграмму в осторожных и мягких выражениях. „Совершив продолжительные поездки по французскому фронту, я желал бы сказать вашему величеству, что все наши военачальники и солдаты чрезвычайно гордятся активным сотрудничеством с доблестными русскими войсками. Вся Франция восхищена не только храбростью и упорством, проявляемыми все время армией вашего величества, но и тем искусным маневрированием, которое позволило войскам под командой его императорского высочества великого князя Николая Николаевича выйти из неприятельского кольца. Взаимное доверие союзных армий и их вождей все время росло с начала войны. Я твердо надеюсь, что оно ускорит нашу совместную победу. В этом глубоком убеждении посылаю вашему величеству свои горячие пожелания и поздравления“.

Однако тем временем в России идут и другие перемены. Генерал Янушкевич смещен с должности начальника генерального штаба и назначен адъютантом наместника на Кавказе; его заменил генерал Алексеев (О. Т., № 836, 198). По словам Палеолога, эти назначения указывают, что император не преминет взять на себя командование армией. В последние дни его энергично уговаривали взять обратно свой указ, но победили противоположные советы генерала Сухомлинова, который, находясь в тени, остается всемогущим и сохранил свою ненависть к великому князю [25] (Петроград, № 1066).

Я получил от Шарля Морраса, с которым никогда не встречался, следующее письмо: „Париж, 31 августа 1915 г. Милостивый государь, господин президент республики! Я получил предложение посылать в мадридскую „А. В. С.“ корреспонденции из Парижа и счел своим долгом принять его; мои корреспонденции должны восстановить правду о Франции. Конечно они будут написаны с моей оппозицион-

ной точки зрения, но это в первую очередь точка зрения оппозиционера-националиста. Мое единственное желание — служить Франции, а так как я не в состоянии сражаться, я отдаю себя в распоряжение французского правительства, которому, возможно, пригодятся те или другие полезные идеи. Не будучи знаком с Делькассе и его сотрудниками (за исключением Филиппа Бергло, но имеет ли это к нему отношение?), я решил обратиться к вам, господин президент, уверенный, что в своем стремлении к обществу благому вы дадите ход моему предложению, за что я буду несказанно благодарен. Прошу вас принять уверения в моих чувствах преданного патриота и гражданина и мои горячие пожелания победы“. На это безупречное письмо я ответил роялистскому писателю предложением аудиенции. Я выразил ему благодарность и написал ему, что, если правительство может дать ему указания, полезные для Франции, я приложу к этому старания. К несчастью, глухота Шарля Моррасса превзошла все мои ожидания. Он шел против меня, и я должен был кричать ему в ухо. При этом у меня нет уверенности, что он в точности понял все, что я ему говорил. Если он неправильно понял меня и когда-нибудь начнет передавать мои слова в искаженном виде, мне послужит утешением в его ошибках чтение „Антинеи“ и „Венецианских любовников“.

Пятница, 3 сентября.

Совет министров принял решение, что согласно желанию Жоффра Саррайлю будет предложено возможно скорее отправиться в Галлиполи и изучить вместе с генералом Байу условия усиленной экспедиции и ее шансы. Мильерану поручено ответить на письмо Жоффра.

Уезжающий в Россию с целью информации генерал д'Амад был у меня и спрашивал, о чем он должен собрать сведения: о моральном и материальном состоянии армии, о командовании, контингентах, вооружении, снаряжении?

Английское правительство высказало свое полное удовлетворение по поводу шагов, которые мы намерены предпринять на востоке (Лондон, № 1937).

Уезжаю из Парижа с Мильераном осматривать военные учреждения тыла.

Суббота, 4 сентября.

Прибыв в Дижон, осматривали ремонтные мастерские для армейских велосипедов и мотоциклов, получивших тяжелые повреждения. Затем осмотрели строящийся холодильник, склад лагерных принадлежностей, станционный магазин, военную пекарню, продовольственные поезда. Потом отправились на распределительный пункт на станции И-сюр-Тиль, наблюдали здесь отправление отпусков, составление продовольственных поездов, распределение посылок, почтовую службу, секцию автомобильного парка. Все это функционировало безупречно. Остановились в Андильи, где осматривали 1-й резерв инженерных войск, затем в Нев-Шато, где осмотрели запас санитарного материала и эвакуационный госпиталь. Весь день провели таким образом за кулисами той страшной драмы, которая разыгрывается на фрон-

тах. Переночевали в моем поезде, из Дижона уехали на север, в зону действующих армий.

Воскресенье, 5 сентября.

Поехали на автомобиле в Клермон в Аргоннах. Проезжали Бозе, от которого остались одни развалины, и Любекур, где на небольшом фамильном кладбище спят вечным сном мои родители и где немцы похоронили несколько своих убитых. Я не имею даже права сделать здесь небольшую остановку. Я уже не принадлежу самому себе, должен забыть все, что касается только меня лично.

В Клермоне мы знакомимся на вокзале с функционированием службы снабжения и наблюдали раздачу мороженого мяса. В Вальми наблюдали на военном перроне выдачу тяжелых снарядов. В нашем присутствии открыты были новые узкоколейки между Ов и Сомм-Сюиш.

В Шалоне-на-Марне я встретил Леона Буржуа, которому назначил здесь свидание. Мы завтракали в моем поезде с генералами де Лангль де Кари и Петаном. Последний недавно принял командование новой армией, на правом крыле IV армии, между Сент-Менехульд и Сомм-Сюиш. Он все более поражает меня ясностью и точностью своих мыслей. Оба генерала надеются на успех наступления, подготовляемого Жоффриом. К концу первого или второго дня, говорят они, будет известно, провалилось ли наступление; в таком случае надо будет остановиться и не продолжать операции. Если же, напротив, нам удастся прорвать первые и вторые линии неприятеля, мы используем этот успех дальше, по меньшей мере до Эны. Оба генерала утверждают, что офицеры и солдаты верят в успех и что никогда дух войск не был на таком высоком уровне.

Во второй половине дня мы осмотрели в Шалоне, Компертрикс, Шентрикс и Фаньер автомобильные парки, санитарные секции, производство ооных орудий и торжественно открыли недавно построенные мосты. В общем мы проверили функционирование тех учреждений, которые обеспечивают в тылу ежедневное снабжение армий продовольствием и военными материалами. Ужинали в моем поезде близ Эпернэ. За ужином генерал де Кастельно, командующий группой, в свою очередь высказал мне свое мнение о проектируемом наступлении. Как и Петан и Лангль, он думает, что оно подготовлено таким образом, что имеет самые большие шансы на успех. Армия Петана получила 300 тяжелых орудий, армия Лангля — 360. Надо думать, что немцы значительно усилили свои укрепления. Но и мы построили сотни километров траншейных ходов и железные дороги в Дековилле. По мнению Кастельно, атака, которую мы предполагаем предпринять к северу от Арраса, должна начаться на четыре-пять дней раньше атаки в Шампани. Будем ждать и надеяться.

По возвращении в Париж я нашел несколько депеш из России. В Москве, святой Москве, очаге русского национализма, состоялись важные народные собрания, на них требовали продолжения войны до победного конца, но выставлены были также требования, чтобы царь устранил своих пынешних советников и немедленно назначил ответственное министерство [26]. Палеолог полагает, что нам лучше

не следовать совету генерала де Лагиш и не просить даря отказаться от своего решения относительно великого князя Николая Николаевича. Конечно приходится весьма сожалеть об этом решении, но императору покажется, что мы делаем ему упрёки, он сочтет это с нашей стороны бестактностью и быть может тем упорнее будет стоять на своем. Он печален, тверд и спокоен, но черпает свое хладнокровие в своей религиозности и в своем мистицизме. Доводы рассудка в настоящее время мало действуют на него, и, если пытаться насиловать его убеждения, он, чего доброго, прибегнет к какому-нибудь крайнему решению. Поэтому Палеолог считает, что как ни сдержанно мое послание, разумнее будет не передавать его дарю. Что касается великого князя, то он живет в мире грез, это какая-то смесь рыцарства и мистицизма. В каждом поражении своей армии он видит защищающую его руку божественного провидения. В этом его сила, но также его слабость. Положение на фронте внушает тревогу. Кризис снаряжения подходит к концу. Но кризис вооружения — винтовок и орудий — крайне серьезен. Точно так же кризис контингентов. Последний сказывается не в недостатке солдат, людской материал здесь неисчерпаем, — а в нехватке офицеров, унтер-офицеров и обученных рядовых: пекатомбы последних месяцев составили около полутора миллиона человек, в результате запасные батальоны совсем сократились. Что касается кризиса высшего командования, то пока еще невозможно предвидеть всего его значения. Внутреннее положение тоже чревато опасностями. По словам Палеолога, надо считаться с тем, что еще до конца войны могут вспыхнуть революционные беспорядки (Петроград, № 1069 и сл.). Царь отправился вчера вечером в ставку и прибыл туда сегодня в 16 час. Палеолог думает, что он возьмет командование в свои руки. Царь не согласился даже оставить великого князя Николая Николаевича при себе в качестве начальника генерального штаба [27] (№ 1086).

Делькассе телеграфировал вчера в Лондон (№ 2741), Петроград (№ 1299) и Рим (№ 1282), что в целях соглашения с Сербией желательно вести непосредственные переговоры с Папичем по различным пунктам его меморандума. Можно просить Папича приехать в Париж и продолжать здесь переговоры, но предварительно надо получить его согласие на занятие союзниками Македонии до левого берега Вардара; это должно защитить Сербию от всякого нападения со стороны Болгарии.

В Берлине по поводу побед над русскими праздновали „день Гинденбурга“. Был прекрасный осенний день, бесчисленная толпа народа собралась вокруг колоссальной деревянной статуи фельдмаршала. В эту статую население будет вбивать миллионы гвоздей, пока она не станет железной, гвозди будут продаваться для благотворительных целей. Канцлер империи и бургомистр Берлина провозгласили Гинденбурга национальным героем.

Понедельник, 6 сентября.

Шарль Эмбер сообщает мне новости и раздражается новыми нападками. „Товарищ военного министра, — рассказывает он, — ведаю-

щий снаряжением, затребовал 1 сентября от контроля разрешения на заказ в Америке 50 тысяч тонн стали. Сегодня 6 сентября, а ответа еще не последовало. Полковник Бюа все более забирает в свои руки военное министерство и распоряжается самым недопустимым образом. Генерал Жоффри должен был бы отозвать его на фронт. За исключением Крезе, который доволен образом действий полковника Шевильо, все фабриканты до единого требуют смещения этого чиновника. Бумаги лежат в канцеляриях министерства целыми днями и неделями. Он переутомлен и не справляется с делами“. Я ответил Шарлю Эмберу, что передам его жалобы, не присоединяясь к ним по существу, но, если они окажутся обоснованными, буду просить министра принять меры против виновных.

Мессими оправляется от своей раны и недавно появился в палате. Он говорит, что в кулуарах попрежнему царит враждебное настроение против Мильерана.

Вторник, 7 сентября.

Генерал Гуро в Париже. Нога его мало-помалу приобретает подвижность, он в состоянии уже пройти четыре-пять метров, не испытывая очень сильной боли. Он надеется, что в течение месяца совсем поправится и будет в состоянии вступить в командование своей частью, несмотря на потерю правой руки. Я не знаю более прекрасного типа военного. У меня был с ним длинный разговор о Дарданеллах, который я немедленно изложил в письме к Мильерану. „Генерал Гуро, — пишу я, — заявляет, что не составил себе мнения о количестве войск, необходимых для форсирования проливов или взятия Константинополя. Он говорит, что в бытность свою на Балканах ни разу не задумывался над обоими этими планами. Он совершенно не помнит, говорил ли он полковнику Александру о необходимости десяти дивизий. Не знает, откуда полковник взял это. Я буду тебе благодарен, если ты распорядишься разыскать записку, приписываемую генералу Гуро, и сообщишь ее мне, чтобы мы были вполне осведомлены на этот счет. Генерал совещался с полковником Александром и находит его взгляд взятым с потопка. Гуро считает, что нельзя составить себе более или менее точного представления о необходимых контингентах, не отправившись на Галлипольский полуостров, не поговорив с Байу и не изучив положение на месте. Он того мнения, что генерал Саррайль должен, не теряя времени, отправиться туда и приступить к изучению вопроса. Не высказывая своего осуждения, он — таковы его слова — склонен думать, что четырех новых дивизий будет достаточно для высадки на азиатском берегу и подготовки операций флота по форсированию проливов. Но во всяком случае он считает чрезвычайно опасным оставлять наши две дивизии в их нынешнем положении, не пытаясь уничтожить батареи азиатского берега. Для этой ограниченной операции он считает достаточными две новые дивизии, одну — пехотную, другую — кавалерийскую. Однако он настаивает, что так или иначе безусловно необходимо поспешить с отправкой этих подкреплений не позже первых чисел октября; он просил полковника Александра передать его мнение генералу Жоффри“.

Будано, председательствовавший вчера в военной комиссии сената, говорит, что ни Клемансо, ни Думер не прекратили своих нападок на главнокомандующего. „Кепка с галунами не может превратить тушицу в умного человека“, — сказал Тигр полупрезрительно, полуплутиливо. Думер выступил с энергичным протестом против замены крепостей укрепленными районами. Он видит в ней угрозу эвакуации Туля и Вердена; а между тем, как правильно выразился Жоффри, речь идет о том, чтобы „мобилизовать“ крепости и воспрепятствовать возможности обложения их.

Кстати Вивиани принес мне гранки статьи Шарля Эмбера, в которой ясно излагается необходимость этой реформы. Статья находится в цензуре, и председатель совета министров не знает, можно ли пропустить ее. У меня в это время был Жоффри, только что вернувшийся из Италии; он прочитал статью и нашел, что опубликование ее желательно.

Главнокомандующий очень удовлетворен своей поездкой на итальянский фронт. Армию он нашел в полном порядке. Однако она скоро ощутит кризис снаряжения, если не будет налажено производство.

Жоффри получил телеграмму от царя, уведомляющую о переходе командования в его руки.

Я передал главнокомандующему содержание своих бесед с Кастельно, Ланглем и Петроном. Спокойное лицо генерала озарилось улыбкой. Я сказал ему, что Кастельно находит желательным начать наступление в Артуа на несколько дней раньше наступления в Шампани. Кастельно рассуждает следующим образом: видя, что мы атакуем одновременно на двух фронтах, немцы поймут, что действительная атака состоится на более обширном фронте, т. е. в Шампани, и перебросят туда свои резервы. „Я вначале тоже был этого мнения, — заметил Жоффри, — но, подумав, предпочитаю одновременное наступление. Англичане будут атаковать одновременно с нами, а мы будем атаковать в Артуа на таком же обширном протяжении, как в Шампани; стало быть ничто не будет указывать немцам, куда им перебросить свои резервы“.

Возвратившийся из России майор Ланглюа говорит мне, что он продолжает быть оптимистом. Русская армия осталась в целости; дух ее превосходен. Большим местом является потеря людей; комплектование офицерского состава наталкивается на трудности. Кризис снаряжения близится к концу. Что касается винтовок, то сделаны заказы в Америке. В ставке заявляют, что в декабре войска перейдут в наступление. Майор находит этот срок несколько преуменьшенным, но думает, что в феврале русская армия действительно будет в состоянии снова перейти в наступление.

Четверг, 9 сентября.

Мильеран присутствовал в Бурже на новых опытах с удушливыми и ядовитыми газами и вернулся отсюда не вполне удовлетворенный. Бомбы бросались на небольшом пространстве, но кролики и овцы остались невредимыми. Спора нет, техника убийства поставлена

в Германии лучше, чем у нас. Зато стрельба из 370-миллиметрового орудия дала хорошие результаты.

Великий князь Николай Николаевич конфиденциально сказал генералу де Лагишу (русская ставка, № 207): „Завещаю вас честным словом офицера, что с моим уходом ничего не изменится. Вы можете также положить на генерала Алексеева, как на меня. Мы знаем друг друга уже давно, у нас одни и те же взгляды; это старший боевой офицер, мы понимаем друг друга с полуслова“.

По сведениям Палеолога, кризис высшего командования — результат придворной интриги, в которой замешаны черногорские принцессы и которая чуть не выродилась в заговор (№ 1101). Как бы то ни было, переход верховного командования в руки царя ознаменован был известием о большой победе, одержанной южной армией под Тарнополем. Счастье опять улыбнулось русским, причем это совпало с приездом царя в армию и с тем, что он стал во главе своих войск. Все это не может не оказать благоприятного влияния на суверенное воображение русских (№ 1107).

Союзники продолжают обсуждать между собой, какие шаги предпринять им в Сербии и Болгарии и как побудить Пашича согласиться на оккупацию территории на восток от Вардара (Делькассе в Петроград, № 1292, 1895).

Еще одна неудача в Аргоннах: мы потеряли триста или четыреста метров в глубину на участке длиною в тысячу метров. Наши контратаки не могли вернуть нам всей утраченной территории.

Пятница, 10 сентября.

Сразу встают все вопросы. Сегодня нам пришлось заняться в совете министров вопросом о ликвидации биржи. Маклеры (le parquet) требуют ссуды для уплаты по срочным сделкам, а малая биржа (la coulisse) нуждается в значительной сумме для уплаты разницы. Рибо склонен оказать поддержку, предоставив на время в распоряжение заинтересованных лиц бонны казначейства. Но финансовая борьба принимает чуть ли не столь же суровый характер, как борьба на фронте. Рибо сообщил мне также о проекте нового займа, который он намерен предложить в конце этого месяца. Заем будет вышущен из пяти процентов годовых, погашение в тираж предполагается сериями по истечении пятнадцати лет; заем будет освобожден от всех налогов, сумма его не будет установлена заранее. Поступление новых налогов и даже вотирование их Рибо попрежнему считает трудным делом, пока продолжаются военные действия.

Отправляюсь вместе с Альбером Тома в районы Лиона и Луары, чтобы познакомиться на местах с ходом производства на оборону.

Суббота, 11 сентября.

В Лионе посетил в сопровождении мэра города, сенатора Эррио, префекта Ро и (военного) губернатора генерала Менье завод Улленса, на котором производятся разрывные снаряды и бомбы, завод Гочкиса, который дает нам теперь двести пулеметов в месяц, а до апреля

должен увеличить выпуск их на две тысячи, затем Лионский машиностроительный завод, который должен наладить у себя производство гранат и шрапнелей, наконец местный артиллерийский парк и ряд других заводов; все они работают полным ходом, с максимальной нагрузкой. Я беседовал с промышленниками, офицерами, рабочими и благодарил их за помощь, оказываемую ими делу национальной обороны.

Затем мы поехали в Сент-Этьен, Ле-Шамбон, Фирмини и Униэ. Весь день у нас рябило в глазах от снарядов, обручей, труб, чертежей, свежее вылитых оружейных частей, болтов и гаек. Последним мы осматривали оружейный завод в Сент-Этьене; мы оставались здесь, пока пришла ночная смена и сменила дневную, наблюдали производство пулеметов, винтовок и револьверов. К 15 сентября будет закончен новый корпус, начатый постройкой в марте. Здесь уже производят орудия образца 1907 г. Рабочие встречают нас приветственными возгласами.

Воскресенье, 12 сентября.

Переночевав в поезде, возвращаемся в Лион, где нас снова ожидали Эррио, Ро и генерал Менье. Мы посетили еще несколько заводов: Пинье, Тест, Роше-Шнайдер, Берлие, Лущера. Электрозавод Лущера производит теперь оболочки гранат и составные части к последним. Лущер водил меня на правах хозяина; как мне сказали, он друг Бриана; он поразил меня своим умом и своим духом инициативы. Завтракали в поезде с Эррио, Ро и Менье. Потом отправились в авиационный парк, где в нашем присутствии производились испытания новых самолетов. Посетили школы для переквалификации инвалидов; эти школы — заслуга мэра; в них инвалиды обучаются различным ремеслам: сапожному, переплетному, столярному, а также бухгалтерии и т. д. Были в ратуше, где под деятельным руководством госпожи Эррио работают несколько частных предприятий: по отправке посылок военнопленным, по розыскам пропавших без вести, по оказанию помощи беженцам. Я внес свою лепту в пользу этих благотворительных начинаний и с болью в душе думаю о том, сколько страданий и горя ждут теперь помощи и облегчения. Вспомнил веселые часы, проведенные мною в прошлом году в Лионе, вспомнил прекрасный вечер, устроенный в этой самой ратуше, иллюминированную и запруженную народом площадь. Точно так же в больнице, куда я отправился посетить раненых, я узнал старое здание, в котором ужинал тогда с сестрами милосердия; теперь же всюду перед глазами страшные картины войны. На больничном дворе я роздал солдатам-санитарам военные медали и кресты. Возложил также эти знаки отличия на одного раненого; он не в состоянии подняться с постели: у него страшно обезображено лицо, все конечности обожжены зажигательным снарядом; его нельзя видеть без содрогания: веки его разорваны, нос провалился, щеки изувечены. Он с трудом приподнимается на койке, жестикулирует правой рукой, несмотря на гипсовую повязку, и восклицает: „Меня приводит в отчаяние только то, что я уже не смогу убить этой рукой еще нескольких врагов. Но, да здравствует Франция!“

Оставив Альбера Тома в Лионе, я рано утром приехал в Бельфор, где меня ожидали Мильеран и генерал Мод Гюи. Мы немедленно сели в автомобиль и поехали по направлению к Жироманьи. На широкой равнине, залитой лучами солнца, собрана была марокканская дивизия под командой генерала Коде; она перебрасывается в Шампань, где должна принять участие в проектируемых операциях. Мы принимаем парад этих прекрасных войск, которых — увы! — через несколько дней будет косить огонь неприятеля. Я вручил четырем новым полкам их знамена. В заключение церемонии войска очень красиво продефилировали мимо нас. „Morituri te salutant“ (идушие на смерть приветствуют тебя), — заметил мне генерал Мод Гюи. В самом деле, нет ничего трагичнее, чем салют этих чудесных войск, которые на-днях снова увидят смерть перед глазами. Ах, где вы, жалкие парады мирного времени, ничтожные и безобидные, пустые украшения официальных торжеств, как далеки вы теперь! Между тем тотчас после парада толпа зрителей, сбжавшаяся из Бельфора и окрестных деревень, устроила восторженную манифестацию, приветствует меня, подносит мне букеты полевых цветов, словно забывая про чудовищную действительность.

Мильеран оставил меня: ему надо было немедленно вернуться в Париж. Вместе с генералом Мод Гюи и генералом Деманжем, заменяющим генерала Тевене в командовании укрепленным районом Бельфора, я поднялся на Эльзасскую гору (ballon d'Alsace). День был очаровательный. На вершине горы я осмотрел заканчиваемые здесь защитные сооружения, окопы и проволочные заграждения; они должны служить точкой опоры для наших вторых позиций. Горизонт был ясный, лишь кое-где стался легкий дымок; перед нами открывался прекрасный вид на долину реки Доллер на востоке и долину Мозеля на северо-западе. Внизу, в Эльзасе, сверкали на солнце среди зелени лугов белые строения и красные крыши деревень Севен, Доллерен и Обербрук. Генерал Деманж, крепкий, спокойный, рассудительный, знакомит меня с оборонительными сооружениями, возводимыми им на всем его секторе для первых и вторых позиций. Однако на правом фланге, против Альткирха, он располагает, по его словам, только одной территориальной дивизией — 105-й, порядком утомленной, причем ее артиллерия состоит только из орудий 90-миллиметрового калибра и нескольких тяжелых орудий. Я просил Пенелона сообщить об этом в главную квартиру.

После обеда мы отправились в Даммеркирх, который мы называем его французским названием Даннмари. Большой виадук, по которому проходили мюльхаузенские поезда, разбит; в него попал снаряд 420-миллиметрового калибра, — неприятель стрелял поразительно метко. Мы прошли вдоль линии окопов до живописной эльзасской деревушки Баллерсдорф, разукрашенной трехцветными и белыми и красными флагами. Однако жители встречают нас более сдержанно, чем в долине Сент-Амарен. В школах мальчики и девочки уже начинают хорошо говорить по-французски, с грубым акцентом, и лукаво отвечают на вопросы учителя, сержанта запаса, и сестер де Рибо-

виле. Когда кто-нибудь из детей делает ошибку, учителя останавливают его и спрашивают других: „Как надо сказать?“ Почти все дети поднимают руки, и тот школьник, которому велено говорить, очень гордится тем, что может исправить ошибку товарища. При выходе из школы ко мне подошел старый баллерсдорфский юре и чуть не плача от волнения говорит мне: „Ах, господин президент, в нашем лаге я приветствую возвращенную нам Францию!“ Дальше он не мог говорить, я тоже не в состоянии был ответить ему и крепко жал ему руки.

Вернулись назад через Даннмари и остановились на том месте, где я несколько недель назад принимал парад. Военный комендант говорит мне, что население относится к нам с большим доверием и симпатией, чем прежде. Действительно, явились мэр с трехцветным шарфом, помощник мэра и священник. Видные граждане стоят у крыльца своих домов. Девочки в национальных костюмах преподносят мне цветы. Дома разукрашены флагами, однако среди трехцветных флагов еще попадаются эльзасские флаги.

Затем мы поднялись по зеленеющей долине Лар и проехали мимо небольших коммун: Сент-Лижер, Альтенах, Сент-Ульрих и Мергден. Жители спокойно занимаются своими делами в районе расположения наших солдат 105-й территориальной дивизии. Мы свернули в сторону до Фюллерн и дальше, в красивый лес на востоке; этот лес укреплен нами, деревья его меньше пострадали от снарядов, чем от топора наших солдат. В настоящий момент на этом участке фронта почти не происходит стрельбы, за весь день я не слышал ни одного выстрела.

Проехали еще несколько изящных эльзасских деревушек, в которых наши войска братаются с жителями: Стрют, Гиндлинген, Фризен, Нидерсеит, или Септуа-ле-Ба, Оберсеит, или Септуа-ле-Го. Школьники стоят в ряд у дороги, я иду к ним; девочки декламируют мне приветствия, подносят мне букеты, я раздаю им брошки и широжные.

Полковник полка, расквартированного в Гиндлингене, называет себя. Это — Геннок, мой старый школьный товарищ по лагею в Барле-Дюде. Он родом из Лотарингии и любит Эльзас. Однако он с грустью говорит мне, что по мере приближения к швейцарской границе многие жители утратили чувство французской национальности, и Германии в конце концов удалось перекроить по-своему душу бедных эльзасцев.

Возвращались через Шфеффергаузен. Сделали привал в Решеци, где страсбургский патриот доктор Бюхер и мой старый добрый друг Андре Галлэй заведуют разведкой. Лейтенант Галлэй со своим взводом отдает мне честь. Я крепко пожал ему руку. Около него стоит молодая черноглазая девушка, лицо ее выражает удивление, поза скромна и почтительна. На белом корсаже — военный крест с венчиком. Это почтовая чиновница Люси Морель, совершившая с изумительной скромностью акты героизма. Она родом из Кер-ла-Штит, деревни, соседней с Сампиньи и тоже на три четверти разрушенной. Я вручаю ей небольшой подарок, и она благодарит меня с наивной грацией.

Мильеран докладывает в совете министров о своем свидании с Китченером, с которым он встретился в Кале. На этом свидании было решено, что четыре французские дивизии будут готовы к посадке на корабли 10 октября. Но английский министр не желает, чтобы сэр Джон Гамильтон перешел под начальство генерала Саррайля. К тому же он не думает, что новые войска, будучи отправлены 10 октября, смогут быть брошены в дело раньше 15 ноября. Совет министров подтверждает свое решение потребовать от Саррайля углубленной разработки различных возможных проектов с точным указанием необходимых контингентов. Мильеран предложит генералу взять на себя ответственность и самому решить, может ли он провести эту работу во Франции и не считает ли он более надежным сначала устроить совещание на месте с Гамильтоном и Байу.

Совет министров обсуждает вопрос о назначении товарища министра по авиации. Мильеран предложил Фландена, молодого депутата от департамента Ионны, Вивиани предпочитает Рене Бенара. Кабинет назначил последнего.

По предложению Делькассе, мы присуждаем военную медаль генералу Лиотэ в награду за его большие заслуги в Марокко.

Сент-Менехульд подвергся жестокой бомбардировке из дальнобойных орудий. Пятнадцать убитых. Помощник мэра ранен. Произошли пожары. Здание субпрефектуры пострадало. Эвакуационный госпиталь разрушен.

Положение в Болгарии ухудшается для нас и союзников (София, № 456). Султану представлено на подпись турецко-болгарское железнодорожное соглашение. Вероятно, Германия получила в порядке политических компенсаций свободный проход к Константинополю. Общественное мнение в Болгарии крайне волнуется. Герцог Вандомский, к несчастью, болен желтухой и не может отправиться в Болгарию к Фердинанду. Правительство Радославова не скрывает, что в случае австро-немецкого нападения на сербско-болгарской границе оно скрестит руки и пропустит нападающих (София, № 450).

Как видно, немцы уже проникли в некоторые секреты нашего командования. Бо телеграфирует из Берна: „Военное сообщение. Передают слух, что англо-французские войска перейдут в наступление 15 сентября. Через Кельн прошло много поездов с тяжелой артиллерией, следующих из России и большей частью направляющихся в район Арраса“ (Берн, № 1080). 7 сентября „Leipziger Neueste Nachrichten“ перепечатали из „Нового времени“ сообщение о предстоящем большом наступлении Жоффра. Несомненно, немцы заметили пристрелку нашей артиллерии, а с высот Моронвилье они могли заметить, как у нас роются параллельные окопы на предмет атаки (parallèles de départ).

Среда, 15 сентября.

Судя по телеграммам Октава Гомберга и Малле из Нью-Йорка, немцы начали в Соединенных штатах кампанию против займа союзников. Чтобы закрыть для нас американский рынок, не останавливаются ни перед каким маевром (Нью-Йорк, № 1463).

Представители союзных держав в Софии обратились к болгарскому правительству со следующим коммюнике, в котором Антанта несколько пересолила по части откровенности (София, № 460): „Четыре державы согласны гарантировать Болгарии уступку Сербией немедленно по окончании войны полосы Македонии, которая в болгаро-сербском трактате 1912 г. была включена в так называемую неоспариваемую зону [28]. Однако эта гарантия зависит от декларации Болгарии, что последняя готова заключить с союзными державами военное соглашение относительно своего выступления против Турции в ближайшее время. Если подобная декларация не будет получена в непродолжительном времени, предложение, заключающееся в настоящей ноте, будет, по общему согласию, считаться несостоявшимся“. За отсутствием окончательного соглашения с Сербией проект оккупации левого берега Вардара не мог быть теперь предметом официального обязательства. Радославов осторожно ответил союзным державам, что передаст вопрос на рассмотрение короля (София, № 462).

Четверг, 16 сентября.

Имел продолжительный разговор с морским министром Отаньером; он все более опасается окончательного провала дарданельской экспедиции.

Пятница, 17 сентября.

В сопровождении военного министра и генерала Галлиени отправляюсь на эспланаду инвалидов, где вручаю знамена 230 и 237-му полкам территориальных войск и раздаю знаки ордена Почетного легиона и военные медали изувеченным и слепым солдатам. Толпа, прорвавшись через кордон, окружила храбрцов, обнимает и целует их. Те несколько слов, которые я обязан сказать, теряются в общем шуме и энгузиазме.

Палеолог телеграфирует (№ 1126): „Секретно. Меня уверяют, что правительство решило отсрочить заседания Думы до 15 ноября. При возбужденном состоянии общественного мнения этот шаг может повести к опасным последствиям“. Итак, царское правительство снова повторяет свои ошибки?

Поль Камбон [29] пытается рассеять иллюзии, все еще питаемые Делькассе относительно Болгарии. „Мы не можем надеяться на поддержку Болгарии, — телеграфирует он (№ 2074), — и не должны более добиваться ее... Следовательно, надо искать помощи в Бухаресте, Нише и Афинах и поддержать усилия Венизелоса против Болгарии. По самому ходу вещей это будет известной гарантией против австро-немецких предприятий в направлении Константинополя“. Однако осторожный Венизелос еще не принял решения против Болгарии, а мнение Баррера несколько расходится с мнением (№ 727) Поля Камбона: „Венизелос высказывается в том смысле, что союзные державы не должны шадить усилий, чтобы привлечь Болгарию на свою сторону, даже если шансы на успех представляются минимальными и необходимыми другие жертвы для достижения этой цели. Таким образом Венизелос снова дает доказательство своей политиче-

ской проницательности и верности своего суждения. Я нахожу достойным внимания его предложение заключить оборонительный союз между Румынией, Грецией и Сербией на случай нападения со стороны Болгарии. Считаю, что нам надо поспешить заручиться согласием Британию“.

Суббота, 18 сентября.

Депутат Жан Круши возвратился из своей поездки в Россию. На обратном пути он побывал в Дарданеллах. В Париж он приехал в большой тревоге: остановившись в Мудросе, он беседовал с генералом Баунаном и офицерами и боится, что, если мы не пошлем немедленно подкреплений, наши войска могут быть сброшены в море. „В России, — сказал он мне, — все взоры обращены на Константинополь. Горько жалуется на наше бездействие. Генерал Жоффри послал великому князю Николаю Николаевичу протокол совещания, состоявшегося 7 июля между ним и фельдмаршалом Френчем, и возвестил предстоящее наступление. Затем это наступление было отложено на август. Между тем с нашей стороны еще ничего не последовало, и нетерпение русских растет. Император, — продолжает Круши, — стал очень непопулярным. Распутин возвратился ко двору и снова пользуется большим влиянием. В Думе вожди партий прямо возвещают революцию. Московские фабриканты высказываются в том же духе“. Я просил Круши зайти ко мне еще раз завтра утром; приглашу Мильерана, Вивиани и Делькассе.

Палеолог телеграфирует (№ 1129), что несколько тысяч фабричных рабочих забастовали в знак протеста против только что объявленной отсрочки Думы (№ 1135). Они требуют назначения ответственного правительства.

Мильеран и Пенелон сообщают мне, что третьего дня Жоффри впервые за все время войны сел на коня. Большое волнение в главной квартире. Офицеры радуются и думают, что это репетиция на случай успеха наступления. Жоффри остается большим оптимистом. Но что нам даст это наступление, возмещенное с таким шумом? Как сообщает Баррер, о нем говорят даже в Италии. В главной квартире не верят, что немцы перебросили войска на наш фронт; однако они перебросили много тяжелой артиллерии в Шампань и на Аргоны.

Лорд Берти привел ко мне своего нового морского атташе. Сначала он вошел в мой кабинет один и пытался убедить меня, что необходимо взять обратно обещание, данное России относительно Константинополя. „Я очень сожалею, — сказал я, — что ваше правительство первое дало это обещание, и, как видно, дало его довольно легкомысленно. Но русское отступление лишь усиливает с каждым днем славянское националистское движение. Нам известно, что взоры всей России устремлены на Константинополь и что она уже обвиняет нас в бездействии. Пожалуй, теперь не время отказываться от своего обещания“.

Воскресенье, 19 сентября.

Жан Круши снова в моем рабочем кабинете, на этот раз вместе с председателем совета министров, военным министром и министром

иностранных дел. Он подробно излагает нам то, что видел в России. Он хорошо наблюдал людей и положение, умно и, кажется, беспристрастно. Он пытался побудить императора воздействовать на короля Фердинанда. Николай II ответил ему усталым и бесстрастным тоном: „Что же вы хотите? Я уже два раза платил его долги“.

Молодому цесаревичу приписывают — думаю, впрочем, без всякого основания — следующие слова: „Какая досада! Когда бьют немцев, мама плачет; когда бьют наших, папа убивается“. Эти печальные шутки возникают на почве той ожесточенной и повидимому несправедливой кампании, которая ведется в славянских кругах против императрицы. Однако влияние, снова приобретенное Распутиным, остается подозрительным. Дума в своем общем составе настроена крайне националистически и стало быть реакционно в известных вопросах первостепенной важности. Во всей администрации великий беспорядок. Премьер Горемыкин, старый и усталый, является фактически пустым местом. Сазонов совсем пал духом. Надвигается полный развал, всеобщая анархия. Одно время в Петрограде вспыхнула паника, и город начали эвакуировать. Однако народ храбр. Москва попрежнему остается патриотичной. За неимением ружей солдаты дрались с неприятелем с помощью камней.

Дарданельская экспедиция имеет для России кардинальное значение. „Мы должны, — говорит Круши, — во что бы то ни стало добиться цели, нельзя оставаться в нынешнем положении. В Мудросе вспыхнула эпидемия тифа. В Галлиполи недостаток воды. Время не терпит, дорог каждый час. В Софии, — продолжает Круши, — наше дело проиграно. Радославов — королевский слуга и ведет двойную игру. Фердинанд взбешен против всей Европы. Он мечтал стать императором Востока, но ему преградили дорогу; он никогда не простит этого“.

По уходе Круши я настоятельно прошу Вивiani и Мильерана принять окончательное решение относительно Дарданелл, сговориться с генералом Саррайлем и пригласить его изучить положение на месте и сделать свои предложения. „К несчастью, — говорит Мильеран, — Саррайль относится с таким же безразличием к Дарданеллам, как и к аргонавтской армии“.

Военный министр сообщил мне важное донесение майора Ланглуа о его четвертой служебной поездке в Россию. Этот офицер считает, что русские армии не развалились и не пали духом. Эвакуация Варшавы и линии Вислы, падение Ковно и мощный натиск немцев на Вильно не вызвали никакой паники. Эвакуация очищаемых территорий произошла в удовлетворительных условиях. Ни на одной ступени военной иерархии не заметно признаков упадка духа. Император и великий князь Николай Николаевич попрежнему твердо уверены в победе. Конечно комплектование штабов и войск становится затруднительным. Потери офицеров и унтер-офицеров были очень велики. Однако в сравнении с цифрой народонаселения в 150 миллионов они незначительны, и приняты меры для пополнения потерь.

Сообщив много интересных деталей по всем военным вопросам, майор Ланглуа рисует, по собранным им сведениям, картину общественного мнения в России. В петроградском обществе много людей

связано с немцами узами родства, дружбы и деловых интересов; много в нем также лиц, единственной целью которых является наслаждаться жизнью без каких-либо возвышенных духовных интересов. С другой стороны, в Петрограде существует значительная рабочая масса, которую уже давно обрабатывают анархистские и интернационалистские агенты, — среди них много немцев и австрийцев. Таким образом состояние умов в Петрограде определено неизбежно. Оно, впрочем, было таким с самого начала войны. За пределами столицы, в провинции, настроение лучше. Здесь говорят, что в свое время Наполеон дошел до Москвы, и однако это ему ничего не дало. Император Николай получает из деревень много посланий, в которых выражаются народное воодушевление и патриотизм. Генерала Сухомлинова подозревают в измене, он служит мишенью яростных нападок. Всюду слышишь, что он и жена его должны были бы быть повешены. Сильно критикуют бюрократический режим, на который падает значительная доля ответственности в поражениях русской армии. Лично император — один из самых либеральных людей в правительстве и в известных пределах повидимому убежден в необходимости реформ. Он призвал в военное министерство генерала Поливанова, хотя долгие годы был с ним в неприязненных отношениях. Он дал свое согласие на учреждение особой комиссии, задача которой установить совершенные ошибки и найти виновных. Но прежде всего он мистик. Он верит, что власть дана ему богом и что он отвечает перед богом за действия своего правительства. Согласится ли он когда-либо разделить эту ответственность с другими?

Во времени отъезда майора Ланглюа из России еще не произошло никакой перемены в высшем командовании. В ставке никак не могли предвидеть то, что потом случилось. Трудно установить в точности, чем вызвана немилость к великому князю Николаю Николаевичу. Правда, ему ставили в вину, что он предпринял наступление на Карпатах, не располагая достаточными средствами; его порицали также за то, что он оставил гарнизон в Новогеоргиевске. Но несомненно удаление его вызвано другими причинами. Как и генерал Янушкевич, он был предметом ненависти высшей бюрократии министерских канцелярий Петрограда, к которым часто предъявлялись требования, идущие вразрез с господствовавшим в них духом. Быть может великий князь хотел прикрыть начальника своего генерального штаба? Быть может враги его сумели возбудить подозрительность императора, указав ему на громадную популярность его дяди? Или же просто император, желая напрячь все силы страны для обороны отечества, вспомнил о своем намерении стать во главе армии, бывшем у него еще во время мобилизации? Как бы то ни было, последствия могут быть весьма серьезны. Великий князь, говорит майор Ланглюа, был несравненным начальником в глазах русской армии. Император далеко не пользуется таким авторитетом. Так как его занятия военными науками не шли далеко, он не в состоянии действительно быть главнокомандующим.

Эти сведения подтверждают и дополняют информацию Круши. Сообщения Ланглюа и Круши одинаково внушают нам тревогу. Зна-

чит, русский колосс действительно колосс на глиняных ногах? Как нам поддержать его?

Наш посланник в Афинах Гильмен телеграфирует (№ 426), что король Константин очень благосклонно отнесся к словам Венизелоса о желательности заключения оборонительного союза между Грецией и Сербией на случай нападения со стороны Болгарии; предполагалось, что к этому союзу примкнет Румыния. Гильмену внушает опасения та поспешность, с которой король принял этот проект.

Из Софии де Панафье сообщает, что король Фердинанд принял вождей партий оппозиции. Представитель крестьянской партии выступил очень враждебно по отношению к личности короля и объявил ему, что, если болгарские крестьяне, составляющие большинство населения, простили ему его инициативу 16 июня 1912 г. [30], они не простят ему другой подобной инициативы (18 сентября, № 487).

Понедельник, 20 сентября.

По поводу всех переговоров союзников с нейтральными государствами Палеолог телеграфирует (№ 1146): „Пока русская армия будет отступать, пока французская армия не будет двигаться вперед, пока Италия не решится объявить войну Германии, нейтральные государства не будут верить в нашу конечную победу и будут уклоняться от наших авансов“. Увы, это очевидная истина.

Директор горного отдела министерства общественных работ Вейсс уведомил меня о результате опытов комиссии по удушливым газам, в которой он состоит председателем. Он пишет, что эти результаты позволяют нам надлежащим образом ответить на приемы неприятеля. Мы в точности нашли — на базе хлора — химический состав ядовитых газов, примененных немцами у Ипра, легко можем применить их хоть завтра, если военное министерство этого желает и доставит необходимое сырье. Это — газы, пускаемые волнами. Что касается газов для начинки бомб, то нами найдены два сорта их: одни — удушающие и отравляющие газы — дианисто-водородная или синильная кислота (венсаннит), другие — просто удушливые газы — хлоросерная кислота (клависит) и хлорокись (коллонжит). В военном министерстве утверждают, что опыты в Бурже не приводят ко вполне доказательным заключениям. Вейсс подчеркивает, что территория полигона менее пригодна для употребления газов, чем Аргоннский лес, в котором их применили немцы. Я запросил у Альбера Тома дополнительные сведения.

Вторник, 21 сентября.

Сегодняшнее заседание совета министров прошло в очень тяжелой атмосфере. Началось оно тем, что Вивиани зачитал письмо, полученное им от председателя военной комиссии сената Будано. Комиссия требует, чтобы правительство представляло ей более полную информацию о военных операциях, чем сведения, заключающиеся в ежедневной сводке. Неужели в комиссии имеются члены, которые считают себя способными сами руководить операциями на фронтах? Совет министров постановляет, что Вивиани ответит ко-

миссии: „Мы даем вам в сводке все те сведения, которыми сами располагаем“.

Военный министр докладывает, что присутствовал вчера на опытной стрельбе из орудий 19- и 24-миллиметрового калибра на платформах, установленных на нормальной колее и на колее в 60 сантиметров. Получены благоприятные результаты для расстояний в 12½, в 14½ и в 16 километров. Четыре группы 19-миллиметровых и четыре группы 24-миллиметровых орудий отправлены на фронт.

Затем Мильеран сообщает нам следующие печальные цифры. К 1 сентября сего года во Франции находилось 64 тысячи немецких военнопленных, а в Германии — 272 тысячи военнопленных-французов. К 17 сентября число убитых составляло у нас 12 777 офицеров и 458 573 солдата; число пропавших без вести — 5 898 офицеров и 349 632 солдата; число раненых и эвакуированных — 22 283 офицера и 765 312 солдат. К этим цифрам надо прибавить наши потери на Ближнем Востоке: убиты 253 офицера и 7 471 солдат, исчезли без вести 33 офицера и 4 648 солдат, ранены и эвакуированы 368 офицеров и 112 515 солдат. Что же будет, если победа заставит себя ждать и эта ужасная война затянется?

Мильеран сообщает содержание длинного письма, полученного им вчера от Жоффра. Главнокомандующий заявляет, что он не может сегодня взять на себя окончательное обязательство, что четыре предназначаемые для Дарданелл дивизии будут 10 октября доставлены в Марсель. Он присовокупляет, что экспедиция, в том виде, как она теперь организована, сопряжена с серьезным риском провала и может повлечь за собой необходимость неоднократной отправки новых сил, а это может явиться угрозой для безопасности национальной территории. Наши людские ресурсы весьма ограничены. Можно подсчитать, что они позволят нам поддерживать армию на уровне этого года до начала 1916 г. Но тогда придется либо сократить контингенты, либо призвать на фронт молодых людей призыва 1917 г. „Вот видите! — в большом волнении восклицает Вибиани. — Я вам предсказывал это. Операции в Дарданеллах не состоятся. Главная квартира не желает их, так как командовать ими должен Саррайль“. И он замолчал с мрачным и унылым видом. Отаньер замечает, что письмо Жоффра идет вразрез с обязательствами, которые он дважды взял на себя в моем кабинете. Я присоединяюсь к этому замечанию. Кроме того я требую, чтобы, прежде чем совет министров выскажется по поводу экспедиции, Делькассе осведомил его о тех серьезных известиях, которые только что получены нами с Балкан. Министр иностранных дел зачитывает ряд телеграмм де Шанафье (№ 494, 495, 496, 497, 498, 499). Последние двое суток были чреватые событиями. Выступление вождей болгарской оппозиции не только не отвратило короля Фердинанда от его замыслов, но повидимому побудило его сбросить маску и начать режим государственного переворота. В пятницу вечером он приказал объявить мобилизацию железных дорог. Сообщают, что подписан и будет обнародован указ, которым предписывается во всяком случае частичная мобилизация. В Софии полагают, что турецко-болгарское соглашение немедленно вступит в силу. По всей видимости со вре-

мени последней поездки герцога Мекленбургского в Болгарию существует военная конвенция между Болгарией и Германией [31]. Король и правительство убеждены в победе немцев и повидимому намерены в ближайшее время совершенно порвать с нами. Панафье считает положение критическим. Он советует, чтобы союзные войска заняли Дедеагач и чтобы русские высадили один армейский корпус в Варне или Бургасе.

Рибо требует, чтобы Жоффра известили об этих важных событиях. Он считает, что мы вынуждены теперь послать значительные силы на Ближний Восток, и надеется, что главнокомандующий откажется от своего предстоящего наступления.

Рибо сообщает мне также, что его вчера посетил русский министр финансов Барк [32]. Последний готов внести в Англии миллиард золотом, если Париж и Лондон дадут ему ссуду в десять миллиардов; он заявляет, что эта сумма безусловно необходима ему для продолжения войны. Отовсюду крайне тревожные вести. Заседание кончается в каком-то всеобщем смятении и замешательстве.

Тотчас после заседания я сообщил Пенелону о денешах из Болгарии и просил его немедленно известить главнокомандующего о событиях на Балканах. „Мы не дошли бы до этого, — заметил полковник, — если бы несколько месяцев назад главная квартира последовала советам генерала де Кастельно и согласилась отправить войска в Сербию“.

Наши войска успешно сражаются в Камеруне. Я послал им свои поздравления.

Среда, 22 сентября.

Венизелос вчера пригласил к себе Гильмена с его русским и английским коллегами (Афины, № 440 и 441). Он сказал им, что, по известиям, полученным из Софии, болгарское правительство объявило мобилизацию и что четыре дивизии, приблизительно 150 тысяч человек, а также кавалерия отправлены на сербскую границу, чтобы прикрывать концентрацию войск. Венизелос находит положение весьма серьезным и счел нужным немедленно посоветоваться с королем и начальником генерального штаба. Они высказались в том смысле, что Сербия, которой угрожает нападение немцев, не в состоянии выставить против Болгарии 150 тысяч солдат, как это предусматривается в сербо-греческом договоре, и что поэтому Греция оказывается свободной от своих обязательств. Кроме того король, генерал Дусманис и Венизелос были согласны, что Греция, располагая армией всего в 150 тысяч человек, не может вступить в борьбу без союзной помощи в таком же размере. Поэтому греческий премьер желает знать, могут ли союзники предоставить ему эти контингенты? При этом он поясняет, что имеет в виду европейские войска, а не колониальные. В случае, если Румыния решит примкнуть к Греции, необходимость в этих войсках отпадает, но Венизелос считает неудобным вести переговоры с Румынией; он ожидает, что о намерениях Румынии его информируют союзники, а тем временем требует от Антанты немедленного ответа относительно возможности военной поддержки. По мнению Гильмена (№ 442), если мы упустим этот

случай, когда Греция, возможно, пошла бы против Болгарии, ставшей союзницей Германии, то мы должны на все время войны отказаться от ее помощи. Венизелос конфиденциально объявил посланникам союзных держав, что, если ему будет обещана требуемая им помощь и если король Константин откажется отдать приказ о мобилизации, он, Венизелос, подаст в отставку. Я написал Делькассе и просил его притиснуть ко мне поговорить об этих дешехах, так как знаю, как мало склонен он к каким-либо операциям на Востоке. Впрочем, может быть у нас окажется больше времени для ответа, чем те сорок восемь часов, которые дал нам встревоженный Венизелос. Действительно, только что получена из Софии телеграмма де Панафье, что по неизвестной ему причине болгарская мобилизация отложена на несколько дней и положение не столь опасно, как вчера.

Делькассе говорит мне, что видел письмо Фердинанда к одному из его друзей: оно полно обвинений против Франции. Король упрекает нас в том, что в 1913 г. мы отдали Каваллу грекам. Он утверждает также, что в январе 1914 г. мы чинили препятствия заключению Болгарией займа на нашем рынке. Я сообщил об этом Думергу, и он объяснил мне, в чем дело. В январе 1914 г., когда он был председателем совета министров, он не мог дать немедленно согласие на допущение болгарского займа ввиду поправки Лефевра, приостановившей действие положения об иностранных займах, и ввиду того, что предшественник Думерга Стефан Пшон формально обещал приоритет котированию греческого и турецкого займов. В апреле Думерг настаивал перед банками, чтобы они приняли болгарский заем, но они ответили отказом. В сущности Фердинанд ищет лишь предлогов, чтобы оправдать свою враждебность.

Председатель военной комиссии сената Будано сообщил мне, что в пятницу на заседании этой комиссии Шарль Эмбер преподнес новую утку. Он утверждал, что Дени Кошен недавно вручил мне записку, в которой доказывалась возможность сокращения производства взрывчатых материалов, и что я поддерживал эту идею перед военным министром и министром финансов. Не знаю, откуда „толстяк Шарль“ взял эту чепуху. Я написал ему, что всегда настаивал перед министрами только на усилении производства.

Немцы отпустили в Париж жителя Лилля Герена для хлопот о снабжении своих сограждан. Он говорит, что зимой жителям оккупированных провинций придется очень туго, но они не дрогнут и останутся тверды. Он уезжает в Берлин и пробудет там несколько дней, а оттуда направится в Лилль. Я советую ему быть крайне осторожным в своих беседах с немцами и не вступать в разговоры о мире. Если Германия желает вести переговоры о мире, она объявит об этом официально. Тем временем не следует давать ей возможности пытаться деморализовать и разделить союзников заявлениями, не носящими официального характера. Герен обещал мне соблюдать осторожность.

Во второй половине дня отправился с генералом Дюпаржем и полковником де Рие в военный госпиталь, устроенный в колониальном парке в Ножан-на-Марне. Роздал раненым военные медали и

кресты. В госпитале 336 раненых — французы и мусульмане. Проезжал на пути туда и обратно через Венсенский лес. День выдался прекрасный, солнечный. Женщины сидели на траве, у ног их играли дети. Можно бы подумать, что нет никакой войны. Однако нигде не видишь мужчин, а если видишь, то это всё старики. Другие — там, на фронте, и каждую минуту смерть уносит свои жертвы.

В семь часов вечера Делькассе еще не телеграфировал свой ответ в Афины. С того времени, как сын его ранен и взят в плен, он мрачен и находится в несколько подавленном состоянии духа. Не без труда я уговорил его телеграфировать, что, если Болгария откроет военные действия, мы рассмотрим требование Венизелоса в духе благожелательности.

Четверг, 23 сентября

В совете министров продолжительная дискуссия о восточных делах. Кабинет не только единодушно одобрил телеграмму, которой мне удалось вчера добиться от Делькассе, но решил кодифицировать ее более категорическим ответом, чтобы не дать Венизелосу повода для отказа. Вивинани, Бриан, Рибо, Мильеран и Оганьер считают, что даже в том случае, если Венизелос натолкнется на сопротивление короля и подаст в отставку, мы должны прийти на помощь сербам; при этом предполагается, что французские и английские войска будут отозваны из Дарданелл, и мы ограничимся блокадой проливов. Я энергично поддержал их взгляд и выступил с требованием, чтобы военный министр изучил условия высадки войск в Салониках или Дедеагаче. В конце концов было принято единогласно решение в этом смысле.

Русское правительство заявляет, что ему очень неудобно относиться к Болгарии, как к врагу; оно желало бы опереться на болгарский народ против короля Фердинанда. Здесь Сазонов опять запоздал со своими предложениями [33]. (из Петрограда, 22 сентября, № 1154).

Мильеран сообщил мне рапорт, полученный им третьего дня, 21-го, от главнокомандующего на Востоке. Саррайль дополняет в этом рапорте свой меморандум, в котором рассматриваются операции, долженствующие дать союзным флотам возможность пройти через проливы. В рапорте говорится, что необходимо создать две базы — одну в Лемносе, другую в Митилене; впоследствии встанет также вопрос о создании третьей базы в Кум-Кале. Общая высадка французских войск должна произойти в бухте Юкиези. Ввиду трудности местных топографических условий Саррайль считает целесообразным отправить не четыре дивизии, а два армейских корпуса в полном составе, в том числе один — из колониальных войск. Он советует начать операции по возможности скорее. Занятие Ченака и Чердака является, по его мнению, необходимой предпосылкой для форсирования проливов. Всю работу Саррайль сделал в Париже; он считал излишним уже теперь ознакомиться с местностью, предпочитает отправиться вместе со своими войсками.

Посетил сегодня два дома для выздоравливающих — в Тие и Банье. Они основаны обществом, во главе которого стоят мой друг Морис

Бернар с графиней Греффюль, Пьер Декурсель и несколько коллег по адвокатуре. Дома эти предназначаются для предрасположенных к туберкулезу и для туберкулезных первой стадии. По дороге толпа все еще имеет праздничный вид. Ей неизвестно, как омрачился горизонт в России и на Востоке.

Генерал Байу обращает внимание военного министра на те „непредвидимые (incalculables) последствия“, которые могут произойти для экспедиционного корпуса от болгарской мобилизации (Мудрос, № 14). Из Бухареста наш военный атташе телеграфирует, что в связи с событиями в России происходит брожение среди гражданского населения Румынии. Только известие о предстоящей, хотя бы в более или менее отдаленный срок, отправке французско-английского экспедиционного корпуса может внушить уверенность греческому и румынскому правительствам, а пока этой уверенности у них нет. Только таким путем можно заменить отпавшую Россию (Бухарест, № 448). Болгарское правительство возвестило своим депутатам, что в самом ближайшем будущем предстоит немецкое наступление против Сербии, что последняя будет раздавлена и у нее будут отняты болгарские территории, принадлежащие ей со времени Бухарестского трактата (София, № 509). Радославов прибавил, что Болгарии не грозят осложнения со стороны Греции и Румынии. „Нам даны, — сказал он, — самые официальные заверения на этот счет; мы можем быть спокойны относительно этих двух наших соседей“ (София, № 510). Я написал Делькассе и советую ему категорически заявить через де Панафье королю Фердинанду и болгарскому правительству, что, даже если Греция воздержится, вооруженная интервенция союзников на Балканах неизбежна.

Пенелоп вернул мои мысли к Франции. Он сообщил мне, что на всем протяжении фронта наша артиллерия с большим успехом пристрелялась к своим объектам, и теперь началась артиллерийская подготовка наступления. Это все, что я знаю. Я пишу Мильерану: „Четверг, 23 сентября. Дорогой друг! Как ты помнишь, совет министров вынес постановление, что мы затребуем у главной квартиры точную ведомость тяжелых орудий и их снаряжения, должествующих обслуживать новое наступление. Полковник Пенелоп, которому я сообщил про это постановление, сказал мне, что требуемая нами информация не встретит никаких препятствий. Но сегодня он объявил мне, что генерал Жоффр опасается несоблюдения тайны и не желает, чтобы эти данные были сообщены нам до отдачи приказа о наступлении; мало того, даже тогда он пошлет их нам только под условием, что мы не сообщим их совету министров. Странно, что эти данные могут быть известны множеству офицеров, а правительству отказывают в них... Наше право и наш долг знать, имеются ли налицо необходимые средства для успешного проведения и использования наступления, совершаемого исключительно по инициативе высшего командования. В противном случае ты несешь тяжелую политическую ответственность, а я столь же тяжелую моральную ответственность... В известной мере эта независимая позиция главнокомандующего может быть объяснена и оправдана его абсолютной уверенностью в успехе наступления; он очевидно надеется, что

сразу освободит всю национальную территорию. На это мне неоднократно указывали офицеры связи. Однако за последние несколько месяцев высшее командование совершило слишком много тяжелых ошибок на Вэвре, в Шампани и Артуа, и мы не можем поэтому отказаться от заблаговременной информации...“

Еще сегодня, когда я пишу эти строки Мильерану, Жоффри пребывает в счастливой уверенности, что ему удастся прорвать неприятельский фронт и освободить Францию. В своем общем приказе № 43 от 23 сентября он обращается к войскам со следующими словами: „Солдаты республики! После месяцев ожидания, давших нам возможность увеличить свои силы и ресурсы, тогда как неприятель истощал свои, настал час атаковать и победить... Ваш натиск будет непреодолим. В первом же порыве вы проникнете к батареям неприятеля, за его укрепленные позиции. Вы не дадите неприятелю передышки, пока не завершите победы. Итак, вперед! За освобождение родной страны! За торжество права и свободы!“ Пожелаем, чтобы эти надежды осуществились. Но в тот момент, когда главнокомандующий писал свой приказ, Пашич призывает нас помочь Сербии (Ниш, № 709).

Пятница, 24 сентября.

Полковник Пенелон представил мне, по поручению Жоффра, полковника Барреса, начальника авиационной части при главной квартире. Баррес жалуется на низкое качество наших истребителей и бомбовозов. Я написал товарищу министра Рене Бенару, указав ему на случаи перегревов мотора в пути и просил его серьезно обсудить это с полковником Барресом.

Депутат от Луары Мерлен и депутат от Луары и Эндры Фуше вернулись из Дарданелл, куда они ездили по поручению парламента, и сообщают мне о своих впечатлениях. Они находят безусловно необходимым значительное увеличение наших сил на Востоке: надо послать еще пехотные части, самолеты, санитарные части.

Наш военный атташе в Лондоне телеграфировал вчера вечером военному министру (№ 113), что, прежде чем высказаться о помощи, которой требует от нас сербское правительство, английский кабинет запросил Китченера. Военный министр должен дать заключение, в каком размере Англия вместе с нами может оказать вооруженную помощь Сербии, если последняя действительно подвергнется нападению со стороны немцев и австрийцев, а также Болгарии. Британский генеральный штаб остановился на следующем предположении: Сербии атакуют 450 тысяч немцев и австрийцев, вся болгарская армия и éventуально 100 тысяч турок; помогают сербам 100 тысяч румын (остальная румынская армия охраняет трансильванскую границу), вся греческая армия и англо-французский экспедиционный корпус, — последний, по подсчетам английского генерального штаба, не может превышать 300 тысяч человек. Китченер желает знать, пришел ли наш генеральный штаб к тем же результатам в своих подсчетах?

Я прошу Вивиани, Мильерана и Делькассе обсудить совместно со мной эту телеграмму. Они явились в сопровождении генерала

Грациани. Мы решили немедленно дать знать Вензелосу, что мы посылаем одну дивизию для защиты железных дорог; решено также известить об этом Лондон. Вчера вечером Делькассе телеграфировал в Афины: „Желая дать возможность Греции выполнить свои обязательства по договору с Сербией в обстоятельствах, предусмотренных греческим премьером, французское правительство со своей стороны готово послать требуемые от него войска“ (№ 443). Кроме того Делькассе обратился также к России. Однако Сазонов, как всегда бросающийся от одного плана к другому, возымел теперь странную идею выжать у Сербии новые уступки в пользу Болгарии. Это значит играть на-руку Германии (Петроград, № 1157).

Сегодня утром в Болгарии объявлена всеобщая мобилизация (София, № 517). Население охвачено беспокойством, но хранит молчание. Вчера Бош встретился у Иовановича с сербским наследным принцем; последний спросил нашего посланника: „Когда же нам будет известно решение союзников? Теперь не время для нот и демаршей, теперь настала пора действовать“ (из Ниша, № 715). Братиану опровергает утверждение Радославова, что Румыния обязана соблюдать нейтралитет (Бухарест, № 431).

У нас во Франции все последние пятнадцать дней стояла чудесная погода, а сегодня, накануне наступления, проливной дождь. „Gott mit uns“ (с нами бог), — скажут немцы.

Впрочем Пенелон говорит, что, несмотря на этот потоп, наша артиллерия прекрасно стреляла и произвела сокрушительное действие. Завтра, в субботу, несомненно начнется наше наступление. В ответ на требование, предъявленное военным министром от своего и моего имени, полковник вручил мне „вербальную ноту“ 3-го бюро главной квартиры, помеченную вчерашним числом. Она носит несколько общий характер и перечисляет директивы, данные командующим группами армий: 1) прорвать неприятельский фронт; 2) добившись этой цели, немедленно приступить к стратегическому использованию прорыва; это будет облегчено заходящей линией нашего фронта от моря до Аргонн. Операции северной группы будут увязаны с наступлением англичан; эта группа должна стараться прорвать фронт неприятеля в районе Арраса на общей линии фронта между Ла-Бассе и Фише. Для этой атаки генерал Фош располагает семнадцатью пехотными дивизиями, двумя кавалерийскими дивизиями, около 700 орудиями 75-миллиметрового калибра и 380 тяжелыми орудиями. Английская кавалерия должна действовать согласованно с нашей. I английская армия ведет наступление главным образом в направлении Лоос-Уллуч и кроме того наступает в двух второстепенных пунктах на север от канала. II английская армия производит с помощью двух дивизий демонстрацию на восток от Ипра. Центральная французская группа наступает между массивом Моронвилье и Аргоннами, ее наступление охватит фронт IV, II и III армий; в распоряжении этой группы тридцать пехотных дивизий, семь кавалерийских дивизий, 1200 орудий 75-миллиметрового калибра, около 850 тяжелых орудий. Дальнейшее продвижение этих армий будет облегчено атакой V армии. Командующий центральной группой даст V армии приказ идти в атаку, когда найдет это целесообразным, после

вступления в действие IV и II армий; атака эта произойдет между Краоннским массивом и долиной Эны. Для этой операции V армия располагает шестью пехотными дивизиями, около 250 орудий 75-миллиметрового калибра и таким же количеством тяжелых орудий. Эскадрильям наших бомбовозов дана директива разрушать важнейшие железнодорожные пункты, которые неприятель мог бы использовать для переброски подкреплений.

Восточная группа будет выжидать приказа поддержать общее наступление операцией, подготовленной ею на Вэвре. Когда армии северной и восточной групп прорвут фронт неприятеля, как на это определенно надеется Жоффри и его штаб, они должны будут не останавливаясь гнать перед собой немцев в восточном и северном направлениях и стараться захватить коммуникационные линии неприятеля. Группа, состоящая из I британской армии и нашей X армии, устремится на участок фронта Ле-Кенуа — Френ-ле-Бюиссеналь, а армии генерала де Кастельно — на участок фронта Ле-Пувион — Седан. Прочие британские армии и VI французская армия будут участвовать в наступлении сообразно обстоятельствам. Задача кавалерии: 1) ожесточенно преследовать неприятеля на возможно большем протяжении фронта; 2) выделить отряды для разрушения сооружений на коммуникационных линиях неприятеля и для расстраивания движений его резервов и его снабжения.

Заманчивые перспективы, пожалуй, слишком заманчивые, чтобы не оказаться миражем.

Суббота, 25 сентября.

Не мог спать и поднялся спозаранку. Мне не давала покоя мысль, что быть может сегодня решается наша судьба; мучило, что я почти ничего не знаю о том, в каких условиях начинается это сражение. А между тем вот уже скоро третий год я ежедневно получаю письма, в которых говорится: „Вы стоите во главе нации, вы все можете, вы хозяин, вам стоит сказать только одно слово“. Бедные люди, не привыкшие к свободе! Завтра, если дела пойдут плохо, они с той же логикой возложат на меня ответственность за все несчастья.

Впрочем, в „Tägliche Rundschau“ от 18 сентября я тоже нашел статью, где говорится о диктаторе Пуанкаре, который царствует с помощью цензуры и скрывает от Франции истину. Франция изображается, как грязная, развращенная страна алкоголиков и туберкулезных, в ней нет прироста населения, она осуждена на упадок и гибель. Продолжайте, продолжайте, господа; но хотя я и не диктатор, я останусь на своем посту, пока вы не будете разбиты.

До нашего сведения дошло, что немецкие агенты обосновались в Корфу и снабжают оттуда неприятельские подводные лодки; думаю, что это делается без ведома греческого правительства. Делькассе просил Гильмена предупредить об этом Венизелоса (№ 459). Последний добился от короля Константина согласия на объявление мобилизации осторожности ради; однако он не знает, возможно ли будет в случае надобности сделать дальнейший шаг, и еще вчера он говорил о своей отставке (Афины, № 460 и 461). „Его уход, — заявляет Гильмен, — был бы несчастьем, так как рухнуло бы все

знание его политики, которую только он один может поддерживать против воли короля“.

Главная квартира изучила материал для ответа лорду Китченеру. Она не верит, что немцы и австрийцы пойдут в атаку против сербов армию в 450 тысяч человек. Она считает, что наши враги не располагают достаточными возможностями для такого натиска. Поэтому главнокомандующий полагает, что вспомогательный корпус союзников может быть гораздо ниже 300 тысяч человек [34]. В этот корпус должны войти войска, находящиеся в Дарданеллах, так как наши ресурсы в области контингентов и снабжения не позволяют нам разбрасываться на три театра военных действий; к тому же, используя дарданельский экспедиционный корпус на другие цели, мы избежим скандала его формального отозвания; и наконец дарданельская экспедиция имела для нас цель установить прямое сообщение с Россией. Потерпев крушение в этой попытке, мы должны установить теперь сообщение через Салоники и Дунай.

Продолжительная и беспорядочная дискуссия в совете министров. Мильеран зачитывает этот меморандум главной квартиры. Министры удивляются, что в нем не говорится ни слова о дивизиях, обещанных на 10 октября. Мильеран отвечает, что он приоткрыл письмо Жоффру с напоминанием прежних обещаний и тех конкретных условий, на которых правительство передало главнокомандующему новые формирования. Однако, не желая расстраивать Жоффра в момент наступления, он еще не отправил этого письма. Говорит, что отправит его через два-три дня.

Берти известил Делькассе, что Грей объявил болгарскому посланнику в Лондоне: если болгарское правительство не даст заверений, что мобилизация не направлена против союзников, Англия вынуждена будет отозвать своего представителя из Софии. Такая позиция представляется нашим министрам не очень целесообразной, ибо как быть, если болгарское правительство даст заведомо ложные заверения? Напротив, Сазонов после неслыханных уверток в конце концов предложил довольно разумное решение: объявить всенародно, что, если Болгария нападет на Сербию, мы будем рассматривать это нападение как направленное против нас [35]. Совет министров принял эту идею русского министра.

Кроме того, по предложению Думерга, принято следующее решение: Франция обратится с просьбой к союзникам выступить вместе с ней с совместным демаршем в Софии и указать Болгарии, что ее мобилизация является актом недоверия к союзникам, так как они обещали ей Македонию и Каваллу; она не имеет права самовольно разрывать Бухарестский договор, и, если в течение сорока восьми часов она не произведет демобилизации, ее поведение будет рассматриваться как недружественное. Делькассе следил за этими прецедентами, не вмешиваясь; затем, с большим трудом выговаривая слова, он произнес: „Надо хорошо обдумать это; речь идет о Франции, надо подумать о наилучшей возможности. Предположим, что ни Греция, ни Румыния не откроют военных действий. Как нам тогда быть после нашего ультиматума Болгарии? Мы окажемся в тисках, поневоле должны будем послать силы на Восток. Нам придется осла-

бить наш фронт во Франции. Что касается меня, я всегда думал, что мы должны сосредоточить массу наших контингентов на главном фронте, т. е. во Франции“.

Рибо и я отвечаем, что, так или иначе, если Болгария по соглашению с Австро-Венгрией и Турцией нападет на Сербию, мы вынуждены будем считать себя находящимися в войне с Болгарией. Перед нами встанет тогда вопрос, какие силы мы можем послать на Балканы. Этого вопроса мы не избежим, если Болгария возьмется за оружие. Поэтому лучше стараться удержать ее на наклонной плоскости, на которую она брошена своим королем.

Совет министров присоединился к этому мнению и поручил Делькассе снестись с союзниками относительно представлений, которые должны быть сделаны болгарскому правительству. Вивьани, Рибо, Бьенвеню-Мартен и Бриан удивлены колебаниями Делькассе и объясняют их его болезненным состоянием.

В половине второго Пенелон извещает меня, что наступление началось. Англичане продвинулись вперед на пять километров в направлении Лап, к югу от Ла-Бассе. Они пустили волны удушливых газов, но ветер частично отогнал их обратно на самих англичан. Англичанам не удалось продвинуться ближе к Ла-Бассе. Наша атака под Аррасом началась только к 11 часам — из-за утреннего тумана. В Шампани мы взяли первые линии неприятеля на всем протяжении фронта; наша кавалерия даже прорвала правое крыло неприятеля; генерал Маршан был ранен, когда впереди своих войск увлекал их в блестящем порыве. Лицо Пенелона так сияет, словно он принес мне известие о победе.

Я не могу сдержать своего волнения. Поднялся в „библиотеку“ и, оставшись наедине с женой, разразился рыданиями. Если это действительно победа, какое счастье! Но если сегодня вечером или завтра наш натиск разобьется о вторые линии неприятеля или если мы будем отброшены его контратаками, то сколько пролито крови, сколько убитых и раненых ради иллюзорного результата! И как тяжело отразится это на Востоке! Не лучше ли было бы, если бы мы уже давно, как советовал Кастельно и как требовали Бриан и я, прочно окопались на французском фронте и нанесли репительный удар на Балканах! Это вывело бы греческое и румынское правительства из их оцепенения и связало бы руки болгарам. Когда русские одержали победы в Галиции, наше появление в Салониках быть может отдало бы все в наши руки... Однако какой прок от сожалений? Будем пытаться идти вперед по тому пути, который, кажется, открывается нам.

Аббат Веттерле, энергично занимающийся в Париже эльзасскими делами, изложил мне разумные соображения относительно воссоединения его родины с Францией, которого он ожидает в близком времени. Он считает опасным слишком поспешное распространение французского законодательства на воссоединенные провинции. Они далеко не подготовлены к этому.

С Востока плохие известия. Неужели три короля — румынский, греческий и болгарский — связались за спиной своих народов с германским императором? Быть может все изменилось бы с победой на

нашем фронте. Но... германское радио уже утверждает, что наше наступление полностью провалилось. Однако Пенелоп — он приходит теперь два раза в конце дня — принес мне совершенно противоположные известия. Он резюмировал их следующим образом: „Весьма блестящий результат у группы Кастельно, очень хороший у группы Фоша, превосходный у англичан“. По словам полковника, в главной квартире считают, что первый день наступления дал все, что можно было ожидать, и даже больше того. Мальви принес мне телеграмму от префекта Марны; она тоже оптимистична, но сообщает о тяжелых потерях. Вечером Мильеран звонил мне, что, по сведениям главной квартиры, все идет хорошо; в Шампани мы взяли в плен 7 тысяч немцев. Будем ждать и надеяться. Но какая тревога в сердце!

Воскресенье, 26 сентября.

Мильеран сообщил мне новые сведения, полученные им из главной квартиры. В Шампани мы взяли в плен более 10 тысяч немцев. С этой стороны наше продвижение, видимо, идет очень неплохо.

Длительное совещание с Вивиани, Делькассе, Мильераном и Оганьером. Делькассе все еще ничего не телеграфировал в Софию. Составленную им депешу он все еще не отправил. Он не предлагал более союзникам заговорить с Болгарией твердым языком. А сегодня утром он получил письмо от Извольского с известием, что Сазонов берет назад свое предложение объявить Болгарии, что нападение на Сербию мы будем рассматривать как враждебный акт [36]. Итак, ничего не осталось. Я заметил Делькассе, что это общее воздержание может лишь шокировать Болгарию и что безусловно необходимо взять твердую позицию в Софии. Вивиани, Мильеран и Оганьер энергично поддержали меня. Делькассе не говорит ни да, ни нет. Я его не узнаю, он как будто другой. В конце концов он покорился. Он предложит союзникам потребовать от Болгарии демобилизации. Во второй половине дня Вивиани снова зашел ко мне и горячо жаловался на колебания и медлительность Делькассе; воля Делькассе как бы парализована.

Дюбо сделал мне длинный визит. Он передал мне желания сената относительно посылки войск на помощь Сербии; я конфиденциально ставлю его в известность о тех затруднениях, на которые мы наталкиваемся в Греции и Румынии, и о сопротивлении Жоффра. Как и правительство, он того мнения, что войска должны быть отправлены, несмотря на сопротивление Жоффра.

В конце дня майор Эрбильон сказал мне, что число взятых в плен немцев превосходит 15 тысяч и что мы атакуем в хороших условиях вторые линии неприятеля. Однако второй день наступления подходит к концу, а эти линии не взяты; истек срок, в который, как нам говорили генералы де Лангль и Петэн, должен был определиться успех или неуспех наступления; неприятельский фронт не прорван, и немецкое радио уже возвеждает, что у нас самих взято в плен несколько тысяч. Боюсь, что мы далеки от того результата, на который надеялись. Однако Эрбильон продолжает надеяться. Подождем еще.

Манафье телеграфирует, что мобилизация происходит в Болгарии, как в 1912 г., но при унылом настроении. Крестьянская партия и социалисты распространяют среди солдат манифест против короля Фердинанда. В Греции (№ 466, 467, 468) Константин согласился на продолжение мобилизации, но отказ от нейтралитета является предметом спора между королем и его министром. После продолжительной беседы с Вензелосом Гильмен настаивает, чтобы мы повременили с высадкой наших войск в Салониках. Мы присоединяемся к взглядам Вензелоса. Мы отвозим одну из наших дивизий на полуострове Галлиполи и перевезем ее в Лемнос; кроме того отправим в Салоники лошадей, военный материал, снаряжение с конвоирами и солдатами в штатском.

Понедельник, 27 сентября.

Чрезвычайное заседание совета министров. Вернувшийся из главной квартиры Мильеран привез нам крайне скудные детали о наступлении. Под Аррасом наступление застряло, и Жоффр уже не надеется здесь на прорыв. В Шампани мы на протяжении двенадцати километров находимся в соприкосновении с последней линией неприятеля, расположенной на юг от Сомм-Пуи. Она, кажется, гораздо слабее тех, которые мы взяли вчера, но тем не менее снабжена проволочными заграждениями; в воскресенье при проливном дожде эти заграждения совершенно остановили нас. Эта остановка представляется мне плохим предзнаменованием, так как генералы де Лангль де Кари, Петэн и де Кастельно все трое говорили мне, что если мы не возьмем одним натиском все неприятельские линии, то дело проиграно, и что стало быть результат наступления должен выявиться в 24-часовой, самое большее в 48-часовой срок. Однако, по словам Мильерана, Жоффр все еще надеется, что нам удастся прорвать неприятельский фронт в Шампани. Вчера вечером товарищ министра Жюстен Годар инспектировал в Суэн врачебно-санитарный пост и видел, как проезжала многочисленная кавалерия, направлявшаяся на север. Бравые солдаты, горящие нетерпением „прорваться“ и драться! Какое разочарование для всех этих героев, что после стольких жертв мы не можем двинуться дальше!

Делькассе зачитывает полученные и отправленные телеграммы. Кабинет единогласно одобряет шаги, предпринятые нами вчера.

В три часа Пенелон передал мне, что Кастельно телефонировал сегодня: „Я в соприкосновении с последними немецкими линиями на протяжении двенадцати километров. У меня впечатление, что дело проваливается. К тому же мы не можем оставаться там, где находимся теперь“. В Шампани атака должна была возобновиться к двум часам. Мы придвинули 105-миллиметровые орудия, чтобы бить по неприятельским позициям, которые не были до сих пор достаточно разрушены нашей артиллерийской подготовкой. Бросим в бой пять свежих дивизий. Боюсь, что мы увязнем. Если мы сегодня не прорвемся, станем ли мы опять, как под Аррасом, преследовать призрак убегающей от нас удачи? Не лучше ли было бы удовлетворяться достигшимся нам тактическим успехом и не искать стратегического решения, которого мы не добьемся, раз не добились его немедленно?

В конце дня Пенелон явился с новым сообщением, что наша атака против последних немецких линий в Шампани началась только в шестнадцатом часу. Известия будут не раньше вечера.

Норвежский посланник барон де Ведель-Ярльсберг привел ко мне романиста Иогана Бойера, который свидетельствует мне свои симпатии к Франции. Посланник рассказал мне, что в конце июля 1914 г. он зашел в германское посольство и застал там фон Шена, занятого наблюдением за упаковкой своих бумаг. „Я ожидаю, что мне вручат мои паспорта“, — сказал германский посол. „Но вам их не вручат, пока не будет объявлена война, а объявит ее не Франция“. — „Да, правда, — заметил фон Шен, — здесь сделали все, чтобы можно было сохранить мир...“

Испанские депутаты, члены партии реформ — Альварес, Уна, Вальдес и Коридхедо, — тоже выразили мне свои пожелания Франции.

Вторник, 28 сентября.

Король Константин в последние дни не выходил из комнаты. У него была сильная лихорадка и боли в плевре. Укол, сделанный третьего дня, принес ему значительное облегчение. Публике говорили только об инфлуэнце (Афины, № 472). На основании последних депеш из Греции наш совет министров принял следующие постановления: в первую очередь, послать прямо в Салоники, по требованию Венизелоса и с молчаливого согласия короля, дивизию из Галлиполи; если отправка ее задержится по вине англичан, то выделить из нее, не теряя времени, первую бригаду; во-вторых, незамедлительно вызвать из Александрии в Салоники два полка спаги, находящиеся в Египте; при этом можно не переодевать их в штатское, Венизелос объявил эту предосторожность отныне излишней. Согласно желанию Венизелоса, мы официально известим Грецию, что идем на помощь Сербии. Мы попытаемся отправить немедленно из Франции другую бригаду, если Мильерану удастся найти бригаду, готовую к отправке. Вместе с ней поедет генерал Саррайль. Как только будут приостановлены операции в Шампани — а это, увы, должно произойти либо сегодня вечером, либо завтра, — мы уведомим Жоффра о необходимости отправить другие четыре дивизии. Мы постараемся притти к соглашению с англичанами по вопросу о командовании и в контакте с ними снимем в возможно скорый срок нашу вторую дивизию с Дарданелл. Так как Делькассе все еще колеблется, Рибо решительным тоном заявил, что выйдет из состава правительства, если французские дивизии не будут безотлагательно отправлены в Салоники.

Мильеран сообщает совету министров о положении в Шампани. Оно не очень удовлетворительно. Вначале главная квартира утверждала, что мы укрепились в двух пунктах вторых линий неприятеля. Но префект Марны, напротив, сообщает, что мы дошли до Сомм-Шюи, а потом были отброшены назад. В половине двенадцатого утра Эрбийльон принес сообщение, что мы остановлены перед вторыми линиями немцев, снабженными „скрытыми“ проволочными заграждениями. Эти печальные известия сильно взволновали Вивиани; он

возмущается Жоффром и главной квартирой. Часть министров энергично присоединяется к его нападка. Альбер Сарро, большой поклонник Жоффра, всеми силами защищает его. Я заметил, что мы во всяком случае можем поздравить себя с тактическим успехом; согласно заграничным телеграммам он имел хорошие моральные и дипломатические результаты. Но если у нас нет никаких серьезных шансов прорвать фронт неприятеля, не следует упорствовать и гнаться за стратегическим успехом, который отныне оказывается весьма не легким делом. Я сообщил совету министров то, что мне открыл Пенелон и о чем я уже догадывался по некоторым словам Жоффра во время его последнего посещения: в главной квартире готовят новое наступление, на сей раз в Эльзасе. Ради него нам отказывают в дивизиях, которые могут пригодиться на Балканах. Правительство должно иметь свое мнение на этот счет. Предоставим ли мы на усмотрение главнокомандующего начать в этом году еще одно наступление? Позволим ли мы ему бронировать для этого наступления войска и снаряжение, которые могут понадобиться для экспедиции на Балканы? Откажемся ли мы от мысли помочь сербам, т. е. защищать железную дорогу из Салоник и обеспечить таким образом наше сообщение с Россией? Все эти вопросы должно решать правительство, а не один главнокомандующий. В самом приказе о его назначении говорится, что он является главнокомандующим только над армиями на нашей восточной границе. Должна быть инстанция, распределяющая контингенты между различными фронтами; эта задача не возложена на главнокомандующего армиями на восточной границе, она лежит на правительстве. Рибо и Бриан поддержали мои замечания. Совет министров согласился с ними.

В конце дня зашел ко мне Вивиани и с искренней горестью говорит, что находит Делькассе больным и переутомленным. Эрбильон сообщает, что Жоффр отправился сегодня на командные посты де Кастелью, де Лангля и Петэна совещаться с этими генералами. Перед отъездом он сказал своему штабу: „Мы добились победы, к которой стремились (Nous avons notre victoire). Я не желаю портить ее. Мы будем продолжать лишь в том случае, если есть планы продвинуться дальше“. Как видно, три генерала находят, что не следует еще останавливать войска и что нам может еще удастся прорвать фронт. Неужели остается еще луч надежды?

Сазонов, меняющий каждый раз взгляды, на этот раз настаивает, чтобы союзники отправили в Софию настоящий ультиматум (Петроград, № 1171 и 1172). Очевидно на него действовали представления Сербии, которая опасается быть атакованной с фланга и с тыла и желает иметь возможность опередить Болгарию, если последняя не разоружится. В Лондоне и Риме, напротив, предпочитают менее резкий образ действий (Лондон, № 2195; Рим, № 762). Руководить дипломатическими делами не легче, чем военными.

Как видно, греческая мобилизация, отправка союзных войск в Сербию и настроение болгарского общественного мнения заставили задуматься короля Фердинанда и болгарское правительство; кроме того они боятся разрыва с державами Антанты (София, № 531 и 532). Они сделали некоторую остановку. К тому же вследствие

разногласий между Радославовым и Тончевым оказалось необходимым преобразование кабинета [37].

Николай II поздравил меня с „большим успехом доблестной французской армии“. Я благодарю его и в свою очередь выражаю свое восхищение стойкостью, пример которой каждодневно подают русские войска. Ах, если бы я мог говорить об их победе!

Среда, 29 сентября.

Вчера Грей заявил в палате общин, что, если Болгария нападет на Сербию, Англия станет на сторону последней. Однако он не согласился на последние предложения Сазонова (Лондон, № 2205 и 2210). Английское правительство уже не спешит с отправкой войск в Салоники. Первый лорд адмиралтейства возражает, что, прежде чем отправлять в Грецию корабли с войсками, надо принять меры против германских подводных лодок (Лондон, № 2206).

Утром я пригласил к себе Вивiani, Делькассе, Оганьера и Мильерана. Делькассе с каждым днем выглядит хуже, у него совсем подавленное настроение. Другие министры того мнения, что английские возражения не должны останавливать нас и что необходимо торопиться с отправкой войск в Салоники. К тому же Жоффер дал согласие на немедленную отправку одной бригады из Бельфора. К этому мы прибавим дарданельские дивизии, несмотря на возражения генерала Гамильтона. Собравшись к полудню, совет министров постановляет ускорить демарш в Софии на почве английской формулы как минимума, послать в Лондон спешное требование об освобождении наших двух дивизий в Дарданеллах и отправить в Салоники бельфорскую бригаду и войска из Дарданелл и Египта, при этом не считаться с тем, как поступит Англия, ограничиться одним предупреждением ее [38].

Об операциях во Франции получены более утешительные известия. По согласованности с главной квартирой я послал Мильерану письмо с поздравлениями для наших войск. Одно время я боялся, когда писал его сегодня, что оно может быть принято за преждевременное возвешение конца сражения. Однако после телеграммы джаря нельзя обойтись без этого жеста со стороны президента, да к тому же войска дрались так изумительно, что лучше не откладывать.

Пенелон весьма удовлетворен. Мы достигли вершины Вими, а сегодня ночью прорвали вторые линии неприятеля на северо-запад от Суэн. В образовавшуюся таким образом дыру прошло несколько наших полков, а также кавалерия. Кажется, немцы согласны принять сражение в открытом поле. Но Пенелон говорит, что это пока должно еще остаться в великой тайне. Он просит меня не говорить об этом решительно никому, так как мы можем быть остановлены и даже отброшены контратаками неприятеля. Немцы отовсюду, где только можно, собирают свои сколько-нибудь свободные части, не брезгают даже простыми ротами. Вчера вечером Жоффер колебался, продолжать ли сражение. Его беспокоил вопрос о расходовании снарядов. К тому же Петэн находил целесообразным атаковать вторые линии неприятеля без новой артиллерийской подготовки. При-

каз о возобновлении боев дал Кастельно. И вот наступили новые часы ожидания и тревоги.

Во второй половине дня я посетил госпиталь, устроенный корпорацией нотариусов на улице Шеврез. Нашел несколько раненых из Суэп и Суше; все они в прекрасном настроении.

Затем заехал в министерство общественных работ, где Марсель Самба организовал выступление товарища английского министра финансов Роберта и члена лейбористской партии в палате общин Ходжа; они говорили об участии Англии в войне. „Плечом к плечу с Францией, — сказал Робертс, — Англия будет сражаться по последней капли крови“.

Возвратившись в Елисейский дворец, застал здесь Пенелона в еще более радужном настроении. Три наши дивизии продвинулись на север от Суэп. Одна из них идет на Сомм-Пюи, другие две свернули направо и налево, чтобы зайти в тыл пройденных нами позиций неприятеля.

Ввиду новых телеграмм из Болгарии я просил Вивиани и Делькассе притти ко мне к концу дня на совещание. Делькассе жалуется на усталость и нездоровье. Однако он превозмог себя и обратился к России с требованием поддержать совместно с нами Сербию и в случае надобности послать войска по Дунаю; он подписал также составленную де Маржери телеграмму, в которой мы указываем Лондону на опасность выжидательной позиции. В Софии король не принял отставки Тончева, и состоялось примирение между последним и Радославовым. Это означает триумф немцев. Они уже ведут себя здесь, как хозяева. Их офицеры работают в военном министерстве. Немцы посылают деньги для немедленной оплаты реквизиций (София, № 537).

Вечером Мильеран сообщил мне по телефону, что в Шампани мы действительно пробили брешь и прошли через нее неизвестно с каким количеством войск, но потом вынуждены были отступить через эту самую брешь. Больше ничего не известно, но и этого достаточно, чтобы вызвать во мне смертельную тревогу, которая не покидала меня всю ночь. Что случилось с теми тремя дивизиями, которые, как нам сообщали, перешли за неприятельские позиции? Если они были отведены назад, то наверно понесли огромные потери? Вероятно многие из наших попали в плен? Эти мысли не дают мне покоя, причиняют мне жестокие страдания. Я вспоминаю сияющие лица публики на сегодняшнем собрании в министерстве общественных работ, вспоминаю, как Жюль Гэд в порыве чувств жал мне руку и говорил: „Как хорошо вы сделали, что послали привет нашим войскам!“ Бедная благородная армия, бедная дорогая страна...

Четверг, 30 сентября.

Утром невозможно было получить никаких известий от главной квартиры. Я велел телефонировать генералу Пелле. Он заявляет, что еще ничего не знает кроме того, что мы через открытую брешь продвинули пехоту, кавалерию и артиллерию, что наше наступление было остановлено и несомненно не все вернулись назад.

Под мрачным впечатлением этих известий министры собрались на заседание. В полдень явился Эрбильон с бюллетенем. Он принес известие, что через брешь прошли не три дивизии, а три бригады. Цифра наших потерь неизвестна.

Немецкое радио до сих пор молчит. Если бы мы потерпели неудачу, тяжелую или легкую, неприятель не преминул бы протрубить об этом на весь мир. Правительство все больше приходит к убеждению, что необходимо срочно отправить войска в Салоники для ободрения наших друзей. Бельфорская бригада, которую Жоффри согласился отпустить для этой цели, будет готова к отплытию не раньше 6 октября и сможет прибыть на место только 12 или 13 октября. После длительной дискуссии решено было, что Делькассе поедет в Англию со следующим поручением: настаивать на том, что в военных интересах нельзя позволить болгарам опередить сербов; далее, объявить, что мы немедленно отправляем в Салоники одну бригаду из Франции; потребовать освобождения наших двух дивизий в Галлиполи, как нам это было обещано (Гамильтон все еще отказывается отпустить их); подчеркнуть, что мы приложим все усилия, чтобы собрать еще войска, но что мы, естественно, должны в первую очередь считаться с насущными потребностями нашего фронта; установить совместно с английским правительством окончательную цифру войск, необходимых для охраны железной дороги, ведущей от Салоник к сербской границе.

Так как Делькассе только вчера решился телеграфировать в Петроград относительно требуемой сербами помощи русских войск, я предложил в совете министров, что сам буду телеграфировать императору. Все одобрили мою мысль. Я тут же составил текст телеграммы, и правительство приняло его.

Затем Альбер Тома излагает свою производственную программу. Рибо возражает против того, что в ней производство снаряжения предусмотрено до середины лета 1916 г.; он находит это преувеличением и убежденно заявляет: „Война не будет длиться так долго, она не может продолжаться дальше весны“. — „Увы, — говорю я, — откуда вы это знаете? Лучше предусматривать самое худшее“. — „Да, но если она так затянется, никто из нас не останется здесь“.

День близится к концу, а я все еще не имею никаких известий с фронта. Наконец в семнадцать часов я узнал через германское радио и от Эрбильона, что, к счастью, через брешь прошли не три дивизии. Немцы утверждают, что прошла одна бригада, которую они уничтожили, причем взяли в плен 800 человек. Эрбильон говорит, что прошли только некоторые части авангарда, причем во всяком случае не всех трех видов оружия; мы не потеряли ни одного орудия. К тому же германский бюллетень составлен далеко не в победоносном тоне.

В конце дня ко мне один за другим пришли Дюбо, Дешанель и Вивиани и остались все вместе в моем кабинете. Разговор с Дюбо и Дешанелем затянулся, и я чувствую, что Вивиани, пришедший последним, нервничает. Я постарался любезно распротиться с Дюбо и Дешанелем и остаться наедине с Вивиани. Он немедленно сообщил мне, что Делькассе подал в отставку из-за состояния здоровья. Вивиани прибавил, что намерен при таких обстоятельствах

зондировать. Буржуа и, в случае неудачи, Бриана и братьев Камбонов. Я возразил, что в настоящий момент не следует допускать мысли об уходе Делькассе; его уход произвел бы во Франции и у наших союзников самое нежелательное впечатление и был бы истолкован как признак разногласий в правительстве. Я вызвал Делькассе; он действительно болен от переутомления и горя о сыне. Я умолял его остаться в министерстве по долгу патриота, объявил ему, что не приму его отставки, что она произведет самое тяжелое впечатление во Франции и у наших союзников, так как все помнят его славную роль и все доверяют ему. Он обещал подумать до завтра. Я настаиваю, и он уступил. Решили лишь освободить Делькассе от поездки в Лондон. Впрочем Англия приняла меры для освобождения наших дивизий на Дарданеллах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Телеграмма царю. — Болезнь Делькассе. — Высадка в Салониках. — Прекращение операций в Шампани. — Сопещания с генералом Жоффриом. — Вступление Болгарии в войну. — Назначение Зампса на место Венизелоса. — Отставка Делькассе. — Вивиани оставляет пост председателя совета министров. — Образование кабинета Бриана.

Пятница, 1 октября.

Беседовал с депутатом Шоме, который тоже в качестве парламентского контролера ездил в Мудрос и на Дарданеллы. Он рассказывает, что дух наших войск превосходен, но военное положение их нестерпимо, всякая возможность наступления окончательно парализована. Пора окончательно сделать выбор между Галлиполи и Салониками. Лондонский кабинет, в свое время увлекший нас в дарданельскую экспедицию, до сих пор отрицательно относится к высадке наших войск в Салониках. Судя по сегодняшним депешам, большинство наших представителей за границей весьма обеспокоено медлительностью британского правительства. Грей отказывается прикнудить к предлагаемому Сазоновым демаршу в Софии, правда, несколько резко. Он предпочел бы теперь, чтобы удовлетворялись предостережением болгарскому правительству в умеренном духе и объявили ему, что болгарская мобилизация не может не внушать опасений Сербии и что если в Софию действительно прибыли германские офицеры, то четырех союзным державам трудно будет удерживать сербов от выступления в защиту своего существования (Лондон, № 2233). Палеолог, который долгое время был нашим представителем в Болгарии и знает болгарское правительство, находит эти проволочки сугубо опасными (Петроград, № 1180). Того же мнения и Баррер: „Депеши, полученные консультой, подтверждают наши сведения из Софии и Афин о том, что немцы прибрали к рукам политическое и военное руководство в Болгарии. Здесь уже не сомневаются в том, что существует соглашение между королем Фердинандом и немцами“ (Рим, № 769). Баррер настаивает на „необходимости высадки наших войск в Салониках, не считаясь с желаниями греческого короля; этим решительным шагом мы должны показать нашу твердую готовность противодействовать замыслам немцев и бол-

гар, прежде чем они воплотятся в дело“ (Рим, № 769-бис). Саландра не верит в успех дипломатии союзников в Софии, если она не будет поддержана срочными военными мерами (Рим, № 770).

Гильмен сообщает, что позиция (союзных) держав по отношению к Болгарии вызывает тревогу общественных кругов Афин (Афины, № 490, 491 и 492).

Ввиду болезненного состояния Делькассе я сообщил Вивiani письмом содержание этих депеш. „Мы, — пишу я ему, — можем все испортить этими непонятными колебаниями. Вчера началась концентрация войск в Болгарии, а мы еще не сделали никакого шага в Софии. Надо спешить и принять хотя бы весьма мягкую формулу сэра Эдуарда Грея. Но необходимо, чтобы наш демарш в Софии последовал сегодня же или самое позднее завтра. Нельзя терять ни одного дня“. В половине первого Вивiani, получивший мое письмо и показавший его Делькассе, сообщает мне, что последний телеграфировал в Лондон. В этой телеграмме Делькассе заявляет, что с закрытыми глазами принимает формулу сэра Эдуарда Грея, лишь бы покончить с этим делом. Кроме того Вивiani и я решили дать перед высадкой наших войск в Салониках успокоительные заверения Венизелосу относительно нашего намерения притти на помощь Сербии и Греции против болгарского нападения.

По требованию совета министров Делькассе отправил в Петроград мою телеграмму царю. Она составлена в следующих выражениях: „Серьезное положение, созданное определенно враждебной позицией короля Фердинанда и болгарской мобилизацией, очень тревожит французское правительство. Мы имеем самые серьезные основания опасаться, что болгары будут стараться перерезать железную дорогу между Салониками и Пишем и таким образом отрежут нам в ближайшее время сообщение не только с Сербией, но также с Россией. Это лишит нас возможности посылать своим союзникам снаряжение, которое мы для них производим. В настоящее время мы поставляем России ежедневно от трех до четырех тысяч снарядов; эта цифра будет все увеличиваться и достигнет в январе десяти тысяч, которых требовало правительство вашего величества. Россия и Франция кровно заинтересованы в поддержании свободы путей сообщений между ними. Мы войдем в соглашение с Англией о посылке войск в Сербию в возможно скором времени. Но несомненно самое сильное впечатление произведет на болгарский народ присутствие русских войск. Если ваше величество не располагает теперь свободной дивизией или возможностью перебросить ее в Сербию, то представляется необходимым по меньшей мере, чтобы Салоникская железная дорога охранялась достаточным количеством русских солдат вместе с нашими. Быть может признательность болгарского народа вашему величеству удержит этот народ от братоубийственной войны; во всяком случае все балканские нации ясно увидят единение союзных держав. Прошу ваше величество извинить мою настойчивость и принять уверение в моих искренних дружественных чувствах“.

Король Георг V телеграфирует мне: „Я с восхищением следил за подвигами французских войск и пользуюсь случаем, чтобы поздравить вас, господин президент, а также генерала Жоффра и всю

французскую нацию с большим успехом, достигнутым доблестными французскими войсками в начале нашего общего наступления". Да, начало было многообещающее и произвело хорошее впечатление, но, к несчастью, продолжение совсем не соответствовало этому началу.

Делькассе беседовал со мною по поводу телеграмм, отправляемых им сегодня в Афины и Софию. Известия попрежнему весьма неважные.

Жюль Камбон принес мне письмо, адресованное Ватиканом кардиналу Аметту. Святой отец спрашивает, нельзя ли дать военнопленным воскресный отдых. Он пишет, что заручился уже согласием английского, русского и австрийского правительств и не сомневается в согласии германского правительства. Лично я не имею никаких возражений.

Суббота, 2 октября.

Дела серьезно осложняются. Вчера вечером получены телеграммы от Поля Камбона (№ 2246 и 2246-бис), в которых он жалуется на ложные шаги Сазонова в Нише и на неуместные высказывания, которые могли внушить грекам мысль, что четыре союзные державы все еще поддерживают свои предложения в пользу Болгарии, а именно относительно (уступки) Македонии и Каваллы. Он советует Делькассе немедленно дать Венизелосу через Гильмена успокоительные заверения. Венизелос обнаруживает большое беспокойство по этому поводу; надо заверить его, что уступки, предложенные несколько недель назад Болгарии, всегда связывались нами со вступлением Болгарии в войну против Турции. Поль Камбон настаивает, чтобы мы без промедления сделали это, даже без участия представителя Англии, если он не получит соответствующих инструкций от своего правительства. Но пока лондонский кабинет колеблется, генерал Гамльтон спешит вперед (Афины, № 495). Он высадился в Салониках и собирается немедленно принять меры в целях оккупации города и подчинения железной дороги английским властям. По сведениям, он даже пытался устроить в рейде проволочных заграждения, но этому воспрепятствовали греческие власти. Эта беспорядочность глубоко возмутила Венизелоса. Союзники, воскликнул он, поступают с Грецией, как с завоеванной страной! Если после этого инцидента наши войска явятся в Салоники до официальных дипломатических разъяснений, он не сможет помешать греческим войскам оказать вооруженное противодействие высадке. Эта неожиданная перемена в умонастроении Венизелоса привела в большое замешательство Гильмена, и он счел нужным телеграфировать генералу Байу и нашей эскадре в Мудросе, чтобы они задержали транспорты и во всяком случае высадку войск. Наш посланник в Афинах подчеркивает, что сделал это по собственному почину, потому что „не получает информации из министерства на набережной д'Орсэй, которое не ответило ни на одну из его телеграмм начиная с 26 сентября“. Ввиду инертности Делькассе директор политического департамента де Маржери телеграфировал за собственной подписью Гильмену (№ 502 и 503): „Безусловно необходимо, чтобы английский посланник предпринял совместно с вами шаги перед Венизелосом и рассеял его тревогу, которая ни на чем не основана и нас крайне удивила“.

На заседании совета министров Делькассе был в таком подавленном состоянии, что его товарищи сжалились над ним и просили меня и Вивиани составить телеграммы, которые он подпишет и отправит тотчас после полудня. Прежде всего мы телеграфируем Гильмену (№ 504) и просим его еще раз заявить Вензелосу, что ввиду позиции Болгарии сделанные ей предложения утратили свою силу и что мы приходим на помощь Сербии, союзницы Греции. Мы просим Гильмена настоять перед греческим правительством, чтобы оно не чинило больше препятствий проходу наших войск. Кроме того мы телеграфируем в Лондон (№ 3163): „Крайне необходимо срочно уладить недоразумения, вызванные в Афинах колебаниями английского правительства и его заявлениями. Нельзя терять ни минуты“. В свою очередь Мильеран предупредил генерала Байу, что по соглашению с сербским генеральным штабом решено французскую армию, оперирующую в Сербии, концентрировать в Нише. Ввиду этого военный министр предлагает генералу Байу принять меры для отправки, с согласия сербов, по железной дороге в Ниш войск, которые высадятся в Салониках.

Греческий посланник Романос объявил Делькассе, что Греция, хотя и согласилась на высадку союзных войск, должна будет все же предварительно формально выразить протест; кроме того высадка ни в чем не должна затрагивать полноты власти греческих правительственных органов. Английский кабинет не соглашается принять первое из этих условий; Делькассе настаивает перед Лондоном, чтобы Грей пошел на это (№ 3173).

По предложению Мильерана и согласно заключению исследовательского сектора совета народной обороны совет министров принимает постановление, что наши войска, посылаемые в Сербию, будут подчинены сербскому главнокомандующему, т. е. принцу Александру, в таковой же мере, в какой фельдмаршал Френч подчинен власти генерала Жоффра.

Палеолог передал мою телеграмму императору, но Сазонов уже сказал нашему послу, сильно волнуясь, что Россия „после страшных потерь, понесенных ею за последние пять месяцев“, не в состоянии послать солдат в Сербию. „Есть предел человеческим силам. Наши войска измучены, наши контингенты из рук вон плохи. Не требуйте от нас новых усилий“ (№ 1181 и 1184).

Верденский супрефект уведомляет министра внутренних дел, что в городе упали семнадцать снарядов 380-миллиметрового калибра. Причинены значительные материальные повреждения. Убиты три солдата и один штатский.

Депутат Беназе, мобилизованный в армию, сообщает мне о смерти третьего сына генерала де Кастаньо. Я послал свои соболезнования несчастному отцу, на которого так жестоко обрушились удары судьбы. Беназе говорит, что генерал Франше д'Эспера надеялся быть посланным в Салоники; этот генерал очень хорошо знает Балканы и первый высказал мысль о диверсии на (Ближнем) Востоке. Однако я не могу ничего сделать без заключения правительства, а правительство ничего не сделает без соглашения с главной квартирой.

Заседание совета министров. Наконец у нас более утешительные известия из Афин. „Все препятствия улажены, — сообщает Гильмен. — Мне вручили только для проформы протест, но отданы распоряжения, облегчающие высадку войск в Салониках“ (№ 502). К несчастью, адмирал Дартиж уведомил Оганьера, что ввиду полученных им приказов и контрприказов он будет ожидать подтверждения последних директив из Парижа. Морской министр подтвердил их, но мы потеряли таким образом еще несколько часов, и возможно, что немецкие подводные лодки воспользовались этой отсрочкой.

По предложению Рибо совет министров выражает пожелание, чтобы я вместе с Вивiani и Мильераном отправился завтра в Шантильи для беседы с Жоффром о восточной экспедиции. Но еще сегодня главнокомандующий обратился к военному министру с длинным письмом (№ 1352), которое начинается подробной реляцией об операциях в Шампани и кончается соображениями более общего характера. „Серьезный успех первого дня наступления, — пишет Жоффр, — был продолжен вступившими затем в действие дивизиями второй очереди и дивизиями, оставленными в резерве. Они пришли в соприкосновение со вторыми позициями неприятеля, к которым немцы быстро отошли, оставив в наших руках 25 тысяч пленных и 150 орудий. Для того чтобы наша победа, бесспорно одержанная нашими войсками, дала все те результаты, на которые мы вправе рассчитывать, необходимо форсировать эти вторые позиции, на которых неприятель оказывает сопротивление; форсирование их необходимо для осуществления стратегического прорыва, который один обеспечит реальные плоды победы — продвижение вперед и овладение территорией...“ И далее: „Однако, несмотря на все усилия наших войск, мы не могли серьезно затронуть вторые линии немцев; объясняется это тем, что неприятельские окопы расположены большей частью на задних склонах и наша артиллерийская подготовка была недостаточно точной, не разрушила проволочных заграждений и фланговых прикритий... Таким образом выяснилось, что для форсирования вторых позиций необходимо возобновить артиллерийскую подготовку на всем атакуемом фронте и создать широкую брешь. Для успеха этой подготовки нужны несколько ясных дней, позволяющих точным образом регулировать с самолетов стрельбу артиллерии. Кроме того для новой атаки необходимы свежие или отдохнувшие войска; надо произвести перегруппировку частей и привести их в порядок, надо получить дополнительные подкрепления; снова потребуется значительный расход снарядов. Все эти соображения заставили меня сделать остановку и прекратить на время наши атаки“. Изучив ситуацию, генерал, по его словам, пришел к решению возобновить эти атаки на фронте армий центра и севера, как только новая артиллерийская подготовка будет полностью проведена. „Я полагаю, — присовокупляет он, — что мы должны продолжать добиваться решения на главном театре военных действий, т. е. во Франции. Все наши усилия должны быть направлены на широкий стратегический прорыв, первым последствием которого будет освобождение на-

диональной территории... К тому же, действуя таким образом, мы лучше всего выполним нашу роль в общей коалиции. Неприятель, зная, что он в любой момент может подвергнуться огромной опасности на своем западном фронте, будет связан по рукам и ногам и лишен возможности снимать свои силы с этого фронта. Напротив, мощь наших атак и вызванный ими несомненный переполюх в рядах неприятеля конечно заставят его усилить свой западный фронт, отвратят его от мощной операции на Балканах и парализуют его действия против России“.

Жоффри не делает отсюда вывода, что необходимо отказаться от всяких предприятий на второстепенных театрах военных действий. Решать этот вопрос, говорит Жоффри, не входит в его компетенцию, это дело правительства. Он однако высказывает свое личное мнение. Он полагает, что Антанта не должна допустить разгрома Сербии, что долг ее повелительно требует защиты последней; но вместе с тем Жоффри настаивает, чтобы для экспедиционного корпуса не снимали значительного количества войск из французских армий на северо-восточном фронте. По мнению Жоффри, задача поддержать эвентуально военные операции балканских государств лежит на Великобритании. „По окончании наступления, — говорит он, — начатого теперь во Франции, но только с этого момента наше участие в составе экспедиционного корпуса в Сербии и Греции, если оно станет необходимым, должно ограничиться несколькими дивизиями, одной или максимально двумя, в придачу к той, которая уже отправлена с мыса Геллес в Салоники. Французский флаг будет таким образом представлен на Балканском полуострове, как он уже представлен на полуострове Галлиполи...“ В заключение Жоффри говорит, что французские силы представляют собой единое целое и что мы не должны распылять наши усилия.

В дополнение к этому письму Пенелон сообщил мне, что мы возобновим наше наступление во вторник или в среду; мы ожидаем от него только весьма ограниченного успеха; V армия не будет введена в бой. Мы уже не рассчитываем освободить Реймс от блокады.

В сегодняшнем „Journal officiel“ напечатан приказ по армии о генерале Галлиени. Последний награжден военным крестом, причем мотивы награждения тщательно взвешены главной квартирой. „Будучи, — говорится в приказе, — комендантом укрепленного лагеря Парижа и командующим армиями Парижа и находясь со 2 сентября 1914 г. под начальством главнокомандующего, он проявил самые высокие военные достоинства: своей разведкой он помог определить, в каком направлении двигается правое крыло неприятеля; он правильно бросил в бой находящиеся в его распоряжении свободные силы; всеми имевшимися у него средствами он облегчил выполнение задачи, возложенной главнокомандующим на эти части“.

По словам Делькассе, лорд Берти предложил нам гарантировать Греции ее нынешние территориальные владения и отдать (attribuer) ей после войны Смирну с ее хинтерландом, если Греция всеми силами поддержит Сербию и союзников против Болгарии. Делькассе дал свое согласие.

Генерал де Кастельно ответил на мой соболезнования очень благородным и стоическим письмом.

Отправился с Вивиани и Мильераном в Шантильи. Поехали на автомобиле в прекрасное осеннее утро. Никем не узанные, мы приехали к девяти часам к вилле Жоффра. У главнокомандующего сияющий вид; мягкая улыбка светится в его голубых глазах. Мы беседуем; он поясняет мне свое вчерашнее письмо. Он отлично сознает теперь необходимость выступления на Балканах. Ему пришлось победить сопротивление своего окружения. Впрочем он не считает возможным снять с французского фронта — кроме той бригады, которая должна отплыть на-днях, — более полуторы пехотных дивизий и одной или двух кавалерийских дивизий. Это несколько больше того, что он предложил в своем письме. Каждая кавалерийская дивизия составляет в общей сложности около 5 тысяч человек. Итак, в целом наши контингенты будут состоять из одной-двух дарданельских дивизий (другая не может быть использована по следующим причинам: она частично состоит из стрелков, Венизелос против высадки ее в Греции и к тому же по вине англичан на Галиполи еще не решили освободить обе наши дивизии), затем взятые из Франции полторы дивизии и одна бригада, итого две дивизии. Всего-навсего три пехотных дивизии, две кавалерийских дивизии и один кавалерийский полк из Александрии. В общем можно будет присоединить к английским войскам около 60 тысяч человек. Мильеран, который рассчитывает встретиться завтра в Кале с Китчером, запросит у него, не может ли Англия со своей стороны выставить 100 тысяч человек. Жоффр не возражает против снятия с этой целью некоторых английских дивизий, действующих во Франции; они были бы заменены потом новыми частями, формируемыми в Англии.

Все это еще далеко от того, что представляется необходимым, далеко также от той цифры, которой, по словам Вивиани, требует парламент. Комиссии палаты — военная, бюджетная и по иностранным делам — обратились к председателю совета министров с письменными возражениями против слишком слабых, по их мнению, мер, намечаемых правительством. Газеты в один голос протестуют заранее против того, чтобы войска посылались небольшими партиями. В довершение я узнаю, что Сарраиль со своей стороны требует три или четыре армейских корпуса; об этом говорится в новом рапорте, который Мильеран вручил мне после нашей поездки в Шантильи.

Пока что Жоффр начнет послезавтра свое новое наступление. Как всегда, он очень оптимистично смотрит на будущее. Однако, по проверенному подсчету, оказывается, что в результате первых операций в Шампани и Артуа мы эвакуировали 70 тысяч раненых. Жоффр полагает, что мы потеряли здесь 20 тысяч убитыми и 5 или 6 тысяч взятыми в плен. Это огромные цифры в сопоставлении с достигнутым результатом. Если подготовляемое теперь наступление будет стоить нам столь же дорого, то куда мы идем?

Возвратившись в Париж, я снова погружаюсь в чтение депеш наших представителей за границей. Венизелос был весьма удовле-

творен нашими заявлениями (Афины, № 503). С согласия короля Венизелос послал генералу, командующему 3-м греческим армейским корпусом в Салониках, телеграмму следующего содержания: греческое правительство сочло нужным заявить формальный протест против высадки французских и английских сил, однако после заверений, данных союзниками, оно считает теперь эту высадку отвечающей интересам Греции; поэтому следует не только перестать чинить ей препятствия, но, напротив, облегчить ее всеми зависящими мерами.

Как уже упоминалось, лорд Берти предложил Делькассе обещать Греции Смирну; Делькассе изъявил на это свое согласие. Эта идея несколько не улыбается Соннино. „Это значит, — сказал он Барреру (Рим, № 779), — подвергать Венизелоса искушению играть роль Братиану в миниатюре: делать мало, а получать много“. По этому пункту Грей, видно, не одобряет предложения своего посла (№ 2281).

Меня посетил русский министр финансов Барк. У него весьма радостный вид, он в восторге от переговоров, которые вел в Лондоне и Париже с Рибо и Мак-Кенна. Ему обещаны ссуды, которых он домогался. Он надеется, что с их помощью русская армия добудет себе ружья и снаряжение, в которых терпит недостаток¹.

Вечером Делькассе сообщил мне телеграмму Поля Камбона, в которой говорится, что британское правительство изменило свое мнение и одобряет теперь русский ультиматум Болгарии. Английский посланник в Софии получил инструкции снести с французским и итальянским посланниками и поддержать это предостережение; если по истечении двадцати четырех часов болгарское правительство не изменит своей позиции, он должен выехать из Софии. Поль Камбон полагает, что де Панафье должен присоединиться к своим коллегам. Делькассе, который со времени моего вступления на пост президента церемонно отказался обращаться ко мне в письмах на ты, прислал мне набросок телеграммы к де Панафье и спрашивает меня, может ли он отправить ее до завтрашнего заседания совета министров; я ответил утвердительно. Свое письмо он закончил следующими словами, которые внушают мне беспокойство: „Чувствую себя очень плохо, так как весь день опять был сильно загружен. Извиняюсь поэтому, что не явился к вам лично“.

Вторник, 5 октября.

Вивiani и я докладываем в совете министров о нашей поездке к Жоффру. Согласно желанию, выраженному мне вчера Жоффром, постановлено наградить генерала Дюбайля военной медалью, а генералов Фоша и Кастелью большим крестом ордена Почетного легиона.

Рибо зачитывает соглашение, заключенное с Барком [39]. Мы остаемся во время войны, как и в мирное время, банкирами нашей союзницы России; но теперь нам нужны банкиры для нас самих, и мы вынуждены искать их в Англии и Америке.

Вчера началась высадка наших войск в Салониках; их встретили восторженно. По этому поводу Венизелосу сделали запрос в палате.

¹ „Russian Public Finance during the War Yale University Press“, p. 296 and others.

Его объяснения были одобрены большинством ста сорока двух голосов против ста двух при пяти воздержавшихся [40].

Певелон не скрывает от меня, что в окружении Жоффра никто не ожидает больших результатов от продолжения наступления, тем более что немцы, как видно, перебрасывают войска из России.

В десять часов вечера Вивиани сообщает мне по телефону: греческий король объявил Венизелосу, что не может следовать за ним до крайних выводов из его политики; несмотря на вотум палаты, греческий премьер должен был подать в отставку (Афины, № 520). Итак, по вине Константина открывается опаснейший кризис, который рискует свести на-нет все наши усилия. Ах, почему не отправили мы раньше войска на Балканы!

Среда, 6 октября.

Вивиани совещался в моем кабинете с Мильераном, Оганьером и Делькассе. Военный и морской министры встретились вчера в Кале с Китченером и Бальфуром. „Что касается меня, — заявил Китченер, — то я не выступлю, если не выступят греки. Пока Греция не решится вступить в войну, мои войска не выйдут из Салоник. Вы, Франция, хотите помочь Сербии; мы, Англия, хотим увлечь Грецию“. Однако Бальфур признал, что Англия имеет моральное обязательство по отношению к Сербии. Спорили о распределении контингентов. Англичане требуют, чтобы мы довели свои контингенты с 60 тысяч до 64 тысяч, а сами обещают выставить только 67 тысяч человек.

Русский император, отправившийся на этих днях в ставку, поручил по телеграфу Сазонову приготовить ему ответ на мое последнее обращение. Как нас уведомляет Палеолог, Николай II выразит в этом ответе свое сожаление, что в настоящее время не может послать никаких войск на Балканы (Петроград, № 1106).

Ввиду этих новых трудностей мы созываем по телефону всех министров. Бриан заявляет, что необходимо во что бы то ни стало помочь Сербии. Делькассе предпочел бы, чтобы мы отказались от диверсии на Востоке и искали решения на нашем фронте. Он по-прежнему изъясняется с трудом и все более производит впечатление больного человека. Другие министры находят нужным, чтобы мы настаивали перед английским правительством на значительном увеличении его войск в Салониках помимо английских дивизий во Франции, которые предлагает взять Жоффр. Решено, что Вивиани и Оганьер отправятся сегодня вечером в Лондон; они должны объяснить английскому правительству, что мы считаем опасным покидать Сербию на произвол судьбы и допустить, чтобы Болгария отрезала наши сообщения с Россией и открыла немцам путь в Константинополь. Мы рискуем таким образом проиграть войну на (Ближнем) Востоке, причем немцы после своей победы там обрушатся с решающим ударом на нас во Франции.

Возмущенный отказом России, совет министров просит Делькассе тут же набросать телеграмму нашему послу в Петрограде. Так как ему не удастся ничего смастерить, я берусь за перо по требованию министров. Обменявшись несколькими замечаниями с советом ми-

нистров, я зачитываю во всеуслышание написанное мною и передаю Делькассе этот набросок в несколько строк, который одобряется правительством. Делькассе берет его, не делая никаких возражений. „Если, как вы нам возвестили, ответ императора президенту республики носит в настоящем случае отрицательный характер, то нельзя скрывать от себя серьезность положения, создаваемого Россией. Ипотeka на Константинополь, которой добилась Россия, вот уже несколько месяцев играет роковую роль в балканском вопросе. Несомненно, она не осталась без влияния на нерешительность Румынии, на враждебность короля Фердинанда, на успех Германии у короля Константина. Когда Англия предприняла дарданельскую экспедицию, Франция примкнула к ней только в надежде завоевать Константинополь для своей союзницы и только ввиду заверений, что русские войска будут посланы через Черное море. Сегодня, после русского ультиматума Болгарии, императорское правительство взваливает на Францию и Англию все бремя помощи Сербии. А между тем согласно всем сведениям, получаемым нами из Софии, значительная часть болгарской армии заявляет, что не будет сражаться против России. Стало быть присутствие русских войск в Македонии и морская демонстрация перед Бургасом и Варной имели бы величайшее значение, тогда как бездействие России несомненно будет использовано как поощрение болгар. Нам представляется недопустимым, чтобы теперь, когда речь идет об обеспечении наших сообщений с Россией, последняя не участвовала в действиях Франции и Англии. Благоволите передать в дружественно твердом тоне эти серьезные соображения императорскому правительству“ [41].

Саррайль, уезжающий сегодня вечером вместе с бельфорской бригадой, говорит мне, что, по его мнению, мы не добьемся никакого решения на французском фронте и что ему, Саррайлю, необходимы для операций в Сербии по крайней мере четыре армейских корпуса. Он желал бы, чтобы англичане сделали своей базой Каваллу, а мы — Салоники, дабы не смешивать наших войск.

Вивиани, который, как решено, уезжает сегодня в Лондон, пришел ко мне в конце дня. Он возмущен Рибо, который, по его словам, сильно нападал перед военной комиссией на военного министра в отсутствие Мильерана и без его ведома. Неужели в недрах кабинета скажется теперь раскол?

В десять часов вечера Мильеран сообщил мне по телефону результаты новых боев в Шампани. Результаты эти посредственны. Мы взяли Тахир, продвинулись вперед близ Наваринской фермы, взяли тысячу пленных. Но мы не прорвали фронта неприятеля.

Король Константин принял английского посланника и заявил ему (Афины, № 522): „Ничего не изменилось. Я не намерен распустать палату, если оппозиция не делает ее неработоспособной. Мобилизация продолжается; точно так же продолжается высадка ваших войск в Салониках. Я заявил протест, но нашел успокоительным намерение французского правительства направить свои войска немедленно в Сербию, которая действительно нуждается в вашей помощи. Что касается меня, я всегда заявлял, что не желаю подвергать Грецию столкновению с войсками великой державы, будь то немцы, фран-

дузы или англичане. Я буду соблюдать нейтралитет до тех пор, пока это будет для нас возможно. Вот моя политика“. Король предложил пост премьера Заимису¹.

Четверг, 7 октября.

Вчера представители союзных держав вручили Радославову условленный ультиматум. Болгарский премьер не посмел отрицать ни того, что он действует по соглашению с Германией, ни того, что он собирается напасть на Сербию. Он заявил лишь, что ничего не замышляет против великих держав Антанты, и отклонил всякую ответственность за дальнейшие события (№ 565, 566, 570) [43].

Несмотря на этот лицемерный ответ, правительство Франции решило не брать на себя инициативы враждебных действий против Болгарии; де Папафье ограничился тем, что потребует свои паспорта.

Больной Делькассе ушел с заседания совета министров в десять часов. Он сказал мне, что у него все вертится перед глазами. Несколько позже, получив копии отправленных им телеграмм, я заметил, что Делькассе снабдил своим примечанием телеграмму Палеологу, составленную мною вчера по просьбе правительства. Делькассе прибавил в начале телеграммы следующие слова: „Президент республики составил эту отправляемую вам телеграмму“. Я написал Делькассе, что я составил телеграмму не от своего имени, что я ограничился лишь выражением мнения совета министров, причем некоторые важные фразы даже были мне прямо продиктованы. „Так как, — писал я далее, — ты во время этой совместной работы не высказал никаких возражений, я, естественно, думал, что составленный таким образом общими силами текст тебя удовлетворяет. Вот почему я, взявшись за перо от имени других, потом передал тебе написанное. Если мой набросок не выражал твоего собственного мнения, тебе конечно надо было бы только сказать об этом совету министров, и мы вступили бы в прения. Ты во всех отношениях обяжешь меня, если дашь знать Палеологу, что эта телеграмма отправлена ему не мною, а правительством, собравшимся в совете министров“.

Делькассе добросовестно поспешил послать Палеологу поправку. Надо думать, текст телеграммы показался ему несколько резким, а упрек относительно ипотеки на Константинополь, думается мне, противоречил его сокровенным взглядам. Впрочем ответ царя на мое обращение, любезный по форме, вполне оправдывал наши жалобы и нашу настойчивость. Он ответил мне, что разделяет мой взгляд относительно чрезвычайной важности Салоникской железной дороги для обеспечения сообщения между Россией и ее союзниками; он придает крайне важное значение оккупации этой дороги английскими и французскими войсками; он желал бы, чтобы отряд его войск действовал совместно с нами, но в настоящий момент он лишен возможности снять с русского фронта какие-либо силы. „Я оставляю за собой, — писал он, — вернуться к вашей мысли, основательность которой вполне признаю, как только обстоятельства позволят мне это, и пользуюсь этим случаем, чтобы выразить вам удовлетворение...“ и т. д.

¹ См. остроумную защиту Константина у Эдуарда Дрию [42].

Вечером в военном министерстве получена телеграмма из Мудроса, что высадка наших войск в Салониках протекает в превосходных условиях.

В процессе начатого нами вчера наступления мы достигли железной дороги Сомм-Пюи. Нами взяты пригорок Тахир и деревня того же названия. Вот и все.

Пятница, 8 октября.

Бельгийский город Лoo, где я был 2 августа с королем Альбертом, подвергся бомбардировке. Один снаряд попал в колокольню собора, причем проник через самое окошко наблюдательного пункта, на который мы тогда поднялись.

Клемансо выступил сегодня с очень резкой статьей против правительства; цензура сочла нужным сильно урезать ее. Каждый раз, когда Клемансо становится жертвой цензуры, он обязательно обрушивается на меня, хотя отлично знает, что цензурное ведомство ничуть не зависит от президента республики и никогда не советуется с ним. Сегодня он в первую очередь разделяет под орех Делькассе. Он не может простить, что несколько лет назад Делькассе свергнул его. Он пишет про „манию“ Делькассе и расправляется с ним на протяжении двух столбцов. Это верх несправедливости. Но разве не сказал Ла-Рошфуко: „Только великие люди имеют великие недостатки“. По словам Мальви, Клемансо собирает в кулуарах сената подписи под требованием закрытого заседания; ему удалось собрать несколько имен, тем не менее заседание было отложено до 14 октября, причем дело обошлось без инцидентов.

Возвратившись из Англии, Вивиани отправился вместе с Китчернером в Шантильи к Жоффру. Он сообщает мне, что оба генеральных штаба пришли к соглашению на следующей основе: в Сербию посылается 150 тысяч человек, из них 64 тысячи французов и 86 тысяч англичан. Жоффр и Китчернер считают эти цифры достаточными для охраны железной дороги и соблюдения оборонительной позиции. Для перехода в наступление понадобится вдвое больше войск; англичане не отказываются считаться с этой возможностью, причем не потребуют от нас самих увеличения нашего контингента. На сей раз Китчернер показал себя безупречным союзником, каким он и является в действительности. „Я, — заявил он, — не делаю различия между англичанином и французом. Мы преследуем одну и ту же цель. Я отлично понимаю, что вы предпочитаете сохранить свои войска на территории Франции“. Однако Жоффру он сказал: „Чем больше я посылаю вам войск, тем больше вы заявляете, что не можете обойтись без них, и тем больше желаете сохранить их под своим началом. Если вы так упорно стремитесь оставить их у себя, я не буду больше посылать их вам. Я оставляю их в Англии с тем, чтобы посылать их туда, куда найду необходимым“.

Генерал Байу телеграфировал военному министру, что высадка наших войск в Салониках проходит вполне нормально и греческие власти оказывают всемерную поддержку. Он имел свидание с полковником Левичем, управляющим сербскими железными дорогами,

и рассмотрит вместе с ним, сколько составов потребуется для перевозки наших войск в Ниш.

В Афинах представители иностранных держав были приняты новым премьером Заимисом. Он объявил Гильмену, что Греция будет и далее соблюдать весьма благожелательный нейтралитет по отношению к четвертному согласию и облегчать высадку наших войск.

Получил от Делькассе письмо, которое крайне меня взволновало: „Париж, 8 октября 1915 г. Господин президент. С того дня, когда я вам жаловался, что состояние моего здоровья все более затрудняет мне исполнение моих обязанностей, мое состояние лишь ухудшается. Вчера утром мне пришлось уйти с заседания совета министров, так как я не в силах был прочесть ни одной телеграммы. Тем не менее я хотел отправиться во второй половине дня в комиссию сената по иностранным делам, куда я был приглашен вместе с председателем совета министров. Однако силы мои истощились, и я имею честь приложить при сем мое прошение об отставке. Прошу вас назначить мне аудиенцию для представления моих счетов. Примите, господин президент, уверение в моем глубоком уважении“. Прошение об отставке составлено в следующих выражениях: „Господин президент республики! Ввиду того что по состоянию моего здоровья я не в силах справляться со своими не терпящими отлагательства обязанностями, имею честь вручить вам прошение об отставке. Примите и пр.“. Я немедленно ответил: „Дорогой друг! Я получил твои два письма и настоятельно прошу тебя, позволь мне считать их несуществующими. Если действительно только состояние твоего здоровья заставляет тебя быть осторожным и щадить себя, то мы все облегчим тебе твою задачу и постараемся облегчить ее бремя. Если ты расходишься с правительством или со мною по какому-нибудь вопросу, то скажи мне об этом открыто и не колеблясь, и я уверен, что короткий разговор рассеет все недоразумения, которые могли вкратце между нами и которые я впрочем никогда и ни в чем не обнаруживал. Но подумай о том, что твой уход будет иметь самые серьезные последствия во Франции и за границей, в особенности после недавних событий в области внешней политики, и нанесет тяжкий удар нашей стране. Ты слишком хороший патриот, чтобы даже из соображений здоровья принять решение, которое может принести ущерб Франции. Поэтому, что бы ты ни говорил мне, я не приму твоей отставки, но все-таки прошу тебя как можно скорее зайти ко мне побеседовать, взять свое письмо обратно и успокоить меня. Преданный тебе и т. д.“. Он не пришел и прислал мне еще одно письмо: „Париж, 8 октября 1915 г. Господин президент! Ах, если бы я мог, жертвуя своим здоровьем, продолжать выполнять свои обязанности... Но я буквально дошел до такого состояния, что не могу ничем заниматься. Сегодня вечером, так как на мне все еще лежит ответственность, я хотел заняться бумагами политического департамента, которые мне принес заведующий моим секретариатом. Но я не в силах был прочесть ни одного документа и ничего не подписал. У меня все время головокружение, оно прекращается только тогда, когда я лягу. А тогда я ни на что не способен. Повторяю, силы мои пришли к концу, я не могу более нести ответственность

за функции, которые я не в состоянии исполнять. Прошу вас, господин президент, принять уверения в моем совершенном уважении. Делькассе“.

Как мне кажется, Вивиани, который все время жаловался на инертность Делькассе, не очень огорчен этим решением. Но я указываю ему на опасности: уход Делькассе произведет удручающее впечатление в Англии и России; в Германии будут торжествовать. Мои доводы убедили Вивиани, и он обещал мне, что попытается склонить Делькассе отказаться от своего решения.

Суббота, 9 октября.

Перед заседанием совета министров Вивиани сказал мне, что был у Делькассе. Последний поднялся с постели при его приходе и бесповоротно объявил ему, что совсем болен и не может вернуться к министерским обязанностям. За последние дни он два раза впадал в полубормочное состояние. Вивиани очевидно довольно охотно мирится с таким образом дела. Он уже задается вопросом, кому предложить министерство иностранных дел. Он желает предложить его по порядку Фрейзинэ, Буржуа и Пишону, прежде чем передать его Бриану, если придется. Я снова повторяю ему, что уход Делькассе произведет самое удручающее впечатление в Англии, России и Италии, а также в нейтральных странах и что необходимо любой ценой избежать этого. Кажется, мне не удалось убедить его. Однако, когда он в совете министров поставил всех в известность о случившемся, все присутствующие, начиная с Думерга и Бриана, определенно заявили, что отставка в настоящих обстоятельствах будет иметь катастрофическое значение. Решено было, что Рибо и Мильеран отправятся к Делькассе до конца заседания и дадут ему понять, что его уход будет равносильен „оставлению поста перед лицом неприятеля“.

Они ушли с этой миссией и, возвратившись, сообщили, что по их настоянию Делькассе в конце концов согласился не подавать в отставку, с тем чтобы временно его заменял Вивиани. Рибо говорит нам: „Делькассе боится разделить ту ответственность, которую мы берем на себя. Я думаю, что он в душе против восточной экспедиции“. — „Ладно. Но почему он не выступал против нее? — спрашивает Вивиани. — Почему он не предлагает что-либо другое или полный отказ [от операций на Ближнем Востоке]?“ — „Потому, — отвечает Рибо, — что по состоянию своего здоровья он физически не способен сам взять на себя ответственность“.

Совет министров рассматривает затем парламентскую ситуацию, которая весьма плоха. Вивиани не намерен соглашаться на закрытое заседание, но выступит с декларацией в палате и сенате.

Во второй половине дня он пришел ко мне и откровенно поделился со мной волнующими его политическими вопросами. „Я, — говорит он, — вынужден считать Делькассе ушедшим в отставку. Я не могу работать с министром, который никогда не говорит того, что думает, и постоянно противопоставляет мне силу инерции“. Впрочем в конце дня Вивиани предложил мне на подпись декрет,

которым ему поручается замещать Делькассе во время болезни последнего. Но он еще раз заявил мне при этом: „Я скорее уйду, когда настанет срок, со своего поста, нежели соглашусь на возвращение Делькассе“.

Никогда еще я не видел Пенелона таким мрачным и обескураженным. Он даже дошел до того, что выпалил мне следующее: „Лучше было бы заключить мир, чем продолжать войну так, как мы это делаем. Генерал Жоффри уже не слушает никого. Он опрокидывает все планы, представляемые ему 3-м бюро. Полковники Ренуар и Гамлен чувствуют себя уязвленными. Они уйдут, если Жоффри останется один. Надо поставить его в рамки, присоединить к нему выдающегося генерала вроде Кастельно. Я говорю вам от имени всех своих товарищей“. Если Пенелон, всегда столь корректный и сдержанный, обращается ко мне с такого рода речами, то значит в главной квартире происходит своего рода бунт. Я просил его поговорить с Вивиани и Мильераном и сам поговорю с последним. Но при этом мне приходит на ум слова Теккеря: „Одним из главных качеств великого человека является успех; это качество вытекает из всех прочих, это скрытая сила в человеке, которая подчиняет ему милость богов и покоряет фортуна“. Итак, в глазах некоторых сотрудников Жоффра он потерял ту скрытую силу, которую с таким правом дала ему победа на Марне?

Тогда как дела принимают таким образом дурной оборот в парламенте, в главной квартире и в правительстве, на фронте они тоже несколько не лучше. Мне известно, что мы были отброшены на вершину Вими; в официальной сводке не говорится ни слова об этой неудаче. Вчера мы были отброшены на участке между Лоос и шоссэ, ведущим из Лан в Бетюн.

Согласно заключению исследовательского сектора совета национальной обороны надо ожидать, что нападение австрийцев и немцев на Сербию последует в самом скором времени: они будут спешить до наступления зимнего времени возможно скорее снабдить снаряжением армии турок и болгар, в кратчайший срок освободить свои силы в предвидении возобновления наступления русских и наконец будут торопиться немедленно отрезать сообщение России с Румынией.

Принц Александр сербский послал мне телеграмму, в которой горячо благодарит за помощь, оказываемую нами его армии.

Если верить телеграмме из Галле, переданной нам Аллизе через Гаагу, лейтенант Делькассе, содержащийся в одном из концентрационных лагерей для военнопленных, осужден на год заключения в крепости за оскорбление германской армии и неповиновение. Это известие не улучшит состояние здоровья его отца.

Воскресенье, 10 октября.

Я поставил в известность Вивиани и Мильерана о своем разговоре с Пенелоном. Впрочем последний и сам поделился своими тревогами с военным министром. Мильеран находит нужным подойти к этому делу с осторожностью, и он прав. Впрочем он полагает, что ввиду перегрузки Жоффра ответственной работой последний должен

иметь при себе и под своим началом человека умного, энергичного и опытного. Это также мнение Вивiani. Мильеран склоняется в пользу Гуро, Вивiani — в пользу Кастельно.

Другой инцидент. Оганьер сообщает мне, что адмирал Буэ де Лапейрер подал в отставку. Министр поручил ему принять меры по охране транспортов наших войск в Салоники. В той же телеграмме министр говорит о наших пароходах, потопленных немецкими подводными лодками южнее острова Серуго: „Крайне прискорбно, что пароходы могли быть потоплены подводными лодками, находящимися на поверхности, а наши истребители, вместо того чтобы защищать наши пароходы и открывать перископы, искали неприятеля в другом месте“. Лапейрер не пытался оправдаться и ответил: „Так как здоровье мое не позволяет мне продолжать занимать мой пост, прошу вас освободить меня от командования“. По всем вероятностям адмирал просто воспользовался предложением; его авторитет среди подчиненных так упал, что, по словам Оганьера, большинство офицеров не будет проливать слез по поводу его ухода. В согласии с адмиралом де Жонкьером, начальником морского генерального штаба, министр предлагает заменить Лапейрера адмиралом Дартиж дю-Фурнэ, который отличился во главе сирийской эскадры, затем в последние дни в Дарданеллах.

Я не возражаю, но так как назначение должно пройти через совет министров, я предупредил Вивiani; он созвал министров к трем часам в Елисейский дворец. Совет министров одобрил назначение адмирала Дартиж дю-Фурнэ.

Мильеран и (ближневосточное бюро военного министерства считают, что мы не должны отзывать все свои силы с полуострова Галлиполи. „Это, — пишет Мильеран министерству иностранных дел (9 октября 1915 г., № 5939), — было бы равносильно признанию нашего окончательного фиаско в Дарданеллах и повело бы к серьезным последствиям в Турции, Румынии, Греции и мусульманских странах. Кроме того тринадцать английских дивизий и одна французская дивизия, остающаяся на мысе Геллес, в Габа-Тепе и в бухте Сувла, связывают турецкую армию в 150 тысяч человек; они принуждают Порту держать в резерве армию в районе Кешан и прикрывать Босфор; они оставляют Порту под угрозой диверсии в районах Адрамита, Смирны или Александретты; турки вынуждены держать там на всякий случай значительные резервы“.

В конце дня Вивiani, сопровождаемый де Маржерей, принес мне телеграммы из Ниша (№ 780, 783, 784), полные отчаяния. Сербское правительство ожидало, что вчера придут первые отряды наших войск; население города приготовилось оказать им восторженный прием. Известие о том, что прибытие наших войск задержалось, вызвало глубокое разочарование. Известия с дунайского фронта не утешительны. Первые атаки немцев и австрийцев были в большинстве пунктов отбиты, но неприятель удержался в Рапе и в самом Белграде; в последнем тяжелая артиллерия произвела чрезвычайные опустошения и продолжают жестокие бои. Мы пытаемся успокоить несчастных сербов, но мы вынуждены ждать с отправкой наших войск в Ниш, пока не придёт дивизия англий-

ского правительства; одних наших войск будет недостаточно, чтобы противостоять натиску, который угрожает Сербии.

Понедельник, 11 октября.

Клемансо с шумом и треском занял позицию, враждебную восточной экспедиции. Пока не было принято решение о ней, он воздерживался от определенного суждения, от подачи своего голоса, а теперь обрушивается на правительство с оскорбительными упреками. Он помолодел и вернулся к своим старым приемам. Говорит о моллюсках в елисейском болоте и требует парламентских прений в открытом или закрытом заседании.

Между тем если Австрии и Германии удастся проложить себе путь к Константинополю, то, выгоним ли мы их из Франции, они все равно останутся хозяевами Европы. Их войска еще вчера продвинулись дальше на Дунае. Они заняли Костолац и взяли Липар на юге от Рама.

Вивiani присоединился к мнению Мильерана и телеграфировал в Лондон, что мы не намерены полностью эвакуировать Галлипольский полуостров.

В России новые перемены. Палеолог телеграфирует (№ 1217), что в окружении царя с каждым днем усиливаются ретроградные влияния. Без всяких объяснений уволены министр внутренних дел и обер-прокурор святейшего синода [44]; эти сановники занимали свои посты без малого только три месяца, общественное мнение относилось к ним с симпатией ввиду их либеральных тенденций. Да, уж все же лучше парламенты и комиссии, несмотря на их злоупотребления!

В результате телеграммы, составленной мною от имени совета министров, Палеолог был принят императором в Царском селе. Николай II наконец обещал ему, что в скором времени через Архангельск будут посланы русские войска на помощь Сербии и что отдан приказ бомбардировать форты Варны и Бургаса, как голько следует какой-нибудь враждебный акт со стороны Болгарии [45].

По поручению Вивiani наш посол в Берне обратился к испанскому послу в Берлине с просьбой навести справки об осуждении лейтенанта Делькассе.

Вторник, 12 октября.

Сегодняшнее заседание совета министров было почти целиком посвящено зачитыванию правительственной декларации и внесению в нее поправок. Декларацию составил Вивiani, предварительно согласовав главные пункты ее с Греем. Сегодня после обеда она будет прочитана в палате.

Министр внутренних дел обеспокоен недовольством, порождаемым среди населения Парижа дороговизной. Завтра у Бриана состоится совещание министров торговли и земледелия с Мальви и Тьерри для принятия необходимых мер.

Палата холодно приняла декларацию, прочитанную Вивiani в начале заседания. Прения тотчас были отложены на завтра. Вивiani телефонировал моему генеральному секретарю, что желает

собрать совет министров в половине шестого. Я немедленно созвал министров. Перед их приходом Вивиани явился в Елисейский дворец и сообщил мне, что желает немедленно реорганизовать кабинет.

Вопрос этот ставится перед советом министров. Бриан энергично выступает против реорганизации министерства в настоящий момент. Лучшее выждать, пока Делькассе уйдет, а в нынешнем кризисе солидаризировать его с товарищами по кабинету. Это мнение было поддержано Рибо и Самба и принято. Переутомленный и нервный Вивиани негодует против Делькассе и сравнивает его с покойным генералом Шануаном. Кабинет решает принять завтра, если придется, интерпелляцию в открытом заседании, но противиться закрытому заседанию.

Сегодня утром Саррайль прибыл в Салоники.

По согласованию с английским генеральным штабом Мильеран уполномочил генерала Байу перейти сербскую границу и принять меры для охраны железной дороги от всяких покушений со стороны болгарских войск; меры эти должны быть приняты по соглашению с сербской главной квартирой.

Половина двенадцатого вечера. Вивиани принес мне письмо Делькассе, который снова заявляет о своем выходе в отставку. На этот раз Делькассе заявляет, что согласно прочитанной сегодня в палате декларации за последние три дня, т. е. с тех пор как его замещает Вивиани, были приняты решения, относительно которых он расходится со своими коллегами. „Вы знали, — пишет он Вивиани, — что я не решаюсь втягивать Францию в военные операции в Сербии даже при условии помощи со стороны Греции; но с того момента, как Греция отказывается вступить в войну, я противник далекой экспедиции, которая может ослабить наш фронт, и моя совесть не позволяет мне оставаться в министерстве иностранных дел“. — „Почему же он ни разу не заикнулся мне об этом? — возмущается Вивиани. — Почему он умолчал о своем отрицательном отношении, о котором говорит теперь? Почему он сегодня подает в отставку из-за военных операций, которые не касаются его непосредственно, тогда как в кабинете Комба он не интересовался тем, что происходило в военном и морском министерствах? Он несомненно уязвлен тем, что ему приходится распрощаться со своими иллюзиями относительно Болгарии, и чувствует, что его дипломатические поражения не позволяют ему остаться на своем посту“. Однако председатель совета министров не скрывает от меня, что эта отставка ставит его лично в очень затруднительное положение. „Я не знаю, — сказал он мне, — как быть; я сам тоже становлюсь неврастеником“. Я пытаюсь ободрить его, и мы решаем, что совет министров соберется завтра утром.

Среда, 13 октября.

Перед заседанием совета министров Вивиани посетил Фрейсина. „Он встретил меня очень любезно, — рассказывает мне Вивиани. — Я предложил ему министерство иностранных дел. Он был очень польщен и просил у меня несколько часов на размышление. Однако он тут же возражал против сохранения в кабинете Мильерана, которого он считает слишком скомпрометированным“.

Все министры взбешены против Делькассе, обвиняют его в измене. Действительно, как узнал Вивиани, прошение Делькассе об отставке было сообщено в телеграфное агентство Фурнье. Кабинет принимает решение, что председатель совета министров ответит Делькассе письмом и зачитает свой ответ в палате.

По просьбе своих товарищей Рибо отправился к Фрейсинаэ, но последний категорически отказался войти в министерство. Он не сторонник ограниченной экспедиции; он считает, что надо либо послать на Балканы 400 тысяч человек, либо [совсем] воздержаться. При таких обстоятельствах кабинет решает предстать перед палатой в своем нынешнем виде и реорганизоваться уже после окончания прений.

Я написал Делькассе теплое письмо, в котором выражаю свое удивление по поводу того, что он в своем прошении об отставке говорит о разногласиях, о которых ничто не давало мне оснований подозревать.

Меня посетил Виктор Баш. „Я сегодня завтракал с Лейгом и несколькими другими политическими деятелями. Мы перечисляли возможных председателей совета министров в случае кризиса. Все мы остановились на вас. Нельзя ли найти средство совместить функции президента республики и главы правительства?“ — „Не думаю, — ответил я, — чтобы это было вполне согласно с конституцией, но я охотно променял бы пост президента на пост председателя совета министров“.

Греческий принц Георгий и принцесса Мария, урожденная Бонапарте, телеграфировали королю Константину: „Мария и я считаем, что после нападения на Сербию неизбежно столкновение с Болгарией, и уезжаем в пятницу в Афины“. Король ответил им: „Война совершенно неправдоподобна. Уезжать по этой причине не имеет смысла“.

В палату депутатов внесен запрос депутатами Пенлеве, Жоржем Лейгом и генералом Педойя. Пенлеве выступил при аплодисментах крайней левой. Вивиани добился отклонения требования закрытого заседания большинством трехсот трех голосов против ста девяноста. Вотум доверия правительству принят тремястами семьюдесятью двумя голосами против девяти. Мне кажется, что министерство вышло из этих прений несколько ослабленным. Несомненно, оно выиграло бы, если бы пополнило и усилило себя новыми членами.

Четверг, 14 октября.

В совете министров я открыто высказал Вивиани свои впечатления относительно последствий ухода Делькассе и вчерашнего заседания палаты. Вивиани, этот прекрасный патриот, этот милейший человек, повидимому обескуражен. Мысль его отсутствует во все время заседания.

Между двумя и тремя часами в мой кабинет пришли Мильеран и Отаньер, а за ними Жоффри. Последний объявляет нам, что считает операции на Балканах безусловно необходимыми; он несколько раз подчеркивает это с большой силой. Возможно, что нам не удастся предотвратить соединения немцев с турками через Болгарию. Но мы

по крайней мере воспрепятствуем тому, чтобы сербская армия была отрезана, окружена и взята в плен. Мы обеспечим снабжение Сербии продовольствием и снаряжением и будем удерживать таким образом ближневосточный фронт, необходимый для общих операций.

Жоффри с большой ясностью излагает Мильерану инструкции, которые, по его мнению, надо дать Саррайлю для охраны железной дороги и для сотрудничества наших войск с сербской армией. Генерал Градиани, пришедший вместе с Мильераном, записывает эти замечания.

По всей видимости, с итальянского фронта были переброшены на сербский фронт три австрийских дивизии. По соглашению с Жоффри, генерал Кадорна перейдет завтра или послезавтра в наступление, чтобы облегчить положение сербов.

Вивиани снова вел со мной разговор о преобразовании кабинета. Он желал бы ограничиться при этом минимальными переменами. Мальви советует ему привлечь в министерство по меньшей мере Фрейсинэ, Леона Буржуа и Дени Кошена. Я желал бы, чтобы он пошел дальше и обратился также к Барту и некоторым другим лицам. Фрейсинэ, все еще поражающий своей свежестью и ясностью своего ума, нанес мне сегодня визит и благодарил за сделанное ему предложение. У меня осталось впечатление, что он склонен принять его. Он желает лишь, чтобы Мильеран ушел из министерства и чтобы туда был призван Леон Буржуа и по возможности даже Клемансо. „По Клемансо, — заметил я, — желает только места председателя совета министров, и боюсь, не окажется ли он со своим импульсивным темпераментом опасным при нынешних обстоятельствах“. — „Вы правы, — ответил Фрейсинэ, — но он мог бы быть полезен и не как председатель совета министров или как военный министр, и я не уверен, что он откажется...“

В то время как происходит эта неурядица в кабинете и парламенте, на нашем фронте продолжают окопные бои с применением ручных гранат и бомб, и кровь французских солдат продолжает обгагрять французскую землю. А на Балканах сербы, теснимые немцами и австрийцами, с каждым днем теряют свою территорию.

Баррер снова настаивал перед Соннино, чтобы Италия тоже приняла решение прийти на помощь сербам на Балканах. Соннино ответил, что генерал Кадорна готовится большое наступление и не располагает в настоящий момент даже небольшим количеством свободных войск (Рим, № 813). Братиану в свою очередь заявил, что, по его мнению, все еще не пришло время для вступления Румынии в войну (№ 497, 498 и 499).

Пятница, 15 октября.

Вивиани сегодня очень возмущен англичанами. Мильеран получил телеграмму от Китченера, в которой последний требует замены английских дивизий на нашем фронте французскими и объявляет, что снятые части будут отправлены в Египет, где Великобритания боится очутиться в затруднительном положении. Подобную же телеграмму Жоффри получил от Френча. Это неожиданное требование Китченера идет совершенно вразрез с нашими соглашениями. Я предложил Ви-

виани напомнить английскому правительству, что оно должно держаться наших конвенций; в том же смысле телефонировала Мильерану.

Теперь не время для путешествий в Египет. Сербы еще отступили в районе Белграда. Болгары начали враждебные действия на сербской границе, атаки их уже участились.

Жоффр ответил Френчу со всем своим умением.

Суббота, 16 октября.

Совет министров обсуждает положение, созданное требованием Китченера. Решено, что Мильеран, как только возможно будет, поедет в английскую главную квартиру, а оттуда в Лондон и переговорит с Китченером.

Представители союзных держав оставили Софию, не получив и намека на какое-нибудь обязательство. Так как Болгария третьего дня объявила войну Сербии, правительство констатировало наличие войны между Болгарией и Францией. Англия приняла подобное решение раньше нас [46].

Вивиани беседовал с Фрейсинэ. Последний дал ему совет преобразовать кабинет, исключив из него „некоторый мертвый груз“; в противном случае он отказывается от сотрудничества. Другие политические деятели, напротив, заявили Вивиани: „За вами парламентское большинство; следовательно, вам нечего изменять“. — „Но, — заметил я Вивиани, — когда вы расширите свой кабинет, последнее слово всегда останется за палатой, и вам необходимо укрепить положение кабинета“.

Делькассе представляет мне свой отчет по расходованию сумм из особого фонда. Он дружески уверяет меня, что между нами никогда не было ни малейшего недоразумения, уходит он только по причине своих головокружений и потому, что „первы отказываются служить“; но он признает, что, несмотря на мнение генерала Жоффра, балканская экспедиция цугает его.

Мильеран отправил вчера Саррайлю следующую телеграмму, составленную Жоффром: „Считаю полезным изложить вам, в каком виде может произойти наша интервенция в пользу Сербии, и поручить вам извести об этом сербский генеральный штаб. При нынешнем состоянии наших дипломатических отношений не может быть речи о переходе в наступление против Болгарии или об участии в операциях, разыгрывающихся в настоящее время на севере Сербии. Зато мы намерены отныне освободить сербскую армию от всякой заботы о своем сообщении с морем и о сообщении с союзниками через Салоники. С этой целью мы будем: 1) удерживать за собой Салоники, базу французской, английской и сербской армий; 2) прикрывать и удерживать за собой железную дорогу от Салоник до Ускуба; 3) прикрывать правый фланг сербской армии, преграждая всякие попытки неприятеля в Южной Сербии. Таким образом мы сможем освободить две сербские дивизии, прикрывающие железную дорогу между Ускубом и Велесом. Ввиду этих диспозиций, вынуждаемых обстоятельствами, самым разумным выводом из существующего положения будет для Сербии избегать отныне генерального сраже-

ния с участием всех своих сил...“ Спрашивается: окажутся ли эти директивы, данные в Париже и Шантильи, вполне соответствующими тем нуждам, которые будут констатированы на месте? В этом позволительно усомниться.

Венизелос сказал Гильмену, что желательно было бы, чтобы союзные державы обещали Греции территорию, которую он называет греческой Фракией; под этим он понимает болгарское побережье Эгейского моря. Это помогло бы его кампании в пользу вступления Греции в войну (Афины, № 571 и 572). Он не надеется, что это предложение изменит намерения короля Константина, но оно дало бы ему, Венизелосу, средство подготовить общественное мнение к повороту в пользу войны. Как видим, у всех растут аппетиты.

В своих попытках побудить Румынию и Грецию вступить в войну лондонский кабинет в конце концов обещал им, что Великобритания выставит на Балканах армию в составе не менее 200 тысяч человек.

Воскресенье, 17 октября.

„Министерство находится при последнем издыхании, — говорит мне Леон Буржуа. — Пополнить его — мало, надо изменить его состав. Вивияни должен включить в него Фрейсина, Мелина и, если возможно, Клемансо. Лично я не могу, по состоянию своего здоровья, принять пост председателя совета министров, не могу даже взять на себя какое-либо министерство. В лучшем случае силы мои позволили бы мне занять пост министра без портфеля. Что касается Клемансо, то конечно при своем характере он был бы опасен на посту председателя совета министров или на посту военного министра, но он был бы небесполезен во главе министерства внутренних дел. Для продолжения войны безусловно необходимо прибегать к новым и сильным средствам. Мильеран выдохся. Оганьер проводит политику железного кулака, вместо того чтобы руководить флотом“.

Вивияни, так же как и я, слышит от своих собеседников разногласные мнения. Он сегодня несколько раз приходил поведать мне свои затруднения.

Сарраиль телеграфирует военному министру: „По сведениям из серьезного источника, англичане намерены зимовать в Салониках и дать бой только в случае нарушения греческой границы“ (Салоники, № 52).

Тем временем болгарские войска сделали набег на станцию Враня и заняли ее. Они разрушили железнодорожное полотно на протяжении нескольких километров и перерезали телеграфные провода. Таким образом сообщение с Салониками прервано (Ниш, № 825; военный атташе полковник Фурнье, Крагуевац, № 138, 140 и 141).

Извещенный о беседе Гильмена с Венизелосом, совет министров пришел к заключению, что не следует пренебрегать средством, предложенным бывшим греческим премьером для подготовки общественного мнения Греции к войне. Вивияни телеграфировал в этом смысле не только в Афины, но и в Лондон, Петроград и Рим. Итак, болгарское побережье Эгейского моря вероятно будет обещано Греции.

Когда я передал Вивияни слова Леона Буржуа, я услышал в ответ,

что Клемансо во главе министерства внутренних дел оттолкнет не только социалистов, но даже радикал-социалистов и бросит тех и других в объятия оппозиции. В результате Вивиани чувствует себя все более беспомощным.

Понедельник, 18 октября.

В час ночи нас разбудил лакей. Феликсу Декори было очень плохо. В последнее время он проходил тяжелый курс лечения от болезни сердца. Вчера он ужинал в Рамбуйэ у графа Потодкого и вернулся в Елисейский дворец медленным, усталым шагом. В соседней со своим кабинетом зале, Ротонде, он зашатался и упал, причем ударился лбом об угол комода. Я набросил пижаму и сошел вниз. Дежурный квартерен поднял Феликса и усадил его в кресло. Я подошел к нему. Глаза неподвижны, рот раскрыт, цвет лица землистый. Увы! он уже мертв. Срочно вызванный дворцовый врач мог только констатировать наступившую смерть.

Я дал знать о случившемся мадам Пуанкаре. Она сама закрыла глаза бедному Феликсу и поехала за женой и дочерью покойного. Они прибыли, обливаясь слезами, и стали на колени у походной кровати, на которой положено тело умершего. Итак, после Регуалия, после Ружона, после Мишеля Пеллетье ушел еще один старый, прекрасный друг, и уход его усугубил пустоту, оставленную после себя другими.

В продолжение дня явились с соболезнованиями председатели обеих палат. Дюбо сказал мне, что не считает необходимым преобразование кабинета. „Достаточно отдать Рибо портфель министра иностранных дел и найти ему преемника в министерстве финансов“. Дешанель жалуется на мобилизованных депутатов, которые вместо службы вечно разъезжают между парламентом и фронтом. Он жалуется также на большие комиссии, которые группируются между собой и все более и более присваивают себе не только полномочия правительства, но и права парламента. Он говорит, что не в силах препятствовать распространению этих не порядков.

Вивиани говорит, что, если Клемансо вступит в министерство, Гэд и Самба с треском выйдут из состава правительства. Рибо заявляет, что не желает покидать министерство финансов, где намерен продолжать начатое им дело.

Братиану ответил английскому посланнику: обещанная помощь в 300 тысяч человек недостаточна, чтобы побудить Румынию выйти теперь из состояния нейтралитета (Бухарест, № 507 и 508).

Англия предложила Греции уступить ей остров Кипр и требует взамен этого присоединения Греции к союзникам. Заимис представит вопрос на усмотрение короля Константина (Афины, № 576).

По соглашению с Китчерном Мильеран телеграфировал из Лондона Жоффру [47]: „Я советовался с лордом Китчерном относительно отправки английских дивизий в Сербию. Мы оба нашли, что в этом деле крайне важную роль играет быстрота. Если, как я согласен с вами, для этой цели можно взять две находящиеся в тылу английские дивизии, то все в порядке. Если же вы натолкнетесь на безусловный отказ фельдмаршала Френча, немедленно замените на время

две английские дивизии на юге от Соммы французскими войсками. Впоследствии мы сговоримся с английскими военными властями относительно смены этих французских войск британскими силами“.

Кроме того Мильеран телеграфировал председателю совета министров: „Лорд Китченер не скрыл от меня, что провёлочки, на которые мы жалуемся, вызваны сопротивлением фельдмаршала Френча. Чтобы сломить это сопротивление, Китченер вызвал Френча в Лондон и затем просил его поговорить с Жоффром“ (Лондон, № 2412).

Римский кабинет решил объявить, что Италия находится в войне с Болгарией (Рим, № 827). Однако, несмотря на взятое на себя обязательство, он повидимому не склонен еще воевать с Германией. Его враг — это Австрия, Австрия и еще раз Австрия.

Вторник, 19 октября.

Мильеран все еще находится в Лондоне. Судя по словам некоторых английских газет, в первую очередь „Morning Post“, в недрах английского кабинета происходят теперь глубокие разногласия по вопросу об обязательной воинской повинности.

В моем присутствии Вивiani предложил Бриану портфель министра иностранных дел. Бриан ответил, что охотно примет его, однако прибавил, что является сторонником более широкого преобразования кабинета и что, по его мнению, целесообразно поставить во главе военного министерства того или другого генерала, а во главе морского министерства — адмирала.

Во второй половине дня я имел продолжительный разговор с Брианом с глазу на глаз, причем Бриан подтвердил свое мнение. Он не думает, что можно привлечь Барту к участию в правительстве, хотя согласен со мной в желательности этого; ссылается на слова Самба, что такое решение заставило бы социалистов уйти из правительства.

Еще менее возможным Бриан считает предложить Клемансо тот или другой пост в правительстве. Он считает, что надо обратиться к Галлиени, адмиралу де Жонокьеру, Комбу, Дени Кошену, Фрейсине и Буржуа.

Виктор Баш не отказывается от своей идеи. Так как на мой взгляд совмещение должностей президента республики и председателя совета министров вряд ли конституционно, он полагает, что я мог бы отказаться от поста президента в пользу Дюбо, при условии, что последний поручит мне составить кабинет. Виктор Баш говорит, что он дал Густаву Эрве материал для статьи в этом духе. Однако Эрве ответил ему, что желал бы видеть во главе правительства не меня, а Бриана. К сожалению, я не уверен, что палата отнеслась бы ко мне более благосклонно.

Мильеран совещался вчера в Лондоне с сэром Эдуардом Греем. Английский министр снова выдвинул мысль поставить отправку английских войск в Салоники в зависимость от вступления Греции в войну. „Я и присутствовавший при разговоре Поль Камбон, — телеграфирует Мильеран Вивiani (Лондон, № 2421), — энергично протестовали против этого“. Мильеран остался еще в Лондоне, чтобы

встретиться сегодня с Асквитом, который вчера был болен. Он беседовал с Ллойд-Джорджем, и последний заявил о своем согласии с нами.

Среда, 20 октября.

Утром провожал тело Феликса Декори в его последнее жилище на кладбище Пер-Лашез. Председатель сословия адвокатов Анри Робер и депутат Лереду произнесли несколько прочувствованных слов над открытой могилой. С тяжелым сердцем я присутствовал при погребальном обряде и вернулся грустный и печальный в свои комнаты в Елисейском дворце, где мне пришлось пройти через опустевший кабинет Декори.

Во второй половине дня мне звонит Мальви: на улице Тольбиак произошла тяжелая катастрофа на фабрике гранат. Мы отправились туда вдвоем на автомобиле. По дороге Мальви советует мне реорганизовать кабинет, оставив во главе его Вивiani, и предостерегает меня от уступок домогательствам Клемансо, который, по словам Мальви, преследует только одну цель — выдворить меня из Елисейского дворца. Когда мы приехали на улицу Тольбиак, глазам нашим представилось потрясающее зрелище. Взрыв был ужасной силы, он уничтожил завод, а также окрестные дома. Есть убитые и раненые. Причина катастрофы неизвестна. Надо думать, взрыв произошел по неосторожности одной из работниц, начинявших гранаты, или же от упавшей на пол гранаты. В тылу, как и на фронте, эта война продолжает уносить человеческие жизни.

Возвратившись из этой печальной поездки, я принял Вивiani и Жоффра, а также вернувшегося из Лондона Мильерана. Последний подписал протокол, который дает английскому правительству свободу изменить данному нам слову. По словам Мильерана, он застал в Лондоне такую ситуацию: среди министров сильные разногласия, Асквит болен, Грей переутомлен, а Ллойд-Джордж стремится стать премьером. В недрах кабинета существует сильная оппозиция против дарданельской экспедиции, отсюда вытекают досадные проволочки в балканской экспедиции. „Надо, — говорит Жоффри, — обратиться к английскому правительству со всей энергией. Для спасения сербской армии необходима быстрая переброска франко-британских войск. Я поехал к Френчу и убедил его послать одну дивизию, причем нам не придется немедленно замещать ее. Пока она будет в пути, мы высвободим еще одну дивизию, которая тотчас же будет отправлена вслед за первой“.

По Вивiani ошеломлен и поражен. В протоколе, подписанном Мильераном после упорного спора [с английскими министрами], Вивiani усматривает отказ от тех заявлений, которые Мильеран сделал в палате депутатов после соглашения с Греем. Военного министра обвиняют в обмане. Ему теперь остается только уйти со своего поста. Протокол помечен вчерашним числом и составлен в следующих выражениях: „Оба правительства считают одной из своих главных задач на Балканском полуострове противодействовать тому, чтобы немцы и австрийцы открыли себе проход в Константинополь. Поэтому они согласились продолжать отправку необходимых контин-

гентов, пока последние не составят цифры в 150 тысяч человек. Тем не менее, если в момент высадки британских войск в Египте, где они забирают продовольствие, то или другое из обоих правительств найдет необходимым новое обсуждение ситуации, это обсуждение будет произведено с согласия обоих правительств, которые сговорятся относительно отправки войск“ [48]. Итак, за утверждением следует здесь отрицание или во всяком случае факультативная оговорка, которая оставляет неопределенным конечное решение.

Председатель исполнительного комитета партии радикал-социалистов Франклин Буйон заявил мне — по его словам, в согласии с Комбом, — что песенка Вивiani спета и что палата желает преобразования кабинета во главе с новым председателем совета министров, „например“ Брианом.

Сербы ушли из окрестностей Пука и эвакуировали Мидритию. Последнюю тотчас вслед за тем заняли войска Эсада паши (Скутари, № 148).

Английский король посетит на-днях Гавр и Руан. Он желает встретиться со мной 25-го в Эр или Суассоне. Я охотно соглашаюсь на это свидание (Лондон, № 2434).

Оливье Сенсэр, бывший член государственного совета и заведующий секретариатом Шарля Дюнои, согласился на правах друга быть преемником Феликса Декори. Он мой земляк по Маасскому департаменту, и наши семьи тесно связаны. Он будет для меня верным и надежным сотрудником.

Как нам в прошлом месяце подал надежду виконт Иши, Япония вчера подписала в Лондоне межсоюзническую декларацию 5 сентября 1914 г. Однако Япония попрежнему не думает посылать войска в Европу; впрочем эта перспектива никогда не улыбалась Англии.

Четверг, 21 октября.

Заседание совета министров. Мильеран докладывает о своей поездке в Лондон. Рибо и несколько других министров находят, что подписанный им протокол равносильен взятию Англией назад принятых на себя обязательств.

Несколько раз в день Вивiani делится со мной своими неприятностями в министерстве и парламенте. Он чувствует, что попал в тупик, и изливает передо мной свою душу.

Сербский посланник Веснич жалуется мне на проволочки со стороны Англии и умоляет меня обратиться к королю Георгу. Я сказал ему, что увижусь на-днях с королем и поддержу перед ним требования французского правительства относительно скорейшей отправки обещанных войск.

Посетил больницу Валь-де-Грас, госпиталь Кошена и больницу „Charité“, где размещены пострадавшие при взрыве на улице Тольбиак. Говорю им слова утешения и ободрения. Большею частью это — женщины. Они держат себя так же храбро, как солдаты на фронте. Роздал пособия.

Как телеграфирует Сарраиль (Салонки, № 5413), сербские войска отошли на правый берег Вардара, на высоте Велеса, и окапываются

здесь. На левом берегу они еще защищают Ускюб. Четыре представителя союзных держав уехали из Ниша специальным поездом в Краљево; вероятно, сербское правительство не преминет последовать туда за ними (Ниш, № 837).

Австрийская и германская печать конечно торжествует по поводу ухода Делькассе. Она видит в этом доказательство того, что она называет нашим фиаско на Балканах.

Граф Оне, сенатор, фактотум Клемансо, отправился па-днях в Лондон и связался там с английскими противниками салоникской экспедиции. Его встретили очень холодно (личное письмо де Флершо, сообщенное заведующим протокольной частью Вильямом Мартэном).

Пятница, 22 октября.

Принял целый ряд парламентских деятелей: Эммануила Брусса, Габори, Карре-Бонвале, Беназе, Шоме, Шарля Бенуа, Мильяра и др.

Вивiani имел продолжительный разговор с Мильераном и предложил ему министерство юстиции. Мильеран ответил с достоинством: „Если вы хотите, чтобы я ушел, я к вашим услугам; я буду вас поддерживать всеми силами, но не приму другого портфеля“.

После этого Вивiani направился к Бриану и Мальви. Сегодня он не проявляет склонности уступить свое место председателю совета министров; не желая отказываться от него, он следует только внушению своего патриотизма. „Какие доводы, — говорит он, — могу я привести в пользу своего ухода? Я не болен, и большинство на моей стороне“. Он прибавил, что продолжает свои переговоры в полном согласии с Брианом.

Зато Комб, вызванный из Понса в Париж Франклином Буйоном, умоляет меня дать понять Вивiani, что он должен уступить место своему заместителю в совете министров.

Вивiani отправил в Лондон длинную телеграмму, в которой указывает английскому правительству на серьезную опасность, которою грозит разбой в действиях союзников, и на необходимость ускорить отправку подкреплений на Восток (21 октября, № 3462). Одновременно он разослал телеграммы в Петроград, Афины, Рим всем нашим представителям, чтобы держать их в курсе решений французского правительства. Это не то, что молчание Делькассе. Наши представители не будут больше жаловаться, что они не в курсе дел.

Сербские войска продолжают отступать к югу от Белграда. Они оставили позиции в Кавениой и уходят на позиции в Космай и Варовницы.

На предложение Англии дать Греции Кипр Заимис, очевидно по внушению Константина, ответил, что, если Греция примкнет к союзникам, она будет раздавлена, так как теперь уже ничто не может помешать разгрому Сербии и соединению болгар с немцами, а также немцев с турками (Афины, № 580) [49].

Суббота, 23 октября.

Имел длинный разговор с Мильераном. Он очень недоволен Вивiani, который, по его словам, собирается принести его в жертву, Мильеран и меня упрекает, что я его оставил. Я ответил ему, что

я в течение всего года постоянно защищал его против неоднократных и часто незаслуженных нападков. Он служил козлом отпущения за все старые ошибки военных властей. Парламентские комиссии и ряд товарищей по кабинету возлагали на него ответственность за упущения и промедления, к которым он не был причастен. Однако, продолжал я, он часто обескураживал своих лучших друзей своим молчанием и упрямством. Наш разговор принял несколько возбужденный характер, но кончился весьма задушевно. Впрочем мне не удалось убедить Мильерана, что с его стороны неразумно отказываться остаться в кабинете и принять другой портфель, если Вивiani после коллективной отставки реорганизуеt свое министерство с привлечением на пост военного министра одного из генералов.

Впрочем совет министров продолжает заседать почти ежедневно, словно ему не угрожает реорганизация. Еще сегодня он рассматривал все полученные депеши и все наброски ответов на них.

Во второй половине дня трехчасовое совещание с Вивiani, Мильераном и Жоффриом. Главнокомандующий полагает, что надо дать почувствовать Греции силу союзников, настоять в Лондоне на отправке войск, послать в Россию патроны и 200 тысяч винтовок Гра и заставить русских выступить на Балканах через Румынию. Англия считает затруднительной перевозку 10 или 13 тысяч русских из Архангельска; она не проявляет желания взяться за это дело. Мильеран обсудит, не можем ли мы сами взять на себя эту перевозку.

После рассмотрения всех этих вопросов Вивiani со всяческими обходами объясняет Жоффриу, что кабинет находится в критическом положении и рискует быть свергнутым или вынужденным реорганизоваться, причем пост военного министра, возможно, будет отдан другому лицу. Жоффри выслушивает все это молча, бросая удивленные взгляды то на Вивiani, то на Мильерана. Председатель совета министров задает ему вопрос: „Если мы привлечем на пост военного министра кого-нибудь из военных, кого вы нам советуете?“ — „Ах! — отвечает Жоффри, — вы задаете мне головоломную задачу. Из десяти генералов девять будут плохими министрами. Я лично например никогда не сумел бы выйти сухим из воды в переделке с парламентом“. — „Но тот, десятый, генерал, который мог бы быть хорошим министром, кто это?“ — „Что ж! Кто-нибудь вроде Дюбайля“. — „А Галлиени?“ — спрашивает Вивiani. „Возможно. — Жоффри остановился, подумал минуту и затем не колеблясь подтверждает: — Да“. Итак, возражений нет.

По уходе Жоффри Мильеран и Вивiani остались в моем кабинете и дружелюбно беседуют между собой. Мильеран снова советует Вивiani ограничиться назначением нового министра иностранных дел. „Нет, — возражает Вивiani, — надо сделать наш кабинет импозантнее, надо привлечь в него несколько видных лиц. А когда мы согласимся относительно имен, я подам в отставку со всем кабинетом, чтобы мне не пришлось никого устраниать“.

Царь сказал генералу де Лагишу, что, если бы мы могли снабдить ружьями его армию, он послал бы на Балканы на помощь сербам пять корпусов. Мы изучаем условия высадки войск в Варне и Бургасе, а также транспорта по Дунаю.

От изучения второго пути для сообщения с сербской армией, а именно через Дураццо, пришлось в конце концов отказаться ввиду неудобств этой морской базы. Генеральный штаб изучает теперь возможность использования Санти-Каранта.

Глава французской военной миссии в Италии полковник де Гондрекур получил информацию от Гуго Ожетти, известного художественного критика, мобилизованного в качестве офицера при высшем командовании, и от сенатора Альбертини, издателя газеты „Corriere della sera“. Оба эти лица приехали на этих днях в Удине для свидания с генералом Кадорна. По их словам, вовсе не Кадорна отказывается послать войска на Балканы. Напротив, он телеграфировал 16 октября Саландра, что может отдать по меньшей мере один армейский корпус для участия во франко-английской экспедиции. Кадорна заявил также, что считает необходимым объявление Италией войны Германии. Итак, только на правительстве лежит ответственность за то, что оно приняло и проводит противоположные решения (полковник де Гондрекур Жоффри, № 29).

Китченер всецело одобряет директивы, данные нами Саррайлю. Последний столкнулся с английским генералом Магоном, и британские войска будут наконец двинуты до Добiana для поддержки нашего правого фланга. Однако Китченер предписал генералу Магону не переходить греко-сербской границы, не известив его заранее (военный атташе в Лондоне, № 149).

Воскресенье, 24 октября.

Вивiani продолжает энергично настаивать перед английским правительством, чтобы оно отправило войска в Салоники, минуя Египет; в противном случае перед англичанами, пожалуй, встанет искушение оставить их в Египте.

Венизелос заявил Гильмену (Афины, № 599), что высадка итальянских войск в Македонии будет встречена в Греции с большим недоверием, но ее будут оправдывать необходимостью притти на помощь Сербии. Что же касается высадки итальянских войск в Санти-Каранта, то она вызовет взрыв всеобщего негодования, и следует во что бы то ни стало избежать ее. Личное мнение Гильмена совпадает с мнением Венизелоса.

Министр сэр Эдвард Карсон, сторонник франко-британской интервенции на Балканах, вышел в отставку, недовольный медлительностью кабинета. Общественное мнение в Англии взволновано уходом Карсона и начинает протестовать против увеливаний правительства (Поль Камбон, № 2465).

Вивiani сообщил мне, что Галлиени согласен взять портфель военного министра. „Бриан, — рассказывает мне далее Вивiani, — советовал мне обратиться к Комбу и заверил меня, что последний относится ко мне самым благожелательным образом. Я поступил по его совету и предложил Комбу вступить в реорганизованный кабинет, но он получил ответ: „Нет, с вами, ваша песенка сета; уступите свое место Бриану“... Бриан, — продолжает Вивiani, — советовал мне также сделать еще одну попытку у Фрейсинэ; когда я выразил опасение, что наткнусь на отказ, он предложил мне: „Если

хотите, я пошлю к нему его племянника де Сельва, связывая только себя". Я согласился, и де Сельв отправился к Фрейсинэ. Я жду теперь ответа".

После этого Вивiani снова задает себе вопрос, не лучше ли всего будет поручить министерство иностранных дел Бриану. „В таком случае, — говорю я ему, — вам надо будет посоветовать ему взять себе в сотрудники Жюля Камбона, будь то в качестве товарища министра или в качестве генерального секретаря". — „Да, это будет хорошо". С этими словами он ушел. До семи часов вечера я больше не слышал разговоров на эту тему.

В конце дня Вивiani снова у меня. Он вел переговоры с Клемантелом, Метэном и Раулем Перэ. Предложил Пенлеве пост товарища морского министра, но Пенлеве отказался. Зондировал Дени Кошена относительно того или иного участия в кабинете; тот согласился. Несмотря на визит де Сельва, Фрейсинэ окончательно отказался, сославшись на свою старость.

Несмотря на эти трудности и быть может отчасти именно вследствие этих трудностей, Вивiani все меньше думает о своем уходе. Он считает теперь для себя делом чести остаться на своем посту. Бриан, по словам Вивiani, согласен взять в помощники Жюля Камбона. Морское министерство Вивiani намерен предложить адмиралу Лаказу, который известен мне своим умом и прямою. Относительно Мильерана Вивiani утверждает, что обе палаты почти единодушно требуют ухода его с поста военного министра; он еще раз предложит ему пост министра юстиции.

Сербский посланник Веснич переслал мне телеграмму, полученную им из Ниша; судя по ней, военное положение становится все более и более критическим. Болгары вторглись в Македонию и заняли Кочане, Велес, Куманово, Истиц, Криву-Паланку и даже Враню и отрезали сообщение с Салониками. Сербская армия еще раз обращается к нам с призывом о помощи.

Сербское правительство испрашивает нашего разрешения на перенос ценностей и архивов Сербского национального банка на один из наших военных кораблей, находящихся в настоящее время в Салоникском порту (Салоники, № 138; Краљево, № 844).

Вечером выехал из Парижа на условленное свидание с английским королем. Мильеран пожелал сопровождать меня. Пользуясь этим случаем, я горячо уговариваю его принять портфель министра юстиции, если Вивiani передаст военное министерство генералу Галлиени, как он считает это целесообразным. Встречаю упорный отказ. „Если бы мне предложили по крайней мере другое министерство национальной обороны, например министерство иностранных дел". — „Но разве в настоящее время национальная оборона не является основной задачей всех министров?" Он надулся и молчит.

Понедельник, 25 октября.

Ночь провели в вагоне, утром приехали в Фреван. Оттуда я на автомобиле поехал в Серкан, где вручил генералу Фошу в присутствии его штаба ленту большого креста ордена Почетного легиона.

Затем в течение часа беседовал с Фошем. Он показался мне сегодня несколько нервным, как породистый конь, кусающий свои удила. Однако он уже не верит в возможность внезапного прорыва неприязельского фронта. Он находит, что победу должны обеспечить промышленность и дипломатия. Впрочем он надеется, что, прочно опершись на хорошо выбранный пункт, мы сможем поколебать неприязельский фронт, а затем с помощью ряда последовательных, хорошо подготовленных, медленных, систематических давлений на этот фронт сможем опрокинуть препятствие и пойти дальше.

Из Фреван поехали в Корби по железной дороге, но в пути нас надолго задержала авария; эта дорога находится теперь в ведении британской армии. В Корби нас ожидали английские автомобили, которые привезли нас с запозданием на один час в Рибекур, где находится Георг V. Погода была дождливая и холодная. Мы оба, ежась от холода, приняли парад королевских войск на грязной, топкой почве. По дороге туда и назад я воспользовался тем, что находился в автомобиле один с королем, и беседовал с ним о вопросах, беспокоящих французское правительство; я указал ему на серьезность положения в Сербии. Он не вдается в вопросы внешней политики, но признался мне в осложнениях в области внутренней политики. Его министерство имеет слишком многочисленный состав и раскололось [на два лагеря]. Асквит болен и переутомлен. У каждого из нас свои болячки.

Король удержал меня на завтрак в замке Вал-Вьон, штаб-квартире III британской армии. После завтрака мы отправились в Аше, где состоялся второй смотр войск. Я вручил военный крест принцу Уэльскому и несколько знаков ордена Почетного легиона английским офицерам. Вернулся в Париж амиенским поездом в девять часов вечера.

Когда я приехал в Елисейский дворец, Вивиани привел ко мне Бриана, Рибо и Мальви. „Мне не удастся реорганизовать свое министерство, — сказал он мне. — За исключением Галлиени и адмирала Лаказа все, начиная с Жюля Камбона, отказываются участвовать в нем. Ввиду этой общей оппозиции я решил уйти“.

Я пытаюсь ободрить его. Но на этот раз его решение твердо. Я немедленно зондирую Рибо, но он просит прощения и ссылается на то, что желает продолжать дело, начатое им в министерстве финансов. Тогда я обращаюсь к Бриану; он отвечает утвердительно, но сначала делает учтивый жест в сторону Рибо. Последний колеблется, как будто соглашается, мнетя; в конце концов он отказался. Я поручаю образованию министерства Бриану, причем подчеркиваю, что портфели военного и морского министров остаются за уже назначенными [генералом Галлиени и адмиралом Лаказом], и прошу его постараться уговорить Жюля Камбона.

Рибо и Мальви возражают против назначения Комба, с которым, как видно, Бриан действует заодно. Мальви считает более целесообразным при настоящих обстоятельствах расширить кабинет представителем правой и предложить одно из министерств Дени Кошену.

Я доворю Бриану, Вивиани и их товарищам, что не буду вмешиваться в выбор лиц, но считаю безусловно необходимым, чтобы во-

вый кабинет был правительством широкого национального единства, твердо намеренным продолжать войну до победного конца.

Поль Камбон возобновил беседы с Греем и лордом Крю по вопросу о совместных действиях Франции и Англии в Салониках. Он еще не получил конкретного ответа (Лондон, № 2475, 2476, 2480, 2481). Одни только проволочки и противоречия...

Бош предупреждает нас, что, несмотря на всю храбрость сербских солдат, Сербия находится в отчаянном положении. Главная квартира переезжает сегодня из Крагуеваца в Крушевац (из Кральево, № 847). Ускюб эвакуирован сербами и занят болгарами (полковник Фурнье военному министерству по радио, № 175).

Итальянская армия перешла в наступление в восточном направлении, на фронте Изонцо.

Скорострительно скончался Поль Эрвье. Ушел еще один благородный друг. Сколько чудных часов провели мы вместе! Сколько прекрасных писем написал он мне за многие годы! И какой возвышенный патриотический характер носили его письма в последние месяцы! Его глубоко потрясла смерть племянника, павшего близ Лангемарка. Он скрывал свое горе, но тяжело переносил его.

Вторник, 26 октября.

Сегодня английский король должен отдать нашей армии визит, сделанный мною вчера британской армии. Я поехал с Жоффром встречать короля в Эстре-Сен-Дени. Он прибыл в сопровождении принца Уэльского и своей свиты.

Мы сели вдвоем в закрытый автомобиль и отправились неподалеку на обширную равнину, на которой выстроены были в блестящем порядке три дивизии колониального корпуса. Здесь мы пересели в открытый автомобиль и объехали войска; затем присутствуем при блестящем параде. Войска выглядят уже отдохнувшими после героического напряжения сил в Шампани. Я вручил ордена особенно отличившимся офицерам и солдатам.

По окончании смотра мы поехали в замок Бель-Эр, занимаемый командующим 35-м корпусом генералом Эбнером. Дорога шла через Компьенский лес; в своей осенней красе он был особенно прекрасен. В замке мною был предложен завтрак королю. Король сидел напротив меня, по правую руку от него сидел Жоффр. Последний все время говорил о том, что Англия должна ускорить отправку войск в Сербию. После завтрака мы отправились на наблюдательный пункт Беллэ, на юг от Суассона. Со времени моего последнего посещения здесь большие усовершенствования: вырыты глубокие ходы, выющиеся зигзагами по склону горы, вырублены два огромных грота, устроено блиндажное прикрытие. Над нашими головами жужжат гранаты и взрываются вправо от нас.

Мой племянник Леон До попрежнему служит на этом посту. Он рассказал мне, что несчастный город Суассон каждый раз подвергается все более свирепой бомбардировке. Солнце село, наступает ночь; я проводил короля к ближайшей станции, а сам вернулся в Париж.

По моем возвращении ко мне явился Бриан. Он говорил с Фрейсиэ и Буржуа; оба они дали ему благоприятный ответ, но советовали предложить Клемансо, как и им самим, министерство без портфеля. При этом они руководятся не столько желанием работать бок о бок с Клемансо, сколько тем соображением, чтобы он не стоял вне кабинета, в состав которого они войдут. Но я и Бриан убеждены, что Клемансо ответит отказом, как он уже отказал в прошлом году Ви-виани. Он не из тех, которые удовлетворяются ролью откидной скамеечки.

Бриан зондировал также Дени Кошена. Однако последний, как и Рибо, колеблется ввиду возведенного участия Комба в кабинете. Кроме того Фрейсиэ возражает против сохранения в новом кабинете Мальви; очевидно его смущают слухи, циркулировавшие в Бордо [50]. Кабинет далеко еще не составлен, а между тем Германия не сидит сложа руки. Я заклинаю Бриана торопиться. Он обещает мне это.

Итальянское наступление развертывается блестяще.

Английское правительство послало в Шантлиль начальника генерального штаба Мэррея и генерала Колмуэля; они должны еще раз обсудить с Жоффром возможность отправки в Салоники обещанных подкреплений. Когда же это кончится? (Поль Камбон, № 2491.) Генерал Мэррей изложил свою точку зрения нашему военному атташе генералу де Ла-Пенуз (№ 155). „По мнению Мэррея, положение теперь совершенно иное, чем во время пребывания Мильерана в Лондоне. В Ускюбе и Велесе находятся 70 тысяч болгар, в Струмице — 35 тысяч. Даже по прибытии третьей французской дивизии объединенные силы союзников не превысят 70 тысяч человек. Первая английская дивизия во Франции может прибыть в Салоники не раньше как через пятнадцать дней. Ввиду этого мы лишены возможности восстановить контакт с сербской армией, даже удерживая в своих руках Салоники и железную дорогу. Положение не изменится и с прибытием двух английских дивизий из Франции; английские войска молоды, неопытны, имеют слабый офицерский состав, у них нет ни артиллерии, ни экипировки, ни оборудования для войны в горной местности. Им придется сражаться с войсками, хорошо знающими страну, имеющими в ней пособников и подготовленными к этому роду войны. Итак, успех наступления возможен только в том случае, если у нас окажутся значительные силы, а они далеко не собраны“. Удивительное дело, зато английский генеральный штаб продолжает верить в возможность продвижения на полуострове Галиполи.

В Бухаресте состоялась грандиозная демонстрация с участием около 20 тысяч человек; они требовали, чтобы Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Виднейшие вожди оппозиции выступили с требованием мобилизации, чтобы спасти страну от опасности, грозящей ей со стороны венгров и болгар. Сегодня Таке Ионеско и Филиппеско должны быть приняты королем. Они надеются, что добьются соглашения с Братияну (Бухарест, № 532).

Англия завязала переговоры с шерифом Мекки; эти переговоры носят довольно странный характер. Шерифу обещают халифат; взамен этого он должен помогать англичанам против Турции. Посланец

шерифа прибыл в Каир на совещание с британским верховным комиссаром (Каир, № 269).

Так как английское морское министерство не в состоянии было обеспечить провоз русских войск из Архангельска, Россия отказалась от этой мысли. Нам говорят, что эти войска получат более целесообразное применение в армии, которая будет сформирована в Бессарабии (Петроград, № 1281).

Саррайль телеграфирует, что, на его взгляд, главная масса сербской армии вот-вот подвергнется окружению. При тех силах, которые находятся в его распоряжении, он не считает возможным удалиться из Салоник и оперировать у Велеса или Ускюба.

Среда, 27 октября.

Бриан рассказывает мне о своем визите к Клемансо. „Вы мне правитесь, — сказал ему Тигр. — Я часто нападал на вас, но вы мне нравитесь. Вам случилось противоречить мне, вам даже удалось убедить меня. С вами можно разговаривать. С Вивияни это невозможно, это человек без характера. Как мог президент республики мириться с таким главой правительства во время войны?“ — „Однако в пользу его правительства высказался парламент, он же и поддерживал его. Впрочем, президенту приходится теперь назначить нового главу правительства, так как Вивияни уходит. По этой причине я и являюсь к вам и спрашиваю вас, согласитесь ли вы вступить в кабинет, который я должен составить?“ — „Нет, никогда“. — „Сильно сказано. Вы будете бороться против нового кабинета?“ — „Я не говорю этого; я охотно буду помогать вам. Но я не могу согласиться вступить в министерство, в котором я не являюсь главой. К тому же Пуанкаре желает всем руководить, министерством иностранных дел и военным министерством, а я не из тех, кто согласен терпеть подобное вмешательство“.

Отаньер дуется; он удивляется, что его „выдворили“, хотя он всегда был в полном согласии со своими товарищами; это набрасывает на него тень, он не может примириться с этим. Я объясняю ему, что о „выдворении“ нет речи, так как новый кабинет составляет не Вивияни. Но я не могу не признать, что с ним поступили не совсем справедливо.

Титтони просил у меня аудиенции. „Я являюсь к вам по поручению своего правительства известить вас, что согласно полученным из Бухареста сведениям необходимо без малейшего промедления воспользоваться случаем и заставить Румынию вступить в войну. Единственный возможный способ добиться этого — немедленное сосредоточение русских войск на границе. Причем, как только это будет сделано, Россия должна заявить Румынии: „Согласны ли вы пропустить нас и сражаться на нашей стороне, если мы атакуем Болгарию? Или же вы предпочитаете идти с нами, если мы поможем вам вступить в Трансильванию?“ Если Россия предложит таким образом Румынии сражаться вместе с ней для осуществления своих национальных устремлений, сила общественного мнения непременно заставит Братиау объявить войну Австрии“. Так как Вивияни

остается еще на своем посту, я сообщил ему об этом демарше и просил его известить о нем русское правительство.

Жюль Камбон говорит мне, что он не привык иметь дело с парламентом и поэтому не может принять место товарища министра иностранных дел, но согласен взять на себя обязанности генерального секретаря. Я снова прошу Бриана заручиться сотрудничеством Жюля Камбона.

Бриан уговорил Фрейзинэ и Леона Буржуа вступить в кабинет в качестве министров без портфеля. Мелин охотно вернется в министерство на улице Варенн, где он в свое время так потрудился на благо отечественного земледелия. Но все трое желают, чтобы Мальви не оставался во главе министерства внутренних дел. Вивиани в свою очередь против того, чтобы жертвовали Мальви, а последний заявляет, что согласится остаться только в министерстве внутренних дел и не возьмет другого портфеля. Итак, кризис продолжается, я не вижу конца ему.

Меня посетило около тридцати депутатов, входящих в состав военной комиссии и комиссии по иностранным делам. Они явились указать мне на серьезность положения, словно я, увы, не знаю этого сам не хуже, чем они. Они жалуются на правительство вчерашнего дня и уже также на правительство завтрашнего дня. Они хотят, чтобы наша дипломатия проявила больше твердости и увлекла за собой дипломатию союзников. Они хотят также, чтобы мы послали на помощь сербам все необходимые силы, если англичане будут уклоняться в Салониках. „Значит, идти на риск, обнажить наш фронт?“ — „Двести тысяч человек, — уверяют они, — не ослабят его“.

В конце дня пришли Марсель Самба и Вивиани. Их обоих очень тревожит положение в палате депутатов. Интриги принимают там неслыханные размеры. Оба они утверждают, что если мы отнимем у Мальви его министерство, это вызовет бурю в палате. Они желали бы покончить все сегодня вечером, чтобы избежать осложнений в парламенте.

Сообщив нам вскользь о своих переговорах с шерифом Мекки, пожалуй, не совсем своевременных, Англия вместе с тем предложила нам обсудить с ней окончательное установление границ Сирии. Это будет счастливым дополнением к нашей конвенции 1912 г. Для обоснования этого вопроса с английскими властями Вивиани решил послать в Лондон нашего генерального консула в Бейруте Жоржа Пико (из Парижа в Лондон, № 3527) ^[51].

Немцы казнили в Брюсселе мисс Кавель ^[52]. Эта благородная и энергичная англичанка не раз оказывала помощь нашим солдатам.

Четверг, 28 октября.

К своему великому сожалению, я не мог присутствовать сегодня на похоронах Поля Эрвье; министерский кризис задержал меня в Елисейском дворце. Меня замещали мадам Пуанкаре и один из моих офицеров. Я очень удручен этим обстоятельством. Я не волен даже отдать последний долг умершему другу.

Бриан все еще не закончил своих переговоров. Вопрос о Мальви

не улажен. Фрейсинэ, Мелин и Буржуа настаивают на своем, Вивиани и Самба упорно заявляют, что уйдут, если Мальви не будет оставлен на своем посту. Я умоляю Бриана не останавливаться более на трудностях личного порядка и принять без дальнейших промедлений то решение, которое он найдет наиболее целесообразным.

Мильеран, исполняющий еще функции военного министра, и Вивиани, отставка которого еще официально не объявлена, поручили Жоффру отправиться в Лондон и убедить английское правительство, что с военной точки зрения возможно отправить 90 тысяч англичан на Балканы, не ослабляя фронта в Бельгии и Франции.

В четыре часа пополудни Бриан вернулся в Елисейский дворец. Он все еще топчется на том же месте. Сторонники и противники Мальви не отказались от своих требований, и Бриан не в состоянии привести их к соглашению.

Я запросил мнение Дешапеля. Он считает возведенный новый состав кабинета превосходным и не понимает оппозиции против Мальви. „Что касается меня, — восклицает Вивиани в большом волнении, — я не позволю принести Мальви в жертву этим лицемерным старцам. Фрейсинэ и Буржуа — агенты Клемансо, а Клемансо только и замышляет вызвать президентский кризис“. Между тем как раз в тот момент, когда Вивиани так резко отзывается о Фрейсинэ, последний по просьбе Бриана отказывается от поста товарища председателя совета министров, для того чтобы оно могло достаться Вивиани вместе с портфелем министра юстиции. Я стараюсь успокоить расколовшиеся нервы Вивиани. Он приходит в себя и успокаивается.

Но после него пришел Мелин, присланный Брианом. „Я — заявляет он, — обещал своим друзьям не вступать в кабинет, если Мальви сохранит в нем портфель министра внутренних дел. Они обвиняют его в политической тенденциозности, в пристрастных действиях известных префектов“.

Спустя несколько минут является Мальви и по собственному почину объявляет мне, что он готов оставить министерство внутренних дел, поддержать кабинет и просить Вивиани и Самба остаться в последнем, но ни в коем случае не примет в настоящий момент другого портфеля.

Мне известно, что палата начинает проявлять крайнее нетерпение. Она заседала лишь несколько минут и среди всеобщего возбуждения отсрочила заседание до завтра. Внесено несколько запросов. Вивиани потребовал отсрочки их, появление его на трибуне было встречено сильным волнением. „Если Бриан не достигнет цели, — сказал он мне, — я все же вручу вам свою отставку еще до завтрашнего заседания палаты“.

В половине одиннадцатого вечера один за другим входят в мой кабинет Вивиани, с всклокоченными волосами и красным лицом, и Бриан, сильно простуженный, потрясаемый приступами кашля, но спокойный и владеющий собой. Вивиани бросился в кресло и снова разразился упреками по адресу Буржуа, Мелина и Фрейсинэ, обвинял их в том, что они играют на-руку Клемансо. „Они в заговоре с ним против вас. Вы увидите, что еще до вторника они приведут

вас к необходимости назначить министерство Клемансо, а последний создаст президентский кризис". Я отвечаю, что слишком хорошо знаю Фрейзинэ, Мелина и Буржуа и ничуть не сомневаюсь в их лояльности. Бриан поддержал меня. Но нам не удастся убедить Вивиани. Переутомленный и полный тревоги, он весь во власти своей идеи и повторяет: „Все эти старики думают только о себе. Они забывают родину. Они не способны ни на малейшее самопожертвование". Я настаиваю, что надо кончить с этим делом, с Мальви или без него, и Бриан обещает мне, что завтра в полдень все будет закончено или же он откажется от составления кабинета. Но сегодня мы не продвинулись ни на шаг вперед, а на фронте продолжает литься французская кровь, и Пашич продолжает вызывать к нам о помощи. Английские войска в Салониках получили наконец директиву вступить в Сербию. Вероятно послезавтра они двинутся в Дайрен (от генерала Саррайля, 28 октября).

Пятница, 29 октября.

Все по-старому. Я написал Бриану, тороплю его, закликаю его довести дело до конца к полудню. Вивиани вручил мне прошение об отставке. В нем говорится, что после голосования о запросах и о закрытом заседании он не рассчитывает более, что ему удастся собрать на стороне правительства необходимое большинство палаты. Он созвал сегодня утром совещание кабинета. Ему пришлось выслушать упреки Отаньера и Сарро и натолкнуться на молчание Мильерана; но Бьенвеню-Мартэн, Томсон и Давид великодушно принесли себя в жертву; они произнесли несколько простых слов, но полных горячего патриотизма.

Бриан явился только после полудня. Он собрал в министерстве юстиции Мелина, Буржуа, Комба, Дени Кошена; Клемантеля и Пенлеве. Фрейзинэ извинился, но дал знать, что согласие его обеспечено. „Все старые министры" снова потребовали, чтобы Мальви был замещен на посту министра внутренних дел социалистом-радикалом, „более пожилым и более квалифицированным", и получил другой портфель. Бриан вызвал Мальви в мой кабинет. Мы оба просим его согласиться с таким решением вопроса. Он отказывается и повторяет, что будет поддерживать министерство в качестве простого депутата. „Во всяком случае, — говорю я Бриану, — теперь, когда Вивиани подал в отставку, закликаю вас, торопитесь. Надо покончить с этим". — „Я совершенно того же мнения, и если мне не удастся уладить все сегодня, я откажусь от своей миссии".

Вчера английский король упал с лошади, объезжая свои войска. Я по телеграфу передал ему пожелание скорее поправиться. Сегодня получил от него телеграмму, в которой он благодарит меня и сообщает: „К счастью, могу вас заверить, что обошлось без перелома кости и что я надеюсь скоро поправиться".

Полковник Фурнье извещает нас из Крагуеваца (№ 186), что офицеры сербского генерального штаба с каждым днем все более падают духом. Австрийцы продолжают продвигаться на северном фронте, а болгарские отряды в нескольких местах перешли линию Тимока, и ее пришлось эвакуировать (№ 192).

Отступление сербов заставило наш генеральный штаб окончательно отказаться от мысли использовать коммуникационные линии Дураццо — Эльбассан — Струга или Санти-Каранта — Монастырь. Генеральный штаб изучает теперь возможности снабжения Сербии через Сан-Джованни-ди-Медуа или через Антивари.

В пять часов пополудни заведующий секретариатом Бриана Тиссье позвонил Оливье Сенсэру, что в Бурбонском дворце состоялось заседание фракции радикал-социалистов. Большинство высказалось за то, чтобы во главе министерства внутренних дел стоял Мальви, а не кто другой. Фрейсинэ, Буржуа и Мелин подчинились этой резолюции. Вскоре затем Бриан в свою очередь подтвердил мне по телефону, что „все улажено“. Он извинился, что не может прийти ко мне, и сказал, что вечером пришлет мне на подпись декреты о назначении новых министров. Что касается министерства труда, он еще колеблется между Матэном и Рену. Пенлеве получит министерство народного просвещения, Думерг — министерство колоний, Клемантель — министерство торговли. Вивiani будет министром юстиции и товарищем председателя совета министров.

По просьбе Бриана я вызвал в конце дня нового военного министра генерала Галлиени. Как мы уговорились с Жоффром, я советую Галлиени предоставить главнокомандующему свободу и ответственность в военных операциях, а также в назначениях на фронте. Галлиени с готовностью обещает мне это. Он показал мне очень теплое письмо, которое он намерен послать Жоффру, когда будут подписаны декреты; в этом письме он обещает Жоффру свое безусловное содействие. Я указываю ему на необходимость возможно чаще собирать в моем кабинете Совет национальной обороны, как того требует сам Жоффр. Галлиени выразил желание оставить в должности товарищей министра только Жозефа Тьерри и Альбера Тома. Я предложил ему представить в спешном порядке этот вопрос председателю совета министров.

Незадолго до полудня явился Бриан в сопровождении Тиссье и принес мне декреты на подпись. Он предпочел сохранить в военном министерстве четырех товарищей министра: Альбера Тома по артиллерии и снаряжению, Жозефа Тьерри по снабжению и интендантству, Жюстина Годара по врачебно-санитарной части и Рене Бенара по авиации. Вместе с постом председателя совета министров Бриан берет портфель министра иностранных дел, Фрейсинэ, Комб, Буржуа, Жюль Гэд и Дени Кошен назначены министрами без портфеля, Марсель Самба остается министром общественных работ, контрадмирал Лаказ назначен морским министром, Матэн — министром торговли, Думерг остался во главе министерства колоний.

Суббота, 30 октября.

Декреты появились в сегодняшнем „Officiel“. Бриан представил мне министров; я приветствую их и благодарю их за поддержку. Я велел поставить в зале совещаний совета министров более длинный стол; предварительно пришлось вместе с Брианом разрешить вопрос о том, как рассадить новых министров, — вопрос, достойный

пера Сен-Симона. Затем мы выбрали не терпящие отлагательства вопросы: о требованиях денежных ссуд, снаряжения и хлеба, с которыми к нам обратилась Греция, о нашей позиции по отношению к Греции и Румынии, о дальнейшей отправке войск в Салоники, об эвакуировании австрийских военнопленных из Сербии. Решено начать обсуждение всех этих вопросов во вторник. В понедельник состоится совещание кабинета по вопросу о предстоящей правительственной декларации.

Гильмен был принят греческим королем (Афины, № 638 и сл.). „Мое решение соблюдать нейтралитет, — сказал король Константин, — окончательно и бесповоротно. По зрелом размышлении я пришел к твердому убеждению, что Греция как малая страна должна остаться в стороне от склоки больших. Говорят, что я боюсь прусских касок. Зачем мне скрывать это? Да, я боюсь вступить в конфликт с Германией и Австрией, которые сделают из Греции мокрое место“. Король хвалил поведение наших войск в Салониках и очень резко отзывался об Англии и Венгелосе.

Я написал Мильерану теплое письмо, в котором выражаю сожаление, что лишен возможности в настоящий момент работать с ним. Он ответил мне сухо. Это охлаждение старой дружбы, надеюсь временное, прибавилось ко всему тому горю и печали, в которые меня погружают военные, дипломатические и парламентские со-бытия.

Прибыв вчера утром в Лондон, Жоффри немедленно имел продолжительную беседу с Китченером (Поль Камбон, № 2524 и 2525). Затем он совещался во французском посольстве с Асквитом, Бальфуром и Китченером. Вечером он имел случай беседовать у Китченера с другими членами кабинета. „Его конкретные и толковые объяснения, — пишет Поль Камбон, — авторитетность его суждений, его твердая и сдержанная речь произвели большое впечатление на министров“. Асквит признался нашему послу, что, несмотря на его враждебность к салоницкой экспедиции, Жоффри убедил его в необходимости быстрых действий и в том, что разногласие между обоими правительствами по этому поводу повело бы к весьма печальным результатам. „Надо усилить наш союз, — прибавил Асквит, — сделать его теснее, чем когда-либо“. Жоффри вручил Китченеру подробный меморандум об операциях в Салониках и Сербии. На совещании в военном министерстве английские офицеры примкнули к взглядам, высказываемым в этом меморандуме. Последний был доведен до сведения совета министров, и Китченер был уполномочен объявить Жоффри, что правительство присоединяется к его взглядам. Сегодня вечером Жоффри покинул Лондон среди приветственных кликов толпы [53].

Воскресенье, 31 октября.

Братиану не проявляет склонности пропустить русские войска (Бухарест, № 539 и 540). Впрочем Россия не желает ничего предпринимать на Балканах, пока не получит ружей, которые она потребовала от нас и Англии; мы в скором времени посылаем их (Петроград, № 1305).

На нашем фронте, а именно в Артуа и Шампани, ежедневно продолжаются бои. Мы то берем у неприятеля окопы, то теряем их. Вчера немцы дошли до вершины Тахирского холма.

Веснич показал мне и Бриану телеграмму, полученную им от Пашича. Сербия требует, чтобы мы как можно скорее приступили к военным действиям в направлении Скопле (Ускюба). Крики радости, которыми было встречено известие о нашей экспедиции, сменились теперь криками отчаяния.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Интриги бывшего хедива в Швейцарии. — Свержение министерства Записа и замена его кабинетом Скулудиса. — Новые поездки на фронт. — Дени Кошен в Греции. — Совещание с Асквитом, сэром Эдуардом Греем, Бальфуром и Ллойд-Джорджем. — Генерал Галиени, генерал Жоффри и ведение войны. — Поражение и отступление сербской армии. — Китченер и оборона Египта. — Первое появление Боло-паши.

Понедельник, 1 ноября.

Вот уже второй раз французы встречают на фронте праздник всех святых. Я отправился с мадам Пуанкаре на военные кладбища в Банье, Иври и Сент-Оуэн; мы возложили венки хризантем у подножья временно сооруженных памятников. Вдоль бульвара Сен-Мартен нас приветствовала толпа со спокойным и твердым видом. Эти люди из народа могли бы дать уроки энергии и хладнокровия некоторым парижским салонам и кружкам!

Как телеграфирует Палеолог (Петроград, 30 октября, № 1310), русский император, все более подчиняясь реакционному влиянию своего премьера, собирается уволить в отставку двух или трех либеральных министров, входящих еще в состав правительства, в том числе Сазонова, пользующегося доверием Думы. Чтобы подчеркнуть политическое значение этой меры, император восстановит для Горемыкина титул имперского канцлера, последним носителем которого был умерший в 1833 г. князь Горчаков.

В субботу болгары атаковали наше головное прикрытие в Криволаке и были отбиты до наступления ночи. С нашей стороны участвовали в деле два батальона и одна горная батарея (генерал Саррайль в военное министерство, 31 октября, № 94) [54].

После вчерашней конференции Жоффри телеграфировал нашему военному атташе в Сербии (№ 37, 38, 39 и 40), что с англичанами достигнуто соглашение, по которому количество французских и английских войск, отправляемых в Салоники, будет в кратчайший срок доведено до 150 тысяч человек. Задачей французских войск будет оперировать в районе Велес-Истип и дать сербским войскам возможность сосредоточить свои усилия на Ускюбе с целью восстановить сообщение с Салониками. Английские войска будут занимать Сало-

ники и обеспечат свободу передвижения нашим войскам. Начаты переговоры с целью добиться помощи итальянских войск через Албанию. 240 тысяч французских ружей отправлены в Россию, чтобы облегчить значительное сосредоточение русских войск на румынской границе и побудить Румынию вступить в войну на стороне Антанты.

Вернулись из служебной командировки в Сербию майор Револь и Морис Сарро, сенатор из Оды, мобилизованный в чине поручика; они выполнили там задание по связи. Они показали мне свой очень интересный дорожный дневник, подтверждающий информацию различных наших агентов.

Согласно предложению Отаньера, сделанному накануне его ухода, я вручил адмиралу де Жонкьеру ленту к большому кресту ордена Почетного легиона.

Наш генеральный консул в Женеве Паскаль вслед за Беназе сообщает мне об интригах бывшего египетского хедива, проживающего теперь в Швейцарии. Он находится под башмаком у своей метрессы, французской актрисы, которая служит в австрийской и немецкой контрразведке. Она получает обширную корреспонденцию из Франции через подставное лицо и прямым путем из Вены и Берлина (№ 71 от 26 августа, № 102 от 31 октября).

Вторник, 2 ноября.

Совет министров рассматривал вопрос о преемнике генерала Галлиени на пост военного губернатора Парижа. По соглашению с новым военным министром и со мною, Бриан предложил этот пост генералу Монури, и последний принял его. После своего ранения Монури ослеп, и врачи не думают, что зрение вернется к нему. Но у него будет помощником генерал Клержер, и, если он останется, как надо думать, навсегда слепым, ему потом тактично внушат, что ему лучше уйти со своего поста. В настоящий момент Париж не находится под угрозой, и Монури во всех отношениях заслуживает вознаграждения.

Председатель совета министров предлагает послать в Италию генерала Гуро с целью склонить генерала Кадорна и его правительство отправить войска на Балканы.

Галлиени, который сразу проявил себя в совете министров гораздо менее замкнутым, чем Мильеран, сообщает нам о прискорбных эпизодах, происшедших третьего дня на Тахирском холме. Мы очутились здесь в гяжелом положении, под перекрестным фланговым огнем. Газовая атака неприятеля застигла нас врасплох. Маски и очки оказались недостаточной защитой, так как вследствие небрежного обращения повреждена была слюда. „Я немедленно приму меры, — говорит Галлиени, — для форсирования производства противогазов, а также и самих газов, раз приходится прибегать к ним“.

Затем генерал зачитывает телеграмму, которую он намерен отправить Саррайлю. В ней излагается военное и дипломатическое положение на Балканах. При этом новые министры обмениваются мыслями по поводу салонической экспедиции. Они относятся к ней положительно, но с различными оттенками. Леон Буржуа требует, чтобы

мы не выходили за пределы тех целей, которые были установлены английским и французским генеральными штабами, и не увеличивали количества наших войск. Пенлеве, напротив, высказывается за увеличение.

Однако адмирал Лаказ разъясняет, что в настоящий момент мы не располагаем свободными транспортными средствами. Через несколько дней у нас будет в Греции и Сербии даже не 60 тысяч человек, а целых 72 тысячи с обозом, артиллерией и мулами. Надо будет обеспечить подвоз людей, животных, снаряжения, продовольствия. Поэтому невозможно будет немедленно увеличить состав наших войск. Совет министров решает впредь до новых распоряжений держаться плана обоих генеральных штабов.

Бриан зачитывает проект правительственной декларации; она одобряется.

Операции итальянцев на Изонцо и в Карсте, почти совсем было приостановившиеся за последние два дня, возобновлены вчера со всей энергией.

Положение сербской армии с каждым днем становится все более критическим. Она отступает, за ней следуют тысячи беженцев.

Перед отъездом в Италию меня посетил генерал Гуро. Он еще сильно хромает, но уже меньше устает и говорит, что может перенести поездку. Впрочем этот мужественный человек не отказался бы от возложенной на него миссии, даже если бы она сопряжена была для него с большими физическими страданиями.

Из Дарданелл приехал полковник Жиродон, бывший там начальником штаба генерала Байу. По его мнению, было бы большой ошибкой отозвать французские и английские войска с полуострова Галлиполи. Он утверждает, что они связывают почти все турецкие силы.

Среда, 3 ноября.

Совет министров собрался перед заседанием палаты, на котором должна быть оглашена сегодня декларация нового кабинета.

По предложению Леона Буржуа решено отправить в Англию Жоннара для обсуждения вопроса о создании независимой арабской империи; до всей видимости этот проект прельщает лондонский кабинет. Жоннар будет отстаивать наши права на Сирию, в том виде как они были признаны в 1912 г.

Асквит выступил вчера в палате общин с важной речью (Поль Камбон, № 2250). Он заявил, что не следует ставить пока вопроса о всеобщей воинской повинности. Правительство во всем составе принимает на себя ответственность за дарданельскую экспедицию; последнюю необходимо продолжать. Он заявил также, что союзники придадут независимости Сербии первостепенное значение, что между Францией и Англией господствует полное согласие по вопросу о целях и средствах их достижения. Будем надеяться, что эта речь будет содействовать закреплению этого последнего утверждения.

Верховный британский комиссар в Египте доверительно заявил Дефрансу, что его очень тревожит возможность концентрических атак на западе со стороны сенусси, на востоке — со стороны турок и

немцев. Необходимо, заявил он, защитить Египет и создать с этой целью независимую Аравию (Каир, № 271).

Бриан имел очень большой успех в палате депутатов. Резолюция о доверии правительству принята была единогласно пятьюстами пятнадцатью голосами.

Четверг, 4 ноября.

Большая дискуссия в совете министров о дороговизне и о законопроекте, который Мальви должен внести в парламент по вопросу о праве правительства устанавливать твердые цены на все предметы первой необходимости. Мелин сделал ряд замечаний, которые своей четкостью и знанием дела произвели большое впечатление на министров.

Во второй половине дня состоялось под моим председательством заседание Совета национальной обороны с участием председателя совета министров, военного и морского министров, Жоффра, генерала Грациани, адмирала де Жонкьера и кроме того Фрейсинэ и Леона Буржуа.

Мы выслушали полковника Жиродона. Он повторяет то, о чем говорил мне третьего дня: мы не должны отзывать войска с полуострова Галлиполи. Впрочем он еще раз рассмотрел вопрос и полагает теперь, что даже в том случае, если мы останемся в Дарданеллах, турки в состоянии будут послать 100 тысяч человек на Балканы или в Бельгию.

Адмирал Лаказ тоже убежден, что уход французских и английских войск может повлечь за собой катастрофу. Мы рискуем при попытке уйти потерять нашу артиллерию; нет даже уверенности, что нам удастся посадить свои войска на корабли.

Жоффр считает во всяком случае невозможным брать еще войска из Франции для какой бы то ни было операции. „Германская армия будет побеждена здесь, во Франции“. Галлиени более робко высказывает то же мнение. Оба они настаивают на необходимости провести в ближайшее время мобилизацию призыва 1917 г. Решено телеграфировать в колонии, а именно в Индо-Китай, и сделать попытку выписать оттуда туземных рабочих, чтобы освободить таким образом для фронта известное количество рабочих, работающих теперь на оборону. Кроме того Галлиени поручено предпринять новую „охоту за окопавшимися в тылу“.

Военный министр излагает с большой ясностью те серьезные последствия, которые повлечет за собой установление сообщения по Дунаю между Германией, Болгарией и Турцией. Эти пути сообщения останутся свободными, пока мы не привлечем Румынию на нашу сторону. Итак, Германия будет отныне снабжать Болгарию и Турцию военным материалом и снаряжением. Единственный возможный ответ с нашей стороны, это — установить в свою очередь сообщение с сербской армией через Вардар.

Баррер снова настаивал перед Соннино на необходимости безотлагательной военной интервенции Италии на Балканах (Рим, № 882). Он сообщил Соннино о соглашении, заключенном в Лондоне между Жоффром и английскими властями, и о том, что Россия собирает

большой кулак в Бессарабии. Одним словом, наш посол не упустил ни одного аргумента, способного убедить итальянского министра; он выступал тем настойчивее, что ему было известно благоприятное отношение генерала Кадорна. Однако Соннино еще раз дал ответ: „В настоящий момент мы не можем взять на себя никакого обязательства. Мы должны выждать конца наших операций, развертывающихся на Изонцо и в Карсте“.

В Камеруне наши войска сражаются с немцами и начинают продвигаться вперед; во второй половине октября они заняли Битам и Минвуль (телеграмма Марлена, Браззавиль, 2 ноября).

В связи с инцидентом на заседании греческой палаты Венизелос произнес вчера в парламенте речь, в которой разоблачал злоупотребление властью со стороны короля и трусливое угодничество его министров. Министерство Заимиса было свергнуто большинством ста сорока семи голосов против ста четырнадцати. Полагают, что король распустит палату, а так как во время мобилизации выборы невозможны, то Константин в течение нескольких месяцев будет самовластным хозяином в стране (Афины, № 668).

Пятница, 5 ноября.

Я сказал Бриану, что Барту очень огорчен тем, что его не „используют“. Так как Барту очень хорошо знает испанский язык, Бриан желает послать его в Испанию для противодействия усилившимся в последнее время немецким интригам. Я взялся позондировать Барту. Однако оказалось, что это предложение ему нисколько не улыбается. Сначала он сказал мне, что предпочел бы работать в Румынии. Но вечером я получил от него письмо, в котором он отказывается и от поездки в Бухарест. Он пишет, что горе по утраченном единственном сыне не позволяет ему ни оставить жену одну в Париже, ни взять ее с собой в чужую страну, где она никого не знает, тогда как в Париже она облегчает свою скорбь уходом за ранеными.

Поль Камбон, приехавший на два дня в Париж, рассказывает мне следующее: „Грей, попрежнему настроенный папифистски, все еще не может примириться с мыслью, что английские войска будут вовлечены в военные действия на Балканах. Китченер же наталкивается в этом вопросе на [противодействие] своего собственного штаба. Если он едет во Францию еще раз беседовать с Жоффром и правительством, это — доказательство его постоянных колебаний“. В ходе разговора Камбон снова заявил мне, что он все еще не знает, каким образом Константинополь был обещан России. Правда, король однажды заметил русскому послу графу Бенкендорфу, бывшему его гостем в Виндзорском замке: „Да, Константинополь! Этому городу предназначено стать русским“. Но эти слова, вырвавшиеся из уст короля за завтраком, не имели силу обязательства, да к тому же Георг V не имел права брать на себя такое обязательство. На вопрос Камбона Грей и Никольсон ответили ему: „Мы взяли на себя обязательство лишь после вас. Вы обязались 5 марта, мы — 12-го“. — „Но в таком случае, — говорю я Полю Камбону, — это остается не-

пропущаемой тайной, ибо ни Вивиани, ни я никогда не слышали разговоров про это обязательство. Остается предположить, что Делькассе принял его, не доложив о нем ни правительству, ни мне [55].

Американский архитектор Уитни Уоррен, большой друг Франции, привел ко мне Ричарда Гардинга Девиса, знаменитого писателя, своего рода американского Киплинга. Девис вручил мне письмо президента Теодора Рузвельта, написанное в очень горячих выражениях: „Дорогой президент Пуанкаре, позвольте рекомендовать вам Ричарда Гардинга Девиса, одного из известнейших наших писателей и полезнейших наших граждан. Его взгляды на войну совпадают по существу с моими, которые, надеюсь, вам известны. Это человек вполне достойный доверия, вы можете вполне положиться на него, я рекомендую его вам самым теплым образом. Это один из самых близких моих друзей. Искренне преданный вам Теодор Рузвельт“. Ричард Гардинг Девис выразил мне симпатии своей страны к Франции. Я просил его передать своим соотечественникам благодарность за все, что они так великодушно делают для нас, за американские лазареты, за значительные пожертвования в [Комитет] национальной помощи и т. д.

Клемансо уже открыл огонь по новому кабинету, в частности против Фрейсинэ и Леона Буржуа. Однако эта неблагоприятная позиция Клемансо не помешала тому, что он был избран взамен Фрейсинэ председателем военной комиссии сената, а также комиссии сената по иностранным делам.

Вильгельм II послал султану приветственную телеграмму, в которой отмечает установление непосредственной связи центральных держав с Турцией и Болгарией.

Китченер приезжает сегодня в Париж. Он желает, чтобы его поездка держалась в безусловной тайне (де Флерю, Лондон, № 2571 и 2572).

Займис вручил королю отставку кабинета. Король оставил за собой решение и приступил к обычным совещаниям. Гильмен считает, что ввиду неизбежности роспуска палаты для нас желательно, чтобы остался у власти Займис, который принял по отношению к нам официальные обязательства и пользуется репутацией лояльного человека (Афины, № 675).

Французская миссия выезжает на Балканы с целью обследовать дорогу от Санти-Каранта до Монастыря и возможности снабжения Сербии через Адриатическое море. В состав миссии входят полковник инженерного корпуса Рефруанье, несколько офицеров и отряд сапер. Бриан известит греческое правительство об этом шаге.

Гуро телеграфирует из итальянской главной квартиры, что он провел часть дня и вечер с королем и генералом Кадорна и имел возможность вести с ними продолжительную беседу об участии Италии в военных действиях на Балканах (№ 1/27). Он не получил еще никакого твердого ответа. Кадорна считает возможным послать в ближайшее время на Балканы две дивизии с моторизованной артиллерией и горными орудиями. Король предоставит решение правительству.

Третьего дня, 3 ноября, наше головное прикрытие в Криволаке полностью отбило атаку болгар, несмотря на сильную артиллерию-

скую подготовку. Восточнее Наброво мы взяли деревни Немисли и Кайоли (генерал Саррайль, № 118, 55/2).

Суббота, 6 ноября.

Обсудив положение, совет министров решает еще раз нажать на Лондон и на находящегося в Париже Китченера с целью добиться, чтобы Англия послала в Салоники обещанные 90 тысяч человек без новых проволочек. Во всяком случае Китченер не считает возможным снять войска из Дарданелл; в этом он согласен с полковником Жироном.

Совет министров выносит также решение относительно снаряжения для Румынии, испрашиваемого полковником Рудеано. Мы не отказываем в этой просьбе, но снаряжение будет отправлено в Россию и останется там впредь до дальнейшего распоряжения.

С 3 ноября потоплены пять французских и английских кораблей между Гибралтаром и мысом Иви; они были пущены ко дну минами или орудийным обстрелом. В том числе погиб французский пароход „Кальвадос“, перевозивший батальон туземных стрелков; почти все они погибли. По этому случаю генерал, командующий северо-африканской армией, обращает внимание правительства на недостаточность мобильной охраны алжирских берегов (Алжир, 5 ноября, № 34922).

Известия из Сербии крайне противоречивы. Как телеграфирует Веснич сербский посланник в Риме Ристич, сербская армия, которой помогали французские и английские отряды, разбила наголову болгарскую армию, пытавшуюся вторгнуться в Македонию по линии Велес — Прилеп; болгары бегут в беспорядке. Правый берег Вардара, согласно этим сведениям, совершенно очищен от болгар. Однако Атлантическое телеграфное агентство в Берлине рисует совершенно другую картину: „Официально сообщается, что болгары разбила наголову французские десантные войска, на которые натолкнулись на север-востоке от Прилепа. Часть этих войск взята в плен, другая уничтожена. В Кюстенджи оставлены первые военнопленные французы“. Я еще не знаю, где правда. Достоверно только, что Саррайль требует от Галлиени увеличения своих войск до четырех армейских корпусов (№ 115 и сл.) и что тот же Веснич еще сегодня извещает нас, что сербы, теснимые немцами и болгарами, вынуждены отойти на правый берег Западной Моравы.

Займис отказался остаться во главе правительства. Король назначил премьером Раллиса (Афины, № 680).

В довершение всех удовольствий сегодня посетил Бриана китайский посол и уведомил его, что республиканский режим, введенный в Китае четыре года назад, не удовлетворяет более общественное мнение страны и что мало-помалу распространилась тенденция в пользу возврата к монархии. Правительство созвало ассамблею, которая должна высказаться о будущей форме правления.

Воскресенье, 7 ноября.

Вчера вечером выехал из Парижа с Восточного вокзала и сегодня утром прибыл в Невшато. Меня сопровождает Жоффр. Он

рассказал мне о своей последней беседе с Китченером. Последний официально обещал ему, что английское правительство незамедлительно отправит в Салоники 90 тысяч человек. „Ни одним солдатом меньше, — сказал Китченер, — и не теряя ни минуты времени“. Британский министр — противник отозвания войск с Галлиполи и отдаст приказ о пополнении находящихся там дивизий. Под величайшим секретом он сообщил Жоффри, что английское правительство замышляет форсировать Дарданеллы с моря. Адмирал Гепратт, как и адмирал де Робек, считают это осуществимым. Китченер желает, чтобы в этих целях командование нашей эскадрой было передано адмиралу Гепратту и чтобы она действовала по одному плану с англичанами. Они прорвутся через пролив, наши суда должны будут помочь им, открыв огонь по береговым фортам.

В Невшато нас ожидал генерал Дюбайль, командующий восточной армейской группой. Его штаб помещается в красивом доме с колоннами в высокой части города; окна выходят в тихий сад, дышащий осенней прелестью. Нас встречала многочисленная восторженная толпа; жители знают, что моя семья по отцу родом из Невшато, и считают меня, так сказать, земляком.

Я вручил Дюбайлю в присутствии офицеров его штаба военную медаль и подчеркнул, что этот самый завидный из всех знаков отличия вполне заслужен им за прямоту мысли и благородство характера. Генерала очень беспокоит критический вопрос о наших контингентах. Он желал бы, чтобы мы добились присылки солдат из России. Ему неизвестны малоутешительные ответы, полученные нами от последней. Он дает мне понять, что подготавливает новые операции со стороны Мюнстера. Я знаю, как дорого обходятся подобные местные наступления, и меня несколько испугали его намерения. Но в отсутствии военного министра я не счел себя вправе высказать свое мнение.

Мы с Дюбайлем сели в автомобиль и отправились в Туль. В ратуше, где помещается штаб генерала Рока, я узнал среди офицеров Анри Бордо и Рабадо-Дюма, адвоката при парижской судебной палате. После небольшой остановки мы поехали дальше, захватив с собой Рока; цель наша — осмотреть стоянку 64-й дивизии, которой командует генерал Компаньон. 127 и 128-я бригады, составляющие эту дивизию, размещены на север от Туля в деревнях департаментов Мерты и Мозеля и Мааса: Люсей, Мениль-ла-Тур, Корневиль и Онуа-Вертюзей. У выхода из этой последней коммуны, которую я так долго представлял в парламенте, выстроен в поле 252-й пехотный полк. Я вручил нескольким офицерам военные кресты. Вдоль изгородей садов — живые шпалеры жителей с маром во главе. Несколько километров дальше деревни представляют собой одни развалины и заняты немцами.

Затем я отправился дальше. Приехали в Фут, где работает пиротехническая фабрика. Здесь изготовляют и заряжают ручные гранаты. Соседний завод изготовляет снаряды для 155-миллиметровых орудий.

Оставив Дюбайля в Бар-ле-Дюк, мы с Жоффрием с наступлением ночи прибыли в Авиз в департаменте Марны. Здесь нас встретил

Кастельно. Я вручил ему ленту к большому кресту ордена Почетного легиона и произнес при этом несколько слов, в которых подчеркивал, что он отдал родине свой большой военный опыт, свой ум и сердце и — уши! — также жизнь своих сыновей. При этом тяжелом воспоминании у многих офицеров навернулись на глазах слезы. Пьер Лоти состоит в настоящее время при его штабе, но Кастельно не скрыл от меня, что не может его использовать, а предоставляет ему прогуливаться и искать материал для своих поэтических образов.

Кастельно ужинал со мной и Жоффром в моем поезде. Если Дюбайль повидимому сторонник новых операций, то Кастельно — противник их. Он желает ограничиться в продолжение всей зимы обороной, беречь людей и экономить военные материалы. „Мы должны вести войну по-мещански, — сказал он мне, — подсчитывать все, как лавочники“. Для покрытия нехватки континентов и особенно недостатка кадров он предлагает перевести в пехоту три или четыре из [имеющихся у нас] десяти кавалерийских дивизий. Это даст нам офицеров и кроме того сократит бесполезные расходы на лошадей и фураж.

Понедельник, 8 ноября.

Жоффр вчера вечером уехал обратно в Шантильи. Сегодня утром я встретился с Кастельно на вокзале в Шалоне-на-Марне. Мы отправились на автомобиле в Сюпп: я, Кастельно, полковник Пенелон и майор Фурнье из штаба Кастельно. По настоянию генерала, я надел каску, как мои спутники. Что сказали бы, увидев меня, те, кто вышучивает мою фуражку?

Мы проехали Жоншери, сплошные развалины, и Сент-Илер — тоже сплошная куча камней, затем взяли направление на Суэн. Остановились у разрушенной мельницы; здесь была когда-то мыза Вак. Перед нами расстилается необъятная опустошенная равнина, вся изборожденная перекрещивающимися белыми меловыми линиями. Это наши старые окопы; отсюда наши 15 и 14-я дивизии колоннальной пехоты, одна — направо от нас, другая — налево, ринулись в атаку неприятельских позиций. „Это была бурлящая волна героизма“, — говорит Кастельно. Мы четвером идем по этому зловещему полю, на котором там и сям копошатся военные рабочие. Проходим через наши старые позиции и доходим на северо-западе к (бывшим) немецким позициям в Буа-де-ла-Шез. Глубокие окопы, развороченные нашими снарядами, блиндажи, выпотрошенные нашей канонадой, колючие проволоки, жалко свисающие к земле. А за лесом, на заднем склоне, еще другие проволочные заграждения, которых мы не заметили и которые теперь приходится обходить. Сен-Симон, посетив после битвы в Нервиндене неприятельские окопы, удивлялся их глубине и правильности их сооружения; он пришел в восторг от небольших рavelинов и полулунок. Что бы сказал он при виде нынешних удивительных сооружений! Мы идем вдоль траншеи Блюхера до хода Тирицца, затем возвращаемся к траншее Гамбург и идем вдоль нее до выстука у Суэнской мельницы. Здесь перед битвой наши окопы почти соприкасались с окопами немцев. С того места, где мы находимся, перед нами открывается великолепная панорама на этот

лунный ландшафт, весь белый с одной стороны, весь серый — с другой, и везде одинаково печальный. Там и сям рожи сбуглившись деревьев. На туманном горизонте чернеют несколько скелетов сосен.

Грохот орудий не умолкает. Через старые траншеи Лалатината и магдебургские фортификации мы возвращаемся к нашему автомобилю перед Суэном. Он отвозит нас в самый центр развалин. От разрушенной церкви остались только два упавших на землю колокола. На северо-восток от Суэна мы можем проследить на местности те движения, которые проделала дивизия Маршана, чтобы завладеть траншеями Ратисбони и Аустерлиц. По дороге встречаем солдат, которые посланы приводить в порядок позиции, отнятые у немцев. Вступаем с ними в разговор; они приводят нас к своему жилью, импровизированному в одной расширенной траншее и получившему от них забавное название: „Площадь оперы“.

Отсюда мы направляемся к бывшему сектору марокканской дивизии и к лесу Сабо. Огромные воронки, вырытые минами, зияющие впадины в меловой почве, тысячи зеленоватых мешков с землей, которыми заткнуты трещины и ямы. Местами попадаются снаряды 58-миллиметрового калибра и снаряды Дюмезиля; они были брошены из наших окопов, не взорвались и жалко врылись в землю. Там и сям отдельные могилки с небольшими крестами, на которые кадеты солдатские кепи, или кладбища из тридцати, сорока, пятидесяти могил. Из земли торчат бутылки с документами умерших. Поле резни, поле смерти, священное поле. Какие невероятные усилия, какая непобедимая мощь патриотической веры нужны были для того, чтобы наши солдаты могли взять эти укрепления, кажушиеся неприступными и несокрушимыми!

Автомобиль привез нас назад в Бюсси-ле-Шато, где остановился мой поезд и где нас поджидают генералы де Лангль де Кари и Петэн. Мы завтракали четвером: Кастельно, де Лангль, Петэн и я. Три генерала говорили со мной очень откровенно и конкретно, и слова их были весьма поучительны. Они в один голос высказывают сожаление по поводу того, что главная квартира — „младотурки“, как они ее называют, — вначале, несколько месяцев назад, противилась экспедиции на Балканы. Все трое категорически высказываются в том смысле, что не следует раньше весны отправлять на фронт призыв 1916 г., что надо беречь наши контингенты и отказаться на несколько месяцев от генеральных и даже местных наступлений. Все трое полагают, что надо перевести часть нашей кавалерии в пехоту. Все трое утверждают, что Мильеран представил им наступление в Шампани как решенное союзниками в Кале. Все трое заявляют, что их совета не спрашивали и что они просто выполняли приказ. Когда я виделся с ними во время этого наступления, приказ был отдан и следовательно принят. Все это, говорят они, доказано документально. Эти сведения, повидимому, бесспорные, расходятся с тем, что было сообщено мне перед наступлением. После обеда я с Кастельно и Петэном осматривали в Сомм-Сюиш новую станцию узкоколейки (60 сантиметров), бивуак санитаров, водопровод, устроенный командиром Филиппом Брюно-Варилья; в Сомм-Турб — корпусный лазарет и бивуак батальона; в Ла-Круа-де-ла-Шампань —

лазаретные бараки; в Сомм-Вель — сборный пункт для отставших солдат; в Сен-Реми-су-Бюсси — хирургический лазарет. После этого продолжительного инспектирования я сел вечером в свой поезд и уехал в Париж.

Вторник, 9 ноября.

Заседание совета министров. Рибо излагает наше финансовое положение. Он раздобыл до сих пор 19 миллиардов за счет разных средств казначейства, Французского банка облигациями и бонами и считает, что теперь настала пора выпустить заем, несмотря на события на Востоке. Изучив положение, он считает все еще невозможным вотиrowание новых налогов и взимание во время войны подоходного налога, когда вся нация мобилизована. Однако он делает исключение для налога на военные прибыли и намерен взимать его не только с военных поставщиков, но со всех торговцев, извлекающих в том или другом виде прибыль из войны.

Адмирал Лаказ сообщает, что, по сведениям морского министерства, Корфу стал настоящей базой немецких подводных лодок. Лаказ пошлет миноноску для проверки этой информации, и, если она окажется правильной, мы по мере надобности поставим на острове сторожевые посты.

Знакомлюсь с письмами, донесениями и телеграммами, накопившимися за два дня моего отсутствия. По словам полковника Фурнье (№ 2124), сербский генеральный штаб в состоянии полной растерянности. Сербы пытаются вывезти на юг запасы снаряжения и продовольствия, собранные в долинах Южной и Западной Моравы, но при этом придется потерять значительное количество их, а также весь железнодорожный материал. Единогласно признано необходимым любой ценой высвободить сербскую армию, отведя ее на юг и прорвавшись в направлении Ускюба. Кральево и Ниш эвакуированы (6 ноября, № 235).

Общественное мнение в Лондоне находится в настоящий момент в крайне напряженном состоянии. Большое впечатление произвело известие, что Китченер посетит театр военных действий на Востоке. Отъезд фельдмаршала держали в тайне. Чиновники военного министерства были крайне удивлены, когда Асквит водворился в канцелярии военного министерства (де Флеро, № 2590 и 2591).

Румынский посланник в России Диаманди с грустью признался Палеологу (Петроград, № 1331), что в настоящий момент совершенно исключена возможность вступления Румынии в войну на стороне союзников; мы можем ожидать в лучшем случае продления нейтралитета. Братиану тоже объявил русскому посланнику в Бухаресте, что вступление Румынии в войну станет возможно лишь с того момента, когда русская армия в Бессарабии составит 500 тысяч человек и французские и английские силы на Балканах достигнут той же цифры (Петроград, № 1336; Бухарест, № 561).

Соннино не дал еще никаких обещаний ни Барреру, ни Гуро (Рим, № 900, 901, 902 и 903). Правительство, заявил он, должно внимательно следить за намерениями греков. Если они вступят в Эпир, Италия не сможет не защищать те пункты, которые должны

обеспечить ей преобладание на Адриатическом море. Итальянский премьер Саландра не скрыл, что военный министр не разделяет благоприятного мнения генерала Кадорна (относительно отправки итальянских войск на Балканы. — Ф. К.). Саландра добавил, что он сам не считает возможным полностью приостановить наступление в течение зимы.

Потерпев фиаско в различных министерских комбинациях, Константин снова призвал Заимиса. Последний опять отказался составить новый кабинет, так как король желает распустить палату и немедленно приступить к новым выборам, причем мобилизация даст возможность извратить результаты выборов. Тогда король обратился к бывшему министру иностранных дел Скулудису (Афины, № 690, 692 и 693). Последний согласился стать во главе правительства и оставил за собой также портфель министра иностранных дел. Состав кабинета остается прежний кроме замены Заимиса Скулудисом и включения Микалидакиса; последний родом из Крита и является личным заклятым врагом Венизелоса. Скулудис — добросовестный человек, уже пожилой; он оставил по себе хорошую память на Лондонской конференции, на которой он сопровождал Венизелоса. Это человек французской культуры.

К сожалению, ближайшим советником короля является горячий германофил Штрайт. В Афинах всюду свободно снуют немецкие офицеры; они усердно посещают канцелярии генерального штаба и ведут самую энергичную пропаганду в армии и даже среди гражданского населения (Афины, № 697).

Это не помешало греческому правительству потребовать у Франции, Англии и России новой ссуды в сорок миллионов золотом. Она должна последовать на тех же условиях, что недавняя ссуда в 10 миллионов, и пойти на уплату расходов по мобилизации греческой армии.

Сербское правительство и сербский генеральный штаб усиливают свои отчаянные призывы о помощи. Они надеялись, что быстрое выступление союзных войск в направлении Струмица — Шлиф — Велес обеспечит им сообщение с Салониками, но жестоко обманулись в своих надеждах, так как болгары проникли на запад в направлении Прилепа (радио из Подгорицы, 8 ноября, № 27). Впрочем, вскоре они узнали, что французские войска успешно оперируют на Вардаре в направлении Кривопаца и Градско.

Руководство (постоянная административная комиссия) социалистической партии — французской секции рабочего интернационала — в составе Браке, Камелина, Компер-Морея, Жюль Гэда, Реноделя, Вайяна и др. единогласно приняло следующую твердую и утешительную резолюцию:

„Два гражданина пытаются вести в Сенской федерации пропаганду на почве резолюции, принятой одним собранием в Циммервальде, в Швейцарии, на которое они отправились без всякого мандата от партии [56]; на этом собрании они совещались по вопросу о мире с другими социалистами нейтральных и воюющих стран, большей частью тоже не имеющими мандатов. Ввиду этого постоянная административная комиссия напоминает, что она отказалась участвовать в этом собрании, как отказывалась принимать участие и в

других подобных собраниях, организованных с начала войны. Согласно с постановлениями национального совета от 14 и 15 июля, она снова заявляет, что длительный мир может быть результатом только победы союзников и крушения германского империализма и милитаризма и что всякий другой скороспелый мир будет лишь перемирием или капитуляцией. Национальный совет заявил и постоянная административная комиссия повторяет за ним, что война, навязанная союзникам правителями Германии, должна быть доведена до своего логического конца, т. е. до поражения германского милитаризма, миру должен быть дан великий и необходимый урок того, как сопротивление свободных народов разобьет замысел захвата гегемонии“.

Среда, 10 ноября.

Греческий посланник Романос заявил вчера Жюлю Камбону, что кабинет Скулудиса будет соблюдать по отношению к Антанте политику благожелательного нейтралитета. Однако известия из Афин носят, напротив, тревожный характер. При первом же своем свидании с Гильменом Скулудис заявил ему (№ 708, 709 и 710), что в целях соблюдения нейтралитета и безопасности своих границ Греция вынуждена будет разоружить ^[57] и интернировать сербские войска, которые эвентуально будут отброшены на территорию Греции. Греческое правительство, присовокупил он, рассчитывает на поддержку французского правительства в том, чтобы убедить сербов в необходимости этого. В своем ответе Гильмен выразил сожаление по поводу того, что Греция собирается играть столь некрасивую роль по отношению к своему союзнику. Он сказал, что не знает, могут ли Франция и Англия допустить, чтобы сербские войска подвергались другому обращению, чем их собственные, в том случае, который предполагает Скулудис. На это последний возразил, что никакой разницы в обращении не будет, так как греческое правительство приняло следующее решение: если французские или английские войска тоже будут отброшены на греческую территорию, им будет предложено подчиниться тем же условиям. Общественное мнение в Греции не потерпит проникновения болгарской армии на греческую территорию, и так как правительство желает прежде всего сохранить нейтралитет, то не представляется возможным дать свободный пропуск нашим войскам. К тому же вслед за болгарями последовали бы немцы, австрийцы и турки. Гильмен тут же указал Скулудису на чрезвычайную серьезность его заявления и напомнил ему о заверениях, данных его предшественником и самим королем.

Длительное обсуждение вопроса в нашем совете министров. Постановлено объявить Греции, что она не может отказываться от своих обещаний. Мы будем настаивать на нашем праве защищаться от немцев и болгар также на греческой территории. Мы дадим знать Греции, что не потерпим интернирования сербов, так же как и наших войск. Прибавим, что снесем с Англией и возьмем в свои руки Монастырскую железную дорогу и шоссейные пути.

Бриан настаивает перед сербским правительством и сербским генеральным штабом на ускорении отступления сербской армии на

наши линии. Лаказ запросил по телеграфу адмирала Даргажа, к каким мерам давления можем мы прибегнуть против Греции.

Дени Кошену предложено отправиться сегодня вечером в Салоники. Это — убежденный филэллин, пользующийся в Греции многочисленными и значительными симпатиями.

Галлиени вчера телеграфировал Саррайлю, изложил ему положение сербских войск в том виде, как оно нам известно, и напомнил ему, что его инструкции разрешают ему под собственной ответственностью оперировать в направлении Велеса и притти на помощь сербам.

Подполковник Рефруанье, руководящий работами по приведению в порядок пути от Санти-Каранта до Монастыря, отплывает из Марселя 15 ноября. Он заберет с собой первую партию людей и материалов.

Я посетил дом слепых на улице Рельи, основанный совместно министром внутренних дел и Обществом друзей слепых солдат. Сто шестьдесят слепых солдат обучаются здесь массажу, плетению корзин, музыке, изготовлению стульев и сеток — всем ремеслам, которые более или менее возможны в их тяжелом состоянии. Эти несчастные молодые люди так мужественно переносят свою участь, что чуть ли не кажутся веселыми. Они стоически мирятся с темнотою, в которую их погрузила война.

Четверг, 11 ноября.

Концентрация греческих войск в Салониках, приостановившаяся было несколько дней назад, снова продолжается с лихорадочной поспешностью. Все суда, стоявшие в Пирее или поблизости, внезапно реквизированы, и отдан приказ спешно вывезти в Салоники все те части первого армейского корпуса, которые остались еще в Афинах, и все те части второго корпуса, которые еще остались в Пирее. Кроме того, по сведениям Гильмена, греки намерены минировать вход в главные греческие порты. Вместе с английским посланником он считает, что для поддержки наших требований необходимо послать эскадру в Пирей и усилить эскадру в Салониках (Афины, 10 ноября, № 714).

Правительство решило отправить морские силы и потребовать, чтобы Лондон сделал то же самое. Кроме того мы предложили Англии приостановить все платежи по ссудам для Греции, все льготы по снабжению и все поставки для Греции впредь до выяснения положения.

Продолжительное заседание Совета национальной обороны. Присутствующий на нем Жоффри полагает, что еще есть возможность спасти сербскую армию, если она решит с большой поспешностью отойти на наши позиции. Галлиени смотрит на это менее оптимистично и склонен отозвать наши дивизии в Салоники. Решено настаивать перед сербским правительством через полковника Фурнье, чтобы сербские войска пробивались к нашим позициям.

Первое выступление Галлиени в парламенте имело успех. „Я — солдат, я никогда не занимался политикой. Я принял на себя обязанности военного министра только из преданности тому общему делу,

которое все мы защищаем. Но я безусловно убежден, что моя задача обречена на неуспех, если я не смогу рассчитывать на полную поддержку парламента". Этот великий солдат также великий тактик в политике.

Пятница, 12 ноября.

Черногория, куда бежало много сербов, настойчиво просит нас и Италию послать ей продовольствие (Цетинье, № 354 и 355). Мы посылаем ей продукты, итальянский флот согласился взять на себя их перевозку (Баррер, № 906).

Как сообщает из надежного источника Гильмен, греческое правительство пришло к мысли об эвентуальном разоружении сербских, а также французских и английских войск под влиянием демарша Германии. Возможно впрочем, говорит наш посланник, что этот демарш произошел с согласия короля Константина (Афины, № 716). Наш военный атташе полковник Браке настаивает на том, чтобы Франция, не теряя времени, произвела морскую демонстрацию в Пирее (Афины, № 717).

Лондонский кабинет обсуждал вчера положение в Греции. Он высказался в том смысле, что всякая попытка греческого правительства разоружить французские или английские войска в случае их отступления на греческую территорию будет рассматриваться как враждебный акт (Лондон, № 2627 и 2628).

Лишь сегодня получил письмо Бриана, помеченное 8 ноября. Он сообщает мне в нем предложение военной комиссии палаты депутатов, принятое 27 октября; комиссия просила председателя совета министров уведомить меня об этом предложении. Вот текст этого предложения: „Ввиду серьезности обстоятельств долг военной комиссии констатировать, что, несмотря на ее неоднократные и срочные указания за последние четыре месяца, в частности в ее письмах от 25 и 27 августа, несмотря на уверения правительства, что оно вместе с комиссией признает, что только мощная демонстрация нашей военной силы может предупредить большую опасность на Балканах, — не принято и даже не подготовлено ни одной военной меры с этой целью до болгарской мобилизации. Объяснения, данные вчера комиссии председателем совета министров и военным и морским министрами, дают ей основания опасаться, что усилия союзников на Востоке приведут к жестокому разочарованию ввиду их медлительности, колебаний и недостаточности. Комиссия просит президента республики положить конец этой опасной нерешительности. Подписано: председатель военной комиссии генерал Педойя“.

Это предложение является прямым отрицанием парламентского режима. Я не имею права вступать в контакт с палатой, а она не имеет права обращаться ко мне. Если она недовольна министрами, она должна выступить против них и указать мне свои желания принятием соответствующей резолюции. Конечно тот новый способ, к которому прибегла военная комиссия, объясняется беспокойством парламента, его опасениями. Но неужели палата воображает, что правительство сидело сложа руки, когда комиссия требовала от него отправки войск на Балканы, ничего не зная о тех трудностях, ко-

торые вставали перед правительством со стороны главной квартиры, Англии и балканских стран?

Разве мы и сегодня еще не наталкиваемся на всякого рода препятствия? Вот как раз полученные тревожные телеграммы от полковника Жиродона, сопровождавшего Китченера на Восток и прибывшего вчера в Мудрос (Мудрос, 11 ноября, № 1 и 2). Британский военный министр обещал Жоффру, что на помощь сербам будут без промедления отправлены английские войска. Однако в пути Китченер неоднократно высказывал Жиродону свои возражения против салоникиской экспедиции. Он считает, что в Салоники надо послать 400 тысяч человек или же не предпринимать ничего. Кроме того он думает, что еще не пришло время эвакуировать Галлиполи. Прибыв в Мудрос, Китченер принял генерала Монро, командующего на Галлипольском полуострове генерала Бердвуда и главнокомандующего британскими войсками в Египте генерала Максвелла. В результате этого совещания пришли к заключению, что надо считаться с предстоящим продвижением немцев на Константинополь. Оттуда немцы смогут увлечь турок в поход на Сирию и Египет и усилить пропаганду священной войны. В глазах бывшего сердара это большая опасность для всей Северной Африки, Суэцкого канала и Индии. Мы, заявляет он, уже не в силах воспрепятствовать этому продвижению в Европе. Надо пытаться остановить его за пределами Европы. Самый удобный район для этого — залив Александретты, где легко можно укрепиться в направлении, перерезывающем железную дорогу. Если отправить теперь войска в этот район, это обеспечит необходимую защиту Египта, а с ним вместе и всей мусульманской Африки. В результате Китченер предложил английскому правительству проект немедленно отправить в Александретту четыре дивизии, причем две взять из Египта и две с Галлиполи.

Исследовательский сектор нашего Совета национальной обороны уже давно сам изучил возможность высадки десанта в Александретте. Оганьер был большим сторонником этого плана, а наша конвенция 1912 г. с Англией предоставляла нам свободу действий во всей Сирии. Но Делькассе, который молчал, но был врагом всякой диверсии на Востоке, положил это дело под сукно. А теперь англичане опередят нас и, опасаясь осложнений в Египте и Индии, возьмут себе залог за наш счет. Я обратил внимание председателя совета министров на эти две телеграммы, сообщенные мне военным министром. Мы условились, что Бриан придет завтра ко мне с Галлиени, Жоффром и Лаказом.

Тем временем представители союзных армий, уже собиравшиеся раз на совещание 7 июля с. г., должны снова собраться в самом ближайшем времени и подготовить согласованное выступление коалиции. В июле они были согласны, что необходимо как можно скорее перейти в совместное наступление. В меморандуме, составленном недавно 3-м бюро нашей главной квартиры и дающим обзор операций последних месяцев, авторы признают, что наступления, имевшие место с 25 сентября на французском и английском фронте, не дали всех ожидаемых результатов. Атака в Шампани была произведена тридцатью шестью французскими дивизиями на фронте в 30 километров; атака под Аррасом — семнадцатью французскими ди-

визиями на фронте в 8 километров; английская — девятью дивизиями на фронте в 8 километров; она сочеталась с операциями второстепенного значения, проведенными четырьмя дивизиями. Это мощное наступление дало нам важные успехи тактического порядка. Французские и английские войска проникли далеко в глубь неприятельских позиций, взяли около 30 тысяч пленных и захватили более 150 орудий. Но нам не удалось стратегически использовать эти успехи. Как на основные причины этого главная квартира указывает на плохую погоду и на отсутствие под рукой достаточного количества снарядов, а также свежих войск. Главная квартира полагает, что, прежде чем сделать новую попытку, мы вынуждены восстановить свои ряды и оставаться в выжидательной позиции, причем не менее трех месяцев. На восточном фронте русским армиям благодаря умело проведенному отступлению удалось, несмотря на низкое качество своего материала, уйти от немецких и австрийских армий и удержаться на линии, идущей от окрестностей Риги до района Тарнополя. На австро-итальянском фронте операции нашего союзника связывали австрийские силы, соответствующие примерно двадцати дивизиям. С середины октября итальянское наступление, проводимое систематически в особенно трудных местных условиях, вступило в более активную фазу. На Балканах положение существенно изменилось после вступления в войну Болгарии и после атаки австро-немецкой армии на северный фронт в Сербии. Меморандум излагает меры, принятые в Салониках и Галиполии. Затем он отмечает, что в Закавказье русские дошли до района Ванского озера, что в Месопотамии английские силы поднялись по долинам Тигра и Евфрата и в первой из них находятся приблизительно на расстоянии 100 километров от Багдада; и наконец, что завоевание немецких колоний, за исключением Восточной Африки, почти закончено.

После этого ретроспективного обзора главная квартира переходит к вопросу о том, как вести войну в дальнейшем. Сначала она выдвигает принципиальное положение: решительные результаты могут быть достигнуты только на главном театре военных действий, другими словами, во Франции — для французов, англичан и бельгийцев, в Австрии — для итальянцев и в России — для русских. Балканский полуостров, Кавказ и Малая Азия являются лишь второстепенными театрами военных действий; на них не будет достигнуто решения. Стало быть все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы возможно скорее перейти к наступлению на нашем театре военных действий, уделив ему максимум наших ресурсов всякого рода. Какой интерес ни представляли бы второстепенные театры военных действий, мы должны действовать на них лишь осторожно и экономно, никогда не теряя из виду, что конечной целью войны является разбить немцев и австрийцев, причем поразить их в самой основе их силы.

Конференция должна будет в первую очередь рассмотреть положение русской армии и обсудить возможности будущего наступления на восточном фронте.

В то время как во Франции французским и английским войскам придется сделать на некоторое время передышку, Франция, Англия,

Италия и Россия должны будут развивать свои операции на Балканах в пределах; которые надо установить. Италия, Россия и Англия будут продолжать свои операции на итальянском фронте, на Кавказе и в Месопотамии, Франция, Англия и Бельгия завершат завоевание немецких колоний.

Главная квартира признается, что „немецкая атака против сербов заставила нас принять решения под давлением обстоятельств, так как эта возможность не была учтена в свое время“. В этих словах главной квартиры отчасти содержится признание своей вины. А между тем в начале января правительство и я требовали отправки войск на (Ближний) Восток. Когда Пенелон и Эрбильон сообщили про нашу точку зрения в главной квартире, она была встречена пренебрежительно теми, которых генералы Петэн и Кастельно называли потом младотурками. Да будет небо милостиво к кающимся грешникам из Шантильи! Авторы меморандума благоразумно замечают: „Необходимо изменить эту практику, столь вредно отражающуюся на наших общих интересах. Союзники должны действовать согласованно во всех областях: военной, морской, финансовой, экономической, промышленной. Правда, в задачу главнокомандующих армиями союзников не входит рассмотрение всех этих проблем. Они должны ограничиться совместным рассмотрением новых военных ситуаций, искать наиболее целесообразные решения и представлять их на одобрение своих правительств. Так например проблема Балкан, где положение может в зависимости от событий развиваться в различном направлении, должна изо дня в день быть предметом совместного рассмотрения... При нынешней постановке дела — периодические совещания, обмен телеграммами и даже офицерами связи — главнокомандующие не имеют возможности изучать все эти проблемы согласованно. Но можно было бы создать с этой целью перманентный орган по изучению [положения на фронтах], находящийся при главной квартире одной из союзных армий и состоящий из официальных представителей главнокомандующих всех стран Антанты“.

Суббота, 13 ноября.

Совет министров обсуждает вопрос об Александретте. Все в один голос высказываются против экспедиции, предлагаемой Китченером. Бриан сообщит в Лондон наши возражения военного характера.

Гораздо продолжительнее была дискуссия о том, какую позицию занять по отношению к Греции. Фрейсинэ и Галлиени, как и третьего дня, высказываются в том смысле, что греческая мобилизация является большой угрозой для нашего экспедиционного корпуса и что лучше послать Саррайлю приказ немедленно отойти назад в Салоники. Самба и Буржуа, напротив, подчеркивают, что мы не можем отступить в то время, когда сербская армия всеми силами старается протянуть нам руку. Я сообщил присутствующим, что это также мнение Жоффра. Он на-днях сказал мне: „Если мы предоставим сербскую армию своей судьбе, это будет для нас неизгладимым позором“.

После долгого обсуждения приняты следующие решения:

1. Осведомить Саррайля о намерениях Греции и оставить за ним предоставленную ему Галлиени свободу отвести свои войска в Салоники, если он найдет это безусловно необходимым. Однако ему еще раз будет указано на необходимость обещать сообщение со своей морской базой. 2. Не захватывать фортов, как об этом думал Лаказ, чтобы не подвергать наши войска опасности быть отрезанными от Салоник. 3. Сговориться с Англией и Италией относительно затребования гарантий для наших войск в Салониках; заявить Греции, что первой из этих гарантий должно быть прекращение ничем не оправдаваемой мобилизации. 4. Не посылать немедленно, как этого требовал Гильмен, союзной эскадры в Пирей, а концентрировать ее в бухте Суд.

Во время этой тягостной дискуссии Галлиени оставался очень замкнутым и часто даже невнимательным. Его как будто гложет какая-то болезнь.

В конце заседания ко мне подошел Комб и стал в восторге трясти мою руку, словно вспомнил свой визит ко мне на набережной д'Орсэй накануне президентских выборов. „Я очень рад, — сказал он, — быть здесь подле вас“. „Вчера, — продолжал он, — я принял комитет партии радикал-социалистов. Вы можете рассчитывать на верность партии во всем ее составе. Кстати, говорили ли вам о предстоящем назначении Пама (Pams) в Испанию?“ — „Да, мне упоминали об этом Бриан и депутат Брусс“. — „Можем ли мы быть уверены, что оно вам не неприятно и что вы не являетесь противником этого назначения?“ — „С моей стороны было бы недостойно делать малейшее возражение против назначения старого коллеги, который попрежнему остался моим другом“. — „Ваш ответ меня не удивляет“.

В половине пятого ко мне пришли Бриан с Галлиени, Жоффриом, и Грациани. Саррайль сам телеграфировал, что считает крайне опасным отвести войска в Грецию и что подобное отступление будет иметь вид бегства. Ввиду этой телеграммы Галлиени без обиняков согласился с точкой зрения Жоффра; он даже заявил, что у него спал камень с сердца, раз он не должен отдавать приказа об отводе войск.

Мы еще продолжали совещаться, когда в Елисейский дворец приехал Гуро, только что вернувшийся из Италии. По его словам, итальянцы решатся послать войска в Албанию, но не в Салоники. Они захватят залог, диктуемый их интересами. „Священный эгоизм“!

Скулудис как раз заявил Гильмену (Афины, № 721 и 724), что греческое правительство не может допустить высадки на своей территории нашей миссии, долженствующей ремонтировать путь от Санти-Карапта до Монастыря. Это нарушение нейтралитета дало бы Берлину повод выступить с новыми притязаниями. Кроме того греческое правительство опасается, что за этой миссией могут последовать итальянские войска. В этом случае оно не отвечало бы за возможные последствия.

Английское правительство не пошло на предложения Китченера. Оно считало, что они должны будут повести к обмену мнений с нами. Грей заявил Полю Камбону, что ему „тягостна“ была мысль,

что мы можем усомниться в его намерениях (Лондон, № 264). Он снова говорил нашему послу об образовании арабской империи, которую Великобритания считает необходимой как противовес влиянию турок. Он дал понять, что арабы вероятно потребуют некоторые местности, которые мы считаем принадлежащими к Сирии. Вопрос об уступках арабам он предоставляет на наше усмотрение (Лондон, № 2646).

Воскресенье, 14 ноября.

Вчера вечером выехал из Парижа, с Восточного вокзала, вместе с Рене Бенаром, товарищем военного министра по авиации. Сегодня утром прибыли в Туль. Оттуда я отправился с генералами Дюбайлем и Роком в Понт-а-Мусон. Снег падает хлопьями и то и дело закрывает стекло перед шофером. В Понт-а-Мусон мы направились на Большую площадь. Все аркады ее замаскированы мешками с землей. Мы протискиваемся через узкий проход между ними и входим в мэрию, где нас ожидают мэр, священники, несколько видных граждан, офицеры; все они были полчаса назад извещены о нашем прибытии. До сих пор этот несчастный город был бомбардирован семьдесят восемь раз. В нем осталось только 1 900 жителей, в том числе бедняки, для которых я оставляю вспомоществование. Мэр повел меня к большому мосту на Мозеле; мост полуразрушен и частично заменен деревянными мостками для пешеходов. Затем мы прошли по главным улицам города; многие дома разрушены или повреждены. Те фасады, которые продолжают стоять, носят следы снарядов и осколков. Город остается в линии обстрела неприятеля и может в любой момент снова подвергнуться бомбардировке.

Проведя час среди нескольких сот жителей, не покинувших город, я отправился далее в лес Буа-ле-Претр, уже покрытый снежным саваном. Мне показали укрепления, возведенные со времени моего последнего посещения. Прогалина, на которой я в тот раз останавливался, окрещена солдатами „площадью Шуанкарé“.

Спускаюсь в окопы второй очереди. Теперь они по всем правилам искусства устланы плетенками и снабжены многочисленными прикрытиями для солдат и пулеметов. Сделаны большие успехи. Покраска леса под покровом льда и снега печальна, ноги вязнут в тощей почве. На опушке я нашел знакомое мне небольшое военное кладбище; оно теперь тоже в большем порядке, окружено частоколом, но — увы! — разрослось...

После обеда смотр на Мальзевильском плато близ Нанси. Единственный экземпляр знамени военной авиации передается в военный музей; вместо него я вручаю два отдельных знамени — одно для аэродрома, другое для летного отряда. Обращаюсь к офицерам, унтер-офицерам, бортмеханикам и пилотам с короткой речью, в которой обещаю неустанное содействие властей, чтобы они получали все больше и больше самолетов и все более совершенной конструкции.

Из Мальзевилля мы спустились в Домбаль, где я — к тому времени уже наступила ночь — осматривал большой завод Сольвея, дающий более 85% всей нашей продукции меллинита. В своем нынешнем местонахождении завод подвержен опасности бомбардировки. По-

некоторым признакам, немцы даже сооружают специальную платформу на расстоянии 15 или 16 километров. Мы наблюдаем, замечаем, обнаруживаем приготовления неприятеля, но у нас нет уверенности, что мы отразим грядущую опасность. Необходимо обеспечить производство мелинита где-нибудь вдали от фронта, чтобы можно было в случае надобности заменить завод Сольвея.

Понедельник, 15 ноября.

Вернувшись утром в Париж, имел продолжительный разговор с „малой белой мышью“¹, которая с нетерпением ждет известий из Греции и не может дождаться завтрашнего заседания совета министров.

Поль Камбон уведомил Грея, что французское правительство, обсудив вопрос с Жоффром, высказывается в настоящее время против проекта экспедиции в Александретту. Наш посол настаивал на ускорении отправки британских войск в Салоники и на том, чтобы английский флот оказал нам помощь против немецких подводных лодок в Средиземном море. Грей подтвердил Камбону, что взгляды Китченера, сообщенные нам полковником Жиродоном, остаются личным мнением Китченера. Английское правительство телеграфировало последнему, что не разделяет его точки зрения относительно высадки в Александретте (Лондон, № 2568).

Однако Китченер, посетив Галлипольский полуостров и поговорив с генералом Брюларом, повидимому пришел теперь к заключению о необходимости оставить Дарданеллы. Чтобы наперед загладить впечатление этого отступления, он остается при своем мнении о желательности операции в Александретте; к тому же, эта операция обеспечит, на его взгляд, безопасность Египта (от полковника Жиродона, *О. Т.*, № 153). Даже ознакомившись с возражениями французского правительства, он продолжает утверждать, что в защите Египта заинтересованы все союзники, что невозможно обеспечить зимой эту защиту на всем протяжении Суэцкого канала, т. е. на расстоянии гораздо большем, чем в Александретте, и наконец, что согласно сведениям контрразведки немцы несомненно намереваются произвести атаку с этой стороны (от полковника Жиродона, *О. Т.*, № 419, 420).

Бриан напомнил английскому правительству, что согласно письмам, которыми 27 января 1915 г. обменялись Огангер и Винстон Черчилль, если когда-нибудь встанет вопрос об операциях в Сирии или Киликии, французские и английские морские силы должны находиться под начальством французского адмирала. В этих же письмах говорится, что в случае высадки французских и английских войск в Александретте принимаемые меры будут по возможности согласованы между обоими правительствами, но без ущерба для власти французского командующего (№ 3782).

Венизелос сделал Гильмену грустные признания (Афины, № 733). Он намерен заявить протест, — в какой форме, он еще не выяснил себе, — и затем отказаться от своей кандидатуры на ближайших вы-

¹ Очевидно имеется в виду Бриан. — *Прим. перев.*

борах; так поступит также большинство его друзей. Он не желает быть виновником гражданской войны. Будет выжидать, пока ход событий и подвижность греческого народа дадут ему случай возвратиться с торжеством к политической деятельности. В настоящее время он чувствует себя побежденным, так как обстоятельства сделали из него поборника войны, которой страна не желает. Король, объявивший себя сторонником мира во чтобы то ни стало, торжествует, а вместе с ним торжествует германофильская партия.

Чтобы парализовать проявляемую к нам глухую враждебность, английский посланник в Афинах сэр Фрэнсис Эллиот составил, по требованию своего правительства, ноту для вручения греческому правительству. Он требует в ней конкретных гарантий благожелательного нейтралитета и заявляет под угрозой блокады, что союзные правительства намерены оккупировать и взять в свое управление на время войны город Салоники и три железнодорожные линии, выходящие из этого города. В ноте говорится также, что союзные правительства намерены производить в территориальных водах поиски подводных лодок и их баз. Гильмен предлагает вычеркнуть из ноты места, касающиеся оккупации и управления (Афины, № 742 и сл.). Впрочем Скулудис снова обратился к нам с просьбой о финансовой поддержке и о поставках зерна, „тем более что теперь рассеяны все недоразумения“.

Итак, он сам указывает нам другие меры давления, менее насильственного характера и более действительные, чем те, которые намечены английским посланником (Афины, № 748).

Сербский военный министр отправился в Монастырь, чтобы наладить там снабжение страны и организовать армию из новобранцев, находящихся в настоящий момент в Монастыре и Тиране (Бошп, Подгорица, № 45). Пашич считает, что опасность окружения сербской армии миновала; под влиянием начатого наступления на Лесковац и взятия обратно Тетова снова возродились надежды. Но армия терпит недостаток в провианте и снаряжении (Бошп, № 46, 47 и 48).

Галлиени думает, что сербы добудут провиант и снаряжение, если будут двигаться к Монастырю. Он дал указания Саррайлю наставать перед ними на ускорении этого продвижения и предоставил ему полную свободу занять Монастырь (№ 7081, 9—11). Железная дорога Белград — Пиш — София находится в настоящий момент в руках неприятеля.

Император Николай II заявляет, что в это время года всякие морские операции на Черном море невозможны. В настоящий момент он не видит для себя никакой возможности притти на помощь Сербии (№ 1367).

Однако мы всеми силами стараемся согласовать военные действия союзников. На днях Асквит выступил в палате общин с речью, в которой объявил о намерении английского правительства содействовать созданию в самом ближайшем времени высшего военного совета из англичан и французов. Этот совет будет находиться во Франции вблизи английских и французских армий; Италия и Россия примкнут к нему в скорейшем времени, послав в него своих полномочных представителей. Так как Жоффр часто высказывал эту мысль и фран-

дузское правительство одобрило ее, Бриан просил Камбона благодарить Асквита.

Я прочитал два доклада Шарля Эмбера, утвержденных третьего дня военной комиссией сената. В них указывается на проволочки в поставке 105-миллиметровых орудий, в заказах 120-миллиметровых гаубиц, в поставках лафетов для скорострельных 155-миллиметровых орудий. Я написал Альберу Тома и просил его дать мне сведения по всем этим вопросам; я прошу его тоже рассмотреть эти доклады и сообщить совету министров свое заключение.

Военный атташе при русском посольстве генерал Игнатьев представил мне русскую военную миссию, прибывшую для совещаний с французской и английской главными квартирами. Я никак не мог добиться от этих офицеров точных сведений о положении со снаряжением в России и о состоянии континентов.

Вторник, 16 ноября.

Совет министров. Я требую, чтобы одно из ближайших заседаний было посвящено рассмотрению докладов Шарля Эмбера относительно тяжелой артиллерии и принятию мер для согласования производства с нуждами фронта. Подчеркиваю, что правительство не должно нуждаться в том, чтобы его вели на буксире парламентские комиссии.

Много времени ушло на обсуждение текста проектируемой ноты союзников греческому правительству. В основу его положен набросок английского посланника и английского военного атташе, но опущены места, вызвавшие справедливую критику Гильмена как ненужные и опасные. Бриан перешлет ноту в новой редакции в Лондон, Петроград и Рим.

Адмиралом Лаказом отдан приказ в спешном порядке концентрировать флот в Мило.

Галиени передал также Жоффру приказ держать в распоряжении правительства батальон стрелков: он будет отправлен в Мудрос в качестве десантного отряда, если окажется, что в целях снабжения сербов нам нужно обосноваться в Корфу.

Итальянское морское министерство уведомило наше морское министерство, что оно согласно участвовать вместе с нами в охоте за австрийскими и даже за германскими подводными лодками в Средиземном море. Итак, начало сделано.

Как сообщает депеша Баррера (Рим, № 924), Италия решила высадить войска в Албании. Марсель Самба восхищен этим решением; я, напротив, боюсь, что выбор этой зоны военных действий, явно продиктованный эгоистическими интересами Италии, вызовет осложнения с Сербией и Грецией. Баррер настаивал на совместных действиях в Салониках, но тщетно.

Бриан телеграфировал Дени Кошену, который на-днях прибывает в Афины, и советовал ему держаться в разговорах со своими греческими друзьями инструкций, посланных на этих днях нашему посланнику (№ 730 и 736). Он предлагает Дени Кошену добраться до Монастыря, чтобы вступить в контакт с сербами и проявить таким образом нашу симпатию к ним (№ 723).

Я благодарю испанского короля, который своим вмешательством спас от смерти двух француженок, арестованных в наших оккупированных провинциях и присужденных немцами к смертной казни.

Среда, 17 ноября.

„Среди офицеров главной квартиры и на фронте, — говорит мне Пенелон, — растет беспокойство относительно руководства военными действиями и в связи с событиями на Балканах. Они опасаются катастрофы. Я слишком хорошо знаю, какие трудности чинила вам главная квартира и какие промедления проистекали от этого. Но так не может продолжаться. Одно из двух: либо военный министр руководит всем ведением войны, в таком случае он должен иметь при себе настоящего начальника генерального штаба вроде Кастелью, либо — на мой взгляд, это будет лучшим решением — надо сделать генерала Жоффра генералиссимусом всех французских армий, ответственным за операции на Ближнем Востоке, точно так же как за операции во Франции; в таком случае безусловно необходимо, чтобы он имел помощника. Впрочем можете быть уверены; как только на нем будет лежать ответственность за ведение операции на Балканах, он без всяких околичностей пошлет на Ближний Восток три или четыре армейских корпуса“. Я прошу Пенелона сообщить свои замечания Бриану и Галлиени.

Асквит, Грей, Бальфур и Ллойд-Джордж приезжают в Париж на совещание с Брианом, Галлиени, Лаказом и Альбером Тома.

Товарищ председателя военной комиссии сената Будано обращает мое внимание на позицию, занятую группой, которую в Люксембургском дворце в шутку называют „директорией“ и в которую, по словам Будано, входят Клемансо, Шарль Эмбер и два или три из их коллег. Шарль Эмбер делает фотографические снимки с писем, получаемых им от недовольных генералов, и передает эти снимки Клемансо.

А вот что рассказывает мне Рибо: „Клемансо написал очень горячую статью по поводу проведенного мною вчера в сенате законопроекта о займе, и я обратился к нему с благодарственным письмом. Вот его ответ“. И он читает мне письмо Клемансо. Последний называет его „мой дорогой друг“, выражает готовность помогать ему, но прибавляет, что в сражении в Шампани были совершены грубые ошибки и пора дать армии главнокомандующего, достойного ее. „Это, — говорит Рибо, — начало кампании против Жоффра. Клемансо сообщил мне в сенате слова, якобы сказанные одним солдатом перед своим полковником: „Если бы генералы получили одно су в день, уже давно был бы конец войне“. Меня тревожит такое состояние умов, — говорит Рибо. — В сенате часть сенаторов занимается собиранием всяких жалоб и обвинений; их вражда против военного начальства, их предубеждение против высшего командования продолжают быть опасными. По моему мнению, не следует смещать Жоффра; надо сохранить и защищать его, но при этом укрепить его и инструктировать его как следует“. Я сообщил Рибо об обращении ко мне полковника Пенелона. „В этой альтернативе, —

говорит Рибо, — я предпочитаю тот выход, который заключается в назначении Жоффра генералиссимусом всех армий“.

Затем он спрашивает меня: „Зачем английские министры приехали в Париж?“ — „Беседовать с председателем совета министров и с военным и морским министрами“. — „Известны ли вам конкретные темы бесед?“ — „Нет, я пока ничего не знаю. Я пригласил вас сегодня на ужин вместе со всеми ими именно для того, чтобы вы тоже могли беседовать с ними“. — „По сюда приехали те английские министры, которые входят в комитет обороны. Не находите ли вы делесообразным, чтоб состоялось совещание их с нашим Советом национальной обороны?“ — „Нахожу. Но мне не совсем удобно выразить такое пожелание председателю совета министров. Может показаться, что я желаю принять участие в этом совещании. Разрешаете ли вы сообщить ваше мнение Бриану?“ — „Конечно, и даже прошу вас об этом“. — „Я напишу ему“.

Я сообщил Бриану мнение Рибо, и он созвал на сегодня совет национальной обороны. В пять часов в Елисейском дворце вместе с французским советом национальной обороны, к которому прибавились Фрейсинэ и Буржуа, собрались английские министры. Асквит имеет вид бритого нотарюса или старого отца в классической комедии; Бальфур — высокий, сухой, надушенный; Грей — стройный, лысый, с большим заостренным носом, близорукий, с несколько небрежным выражением лица; Ллойд-Джордж — демократ с лицом артиста, с длинными вьющимися волосами, остроумный и веселый.

Асквит сел против меня, и мы немедленно приступили к делу. Бриан излагает результаты первого совещания, состоявшегося сегодня утром. Английское правительство согласно послать в Салоники обещанные им 90 тысяч человек. Дивизия, которая находится теперь в плавании, не остановится в Египте; дивизия, находящаяся в Египте, будет отправлена в возможно кратчайший срок. Они останутся в Салониках, чтобы произвести впечатление на греков, и что бы ни случилось, мы укрепимся в городе и не впустим туда болгар и немцев. Англия отказывается от проекта экспедиции в Александретту. Относительно Галлиполи надо выждать окончательного ответа Китченера. Фрейсинэ спрашивает, достигнута ли будет с войсками, готовыми к отплытию, цифра в 90 тысяч человек, обещанная Англией, или же остается еще одна дивизия, которую надо взять с фронта. По этому существенному пункту не могут дать ответа ни англичане, ни Жоффр, ни Галлиени, ни Грациани; они не осведомлены на этот счет. Асквит утверждает, что во всяком случае 90 тысяч человек прибудут в возможно скором времени.

Рибо выражает опасение, что 150 тысяч человек французских и английских войск в Салониках будет недостаточно, чтобы можно было рано или поздно предпринять полезные операции. Он желал бы, чтобы экспедиционный корпус был увеличен. Но англичане говорят, что не могут превысить цифры в 90 тысяч человек и что к тому же их войска не снаряжены для горной кампании. Однако Грей заявляет весьма категорическим тоном: „Как мы ни заинтересованы в защите Египта, мы знаем, что окончательное решение произойдет во

Франции, и, если нужно, мы пожертвуем защитой Египта, чтобы победить на западном фронте“.

Галлиени и Жоффри думают, что со 150 тысячами человек можно будет защищать укрепленный лагерь Салоник и связать здесь 200—300 тысяч немцев.

В восемь часов ужин в Елисейском дворце. По правую руку от меня сидит Бальфур; он говорит, что испытывает недостаток в мелких судах (chalutiers) для охоты за подводными лодками в Средиземном море и подтверждает мне, что Англия все еще надеется прорваться врасплох через Дарданеллы. По левую руку от меня Грей; его очень беспокоят намерения Румынии, и кроме того он считает, что мы должны уступить Испании Танжер. Я не ответил на это „а Гибралтар?“, но сообщил ему про те доводы, которые маршал Лиотэ всегда приводил нам против уступки Танжера. Однако я признал, что придется рассмотреть этот вопрос ближе, если Испания, недовольная нашим молчанием, не остановится перед снабжением немецких подводных лодок. В самом деле, из „зеленых“ [58] мы узнаем, что Вильгельм II предлагает Испании Танжер и Гибралтар.

Четверг, 18 ноября.

Телеграмма Саррайля (№ 223—3): „Виделся с лордом Китченером. Он сообщил мне о предстоящем прибытии 28 и 26-й дивизий, вероятно также 27-й дивизии. Я сказал ему, что этих войск недостаточно и что я всегда требовал четырех французских армейских корпусов. Я не могу сказать ему, что англичане годятся только на второй линии. Мне не пришлось еще выдвинуть их на первую линию, так как я могу лишь выразить желание, но не отдавать приказа. Я показал ему, что Салоники вполне во власти греков, что последние терпят нас там и что, для того чтобы обосноваться в Салониках и защищать их, нам нужна армия по меньшей мере в 300 тысяч человек“.

Одновременно мы получили следующее известие от Поля Камбона: „Согласно телеграмме лорда Китченера, беседовавшего с генералом Саррайлем, последний считает отступление на Салоники неизбежным и притом очень трудным, если оно не последует немедленно“ (№ 2690). Генерал Мэрри дал такую же информацию де Ла-Перузу (Лондон № 191). Однако Галлиени и Жоффри продолжают думать, что для защиты Салоник могут быть достаточны 150 тысяч человек, а Лаказ подчеркивает, что на перевозку четырех армейских корпусов в Салоники понадобится больше шести недель. Слова Саррайля могут, чего доброго, поддержать Китченера в его оппозиции общим взглядам французского и английского правительства. Я прошу Бриана созвать совет обороны для скорейшего рассмотрения этого тревожного положения.

Тем временем сегодня собрался совет министров. Галлиени докладывает, что военная комиссия палаты депутатов не согласна на мобилизацию призыва 1917 г. раньше 1 февраля, тогда как Мильберан требовал срока 1 ноября. Галлиени говорит, что не согласится на отсрочку дальше 15 декабря. Он зачитывает письмо Жофффра, в котором доказывается, что, если призыв 1917 г. не будет обучен весной,

у нас будет нехватка людей между апрелем и июлем. Как ни жестоко такое заклание нашей молодежи, совет министров склоняется перед неумолимой необходимостью.

Альбер Сарро пришел ко мне проститься. После реорганизации кабинета он снова надел свой мундир подпоручика и отправляется на фронт.

Итальянское правительство решило отправить одну дивизию в Валону и одну бригаду в Дураццо. Оккупация этих двух пунктов будет совершенно бесполезной как для сербов, так для англичан и для нас. А между тем генерал Кадорна еще раз сказал полковнику де Гондрекуру, что он лично попрежнему сторонник отправки войск в Салоники, если его правительство откажется от высадки войск на албанском берегу (от итальянской главной квартиры, № 159).

Пятница, 19 ноября.

Бриан телефонирует мне, что Галлиени находит ненужным немедленный созыв Совета обороны и что совет министров рассмотрит завтра положение на Балканах.

Наш консул в Родосе Лаффон телеграфирует (№ 174): „Когда агентство Стефани сообщает о потоплении итальянских пароходов подводными лодками, оно прибавляет, что речь идет об австрийских подводных лодках. Между тем из достоверного источника известно, что по меньшей мере два итальянских парохода пущены ко дну немецкими подводными лодками: 1) транспорт „Чирени“, торпедированный 30 сентября близ Крита немецкой И-36; 2) „Сцилла“, потопленный 18 октября близ Калнамоса немецкой подводной лодкой, вымпел которой можно было явственно различить. Впрочем, по надежным сведениям, немецкие подводные лодки, действующие в Эгейском море, поднимают без разбора то немецкий, то австрийский флаг, а в некоторых случаях — турецкий“. Ясно, что Италия несколько не спешит воевать с Германией.

Дени Кошен был принят вчера королем Константином (Афины, № 774). Ауденция продолжалась час. Король приветствовал товарищеские отношения между греческим и французским генералами в Салониках. „Выступление греческих войск против французских я считал бы убийством из-за угла. По расширению Сербии не в интересах Греции“. — „Расширение Австрии, — заметил Кошен, — было бы еще более вредным для интересов Греции“. — „Нет, — ответил Константин, — ибо der Drang nach Osten (стремление на восток) направляется теперь уже не через Салоники. К тому же Сербия окончательно раздвлена“. Король не преминул при случае извительно отозваться об англичанах. Он говорил о своей личной симпатии к Франции, но заявил, что желает остаться нейтральным и избежать того, чтобы территория Греции стала театром военных действий.

Болгары не продвинулись к Монастырю. Поэтому сербы снова прошли вверх по направлению к Прилепу. На нашем восточном фронте спокойно за исключением района Струмицы, где третьего дня мы отразили контратаки болгар. Неприятель понес чувствительные потери (Саррайль, № 236—3).

Жорж Клемансо, ставши председателем военной комиссии сената, препровождает мне за своей подписью резолюцию, принятую этой комиссией и адресованную председателю совета министров: „Военная комиссия сената констатирует, что до 13 ноября 1915 г. она не получала от правительства никакой информации относительно балканской экспедиции и поэтому лишена была возможности выполнять свои функции контроля. Это произошло, несмотря на ее постановления от 30 сентября, 19 октября, 22 октября и 11 ноября 1915 г., а также несмотря на то, что 5 октября правительство обязалось перед комиссией осведомлять ее о фактах из области внешней политики, которые могут обосновать такую необходимость увеличения наших военных потребностей.

„Поэтому комиссия еще раз самым энергичным образом протестует против того положения, в которое она поставлена в вопросе об операциях на фронтах:

„констатирует, что балканская экспедиция, начатая без элементарнейшей подготовки и с силами, которые не позволяли добиться никакой военной цели, поставила наш экспедиционный корпус в нынешнее опасное положение, как и можно было легко предвидеть;

„сожалеет об отсутствии всякой согласованности между действиями союзников для оказания отпора объединенной агрессии австрийцев и немцев, и болгар, и турок, а также ввиду неопределенной позиции греческой армии, сконцентрированной вокруг Салоник;

„констатирует, что по сей час комиссии еще не сообщено, какими путями возможно будет предупредить серьезные опасности, угрожающие нашей армии на Балканах;

„оставляет за собой рассмотрение ответственности виновников;

„решительно приглашает правительство срочно дать отчет о тех мерах, которые оно приняло согласованно с союзниками для обеспечения нашего экспедиционного корпуса и чести Франции“.

Вот кто облегчит работу правительства! Под влиянием Жоржа Клемансо, который вчера разносил всякую экспедицию на Ближний Восток, военная комиссия теперь заявляет, что объединенная агрессия австрийцев и немцев, болгар и турок и неопределенная позиция греческой армии диктуют необходимость энергичных действий, что недостаточность сил, отправленных [на Ближний Восток], не позволяет достигнуть какой-либо цели и что наш экспедиционный корпус находится в опасном положении. Комиссия критикует, протестует, порицает, сожалеет. Но она остерегается сказать, как бы она поступила на месте правительства и что она советует ему сегодня.

Приехавший из Дарданелл вице-адмирал Фурнье говорит мне, что генерал Гамильтон совершил там ряд грубых ошибок и что при другом, лучшем руководстве последние операции англичан должны были бы и могли бы увенчаться успехом.

Так как все министры просили меня снова поговорить с Барту и уговорить его отправиться в Румынию, я пригласил его к себе. Он снова ссылается на свой траур, на то, что придется надолго оставить жену одну, на трудности возлагаемой на него задачи. Но он уже не отвечает безусловным отказом. Он даст мне ответ в понедельник утром.

Суббота, 20 ноября.

Бриан зачитывает в совете министров постановление военной комиссии сената. Я указываю на то, что недавно та же комиссия под председательством де Фрейсина единогласно требовала, не увеличивать французские силы в Салониках свыше 60 тысяч человек. Фрейсинэ заявляет, что попрежнему считает наши силы достаточными. Он желал бы, чтобы главное бремя восточной экспедиции несли англичане и итальянцы. Леон Буржуа, напротив, склонен увеличить наши силы [на Балканах]. Мы снова запросим мнение Жоффра в совете обороны.

Галлиени уже ответил по собственному почину Саррайлю, что не может послать ему требуемые четыре корпуса. Кроме того он приготовил телеграмму с инструкциями для Саррайля. Совет министров одобрил ее. Военный министр информирует Саррайля о наступлении, начатом сербами на Ускюб; о нем сообщил нам полковник Фурнье (Призрец, № 30). Галлиени уполномочивает Саррайля отвести свои войска назад, не запрашивая разрешения правительства, если он найдет нужным это отступление в интересах безопасности наших войск.

После беседы с лордом Крюью Поль Камбон настаивает, чтобы мы не медлили более с отправкой Греции весьма решительной ноты в том духе, как она в свое время была принята на конференции союзников (Лондон, № 2700 и 2701). Бриан, видно, не желает форсировать событий, но совет министров считает нужным действовать немедленно.

Думер отправляется в Россию для ознакомления с вопросом об отправке солдат в обмен за наши ружья. Перед отъездом он пришел побеседовать со мной. Я сообщил ему то, что мне известно по этому вопросу.

Воскресенье, 21 ноября.

В семь часов утра получена телеграмма, посланная вчера вечером из Салоник Дени Кошеном (адмирал Патри морскому министерству, № 439). Министр считает положение очень серьезным и видит выход из него только в соглашении с Грецией. Добиться этого соглашения можно твердым выступлением, но преждевременное применение военных санкций приведет к катастрофе. После разговоров с французскими и английскими генералами Кошен пришел к убеждению, что нам остается только вернуться в Салоники, „так как Сербия, увы, выбыла из строя“. Он просит, чтобы правительство уполномочило его и Гильмена вести переговоры с Грецией.

В тот самый момент, когда мы получили эти печальные известия, полковник Бугабейль, заведующий секретариатом генерала Галлиени, позвонил в Елисейский дворец и сообщил от имени министра, что немецкое радио, расшифрованное нами вчера вечером, признает, что сербы одержали победу в направлении Ускюба.

Полковник Бордо, брат писателя, был принят третьего дня греческим королем. Константин назвал в разговоре Венизелоса „лугоном и истериком“. Он подчеркнул свое желание остаться нейтральным

до конца европейского конфликта, но выразил намерение напасть потом на болгар, которые — „все продувные плуты, начиная с их короля“. Король произвел на полковника впечатление жалкого, недоверчивого человека, охочего до поклонов и почестей (Афины, № 795).

Бау пишет мне, что, по зрелом размышлении, должен окончательно отказаться от предложения правительства.

Пенелон вернулся к своей мысли возможно скорее назначить Жоффра главнокомандующим всеми французскими армиями. По спрешенные мною Бркан и Галлиени не проявляют желания пойти на это решение. По словам Дюбо, окружение Галлиени, напротив, только и мечтает о том, чтобы похоронить Жоффра под цветами, наделить его титулами, но отнять у него власть. Председатель сената убедительно просит меня не допускать умаления власти главнокомандующего.

Бриан телеграфировал вчера Гильмену (№ 3901), что нота должна быть вручена Греции только по получении посланниками формальных инструкций от своих правительств и что кроме того предварительно должна быть закончена концентрация наших морских сил.

Атака сербов на южном фронте не дала больших результатов. Напротив, правое крыло II армии должно было отступить на высоты Иелаки. Войска, оставившие Прилеп, отошли по направлению к Монастырю на позиции в Алине. Войска, оставившие Гостиавар, отступают на Кичево (полковник Фурнье, сербская главная квартира, № 321).

Понедельник, 22 ноября.

Совет национальной обороны. Рассматривается положение в Сербии. Галлиени и Жоффр оба очень нападают на Саррайля за его бездействие. „Будь я на его месте, — говорит Жоффр, — я бы уже давно атаковал в направлении Велеса. Перед ним почти никого нет. На войне бездействие — бесчестное дело“. — „Это не вождь, — подтверждает Галлиени. — Он перешителен. Гуро и Маршан атаковали бы на его месте“. Однако военный министр не думает, что правительство должно отдать приказ наступать.

Рассматривается вопрос о контингентах. Всего на нашем фронте, по данным Жоффра, находятся 1 249 немецких батальонов, из них — 995 перед французской армией, 214 — перед англичанами, 40 — перед бельгийцами. Против этих 995 немецких батальонов у нас имеется 1 111 французских, но у немцев рота обычно имеет состав в 350 человек, так что немецкие батальоны состоят из 1 тысячи человек, тогда как у нас рота насчитывает только 200 человек, а батальон стало быть только 800. Впрочем Жоффр признается, что в этом подсчете не приняты во внимание ни наши территориальные войска, ни ландштурм. Мы не могли добиться более точных цифр. По главнокомандующий попрежнему с непреклонной твердостью заявляет, что не может отдать больше ни одного солдата с фронта.

В одиннадцать часов, после совета обороны, заседание совета министров. Бриан зачитывает довольно резкую телеграмму, отпра-

вленную им в Рим, Лондон и Париж. Он выражает в ней сожаление, что Италия, послав одну дивизию в Валону и одну бригаду в Дураццо, пальца о палец не ударив для помощи сербам, преследует только свои собственные интересы и не считается с духом лондонского соглашения. Она обязалась вести войну плечо к плечу с союзниками, всеми своими силами, против всех врагов союзников. А между тем она до сих пор не объявила еще войны Германии, формально порвала с Турцией, но ничего не предпринимает против нее; наконец она допускает разгром Сербии, допускает, что французские и английские войска в Салониках и Македонии оказываются под большой угрозой, и не посылает своих войск на помощь союзникам. Бриан находит — и совет министров согласен с ним, — что союзники должны предпринять совместный демарш в Риме, чтобы воздействовать на итальянское правительство (в Рим, № 1876; в Лондон, № 3924; в Петроград, № 1933). Ввиду того что концентрация наших морских сил близится к концу, принимается постановление, что завтра с согласия Англии и России будет вручена греческому правительству нота, текст которой уже согласован. Бриан известит об этом Гильмена. Однако уже после заседания совета министров пришла телеграмма от нашего посланника в Афинах (№ 607, 608, 609). Сегодня ночью Скулудис узнал, что в рейд Мило вошла сильная эскадра, состоящая из французских, английских, русских и итальянских военных кораблей. Он был очень взволнован этим событием, не ожидал его после тех заверений, которые он, видите ли, дал союзникам. „Но, — сказал ему Гильмен, — присутствие этой эскадры не означает никаких враждебных намерений. Вы сами советовали мне *показать зубы*. Пришла пора, когда греческое правительство должно отказаться от двусмысленной позиции“. Скулудис успокоился, но Гильмен не считает в настоящий момент целесообразными дальнейшие шаги с нашей стороны.

Итальянские бюллетени сообщают о важных успехах на фронте Изонцо, особенно на высотах к северо-востоку от Герда и о значительном продвижении на Карсте, вдоль северных склонов горы Сан-Микеле и на юго-запад от Сан-Мартино.

Зато сербский генеральный штаб считает теперь положение безнадежным (полковник Фурнье, № 327 и 328). Предпринятая сербами попытка прорваться к Ускюбу обречена на верную неудачу, если союзники не придут немедленно на помощь. Сербы замышляют генеральное отступление на правый берег Ситницы; но тогда сербская армия окажется принертой к горам на линии Ипек — Дьяково — Призрен. Сзади нее не будет никаких других путей сообщения кроме горных троп до самого побережья Адриатического моря; для спасения своей пехоты армии придется пожертвовать артиллерией и обозом. Полковник Фурнье телеграфирует, что мы должны будем срочно послать муку в Дураццо и Сан-Джованни-ди-Медуа в предвидении голода, который неминуемо последует за отступлением.

Депутат Беназе недавно представил мне и Бриану записку о подозрительных махинациях бывшего египетского хедива, проживающего ныне в Швейцарии и слывающего за агента Германии, и некоего француза по имени Боло. В записке приводятся факты. Бриан и Вивiani

обещали мне проверить их и открыть следствие. Я затребовал у них сведений. Пока их еще у нас нет.

Вторник, 23 ноября.

Я затребовал точный и подробный подсчет наших сил в зоне военных действий. 1 октября у нас было на фронте 45 251 боевой офицер и 10 058 офицеров полевой жандармерии, лесной и пограничной охраны, в военно-санитарной части, обозе и т. д.; 2 147 381 солдат на фронте и 139 860 солдат в различных подсобных службах. В тылу у нас было 9 453 офицера и 307 813 солдат. В запасных батальонах в зоне военных действий — 1 525 офицеров и 142 403 солдата; в запасных батальонах в тылу — 1 690 514 состоящих на майке солдат всех видов оружия. Если из этой последней цифры вычесть отсутствующих, командированных, находящихся в больницах, неспособных носить оружие и состоящих на подсобных службах, все еще остается 627 813 человек, которые могут быть мобилизованы на фронт, из них 190 354 были уже мобилизованы к 1 октября. Мне нелегко удалось получить эти точные цифры наших ресурсов. По всей видимости эти цифры позволяли, да и теперь еще позволяют нам послать больше войск на (Ближний) Восток.

Фрейсинг высказывается в совете министров против разбазаривания наших сил между Галлиполи и Салониками. Галлиени возражает, что французские и английские войска на полуострове Галлиполи связывают 100 тысяч турок. Затем мы переходим к рассмотрению частных вопросов. Сколько времени было потеряно для военных действий! Не лучше ли была бы во время войны единая воля главнокомандующего или военного императора? Я старый республиканец, но мне часто приходит на ум этот вопрос. Однако тогда я говорю себе, что в России дела обстоят еще гораздо хуже, чем у нас.

Саррайль телеграфирует (№ 262-3), что после сражения, которое вывело из строя 120 человек, 122-я дивизия очистила в ночь с 20 на 21 ноября левый берег Черны. „Я, — пишет он, — затребовал сведения об этом шаге, неоправдываемом соображениями тактики; однако переход обратно на левый берег был бы сопряжен с серьезными потерями. Поэтому воспользуюсь этим случаем, чтобы отвезти военный материал из сектора Черны. В секторе Струмицы ничего достопримечательного. Высадки английских войск не последовало“.

Как сообщает полковник Жиродон (Мудрос, № 9), Китченера продолжает тревожить судьба салоницкой экспедиции. Он все более приходит к убеждению, что немцы выработали план похода на Константинополь, чтобы затем совместно с турецкой армией пойти на Египет и поднять весь Восток. Он очень огорчен тем, что английское правительство не согласилось на высадку войск в Александrette.

Генералу де Лагишу и другим представителям союзных армий при русской ставке вручена странная записка начальника русского генерального штаба генерала Алексеева (русская ставка, № 350 и сл.). В ней предлагается концентрировать на Балканах французскую и английскую армию по меньшей мере из десяти корпусов. Она должна атаковать немцев по ту сторону Дуная, сделать Сербию

базой для дальнейших операций и развить наступление по направлению на Будапешт. Одновременно сильная русская армия в составе не меньше десяти корпусов начнет решительные операции в направлении Мармароша, Шигета, Колошвара и далее на подступах к Будапешту. Таким образом она пойдет навстречу союзникам и облегчит их наступление. Успех этих комбинированных операций откроет путь итальянской армии для ее наступления на Вену. Сербы будут защищать тыл союзников против Болгарии. Какая богатая игра фантазии [59].

Я написал Галлиепи и просил его отдать этот великолепный проект на заключение в исследовательский сектор вместе с другими проектами, касающимися Салоник, и сообщить о результатах в четверг на заседании совета обороны. Исследовательский сектор уже вынес вчера заключение, что нам невозможно удалить свои войска из Салоник и необходимо возвести укрепления вокруг города, а также на подступах к Халкедонскому полуострову.

Но еще сегодня получена очень мрачная телеграмма от Дени Кошена. После разговоров с адмиралом Гоше и Саррайлем он считает необходимым срочно отвести наши войска в Салоники. „Компания их была бы почетной, но запоздалой, и не встретила бы поддержки. Но теперь она стала бессельной ввиду уничтожения сербской армии“. Впрочем Кошен предлагает вступить в переговоры с греческим правительством и добиться соглашения, которое позволило бы Саррайлю взять в свои руки управление железной дорогой.

Сербский генеральный штаб отдал официальный приказ отвести все силы на правый берег Ситницы. Здесь они должны оказать последнее сопротивление и затем отойти на линию Ипек — Дьяково — Призрен, оставить на ней артиллерию и обоз и пробиваться с остатками армии через горы к адриатическому берегу (голковник Фурнье, № 334).

Среда, 24 ноября.

Бриан просил меня поговорить с Жоржем Лейгом и убедить его отправиться в Румынию. Сегодня Жорж Лейг дал мне ответ, что не может принять это назначение. Он не согласен с правительством относительно балканских дел. По его мнению, следует увеличить французские и английские войска на Балканах до 300 тысяч человек. Он полагает, что в противном случае все наши попытки повлиять на Румынию окажутся тщетными. К тому же он не считает возможным оставить даже на время председательствование в комиссии иностранных дел.

Посланники союзных держав в Афинах явились вчера в полном составе к Скулудису, и старейшина их, английский посланник, зачитал коллективную ноту [60]. Тотчас же по прочтении ноты греческий премьер задал им два вопроса: „Что означает соблюдение благожелательного нейтралитета со всеми его последствиями? Что вы понимаете под безопасностью ваших войск: имеете ли вы в виду возможные опасности со стороны неприятельских армий или также невозможную опасность нападения со стороны греческих войск?“ Гильмен, которому его коллеги предоставили отвечать от их имени, объявил

согласно полученным от Бриана инструкциям, что мы требуем в общем только официального подтверждения тех заверений, которые уже неоднократно давались нам, и что союзные державы снова выскажут свои благожелательные намерения по отношению к Греции, как только выяснится положение. Скулудис обещал скорый ответ своего правительства. „Тем более, — признался он Гильмену, — что у нас остался запас хлеба только на три дня“ (Афины, № 825).

Грей уведомил Петроград и набережную д'Орсэй, что, так как нам может понадобиться дружба албанцев на предмет снабжения сербов, он считает, что мы должны обещать албанцам образование независимого государства под протекторатом Италии. Сазонов уже протестовал против этой идеи, которая очевидно исходит от Италии и никак не вяжется с нашими соглашениями от 26 апреля с. г. [61]. Бриан тоже возражает против этого шага, который может встревожить Сербию и Грецию и полезен только Италии, хотя последняя ничего не требовала от Франции и от нее не требовали никаких компенсаций; и в то же время Италия отказывается послать войска в Салоники, ограничивается оккупацией Валоны и Дураццо исключительно в своих собственных интересах (из Парижа в Лондон, № 3794 и сл.; из Парижа в Петроград, № 1971). Поль Камбон всецело разделяет точку зрения Бриана (Лондон, № 2729).

Итальянское правительство известило Грея, что оно согласно теперь официально примкнуть к соглашению от 5 сентября 1914 г., по которому союзники обязались не заключать сепаратного мира (Лондон, № 2730).

Сербы вынуждены были оставить Бабунское ущелье. Болгары приближаются к Прилепу и в то же время угрожают также Дибре и Монастырю (Бопш, Призрен, 686. 9. 84).

Четверг, 25 ноября.

Жоффри желает видеть меня перед заседанием совета обороны. Он взволнован и расстроен. Жалуется на окружение Галлиени, в частности на полковника Букабейля, который, по его словам, „желает распорядиться ведением войны“. Я прошу главнокомандующего уточнить свои жалобы. Он рассказывает, что генералу По, посланному в Россию вместе с Думером, было дано распоряжение вести переписку не с главной квартирой, а с правительством. Жоффри жалуется также на то, что предложения генерала Алексева отдали на рассмотрение совета обороны, не выждав ближайшего совещания союзных генеральных штабов, которое должно состояться 5 декабря. Я отвечаю, что По должен просто замешать при русской ставке генерала де Лагиша, который возвратится в Петроград, и что эти персональные изменения не влекут никаких перемен в самой системе. Я указал также на то, что Жоффри будет иметь возможность договориться с французским правительством относительно общего ведения войны еще до совещания союзных генеральных штабов, на котором он будет председательствовать; стало быть, в частности он сможет договориться также о предложениях Алексева. Что касается отношений Жоффри с окружением военного министра, то правительство и я будем отстаивать свободу действий главнокомандующего. Во время этого разго-

вора пришел Бриан; он подтвердил мои заверения. „Хорошо, — сказал Жоффри, — я улажу все это лично с Галлиени. Лучше не выносить эти мелкие трения на заседание совета обороны“.

Однако на заседании совета Жоффри, уж не знаю по поводу чего, опять вспылал, вышел из себя и стал разносить сотрудников военного министра. Он задел также самого Галлиени, но тот сделал вид, что не заметил этого. Галлиени зачитал распоряжения, отданные им генералу По; они нисколько не запрещают последнему вести переписку с главной квартирой. Сошлись на том, что депеши По будут немедленно расшифровываться, как и депеши генерала де Лагипа, и посылаться одновременно в военное министерство, в главную квартиру и в Елисейский дворец. Раздражение Жоффри улеглось.

Что касается предложений Алексеева, то Буржуа, Рибо и Фрейсинэ определенно поддерживают мою точку зрения. Вместе с Брианом они считают, что Жоффри должен столкнуться с советом обороны до конференции 5 декабря. Главнокомандующий охотно соглашается с таким решением.

После заседания Рибо говорит мне: „У Жоффри другое на сердце. По моей просьбе он составил приказ, приглашающий войска подписываться на заем. Этот приказ он послал мне для обнародования. Я из излишнего усердия запросил разрешение военного министерства, но контролер Бонн ответил мне там сухим отказом. Этот укол самолюбия — вот настоящая причина нервничания Жоффри“. Не знаю, прав ли Рибо, но во всяком случае я уверен, что к Жоффри скоро вернутся его спокойствие и хорошее расположение духа — прекрасные качества, всегда отличавшие его.

Минуя эти мелкие инциденты, совет обороны постановляет: 1. Если Сарраиль будет считать целесообразным отвести свои войска, он предупредит сербскую дивизию в Македонии, что она может вместе с ним отойти к Салоникам. 2. Греческое правительство немедленно уведомляется нами о нашем намерении укрепить район Салоник.

Выходя из моего кабинета, Жоффри говорит мне и Бриану, что ему представляется безусловно необходимым сосредоточение в одних руках всего военного руководства как на Ближнем Востоке, так и на нашем фронте. Значит, полковник Пенелон высказывал мне мысль Жоффри. Буржуа и Фрейсинэ одобрили ее. По Бриан не мог еще говорить об этом с Галлиени.

После совета обороны заседал совет министров. Грей дал Полло Камбону довольно пуганые объяснения в том смысле, что не имел в виду сделать Италии какое-либо твердое предложение относительно Албании. Он желал лишь обеспечить снабжение Сербии через Адриатическое море и, видимо, сожалеет, что рискнул и дал обещания, не взвесив их последствий (Лондон, № 2738 и 2739).

Посланники союзных держав в Афинах получили ответ Скулудиса (Афины, № 830, 831 и 832). В нем официально говорится, что греческие войска ни в коем случае не будут пытаться разоружить и интернировать войска союзников и что в своих отношениях к державам Антанты Греция „останется во всем верной политике благожелательного нейтралитета“. Кроме того королевское правительство повторяет свои заверения, что союзникам пойдут навстречу во всем.

что потребуется их войскам как в Салоникском порту, так и на его подъездных путях. Греческое правительство принимает к сведению обещание, данное по собственному почину державами Антанты, восстановить все оккупированные ими во время враждебных действий части греческой территории и уплатить законные возмещения за все причиненные убытки. Впрочем Греция не дала всех тех конкретных гарантий, которых мы требовали от нее, и Гильмен указывает на известные пробелы, возможно оставленные умышленно.

Продолжается отступление сербской армии. Вместе с ней уходит население, причем происходит это в крайне бедственных условиях (Бошп, Призрен, № 69 и сл.). Если, как опасаются, шоссе из Призрена в Дибру отрезано албанцами и болгарами, это будет великим несчастьем для бесчисленных беженцев. Они бежали от нашествия неприятеля в Краљево, Митровицу и Приштин, надеясь найти там надежное убежище; теперь они идут оттуда в Призрен, который однако уже не может дать им ни хлеба, ни пристанища. Вот уже несколько дней Бошп наблюдает бесконечные вереницы беженцев, тянущиеся в этот город вперемешку с ранеными и оставшими солдатами сербской армии, а также с тысячами австрийских военнопленных, которых намерены использовать для ремонта шоссе в Дибру.

Китченер закончил свою поездку на Восток и возвращается завтра вечером в Марсель.

Черногорский король Николай отправляется сегодня или завтра из Цетинье в Скутари навстречу сербским войскам и их главнокомандующему. Очевидно он желает подчеркнуть, что албанский город Скутари находится в зависимости от Черногории. В этом небольшом горном королевстве все больше замечается упадок духа.

В Афинах Гильмен снова беседовал с королем. Константин согласился на свои прежние заявления о нейтралитете, но заявил, что, если мы желаем использовать территорию Греции как базу для военных действий, укрываться на ней в случае неуспеха и выходить из нее по нашему благоусмотрению, он не будет защищать своих границ, отзовет свои войска и не будет препятствовать вступлению наших врагов, которые будут преследовать нас, как им заблагорассудится.

Пятица, 26 ноября.

В Салониках высадка английских войск продолжается медленным темпом. Из 22-й дивизии выгружена только одна батарея; из 26-й дивизии прибыло около 3 тысяч солдат.

В Адриатическом и Средиземном морях с каждым днем увеличивается число немецких подводных лодок; несомненно они были доставлены через Триест и Полу. Два дня тому назад французский пароход „Тафна“ подвергся нападению на высоте Аяччио; 23-го подвергся нападению английский пароход „City of Marseille“ у западных берегов Сардинии.

Пашич и сербский генеральный штаб покинули Призрен и отправляются прямым путем через горы в Скутари. Бошп и представители других союзных держав отправились через Андеевицу и

Подгорицу и вынуждены были большую часть пути проделать пешком (телеграмма, переданная из Цетинье де Ларош Верне, № 380).

Ввиду возражений Сазонова Грей отказался от идеи итальянского протектората над Албанией (Поль Камбон, № 2751).

Перед отъездом с Востока Китченер выработал план относительно Дарданелл и представил его английскому правительству. Этот план сводится к тому, чтобы полностью эвакуировать северную зону Галлипольского полуострова и собрать отозванные войска на островах Имбросе, Тенедосе и Митилене. Впрочем, Китченер не скрывает от английского кабинета, что лишь скрепя сердце идет на эту комбинацию, так как отправка всех свободных подкреплений в Салоники делает невозможным переход в наступление в Дарданеллах, а отклонение плана экспедиции в Александретту не позволяет ему, Китченеру, перерезать дорогу немецкой и турецкой армиям в их предстоящем походе на Египет. Это стало у него настоящею навязчивой идеей (полковник Жиродон, *Мудрос*, О. Т., 162, № 10).

Генерал По уезжает в Россию, где должен встретиться с Думером. Перед отъездом он выражает мне свои опасения, что он вряд ли получит в ставке намного больше сведений, чем это удавалось генералу де Лагаш. При своем последнем посещении России он натолкнулся на недоверчивое отношение, русские словно воды в рот набрали.

Сенатор Жан Дюшюа, редактор „Petit Parisien“, привел ко мне Эмилиану Моро, молодую семнадцатилетнюю девушку родом из Лоос; она осталась там во время немецкой оккупации и, когда Лоос был взят англичанами, спасла английских раненых и застрелила из револьвера двух немцев. Она была награждена военным крестом. Я сказал ей несколько прочувствованных слов и подарил ей на память брошку. Но ею уже завладели репортеры; газеты протрубили о ней, и в рассказе о своих подвигах она проявляет замечательную смесь наивности и рисовки.

Из Лондона прибыл генерал Коллуэлль для совещаний с нашими военными инстанциями по вопросу о защите Салоник. Грей выразил желание, чтобы Галлиени встретился с английским военным министром (Поль Камбон, № 2572).

Немцы энергично проводят реорганизацию турецкой армии. Последняя насчитывает теперь пятьдесят две дивизии вместо сорока и восемнадцать корпусов вместо тринадцати. В Европе у турок три армии: в Дарданеллах — под командой генерала Сандерса, во Фракии — под командой фон дер-Гольтца и в Болгарии (Бухарест, военный атташе военному министерству, № 602).

Принц Александр и сербское правительство отправились третьего дня в Скутари по горным тропам долины Белой Дрины. Генеральный штаб готовится последовать за ними сегодня по тому же пути. Полковник Фурнье собрал в Призрене французские отряды и рассчитывает прийти с ними в Скутари одновременно с генеральным штабом. Сербская армия получила директиву отступить вплоть до берега Адриатического моря. Вся артиллерия и обозы будут разрушены и оставлены. На солдат навьючат оставшиеся патроны и провиант. При таком разгроме и при отсутствии всяких транспортных средств голод неизбежен (Призрен, полковник Фурнье, № 337 и сл.).

В Черногории с каждым днем растет раздражение против русских. Общественное мнение возмущено также бездействием Италии. В Цетинье черногорцы и сербы заявляют, что одна Франция выполнила свой долг союзника и что благодаря ей Англия не дезертировала с Балкан (де Ларош — Верне, № 375).

Но в Сербии настроены менее благоприятно к нам. Поручик летчик Стефанич из нашей эскадрильи в Сербии прилетел в Валону; отсюда он на итальянском корабле приехал в Бриндизи и прибыл затем в Рим, где с ним вчера вечером беседовал наш военный атташе подполковник Франсуа. По словам Стефанича, положение сербской армии безнадежно, отступление через Албанию — трудное и даже опасное дело, войска пали духом и растет недовольство союзниками, в том числе даже Францией (Рим, подполковник Франсуа военному министерству, О. Т., № 300 и сл.).

Ввиду этих печальных известий совет министров решил предложить Сербии наши услуги для восстановления ее армии и снабжения ее провиантом. Бошпу будет предложено остаться при сербском правительстве, где бы оно ни избрало свое местопребывание.

Гильмен и посланники других союзных держав снова были у Скулудиса и вручили ему меморандум, в котором мы требуем в качестве гарантий своей безопасности увода греческих войск из Салоник и окрестностей, свободного распоряжения железными дорогами и пограничными путями, права искать и уничтожать подводные лодки неприятеля и наконец свободы осматривать корабли в территориальных водах. Скулудис по своему обыкновению ответил: „Скажите мне, что это ваше безусловное требование, и я уступлю силе“. Он не желает, чтобы немцы могли сказать, что он по собственному почину облегчает дело союзников (Гильмен, № 839 и сл.).

Совет министров выносит решение уполномочить Гильмена прибегнуть к слову „требование“, но при этом он должен подчеркнуть, что все наши требования вытекают из принципов, которые были вначале добровольно приняты Грецией.

Во время дискуссии Бриан утверждал, что между Грецией и Болгарией не существует никакого соглашения и что возможно, что болгары двинутся на Кавалу. Я думаю, что эта информация дана Бриану греческим принцем Георгем.

Сазонов попрежнему перескакивает от одного решения к другому. Извольский вручил Бриану ноту, в которой Россия на этот раз выражает свое согласие на протекторат Италии над увеличенной Албанией, если Англия и Франция пришли к подобному заключению.

Бриан извещает совет министров, что его агенты в Швейцарии сообщили ему текст торгового соглашения, заключенного в апреле с. г. между Италией и Германией. Об этом соглашении шли слухи уже прежде, но Делькассе отрицал его существование. Бриан утверждает, что оно подписано самим Яговым [62].

При переписке расшифрованного немецкого радио сделана была ошибка, и военное министерство уведомило Саррайля, что одна немец-

кая дивизия направляется на Струмицы. Я указал Галлиени на эту ошибку, которая могла без нужды вызвать тревогу в нашей армии на Балканах. Послана по телеграфу поправка.

Мы предложили черногорскому правительству скромный кредит в 400 тысяч франков и просили также Лондон помочь Черногории в переживаемом ею кризисе.

По всем признакам, предстоит падение Монастыря (от Берн-Лагарда, Монастырь, № 7). Бои идут в двадцати километрах от города.

Дюбо передал мне письмо своего друга генерала Мишле. Последний советует освободить Жоффра от его „северо-восточных очков“ и дать ему более широкое поле зрения на все 360 градусов. Мишле находит, что мы недостаточно считаемся с балканским театром военных действий и не посылаем туда всех необходимых сил. По его мнению, их можно без риска взять из Франции, где мы не прорвем неприятельского фронта ни теперь, ни позже, точно так же как и немцы не прорвут нашего фронта. Он заключает, что мы должны искать решения на Востоке.

По кто руководит ведением войны? По словам Пенелона, Жофффр начинает проявлять нетерпение. Бриану до сих пор не удалось уладить этот деликатный вопрос о высшем командовании. Если Жофффр будет назначен главнокомандующим всех французских сил, он очевидно возьмет себе в помощники Дюбайля для наблюдения за фронтом и двух начальников генерального штаба — генерала Пелле для операций за пределами Франции и другого генерала для армий на наших северо-восточных окраинах. Эта комбинация представляется мне ублюдочной, и Галлиени еще не сказал своего слова.

Саррайль решил отвести все французские войска из Сербии в Грецию. Эта операция уже началась и будет продолжаться систематически (Салоники, О. Т., 300, № 290-3).

Воскресенье, 28 ноября.

Большая и потрясающая демонстрация в Трокадеро в память английской сестры милосердия мисс Кавелль. Немцы приговорили ее к смертной казни за то, что она облегчала побег бельгийских солдат, и немилосердно привели приговор в исполнение. Фердинанд Бюиссон произнес трогательную речь без прикрас, мадам Северин говорила витиевато, но благородно, с замечательной речью выступил Пенлеве.

Ко мне в ложу пришел сербский посланник Веснич. Он говорит, что еще не знает, отойдет ли сербская армия в Дураццо, в Скутари или в Сан-Джованни-ди-Медуа.

Сегодня на северо-западе от Туниса немецкие подводные лодки потопили французский корабль „Амора“ и английский корабль „Страбон“. Наш торговый пароход „Гармония“, привезший в Сан-Джованни-ди-Медуа продовольствие, подвергся в этом порту нападению [австрийской] подводной лодки, затем — австрийских аэропланов. К счастью, они не причинили ему вреда (Цетинье, де Ларош — Верне, № 382).

Отряд подполковника саперных войск Рефруанье, отплывший из Марсели в Санги-Каранта, получил новое назначение. Он высадится

в Дураццо и приведет в исправность Эльбассанскую дорогу (военный министр полковнику Фурнье, главная квартира, № 7629).

Понедельник, 29 ноября.

Китченер прибыл в Париж и посетил меня сегодня утром. Он остается при своем мнении, что самым главным жизненным вопросом является в настоящий момент защита Египта. Защищать же Египет можно либо в самом Египте, либо в заливе Александретты. В январе Александретта подвергнется нападению 200 тысяч турок и одной немецкой дивизии. В городе только 20 тысяч солдат, причем это довольно плохие войска из Индии. Из Галиполи можно будет получить только изнуренные войска, к тому же невысокого качества. В Англии готовы новые дивизии, но Китченер утверждает, что они не могут быть во-время перевезены в Александрию. Поэтому он считает безусловно необходимым взять войска в Салониках. „А если мы будем атакованы неприятелем?“ — „Это невозможно. Немцы могут прийти туда не раньше весны, тогда как в Египет они могут явиться зимой, и, напротив, начиная с апреля жара исключает возможность нападения на Египет“. — „Но если немцы и турки бросят свои силы на Салоники, не боитесь ли вы того, как отразится в Греции и Румынии поражение французских и английских войск?“. — „Этого я не знаю. Это вопрос политики, но с военной точки зрения мы не можем оставаться в Салониках, если желаем защищать Египет. А если мы не защитим Египта, он будет потерян, и мы проиграем войну. Это мнение я буду отстаивать перед английским правительством. Если последнее не разделит его, я не смогу взять на себя ответственность за положение“. Китченер прибавил, что, по его мнению, еще имеется возможность произвести высадку войск в заливе Александретты. Один офицер английского флота недавно был там, сошел на сушу и констатировал отсутствие каких-либо укреплений. Я ответил Китченеру, что передам его соображения правительству и главнокомандующему и что они будут рассмотрены; но я подчеркнул, что английское правительство обещало нам послать 90 тысяч солдат в Салоники и что мы ожидаем их там.

Находящийся теперь в Париже Баррер не думает, что, объявив свое согласие открыто подписать Лондонское соглашение против заключения сепаратного мира, Италия находится теперь накануне объявления войны Германии. Саландра опасается последствий этого шага для своей внутренней политики. Итальянцы боятся, что немцы атакуют их со значительными силами; они желают продолжать войну с наименьшим риском.

Баррер подтвердил мне сообщение, сделанное Брианом в совете министров, а именно, что, перед тем как открыть военные действия против Австрии, Италия подписала соглашение с Германией. Ему признался в этом Соннино. Это соглашение касалось личных и имущественных отношений, и Соннино признался, что оно было заключено в предвидении войны. Баррер считает положение министерства Саландры весьма затруднительным. По его мнению, мы заинтересованы в том, чтобы оно не было свергнуто.

Принял генерала Жилинского, посланного русским императором в нашу главную квартиру, и удержал его у себя на завтрак. Он расхваливал мне прекрасное состояние духа русской армии. Но русские смогут перейти в общее наступление не раньше, как будет урегулирован вопрос об огнестрельном оружии. Россия уже получила 400 тысяч винтовок. Заказанный в Америке материал начнет поступать в значительном размере только в декабре. Русское производство все еще не превышает 65 тысяч винтовок в месяц.

Я еще раз настаиваю перед Брианом на скорейшем разрешении вопроса о передаче командования всеми нашими армиями в одни руки. В самом деле, от Саррайля получена телеграмма относительно защиты Салоник и употребления наших войск на Востоке; она ставит целый ряд вопросов, разрешение которых не может не затрагивать дальнейшего ведения войны. Нужен стало быть один высший начальник. Как ни велики военные достоинства Галлиени, он является членом правительства, разделяет коллективную ответственность кабинета, вынужден постоянно давать объяснения перед парламентом и комиссиями. Если на него будет возложено высшее командование, мы рискуем тем, что с одной стороны, он будет лишен необходимой независимости во всех своих стратегических решениях, с другой стороны, будет связывать своими действиями все правительство.

Я думаю, что в его интересах, а также в интересах правительства лучше не принимать ему на себя этих обязанностей. Я подчеркиваю также, что у него нет аппарата. Можно конечно дать ему превосходного начальника генерального штаба, но у него нет аппарата, сравнимого с аппаратом главной квартиры, а ошибки, совершенные канцеляриями военного министерства до экспедиции в Сербию и после нее, и еще недавно ошибка с немецким радио показывают, в какой мере этот пробел чреват опасностями. Наконец если мы хотим добиться руководства действиями всех союзных армий, то авторитет генерала Жоффра, престиж его у наших союзников будет большим козырем в наших руках. Поэтому, говорю я Бриану, мне представляется необходимым, не теряя времени, уладить этот вопрос с Галлиени. Бриан опять заявил мне, что это также его мнение и что он немедленно приступит к переговорам.

Затем он говорит мне о том Боло, на махинации которого нам недавно указал Беназе и которого я просил взять под наблюдение. Передают, что этот субъект получил от бывшего хедива титул паши; он часто ездит в Швейцарию на совещания с этим отъявленным врагом Англии. По словам Бриана, этого Боло считают другом Кайо.

В Румынии вчера открылась с обычным церемониалом парламентская сессия (Бухарест, № 613). Король прочитал краткое и банальное послание. В нем говорится, что правительство внесет законопроект, чтобы не быть достигнутым врасплох событиями и удовлетворить нужды армии. Чтение неоднократно прерывалось возгласами: „Да здравствует война! Да здравствует король!“ и „Долой Венгрию!“ Когда король удалился, среди депутатов началась драка, и все разошлись в крайнем возбуждении.

Сербы все еще занимают Монастырь (Сарраиль, № 303-3).

Совет министров занялся сначала экономическими вопросами: закушкой английских судов синдикатом французских судостроителей, дороговизной, доставкой в Париж мороженого мяса и т. п.

Фрейсинэ, Буржуа и Рибо, а также я сам считаем, что телеграммы Сарраиля об условиях его отступления выдвигают важные вопросы, касающиеся будущего военного руководства. Все более представляется необходимым назначение главнокомандующего над всеми нашими армиями. Но Бриан говорит мне, что все еще не получил окончательного ответа от Галлиени.

Фрейсинэ, завтракавший вчера в Шантильи, рассказал мне о своем разговоре с Жоффром. Он нашел последнего несколько обозленным против военного министра, который якобы ущемляет его. Фрейсинэ просит меня повидаться с главнокомандующим и успокоить его. Впрочем, Фрейсинэ говорит, что жалобы его мало конкретны и скорее продиктованы общим бессознательным чувством беспокойства. Жоффр желает получить наконец в свои руки командование всеми армиями.

Фрейсинэ, как и я, полагает, что этот вопрос не терпит отлагательства.

Пенелон передал мне записку, составленную в главной квартире и получившую одобрение Жоффра. У держав Антанты стоят под ружьем только 5 460 тысяч солдат против 6 110 тысяч немцев, австрийцев, турок и болгар, а наши резервы весьма уступают резервам неприятеля; поэтому мы должны беречь французскую армию до того времени, когда перейдем к окончательным операциям, и главным образом истощать силы неприятеля с помощью армий союзников, ресурсы которых неисчерпаемы. В Средиземном море мы должны очистить воды от немецких подводных лодок, немедленно отозвать войска с Галлиполи, временно оставить (наши) силы в Салониках, чтобы спасти остатки сербской армии, собрать с помощью итальянских дивизий остальных сербов в Албании, предпринять экспедицию в Александретту, когда будут эвакуированы войска с Дарданелл... И чего еще там нет! У всех фантазия неусышно работает. Но мы нигде не продвигаемся более ни на шаг вперед...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Генеральный план главной квартиры. — Жоффри — генералиссимус. — Разногласия между Китченером и лондонским кабинетом. — Военная конференция союзников в Шантильи. — Переговоры с английским правительством. — Отступление сербов и голод. — Защита Салоник и король Константин. — Сэр Дуглас Хейг — шреетник сэра Джона Френча. — Год кончается в тумане.

Среда, 1 декабря.

Как мне советовал Фрейзинг, я просил Жоффри зайти сегодня перед заседанием совета обороны. Он подтвердил мне, что у него трения с военным министерством, но говорит, что они прекратятся, как только будет решен вопрос о командовании, и опять подчеркнул, что необходимо как можно скорее покончить с нынешним неопределенным положением. Он охотно готов сделать своим помощником Дюбайля или Кастельно, по усмотрению правительства. Я сообщил об этом разговоре Бриану, просил его добиться наконец решения Галлиени и вызвался принять еще сегодня последнего вместе с Брианом. Условившись устроить это совещание сегодня после обеда.

В девять часов заседание совета обороны. В первую очередь выступил Рибо с изложением финансовых вопросов. Он доказывает, что при сильно растущих расходах на войну мы не сможем без новых ресурсов продолжать военные действия далее июня 1916 г., каковы бы ни были результаты подписки на объявленный теперь заем. Поэтому правительство должно по соглашению с главнокомандующим выработать программу артиллерии и не предоставлять парламентским комиссиям почина добавлений и изменений, требуемых подчас под давлением частной промышленности. Принято решение, что Жоффри снесется непосредственно с Альбером Тома и представит в совет министров новую записку, полную и точную; она будет рассмотрена и с изменениями или без оных составит программу правительства, которое будет защищать ее в парламенте против всяких других проектов.

Затем возвращаемся к вопросу о Галлиполи. Военный министр заявляет, что он лично идет еще дальше Китченера и является сторонником полной эвакуации полуострова. Жоффри тоже думает, что нам не удастся долго продержаться на мысе Геллес. Принимается

решение сообщить в Лондон мнение министра и главнокомандующего. Зато после нового продолжительного и основательного рассмотрения вопроса кабинет подтверждает свое решение остаться в Салониках, требовать отправки новых английских войск, довести состав экспедиционного корпуса до 300 тысяч человек и сохранить эту базу для позднейших операций на Балканах; это должно удерживать Грецию в состоянии нейтралитета и склонить Румынию вслушаться в войну на стороне союзников.

Обсуждаем телеграмму Саррайля, в которой он запрашивает директивы относительно условий своего отступления. Удерживать ли ему занятые им передовые позиции или нет? Галлиени полагает, что Саррайль должен отвести все свои войска в Салоники. Жоффр, напротив, того мнения, что он должен удерживать свои позиции на севере. Это небольшое разногласие дает мне повод заметить, что правительству невозможно будет разрешать вопросы этого рода, пока у нас не будет главнокомандующего, ответственного за все операции. Фрейсинэ, Рибо и Буржуа поддерживают мою мысль.

Решено, что Галлиени придет сегодня в мой кабинет вместе с Брианом, чтобы принять окончательное решение.

Тем временем Бриан отправился в военную комиссию сената. Как видно, Клемансо успел обработать ее в пользу эвакуации Салоник. На вопрос, думает ли он, что эта эвакуация может произойти безболезненно, „очень безболезненно, — ответил он, — и, так сказать, под гарантией Германии, так как эта эвакуация предложена нам греческим королем“ [63].

В послеобеденном заседании принимают участие Бриан, Галлиени, Лаказ и Жоффр. Сначала рассматриваются две записки по поводу плана генерала Алексева о комбинированных операциях союзных армий в направлении Будапешта. Записки составлены исследовательским сектором совета обороны и 3-м бюро главной квартиры. Жоффр не считает возможным прокормить на Балканах армию в десять корпусов. Во всяком случае, по его мнению, союзные армии смогут действовать только после того, как соберут сербскую армию. Он думает, что, если мы доведем восточную армию со 150 тысяч до 250 тысяч человек, с английскими и сербскими войсками и с нашими тремя дивизиями, увеличенными дивизией с Галлиполи, у нас будут достаточные силы, чтобы серьезно тревожить неприятеля. Бриан, Галлиени и я тщетно пытаемся склонить Жоффра к более мощному выступлению.

После этой беседы Бриан удерживает Галлиени в моем кабинете и ставит вопрос о командовании. Военный министр, уже зондированный раньше Брианом, поручил предварительное изучение вопроса заведующему секретариатом полковнику Букабейлю. Но этот предварительный проект, хотя составленный весьма добросовестно, кончается заключением о сосредоточении командования в руках военного министра. Бриан говорит, что такое решение вопроса не годится. Оно страдает тем недостатком, что командование и стало быть и военные операции станут предметом обсуждения в парламенте: министр, будучи ответственным перед парламентом, может быть запрошен последним по поводу всех своих действий и не имеет права укло-

няться от запросов. Я высказываюсь тоже в этом смысле. Галлиени не возражает и весьма охотно соглашается с нашим мнением. Он прибавил лишь, что самым лучшим помощником для Жоффра считает Кастельно.

Жоффр конфиденциально сообщил Бриану, Галлиени и мне предложения, которые он намерен сделать на конференции в Шантилья 5 декабря представителям главнокомандующих союзных армий. „Европейская война, — пишет он, — может решиться только на главных театрах военных действий — во Франции и России; прибавим также Италию, чтобы не обидеть нашей союзницы. Ближний Восток (Балканский полуостров, Малая Азия) является лишь второстепенным театром военных действий“.

Во-первых, мы не можем здесь нанести удар противнику в самое сердце, т. е. по его главным армиям и на его территории. Во-вторых, мы не располагаем ни достаточным человеческим материалом, ни необходимыми перевозочными средствами, для того чтобы вести войну вдаль, с большими контингентами, в трудных местных условиях, с морской коммуникационной линией. Да и немцы предприняли свой маневр на Ближнем Востоке только с помощью нового союзника — Болгарии. Что касается нас, то мы могли бы использовать Ближний Восток для крупных наступлений лишь в том случае, если бы нам тоже удалось вывести на арену войны новых союзников — Грецию и Румынию — и если бы мы действовали в контакте с сербской армией до ее поражения. Даже в этом случае мы могли бы добиться важных результатов лишь при том условии, что одновременно с нашими операциями на этом театре военных действий происходило бы выдвижение русских войск в Галицию.

Затем Жоффр ставит вопрос: должны ли в настоящий момент союзники повести совместное наступление в одной только части главных театров военных действий? Он категорически высказывается против плана Алексеева как неосуществимого при нынешнем положении на Балканах. Следовательно надо искать решения с помощью согласованных общих наступлений на русском, англо-французском и итальянском фронтах. Это — самое важное и надо убедить в этом наших союзников. Но „проблема прорыва укрепленных неприятельских позиций во Франции в настоящий момент трудно выполнима ввиду значительных сил, которые неприятель держит против нас или недавно перебросил на наш фронт (110 дивизий, все немецкие). Эту проблему будет легче решить, если мощная атака русских заставит немцев ослабить свой западный фронт. И обратно, если атаки французских и английских войск; проводимые правильно и экономно, свяжут всю совокупность неприятельских сил, находящихся против нас, это развяжет руки восстановленным русским армиям“.

В настоящий момент „немцы могут усилить свои резервы на французском фронте (около 12 дивизий) 10 дивизиями, ставшими отныне ненужными в Сербии. Вместе с теми войсками, которые немцы могут снять со своего русского фронта, это составит 25 — 30 дивизий. Если союзники не будут действовать согласованно, неприятель использует эти дивизии, перебрасывая их по своим внутренним коммуникационным линиям и действуя поочередно то на одном, то на другом

из обоих фронтов. Однако в настоящий момент союзники не в состоянии предпринять тот совместный маневр, который мы считаем необходимым. Поэтому надо, чтобы в делах этого наступления каждый из участников мобилизовал свои средства и увеличил свои ресурсы“.

Обращаясь к Ближнему Востоку, Жоффри в первую очередь рассматривает Балканский полуостров. „Антанта, — говорит он, — явно заинтересована в том, чтобы удержать в Сербии если не немецкие войска, что представляется неосуществимым, то по крайней мере болгарские войска. Это важно для нас с той целью, чтобы затруднить или сделать менее мощной концентрацию войск против Румынии, концентрацию, которая могла бы заставить это государство выступить против России. Кроме того Антанта должна собрать остатки сербской армии и помочь восстановлению этой армии на территории Черногорий и Северной Албании. Этот результат может быть достигнут, если мы оставим наш экспедиционный корпус в Южной Сербии или — на худой конец — в районе Салоник; эта операция сохранит базу на будущее время на случай, если союзные правительства примут решение об отправки новых войск — английских или итальянских. Недопустимо, чтобы сохранение нашей оккупации натолкнулось на открытое сопротивление со стороны союзника. Во всяком случае мы не должны преждевременно принимать решение об эвакуации Салоник... Если бы мы не были в Салониках, кто знает, не капитулировала ли бы сербская армия и не выступила ли бы Греция против нас?“

Относительно Галлиполи записка главной квартиры приходит к заключению о необходимости полной эвакуации этого полуострова. Для Египта она не видит никакой опасности. Экспедицию в Александретту она объявляет невозможной в настоящее время, но не отказывается окончательно от этой идеи. В заключение говорится без оптимизма: „Программа, предлагаемая союзникам, бесспорно страдает тем очень важным недостатком, что оставляет на относительно долгий промежуток времени инициативу операций за неприятелем. Эта отсрочка может позволить нашим врагам добиться преимуществ на Востоке, что поднимет дух их войск и усилит их престиж и влияние в нейтральных странах. Чтобы лишить их этого выгодного положения, союзники должны были бы быть в состоянии атаковать их с большой силой на всех фронтах. Но, как уже указывалось выше, это сейчас неосуществимо, и с нашей стороны было бы грубой ошибкой начать общее наступление, не сделав всех необходимых приготовлений“.

Итак, Жоффри предлагает в настоящее время вести войну на изнурение сил неприятеля, но при этом подчеркивает, что „отныне это должно быть главным образом делом наших союзников: англичан, русских, а также итальянцев“. Главнокомандующий дает следующие детали о том, что было сделано каждым из союзников: Франция выставила 97 дивизий вместе с резервами; в эту цифру вошли войска, охраняющие наши колонии, а также территориальные войска в количестве, равном 37 пехотным дивизиям. Франция с первых месяцев войны держит на фронте 2½ миллиона солдат. Все это по меньшей мере пропорционально тому, что сделано Германией. Англия лишь после длительного срока достигла цифры

в 53 дивизии, которые она в настоящий момент вводит в строй во Франции, в Салониках и в Дарданеллах. Англичане в начале войны содержали только очень ограниченное число воинских частей и поэтому располагают еще значительными ресурсами, отчасти в виде уже сформированных армий, которые еще не покинули Англии. Россия располагает значительными людскими ресурсами. Когда она получит возможность вооружить достаточную часть своих военных контингентов, она сможет пополнить свои 112 дивизий и без труда довести состав своих дивизий на европейском театре военных действий до 16 батальонов. Италия, вступившая в войну позднее, выставила только 36 дивизий, а между тем цифра ее народонаселения равна нашей. Она содержит эти дивизии только в течение полугода. Эта страна обладает богатыми ресурсами, но намерена лишь частично использовать их для новых формирований.

Четверг, 2 декабря.

Итак, вчера вечером Бриан телеграфировал в Лондон (№ 4093, 4094, 4095), что мы не считаем целесообразным эвакуировать Салоники. Мы категорически требуем от наших союзников, чтобы они присоединились к нашей точке зрения. „Мы не считаем возможным, — говорит Бриан (в своей телеграмме), — чтобы ставилось под вопрос соглашение, заключенное генералом Жоффром во время его поездки в Лондон и подтвержденное на конференции союзных министров в Париже; в этом соглашении говорится о немедленной и быстрой отправке 90 тысяч английских солдат в Салоники. Как видно, после поездки лорда Китченера греческий король возымел сомнения и укрепился в своих иллюзиях, что нас удастся побудить эвакуировать Салоники; это предложение отражает лишь желания и волю Германии. В результате мы наталкиваемся теперь на сопротивление со стороны греческого правительства и вынуждены терять время на разговоры и прения, которые имеют лишь целью выиграть время и в конце концов поставить нас в невозможное положение, когда перед нами будет стоять альтернатива: катастрофа или увод наших войск... Ответ Греции неудовлетворителен: в нем много оговорок и неясностей. Необходимо без промедления выступить с новым совместным демаршем и добиться конкретного согласия на требования меморандума, врученного Гильменом Скулудису. Если не последует скорого и удовлетворительного ответа, наш демарш должен быть поддержан морской демонстрацией; все приготовления для нее уже сделаны“.

Не успели мы отправить эту телеграмму, как пришли две телеграммы Поля Камбона (№ 2809 и 2810), в которых сообщалось, что британский совет обороны, выслушав Китченера, высказался вчера утром за эвакуацию Салоник, но с известными оговорками: во-первых, должно быть согласие Франции, во-вторых, греческая армия должна обеспечить достаточную защиту границ и не допустить на территорию Греции немецкие, австрийские и болгарские войска, и наконец, перед Салониками должны быть сооружены сильные оборонительные позиции.

Французский совет министров принимает решение, что Бриан не теряя времени, отправится в Лондон, чтобы поддержать там нашу точку зрения и постараться убедить англичан в ее правильности.

Единогласно признано также необходимым объединить командование французскими армиями и назначить Жоффра генералиссимусом. Но по вопросу о выборе его помощника разгорелись страсти. Бриан и Галлиени предлагают Кастельно; я поддерживаю это предложение. В том же смысле высказываются Буржуа, Рибо, Фрейсинэ и Пенлеве. Но Самба, Гэд и Мальви боятся, что это назначение произведет плохое впечатление на „левую“. Гэд говорит также, что страна подумает, что мы хотели поставить Саррайля под начальство Кастельно. Неужели мы возвратились к склокам мирного времени? В виде компромисса Матэн, Тьерри и Самба предлагают Петэна. В результате, как часто бывает, не принято никакого решения. Бриан пригласит сегодня Жоффра в мой кабинет, и мы предложим ему самому выбрать себе помощника.

В два часа приехал Жоффр, довольный, сияющий. Он говорит, что привез с собой в Париж Кастельно, чтобы беседовать с ним в более спокойной обстановке. Он предложил Кастельно стать его помощником, по крайней мере временно. Кастельно ответил: „Согласен, если только выбор исходит от вас, а не со стороны“. Кастельно переезжает в Шантильи с тремя офицерами своего штаба и займется операциями на всех фронтах Франции.

Дюбайль будет командовать армиями центра. Бельгийская группа и группа в Артуа будут непосредственно связаны с главной квартирой ввиду необходимости ежедневно сноситься с бельгийцами и англичанами. Жоффр говорит, что, если впоследствии мы решим предпринять крупные операции, он, возможно, поручит их Кастельно.

Это пока только временный режим. Но Бриан находит, что мы должны мириться с этим. Он увез Жоффра в министерство иностранных дел, чтобы прочитать ему лондонские телеграммы, и просил меня вызвать Галлиени и сообщить ему про выбор, сделанный Жоффром. Итак, я извещаю об этом военного министра. Он одобрил выбор и пришлет мне на подпись декрет о назначении Жоффра главнокомандующим всеми армиями. Министр настаивает на том, чтобы мы возможно скорее добились от генералиссимуса удаления некоторых „младотурок“ из его окружения.

Возвратившийся из России генерал д'Амаде рассказывает мне, что вынес оттуда прекрасное впечатление. Он думает, что русские будут в состоянии перейти в марте в генеральное наступление. Идею предварительного наступления в Галиции он не считает особенно удачной.

В конце дня полковник Букабейль привез мне на подпись два декрета: один — об учреждении должности главнокомандующего всеми армиями, другой — о назначении на этот пост Жоффра.

Тогда как мы принимаем эти важные решения, в палате и сенате циркулируют нелепые слухи, естественный продукт всеобщего недовольства. Добряки в сенате поверили злой шутке Клемансо, что по моему настоянию правительство награждает меня военным крестом. Мне пишет об этом мой друг Гродидье, сенатор от департамента Мааса. В палате несколько депутатов, информированные из других

ядовитых источников, утверждали, что перед отъездом правительства в Бордо я просил Майрона Т. Геррика взять на себя посредничество в переговорах о перемирии с немецкой армией. Неужели война, порожающая героизм, в то же время порождает подлость и глупость?

Италия подписала Лондонское соглашение, по которому союзники обязываются заключить мир только совместно. Это уже значительный шаг вперед, но это все еще не действительный разрыв с Германией.

Сформированная в Бессарабии VII русская армия перейдет в наступление против австрийцев, чтобы разгрузить балканский фронт и облегчить положение сербской армии.

Пятница, 3 декабря.

Совет национальной обороны постановил обратить внимание Англии на ответственность перед Россией и Румынией, которая ляжет на Англию и Францию, если мы уйдем с Балкан.

Бриан принес ноту, врученную ему греческим посланником в Париже Романосом. В ней от имени Скулудиса предлагается нам очень тонкая комбинация: мы оставляем Салоники под защитой греков и даем обещание не возвращаться в этот город. Другими словами, греческий король предлагает нам бежать для спасения наших войск. Чтобы заставить нас пойти на это унижение, он утверждает в своей ноте, что нашей армии, очутившейся в тушке в Салониках, придется иметь дело с армией неприятеля в 530 тысяч человек, не считая турок. Он присовокупляет, что сербская армия сократилась до 40 тысяч человек. Все это блеф немцев. Совет обороны отвергает это удивительное предложение. Жоффри еще раз утверждает, что не представляет трудностей защищать Салоники на фронте в сорок пять километров, опираясь на линию гор.

Однако адмирала Лаказа беспокоят греческие батареи, господствующие над Салоникской гаванью. Совет обороны постановляет срочно просить английское правительство присоединиться к нам в требовании удалить эти батареи и заявить грекам, что мы рассматриваем эту угрозу как враждебный акт и что, если она не отпадет, мы возьмем в качестве залога один из греческих островов.

После заседания Рибо остался наедине со мною. Он не надеется получить от займа многим более десяти миллиардов. Положение кабинета в палате представляется ему не блестящим. Клемансо сказал ему: „Устройте, чтобы меня назначили председателем совета министров, и я добьюсь прорыва немецкого фронта, даже если бы пришлось пожертвовать для этого 500 тысячами человек“.

Тем временем Тигр повторяет сегодня за своей подписью в „L'Homme enchaîné“ аляповатую клевету, о которой мне сообщил Гродидье. Он утверждает, что Клемантель предложил в совете министров наградить меня военным крестом, и нападает на меня и министров за то, что мы занимаемся подобными вопросами в то время, когда наши солдаты умирают на фронте. Я написал ему, что он опять стал жертвой мистификации: „Никто никогда не выражал в моем присутствии нелепой идеи наградить меня военным крестом, и прошу вас верить, что, если бы я услышал столь дикое предложение, я возмутился бы им еще раньше Вас. Ваша патриотическая

тревога не дает вам права предполагать во мне менее горячего патриота, чем вы, предполагать, что я способен в это тяжелое время думать о чем-либо другом кроме спасения родины“.

Бошп прибыл в Скутари к сербскому правительству. Большая часть войск пробивается в этот район. Один отряд отправлен в Дибру для подкрепления частей, держащихся в окрестностях Монастыря. Пашич требует провианта и фуража (Скутари, № 91 и сл.).

Английский военный комитет снова готов был оставить Салоники. Китченер заявил, что не желает брать на себя ответственности за катастрофу и уйдет в отставку, если не будет принято решение об эвакуации (наш военный атташе из Лондона, № 234; Поль Камбон, № 2829).

Ввиду этого разногласия Бриан уезжает завтра утром в Кале на свидание с английскими министрами.

Суббота, 4 декабря.

Клемантель и все члены кабинета опеломлены басней, рассказываемой Клемансо. Я сообщил им содержание своего письма к Тигру. Кроме того решили, что Клемантель обратится к нему с вежливым, но категорическим опровержением.

За отсутствием Бриана, Галлиени и Лаказа, которые отправились с Жоффром в Кале, я по просьбе Бриана зачитываю в совете министров поступившие из-за границы телеграммы. Министры возмущены отступничеством англичан. Возвратившийся из Греции Дени Кошен называет его изменой.

Я сообщаю решения, принятые Жоффром относительно своего штаба и групп армий. Наиболее радикальные министры, и особенно Марсель Самба, не в восторге от назначения Кастельно. Буржуа, Фрейсинэ и Вивиани недовольны упразднением одной из трех армий. Режим децентрализации дал хорошие результаты, и общественное мнение не поймет, почему мы отказываемся от него. По мнению этих министров и некоторых других членов кабинета, лучше было бы сохранить III армию и поручить командование ею какому-нибудь генералу. Названо было имя Петэна. Но, естественно, мы не желали принимать никакого решения в отсутствие Бриана и Галлиени.

Дени Кошен рассказывал мне вчера о своей поездке в Грецию и сообщает те же факты совету министров. Он подчеркивает оказанный ему горячий прием; дома были убраны флагами, на улице Сладе собралась восторженная толпа, принято было решение почтить гостя титулом афинского гражданина. Несомненно отношение к нам народа более благоприятно, чем отношение короля. Кошен даже думает, что, не будь Китченера, Константин вынужден был бы следовать чувствам своих подданных. Конечно Кошен ошибается; но нельзя отрицать, что слова Китченера повлияли на поведение короля. В разговоре с Дени Кошеном Константин отозвался об английском фельдмаршале: „Это милейший человек. Он мне очень нравится“. — „Я хотел бы знать, — заметил Кошен, — что надо сделать для того, чтобы заслужить столь любезное суждение вашего величества“. — „Чтож! Фельдмаршал великолепно понимает положение. Он сказал мне: „Англия сражается против немцев и австрийцев. Я считаю потерянной

каждую пулю, выпущенную не в немца или австрийца". Кошени показалось, что королева не очень уверена в благоприятном исходе войны для Германии. Она говорит о бессельной резне и возлагает всю ответственность за нее на короля Эдуарда VII, который, по ее мнению, подготовил европейский пожар только из чувства соперничества. Королева спросила у Кошени, есть ли у него дети. „Да, один сын недавно убит на фронте. У меня есть также дочь, монахиня". — „Я не люблю этого. Это противно природе“.

Кошен определенно заявляет, что нам нечего опасаться со стороны греков в Салониках. Солдаты встречали его с энтузиазмом. Нельзя заставить их выступить против нас. Тем не менее министр того мнения, что мы должны уйти из Салоник, так как нам нечего больше делать на Балканах. Совет министров был удивлен этим выводом и далек от того, чтобы присоединиться к нему.

В конце дня Шенелон сообщил мне от имени Жоффра, что последний сам отказался от мысли образовать из трех групп армий две. Командование группой центра временно перейдет к генералу де Лангель де Кари.

Монастырь занят австрийцами и болгарами. Нельзя представить себе всех тех противоречивых и чаще всего фантастических известий, которые поступают к нам из Афин и Бухареста. В этом хаосе не легко раскрыть истину.

Король черногорский Николай все еще надеется дать отпор врагу, если мы пошлем ему продовольствие (де Ларош — Верне, № 391). Находящиеся в Цетинье посланники Англии, Франции, Италии и России предупреждают свои правительства о безотлагательной необходимости послать продукты в это небольшое королевство, наводненное беженцами и сербскими войсками (от того же, № 393).

Воскресенье, 5 декабря.

Перед заседанием совета министров, созванным Вивиани на девять часов, Бриан докладывает мне о свидании в Кале. Потом он повторил те же сообщения на заседании. От англичан присутствовали Асквит, Бальфур, Китченер и начальник генерального штаба генерал Мэрри; от французов — Бриан, Галлиени, Лаказ, Жоффр и де Маржери, который составил краткое резюме прений. Англичане приехали с намерением добиться нашего согласия на немедленный вывод их войск из Салоник. Бриану пришлось энергично напомнить им их обещания и объявить недопустимым обособленный уход британских дивизий. Китченер в такой мере упорствовал на этом отступлении, что Асквит и Бальфур потратили целый час на отдельное совещание с ним. В конце концов англичане согласились, что их войска не уйдут теперь и вообще не уйдут без нас. Однако Бриану не удалось убедить их сохранить Салоники в качестве базы. Он наткнулся на бесповоротное решение Китченера, который бросил на чашу весов свой портфель. Ллойд-Джордж, не являющийся сторонником эвакуации, не приехал в Кале: у него „дипломатическая“ болезнь. Грей, который ясно видит дипломатические опасности эвакуации, тоже не приехал.

Китченер отказался просмотреть записку Жоффра о защите Египта. „Знаю, знаю, эта записка написана в оптимистическом духе; мне нечего читать ее“. После дискуссии, продолжавшейся несколько часов, Асквит составил ноту, допускающую различное толкование; Маржерид на лету просмотрел ее; окончательный текст еще будет прислан нам. Англичане заявляют в ноте, что выслушали со вниманием доводы Бриана, по существу стремятся поддерживать союз с нами, но не могут теперь же решить вопрос о будущих операциях. Но, говорится в ноте далее, англичане вынуждены сообразоваться с точкой зрения своего генерального штаба, который не считает возможным оставаться в Салониках с 150 тысячами человек. Поэтому английское правительство полагает, что необходимо безотлагательно принять меры для подготовки эвакуации. Затем имеется двусмысленно составленная фраза: надо заявить Греции, что мы будем продолжать занимать Салоники, а также пункты, необходимые для безопасности наших войск. Перечитывая текст, ясно видишь однако, что эта оккупация носит временный характер и должна лишь предшествовать эвакуации. Совет министров поражен и ошеломлен. Марсель Самба и Альбер Тома категорически требуют, чтобы мы не соглашались на такое фиаско. По их мнению, мы должны ответить английскому правительству, что во всяком случае останемся в Салониках; они думают, что твердое заявление в этом духе образумит английское правительство. Напротив, Бриан того мнения, что оно все испортит.

По мнению Фрейсинэ, мы не можем остаться в Салониках без англичан. Он настаивает на уходе, приводит тонкие и убедительные доводы. Галлиени поддерживает его точку зрения. Сторонники экспедиции, Рибо и Мелин, примиряются с неизбежным и считают, что мы должны отказаться от нее ввиду отпадения помощи англичан. Кошен благодарит председателя совета министров за сделанное им для выяснения ответственности Великобритании и освобождения нас от ответственности перед историей. „Но мы теперь не пишем историю, — отчеканивает Самба, — мы делаем ее“.

Думерг выражает опасение, что французское общественное мнение поймет, что виновниками эвакуации являются англичане, и возмутится против них, от чего может серьезно пострадать наш союз. Надо, замечает он, предупредить английское правительство об этой опасности.

Я высказал мысль, что, прежде чем подчиниться воле англичан, нам следует обратиться к России с просьбой воздействовать вместе с нами на Лондон. Леон Буржуа энергично поддержал мое предложение. В конце концов единогласно было принято следующее решение — за него были также Фрейсинэ и Галлиени: в Лондоне будет предпринят новый демарш, и мы потребуем вмешательства России.

Во второй половине дня в Трокадеро состоялось общее собрание Туринг-клуба. Я явился туда вместе с Дюбо и Дешанелем и пробыл там короткое время. Старый республиканец и патриот Дюбо взбешен поведением английского правительства и твердит: „Мы должны во что бы то ни стало остаться в Салониках, во что бы то ни стало!“. Дешанель сегодня мрачнее обыкновенного, он не высказал никакого мнения.

Совет министров долго обсуждает протокол совещания в Кале. Министры находят этот текст двусмысленным; при чтении получается впечатление, что Франция дала вынужденное согласие на английский проект эвакуации.

Пешелон в большом волнении. Кастельно сообщил бывшему военному министру Этьенну, что Жоффри запрещает ему привести с собой в главную квартиру своих сотрудников. В действительности же такого запрета вовсе не было, и Жоффри, рассердившись, что ему могли приписать его, заявил, что не желает иметь Кастельно своим помощником. Я вызвал Этьенна, чтобы узнать, в чем дело. Из его слов следует, что вся эта история от начала до конца выдумана одним „младотурком“, который боится прихода Кастельно и из зависти или по злобе затеял всю эту бучу. Кастельно ни на кого и ни на что не жаловался. Он заявил, что готов служить везде, где потребуется.

Клемансо послал к Клемантелю своего личного секретаря, некоего Манделя. Это невзрачный еврей, умный, вкрадчивый и таинственный.

„Клемансо, — сказал он министру, — получил ваше письмо одновременно с письмом одной высокой особы. Письмо этой последней он не намерен использовать, а ваше письмо он опубликует через три дня, когда возвратится в Париж лицо, рассказавшее про этот инцидент, и будет вызван свидетель“. Мандель не назвал ни это лицо, ни этого мнимого свидетеля. Ходят слухи, правильные или неправильные, что сам Мандель является у Клемансо поставщиком сплетен, направленных против меня и правительства.

Случилось то, чего можно было ожидать, судя по протоколу совещания в Кале. Как телеграфирует Поль Камбон, офицеры морского и военного министерства, сопровождавшие своих министров в Кале и вернувшиеся вчера утром в Лондон, говорят, что военные и морские инстанции обеих сторон пришли к соглашению относительно эвакуации Салоник. „Не исключена возможность, — пишет наш посол, — что этот случай получит распространение“ (№ 2857).

Полковник Фурнье телеграфирует из Скутари, что сербская армия нуждается в полной реорганизации, так как ей пришлось бросить всю свою артиллерию и перевозочные средства за исключением горных батарей. Он считает более целесообразным перевезти остатки армии морем и реорганизовать их на одном из островов Эгейского моря или в Салониках (О. Т., 2558, № 350 и сл.).

Саррайль без затруднений отвел наши войска, занимавшие Черну, Кривопац и окрестности. Наша 57-я дивизия приведена в готовность защищать мостовое прикрытие на север от Миробек-Капу; 150-я дивизия возводит другое подобное укрепление на высоте Градеца. Хотя Монастырь занят смешанными австрийскими и болгарскими патрулями, линия железной дороги не перерезана, вокзал еще находится в руках греков (№ 46—329—3).

Семь австрийских военных судов в течение нескольких часов бомбардировали Сан-Джованни-ди-Медуа и потопили пароходы и парусники, везшие продовольствие сербам (Скутари, Беген Билькок, № 174; Бошп, № 105).

Реорганизация высшего командования вызвала в парламенте бурю в стакане воды. На заседании совета министров некоторые министры говорят, что среди „левой“ растет оппозиция против Кастельно. Комб и Буржуа храбро выступают в защиту генерала. Совет министров просит Бриана еще раз подчеркнуть Жоффру, что ему предоставляется полная свобода выбирать, не слушаясь ничьих влияний.

Галлиени пишет мне, что у него был этой ночью сильный припадок болотной лихорадки. Он извиняется, что не может присутствовать на заседании совета министров.

Офицеры связи доставили мне протокол военной конференции, состоявшейся вчера в Шантильи. Присутствовали: от Англии — фельд-маршал Френч, генерал-лейтенант Мэррей, начальник генерального штаба Робертсон и генерал-лейтенант Вильсон; от России — генералы Жилинский и Игнатьев; начальник итальянского генерального штаба генерал Порро и полковник Альбриччи; начальник бельгийского генерального штаба генерал Вилеманс; сербский военный атташе полковник Стефанович; от Франции — генерал Жоффр, начальник генерального штаба генерал Пелле, глава французской военной миссии при британской армии генерал Хюге, подполковник Бильот и капитан Дюмейру.

Генерал Пелле огласил французскую ноту от 5 декабря. Тотчас же Френч заметил, что предлагаемый план военных действий должен быть представлен на рассмотрение английского правительства.

После дискуссии генералы Жоффр, Жилинский и Порро пришли к соглашению по следующим двум пунктам: 1. На каждом фронте союзники должны быть готовы остановить все неприятельские атаки собственными средствами. 2. В случае наступления против одной из держав Антанты все остальные союзники оказывают ей помощь в пределах возможности.

Френч присоединился к этим заключениям, но подчеркнул, что положение Англии как мировой державы заставляет ее правительство использовать свои войска таким образом, что в результате получится постоянная флуктуация британских контингентов во Франции.

Генерал Мэррей изложил соображения, заставляющие Англию эвакуировать Салоники. Однако на конкретный вопрос Жоффра он признал, что защита этого района может быть обеспечена с помощью 150-тысячного экспедиционного корпуса, расположенного на небольшом пространстве, на дуге окружности между Вардаром и Орфанским заливом. Он признал также, что во всяком случае необходимо укрепить Салоники. Тем не менее Френч и Мэррей настаивают на эвакуации.

Генерал Жилинский высказался против эвакуации, точно так же и генерал Порро; впрочем, ни у того, ни у другого нет в Салониках ни одного солдата. Полковник Стефанович объявил, что, если сербская армия будет оставлена, она окончательно погибнет, но если она будет восстановлена с помощью союзников, она вскоре будет в состоянии перейти в наступление.

Сегодня в Шантильи продолжался обмен мнений. Достигнуто соглашение по следующим вопросам: необходимо действовать с макси-

мальными силами на главных театрах военных действий — во Франции, России и Италии, искать на них решения войны, проводить здесь генеральные и согласованные наступления, как только армии будут готовы к этому и климатические условия станут благоприятны, и всячески стараться довести неприятеля до максимального изнурения.

Признана необходимой немедленная и полная эвакуация Галлиполи. Относительно Салоник каждый остался при том мнении, которое защищал вчера. По требованию англичан, обсуждали средства защиты Египта. Кажется, англичане намерены использовать для защиты его дивизии, взятые с Галлиполи, в том числе и наших сенегальцев.

Пенлеве рассказал мне про свой разговор с Клемансо после второго дня последнего сражения в Шампани. В упоении своего патриотизма Тигр был в великом восторге и безусловно верил в немедленную победу. „Мы вступим в Вузье, затем отбросим немцев на Маас“. — „Увы! На фронте мне говорили другое. Не знаю, не лучше ли было бы приостановить наступление и начать новую подготовку для атаки на вторую линию неприятеля“. — „Нет, нет. Надо идти прямо на Эну и Маас. Если мы не будем иметь успеха в Шампани, мы по крайней мере возьмем Лан и Лилль“. — „Я не смею надеяться на это“. — „Тогда скажите прямо, что нам не остается ничего другого, как стать на колени перед Германией“. Не прав ли я был, когда отказывался давеча поставить во главе правительства человека с таким импульсивным характером? Во всяком случае для подобного хода еще не настало время.

Мне сделал визит генерал Порро. Завтра он возвращается в Шантильи. Он подтвердил мне то, что мне уже сообщили о конференции офицеры связи. Завтра будут обсуждаться война в колониях и создание центрального органа.

Англичане деятельно готовятся к защите Египта. Начаты работы на восток от Суэцкого канала. Проводится вторая железнодорожная колея из Загазига в Измаилию. Комплекуются полки и эскадроны, вывезенные из Дарданелл, их пополняют в Александрии, Дабе и лагере Пирамид. В Каире сосредоточено 20 тысяч австралийских солдат; 10 тысяч должны прибыть через месяц (Каир, лейтенант де Сен-Каптан в военное министерство, № 149, 218 и 220). Лорд Китченер намерен послать в Египет три дивизии; из них две будут взяты с французского фронта (военный атташе в Лондоне, № 248). Но кто знает, не предпримут ли завтра немцы на нашей территории то наступление, которое по данным контрразведки предвидится на Ниле?

Как видно, англичане в настоящий момент охвачены паникой. Генерал Магон телеграфировал из Салоник в английское военное министерство, что болгары сосредоточили четыре дивизии против района Дойрана и готовят генеральную атаку на Гондову, Чепели и Костюрино. Одновременно немцы двинутся из Демир-Капу на Гондову, чтобы смять наши войска (военный атташе в Лондоне, № 249). Саррайль не извещает нас ни о чем подобном, и поэтому надо думать, что генерал Магон испугался собственной тени. Вчера еще наши войска держались на Вардаре, 122-я дивизия занимала Кавадар, 57-я — Бангу, 156-я — Струмицу. Перед нами стоят одни болгары.

Сербы просят нас послать в Дураццо корабль, чтобы забрать 700 пленных австрийских офицеров и отвезти их во Францию. Мы отдали соответствующие распоряжения (морское министерство своему атташе в Риме, 6 декабря).

Среда, 8 декабря.

Депутат от города Парижа Галли, горячий патриот, сообщает мне, что некоторые мелкие газеты ведут пацифистскую кампанию, которая проникла и в кулуары палаты. Я призываю его соединиться с храбрыми и благонамеренными людьми для борьбы против всякой расслабляющей пропаганды. Мы сошлись на следующих именах: несколько депутатов, затем Морис Баррес, Барту, Оганьер (написавший сегодня прекрасную статью в „Journal“), а также профессора вроде Эрнста Лависса.

Но Будано говорит мне, что и в сенате состояние умов оставляет теперь желать лучшего. Там имеется смутное чувство недовольства, проявляющееся во всякого рода напаках на правительство и президента республики. Меня то обвиняют в личном режиме, то порицают за недостаток активности. Однажды сам Анри Шерон в докладе о законопроекте Дальбье писал, что президент должен лично наблюдать за исполнением законов. Каким образом? Через каких агентов? Под чьей ответственностью? Вчера другие парламентские деятели жаловались, что я якобы вмешиваюсь в свободную компетенцию министров. Когда в 1913 г. Стефан Пишон, будучи министром иностранных дел, счел нужным сказать, что он вел переговоры „под высоким руководством президента республики“, Клемансо вскричал: „Руководство президента? Что за ересь! Это реакция, дезаризм, чорт знает что такое!“ В тот раз Клемансо не был совсем неправ. „Безусловная независимость министров, — утверждал Ферри относительно конституции 16 мая, — вытекает из их ответственности“. Но теперь на меня в течение одного и того же дня взваливают одно за другим противоположные обвинения. Нужды нет! Пусть говорят, что хотят; я буду продолжать выполнять свой долг.

Четверг, 9 декабря.

Сегодня Клемансо пишет о „сумасбродстве двойной и тройной дипломатии, которую каждое событие застаёт врасплох“. В конце статьи помещено в виде пост-скриптума опровержение Клемантеля. Клемансо намекает, что нет дыма без огня, однако не настаивает на своей басне. Он отыгрывается, высмеивая „маскарад с каской президента“, т. е. мою поездку на фронт, когда Кастельно настоял на том, чтобы я и мои спутники надели головной убор ординарцев. Клемансо конечно убежден, что я хотел выдать себя за капитана альпийских стрелков.

Заседание палаты прошло неважно. Э. Констан внес запрос о командовании. Бриан потребовал отсрочки. Протесты, нервность, недовольство. Председателю совета министров пришлось настаивать и требовать свободы действия для правительства. Он добился большинства четырехсот голосов против девятидесяти восьми, но сам телефонировал мне, что не очень удовлетворен ситуацией, а Пенлеве,

с которым я встретился в конце дня, подтвердил, что впечатление осталось неблагоприятное.

Поехал в особняк Школьной лиги на улице Рекамье, где вручил почетную медаль мэру города Реймса Лангле, отличившемуся своим храбрым поведением за многие дни и ночи бомбардировки. Председатель лиги депутат Дессуа, Леон Буржуа, Пенлеве и я произнесли краткие речи в честь мэра; он взволнованно благодарил нас.

Заведующий протокольной частью Вильям Мартэн, обычно приносящий мне телеграммы министерства иностранных дел, сообщает мне, что Поль Камбон получил из надежного источника известие, что в некоторых лагерях для военнопленных немцы разрешают раздавать только одну французскую газету: „L'Homme enchaîné“. Как видно, они рассчитывают таким образом смутить умы наших несчастных солдат. Если бы Клемансо узнал об этом, он расплакался бы. Но если скажу ему это я или если я передам ему это через других, он не поверит.

Греческий министр иностранных дел утверждает, что, по его сведениям, в Монастырь одновременно вступили один немецкий и один болгарский полки (Гильмен, № 930).

Отвод наших войск происходит теперь в менее удовлетворительных условиях. Англичане дрогнули на нашем правом фланге и обнажили наш фронт на своем левом фланге. Завтра мы будем на границе Греции. Немецкое радио извещает о взятии десяти английских орудий. Китченер, знавший уже вчера часть этих известий, приехал в Париж сговориться с французским правительством о необходимых мерах.

Итальянское правительство не считает возможным взять на себя снабжение сербской армии продовольствием через Дураццо и даже через Сан-Джованни-ди-Медуа. Оно заявляет, что в настоящий момент австрийский флот со своими подводными лодками и миноносками, своими опорными базами и береговой линией господствует на Адриатическом море, так что даже транспорт итальянских войск подвергается большой опасности. „Мы не можем создать королевским декретом миноноски и подводные лодки“, — сказал Соннино Барреру (Рим, № 994).

Правительство Пашича решительно требует, чтобы мы погрузили казну сербского государственного банка на один из наших кораблей и отвезли во Францию (Бопп, № 118).

Палеолог показал русскому императору копии телеграмм, в которых Бриан настаивает на оставлении нашего экспедиционного корпуса в Салониках. Николай II лично телеграфировал английскому королю и поддержал точку зрения французского правительства (Петроград, № 1487). Но что может сделать король Георг помимо своего правительства? Он сам признался мне: ничего или почти ничего.

Пятница, 10 декабря.

Китченер и Грей приехали в Париж и вчера пришли к соглашению с Брианом, Галиени и Жоффром о настоятельной необходи-

мости защищать Салоники. Не создавая прецедента на будущее, англичане пока что подчинились очевидности.

Они завтракают сегодня в Елисейском дворце вместе со всеми французскими министрами. Я нашел Грея таким же, каким я его знал в 1913 и 1914 гг. в Лондоне и Париже, а затем при нашей последней встрече месяц тому назад; это очень честная и лоййальная натура. Китченера я нашел таким, каким я видел его на этих днях: выдающийся военный, благородный характер, стальная воля. По он явно загнипотизирован мыслью о Египте. Впрочем, как и Грей, он рад, что достигнуто временное соглашение.

Жоффри еще не сообщил Галлиени своего окончательного выбора для замещения поста начальника генерального штаба.

Принимал сегодня своего прекрасного и дорогого предшественника Эмиля Лубэ. Он говорил мне главным образом о Бегуде и Дроме, излюбленных им уголках Франции. Серьезных тем он коснулся только для того, чтобы в суровых выражениях высказать порицание Клемансо; последний, по его словам, пытается сбить с толку общественное мнение; Лубэ еще раз квалифицирует его как общественного вредителя.

Вивиани сообщает мне, что палата, несмотря на его сопротивление, единогласно отменила сегодня военно-полевые суды, установленные декретом 2 сентября 1914 г., — декрет этот был потом утвержден парламентом. Министр юстиции очень обеспокоен политическим положением. Придется проявить выдержку.

Бошп не думает, что для реорганизации сербских войск их можно было увезти из Черногории и Албании в другое место. Сербские солдаты с неслыханными усилиями добрались до Скутари. В течение двух месяцев они вели беспрестанные бои, претерпевая неопишемые лишения. Но Черногория, Скутари, Дураццо, Тирана знакомы сербскому солдату, он не чувствует себя здесь чужим. Как только он почувствует себя на чужбине, он потеряет всякую надежду (радио из Подгорицы, № 123). Однако полковник Фурнье держится того мнения, что сербская армия, будучи реорганизована в Албании, не сможет выйти оттуда за отсутствием удобных дорог (Скутари, через Бизерту, № 360 и сл.).

Саррайль удерживает теперь все свои позиции от Костюринской дороги до Градека. У последнего мы, кажется, дрогнули, но борьба продолжается (Салоники, № 37673).

Агентству Вольфа телеграфируют из Софии, что взятие Монастыря вызывает в болгарской столице неопишемый энтузиазм. Учащаяся молодежь устроила демонстрацию перед германским посольством. Немецкий посланник обратился к детям с речью, в которой заявил, что победа Болгарии празднуется немецкой молодежью и всем немецким народом как собственная победа (Аллизе, Таага, № 1274).

Суббота, 11 декабря.

На заседании совета министров Жоффри сообщил Бриану по телефону, что он окончательно остановил свой выбор на Кастанельно и делает последнего „начальником генерального штаба“. Согласно декретам

о больших частях и полевой службе может идти речь только об этом титуле. Жоффри оставляет генерала Пелле начальником генерального штаба для операций на Ближнем Востоке и генерала Жанена для операций на наших северо-восточных границах. Главное командование северо-восточными армиями Жоффри сохраняет за собой лично. Галлиени возражает, что наименование „начальник генерального штаба“ для генералов Пелле и Жанена не соответствует уставу. Жоффри будет извещен об этом.

Я принял полковника Бордо, приехавшего из Салоник. Он считает более целесообразным, чтобы армия Саррайля оставалась на ее нынешних позициях и не отходила к берегу. Но даже на подступах к Салоникам, по его мнению, вполне достаточно 150 тысяч человек для организации защиты.

Морской атташе при русском посольстве штабс-капитан Дмитриев, сопровождавший меня во время моей прошлой годней поездки в Санкт-Петербург, представил мне русскую миссию, возглавляемую адмиралом Русиным и состоящую из офицеров армии и флота. Адмирал хладнокровно рассказывает мне о том, что ружья и орудия большого калибра будут у русских к концу будущего года. Весной у русской армии еще будет ощущаться недостаток патронов и тяжелой артиллерии. Впрочем точных цифр невозможно добиться.

Посланники союзных держав явились вчера к Скулудису и потребовали у него полной свободы для французских и английских генералов отвести свои войска на греческую территорию и построить укрепленные оборонительные позиции. Король решил удалить из Салоник 5-й греческий корпус и направить его на восточную границу (Афины, № 943).

Известие, что 5 декабря в Монастырь вместе с болгарями вступил немецкий полк, оказывается неверным; в город въехало только около сотни улан. Итак, Монастырь и весь район его заняты не немцами, как надеялись греки, а болгарями; оккупация носит чисто болгарский характер (Афины, № 942).

Третьего дня состоялось свидание Саррайля с делегатами начальника греческого генерального штаба. Оно не дало никаких результатов. Делегаты объявили, что вынуждены доложить об этом своему правительству. В качестве гарантии они давали нам только честное слово короля. Предложения их сводились к тому, чтобы мы посадили свои войска на корабли под охраной греческой армии. В противном случае нам угрожали тем, что греческие войска удалятся и предоставят болгарам полную возможность следовать за нами. Саррайль ответил, что он вполне доверяет честному слову короля, но что мы никак не можем уйти из Салоник, что мы вынуждены укрепиться и обеспечить свою безопасность и что для этой цели мы должны немедленно разрушить мосты через Вардар и приостановить снабжение греческой армии (адмирал Патри морскому министерству из Салоник, № 670).

Наши войска продолжают отходить на оба берега Вардара, к югу от притока Боюнии. Саррайль подготавливает эвакуацию Гевгели и отступит затем по направлению к Салоникам.

В немецком радио мы находим отзвуки торжествующей речи,

произнесенной третьего дня в рейхстаге канцлером. Он дал обзор военного, дипломатического и экономического положения. Превозносил до небес болгарского царя, обвинял Антанту в насилиях по отношению к Греции, возвестил, что окончательно построен прочный мост между центральными империями, Балканами и Ближним Востоком. После заключения мира этот мост будет служить не для военных целей, а для распространения культуры. Итак, Германия убеждена теперь, что достигла своих целей на Балканах.

Итальянское правительство заканчивает перевозку своих войск к Валону. Оно заявляет, что по окончании высадки войск приступит к снабжению провiantом сербской армии. Соннино обещал это Барреру (Рим, № 1006).

Однако в то же время Пашич предупреждает Боппа о тех непреодолимых трудностях, которые должно вызвать длительное продовольствование сербской армии в Албании. Пашич требует, чтобы, как только войска будут спасены от голода, они были бы перевезены в Салоники через Сан-Джованни-ди-Медуа. По его подсчету, придется перевезти около 100 тысяч человек (Скутари, № 131 и 132).

Воскресенье, 12 декабря.

Известие из „секретного и надежного источника“, сиречь через „зеленых“: посланник Италии в Бухаресте Фашотти телеграфировал своему правительству, что один румынский генерал повез королю Виктору-Эммануилу личное письмо румынского короля Фердинанда. Последний пишет, что, несмотря на свои родственные связи, желает быть национальным королем и облегчить осуществление румынских устремлений; но, говорится в письме, Румыния находится в тяжелых условиях ввиду ее географического положения и может стать на сторону союзников, лишь хорошо обдумав все возможности. Король Фердинанд желает знать, какую помощь может в таком случае оказать ему Италия. Другими словами, он начинает переговоры. Фашотти правильно требует, чтобы в Риме поддержали этот шаг.

Адмирал Лаказ, энергично занимающийся вопросом о снабжении сербов, пишет мне сегодня, что еще раз телеграфировал нашему морскому атташе в Риме и обратился также к адмиралу Дартиж, который завтра утром должен приехать в Тарент; он просит их ходатайствовать перед итальянским главнокомандующим о более энергичной охране продовольственных транспортов и албанских портов. Морской министр отправляет в Бриндизи одного из наших лучших старших офицеров, чтобы ускорить действие наших миноносков и подводных лодок; предложил также Италии отправить один из наших торговых пароходов для участия в снабжении сербов через Сан-Джованни-ди-Медуа или через Дураццо.

Король Константин принял третьего дня Гильмена (Афины, № 950), причем разразился резкими упреками по адресу Венизелоса, обвинял последнего в том, что он призвал в Грецию войска союзников. „Я, — сказал король, — никогда не допущу, чтобы он вернулся к власти. Если уж на то пошло, я предпочту взять первого попавшегося тряпичника с улицы и сделать его премьером“.

Греческое правительство дало знать Саррайлю, что оно выступит с очень резким протестом против того, что мы возводим укрепления вокруг Салоник, и что греческие войска не очистят Салоник. Однако 5-й корпус, который находится в укрепляемой нами зоне близ Лангаза, все же получил приказ отойти к востоку (генерал Саррайль, № 40—33).

Шарль Эмбер принес мне записку русского военного атташе Игнатьева; последний жалуется в ней Эмберу на то, что не может получить от одного французского фабриканта оптических стекол. Но почему Игнатьев обращается со своими жалобами к сенатору и редактору газеты? Почему „толстяк Шарль“ не отсылает его в министерство?

Но в сущности Шарль Эмбер пришел ко мне не с этим. Он рассказал мне, что Германия старается купить „Journal“ и отнять у него руководство газетой. Посредницей служит любовница бывшего хедива, связанная с любовницей Ленуара, сына газетного деятеля (agent de publicité)¹. Эмбер похвально, что разоблачил этих лиц и помешал их маневру. Я советую ему немедленно обратиться к следственным властям. Он не проявляет охоты к этому и, несмотря на мои настояния, увиливает. Ушел, не дав мне никаких конкретных фактов. Несомненно, он знает больше, чем согласен сказать.

Лишь сегодня прочитал статью Клемансо, помещенную им вчера под заголовком „Высшее командование“. В ней он прямо ссылается на Шарля Эмбера и нападает на Мильерана, Вивiani, Бриана и Думерга; меня он обвиняет в установлении личного режима и возвещает, что моя песенка скоро будет спета. „Часовая стрелка, — говорится в статье, — передвигается быстро“. Личный режим! Клемансо отлично известно, что я не имею ни права, ни возможности действовать по собственному усмотрению. Он слишком хорошо меня знает, чтобы не сомневаться в глубине души, что я отдаю все свое время, до последнего часа, до последней минуты, на работу в пользу страны по мере своих сил и своего разума, что я стараюсь согласовать действия министров и военных вождей, сигнализировать ошибки, открытые мною или указанные мне другими, и требовать их исправления. Как могут совмещаться в этом человеке самый горячий и прекрасный патриотизм с этой манией величия, с этим ослеплением!

Понедельник, 13 декабря.

Жоффе прислал правительству и мне общий отчет о трех заседаниях конференции в Шантильи (6, 7 и 8 декабря).

Все участники конференции согласились без спора, что решение может быть достигнуто только на главных театрах военных действий, т. е. на франко-английском и на русском фронтах. Согласились, что ввиду этого союзные армии должны напрячь свои силы для согласованного и возможно мощного наступления на этих фронтах, когда они будут в состоянии предпринять его.

¹ Agent de publicité во Франции не всегда просто „агент по объявлениям“. В данном случае речь идет о крупном тресте и одном из его заправил. — *Прим. перев.*

Дискуссия велась только по вопросу о форме этого наступления и о том приблизительном моменте, когда оно сможет состояться. Участники конференции сошлись на том, что атаки на обоих фронтах, франко-английском и русском, должны быть по возможности одновременными или разделенными между собой самое большее промежутком в один месяц. Принимая во внимание снаряжение армий и преимущество летнего времени, участники конференции нашли целесообразным отложить в принципе совместные наступления до ближайшей весны. А пока союзные армии будут всеми силами стараться увеличить свой состав как в отношении контингентов, так и в отношении военного снаряжения. Вместе с тем необходимо неустанно преследовать цель изнурения противника, главным образом с помощью тех союзных армий, у которых еще имеются большие людские ресурсы. Франция и Англия должны доставить России военное снаряжение, чтобы помочь ей восстановить свои силы.

По всем этим пунктам не было ни колебаний, ни расхождений. Но иначе обстояло дело с вопросом о внешних театрах военных действий.

Однако участники конференции сошлись на следующих решениях: 1) немедленная и полная эвакуация полуострова Галлиполи; 2) защита Египта, но не столь значительными силами, как об этом говорил Китченер; 3) спешное укрепление Салоникского района.

Зато участники конференции не могли прийти к соглашению о том, следует ли оставить наш экспедиционный корпус в этом районе или увезти его. Френч и Мэррей снова защищали свою точку зрения, т. е. взгляд Китченера. Жоффра, поддержанный представителями России, Италии, Сербии и Бельгии, доказывал, что наш уход из Салоник был бы большим фиаско. Армии Антанты в настоящий момент бездействуют на ее главных фронтах, и мир получил бы впечатление полного бессилия Антанты; она погубила бы свой престиж на Востоке, Германия получила бы полный простор для своей империалистической политики. Румыния и Греция вероятно попали бы в руки наших врагов; последние завоевали бы господство над Адриатическим и Эгейским морями. Италия дала знать, что, если франко-английский экспедиционный корпус будет отозван из Салоник, она тоже вынуждена будет оставить Албанию, где только что высадила свои войска. Россия самым энергичным образом настаивала в высших интересах Антанты на том, чтобы английские и французские силы не были отозваны.

Сенаторы от департаментов Эны, Турон и Жантилье привели ко мне лильского промышленника Герена, которого я уже принимал недавно. Немцы снова разрешили ему выехать, чтобы совместно с американскими комитетами хлопотать о продовольственном снабжении оккупированных провинций. Впрочем и на сей раз ему даны также более деликатные поручения, а именно предложить обмен заложников, взятых немцами в наших северных департаментах, в том числе сенатора от Уазы Ноэля, на немецких чиновников из Эльзаса, которых мы должны были интернировать.

Бриан просил Жоффра определенно запросить Саррайля, считает ли он возможным удержать Салоники. Но Жоффра не нашел

возможным поставить этот вопрос в такой категорической форме. Он намерен послать в Салоники для ознакомления с положением Кастельно. Если он примет это решение, это конечно вызовет новую шумиху в парламенте. „Левая“ поднимет крик, что главнокомандующий и правительство ставят Кастельно начальником над Саррайлем.

Лондонский и парижский кабинеты имели наивность поверить обещаниям греческого короля и разместили в различных местах морские силы, собранные в Мило (Бриан Гильмену, 13 декабря 1915 г.).

Греческое правительство ответило на этот дружественный жест тем, что отдало приказ начальнику станции в Салониках отправить весь свободный подвижной состав на участок Сэре-Драма. Жоффр, который внимательно следит за всем, что происходит на Востоке, и держит тесную связь с Саррайлем, просил по телеграфу военного министра добиться от греческого правительства, чтобы оно взяло обратно эту неблагоприятную меру (Жоффр к Галлиени, № 7231).

Вторник, 14 декабря.

В „L'Homme enchaîné“ Клемансо чуть ли не с арифметической точностью приводит цифру наших войск в Салониках; Шарль Эмбер открыл яростную кампанию против авиационного ведомства. Цензура, еще недавно столь строгая и нередко даже хватавшая через край, теперь позволяет говорить все. Мы как будто забываем, что находимся на войне: к нам снова возвращается болтливость. Некоторые министры жалуются в совете министров на это попустительское, и они правы.

У Рибо затруднения с бюджетной комиссией. Она желает, чтобы подоходный налог взимался с будущего года. Самое большее правительство получит полномочие отсрочить декретом взимание налога до последних месяцев года. Рибо боится, что этот налог, падающий на мобилизованных и их семьи, покажется им несправедливым, а если изъять всех их, мало даст во время войны.

Галлиени осведомляет совет министров о реорганизации главной квартиры согласно принятому Жоффром решению. Он говорит, что декреты о больших частях и о полевой службе отнюдь не позволяют дать генералам Пелле и Янену предложенный титул начальника генерального штаба. Все руководство должно принадлежать Жоффру и — под его начальством — Кастельно. По проекту, составленному в главной квартире, фактическое руководство принадлежало бы генералу Пелле. Галлиени не считает это законным. Фрейсинэ, Буржуа и Пенлеве вполне соглашались с военным министром. Он поговорит с Жоффром и сообщит ему свои возражения.

После заседания Рибо говорит мне, что подписка на выпущенный заем вероятно превысит 10 миллиардов, но никак не достигнет цифры в 15 миллиардов, как мы надеялись. Держатели бонов в общем предпочитают не расставаться с ними, чтобы иметь под рукой свободные средства.

Министра финансов все более беспокоит парламентская ситуация. Он думает, что кабинет находится под угрозой, и предосте-

регает меня от образования министерства Клемансо. „Это было бы очень опасно, — говорит он. — Когда бросишь монету в воздух, не знаешь, какой стороной она упадет на землю. Точно так же было бы и в этом случае. Министерство Клемансо прежде всего означало бы кризис высшего командования. Он так писал мне. Он твердо решил отделаться от Жоффра. Никто не знает, кем он заместит его“.

Наши салоницкие дивизии без особых затруднений отошли на юг от Дойранского озера. На севере от греческой границы остались только 243-я бригада и один полк 156-й дивизии.

Среди сербских беженцев и сербских войск в Скутари начался голод. Бопп настоятельно требует немедленной присылки продуктов. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что подвоз продовольствия через Сан-Джованни-ди-Медуа и Бояну не представляется возможным. Соннино предлагает перевезти голодающих в Дураддо или Валону. Но если не погоропиться с этим, они могут погибнуть от голода до своей отправки (Скутари, № 133 и 145).

Среда, 15 декабря.

Отправился с Пенлеве и Альбером Тома в район Мезон-Лаффит на испытание грандиозной машины, о которой нам говорил социалистический депутат Ренодель. Цель ее уничтожать проволочные заграждения. Это моторизованный воз, род автомобиля; при своем движении вперед машина прокладывает очень тяжелые рельсы, проходит по ним и затем поднимает их за собой. Эти рельсы состоят из звеньев на шарнирах и образуют огромные многоугольники. Стороны этих многоугольников, приводимые в движение ходом машины-воза, легко сметают проволочные заграждения, ложатся на края окопов, поднимаются по склонам и опускаются по ним, но все это по прямой линии. Повороты и перемена направления достигаются с большим трудом и требуют много времени. Воз будет покрыт броней и содержать пулеметы. Пенлеве, Альбер Тома и генерал Клержери — сторонники использования этой машины; но главная квартира опасается, что аппарат этот не очень практичен, что неприятель легко увидит его и подвергнет обстрелу из орудий.

Тем не менее я настаиваю на том, чтобы продолжали опыты и не отбрасывали без достаточных оснований этого замечательного изобретения.

Коолис, Поль Феррье, Массаже, Пьер Декурсель и правление общества драматургов просят меня взять на себя патронат над благотворительным спектаклем, который они собираются устроить в ближайшее время. Их посещение пробудило у меня далекие и дорогие воспоминания, на которые смерть нашего друга П. Эрвье набросила густой траурный флер.

Председатель муниципального совета Митуар благодарит меня за пожертвование, переданное мною благотворительным учреждениям города Парижа в пользу жертв войны. Он хвалит настроение населения, по его словам, попрежнему прекрасное.

В согласии с англичанами решено перенести при эвакуации мыса Геллес нашу морскую базу с острова Лемнос на остров Митилену

(морское министерство адмиралу Патри, № 14069 и сл.). Но адмирал Гоше против этой операции, считает ее чреватой опасностями (адмирал Патри морскому министерству, № 745).

Гильмен находит подозрительным поведение греческого правительства. Ни одно из обязательств, взятых на себя королем или его министрами, не выполнено. Гильмен требует, чтобы союзные эскадры остались концентрированными в Мило и чтобы мы не приостанавливали и не смягчали принудительных мер без формального заключения находящихся на месте посланников союзных держав. Бриан телеграфировал в этом смысле в Лондон и Афины (Афины, № 906 и 907).

Кастельно послан с заданием в Салоники. Бриан сообщил об этом в Рим и Афины.

Китченер по секрету сообщил Галлиени, что немцы и австрийцы собираются атаковать союзников в Салониках и что греческий генеральный штаб потворствует этой операции с согласия или без согласия греческого правительства. Китченер делает отсюда вывод, что крайне важно ускорить отступление наших войск (Китченер полковнику Леруа Льюису, R 23,5). К счастью, сведения английской контрразведки не всегда оказываются непогрешимыми; кажется, это ведомство часто без разбора хватается за информацию, внушенную ему неприятельскими агентами [64].

Четверг, 16 декабря.

Продолжительная дискуссия в совете министров о дороговизне, о необходимости добиться от Англии поставок мороженого мяса, в том числе также для гражданского населения, о субсидировании кооперативных мясных лавок в Париже с целью снижения цен на мясо. Мальви очень беспокоит рост индексов цен. Он настроен не так оптимистически, как Митуар, и боится беспорядков в Париже.

Буржуа высказывает пожелание, чтобы Галлиени вместе с Жоффром время от времени совершали поездки на фронт. Это даст им возможность лучше судить о положении дела и особенно о состоянии наших защитных сооружений. Кажется, депутат Дриан, он же полковник, командующий стрелками на север от Вердена, внушил тревогу военной комиссии, заявив ей, что в этой части укрепленного района у нас не всюду имеются вторые линии. Я просил Пенелона предупредить Жоффра, но остерегся назвать Дриана. Впрочем Галлиени, Бриан и я скоро будем в Шантильи вместе с командующими группами армий. Я просил также военного министра обратить внимание Жоффра на то, что мы слышали о недостаточности некоторых наших оборонительных позиций. Если в то время как мы остаемся неподвижными, немцы вздумают атаковать нас у Вердена или в другом месте, то надо по крайней мере, чтобы мы всюду были в состоянии отбить их атаку.

Беседовал с Буржуа о кампании, проводимой Клемансо. „Он добивается президентского кризиса, — заметил Буржуа, — так как не может допустить, что выбор президента произойдет без его согласия. Этот кризис был бы равносителен концу войны и началу анархии. Но нас много, и мы не дадим воли Клемансо“.

Адмирал Русин вручил записку товарищу военного министра, ведающему артиллерией и снаряжением; она вразумительнее, чем те объяснения, которые я получил от Русина. Он требует увеличения поставок патронов, 42-линейных пушек и горных орудий.

Поль Думер был принят в Петрограде императором Николаем II и добился от него обещания посылать во Францию русские воинские части, которые мы вооружим ружьями принятого в нашей армии образца; солдатский состав этих частей будет русский, офицерами же будут французы (Петроград, № 1513 и 1519). Думер думает, что между 1 и 15 января сможет быть отправлена через Архангельск одна бригада. Затем последуют по 40 тысяч человек ежемесячно. Это очень хорошо, но я поневоле отношусь к этому несколько скептически.

Продолжается то, что Гильмен называет „издевательством“ греческого правительства. На требования Саррайля Скулудис дает одни „смехотворные“ ответы (Афины, № 966 и 972). Король болен и не принимает. Впрочем греческая армия в конце концов оставила Салоники (от Гралье, Салоники, № 190) [65].

Плохая погода до сих пор мешает выгрузке продовольствия в Сан-Джованни-ди-Медуа и Дураццо (из Бриндизи морскому министру, № 684).

Пятница, 17 декабря.

Наперекор мнению Гильмена и других союзных посланников наши морские силы, которые были концентрированы в Мило, размещены теперь, по соглашению с Англией, в различных местах. Мы ограничимся заявлением, что снова соберем флот, если понадобится.

Король Константин очень серьезно болен. Врачи сняли трубку, которая была вставлена у него в плевре со времени его последней болезни, но рана не зарубцевалась и снова гноится.

Саррайль извещает нас, что английское командование в Салониках ежедневно меняет свой взгляд на укрепление города и еще не приступило к работам. Жоффри предложил Китченеру поручить Кастельно разрешить этот важный вопрос в целом. По мысли Жоффри, Кастельно должен определить выгодные позиции, фиксировать черту оборонительных сооружений, решить вопрос о распределении войск и о необходимых мероприятиях, причем командующему английскими войсками в Салониках должно быть приказано следовать всем указаниям Кастельно. Одновременно Жоффри поручил Кастельно стараться получить аудиенцию у короля, вернувшись из Салоник в Афины. Это советовал Гильмен, и мнение его было поддержано Бриавом (от Жоффри к Кастельно, № 50, 51, 53).

Саррайлю удалось отвезти в Грецию почти невредимыми свои части, свою материальную часть и запасы. Жоффри послал поздравление ему и его войскам (Жоффри Саррайлю, № 8099).

По мнению сербского правительства и сербского генерального штаба, если армия отправится из Скутари в Дураццо сухопутным путем, то вследствие плохого состояния албанских дорог она рискует тем, что не сможет притти туда раньше болгар или же что последние оставят ее по дороге. Поэтому они считают, что для спасения 35 или

40 тысяч солдат, находящихся в Скутари, есть только одно средство: возможно скорее посадить их на корабли в Сан-Джованни-ди-Медуа и перевезти в Дураццо или Валону; оттуда они будут направлены в пункты, назначенные союзниками для реорганизации сербской армии (Бопп, Скутари, № 153 и 154). Преследуемые со всех сторон несчастные сербы повидимому обречены на гибель; но наследный принц не теряет в эти трагические дни своего спокойствия и уверенности (Бопп, № 155 и 156) [66].

Я просил Стефана Пишона притти поговорить; питаю к нему чувства уважения и дружбы, но давно не видел его. Он говорит, что не часто показывается в Елисейском дворце потому, что не желает жаловаться на правительство, а между тем не может одобрить его. Он критикует также Делькассе, „который не умел говорить ни с Англией, ни с Россией“; называет его „слепым“ и „посредственностью“. „Пакануце русско-японской войны, — говорит Пишон, — он заявлял мне самому, что этой войны никогда не будет, так как царь не желает ее“. Когда война была объявлена, он пророчествовал, что Россия выйдет из нее победительницей. Он никогда не давал никаких директив нашим представителям, у него никогда не было ясной точки зрения, он всегда жил изо дня в день. Мне кажется, правильно или неправильно, что Пишон пришел к такому суровому и незаслуженному суждению под влиянием Клемансо. С последним Пишон поссорился в министерстве Барту, но перед войной Клемансо вернул себе прежнее влияние на него.

Сенатор Анри Шерон в своем докладе коснулся президента республики; я просил его зайти поговорить об этом. Он уверяет, что не писал ничего противного конституции. Я подчеркиваю, что имею право выступать только под ответственностью министров и что, если бы я вздумал присваивать себе помимо них личную власть, это не преминуло бы вызвать кризис режима. Он признает, что в разгар войны это было бы несчастьем, но замечает: „Я желал бы, чтобы вы поручили Клемансо образование кабинета. Очень сожалею о существующих между вами разногласиях“. — „Я все сделал, сначала, чтобы предупредить их, затем, чтобы смягчить их. Впрочем, если бы резолюции палат или даже просто ход событий указывали на необходимость создания министерства Клемансо, я исполнил бы свой конституционный долг. Однако должен вам признаться, что считаю эту комбинацию опасной ввиду непостоянства этого человека и его импульсивного характера“. — „Разрешите мне, — говорит Шерон, — удержать только первые два пункта“. — „Нет, — несколько резко оборвал я его, — эти три пункта неделимы. Я исполню свой конституционный долг, но я обращусь к Клемансо не без чувства некоторого беспокойства, так как боюсь его выходок. Впрочем я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить нынешний кабинет“. Когда Шерон ушел, я упрекаю себя в том, что был с ним несколько нелюбезен. Это разумный, старательный и честный патриот, его так же, как меня, мучит неизвестность будущего. Мы стремимся к одной и той же цели — к благу страны, а между тем то и дело раздражаемся один против другого. В воздухе нависла гроза.

Сэр Джон Френч подал в отставку с поста главнокомандующего

британскими силами во Франции и во Фландрии. Он произведен в виконты Соединенного королевства и назначен главнокомандующим войсками, находящимися в Великобритании. Преемник его — сэр Дуглас Хейг, командовавший до сих пор одной из английских армий. Он считается одним из самых выдающихся офицеров; кроме того он гораздо темпераментнее и представительнее, чем его предшественник. Он родом из Шотландии.

Отправился сегодня в госпиталь Гарибальди на Елисейских полях и rozdal военные кресты раненым в Шампани. Еще раз восхищался мужеством этих несчастных.

Меня посетил Гордон Беннет¹. Я благодарил его за симпатии к Франции, свидетельство которых ежедневно нахожу в американских газетах. „Франция, — сказал он мне, — сражается за свободу мира. Я надеюсь, что Соединенные штаты не преминут порвать дипломатические отношения с Германией и Австрией“.

Бошп и сербы продолжают настаивать на том, чтобы Франция и Италия спасли сербскую армию от капитуляции; последняя станет неизбежной, если мы оставим сербов без помощи и в тисках голода. Неприятель продвигается вперед к Охриде и Эль-Бассану (Бошп, № 159 и сл.).

Суббота, 18 декабря.

Совет министров единодушно требует, чтобы мы ускорили снабжение сербов через Сан-Джованни-ди-Медуа и Дураццо и при первой возможности также их посадку на корабли. Адмирал Лаказ сообщает о принятых им мерах и о встреченных им затруднениях. К счастью, мы уже близки к цели.

Рибо думает, что подписка на заем составит в общем 131/2 миллиардов; но новых денег в том числе будет менее половины. Его все более беспокоит наше финансовое положение.

Дени Кошен находит, что мы уже достаточно сделали для сербов и должны теперь оставить их. Самба с негодованием протестует против этого: „Это было бы неизгладимым позором“.

Бивиани говорит о моратории по квартирной плате и сообщает, что мы вынуждены будем продлить мораторий еще на три месяца. Если судить по моей корреспонденции, мелкие собственники-домовладельцы начинают горько жаловаться на свою долю.

Бивиани докладывает также о проекте судебной реформы. Он сообщает, что внесет законопроект, отвечающий желаниям палаты и вводящий единого судью. Фрейсинз с мягкой иронией замечает, что этот законопроект, надо думать, будет принят не раньше окончания войны и что в настоящий момент от нас требуются более неотложные реформы.

Пенелон вручил генералу Петану, командующему II армией, от моего имени небольшой подарок на память о моих посещениях на фронте. Генерал ответил мне любезным благодарственным письмом. „И помимо этого нового проявления вашего расположения, — пишет он, — в моей памяти остаются живы те обстоятельства, при которых я имел честь сопровождать вас на фронте“.

¹ Владелец крупнейшей американской газеты „New York Herald“.

Скулудис просит у Франции и Англии ссуды для Греции в 10 миллионов франков золотом. Мы ответили, что дадим их, когда наши войска будут в безопасности от всякого нападения (Бриан Полю Камбону, № 4330).

В своем продвижении к Эль-Бассану болгары прошли Охридское озеро.

Австрийское радио с торжеством вещает всему миру: „18 декабря. При последнем сражении на Изонцо итальянцы потеряли 70 тысяч человек убитыми и ранеными. Все позиции остались в наших руках. На юго-востоке от Ченебид мы прогнали черногорцев из последнего угла территории Боснии“.

Воскресенье, 19 декабря.

Во второй половине дня состоялось под председательством Вивиани собрание „Алжирского общества“ на улице Каде. Присутствовало много раненых — французы и туземцы. Вивиани произнес очень красивую речь, вспоминал о своем детстве, проведенном в Алжире, восхищался патриотизмом жителей — французов и мусульман; это был гимн вере и надежде, призыв к выдержке и хладнокровию, прекрасная речь, сказанная с большим подъемом.

Эссад-паша¹ советует сербскому королю Петру отправиться, не теряя времени, из Тираны в Валону. Он находит, что ввиду продвижения австрийцев и болгар на Эль-Бассан он сам не сможет больше удержаться в Дураццо.

Венизелос сказал Гильмену о греческих министрах: „Вы имеете дело с преступниками, которые смеются и издеваются над вами. Будьте тверды. Вы можете держать их в руках только страхом. Если бы они могли, они предали бы нас немцам“ (Афины, № 1005 и 1006) [67].

Военное министерство переслало мне номер „Арденнской газеты“ от 10 декабря, которую немцы выпускают в оккупированной ими провинции. Весь номер целиком посвящен статье, которую Клемансо написал против меня по поводу реорганизации высшего командования.

От одной бедной женщины — я сделал попытку вернуть ее сына из окопов — я получил письмо столь трогательное, что не могу не внести его в этот дневник. „Господин президент. Я глубоко тронута, и для меня было большой честью ваш красноречивый и в то же время теплый и полный утешений ответ, который вы по своей великой доброте мне прислали. К вам обратилась с просьбой мать, счастливая сознанием того, что ее сыновья исполнили свой долг. Двое моих сыновей пали на поле славы, третий — лишился ноги. Мой четвертый сын находится еще в окопах и жаждет выполнить свой долг француза. Относительно этого последнего сына мое материнское сердце дерзнуло обратиться к вам с просьбой, и вы, господин президент, поняли меня. Не могу не выразить вам всей своей благодарности и волнения по поводу чести, оказанной вами простой женщине из народа, искренней патриотке. Мой ответ подсказан вашим чутким

¹ Влиятельнейший из глав племен Албании, с 1913 г. правитель всей средней Албании, военный министр в албанском правительстве в 1914 г.

отношением и проявленным вами сочувствием. Примите и т. д. Подпись: вдова Лефевр-Лека из Кампань-ле-Гедэн“.

Как не повторить еще раз, как не повторять всегда: какие это прекрасные люди!

Семьсот военнопленных австро-венгерских офицеров отправлены в Валону, где будут посажены на французский или итальянский корабль. Число военнопленных солдат у сербов составляет около 30 тысяч. У сербов осталось муки только на два-три дня (Скутари, № 168 и 174).

В Сан-Джованни-ди-Медуа и Дураццо прибыли первые транспорты с продовольствием (Рим, № 1825). Но предстоит задача отвести сербские войска в Валону, чтобы в полной безопасности посадить их на корабли. Для этого им придется пройти 240 километров, из них только 40 километров по дорогам, а 200 — по едва проходимым тропинкам среди болот. Этот тяжелый путь предстоит проделать около 50 тысячам солдат и 10 тысячам животных. Путь этот продолжится не менее шести недель (полковник Фурнье, Скутари, № 58 и сл.).

Понедельник, 20 декабря.

Один из моих старых товарищей по журналистике и адвокатуре Жан-Бернар Пассерье, оставшийся моим другом, основал общество пропаганды, названное им „Французская мысль за границей“; председателем общества является Жорж Лейт. Сегодня Пассерье был у меня и предложил мне принять на себя почетное председательствование в обществе. Я охотно согласился.

Сегодня у меня ужинали в дружеском кругу человек двенадцать, в том числе Анри Лаведан, Пьер Декурсель и Марсель Прево¹ с женами и с ними Андре Тардьё. Последний оставил главную квартиру и отправился на линию огня, где взял на себя командование ротой стрелков. Но на-днях с ним был удар, когда он находился на морозе в окопах. Тринадцать часов он оставался без сознания, врачи уже потеряли всякую надежду, но он остался в живых. Он все еще такой же блестящий, как всегда. Он убежден, что война продлится еще два года. Находит, что безумно было продолжать операции в Шампани, раз в натиске первых двух дней нам не удалось взять вторые линии неприятельских окопов.

Фельдмаршал Френч пришел проститься со мной. Он, кажется, не очень доволен тем, что покидает Францию. По его мнению, немцы утратили всякий пыл, всякий боевой, агрессивный дух. Может быть Френч был бы меньшим оптимистом в этом отношении, если бы остался во главе британской армии.

Под предлогом защиты своей территории греки двинулись в Албанию. Мы получили известие из Янины, что произошла кровавая стычка между ними и болгарами. Убиты или ранены один греческий офицер и несколько солдат (Янина, № 64).

Поль Думер покинул Петроград третьего дня. Вскоре после его отъезда, когда Палеолог в разговоре с Сазоновым перечислял резуль-

¹ Все трое писатели.

таты поездки Думера, русский министр заявил, что, по паведенным им справкам, ему представляется невероятным, чтобы император или верховное командование могли обязаться, хотя бы в принципе, отправлять в дальнейшем на французский фронт по 40 тысяч человек в месяц. В Россию прибыл в качестве главы нашей военной миссии генерал По; Палеолог просил его отправиться поскорее в ставку и закрепить в письменном виде обязательства, которых добился Думер (Петроград, № 1530). По всем признакам, по общему характеру всей информации единственное твердое обещание — это послать нам одну бригаду.

Немцы пытаются интриговать в Марокко еще в большей мере, чем до войны. Пекий Абд-эль-Малеk, сам открыто объявляющий себя сторонником немецко-турецкой ориентации, ведет очень искусную и деятельную пропаганду. Он располагает большими денежными средствами. Генерал Лиотэ, сам отказавшийся от части своих войск, внимательно следит за всем и принял совместно с генералом Анри и полковником Симоном необходимые меры, чтобы удалить Абд-эль-Малека из Тазы. Генералу Дюлесси пришлось отбросить повстанцев в горы на участке Тагла. В Марокко начинают просачиваться известия с Ближнего Востока; используемые немцами и турецкими эмиссарами, они естественно способствуют повышению активности незамиранных племен (генерал Лиотэ, Рабат, № 4799).

Монотонность оперативных сводок не мешает смерти продолжать свое каждодневное дело: „В Артуа бои с ручными гранатами на севере от Буаз-ан-Гаш. Между Соммой и Узой артиллерийские бои в районе Фей. На Вэвре, в Буа-де-Мормар и в Буа-де-Претр наши батареи несколько раз брали с успехом под обстрел коммуникационные ходы неприятельских окопов“. Сколько раненых и убитых обозначают эти однообразные и унылые напевы.

Меня посетил Жозеф Рейнах¹. Он сохраняет свою твердость и уверенность. „Клемансо, — говорит он мне, — хотел быть Гамбеттой в этой войне; теперь он утешает себя, пытаясь играть роль ее Рошфора“. Да, но Клемансо не отказывается от своей первоначальной идеи и быть может в один прекрасный день добьется ее осуществления. Но какое значение имеет, кто будет орудием победы, лишь бы отечество было спасено!

Вторник, 21 декабря.

Заседание совета министров. Рибо, который ежедневно следит за ходом подписки на заем, как отец за ростом своего ребенка, сообщает нам, что подписка превысила пока 14 миллиардов 200 миллионов. Но в этом числе только около 5 миллиардов новых денег.

Галлиени не мог еще поехать вместе со мной в Шантильи и 16-го сего месяца написал Жоффру по поводу наших вторых линий; вызвано это было сообщениями, сделанными полковником Дрианом парламентским комиссией о недостаточности наших вторых линий на севере от Вердена. Министр прочитал нам свое письмо. Жоффр ответил на последнее в несколько обиженном тоне. Он писал, что

¹ Парламентарий и писатель.

если к нему не имеют доверия, то он готов уйти, но не может допустить, чтобы правительство принимало доносы от подчиненных ему офицеров. Но главное в настоящий момент — сделать то, что надо, в Вердене и в других местах.

Альбер Тома очень вразумительно излагает вопрос о газообороне. Он перечисляет с надлежащими объяснениями противогазы, очки, маски и т. д. В настоящее время мы можем защититься против хлористых и бромистых газов и против синеродистоводородной кислоты. Но если немцы прибегнут, как это возмещают, к хлорокиси углерода, то у нас не будет сейчас в достаточном количестве необходимых масок. Производство бомб с удушливыми газами для целей газовой атаки или, вернее, для ответа или контратаки подвигается еще медленно; производство так называемых „vagues“ („волн“) только начинается. Две такие „волны“ были посланы на фронт, но еще не использованы. Командование колеблется ввиду новизны, а также ввиду имеющейся опасности, что газы могут повернуть в сторону атакующего.

Нам сообщают, что продовольствие прибывает теперь регулярно в Дураццо и Сан-Джованни-ди-Медуа (Рим, полковник Фурнье военному министерству, № 117; Баррер, № 1026).

В Греции состоялись выборы в парламент. В Салониках они прошли при полном равнодушии населения; из 38 263 избирателей явились к урнам только 4 050 (Салоники, Гралье, № 193). По всей Греции приняло участие в выборах только около трети тех 700 тысяч, которые подали голоса на майских выборах. Эти многочисленные воздержания очень радуют Велизелоса (Гильмен, № 1019 и 1024).

Отдавая должное высокому авторитету генерала Но, генерал де Лагиш все же, как видно, обижен тем, что поставлен в подчинение ему. Он просит освободить его от его обязанностей; впрочем его просьба составлена с большим достоинством (генерал де Лагиш в военное министерство, № 305).

Де Ларош-Верне предупреждает нас, что черногорский король носит с мыслью о заключении сепаратного мира или перемирия с частичной демобилизацией. Говорят, что он пойдет даже на уступку Австрии позиций на горе Ловчен, господствующей над Каттаро, в обмен за город Скутари в Албании (Цетинье, № 423 и 425) [68].

Как телеграфирует Саррайль, болгары получили приказ считаться с нейтралитетом Греции (О. Т., № 524—2) [69].

В Китае восстанавливается монархия. Пекинское правительство намерено выпустить об этом торжественную прокламацию в конце января. Японцы пользуются этой переменой режима для получения железнодорожных концессий (Пекин, Конти, № 226). Китайский посланник в Париже официально известил Жюля Камбона на набережной д'Орсэй о предстоящем короновании Юань Ши-кай императором и дал понять, что после этого Китай вступит в войну на стороне союзников [70].

Среда, 22 декабря.

23 сентября Баррер сообщил Вивиани (письмо № 451), что провинциальная депутация в Кони выступила с пожеланием выпрямления

альпийской границы и уступки Брейльского кантона Италии; это пожелание было перепечатано в „Stampa“. На запрос нашего посла Соннино ответил, что ему неизвестно об этом пожелании. Но оно стало известно французским муниципалитетам Саорж и Фонтан и встревожило их; они наперед энергично протестовали против всякой идеи об уступке пяди французской земли. Депутаты от департамента Приморских Альп Лейроль и Феликс Пуллан даже заявили письменный протест против всякой возможности переговоров по этому поводу. Тем не менее Титтони на-днях явился к Бриану, завел разговор по этому вопросу и осмелился настаивать на уступке в пользу Италии долины Ройя. Бриан ответил — на мой взгляд, слишком неопределенно, — что он мало осведомлен об этом вопросе и поэтому не может вести о нем беседу, что в настоящий момент не может быть речи о территориальных уступках, что общественное мнение всегда и вполне справедливо относится к ним враждебно. Он прибавил, что впрочем наведет справки и рассмотрит с величайшей благожелательностью взгляды, высказанные ему послом в порядке личного разговора.

Я видел телеграмму, в которой Бриан сообщает Барреру об этом разговоре (№ 2162). Тотчас же я написал председателю совета министров и просил его доложить совету министров об этом „изумительном шаге“ Титтони. „По моему мнению, — писал я, — надо было тут же раз навсегда отрезать всякие разговоры о какой-либо территориальной уступке Италии. Боюсь, что обещание рассмотреть идею Титтони „с величайшей благожелательностью“ покажется ему своего рода поощрением; вы, так же как и я, знаете его манеру. На мой взгляд, совершенно невозможно ни теперь, ни потом ставить вопрос об уступке Италии Брейльского кантона. Уступка французского кантона или части его возмутит общественное мнение. К тому же Титтони позволяет себе требовать от нас этой жертвы, ничего не предлагая взамен. Даже обмен было бы очень трудно допустить. Уступка территории без компенсации вызовет во Франции всеобщее негодование и рискует испортить в будущем отношения между обеими странами. Для того чтобы эти отношения остались дружественными, для того чтобы они стали самыми тесными, как мы все желаем, необходимо, чтобы ни один из обоих народов не мог упрекнуть другой в том, что он старался извлечь из войны противозаконную выгоду“.

Другая неприятность: при ближайшем рассмотрении транспортировка русской бригады через Архангельск оказывается невозможной. Придется отправить ее с Дальнего Востока и прибегнуть для этого к помощи японских властей (морское министерство французскому посольству в Петрограде, № 14497). К тому же эта бригада сведется к 6 тысячам солдат без оружия. И ничего далее (морское министерство французскому посольству в Токио, № 14498). Что стало с теми великолепными обещаниями, которые были даны Полю Думеру [71]? Россия вручила нашему посланцу кусок „шагреновой кожи“¹.

¹ Имеется в виду повесть Бальзака „Шагреновая кожа“. — *Прим. перев.*

Энергично произведенная атака наших войск позволила нам значительно расширить наши позиции на восточном склоне Гартманнсвайлеркопфа. Мы взяли в плен 1200 немцев, в том числе 21 офицера, но надо думать, что и мы сами понесли тяжелые потери.

Четверг, 23 декабря.

В совете министров Рене Бенар очень ясно изложил нынешнее состояние авиации и ее достижения. Товарищу министра подвергается сильным нападкам со стороны Шарля Эмбера; он может дать на них уничтожающий ответ.

Бриан зачитывает письмо де Флерю. В нем несколько односторонне описывается анархическое состояние английского кабинета в настоящий момент, слабость Асквита, непопулярность Грея и резкость Китченера; последний, уезжая на Восток, взял с собой официальные документы, чтобы быть уверенным, что его не „выдворят“ во время его отсутствия [72].

Председатель совета министров на ближайшем заседании сообщит депеши из России, в которых говорится о придворных интригах, о растущем влиянии Распутина, о все усиливающейся кампании против императрицы. Недавно один русский был обвинен в оскорблении величества, так как ораторствовал против императорской фамилии. Характерно, что вызванный в качестве свидетеля агент полиции сам заявил: „И если бы подсудимый хоть ограничился нападками на немецкую падаль“. Под этим он понимал императрицу.

Генерал де Лагш, который фактически еще исполняет свои функции, советует нам не забыть при доставке русской бригады про паровые бани и чай (генерал де Лагш, *О. Т.*, 787, № 464). Как видно, это является в России существенной частью военного материала.

Несмотря на мое письмо, Бриан умолчал в совете министров о шаге Титтони. После заседания он сказал мне, что считает его совершенно неприемлемым, но предпочитает не предавать его огласке.

У меня был депутат Морис Рейно, бывший министр. Со времени своего ухода из министерства он брюзжит. Он пришел с тем, чтобы тоже разглагольствовать против Рене Бенара и выклянчить для себя назначение в Италию. Я принял его несколько холодно.

Ко мне явились с поздравлениями по случаю сочельника председатель союза гимнастических обществ Казале и члены президиума. Мы вспомнили веселые празднества в Ренне и приятное довоенное время. Но теперь мы все поглощены мыслями о войне и налагаемыми ею на нас обязанностями.

Как нас извещает Жюссерен, полковник Хауз, друг президента Вильсона, наиболее ценимый им советник, снова выезжает в Европу. Он недавно говорил одному другу англичанину о возможности разрыва между Соединенными штатами и центральными державами и сказал, что президент Вильсон далек от предвзятого решения, отвергающего эту возможность (Вашингтон, № 840).

Вчера мы с успехом действовали на Гартманнсвайлеркопфе. Сегодня нас постигла там кровавая неудача. Я ищутно стараюсь узнать у офицеров связи подробности. Зашли ли наши войска слишком

далеко вперед? Были ли они застигнуты врасплох контратакой неприятеля? Более 1200 солдат не явилось на перекличку [73].

Прочитав несколько едких строк Клемансо, я заперся в своей библиотеке и ишу утешения у своего старого друга Марка-Аврелия. Вот что я нахожу у него: „Не смотри на вещи так, как твой обидчик, не смотри на них так, как он желает. Суди о них так, каковы они в действительности. Все призраки: хвала и хвалимый. Безумно стремиться к невозможному; а ведь невозможно, чтобы злые люди не поступали так, как они поступают. Лучшая месть — не походить на них. Близко время, когда ты забудешь все; близко время, когда все тебя забудут“.

Пятница, 24 декабря.

Сенатор Шарль Дюжон, в министерство которого я входил в 1893 г. [74], просит меня принять одного англичанина, лейтенанта Капеля, из штаба генерала Вильсона. Этот офицер недавно беседовал с Клемансо. Последний заявил ему, что во Франции нет уже ничего устойчивого, что министерство держится на волоске и что президент республики скоро будет свергнут. Шарль Дюжон уже пытался успокоить лейтенанта Капеля и просит меня поговорить с ним, чтобы окончательно убедить его. Итак, Клемансо, председатель двух больших комиссий сената, не останавливается перед тем, чтобы возвещать иностранцу предстоящий президентский кризис.

Сазонов пишет Палеологу по поводу миссии Думера (Петроград, № 1544 и 1545): „Русская армия располагает лишь ограниченным количеством обученных резервов в сравнении с протяженностью своего фронта; поэтому она не в состоянии выделить достаточно войск, чтобы возможно было посылать ежемесячно во Францию 40 тысяч человек согласно проекту Думера. Тем не менее императорское правительство, чтобы показать свою готовность удовлетворить по мере возможности желания союзников, решило отправить во Францию в виде опыта одну пехотную бригаду, если этому не помешают условия навигации в зимнее время. При этом предполагается, что французское правительство возьмет на себя заботу о вооружении этой бригады и снабдит ее частью офицерского состава“.

По требованию правительства и в частности по настоянию Фрейсинэ Жоффр обратился через нашего военного атташе в Лондоне к Китченеру с целью добиться единства командования в Салониках (№ 66).

Кроме того генералиссимус отдал по телеграфу приказ командиру Куле, начальнику нашего отряда в Цетинье, не оставлять этого города (№ 63).

По словам Пенелона, Жоффр очень рассержен нападками Клемансо на высшее командование. Когда я рассказал об этом Галлиени, он ответил мне в тоне разочарованного философа: „Что ж поделаешь? Таковы нравы свободы“.

Суббота, 25 декабря.

Рождество, унылое рождество.

В совете министров Мальви должен был говорить сегодня о про-
исках пацифистов, но Самба просил его отложить дискуссию, так

как сегодня и завтра состоится съезд социалистической партии и министры, являющиеся членами этой партии, смогут дать полезные указания правительству.

Совет министров старается уладить конфликт, возникший между палатой и сенатом по вопросу о подоходном налоге. Сенат желает отложить применение этого закона до 1 января 1917 г., палата противится этой отсрочке. Надо найти какое-нибудь компромиссное решение.

Кабинет принимает решение, что сербские войска будут временно перевезены на остров Корфу и реорганизованы там с нашей помощью. Бриан требовал от Италии размещения их в Валоне; Италия отказала и повидимому твердо решила не уступать в этом вопросе. Между тем настоятельно необходимо спасти остатки этой храброй армии.

Старый сербский король прибыл в Бриндизи на итальянской миноноске. Кажется, он намерен отправиться в Салоники.

Радио Боппа, отправленное из Скутари 19-го и лишь сегодня утром полученное в Париже, извещает нас, что в ночь с 18-го на 19-е 46 сербских солдат умерли с голоду. Теперь снабжение более или менее налажено, но действительно нельзя было уже терять ни минуты.

Как я слышу от Антонина Дюбо, его коллега сенатор Жанпаней, в высшей степени честный человек, крайне встревожен тем, что Шарль Эмбер преследует не столько интересы государства, сколько интересы своей газеты. Рене Бенар со своей стороны утверждает, что причина нападок на него Шарля Эмбера заключается в том, что он, Рене Бенар, не соглашается на некоторые требования фабрикантов. „Да, да, пушки, снаряды, заказы“, — смеясь говорит Антонин Дюбо.

Китченер ответил Жоффру, что вопрос о едином командовании в Салониках может быть решен только британским правительством. Он доложит о нем на ближайшем заседании кабинета своим коллегам.

Испанское посольство в Париже уведомило Бриана, что военный суд в Магдебурге утвердил приговор над военнопленными лейтенантами Делькассе и Эрвье и что они обжалуют приговор в кассационном порядке. По просьбе Бриана, испанское правительство в Берлине даст знать германскому правительству, что если Делькассе и Эрвье не будут попрежнему пользоваться обычным режимом для военнопленных офицеров, то два немецких офицера, в том числе лейтенант фон Биссинг [75], немедленно будут посажены под строгий арест в крепости.

Принц Александр сербский послал мне 22 декабря через посредство Боппа шифрованную телеграмму, полученную мною лишь сегодня в 12 ч. 40 м. пополудни: „Я надеялся, что смогу дать отдых своей армии на албанской территории и приступить там к ее организации; поэтому я дал следующее направление для концентрации армии: Скутари и его окрестности. Армия пришла туда, преодолев все трудности похода через албанские Альпы. Но теперь я констатирую, что мой проект становится все менее осуществимым по различным причинам, из коих самые главные: невозможность регулярного снабжения продовольствием, угроза неприятельского натиска с двух сторон,

совершенное отсутствие снаряжения и недостаточная военная помощь со стороны Италии. Поэтому я вынужден отказаться от своего первоначального намерения остаться здесь и должен перевезти свою армию в другое место, где она сможет быть реорганизована в безопасности. Мое правительство уже обратилось в этом смысле к союзным правительствам, для того чтобы флоты союзников приступили к перевозке моих войск из порта Сан-Джованни-ди-Медуа. Обращаюсь к вам, господин президент, с просьбой поддержать это предложение, для того чтобы как можно скорее приступили к его осуществлению. Обращаюсь к вам убежденный, что этот новый призыв найдет у вас такой же сочувственный отклик, как все те требования, с которыми мы вынуждены были обращаться до сих пор под давлением наших безотлагательных нужд; Франция всегда первая откликалась на них с сочувствием и интересом, за которые сербский народ сохранит к ней неизгладимую благодарность. Подпись: Александр". Я прошу председателя совета министров прийти завтра утром с адмиралом Лаказом на совещание со мною.

Воскресенье, 26 декабря.

Бриан пришел с Лаказом. Он всюду наталкивается на возражения.

Италия возражает относительно Валоны, Англия, как видно, возражает теперь против Корфу. А между тем адмирал Лаказ вчера утром телеграфировал нашей эскадре в Мальте немедленно предпринять все подготовительные меры на пристани и на всем острове Корфу. В то время как мы увильваем, австрийцы и немцы подвигаются вперед в Албании; они могут застигнуть врасплох сербскую армию и уничтожить ее. Во всяком случае наши транспорты с продовольствием, и без того столь запоздавшие, могут быть перехвачены подводными лодками. Чтобы покончить с этим, мы приняли решение перевезти сербскую армию на контрминоносках и небольших судах в Бриндизи или Тарент; там она будет посажена на большие пароходы с назначением в Бизерту, где армия будет реорганизована, для того чтобы быстро быть переброшенной в Салоники.

Извещенный об этом, Жоффри осведомляет в свою очередь полковника Фурнье и генерала Мондезир, начальника нашей военной миссии в Сербии [76].

Принцу Александру я ответил следующей телеграммой, пересланной Брианом Боппу: „Только теперь получил телеграмму вашего королевского высочества и прошу извинения, что не мог ответить на нее раньше. Правительство республики отдало все необходимые распоряжения не только о том, чтобы снабжать доблестную сербскую армию через Сан-Джованни-ди-Медуа и Дураццо, но также о том, чтобы она возможно скорее была перевезена на такое место, где она могла бы быть реорганизованной для перехода в новое наступление против общих врагов. Сербия может рассчитывать на дружественное содействие Франции. Прошу ваше королевское высочество верить моим искренним дружественным чувствам“.

Лаказ опасается, что шедший из Индии корабль „Ville-de-la-Ciotat“ торпедирован в Средиземном море подводной лодкой.

По словам Пенелона, немцы, кажется, в состоянии атаковать нас в Северном департаменте двадцатью или двадцатью пятью дивизиями. Повидимому Жоффра не страшит эта перспектива; он верит, что мы в силах отразить любую атаку, и боится лишь, что немцы прибегнут к действию какого-нибудь нового газа.

Посланникам союзных держав в Риме поручено согласовать помощь Англии, Италии и Франции в пользу Сербии. Но разве руководить Антантой не все равно, что искать квадратуру круга?¹

Понедельник, 27 декабря.

Баррер телеграфирует, что Соннино не желает разрешить даже временной высадки сербов в Валоне. Он заявляет, что боится распространения на итальянские войска некоторых заразных болезней, якобы констатированных среди сербских солдат. Зато он готов оказать содействие перевозке сербов в Корфу через Дураццо или Сап-Джованни-ди-Медуа (№ 1052).

Жители Салоник очень рады, что наши войска защищают их от возможного нашествия болгар (Баррер, № 12).

Почтовое судно „Ville-de-la-Ciotat“ действительно было без предупреждения торпедировано и потоплено 24-го сего месяца на 34° 53' широты и 19° 17' долготы от Парижа. Английский пароход „Mergol“ привез 26-го сего месяца в Мальту 233 человек оставшихся в живых. Исчезли 45 человек экипажа, из них 22 европейца и 23 туземца, и 35 пассажиров.

Сегодня Клемансо разносит миссию Кастельно в Салониках и, разумеется, приписывает мне ее инициативу.

Вчера происходили похороны генерала фон Эммиха, которого в Германии называют завоевателем Люттиха (Льежа). Он погребен в Ганновере, в городском мавзолее, под грохот салютов. Венки посланы императором, почти всеми принцами, а также войсками и гражданскими властями. Кайзерской Германии действительно пристало поминать с таким шумом и торжественностью нарушение бельгийского нейтралитета.

Кастельно возвратился из Салоник в Афины, где ему был оказан блестящий прием (Гильмен, № 1066 и 1067). „Вы должны иметь ко мне доверие, — сказал ему король. — Напрасно относятся с подозрением к моим намерениям. Я не немец ни по происхождению, ни по воспитанию, ни по симпатиям. Напротив, мои симпатии, а также симпатии моего народа обращены скорее в сторону Франции. Но я хочу остаться нейтральным, мой народ тоже не желает войны, а теперь войны решают не короли и правительства, а народы“. Коснувшись происхождения этой войны, король еще раз стал утверждать, что ее желала Англия; генерал де Кастельно показал ему пустоту этого обвинения.

Мой друг и собрат по адвокатуре Ф. Менье известил меня о скоропостижной смерти одного из наших бывших товарищей по секре-

¹ В оригинале игра слов. Антанта названа здесь: Quadruple и Entente (четверное соглашение); отсюда игра слов: Quadruple и Quadrature (квадратура). — *Прим. перев.*

тариату конференции, Луи Бурдона. Вслед за Декори, Эрвье, Мише-дем Пеллетье и Лейсом, вслед за всеми этими друзьями, сошедшими в могилу, не стало еще одного, сердце которого не выдержало войны.

Вторник, 28 декабря.

Рибо докладывает в совете министров, в каком положении находится конфликт между обеими палатами по вопросу о подоходном налоге. Бюджетная комиссия палаты депутатов попрежнему стоит за то, чтобы налог считался с 1 января 1916 г., с отсрочкой для мобилизованных, для французов из оккупированных провинций, для всех, кого война лишила возможности немедленного платежа. Генеральный докладчик по бюджету в сенате Эймон склонен принять эту формулу. Но некоторые сенаторы из окружения Клемансо пользуются этим случаем для оппозиционных маневров, на которые нам указывают Рибо и Леон Буржуа. „Если так будет продолжаться, — замечает не без юмора Бриан, — я с трибуны парламента скажу правду в лицо этим лжепатриотам, которые мечтают о том, чтобы подбирать портфели во время разгрома армии“.

Галлиени зачитывает две телеграммы капитана Думейру, который был послан им к лорду Китченеру для поддержки требования о едином командовании в Салониках. Китченер предложил английскому правительству, чтобы командование согласно нашему желанию было объединено и находилось в руках французского генерала; правительство согласилось с этим, но требует, чтобы это не был генерал Саррайль и чтобы последний, как и Магон, был подчинен новому начальнику. Эта комбинация пришлась бы по душе Жоффру, который хотел бы назначить в Салоники Лиотэ или Франше д'Эсперэ. Но предложение англичан встретило резкий отпор в совете министров, особенно со стороны Пенлеве и Леона Буржуа. Наши министры находят, что не дело англичан навязывать нам выбор того или другого из наших генералов. Итак, мы благодарим британское правительство за принципиальную сторону его ответа, но будем настаивать на сохранении Саррайля во главе экспедиционного корпуса.

Англичане поддержали предложение о перевозке сербской армии в Бизерту, и итальянское правительство согласилось с ним (Баррер, № 1055).

Бриан сообщает совету министров о ходе переговоров в Лондоне в связи с предстоящим созданием большой арабской империи, столь любезной сердцу наших английских друзей. Этот вопрос с логической неизбежностью влечет за собой вопрос о Сирии. Я не был в курсе переговоров, и денеш, которыми мы обменивались, мне до сих пор не сообщались. 2 ноября были посланы инструкции Полю Камбону для передачи Жоржу Пико, на которого возложена защита наших интересов в Лондоне. Наш представитель должен был согласно конференции 1912 г. требовать сохранения нашего влияния в Сирии и Киликии. Несмотря на возражения Китченера, британское правительство, представленное сэром Артуром Никольсоном, не чинило никаких трудностей и признало нашу власть в Александrette, Адане и Киликии. Зато оно желало, чтобы в Сирии и Ливане была

установлена верховная власть меккского султана и чтобы за нами осталось только право назначения губернатора. Это означало бы отдавать под власть султана мусульманское и христианское население; между тем ни то, ни другое не привыкло и не желает зависеть от него. Кроме того англичане требуют для себя права постройки железной дороги из Каиффы, что означает конкуренцию для железной дороги из Александретты. Эта великая арабская империя не представляется на мой взгляд ничего путного, и я опасаясь действия ее на наши африканские колонии. Я предпочел бы, чтобы она не была создана, и высказал свои опасения в совете министров. Но, как видно, мы взяли на себя обязательства, причем меня не держали в курсе переговоров, а теперь, говорят мне, уже несколько поздно снова открывать дискуссию по этому поводу.

Гильмен полагает, что в наших интересах было бы весьма желательно высадить, несмотря ни на что, хотя бы часть сербских войск на острове Корфу. Сами греки-франкофилы рады были бы этому. Весь остров является, по словам нашего посланника, вотчиной германофила Теотокиса и служит одним из главнейших центров снабжения немецких подводных лодок. Мы рискуем, что в один прекрасный день будем поставлены в необходимость порвать с греками, если будем сидеть сложа руки и не дадим почувствовать свою силу сдержанно, но твердо (Афины, № 1072 и 1073).

Бриан докладывает совету министров, что Веснич несколько раз обращался к союзникам с просьбой обещать Сербии ее независимость и целостность ее территории. Но Англия и Италия не обнаруживают склонности дать эту последнюю гарантию; они желают выждать событий и щадить Болгарию. Бриан говорит, что при таких обстоятельствах он думает предоставить каждому из союзников ответить Сербии отдельно и намерен сговориться только с Россией относительно гарантирования целостности территории Сербии. Фрейсинэ высказывается в том смысле, что Франции опасно давать гарантию, если другие союзники откажут в такой гарантии, и что не следует показывать, что в недрах Антанты имеется разногласие по столь важному вопросу. Я не могу не признать силы этого довода и поддерживаю возражение Фрейсинэ. Но после заседания я констатировал, что телеграмма, о которой Бриан говорил на совете министров как о проекте, была отправлена уже вчера в девять-десять часов вечера в Лондон, Петроград, Рим и Скутари (в Лондон, № 4542 и сл.; в Петроград, № 2247 и сл.; в Скутари № 138 и сл.; в Рим, № 2227 и сл.). Надо будет все же добиваться общего решения.

Тэд и Самба очень довольны тем оборотом, который приняли дела на конгрессе социалистической партии. Они говорят, что конгресс закончится принятием очень твердой резолюции против всякого скороспелого мира. Что касается Эльзаса и Лотарингии, съезд, кажется, аплодировал всем ораторам, которые требовали исправления несправедливости, причиненной аннексией, как безусловного права, не требующего плебисцита. Особенно много аплодировали речам Тома и Самба, доказывавших необходимость продолжать войну до победного конца.

Ко мне явились мэр одиннадцатого округа Виз, председатель союза железнодорожников и председатель союза почтовиков. Они рас-

сказали мне, что основали общество „социального долга“ для восстановления жилищ, разрушенных на войне; я согласился принять почетное председательство.

Я принял Андре Тардые, который оправился от своей серьезной болезни и с радостью возвращается на фронт.

По словам Пенелона, Жоффри очень взволнован сегодняшней статьей Клемансо, в которой последний разносит главнокомандующего и Кастельно и выставляет Саррайля как жертву. Галлиени, которому Пенелон передал жалобу Жоффра, ответил: „Статья была частично „подчищена“ цензурой, но „L'Homme enchaîné“ не обратил внимания на цензурные пометки. Конфисковать газету должен был председатель совета министров, но он не сделал этого“. — „Да нет же, — замечает Бриан. — Паднях военный министр конфисковал „L'Oeuvre“ Густава Тери. Он волен был поступить таким же образом и сегодня“. Но Густав Тери не Клемансо, и жалоба Жоффра осталась без последствий.

Во второй половине дня Галлиени выступал в сенате по вопросу о призыве 1917 г. и добился большого успеха. Он очень ловко начал с хвалы комиссиям парламента, затем подчеркнул свое намерение положить конец бюрократической волоките и твердо заявил, что Франция, полтора года назад желавшая мира, теперь желает войны.

Жоффри разослал своим генералам, командующим армиями, корпусами, дивизиями и бригадами секретную записку от вчерашнего числа, 27 декабря. В ней дается резюме уроков сентябрьских битв, главным образом сражения в Шампани.

Жоффри подчеркивает, что вначале эти битвы увенчались бесспорным успехом: мы прорвали неприятельский фронт, проникли на позиции немцев, захватили пленных и снаряжение. Но успеху наших атакующих войск скоро был положен предел, и этого почти нигде не удалось изменить введением в действие свежих войск.

Первые результаты были обусловлены простыми причинами: командование сумело составить себе правильное представление об операции и подготовить ее, войска сумели энергично провести ее.

Наша идея заключалась в том, чтобы пойти в атаку на возможно широком фронте и свести таким образом к минимуму фланговые движения неприятеля, сделать для него невозможной концентрацию своих сил. Подготовка заключалась главным образом в основательной разведке позиций неприятеля, в целесообразном устройстве окопов и вспомогательных защитных сооружений, в правильном размещении пулеметов, окопных орудий, батарей, в разумном размещении наших сил, т. е. пехоты и артиллерии, в разрушительном действии последней на окопы неприятеля, на его фланги и вспомогательные защитные сооружения.

Почему же спрашивается, мы не имели успеха? „Потому, — отвечает Жоффри, — что войска в известной степени проявили недостаточную подготовку: пехота — в тех боях, которые последовали за атакой, артиллерия — в подготовке и проведении обстрела второй линии немцев; а также потому, что командование не сумело с достаточной быстротой ввести в дело новые силы, необходимые для взятия второй линии неприятеля“.

По двум последним пунктам Жоффри дает подробные объяснения. Он указывает, что в некоторых корпусах произошла путаница и отдельные части перемешались. Кроме того артиллерия во время атаки часто стреляла мимо цели, иногда она даже давала недолеты; этим она остановила натиск наших войск.

Что касается командования, то главная задача его заключается в том, чтобы подготовить операцию, т. е. разведать позиции противника, поставить сначала наши силы на надлежащее место, а затем ввести их в бой. Для надлежащего выполнения этой задачи командование должно оставаться в контакте с войсками, чтобы легко получать сведения и видеть положение собственными глазами или через своих адъютантов, т. е. офицеров своего штаба. Если командование находится слишком далеко, если оно остается прикованным к своему командному посту, подготовка оказывается неудовлетворительной, войска беспорядочно исчерпывают свои силы, действия их несогласованы, и победа ускользает из их рук.

Здесь Жоффри тоже входит в многочисленные детали относительно уроков, которые следует извлечь из недавних боев. Опыт в Шампани, говорит он, учит, что надо было быстро бросить в атаку свежие силы на всей той части фронта, на которой мы находились в непосредственном соприкосновении со вторыми линиями неприятеля. Этот опыт показывает также, что хорошо было бы, если бы какая-нибудь свободная часть, пользуясь продвижением 14-го корпуса, атаковала в направлении Тахир и Рипон, прежде чем немцы успели снова привести в порядок свои силы. Таким образом мы взяли бы Бюгг-дю-Мениль, как был взят Тру-Брико.

Чтобы ослабить в будущем замеченные недостатки, безусловно необходимо поставить под единое командование все те войска, которые должны оперировать в одном и том же атакуемом секторе. Надо будет считать правилом сопряженные действия нескольких корпусов, так как 25 сентября было очень трудно бросить с пользой в бой 6-й корпус, следовавший за 2-м колониальным корпусом.

Первоначальный натиск должен продолжаться до последней возможности атакующих войск. Затем следует перерыв, в течение которого командование должно развить интенсивную деятельность. К нему поступают донесения, оно запрашивает дальнейшие сведения, оно решает, бросить ли в бой свежие войска или нет, переносит свой командный пост, размещает пехоту, артиллерию, штабы, уничтожает препятствия на пути продвижения войск и наконец отдает приказ о новой атаке.

Жоффри приходит к заключению, что в будущем наши генеральные наступления должны быть построены по общему образцу последнего наступления в Шампани с учетом уроков этого наступления. Атака должна быть доведена до конца, должны быть приняты все меры не только для использования малейшего ослабления неприятеля, но также для того, чтобы бои не прекращались, пока в них будет необходимость.

Только высшее командование, главнокомандующий или уполномоченный на сей предмет командующий группой армий должны иметь право отдать приказ об остановке операций, если они найдут, что

ожидаемые выгоды не соответствуют необходимым жертвам, или же если они считают целесообразным направить наши усилия на другой участок фронта.

Итак, мой дорогой солдатик, нам придется еще раз проделать это! Еще сегодня наши войска пошли в новую атаку на Гартмансвайлеркопф под командой генерала Серре.

Среда, 29 декабря.

Утром встретился в Шантильи с Брианом, Галлиени, Жоффром, Фошем, Дюбайлем, де Лангль де Кари и генералом Дугласом Хейгом. Последний в очень учтивых выражениях говорит мне, что считает себя в добровольном подчинении Жоффру. Главнокомандующий и командующие группами армий докладывают нам о ходе работ по укреплению фронта. Они заявляют, что сооружение вторых линий закончено в Вердене и на всем фронте за исключением высоты Берри-о-Бак на фронте V армии. Теперь ведутся работы по сооружению третьих линий.

Затем рассматривается вопрос о газовых атаках и газообороне. Генерал де Лангль сообщает, что если он еще не использовал полученные им „волны“, то это объясняется тем, что резервуары слишком тяжелы и неудобны. Они будут заменены другими. Что касается противогазов, то маски с тройной или четверной пропиткой действуют хорошо, но их долго надевать. Сэр Дуглас Хейг уверяет, что маска, которая употребляется в его армии, функционирует превосходно. Жоффр, напротив, утверждает, что она стесняет дыхание. Галлиени настойчиво требует от главной квартиры дать ему вполне определенное и окончательное заключение, дабы он мог ускорить заказы.

Генерал Дюбайль излагает нам события во время последних боев в Эльзасе. Очевидно 152-й полк слишком быстро спустился по склону Гартмансвайлеркопфа; он не занял достаточными силами немецкие окопы, а когда последовала контратака неприятеля, полковник не выдвинул своего резервного батальона, как советовал ему генерал Серре.

Завтракаем в Шантильи. Генерал Дуглас Хейг спрашивает меня: „Когда вы пожаловали мне звезду ордена Почетного легиона, вы сказали мне, что ее носят на правой стороне груди. Генералы де Лангль и Фош носят ее на левой стороне. Почему?“ Я объяснил ему, что они кавалеры ордена первой степени. Согласовав этот вопрос с Брианом и Жоффром, я потом сказал Хейгу: „Носите вашу звезду на левой стороне. Я произвожу вас в кавалеры ордена Почетного легиона первой степени“. В качестве командующего английской армии он имел право на это отличие, и мои слова чрезвычайно обрадовали его.

Фош и де Лангль категорически заявляют мне, что не следует более жертвовать нашими контингентами в частичных наступлениях. Оба они сожалеют, что в Эльзасе предпринято было подобное наступление, о котором у нас еще нет точных сведений.

Бриан думает, что Шарль Эмбер нападет сегодня на Рибо в „Jougnal“ под влиянием Клемансо. Хотят сделать невозможной кан-

дидатуру Рибо в председатели совета министров, чтобы таким образом проложить дорогу Клемансо. Действительно, Шарль Эмбер противопоставляет в своей статье Клемансо и Рибо. Кампания ведется искусно.

Бопп телеграфирует, что в сербской армии растет уныние, так как после месяца пребывания в Скутари все еще неизвестно, как намерены поступить союзники с правительством и войсками. Корфу, Салоники, Кипр, Корсика, Сицилия, Бизерта, везите нас куда угодно, лишь бы кончилось нынешнее положение! (Бопп через Подгорицу, № 218 и сл.)

„Если мы желаем иметь через несколько недель 100 тысяч храбрых сербских солдат, — так пишет Бопп, — готовых к сильному наступлению, если мы желаем сохранить вокруг королевского правительства ядро из энергичных сербов, твердо решивших оставаться до конца верными союзниками, то мы должны перевезти сербскую армию и сербское правительство в такое место, где они смогут собраться с силами“.

Но как трудно вытащить из болота колесницу Антанты!

Сербский представитель в Дураццо сообщил полковнику Коллардэ, что 12 тысяч сербских новобранцев, шедших в Валону, дошли до берегов Воюзы, но итальянские власти направили их в Фиери, где они голодают (Бриндизи, генерал де Мондезир, № 350). Жоффри предписал генералу де Мондезир выехать в Скутари (№ 17216).

Г-н Захаров, грек по происхождению и национальности, давно живущий в Англии и Франции и очень сочувствующий нашему делу, уведомил Бриана, что он предоставляет несколько миллионов в распоряжение Венизелоса. Бриан по телеграфу просил Гильмена известить об этом бывшего греческого премьера (№ 985) [77].

Четверг, 30 декабря.

По просьбе „армейского бюллетеня“ и по соглашению с Брианом я написал обращение к войскам по случаю наступления нового года. „Ни один француз, — пишу я, — не желал этой войны, ни один француз не мог бы возыметь преступную мысль призывать эту войну. Все правительства, сменявшиеся во Франции после 1871 г., всеми силами старались избежать этой войны. Но теперь, когда нам объявили ее против нашей воли, наш долг вести ее вместе с нашими верными союзниками до победного конца, до уничтожения прусского милитаризма и до полного восстановления Франции. Предаться временной слабости было бы с нашей стороны неблагодарностью по отношению к павшим братьям и изменой по отношению к потомству“.

Мальви сообщает в совете министров о пропаганде в пользу преждевременного мира в некоторых группах социалистической партии и в некоторых рабочих организациях. Размеры движения ограничены, но в последнее время оно несколько расширилось. Наиболее затронуты им департаменты Верхней Вьенны, Изера, Роны, часть Дордони.

Вчера вечером закрылся конгресс социалистической партии. Он принял огромным большинством голосов очень длинную,

местами довольно путаную резолюцию; но она по крайней мере ясно возлагает на Германию ответственность за войну и выражает готовность воевать до победного конца. Самба и Гэд утверждают, что отныне всякий член партии будет за пацифистскую пропаганду исключаться из партии. Мальви считает, что для борьбы с этой вредной пропагандой безусловно необходимо принять меры против роста цен, так как агитаторы все время используют недовольство, вызываемое дороговизной. Совет министров принимает решение предоставить ежемесячные субсидии кооперативным мясным лавкам, которые будут созданы муниципальным советом Парижа для продажи мороженого мяса; это должно снизить цены на мясо на 20 сантимов с кило.

Вчера закрылась сессия обеих палат, после того как вотированы были временные месячные бюджеты. Сенат в конце концов пошел, хотя и неохотно, на ту формулировку закона о подоходном налоге, которая была принята палатой.

Бьенвеню-Мартэн, все еще безутешный из-за смерти своего сына, приписит мне свои дружеские пожелания к новому году.

Поль Камбон говорит мне, что вернувшийся в Лондон Китченер пользуется теперь такой популярностью, как никогда, и не уйдет из министерства. Асквит надеялся отделаться от него, а Ллойд-Джордж метил на его место. Состояние здоровья Грея все ухудшается.

Генерал Серре тяжело ранен вчера при атаке на Гартманнсвайлеркопф. Он перевезен в госпиталь в Мооше.

Пятница, 31 декабря.

Итак, наступил конец этого 1915 г., о котором Луи Мадлен скажет когда-нибудь, что если он не был самым критическим годом войны, то во всяком случае самым тяжелым и гнетущим. Жозеф Бедье в свою очередь объявит его самым „достойным“. Действительно, „священное единение“ поддерживалось без отказа, и энергия нации не изменила ни на один момент. А Жан Пьерфэ, вспоминая, сколько жизней стоили нам эти частичные наступления, воскликнет: „Ах, этот 1915 год кровавой памяти, да стоит он всегда перед глазами вождей!“ Что касается меня, то я до гробовой доски буду помнить о нем, буду вспоминать его в муках и тоске...

Префект Сены Деланнэ, явившийся ко мне с новогодним визитом, очень доволен поведением муниципального совета Парижа, который вчера вотировал — после постановления правительства — фонды для создания кооперативных мясных лавок. Они будут открыты на следующей неделе и принесут большую пользу.

Австрийская морская дивизия вышла из Катарро и бомбардировала Дураццо. Бомбардировка причинила мало вреда. Две австрийские контрминоски „Лика“ и „Триглав“ наткнулись на мины и пошли ко дну.

Король Петр выехал из Бриндизи в Салоники. Пашич сообщил вчера конфиденциально Боппу, что престарелый монарх во время своего пребывания в гостинице в Бриндизи отказывался от каких-либо сношений с итальянскими властями. Король виделся только

с вызванным им из Рима сербским посланником и объявил ему, что достоинство заставляет его молчать о недопустимых приемах, которые позволили себе по отношению к нему представители итальянского правительства, но он никогда не сможет забыть их (Скутари, Бопп, № 233). Как видно, короля заставили покинуть Валону. Итальянский генерал Бертоли объявил ему, что не представляется возможным оставить его в этом городе или же позволить ему выехать в Санти-Каранта; королю было объявлено, что он должен выехать на присланном за ним военном корабле в Бриндизи, откуда сможет отправиться в замок в Казерте, предоставленный в его распоряжение итальянским королем. На это король ответил, что отказывается от гостеприимства, предложенного на таких условиях (Скутари, Бопп, 29 декабря).

Английское правительство проявило уступчивость и изменило свой ответ по поводу единого командования в Салониках, так что мы можем поставить Саррайля во главе всех союзных войск. Клемансо, заявивший, что Кастельно послан для того, чтобы унижить Саррайля, остался на бобах.

Бриан желает создать межсоюзнический дипломатический орган, заседающий периодически по образцу военной конференции, заседавшей в начале декабря под председательством Жоффра. По мысли Бриана, совещания должны происходить в Париже. Он сообщил эту идею в Рим, Лондон и Петроград; Лондон и Петроград ответили согласием. Рим еще не ответил. Позволит ли этот проект обеспечить в интересах коалиции единство и быстроту решений и действия? Это было бы весьма желательно. Но, к несчастью, конференция еще далеко не означает единства командования.

Тем временем Жоффр накануне нового года издал следующий приказ по армиям:

„Солдаты республики! К концу этого года войны все вы можете с гордостью смотреть на свое дело и измерить величие совершенного вами. В Артуа, в Шампани, на Вэвре и в Вогезах вы нанесли неприятелю чувствительные поражения и причинили ему кровавые потери. Немецкая армия еще держится, но ее контингенты и резервы тают с каждым днем. Чтобы поддержать свой падающий престиж, она вынуждена искать легких и временных успехов на второстепенных театрах военных действий; она отказалась от мысли добиться этих успехов на главных фронтах. Все немецкие колонии изолированы и перешли в наши руки.

Напротив, союзники беспрестанно усиливаются. Обладая неоспоримым господством на море, они могут легко снабжаться, тогда как центральные державы истощили свои финансовые и экономические ресурсы и вынуждены рассчитывать теперь только на разное согласие между нами или на нашу усталость. Словно союзники, поклявшиеся вести войну до победного конца, склонны нарушить свою клятву в тот момент, когда близок час возмездия для Германии! Словно солдаты, которые участвовали в самых тяжелых боях, не из такого теста, чтобы устоять, несмотря на грязь и холод! Будем горды своей силой и своим правом! Будем оглядываться на прошлое только для того, чтобы черпать в нем основания для веры в буду-

щее. Пусть мысль о наших павших братьях внушает нам только клятву мести за них. Тогда как наши враги толкуют о мире, будем думать только о войне и победе“.

Я спокоен. Эти мужественные слова будут услышаны солдатами и народом. Однако можно ли говорить, что близок „час возмездия“ над кайзерской Германией? Год кончается, когда на горизонте еще не занялась заря победы. Но она должна взойти! Виктор Гюго был прав: „В тот день, когда угаснет Франция, на землю спзойдет мрак“.

Том VIII

ВЕРДЕН

1916

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Печальный новый год. — Бомбардировка Нанси. — Русские впечатления. — Поездка в Нанси. — Поездка на фронт X армии и в Аррас. — Эвакуация Галлиполи. — Сербское правительство в Бриндизи. — Визит полковника Хоуза. — Французские министры в Лондоне. — Поездка в Сатори. — Сербь в Корфу. — Поездка в Эльзас с председателями сената и палаты депутатов Дюбо и Дешанелем. — Черногорский король во Франции. — Цепелин над Парижем.

Суббота, 1 января 1916 г.

Унылое, пасмурное утро. Проснулся с тяжелым чувством, и мысли мои почему-то унеслись к далеким дням моего детства.

Псжарная команда Бар-де-Дюка устраивала в утро нового года серенады-концерты под окнами важнейших чиновников города. Мой отец был главным инженером-строителем, и они долго играли перед нашим домом. Под звуки этой знакомой музыки я встречал каждый новый год. Война 1870 г. и немецкая оккупация прекратили на время этот идиллический обычай. Другая война, еще более продолжительная, еще более жестокая, снова прервала новогодний этикет в Елисейском дворце, да и не только здесь. Я принимаю министров и президиумы обеих палат уже не во фраке, а в сюртуке, без всякого церемониала; затем отправляюсь в Люксембургский дворец и в Бурбонский дворец. Обменялись речами; в них отсутствует если не вера в будущее, то во всяком случае радость, и каждый из нас спешит вернуться к своему одиночеству, к своей работе.

Что несет нам этот новый год, начинающийся в обстановке столь удручающей неизвестности? В первых числах декабря представители союзных армий собрались в Шантильи под председательством Жоффра. Они обсуждали меры взаимной помощи в случае наступления немцев и решили даже предпринять целый ряд совместных согласованных наступательных действий, чтобы таким образом попытаться предотвратить наступление неприятеля. Удастся ли нам избежать таким образом большой атаки немцев? Или же немцы будут стараться опередить нас? В таком случае, на какой пункт будут направлены их усилия? По некоторым признакам неприятель угрожает в настоящий момент с одной стороны Аргоннам, с другой — Нанси.

Но возможно, что это только диверсии или маневры, должествующие ввести нас в заблуждение. По некоторым данным нашей разведки, предметом атаки неприятеля будет Верден [78]. Неудивительно, что немцы стремятся подействовать на общественное мнение взятием знаменитой крепости, запирающей для них ворота Парижа. У меня предчувствие, что сражение произойдет именно здесь. Но возможно, что во мне говорит чувство опасения за своих земляков по Маасскому департаменту и мутит мое суждение. Я решаю при первой возможности отправиться в укрепленный район Вердена и ознакомиться на месте с положением.

Я сообщил об этом своем намерении правительству; оно одобряет его. Уведомил о нем через офицеров связи также генерала Жоффра. Он выразил желание, чтобы я отсрочил свою поездку и позволил ему сопровождать меня. Я охотно обещал ему взять его с собой. По некоторые министры, и особенно Марсель Самба, протестуют против требования Жоффра. Президент республики, говорят они, имеет безусловное право совершать поездки во все места фронта, если действует в согласии с правительством; но недопустимо, чтобы он должен был советоваться с главнокомандующим. С конституционной точки зрения ничего нельзя возразить против такого взгляда. Но желание Жоффра вполне естественно, да и мне самому важно, чтобы я мог на месте в Вердене обращаться к нему с серьезными и не терпящими отлагательства вопросами.

Получил мрачный меморандум товарища председателя военной комиссии сената Будано; последний написал его в Па-де-Кале, который он представляет в сенате. Окопы в этом районе, утверждает Будано, находятся в очень плохом состоянии, запас зимних вещей недостаточен, дух солдат падает. Будано боится упадка духа солдат и предвидит возможность бунтов в близком будущем; он жалуется, что большинство генералов не уделяет достаточно внимания солдатской массе. Я ответил Будано, что в скором времени поеду лично ознакомиться с положением. А тем временем я передал его меморандум Галлиени и прошу последнего информировать меня.

Командующий укрепленным районом Вердена генерал Герр, которому известна переписка между военным министром и Жоффром по поводу тревожных сведений, привезенных в Париж полковником Дрианом, уверяет меня, что все наши оборонительные позиции вокруг крепости очень прочны. По словам генерала, войска были несколько утомлены операциями в Шампани, так как резервы были тотчас же взяты из Верденского округа и не было возможности достаточно часто сменять войска; но теперь войска вернулись и оправились.

Я указываю генералу, что недавно сам констатировал недостаточность наших тыловых позиций в южной части его сектора, против Сен-Мигиеля, между Френ-о-Мон, Ла-Бель-Валле и Пьеррфиттсюр-Эр. Он не думает, что немцам может удастся пройти через Шобовкур, но тем не менее считает полезным занять также поперечную позицию, чтобы на всякий случай запереть доступ в долину реки Эр. Пока, говорит он, нет никаких признаков, позволяющих предположить в настоящий момент, что неприятель замышляет боль-

шью атаку укрепленного района Вердена. Самое большое, возможно, что он произведет демонстрацию между Маасом и Аргоннами, для того чтобы связать наши войска на тот случай, если мы сами будем атаковать в другом месте. Мнения относительно того, в каком месте предстоит атака неприятеля, очень расходятся.

Префект департамента Мерты и Мозеля Мирман телеграфирует из Нанси: „Боши послали нам сегодня утром в подарок к новому году дощину снарядов из тяжелых дальнобойных орудий. Действие их было гораздо менее значительно, чем опасалось население. Разворочено несколько домов“.

Саррайль счел нужным, не докладывая правительству, арестовать и выслать из Салоник консулов враждебных держав; деятельность этих консулов становилась, на его взгляд, опасной для наших войск (телеграмма Гралье, Салоники, № 204 и Гильмена, Афины, № 1107). Саррайль телеграфирует военному министру, что после этой высылки в городе дарит полное спокойствие. Консулу Соединенных штатов поручена защита турецких, болгарских, немецких и австрийских подданных. Однако мера Саррайля вызвала протест не только заинтересованных держав, но и греческого правительства.

Палеолог сообщает (№ 1568 от 1915 г. и № 1 от 1916 г.) о фрейлине русской императрицы Марии Васильчиковой. Она написала царю о своих разговорах в Германии с министром фон Яговым и с великим герцогом Гессенским, а затем возвратилась в Россию продолжать там от имени этих двух лиц попытки заключения мира [79]. Она привезла с собой письмо великого герцога к Николаю II и к Александре Федоровне. По приказу царя она была сослана в Чернигов за то, что приняла на себя миссию от враждебного государя.

Воскресенье, 2 января.

Майор Ланглюа вернулся из России и сообщает мне свои впечатления. В стране уже нет хозяина. Правительство и двор все более толкают Николая II на путь реакции, между тем как в Москве под влиянием Гучкова растет либеральное движение и принимает явно враждебный правительству характер [80]. Только один генерал Алексеев действительно командует армиями. Император не занимается военными операциями. Попрежнему дает себя чувствовать нехватка винтовок. Тяжелой артиллерии не существует. До сих пор имеются только 42 орудия 105-миллиметрового калибра. Если состоится предполагаемое наступление в Галиции или Буковине, то вряд ли можно будет надлежащим образом использовать его за недостатком ружей, артиллерии, снаряжения.

Генерал де Кастельно докладывает мне о своей поездке в Грецию. Он нашел наши окопы в менее исправном состоянии, чем английские. Впрочем, говорит он, я считаю, что сил ближневосточной армии в ее нынешнем составе достаточно для укрепления занимаемых ею позиций и эвентуально для защиты их; эти позиции очень сильны. Генерал Саррайль, надо думать, другого мнения на этот счет, так как требовал очень значительных подкреплений. Но, по мнению Кастельно, Саррайль еще не мог лично убедиться в

необходимости этих новых войск, так как еще не имел времени объехать территорию, которую ему поручено защищать; он нуждается в более квалифицированных помощниках и в более квалифицированном штабе. Я сообщил об этом главнокомандующему, говорит Кастельно. Саррайль нуждается также в более полном и улучшенном лагерьном оборудовании, в постельных принадлежностях.

Понедельник, 3 января.

Думэр рассказывает мне, как он выполнил свою миссию в России. В противоположность мнению Палеолога, он попрежнему уверен, что дарское правительство после опыта с первой бригадой будет ежемесячно посылать нам войска. По приглашению императора Думэр беседовал с военным министром генералом Поливановым и начальником генерального штаба генералом Алексеевым. Принцип отправки солдат русской пехоты во Францию был принят с оговоркой, что предварительно будет сделан опыт в установленных условиях. Русские солдаты поедут во Францию не как единицы, вливаемые во французские корпуса, а как цельные русские воинские части с русским командным составом, который должен быть пополнен французскими офицерами. Эти части будут вооружены во Франции винтовками принятого во французских войсках образца. Отправляемая партия будет состоять из пехотной бригады в составе двух полков с запасными батальонами. Во главе бригады будет стоять русский генерал, во главе каждого из полков — русский полковник. Если этот опыт удастся, нам будут затем ежемесячно посылаться другие воинские части. Думэр продолжает верить в это, несмотря на полученные нами разочаровывающие телеграммы. Впрочем он выражает готовность еще раз поехать в Россию в марте, чтобы обеспечить осуществление данных ему обещаний.

Сербский посланник Веснич принес мне благодарность от короля Петра за военный крест, который мы вручили престарелому государю. Веснич думает, что Петр, впавший в мистицизм, поехал в Салоники с тем, чтобы оттуда отправиться на гору Афон и уйти в монастырь. Сербы, говорит мне посланник, чрезвычайно благодарны Франции за все, что она делает для них.

Бриан принес мне свои счета по специальному фонду и набросок окончательного расчета по 1915 г. Он говорит, что во главе цензуры поставлен член государственного совета Готье, подчиненный Галлиени, и что его ведомство помещается рядом с бюро пропаганды в большом частном доме на улице Франциска I. Как бы только эти канцелярии не стали убежищем для множества укрывающихся от фронта!

Затем Бриан рассказывает мне, без конкретных деталей, что он поручил каким-то своим эмиссарам войти в контакт с немецкими социалистами с целью вызвать в Германии пацифистское движение. Он уверяет, что дело на-мази. Но я боюсь, что он предается иллюзиям, и не скрываю от него своего скептицизма.

Киньонес де Леон¹ передал мне новогодние поздравления испанского короля.

¹ Испанский посол.

Аттивенизелестская и германофильская пресса в Греции резко нападает на союзные правительства, их посланников в Афинах и генерала Саррайля (Афины, № 10, 11 и 12).

Королева выписала на консилиум к королю Константину немецких и австрийских врачей. На обратном пути они поедут через Каваллу, куда их доставит греческий миноносец; они повезут с собой письма в Германию (№ 14).

Вице-адмирал Моро, командующий 3-й эскадрой нашей 1-й морской флотилии, составил на борту „Жанны д'Арк“ морскому министру рапорт (№ 96), в котором рассматривает под новым углом зрения театр наших военных действий на Ближнем Востоке.

Вторник, 4 января.

Совет министров. Бриан в остроумных, но неопределенных выражениях излагает состояние переговоров, начатых в Лондоне по вопросу о Малой Азии. Англия признает за нами полный суверенитет над Александреттой, Киликией и хинтерландом до Мосула, не знаю, со включением последнего или без него; равным образом она согласна теперь, чтобы Ливан с Триполи и Бейрут вошли в сферу нашего влияния. Однако вопреки нашей конвенции 1912 г. Англия оставляет за нами Сирию только под сюзеренитетом меккского эмира, а зато для себя требует Палестину и Каиффу. Бриан, напротив, требовал раздела Палестины между Англией и Францией, а также кондоминиума над железной дорогой, конечным пунктом которой будет Каиффа.

Так как, несмотря на мои требования, я до сих пор не получил еще документов, мне трудно высказаться по спорным вопросам. Впрочем я указываю совету министров, что Англия предоставляет нам те территории, которые по соглашениям, заключенным нами в начале 1914 г. с Турцией и Германией^[81], признавались сферой влияния этой последней, тогда как для себя Англия требует территории в той зоне, в которой Германия и Турция признали ее права. Следовательно, если будет заключен мир, не дающий нам удовлетворения по всем пунктам, Германия потребует для себя то, что было уступлено нам, Англия же сможет сохранить за собой то, что мы признали за ней. Поэтому это распределение должно быть поставлено в зависимость от того, получим ли мы полностью свою долю. Меня энергично поддержал Думерг; после некоторого колебания Бриан присоединился к нашей точке зрения. Затем перешли к обсуждению положения в Греции. Бриан заявляет, что телеграммы Гильмена, в общем сурово отзывающиеся о короле и его правительстве, написаны под влиянием Венизелоса и поэтому рисуют положение в слишком мрачных красках. Хотя факты снабжения немецких подводных лодок, устройства немцами радиостанций, немецкого влияния в армии и администрации доказаны, Бриан не верит этому^[82]. Адмирал Лаказ и я не скрываем от Бриана, что не разделяем его оптимизма.

Совет вспоминает, что у Бриана был план сосредоточить в Париже дипломатическую деятельность Антанты. Соннино выступил тогда

решительным противником этого проекта. Он подчеркивал, что подобный перманентный орган не будет в состоянии принять ни одного решения большинством голосов; к тому же ни одно правительство не согласится передать все свои полномочия своему представителю. Полномочные представители могут сходиться для того, чтобы на основе специальных инструкций обсуждать соглашения и подписывать договоры; но каким образом межсоюзническая конференция будет принимать твердые решения при столь быстро меняющихся обстоятельствах? (Баррер, № 3 и 4.)

Правительством принято решение перевести войска, эвакуируемые из Дарданелл, — сенегалцев и креолов — на остров Митилену, где они перезимуют. Эта возможность имелась в виду еще в июле прошлого года, когда и произошел обмен нотами по этому поводу между Англией, Грецией и Францией. Поэтому Бриан известил Гильмена, что не представляется необходимым еще раз сговариваться на этот счет с Грецией (№ 5 и 6).

Жоффри очень озабочен вопросом о нашем сообщении с Россией и имеет все основания к этому. Сообщение через северные порты отныне закрыто и вероятно на всю зиму. А между тем надо как можно скорее доставить нашей союзнице недостающее ей военное снаряжение, главным образом большую партию ружей, уступленную ей Францией и Италией (900 тысяч); из этого количества только небольшая часть (130 тысяч) уже доставлена по назначению. Для отправки этого снаряжения остается теперь только путь через Сибирь. Главнокомандующий обратился к морскому министру с просьбой изучить в самом срочном порядке и согласованно с британским морским министерством условия возможной отправки этого снаряжения через Дальний Восток. Для достижения этого берега путь через Атлантический океан, Канаду и Тихий океан повидимому является более скорым и надежным, чем путь через Суэцкий канал (Жоффри председателю совета министров, № 1222 и в морское министерство, № 1223; Бриан в Лондон, № 28 и в Петроград, № 12).

Сегодня утром Нанси снова подвергся бомбардировке. В город попали девять больших снарядов, убили трех человек и разрушили несколько зданий. Итак, атака немцев произойдет на Нанси?

Пятница, 7 января.

Бомбардировка Нанси побудила меня немедленно посетить жителей этого города и осведомиться о положении у офицеров-фронтовиков. Вчера вечером я выехал из Парижа и сегодня утром прибыл в Шампильель, где меня встретили командующий отрядом лотарингской армии генерал Дебре, префект Мерты и Мозеля Мирман и мэр Нанси Симон. Мы тотчас же отправились в город и посетили наиболее пострадавшие кварталы, а именно улицы поблизости от вокзала. Многие дома сильно повреждены или совершенно разрушены снарядами 380-миллиметрового калибра. Так как неприятель несомненно метил в железнодорожную станцию, восточная компания изменила свой график. Поезда попрежнему проходят через Нанси, но останавливаются только не доезжая его и за ним — в Шампильеле

и Ярвилле. Приблизительно 15 тысяч пассажиров поехало по железной дороге; почти столько же отправилось на лошадях или же пешком.

Первым делом я посетил гражданскую больницу, в которой помещены раненые. Меня встретили директор Круг, Ямбуа и сестра Луиза. Одна бедная старуха с искалеченным лицом говорит мне: „Мне ничего, мне ничего. Главное, чтобы не было других жертв кроме меня“. Двое детей предлагают мне цветы, белые, розовые и лиловые, которыми завалены их койки. К счастью, дети отделались легкими ранами. Я оставил им небольшие подарки и передал мэру несколько тысяч франков для пострадавших.

Круг, Симон и Ямбуа обращают мое внимание на выдающиеся заслуги сестры Луизы с самого начала войны, на ее чуткое отношение к больным без различия вероисповедания, на всеобщую благодарность и любовь, которые она заслужила в Нанси. Генерал Депре подтверждает их слова. Вынув из своего ментика военный крест, он передает его мне с просьбой наградить им сестру Луизу. Я тут же прикрепил крест к корсажу этой храброй женщины.

Затем Мирман повел меня в казарму Молитор, где нашли приют около двух тысяч беженцев из окрестных деревень. Всех их — стариков, женщин и детей — собрали в обширном манеже, превращенном теперь в церковь. Я и префект обратились к ним со словами сочувствия и ободрения; я оставил и здесь немного денег на улучшение их положения.

Оттуда направились в ратушу. Проходим через очаровательную площадь Станислава. К счастью, канада ее пощадила; все ворота и решетки остались целы и невредимы. В ратуше вхожу в зал муниципального совета. Мэр благодарит меня от имени населения города. Он говорит мне, что за исключением мобилизованных ни один муниципальный советник не оставил и не оставит своего поста; выражает мне их общую веру в победу. Я отвечаю, что город Нанси дорогой ценой платит теперь за свою свободу: в начале кампании немцы уверены были, что завладеют им, и чем больше улыбалась им эта перспектива, тем горше было их разочарование. Нанси не представляет никакого военного интереса, но они хотели отомстить великому лотарингскому городу за героизм его защитников. Преступление, совершенное немцами по отношению к этому незащищенному городу, вызовет негодование всего мира, а у наших солдат оно лишь усилит волю к победе.

Мало-помалу весть о моем приезде распространилась по городу, на площади собралась толпа и приветствует меня.

Позавтракав в поезде, я отправляюсь дальше. Меня интересует, как мы пытаемся сбить немецкое орудие. Наши думают, что оно находится на северо-восток от Шато-Салеж, у Гампон. У нас имеются одно 16-дюймовое орудие перед Нанси в лесу Шампану, одно 24-дюймовое орудие несколько дальше на восток перед Гоэвилль, одно 24-дюймовое и одно 16-дюймовое еще дальше на восток по направлению к Арракур. Эти четыре судовых орудия — единственные, которые имеются у нас для защиты Нанси против 380-миллиметрового орудия немцев. По грязным и топким дорогам я отправ-

ляюсь посмотреть эти орудия,— первое и два последних. Прошу Пенелона указать Жоффру на недостаточность этой артиллерии. Были затребованы орудия 100 Т. R. Но они не будут в состоянии сбить немецкое орудие; немцы смогут отодвинуть свое орудие дальше назад, так как оно стреляет и на более далекое расстояние, тогда как наши батареи дошли уже до предела своей мощности.

С наступлением ночи возвращаемся через Эйвиль и Люневиль. Проезжаем через Нанси, гораздо более оживленный, чем днем. В Шампиньелле сажусь в свой поезд и уезжаю в Париж.

Суббота, 8 января.

Совет министров. Я прошу Галлиени и Лаказа послать в Нанси еще несколько 16- и 24-дюймовых орудий. Лаказ, как и я, думает, что орудия 100 Т. R. будут совершенно недостаточны.

Рибо сообщает окончательную цифру подписки на заем; подписка достигла 15 миллиардов 100 миллионов. Министр финансов разработал законопроект об обложении военных прибылей.

Вивiani говорит о квартирной плате и военных судах.

Некоторые министры жалуются, что парижской прессе предоставили полную свободу в ее сообщениях. Она возвестила о предстоящей высадке нашего десанта в Корфу, тогда как мы рекомендовали союзникам держать ее в секрете. Мальви зачитывает письмо валансьеннского супрефекта Ковеса, оставшегося в оккупированной провинции и нашедшего возможность написать своему отцу, выдающемуся ученому-правоведу. Он пишет, что выходящая на французском языке немецкая газета „La Gazette des Ardennes“ регулярно перепечатывает со своими комментариями статьи Клемансо и что эти статьи деморализуют население. Вивiani, Рибо, Галлиени и Клемантель требуют, чтобы цензура проявляла больше бдительности.

На остров Корфу перевозится альпийская группа, состоящая в непосредственном распоряжении адмирала, командующего французскими морскими силами на острове Мальте. Этот отряд будет вести общую полицейскую службу на острове и должен подготовить лагерь для размещения сербских войск на острове (Жоффр адмиралу Франсу, № 100 и генералу де Мондезир в Скутари, № 101, 102 и 103).

Русское правительство торопит нас признать прокламированную в Китае монархию и Юань Ши-кай. Напротив, Япония находит нужным занять выжидательную позицию (Петроград, № 16) [83].

Генерал де Мондезир прибыл в Цетинье и был принят королем Николаем. Последний был весьма любезен и выразил генералу горячую благодарность за все, что Франция делает для Черногории. Зато король в резких выражениях жаловался на позицию Италии. В заключение он два раза повторил генералу де Мондезир, что, если Черногория будет в достаточной мере снабжена провиантом и снаряжением, она сможет, если понадобится, в течение года держаться в своих горах против австрийских войск (Деларош-Верне, № 14).

Директор французской школы в Афинах Фужер сообщил Гильмену (№ 43), по дошедшим до него отголоскам, содержание бесед

берлинского профессора Крауса в определенных кругах греческой интеллигенции. Доктор Краус, выписанный для лечения короля Константина, высказывался в том смысле, что в ближайшее время несомненно предстоит атака на Салоники; он говорил также, что болгарские войска находятся под начальством австрийских и немецких офицеров. С другой стороны, чтобы посеять недоверие к нам, он заявил, что наша высадка в Салониках только начало и что союзники замышляют занять один за другим следующие пункты: Воло, Халкедонский полуостров и даже Пирей. Он признал, что в Германии чрезвычайно возросла дороговизна и что по экономическим причинам война несомненно должна окончиться еще в течение этого года.

Во второй половине дня я и мадам Пуанкаре осматривали склады одежды и припасов для солдат в обширных помещениях на площади Биржи и на бульваре Вольтера. Склады эти устроены торговой палатой совместно с мэрами двадцати округов. Разумеется, мы тоже подписались. На нашем пути толпа встречала нас очень радушно. Не видно никаких признаков утомления войной и упадка духа. Вечером я уезжаю на фронт X армии.

Воскресенье, 9 января.

В восемь часов утра приехал в Биа, на северо-восток от Сен-Поль. Меня ожидал генерал д'Урбаль, который повез меня в открытом автомобиле вдоль фронта через Гуден, Барлен, Герсен, Сен-ан-Горль до разрушенной деревушки Бюлли-Гранэ. Здесь мы сошли и — пусть Клемансо возмущается! — надели каски. В этом головном уборе идем по вырытому в земле ходу, тянущемуся на расстоянии семи с половиной километров; влево от нас знаменитая Калоннская яма. Ход, несмотря на сырость, в довольно исправном состоянии. Он устлан решетками из небольших сосновых брусков или же досками, в которые вколочена в виде ромбов проволока; благодаря этому подвигаться более или менее легко. Мы дошли таким образом до передовых окопов, занимаемых 102-м полком территориальных войск. Полковник Жозеф Хюге, мой товарищ по школьной скамье в Барле-Дюке, показывает мне часть своего сектора; она в большом порядке. Первые позиции устроены весьма рационально и в изобилии снабжены мешками с землей; правда, амбразуры в бруствере оставляют желать лучшего; за немногими исключениями они слишком широки и слишком непрочны, так как представляют просто четырехугольник из сколоченных гвоздями досок. Все караульные в своих нишах пристально следят за неприятельскими окопами; за поясом у них маски, а перед ними пучки соломы, которые они должны зажечь в случае газовой атаки. Я спустился в несколько подземных убежищ; солдаты устроены здесь довольно удобно. Во время нашего посещения наши 75-миллиметровые батареи производили непрерывную пальбу; справа от нас начинают отвечать немецкие батареи; снаряды попадают в лесную порубку, и осколки долетают до нас. Генерал д'Урбаль советует солдатам спуститься в их прикрытие.

Жозеф Хюге говорит мне, что 102-й полк проводит двенадцать дней в окопах, а следующую двенадцатидневку — в походном лагере, тоже подвергающемся обстрелу неприятельской артиллерии. Ни минуты отдыха. Я указываю на этот факт д'Урбало; последний не знал о нем, так как утверждал, что солдаты проводят двое суток в окопах, следующие двое суток — в соседнем лагере, затем еще двое суток — в окопах и потом шесть дней — совсем в тылу. Лишний раз мне приходится констатировать, что высшее начальство, увы, слишком часто оторвано от жизни.

Вернулись назад тем же ходом в семь с половиной километров. В Бюлли-Гранэ мы встретили среди развалин солдат другого территориального полка, и я расспрашиваю их. Они из 16-го полка и не сидят в окопах, а ходят на работы. Однако они тоже жалуются, что очень долго находятся совсем близко от фронта и никогда не имеют покоя.

В целях отвода на пополнение некоторых корпусов и проведения военной учебы в тылу главная квартира перебросила вперед несколько территориальных частей под предлогом, что в окопах в настоящий момент почти совсем спокойно. Конечно на этой почве возникло то настроение среди солдат, на которое мне указывал Будано и которое может стать опасным. Я поделился этими мыслями с генералом д'Урбалем; они, как видно, поразили его, но он говорит, что ему понадобилась бы по меньшей мере еще одна дивизия, чтобы избавить солдат территориальных войск от чрезмерного утомления.

Вернувшись в тыл, завтракаем в моем поезде в Обиньи и затем направляемся осматривать размещение войск в Гот-Аванн и Марэйль. Здесь солдаты жалуются, что им дают мало соломы и что их заедают вши. Кое-где заканчивается постройка барачков, они должны быть готовы через несколько недель. Солдаты спят в темных амбарах, двери которых обычно выходят на широкие и низкие внутренние дворы, только теперь очищенные от назозных куч. Нет почти ни одной проволочной сетки, ни одного соломенного тюфяка, ни одного фонаря, ни одной печи. Я указываю на все эти недостатки генералу д'Урбало; он сваливает вину на тыл.

С наступлением ночи мы, погасив все фонари автомобилей, едем до большого шоссе, ведущего из Арраса в Бетюн, и останавливаемся в нескольких стах метров от Таржетт. Отсюда по дороге, полной рытвин и ухабов, идем пешком до развалин Невиль-Сен-Васт. Небо покрыто звездами. Тонкий серп нарождающейся луны льет свой бледный свет на унылый ландшафт. Всюду груды камней. Слево от нас отрывистый вой наших 75-миллиметровых батарей. С каждым пушечным выстрелом красные вспышки огня пронизывают темноту. Перед нами взрываются в воздух французские и немецкие ракеты; последние, к сожалению, ярче наших и дольше держатся в воздухе. На мгновение освещаются края стены, показывается кусок горизонта и снова тонет во мраке. В тени молча и быстро движутся какие-то призраки; это солдаты идут на работы или возвращаются в окопы. Мы спускаемся в несколько подземных убежищ; прекрасным проводником служит нам капитан Брюжер,

сын генерала, состоящего при штабе генерала д'Урбала. Приветствуем хозяев этих убежищ: пулеметчиков, стрелков, рабочих из территориальных войск. Обрато идем пешком по Марэйльскому шоссе. На пути встречаем походные кухни; они подвозят обед защитникам Невиль-Сен-Васта. И все время вспышки орудий и визг снарядов...

Не доходя Бетюнского шоссе, спускаемся в глубокую яму, служившую в мирное время для добычи мергеля. Повидимому немцы, когда они еще не были отброшены от этих мест, не использовали этой ямы; нашим войскам она служит теперь убежищем. Длинный и узкий проход заменяет лестницу. Внизу солдаты толпятся вокруг жаровней и свеч, которые бросают мигающие блики в темноту.

Поднимается обратно на свежий воздух. На перекрестке обеих дорог садимся в автомобиль и едем в Обиньи, где остановился мой поезд. У меня осталось впечатление, что я на мгновение побывал в аду. Но наши многострадальные солдаты остались там, и то, что для меня было мимолетным видением, является их жизнью изо дня в день, и — боже мой! — какой жизнью!

Понедельник, 10 января.

Утром д'Урбаль явился ко мне на вокзал в Обиньи, и мы отъехали на автомобиле в Аррас. Генерал Линьи рассказывает мне, что вчера в штаб 21-го корпуса приехал Клемансо с двумя сенаторами — Жерве и Анри Беранже — и перед генералом Местром осыпал упреками высшее командование за операции в Шампани. „Если он повторит это еще раз, — в гневе говорит генерал, — я не колеблясь арестую его и предам военному суду“. А между тем при штабе у д'Урбала состоит брат Клемансо Альбер, мобилизованный на службу и ведающий сборными пунктами.

Аррас подвергается все большему и большему разрушению. В нем не осталось уже почти ни одного дома, не поврежденного бомбардировкой. Мы оставили наши автомобили на вокзале, представляющем страшную картину разрушения. Осматриваем близ вокзала батарею 75-миллиметровых орудий; она помещена в прикрытиях за стенами дома. Затем направляемся по длинному ходу, вырытому в земле и вымощенному кирпичами, к нашим передовым позициям на восток от Арраса. Их защищают несколько полков 17-го корпуса, в том числе 11-й. Окопы вырыты в песчаной почве, не боящейся сырости, и поэтому имеют весьма приличный вид. Я молча останавливаюсь у одного слухового поста, но не слышу никаких звуков.

Дальше, у Суше, окопы, как и у Невиль-Сен-Васт, размыты дождем; я нашел вчера некоторые из них в очень плохом состоянии.

Возвращаемся в Аррас, где остались немногие жители, в том числе дети. Спускаемся в погреб большой семинарии, служащие убежищем для солдат. Жалкие огарки, грязная солома... Я снова указываю генералу д'Урбалу на эти изъязы.

После обеда долго объезжали различные лагеря и пункты военной учебы. Неподалеку от Авен-ле-Комт, в Симанкуре, присутствовал

на устроенном солдатами веселом „концерте на гудне“; участвовала капелла 209-го пехотного полка, а также музыканты-любители и даже профессионалы из солдат. У всех хорошее настроение. Акомпанимент — пушки.

Вторник, 11 января.

Вернувшись утром в Париж, тотчас же пробегаю телеграммы и письма, накопившиеся за время моего отсутствия. В ночь с 8 на 9 января черногорский король Николай разбудил Деларош-Верне и сказал ему, что только что телефонировал в Скутари генералу де Мондезир о крайне тревожном положении на горе Ловчен и требовал поддержки со стороны военных судов союзников. Деларош-Верне дал ему совет телеграфировать прямо герцогу Абрицкому, чтобы выиграть время. На это король ответил ему: „Я лучше умру, чем обращусь за чем-либо к этим изменникам“. Король советовал Деларош-Верне отправить своих жену и дочь в Скутари. У нашего посланника создалось впечатление, что эта ночная тревога должна служить ширмой для подготовки капитуляции Черногории. Австрийцы очень легко завоевали занимаемые ими ныне позиции; эта легкость несколько подозрительна (Подгорица, № 22). Третьего дня король Николай отправился на фронт, но четыре посланника союзных держав думают, что он склонен договориться с Австрией, если это уже не последовало (№ 23). Вчера положение ухудшилось: Австрийцы, поддержанные мощной артиллерией своих фортов и своих военных кораблей, проникли на самый массив горы Ловчен и заставили отступить черногорцев; последние вынуждены были бросить свои батареи. Наш радиопост на горе Ловчен был эвакуирован и разрушен нашими моряками, после чего они возвратились здоровыми и невредимыми в Цетинье. Отряд нашей пехоты вел себя блестяще и удержался на занимаемой им сильной позиции (№ 23).

Событие сначала возражал против высадки в Корфу отряда наших альпийских войск. Он хотел бы, чтобы ни один француз не ступил ногой на остров. Но в конце концов он согласился с доводами Баррера (№ 21, 25, 26, 27).

Министр иностранных дел получил нижеследующую телеграмму от нашего посланника в Копенгагене Бапста (№ 11): „Срочно. Секретно. На-днях дезертировал во время отпуска один немецкий летчик родом из Шлезвига, совершавший полеты в районе Вердена. Наш консульский агент во Фридрихии передал мне его слова, что немцы в ближайшее время будут атаковать нас близ Вердена. На юг от этой крепости немцы роют за линией своего фронта большие тоннели шириной в пятнадцать метров; эти тоннели проводятся ими на такое расстояние, чтобы можно было дойти до наших позиций и даже взять их с тыла. Тоннели должны послужить немцам для нападения врасплох. Летчик сообщает также, что немцы приготовили в этом районе большой запас военного снаряжения, приборы с удупливающими газами, газовые бомбы. Он заявляет, что имеет эти сведения от офицеров генерального штаба, с которыми совершал полеты. Я стараюсь получить от него дополнительные

сведения". Возможно, что в этих сообщениях есть доля фантазии, но мы не должны пренебрегать ими. Я поставил о них в известность Галлиени и офицеров связи.

В ночь с 8 на 9 января произведена была без всяких потерь полная эвакуация Галлиполи (Мудрос, генерал Брюлар, № 214).

Принц Александр по радио из Подгорицы горячо благодарит меня за военный крест, пожалованный ему правительством республики.

Прочитав все эти несколько пестрые сообщения, я председательствую на заседании совета министров. Бриан докладывает о ходе наших переговоров с Англией относительно Сирии и Палестины. Британское правительство упорно не желает отказаться от Каиффы, кроме того оно требует нейтрализации Палестины; но оно признает за нами Александретту и весь хинтерланд до Мосула со включением последнего.

Рибо и Нейль представили мне на подпись выработанный ими совместно законопроект о субсидировании судостроителей и постараются быстро провести его в парламенте.

Принц Альберт Монакский рассказывает мне, что несколько лет назад он встретился с германским кронпринцем у принца Теодора Баварского, знаменитого окулиста, отца королевы Елизаветы. Речь зашла о казابلанкских [84] дезертирах, и кронпринц отчеканил: „Мой отец поступил неправильно, пойдя на компромисс. Нация, чувствующая свою силу, никогда не должна идти на уступки“.

Среда, 12 января.

Жоффер, Кастельно и полковник Барес категорически утверждают, что кризис нашей авиации, о котором так протрубили некоторые газеты, не существует в действительности и что наше превосходство над неприятелем бесспорно. Тем не менее я требую, и министры поддерживают меня, чтобы были приняты все необходимые меры для усиления производства; товарищ военного министра по ведомству артиллерии должен предоставить сталь и рабочие руки, и, когда эта первейшая задача будет выполнена, надо положить конец кампании, которая в состоянии посеять тревогу и малодушие.

Я докладываю о найденных мною недостатках в расквартировании наших войск; об отсутствии печей, фонарей, проводочных сеток, соломы. Прошу Жоффра организовать более строгий надзор.

Дюбо и Дешанель, переизбранные в председатели, сделали мне свои официальные визиты. Дюбо попрежнему преисполнен веры, Дешанель менее мрачен, чем несколько месяцев назад.

Сегодня в три часа утра началась без каких-либо инцидентов временная скупация острова Корфу [85] (Адмирал Франо в морское министерство, № 337). Чтобы подать Германии пример международной вежливости, французское правительство решило не вселять штаб в Ахиллейон, прекрасное здание, принадлежащее Вильгельму II; я с женой во время незабываемого посещения этого острова долго молча любовались этим зданием.

Итак, сербская армия будет с нашей помощью реорганизована в типичнейшей древней Кордире. Сербское правительство решило, было, согласиться на отправку своей армии для этой цели в Бизерту и даже готово было само в этом случае воспользоваться гостеприимством города Экс-ан-Прованс; но теперь оно, кажется, предпочитает остаться вместе со скупщиной в Корфу, близ албанского побережья (Бопш, № 31, 32, 33).

Четверг, 13 января.

Заседание совета министров. Пашич заявил Бопшу и посланникам Антанты, что после взятия Негаса и Ловчена город Скутари находится под угрозой атаки со стороны австрийской армии. Он требует скорейшей отправки своей армии. Но Соннино полагает, что все 80 или 100 тысяч сербов не могут быть отправлены через Дураццо и Сан-Джованни-ди-Медуа, что часть сербских войск должна быть направлена сухопутным путем в Валону (Баррер, № 33, 35, 36). Совет министров поручает Бриану и Лаказу договориться с Англией и Италией и принять все необходимые меры для спасения сербов от угрожающей им катастрофы.

Сегодня утром в полном порядке и с замечательной быстротой закончилась оккупация Корфу нашими войсками. Вчера вечером солдаты, с согласия греческих властей, были помещены в новых фортах. Общественное мнение сначала было огорошено оккупацией, но теперь проявляет к нам все больше симпатии и даже теплоты (Корфу, Бенигни, № 1).

Согласно телеграмме, полученной вчера утром итальянским правительством, между Черногорией и австрийцами якобы заключено перемирие (Рим, № 34).

Жорж Пико, который следит в Лондоне за переговорами относительно Сирии, говорит, что английское морское министерство еще не дало своего согласия на признание наших прав на Александретту и Киликию. Он думает, что министерство уступит, однако считает невозможным, чтобы Англия отказалась от требования суверенитета над Каиффой или во всяком случае от нейтрализации Палестины.

Что касается Мосула, то, если Россия не согласится оставить его за нами, Англия будет требовать его для себя. Жорж Пико надеется поэтому, что Россия согласится признать за нами этот пункт, который Англия готова уступить нам. Впрочем вопрос не поставлен так прямо, как думал Бриан.

Пятница, 14 января.

Заседание совета национальной обороны. Принято постановление довести состав рот с Салониках до 250 человек. Это означает увеличение на 50 человек. Так как там находятся 160 рот, то это в общем сводится к дополнительной отправке Саррайло 8 тысяч человек. Кроме того будет преобразована бригада Брюлара: черная бригада будет заменена другой, колониальная бригада будет пополнена. На это потребуется один месяц. Жоффр заявляет, что это все, что он может сделать.

Мы обсуждаем, какое снаряжение можно послать России. Решено отправить туда 100 пушек 120-миллиметрового калибра и две трети нашего производства орудий 105-миллиметрового калибра вместо одной трети. Этого требовали Галлиени и Жоффри. „Клемансо, — заметил смеясь Галлиени, — находит с нашей стороны преступным посылать в Россию орудия 105-миллиметрового калибра. В этом отношении мы все одинаково преступники“.

Что касается ружей, то Жоффри предлагал послать в Россию 40 тысяч ружей образца 1907 г. вдобавок к уже посланным нами 560 тысячам ружей трех различных образцов. Но совет национальной обороны единодушно держится того мнения, что эти 40 тысяч ружей следует сохранить для реорганизации сербской армии.

Греческое правительство заявило формальный протест против отправки сербских войск в Корфу (Афины, № 103 и 104).

Приняты все меры во Франции, чтобы ускорить отправку сербских солдат из Дураццо и Сан-Джованни-ди-Медуа, а также отправку части сербской армии сухопутным путем в Валону, откуда итальянцы тоже должны доставить ее в Корфу (Жоффри полковнику Фурнье в Скутари, № 121 и 122). Но остаются еще недоразумения относительно снабжения (полковник Франсуа к Галлиени и Жоффри, № 208 и сл.).

Наш консульский агент на острове Корфу Бенигни требует присылки хлеба и угля (№ 2).

Суббота, 15 января.

Галлиени зачитывает в совете министров составленный по его поручению меморандум о дальнейших военных операциях, а также приложения относительно вооружения для России, набора рекрут в Британии, размещения железных щитов, имеющихся в нашей армии, и расхода снарядов. Так как мне невозможно было запомнить все детали, я после заседания написал Галлиени и просил его переслать мне эти материалы. В этом очень важном труде Галлиени доказывает, что у нас мало шансов прорвать немецкий фронт во Франции и что лучше искать решения на Балканах с помощью двадцати корпусов союзных войск. Таким образом военный министр занял позицию, противоположную позиции главнокомандующего. Немедленно завязалась оживленная дискуссия. Бриан и Рибо склоняются на сторону Галлиени. Фрейсинэ подчеркивает, что главным фронтом остается фронт во Франции. По мнению Леона Буржуа, весь вопрос в степени: надо действовать на обоих фронтах, не пренебрегая ни одним из них. Но Фрейсинэ настаивает на своей точке зрения. Он требует, чтобы сначала принято было решение, сосредоточим ли мы свои главные усилия во Франции или на Ближнем Востоке. Согласно требованию Фрейсинэ постановлено передать этот вопрос на рассмотрение ближайшего заседания совета национальной обороны.

После обеда я принял Мессими, недавно произведенного в полковники. Он излагает мне свои взгляды, совпадающие без его ведома со взглядами Галлиени. Он против наступления во Франции и за выступление на Ближнем Востоке в возможно скором

времени. Мессими раздраженно говорит о главнокомандующем по поводу последних операций в Эльзасе.

Отдал визит Дюбо и Дешанело. Первый жалуется на поведение Клемансс; второй говорит, что в палате все более растет недовольство Жоффром. Он сам повидимому тоже разделяет это настроение. Зато он превозносит Галлиени, его характер, его твердость. Он хотел бы видеть Галлиени главнокомандующим.

Перемирие между Черногорией и Австрией еще не подписано. Известно, желает ли король Николай сделать попытку продолжать сопротивление или он ведет двойную игру. Союзные посланники в Цетинье, в том числе и итальянский посланник, объясняют поведение короля в этом последнем смысле (Баррер, № 47).

Бриан ответил Барреру, что считает неубедительными возражения Соннино против централизации союзной дипломатии в Париже. Он напоминает, что русское и английское правительства согласились с выбором Парижа в качестве центрального пункта коалиции и дают полномочие своим послам; Бриан настаивает на том, чтобы Баррер добился в Риме того же результата (№ 107, 108, 109).

Бриан послал Гильмену следующие инструкции для ответа греческому правительству по поводу Корфу. Нейтралитет этого острова был установлен второй статьей трактата 1864 г. и гарантирован тремя державами; Франция и Австрия дали свое согласие. Однако вот уже много месяцев центральные державы нарушают этот нейтралитет: при пособничестве местных органов и не встречая ни малейшего возражения со стороны греческого правительства, они все время используют берега острова для снабжения своих подводных лодок; они неоднократно, и особенно в последнее время, использовали остров для происков в Албании против союзников. В самом деле, еще совсем недавно мы получили известие, что немецкие офицеры то и дело разъезжают между Корфу и Санти-Каранта и организуют банды албанцев против союзников.

Черногорское правительство все еще в Подгорице. Повидимому переговоры о перемирии продолжают. Неприятель уже занимает Цетинье (Скутари, полковник Фурнье, № 149 и 150).

Сербское правительство и сербский парламент выезжают из Сан-Джованни-ди-Медуа в Италию на пароходе „Город Бари“ (генерал де Мондезир, № 46—3).

Воскресенье, 16 января.

Сенатор от департамента Маас Жюль Девель — в свое время он ввел меня в парламент — рассказывает мне следующий факт: когда военное министерство отдало заказ на каски, признанные теперь столь полезными, военная комиссия сената пришла буквально в ярость, и Шерон расхаживал по кулуарам Люксембургского дворца с каскою в руке, демонстрируя всем и каждому глупость правительства.

Получена из Салоник телеграмма Саррайля (O. T., № 159), в которой он требует подкреплений: одной английской дивизии и двух французских. „Не следует скрывать от себя, — пишет он, —

что без них операции в Салониках могут, чего доброго, повести к таким же результатам, как операции в Дарданеллах“.

Завтра начинается перевозка сербов в Корфу. „Мишле“ возьмет тысячу сербов (полковник Франсуа в военное министерство, *О. Т.*, № 200).

По вопросу о балканской экспедиции Жоффри дал Бриану следующий ответ (№ 400-М): Саррайль уже получил от главнокомандующего две группы с артиллерией 75-миллиметрового калибра и 1-й полк африканских стрелков, кроме того Жоффри намерен послать в Салоники лучшие части сербской армии; далее, ближневосточная армия сможет быть усилена дивизией Брюлара, преобразованной в две бригады европейских войск; наконец все ротные единицы ближневосточной армии будут немедленно доведены до 250 человек и будут поддерживаться при этом численном составе, и кроме того в распоряжение Саррайля поступит один дополнительный батальон тыловых войск.

Ввиду того что Саррайль сообщал, что опасается шпионажа и покушений, Жоффри, по соглашению с правительством, предложил ему принять все меры безопасности, которые он считает необходимыми, взять на себя полицейскую службу и городское управление, снабжение гражданского населения, надзор за почтой, телеграфом и железными дорогами (№ 396-М).

В пятницу утром из Скутари выехали сербское правительство во главе с Пашичем, а также весь персонал посольств. В тот же вечер они сели в Сан-Джованни-ди-Медуа на пароход „Город Бари“, а вчера прибыли в Бриндизи. Завтра должен прибыть туда же и регент (Бриндизи, 15 января, телеграмма Боппа, пересланная генералом де Мондезир).

Бенигни телеграфирует из Корфу (№ 3), что, по согласованию с греческими властями, приняты все меры по размещению сербов. Выше всякой похвалы, пишет он, безукоризненное поведение французских солдат; население единодушно воздает им должное. Войска, занимавшие Ахиллейон, отозваны оттуда; там оставлен только караул.

Австро-венгерский генеральный штаб отправил 14 января из Будапешта в Константинополь радио следующего содержания: „Столица Черногории в наших руках. Преследуя бегущего в беспорядке неприятеля, наши войска вошли сегодня во второй половине дня в Петитье, резиденцию черногорского короля. Город невредим, население спокойно“.

Известие о взятии Ловчена вызвало сильное волнение в Италии (Рим, № 44).

Отправка сербов производится в самом спешном порядке в Сан-Джованни-ди-Медуа и особенно в Дураццо (Баррер, № 54).

Понедельник, 17 января.

Вспоминаю другое 17 января, в 1913 г. Прошло три года... Как много изменилось с тех пор!

Я послал черногорскому королю поздравительную телеграмму к православному новому году; теперь получил от него следующий

ответ: „Крушевац, 16 января. Глубоко тронут вашими пожеланиями к новому году и прошу выше высокопревосходительство принять мою искреннюю благодарность“. Ни слова о взятии столицы, ни слова о своем собственном уходе.

Усиливаются наши воздушные операции. Сегодня им благоприятствовала хорошая погода. Помимо полетов с целью защиты и наблюдения наши эскадрильи совершили 89 полетов в целях разведки и 50 полетов для исправления стрельбы артиллерии.

Веснич явился на набережную д'Орсэй с сообщением, что сербское правительство уезжает в Корфу.

Вторник, 18 января.

Шарль Морра в „Action française“ резко нападает на Клемансо. Что касается Клемансо как журналиста, пишет он, то его статьи — сплошная абракадабра. В них „не находишь ничего кроме склочничества, поразительного неразумия и чудовищного безразличия ко всему тому, что происходит у него под носом. Скандал начала этого века и конца этого режима заключается в том, что подобный человек мог быть допущен к власти... Что касается немцев, то будут ли они в Нойоне или Вузье, это меньше всего заботит Клемансо“. Морра обвиняет Клемансо в том, что он пытался разоружить Францию с 1906 по 1908 г. Он требует, чтобы „окончательно заковали якобы закованного человека“¹.

Полковник Фурнье телеграфировал из Скутари военному министру (О. Т., № 273), что 15-го вечером король принципиально принял условия, поставленные австрийцами: черногорская армия сложит оружие.

Из всей совокупности нашей информации вытекает как будто, что Ловчен выдан королем.

Хотя правительство предложило генералу Саррайлю шадить железнодорожные линии и искусственные сооружения на греческой территории, один союзный отряд разрушил большой железнодорожный мост у Демир-Хиссара. Греческое правительство, разумеется, заявило протест.

Сербский принц-регент выздоравливает, но состояние его здоровья все еще не позволяет ему совершить переезд во Францию; он поедет в Корфу вместе с сербским правительством (от Боппа, через Баррера, № 57).

Баррер предложил Соннино отправить в Салоники одну итальянскую дивизию. Соннино ответил, что посоветуется со своим правительством (№ 55); он не сказал Барреру, какую точку зрения он будет защищать перед своими товарищами по кабинету.

Саррайль настаивает на отправке ему подкреплений в составе двух французских дивизий. „Эти дивизии безусловно необходимы для активной защиты Салоник. Для этого недостаточно отправки разрозненных обломков сербской армии. Не отвечает этой цели и дивизия Брюлара; в ней надо заменить черную бригаду, она находится в

¹ Газета, издававшаяся Клемансо, называлась „L'Homme enchaîné“ — „Закованный человек“. — *Прим. перев.*

Митилене и может быть послана только для попомнения пострадавшей дивизии“ (О. Т., № 927—2). Жоффри стоит на своем и находит эти требования преувеличенными. Он телеграфирует Саррайлю, что по принятии всех мер численный состав ближневосточной армии — свыше 100 тысяч человек (№ 535-М и 536-М).

Тем не менее совет министров требует от Жоффра скорейшей отправки дивизии Брюлара в Салоники.

По словам Пенелона, Жоффри очень расстроен нападками Клемансо на командование.

У меня был капитан запаса Буэ, зять Саррайля. Он приехал из Салоник и сейчас возвращается туда. Он думает, что Саррайль будет удовлетворен теми силами, которые мы ему посылаем. Из Греции он писал 21 декабря Пенелону: „Спешу сообщить вам, какую радость доставил генералу Саррайлю подарок президента республики. Этот подарок напомнил генералу о любезной аудиенции, предоставленной ему г. Пуанкаре перед отъездом на Восток. Генерал Саррайль написал президенту и благодарил его“.

Из Черногории получены противоречивые известия. Полковник Фурнье телеграфирует из Скутари военному министру и главнокомандующему (№ 159): „Я узнал о разрыве переговоров между Австрией и Черногорией, последовавшем ввиду неприемлемости для последней поставленных условий. Король, королевская фамилия и дипломатический корпус выезжают завтра из Сан-Джованни-ди-Медуа в Италию. Сообщают о занятии австрийцами Вирбазара и Ридка“.

Среда, 19 января.

Депутаты де Гранмезон и Морис Бернар, состоящие в качестве офицеров запаса при штабе командира 9-го корпуса генерала Кюре, привезли мне письмо от последнего и мой бюст, довольно неудачный, но ценный для меня как воспоминание, — это единственный предмет, который наши войска нашли невредимым в Лоосе.

Румынский министр юстиции Антонеско уверяет меня, что Румыния вступит в войну, как только Россия перейдет в наступление в Галиции. „В начале войны, после битвы при Шарлеруа и перед сражением на Марне, в то время когда победа Германии казалась несомненной, у нас в Бухаресте состоялось заседание коронного совета; мы все объявили королю, что не можем стать на сторону Германии. Король подчеркивал нам, что она гарантирует нам получение Бессарабии. Мы отвечали: Россия всегда будет достаточно сильна, чтобы потом отнять ее у нас; нам нужны Трансильвания, Банат и Буковина. Когда мы в сентябре вели переговоры с Россией, она обещала нам взамен нашего нейтралитета Трансильванию и — без дальнейшего уточнения — области Баната и Буковины, заселенные¹ славянами. Когда же речь зашла уже не о нейтралитете, а о союзе, Румыния естественно желала уточнения. Россия затягивала переговоры и решила дать отдельный ответ только тогда, когда войска ее перешли в отступление. Для Румынии было

¹ Повидимому здесь пропущено „не“ (не заселенные). — *Прим. перев.*

тогда невозможно вступить в войну, не подвергая себя опасности разгрома. Но она не потеряла даром времени: она подготовила свою армию. Франция, к счастью, приняла решение остаться в Салониках. Мы знаем, что это решение было в значительной мере принято под вашим личным влиянием. Мы считаем балканский театр военных действий весьма важным и думаем, что исход войны будет решен именно здесь. Бриггману остается искренним сторонником вступления Румынии в войну“.

Соннино все еще противится созданию нового межсоюзного органа по идее Бриана, даже несмотря на согласие Англии и России. Соннино заявляет, что дипломатическая конференция с местопребыванием в Париже не сможет принимать никаких серьезных решений без предварительного доклада своим правительствам, что она не может заменить последние (Баррер, № 62 и сл.).

Четверг, 20 января.

От Баррера, № 70: „Итальянский посланник в Черногории телеграфирует 18-го, что выезжает с посланниками Англии, Франции и России в Италию. Отъезд последовал по предложению короля, переданному главой правительства, который тоже скоро выезжает вместе с королевской фамилией. Черногорский король остается в Подгорице“.

Из Скутари, 18 января, от Деларош-Верне: „Переговоры между Черногорией и Австрией прерваны. Король Николай и его семья уезжают завтра, в среду, в Италию в сопровождении правительства и дипломатического корпуса“.

Из Лондона, 19 января, от Поля Камбона, № 68: „Полковник Хоуз, личный друг президента Вильсона, выезжает завтра, 20-го в Париж через Фолькстон — Булонь. С ним едут жена и его секретари мисс Юнг, мисс Дентон и мистер К. Карвер“.

Бриан поехал в Лондон. Бергло телеграфирует ему 19 января, № 240: „Английское правительство повидимому желает продолжать предварительное обсуждение вопроса со своими колониями и деловыми людьми, прежде чем приступить к обсуждению между союзниками принципов экономического соглашения. Не является ли желательным немедленно всенародно провозгласить принцип экономической солидарности союзников? Относительно самой этой идеи легко будет прийти к соглашению еще до установления конкретных мер. Так например, достаточно будет распространить лондонскую декларацию 5 сентября 1914 г. также на экономические условия мира; таким образом у нас будет наряду с военной и политической конвенцией также экономическая конвенция. Россия уже всецело примкнула к нашей точке зрения относительно конференции и экономической антанты. Подобное соглашение и его обнародование произведут весьма значительное впечатление во Франции, у союзников, а также в лагере наших врагов. Это было бы осязательным результатом поездки в Лондон“. Бриан не преминет использовать эту мысль.

Скутари, 19 января, от полковника Фурнье, № 160: „Диплома-

тический корпус в Черногории и консульский корпус в Скутари, в Албании, выехали сегодня в Сан-Джованни-ди-Медуа. Король Николай ожидался вчера вечером в Скутари, но остался в Подгорице; это повидимому, указывает на новую попытку сопротивления или, что более вероятно, на попытку снова завязать переговоры. Сербский генеральный штаб не имеет точных известий о том, что происходит в Черногории“.

Председатель черногорского совета министров, он же черногорский министр иностранных дел, Митюшкович отправил черногорскому поверенному в делах в Париже Брюне (Бриндизи, 20 января 1916 г.) незашифрованную телеграмму, явно предназначенную для прочтения нами. Вот текст этой телеграммы: „Король и его правительство отвергли все австрийские условия и продолжают борьбу до последней капли крови. Я, королева и принцессы прибыли сюда вчера вечером. Ее величество поедет далее в Лион через Рим. Я ожидаю сегодня прибытия сюда дипломатического корпуса; мы тоже отправимся в Лион. Король со своими двумя сыновьями остался среди своих войск, чтобы организовать последнее сопротивление и облегчить эвентуальную эвакуацию. Надеюсь, что союзники помогут нам эвакуироваться, как они помогают сербам. Наш трагический конец, надеюсь, положит также конец клеветническим наветам, которые повредили нам больше, чем враг“.

Сегодня Шарль Морра опять резко нападает на Клемансо по поводу нападок Тигра на Жоффра. Морра называет Клемансо „самым третьеразрядным умом“ и пишет: „Просматривая прессу, вы увидите, какие похвалы „Кельнская газета“ расточает по адресу Клемансо. Мы не скажем, что это кара для Клемансо. У этого человека слишком грубая кожа для кары „невещественного характера“. Он будет восприимчив только тогда, когда два дюжих санитаря завладеют этой зловердной личностью, наденут на него смирительную рубаху и поведут его под холодный душ“.

Жюль Гэд, являющийся депутатом от Северного департамента, представил мне госпожу Жаке из Лилля, мужа которой расстреляли немцы. Она явилась вместе со своей двадцатилетней дочерью; обе они — весьма достойные особы. Некоторые жители Лилля скрывали французских солдат и помогали им бежать. Жаке храбро объявил себя единственным „виновным“. Он умер, как герой. Жена его показала мне очень благородное и бесхитростное письмо, написанное им перед смертью. Мать и дочь жили в достатке, а теперь остались без всяких средств к существованию. Молодая девушка тоже была приговорена немцами к пятнадцатилетнему тюремному заключению, но потом была помилована. Я послал этим храбрым женщинам вспомоществование от себя лично и постараюсь, чтобы им в срочном порядке дана была табачная лавка [36]. Отец по смерти был отмечен в приказе по армии.

Английская пресса помещает сегодня следующее сообщение: „Третьего дня в Лондон прибыли председатель совета министров Бриан, морской министр адмирал Лаказ, министр общественных работ Марсель Самба и генерал-квартирмейстер генерал Грациани. Вчера утром состоялись совещания по вопросам, касающимся

отдельных министров, а межсоюзный военный совет заседал во второй половине дня в военном министерстве“.

Из Афин, 19 января 1916 г., от нашего военного атташе, О. Т., № 215, 217: „Уже около недели отряд рабочих под руководством семи немецких офицеров производит подготовительные работы для разрушения плотин и артезианских колодцев в Мати (пять километров на север от Тианово). Разрушение их будет иметь результатом затопление территории к северу от Лариссы и стало быть прервет сообщение по большой дороге между Лариссой и Козани — Монастырь... Из этих известий можно сделать следующие выводы: 1) наводнение должно обезопасить немцев при их походе на Салоники от высадки французских войск в Воло, — в последние дни наши враги считают эту высадку весьма вероятной; 2) между немцами и королем Константином имеется соглашение: последний в нужный момент отзовет свои войска из северной Фессалии, чтобы дать место немцам. Подпись: Браке“.

Из Афин, 20 января 1916 г., военный атташе морскому министерству, № 104: „В Афины прибыла тысяча немцев в возрасте от 18 до 20 лет; им легко найти здесь места торговых служащих и т. п., так как они требуют лишь малое жалование в 30 франков в месяц. Ясно, что приезд этих людей не случайность, что этим преследуется своя цель, отнюдь не невинная... Приостановка энергичных мер, принятых нами в Салониках, Митилене и Корфу, окончательно портит положение союзников в Греции. Наше бездействие свидетельствует о нашей слабости и позволяет немцам окончательно прибрать страну к рукам. По моему расчету, это совершится через восемь дней“.

Пятница, 21 января.

Утром отправился с Альбером Тома в Сатори. Мне показывают различные типы щитов и гранат, испытывают в моем присутствия целый ряд оковых орудий в 37, 75, 58 миллиметров и т. д.

Я пригласил к себе Бриана, и он докладывает мне о своей лондонской поездке. Обсуждался вопрос о фрахтах; решено было создать в Лондоне центральный орган по распределению между союзниками тоннажа. Франция и Италия будет иметь своих представителей в этом органе.

Говорилось также о билле относительно призыва холостяков под ружье. Вначале он встречен был не очень благосклонно; при втором чтении он добился более значительного большинства. Однако английское правительство имеет в виду смягчить его. Бриан доказывал Асквиту и Грею, что недопустимо уменьшать число британских дивизий во Франции. Асквит и Грей обещали, что билль не будет изменен.

Постановлено было создать в Париже межсоюзный комитет.

Бриан был принят королем, который сказал ему: „Не надо обижать Грецию“. Я указываю Бриану на телеграммы нашего военного и морского атташе. „Это предубежденные люди“, — говорит он. Под влиянием принца Георга он полон доверия к королю Константину.

За час принял десять заложников, возвратившихся вчера во Францию в порядке обмена с Германией: префекта Северного департамента Трепона, сенатора и мэра Нойона Ноэля, генерального прокурора де Франквилля Жакуле, социалистического мэра города Туркуэн Леба и др. Каждого с волнением заключаю в свои объятия. Они рассказывают мне про свои долгие мытарства. Все они были арестованы и заключены в тюрьму под самыми вздорными предлогами. В ответ на наши приговоры над немецкими шпионами в Марокко немцы динично предъявили к нашим заложникам в оккупированных провинциях обвинение в тех же преступлениях. Разумеется, не было открыто никакого предварительного следствия; заложников увели в плен. Ноэль рассказывает, что немцы неоднократно пытались вырвать у него как у мэра Нойона заявление о гуманном обращении немецких властей.

Генеральный прокурор рассказывает, что хотя немцы заявили о своем уважении к французским судам, они тем не менее учредили специальный трибунал в Мобеже, словно намеревались включить этот город в аннектированную Бельгию.

Саррайль телеграфирует: „Салоники, 20 апреля 1916 г. О. Т., № 216, 602—3. Немцы ведут сильную агитацию среди греческих войск“.

Пашич и члены сербского правительства прибыли в Корфу. Принц Александр, больной и прикованный к постели, еще не мог выехать из Аллезио (Албания).

Суббота, 22 января.

В совете министров Бриан докладывает о результатах своей поездки в Лондон. Доклад не отличается конкретностью, в нем больше юмора, чем фактов. Как видно, не было принято никакого решения относительно дальнейших операций на Востоке, не было даже ничего намечено. Китченер отказался послать в Салоники новую дивизию. Английское правительство обещало искать средства и пути для усиления блокады Германии. Это все.

Бриан зачитывает ряд телеграмм из Греции. Когда я упомянул о телеграммах наших военного и морского атташе, он с необычайной горячностью возразил, что некоторые наши агенты, даже на набережной д'Орсэй, хотят втянуть его в политику насилия против Греции, причем Галлиени и Гильмен присоединяются к этой кампании. Но я, заявляет он, не пойду на эти рискованные шаги.

Леон Буржуа указывает на длинное интервью с королем Константином, появившееся в английских газетах и перепечатываемое сегодня нашими газетами. Это интервью — настоящий обвинительный акт против союзников. „Воздерживаясь от малейшего насилия, — говорит Леон Буржуа, — мы имеем право спросить короля, каковы его действительные намерения“.

„Да, — замечает Бриан, — я вчера видел Романоса и сказал ему, что его королю лучше было бы не впутываться в журналистику“.

Телеграмма дара (полученная через Извольского и переданная Брианом на заседании совета министров):

„Президенту республики. Обращаюсь к вам, господин президент,

с призывом помочь нашей доблестной союзнице Сербии. Значительная часть ее армии ожидает на албанском побережье перевозочных средств, чтобы не стать добычей неприятеля. Крайне необходимо спасти эту храбрую армию, которая, я в этом не сомневаюсь, впоследствии принесет очень большую пользу общему делу. Если Франция и Англия найдут возможность безопасной и быстрой отправки сербской армии на остров Корфу, их усилия послужат прекрасному и благородному делу. Николай“.

Я тут же набросал ответ, и совет министров одобрил его: „Я получил телеграмму вашего величества с горячим призывом в пользу Сербии. Счастлив уверить ваше величество, что правительство республики не колеблясь сделало по собственному почину все от него зависящее для ускорения эвакуации и транспортировки храброй сербской армии. Хотя морские соглашения союзников предоставляют операции в албанских водах Италии, мы немедленно согласились с этой державой с целью обеспечить возможно большее количество перевозочных средств и сами доставили много судов. Впрочем король, наследный принц и сербское правительство отлично оценили великодушную инициативу Франции и обратились к нам с самыми трогательными выражениями благодарности. Таким образом мы предвосхитили желания вашего величества и рады, что в согласии с сокровенными чувствами дружественной и союзной нам России могли с пользой послужить общему делу“.

В сегодняшней „Action française“ Шарль Морра напоминает, что Клемансо сильно урезывал военные бюджеты с 1906 по 1909 г. „После этого Клемансо может третировать Галлиени как простого красюбая и приписывать ему непоследовательность, которой в такой большой мере отличается он сам. Он может рассказывать что угодно о „мнимой организованности военного министерства“. Известно, что сам Клемансо представляет собой полную дезорганизацию и разброд. Что, если в ожидании его трескучей диктатуры запретить его „L'Homme enchaîné“? Я предлагаю это разделение Франции“.

В Корфу высадка сербских войск продолжается в следующих условиях (21 января, от Беттини, № 8): третьего дня и вчера в Валону прибыли 2500 сербских солдат, большей частью молодые новобранцы. Они совершенно выбились из сил и крайне измождены. Пятеро из них умерли в пути, семнадцать — по приезде.

Воскресенье, 23 января.

Вчера в четверть десятого вечера выехал из Парижа с Дюбо и Дешанелем. Сегодня в восемь часов утра прибыли в Жерармер. Снега очень мало; картина совсем другая, нежели в прошлую зиму. Дюбо валялил на себя торный картуз с наушниками, Дешанель подумал и остался при своем котелке.

На вокзале нас ожидал генерал де Вилларе. Мы отправились дальше на двух автомобилях: я сел в один автомобиль с Вилларе, на другом поместились Дюбо и Дешанель.

Остановились в Со-де-Кюв. За мостиком, переброшенным через

речку, выстроен 52-й батальон пеших стрелков. Смотр и раздача знаков отличия. Прекрасная выдержка войск.

Садимся опять в автомобили и едем дальше, к Шлухт. Туман, горизонт заволкло тучами, никакой перспективы. На перевале остановились и наблюдаем упряжки канадских собак. Мы купили этих собак по дорогой цене и выписали их с большими расходами из Аляски; теперь они мерзнут здесь в горах. Животные эти понимают только английские слова, мы с трудом научили их словам французской команды. Они запряжены в небольшие сани, которые берут меньше продовольствия, чем укладывается на спину мула.

В Шлухте мы нашли одетых в белое французских и норвежских лыжников, которых я однажды принял у себя. После их посещения набережная д'Орсэй сообщила мне депешу нашего посланника в Христиании Шевалдэ, в которой говорится, что отправка этих норвежских санитаров, возможно, подстроена Германией. Так как в Вогезах большой простор для шпионажа, я передал генералу де Вилларе эту депешу, которую нарочно захватил с собой, и советую ему зорко наблюдать за этими иностранцами.

Здания таможни, шале Гартмана, дом, в котором во время моего прежнего посещения находился лазарет, — все разрушено снарядами.

Направляемся к отелю Альтенберг, от которого осталась только груда развалин.

Густой туман. Долины Мюнстера не видно. Спускаемся в Жерармер. Погода проясняется, тучи разошлись и блеснули лучи весеннего солнца.

Через Ванье и Сокзюр взбираемся на Одеренский перевал. В Сокзюре сделали небольшую остановку и осматриваем помещения, в которых расквартирован 152-й полк, получивший пополнение после кровавых боев под Гартманом; четыре пятых его нынешнего состава — новые люди, впрочем у них хороший вид.

Проезжаем Одеренский перевал при великолепной погоде и спускаемся к деревушке Крют. Здесь сходим с автомобилей и идем через деревню; войска выстроены шеренгой, у окон домов развеваются французские флаги. Девочки-эльзаски подносят цветы. Подобные остановки делаем также в Одене и Феллерингене. Там тоже шеренги войск, знамена, энтузиазм населения.

В Вассерлинге остановились в штабе, помещающемся в замке при фабрике. После дела под Гартманом несколько снарядов упало здесь поблизости, в том числе на крышу одного из боковых флигелей.

Завтракаем в штабе генерала Полле, преемника доблестного и несчастного генерала Серре...

После завтрака принимаю в гостиной замка видных граждан. Это все верные эльзасцы, французские патриоты; я обращаюсь к ним с краткой речью, но волнение не дает мне говорить.

Затем на красивой аллее к замку — церемония вручения крестов офицерам, военных медалей, военных крестов и медалей 1870 г. верным эльзасцам, выстроившимся в три длинных ряда. Эту последнюю, волнующую задачу я разделил с Дюбо и Дешанелем...

Превосходные стрелки 27 и 66-го батальонов, выстроенные по другую сторону аллеи, дефилируют перед нами с неподвижно устремленными на меня взглядами. Несравненное зрелище патристической решимости.

В 2 ч. 20 м. отправились далее в Сент-Амарен. Он тоже недавно подвергся бомбардировке, но очень весел, разукрашен флагами, залит солнцем. Посещаем мэрию и школы. Со времени моего последнего посещения дети сделали большие успехи во французском языке.

Посетили эльзасский госпиталь.

Поехали в Моош, еще более пострадавший от бомбардировки. В госпитале видели шестнадцатилетнюю девушку с ампутированной правой ногой. Предосторожности ради койка ее находится в подвальный помещении. Очаровательная девушка, веселая, улыбающаяся, несмотря на потерю ноги.

На военном кладбище, устроенном в виде террас, прибавилось много свежих могил со времени моего последнего приезда.

Посетили могилу генерала Серре.

Затем поехали в Танн и прибыли туда с наступлением ночи. Флаги, толпа на улицах, множество детей, подносящих нам букеты цветов. Несмолкающие возгласы: „Да здравствует президент, да здравствует Франция, да здравствует наш Пуанкаре!“ (le Poincaré).

Побывали на могилах Макса Барту и молодого Бенака...

Немцы ежедневно бомбардируют Танн, особенно ту часть города, которая ближе к кладбищу. Большинство домов около церкви разрушено.

Держим путь на Вассерлинг, останавливаемся в Урбес, где посетили лазарет. Ужинаем в моем поезде, остановившемся в Бюссанг. Дюбо и Дешанель восхищены и взволнованы до глубины души.

Понедельник, 24 января.

В восемь часов выехали из Бюссанга. Едем по долине реки Туры до Бичвиллера. Здесь нас встретили колокольным звоном. Мы остановились на площади перед зданием мэрии. Выстроены войска; собрались также видные граждане; мэр обращается к нам с речью, я отвечаю, и слезы душат мне горло.

Едем в Мазво по Гундериюкскому шоссе, построенному нашими инженерными войсками.

Останавливаемся у опушки леса. Взбираемся на наблюдательный пункт. С вышки видна часть долины Эльзаса.

Погода попрежнему великолепна. Нас все еще сопровождает генерал де Вилларе. В Мазво нас встречают генерал Варен, Мессими и др. Перед мэрией — видные граждане, мэр, кюре.

На красивой площади — смотр батальона 115-й бригады и эскадрона 2-й кавалерийской дивизии.

Вручаю знаки отличия офицерам и солдатам.

Посещаю школы. Здесь тоже большой прогресс.

Уезжаем в Ружмон-ле-Шато, завтракаем в замке, где находится штаб генерала Варена, командира 2-й кавалерийской дивизии.

После обеда — в Маубахе (Мобак). Прочувствованная речь старика мэра.

На площади в Даннмари — смотр батальона 22-го пехотного полка. Я передал орден Почетного легиона старому кюре, участнику кампании, крест для Сизлена, мобилизованного в чине капитана, медали и т. д.

Посетил школы мальчиков и девочек. Большие успехи во французском языке...

Дюбо и Дешанель опять в восторге.

На обратном пути осматривали расквартирование войск в Шавани-сюр-л'Этан. В Бельфоре сели в поезд.

Вторник, 25 января.

Галлиени не присутствует на заседании совета министров: он болен, у него высокая температура. Снова обсуждается положение в Греции. Бриан, попрежнему снисходительный к Константинопулю, недоволен умонастроением Гильмена, Саррайля и союзных посланников.

Думерг требует, чтобы мы навели фактические справки и принимали все нужные меры предосторожности. Я поддерживаю его.

Наш морской атташе в Афинах еще раз телеграфирует (№ 114): „Немцы продолжают прибираться к рукам Грецию. Они достигнут этой цели мирным или насильственным путем; так или иначе, этот результат неизбежен“.

Жоффр пишет Бриану (№ 12622), что „препятствия всякого рода, чинимые итальянским правительством эвакуации сербских войск, могут повести к потери части этой армии“. Он требует, чтобы правительство самым категорическим образом выступило перед итальянским кабинетом и заставило его наконец действовать в полном согласии с нами и Англией и провести с максимальной быстротой эвакуацию сербской армии через Валону, Дураццо и Сан-Джованни-ди-Медуа, как было условлено.

Кроме того Жоффр телеграфировал полковнику де Гондрекур, военному атташе при итальянской главной квартире (№ 60, 61).

Главнокомандующий предложил следующий план действий на Балканах, принятый правительством: 1. Сохранять неизменною нашу позицию в Салониках, так как присутствие наших сил в этом городе, эта военная угроза нашим противникам, является рычагом наших политических выступлений на Ближнем Востоке. 2. Усилить экспедиционный корпус всеми частями сербской армии по мере их восстановления. 3. Подготовить уже теперь наступление местного характера на пункт большого общественного значения, например на Софию, с тем чтобы это наступление состоялось позднее, когда к нам присоединятся одно или несколько балканских государств и положение изменится в нашу пользу. 4. Помощь Италии должна в настоящий момент заключаться в следующем: а) посылка итальянской дивизии в Салоники, как того требовало недавно французское правительство; б) усиление оккупации Албании, а с этой целью усиление итальянского экспедиционного корпуса. 5. В будущем

наши выступления на Балканах должны быть согласованы с союзниками на основе предварительного изучения вопроса.

По сведениям нашего морского министерства, к 23-му сего месяца было перевезено 4 500 сербских солдат в Бизерту, 9 тысяч — в Корфу, 2 200 беженцев — в Марсель, Корсику и на Липарские острова. Среди них много больных и изнуренных.

Немцы продолжают бомбардировать Панси с аэропланов и обстреливать его артиллерийским огнем.

Наш военный атташе в Христиании телеграфирует (О. Т., № 3003—201): „Из русского источника: немцы собрали большие силы перед Верденом и Аррасом с целью атаки в день тезоименитства императора“.

Итальянский королевский поезд привез в Лион черногорского короля с частью его семьи.

Бриан просил Баррера (№ 193) запросить Саландру и Соннино, желателен ли его визит к ним в Риме. Итальянские министры ответили утвердительно. Бриан известил нашего посла в Риме (№ 180, 190), что черногорская королева лишь в самый последний момент сообщила нам о своем приезде в Лион, король же приехал в Лион, совершенно не предупредив нас об этом; на этот счет не велось никаких предварительных переговоров. Италия, подчеркивает Бриан, не должна питать какие-либо подозрения по поводу выбора этого местопребывания.

Французская социалистическая партия послала на конгресс в Бристол своих депутатов с определенным мандатом: они должны поддержать позицию британского правительства в вопросе о воинской повинности (Бриан Полу Камбону, № 295).

Опираясь на заключение Жоффра и Галлиени, Бриан настаивает перед итальянским правительством, чтобы оно не направляло сербов, как намеревалось, в Санти-Каранта, а эвакуировало их через Сан-Джованни-ди-Медуа, Дураццо и Валону, как было условлено (телеграммы Барреру, № 179, 180, 181 и 182).

Главная квартира составила меморандум, в котором рассматривает вопрос об атаке Салоник австрийцами, болгарами и немцами и приходит к заключению, что эта атака может состояться не раньше марта.

Со слов одного из своих друзей на фронте Шарль Морра сообщает, что в армии циркулируют „гнусные слухи“, занесенные туда депутатами, которые уезжали в отпуск, были в Париже в своей фракции и затем вернулись на фронт. По всей видимости эти слухи направлены только против президента республики, который „хотел войны“ и принадлежал к партии реванша. „Слух этот, — пишет корреспондент Морра, — исходит из определенного источника. Действуют ли распространители этих слухов по партийным побуждениям или по указке Германии, они действуют на-руку последней и не должны остаться безнадежными“. „Мы не пуанкаристы и не антипуанкаристы, — говорит Морра, — и думаем, что президентский кризис был бы в десять — двенадцать раз губительнее министерского кризиса... Полагаем, что Пуанкаре осведомлен на этот счет. Но надо осведомить и страну. Франция должна знать, что ее пытаются

отвлечь от забот о войне к внутренним спорам... Можно считать почти безразличным, действуют ли Клемансо и Ренодель в своей агитации по наущению Германии. Дело не в их намерениях, а в их действиях, и, если не пресечь энергично эти действия в Париже и не подавлять их суровыми мерами на фронте, они послужат на пользу неприятелю, ослабят наших и фактически будут равносильны предательству". Шарль Морра несомненно ошибается, возлагая ответственность за эти слухи на Реноделя или Клемансо.

Среда, 26 января.

Сильная бомбардировка Нанси.

Суббота, 29 января.

Тревожные известия из Артуа. Я тщетно добиваюсь подробностей у офицера связи. В полдень распорядился позвонить в главную квартиру, чтобы иметь больше шансов на информацию.

В совете министров Буржуа тоже высказывает недовольство по поводу молчания главной квартиры.

В 9 ч. 20 м. вечера военное министерство дало мне знать о появлении дещелина в Ла-Фертэ. В половине десятого мне говорят, что наши орудия стреляли по дещелину и что он летит на Париж...

Около одиннадцати часов, после всяких противоречивых слухов, префектура полиции уведомляет меня, что причинены большие материальные повреждения и имеются человеческие жертвы в 20-м округе, на улицах Панайо и Елисейской, в Менильмонтане и т. д. Я поехал в автомобиле с генералом Дюпаржем на место катастрофы и оставался там до часу ночи. Встретил там Мальви, префекта Сены Деланнэ, префекта полиции Лорана, одного муниципального советника и др. В темных улицах стояла толпа, потрясенная и молчаливая; она вела себя достойно.

Воскресенье, 30 января.

Утром поехал в Менильмонтан с Мальви. Последний рассказывает, что социалисты-пацифисты вроде Мергейма пытаются воздействовать на некоторых членов радикал-социалистской партии: Кайо, Понсо и др.; Кайо пока еще не поддается им, но настроен очень пессимистически; он встревожен нашим финансовым положением, недоволен генералами и мало верит в победу.

По словам Пенелона, у Жоффра была небольшая стычка с генералом де Кастельно, который, беспокоясь по поводу положения в Артуа, телефонировал по собственному почину генералу Фошу и просил его отправиться лично на позиции.

Жоффр, говорит Пенелон, становится все более обидчивым и недоверчивым. Не знаю, кто сказал ему, что я якобы критиковал его в Эльзасе. Он слушает подобные сплетни и теряет равновесие. Я прошу Пенелона еще раз заверить его, что он пользуется полным доверием правительства и моих. Подчеркиваю, что он не должен слушать все эти кривотолки и вымыслы или же должен обратиться в таких случаях ко мне и поговорить со мной лично.

Однако, хотя я ничего не говорю, в глубине души меня беспокоит упорный оптимизм главнокомандующего. В разговорах с ним я несколько не скрываю этого и чувствую, что порой он обижается, несмотря на всю мою осторожность и все знаки моего расположения.

Что касается положения в Артуа, то дело, к несчастью, ясно: оставляя на первых позициях только территориальные войска и отсылая регулярные войска в тыл под предлогом подготовки их к будущему наступлению, мы рискуем ослабить фронт и чрезмерно изнурить солдат территориальных войск, причем письма этих солдат должны оказать вредное влияние на настроение их семейств.

Понедельник, 31 января.

Бриан просил меня пригласить сегодня на завтрак Фрейсинэ, Буржуа, Галлиени и его. Он желает поговорить с ними после завтрака по вопросам, которые будут обсуждаться в совете национальной обороны в среду утром.

Буржуа прочитал составленную им записку о необходимости плана. Галлиени выслушал ее со скептическим видом и заметил: „Что касается меня, я не очень верю в планы и цифры“. Мы договорились только по некоторым вопросам персонального характера: о целесообразности замены генерала Дюбуа в командовании армией; Галлиени и Бриан желали бы даже сменить трех командующих группами.

Оставшись наедине со мною, Бриан рассказал мне, что он вызвал к себе директора охранной полиции Ришара и просил его наблюдать за сенатором Жерве, подозреваемым в преступной неосторожности в разговорах. „Да, — ответил Ришар, — в делах с сенаторами нелегко добиться толку“. В 1908 г., продолжал он, некий Бертон, арестованный и осужденный за шпионаж, показал, что Шарль Эмбер был немецким агентом, но Германия нашла его слишком дорогим. Это показание было тогда зарегистрировано, но следствие не было поведено дальше. Клемансо это обвинение было известно. Впоследствии о нем сообщено было также Мильерану (который никогда не говорил мне о нем). Я предложил Бриану лично ознакомиться с документами и в случае надобности допросить Бертона, который отбывает каторжные работы.

Можно ли впредь до более конкретной информации придавать веру подобным сообщениям?

Эмбер ведет себя загадочно и возбуждает беспокойство, но я не верю, что он изменник. Завтра, по просьбе Далимье, я председательствую в Трокадеро на торжестве, устраиваемом Шарлем Эмбером и газетой „Journal“; вечером Лоз беседовал со мною об этом торжестве.

Густав Эрве рассказал мне, что он действительно слышал разговор о том — речь шла о происхождении войны, — что я заключил морскую конвенцию с Россией и соглашение с бельгийским королем на предмет защиты Бельгии. Эрве подчеркивает однако, что все это говорилось весьма неопределенно и что он не придал этому

разговору никакого значения. Он находит, что среди рабочих моя популярность возросла со времени войны; говорит, что все его друзья решительно за меня и что он с удовольствием услышал, что вчера в 20-м округе меня попрежнему приветствовала толпа.

Он обращает мое внимание на то, что штабные офицеры изолированы и редко вступают в контакт с войсками. Говорит также, что хорошее впечатление произвели бы коллективная амнистия солдат, осужденных до войны на принудительные работы, и отправка их на фронт.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приезд Боша из Сербии. — Военная церемония в Троядеро. — Салоникская экспедиция. — Мы не бомбардируем незащищенные города. — Жоффри и Клемансо. — Франко-английская парламентская конференция. — Инциденты в парламенте. — Поездка в Верден; осмотр передовых позиций. — Взятие Эрзерума. — Атака немцев под Верденом и бомбардировка города. — Взятие Дуомоа.

Воскресенье, 6 февраля.

Вчера в четверть десятого вечера выехал из Парижа. К моему поезду прицепили вагон Жоффри. В восемь часов утра прибыли в Туль. Сначала отправились в ратушу, где помещается штаб генерала Рока. В присутствии войск и штаба вручил несколько знаков отличия офицерам и ленту к большому кресту ордена Почетного легиона генералу Року.

Беседовал несколько минут с сенатором Шапюи. Затем с генералом Роком отправился на фронт. Жоффри предпочел не ехать с нами, так как нам придется много идти пешком. Мы остановились за Домером и взяли себе в проводники молодого парня из Дековилля, который повел нас по вырытому в земле ходу до передовых позиций. Почти полная тишина. Лишь время от времени вижу или слышу взрыв снаряда. Осматриваю несколько прикрытий и наблюдательных пунктов, с которых открывается общий вид на неприятельские окопы. Подчиняясь желанию Рока, я надел каску. Ради бога, Клемансо, не смотрите на меня! Мне пришлось даже надеть противогаз. Впрочем это были излишние предосторожности. Вблизи нас упал только один осколок снаряда; это немцы обстреливали французские самолеты, летавшие над нами.

Возвратившись в Фуг, завтракал в поезде с Жоффри, Дюбайлем и Роком. Все трое в один голос жалуются на кампанию, которую ведет Клемансо.

Поезд привез нас в Гондрекур, где мы пересели в автомобили. В Тельянкуре и Монбра осматривали, как расквартированы новобранцы призыва 1916 г. нас встретили член генерального совета Маасского департамента Килья и муниципальный совет Тельянкура, мои старые и дорогие друзья по Маасу. Они мягко пожурили меня

ва то, что я на этот раз у них только проездом на короткое время, а не как в былые времена.

У молодых рекрут 1916 г. превосходная выправка.

В Максей-сюр-Вез мэр хотел обратиться ко мне с речью; я смеясь остановил его, и мы молча осматриваем помещения для солдат, вполне приличные.

По дороге, между маасскими деревнями, встретил Альбера Сарро, мобилизованного в чине подпоручика. После трехдневного или четырехдневного отпуска он возвращается на свой пост. Я удержал его на обед в своем поезде.

Понедельник, 7 февраля.

Жоффри благодарил меня за прекрасный, как он говорит, день, проведенный со мною. Но надо думать, он нашел мою пруть несколько утомительной для себя; он возвратился в Шантильи, а мой поезд простоял ночью близ Локзевиля, а затем в восемь часов утра пошел в Лонгевиль недалеко от Бар-ле-Дюка. Оттуда мы отправились в Во-ле-Паламей и затем в район Вердена, причем часть пути проделали в автомобиле, а часть пешком. Мне кажется, что у нас мало войск на фронте, и я поделился этим впечатлением с генералом Герром. Он, как и я, находит, что надо усилить наши боевые контингенты и оставлять впредь меньше людей в резерве. Возвращаемся в Ранзьер по грязным дорогам и топким полям. В Ранзьер я осмотрел помещения для войск и подземное убежище, вырытое на 400 человек.

Завтракаем в казармах в южной части Вердена, где помещается штаб генерала Кретьена; за завтраком — генералы Герр и Дюшен, сопровождавшие нас. Во второй части дня осматриваем в Бра и Шарни помещения для войск и врачебно-санитарные части. Возвращаемся через Сент-Менехульд, куда меня провожал генерал Герр и где меня ожидал мой поезд.

Вторник, 8 февраля.

Вчерашнее заседание военной комиссии сената носило очень бурный характер: Рене Бенара взяли в переделку по поводу цепелинов. Под тяжестью этих незаслуженных нападок Бенар говорит нам о своем решении выйти в отставку. Галлиени не отговаривает его, так как с самого начала не хотел иметь товарища министра по ведомству авиации. После заседания Мальви и Самба говорят Бенару, что его уход будет использован немцами. Но надо признать, что Бенар при всем своем уме и трудолюбии не обладает ни авторитетом, ни опытом, необходимыми для того, чтобы возглавлять столь ответственное ведомство, не подвергаясь нападкам.

В половине седьмого вечера Бриан телефонирует мне, что в его кабинете находится Бенар, который принес прошение об отставке. Бриан передал мне по телефону содержание этого прошения. В нем говорится, что на Бенара взваливают ответственность, которую должен нести не он. Действительно, комиссия хотела сделать его ответственным за размещение наших самолетов между фронтом и Парижем и даже между различными участками фронта. Он правильно

ответил, что это дело главнокомандующего, а функции его, Бенара, ограничиваются поставкой самолетов.

Ко мне явился Галлиени, уведомленный о шаге Бенара. Галлиени не желает иметь другого товарища министра и пришлет себе просто директора отдела авиации; он имеет в виду генерала Гиршауэра. Но несколько месяцев назад палата требовала отставки последнего!.. Я говорю Галлиени, что, на мой взгляд, лучше назначить на это место какого-нибудь видного чиновника-администратора.

Четверг, 10 февраля.

Перед заседанием совета министров Рибо, только что вернувшийся из Лондона, сообщает мне о результатах своей поездки. Лондонская биржа будет котировать ценности, принадлежащие французам, при условии, что это будет происходить через посредство Французского и Английского банков и выручка пойдет на оплату заказов в Англии.

Английский банк поможет Французскому банку получить в Англии коммерческие кредиты.

Английское правительство очень тревожит мысль о том, каково будет состояние финансов Англии через три-четыре месяца. Эти опасения отразились на том, что оно так скупно предоставляет нам эти мелкие выгоды.

В три часа Жюстен Годар докладывает мне о некоторых вопросах своего ведомства, а именно о формировании врачебно-санитарных отрядов для туберкулезных.

Издатель „Matin“ Бюно-Варилья говорит мне, что виделся с Брианом перед его отъездом и нашел его изнервничавшимся, обескураженным, удрученным нападками Клемансо. Бюно-Варилья хотел бы видеть своего выдающегося друга более энергичным.

Бывший префект г. Сэ, главный раввин Израэль Леви и депутат от города Лиона Мутэ, члены еврейского альянса, просят меня послать своего представителя на богослужение в синагоге на улице Победы; богослужение состоится в четыре часа в память иностранцев-евреев, поступивших добровольцами и умерших за Францию. Я обещаю послать одного из своих офицеров.

Жан Фино¹ рассказывает мне о своей поездке в Италию. По его словам, трое лиц слышали, как Барту говорил, что у него были в руках гранки статей Кальметта против Кайо, выправленные моей рукой! Я ответил, что Барту достаточно умен, чтобы не приписывать мне какого-либо участия в кампании Кальметта^[87] и не считать меня способным заодно на глупость и нелояльность. Я не упомянул, что Барту лучше кого-либо другого осведомлен относительно этой кампании и знает, что я совершенно не причастен к ней.

Этьенн говорит мне: „Галлиени совсем с ума спятил. Он заявил мне, что в стране имеется только одна сила — парламент — и что он намерен опереться на нее. Он сказал, что Жоффри устал и

¹ Журналист.

что необходимо во что бы то ни стало сменить его. Мне — таковы его слова — придется натолкнуться на оппозицию президента республики, но я сумею убедить его“.

Я ответил Этьенну, что Галлиени никогда до сих пор не давал мне повода догадываться о его желании сменить Жоффра, он, напротив, всегда говорил мне другое. Я предупрежу Бриана по его возвращении. Этьенн продолжает: „Я возмутился и доказывал Галлиени, что уход Жоффра был бы победой для Германии. По он продолжает свою политику реванша против Жоффра, [в свое время] отказавшегося поставить его во главе армейской группы; боюсь, что Галлиени упорно желает ухода Жоффра“.

В совете министров Вивьяни рассказал нам, что агентство Фурнье распространило вчера ложное известие, что Румыния якобы объявила войну Австрии; это сообщалось в запечатанных бюллетенях, которые раздавались на бирже и в других местах. Правительство постановляет закрыть на месяц агентство Фурнье и открыть следствие.

Пятница, 11 февраля.

Утром посетил госпиталь в Пантеоне, где меня встретили доктор Эмиль Шотан, бывший морской министр и профессор Поцци. Я обошел палаты. В одной из них, украшенной цветами и знаменами, устроили концерт для выздоравливающих. Перед уходом я вручил крест ордена Почетного легиона поручику Пуаньону 21-го стрелкового полка, золотые медали докторше Абади и старшей сестре Фидьер-де-Пренво и две медали, бронзовую и позолоченную, двум другим сестрам.

Во вторник Бриан жаловался в совете министров на выступления Блонделя в Бухаресте [88] и высказал мысль, что Тардьё был бы прекрасным посланником Франции в Румынии. Мальви заметил, что это вызовет серьезные возражения в парламенте. Как видно, так и случилось. Буря в стакане воды. Клемангель телефонировал, что к нему явилась делегация радикальной фракции с протестом против этого предлагаемого назначения, инициативу которого конечно приписывают мне. Статья Бареса о палате депутатов и нападки некоторых газет на парламент взбудоражили умы; со всех сторон раздаются требования, чтобы цензура защищала парламент.

Жап Таннери, командированный в военное министерство, говорит мне, что между этим министерством и министерством иностранных дел существует постоянный конфликт по вопросу о ведении экономической войны. Таннери высказывается за создание междуправительственного органа, возглавляемого одним из министров, например Фрейсинэ. Подобное же пожелание передает мне Пенелон от имени главной квартиры.

Далимье привел ко мне голландского художника Рамакерса, ведущего энергичную кампанию в пользу Франции. Это рыжеволосый молодой человек с красным лицом; он проникнут духом французской культуры. Затем был у меня префект Алжира Лефевр; он говорит, что можно не опасаться за порядок в Алжире.

Принял полковника Бриссо, которого генерал Жоффр намере-

вался послать в Китай, возможно, для того чтобы лишить его командования; Бриссо говорит, что его ссора с Конти и дружба с Юань Ши-каем сильно затрудняют его задачу. Впрочем Жоффри тоже понял это, когда я однажды указал ему на это; он обещал мне тогда вернуть Бриссо его командование. Боюсь однако, как бы этот превосходный офицер не пострадал от того, что дал правильную оценку дела под Герренкопфом и Гартманнсвайлеркопфом.

Суббота, 12 февраля.

Заседание совета министров. Бриан все еще в Риме, где его восторженно принимают.

Еще раз обсуждаются законы о квартирной плате и о военных прибылях.

От трех до четырех часов дня был у меня Фрейсинэ. Он говорит, что его беспокоят растущие притязания палат по части парламентского контроля на фронтах. Фрейсинэ боится, что в угоду парламенту Галлиени предоставит слишком большие льготы депутатам и скажет им: „С моей стороны я предоставил бы вам всяческий простор, я сторонник парламентского контроля, но генерал Жоффри не желает этого“. Надо, говорит Фрейсинэ, в спешном порядке упорядочить контроль парламента, установить, что каждая миссия должна иметь определенное задание и что депутаты ни в коем случае не должны выступать с критикой перед офицерами и солдатами. Я разделяю мнение Фрейсинэ и говорю ему, что по возвращении Бриана нам придется вдвоем поговорить с ним об этом. „Один из моих друзей, — продолжаю я, — не желающий быть названным, имел с Галлиени разговор, который меня очень беспокоит“. Я передал Фрейсинэ рассказ Этьенна, приведенный мною выше. „Все это, — заметил Фрейсинэ, — подтверждает мои опасения и подозрения. Поведение генерала Галлиени за последние недели внушает мне подозрения. В свое время он выступил в палате (с твердостью), чтобы придать себе в глазах общественного мнения ореол сильного человека; но вместе с тем он заискивает перед депутатами, во всем уступает им и сваливает на Жоффра всю ответственность за то, что им может не понравиться. Мне кажется, что у него очень честолюбивые планы, что они идут очень далеко... В военном министерстве он издавал циркуляр за циркуляром, чтобы казалось, будто он упраздняет волокиту и борется со злоупотреблениями. Но в действительности он ничего не сделал и ничего не делает. Он желает лишь пускаться пылью в глаза. Его поведение беспокоит меня. Что касается меня, то, если правительство позволит тронуть Жоффра, я выйду из правительства. Я отлично знаю, что Жоффри не совершенство, но есть ли у нас другой, лучший генерал, чтобы заменить его? С назначением Кастельно парламент не согласится по политическим соображениям. В таком случае, кто же?“ Мы условились, что устроим совещание с Брианом по его возвращении.

Пришел Дюбо, беседовал со мной, как всегда, в очень дружеском тоне и отнял у меня часть времени, предназначенного для аудиенций.

Рево Бенар рад, что вышел в отставку, и говорит мне, что уезжает на фронт, где будет служить в штабе I армии.

Генерал Бодмулен говорит мне, что нашел свою территориальную дивизию в хорошем состоянии.

По словам Беназе, палата взбешена нападками Бареса и требует вмешательства цензуры. Она настроена также очень враждебно в вопросе о назначении Тардьё в Бухарест.

Круппи, побывавший в Лотарингии, очень ободрен видом наших войск.

Генерал Педойя говорит мне: „Я пришел к вам не как депутат и не как председатель военной комиссии, а как старый генерал“. Он жалуется, что командование продолжает бесцеремонно расправляться с генералами, причем иногда это делается для продвижения на их место ставленников главной квартиры.

Среда, 16 февраля.

Франклен-Буйон сообщает мне, что члены франко-британской междупарламентской конференции придут в воскресенье. Он считает желательным, чтобы Бриан представил их мне в понедельник утром. Согласен.

Франц Журден, Шаба и Боннье явились пригласить меня на трехгодичную выставку.

Депутат от департамента Маас Рево говорит мне, что его одолевают мрачные мысли. Он получил плохие сведения о состоянии умов в оккупированных провинциях: очень многие привыкают к оккупации. Рево любит парадоксы и несомненно преувеличивает.

У меня был отставной губернатор колонии Рей, который добровольно пошел в армию в качестве простого канонира и служит на фронте в одной батарее со своим сыном. Он говорит, что дисциплина в армии попрежнему безукоризненна.

Четверг, 17 февраля.

На заседании совета министров Фрейсинэ настойчиво спрашивает меня, состоялась ли беседа Бриана с Галлиени. Я послал Бриану записку с тем же вопросом; он отвечает, что назначил Галлиени свидание сегодня после обеда.

А пока что Галлиени попрежнему выказывает перед парламентскими комиссиями готовность идти на всяческие поправки и сваливает на Жоффра ответственность за отказы.

С другой стороны, после заседания Тьерри и Тома говорят мне, что военная канцелярия Галлиени всячески третирует их и что они придут ко мне рассказать об этом подробнее. Неужели нельзя найти выход в этой путанице?

Бриан сообщает, что охранка и контрразведка намерены прибегнуть в необычайному приему: один агент-бельгиец должен совершить как бы воровство у германского военного атташе в Берне. Совет министров согласен с Брианом, что надо запретить эту авантюру, которая в случае неудачи может взбудоражить общественное мнение Швейцарии.

Бриан сообщает, что до сих пор ему не удалось уговорить Абеля Ферри взять обратно свое предложение о правительственном контроле на фронте, фактически направленное против высшего командования.

Абель Ферри считает, что большинство палаты пойдет за ним, и намерен выступить с рядом обвинений по поводу операций 1915 г. Я требую от Бриана, чтобы он проявил большую твердость и со всей силой отверг вмешательство палаты в военные операции. Фрейзинг энергично поддерживает меня.

Бриан возмущен Шарлем Эмбером, который выступил вчера в комиссии сената с очень резким докладом и хвастался, что будет бить стекла. „Пусть он остережется, — сказал Бриан в совете министров, — если не желает, чтобы я разбил ему физиономию“. По словам Бриана, „Jougnal“ явно открыл кампанию, разлагающую умы.

Пятница, 18 февраля.

Вспоминается Париж три года назад: праздничная толпа, приветственные возгласы, у всех сердце преисполнено надежды... А теперь? Война, неприятельское нашествие, убитые и эта мерзкая кампания, выставившая меня виновником всех этих катастроф!

Послал великому князю Николаю Николаевичу поздравительную телеграмму по поводу последних побед русского оружия [89]. Он ответил мне следующей телеграммой: „Тифлис, 17 февраля 1916 г. Очень тронут поздравлениями, с которыми вы обратились ко мне и к командуемым мною доблестным войскам по поводу взятия Эрзерума. Взятие этого города несомненно будет иметь важное значение для счастливого исхода наших общих усилий. Прошу вас, господин президент, принять от меня и от доблестных кавказских войск искреннюю и сердечную благодарность. Великий князь Николай“.

Шарль Бенуа говорит, что он лишь вполголоса шепнул Бриану в палате: „правительства не существует“, но Бриан использовал эти слова с трибуны, так как нуждался в диверсии. Я мимоходом спрашиваю его несколько подтрунивающим тоном, не собирается ли он выставить свою кандидатуру на одно из вакантных мест в Академии. Он отвечает серьезным тоном, что друзья советуют ему выставить свою кандидатуру. Впрочем он уверяет меня, что очень занят теперь, ведет политическую хронику в „Revue des Deux Mondes“, доставшуюся ему после смерти Шарма, вполне удовлетворен этой работой и не желает более „ничего“. Действительно, он ни слова не говорит мне о месте Баррера, которого уже давно добивается. Но разве место в Академии — „ничто“?

Был у меня Андре Тардьё, который вчера был отмечен в приказе по армии за храброе поведение под огнем неприятеля; он — капитан 44-го стрелкового батальона, участвовавшего в деле на холме Вими. Тардьё желает, чтобы решен был вопрос о его дальнейшей работе. Бриан обещал назначить его посланником в Бухарест; но против этого протестовали радикальная и радикал-социалистская фракции: они заявляют, что Тардьё с начала войны

заял антипарламентскую позицию, кроме того они вспомнили старое, аферы Нгоко-Санта и Гомс-Багдад [90].

Я сообщил Тардые об этих возражениях, не солидаризируясь с ними, так как очень высоко ценю Тардые. Он говорит мне, со слов Бриана, что последний решил не считаться с ними. Во всяком случае Тардые просит, чтобы либо отказались от назначения его в Бухарест, либо послали его туда без проволочек. На вчерашнем заседании совета министров Самба, Мальви, Комб и Клемантель доказывали, что назначение Тардые произведет плохое впечатление в палате. В свою очередь генерал Галлиени предложил на пост посланника в Бухаресте генерала Фамена.

Мне сделал визит Джеймс Анесси, брат Жапа, тоже депутат; он мобилизован в чине лейтенанта флота. По его словам, Бриан очень вырос, и положение его в палате блестяще. Шарль Бенуа сказал мне: „Сегодня вечером я буду знать, есть ли у нас правительство. Если Бриан воспротивится обсуждению предложения Абеля Ферри, он поступит, как настоящий вождь. Если нет... По говорят, что он согласен с Абелем Ферри“. Я заметил, что ничего подобного, что, напротив, Бриан и Вивиани сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать Абелью Ферри поставить с трибуны вопрос, касающийся высшего командования.

У меня был Жоннар. По его словам, Египту уже не угрожает атака неприятеля. Жоннар жалуется на материальные повреждения, причиняемые англичанами в Па-де-Кале. Он говорит, что надо сделать что-нибудь в пользу туземцев-мусульман, причем не комнаты для паломников в Мекке или мечеть в Париже, а что-нибудь в области налогового обложения, закона Торренса или представительства в местных советах.

Печально проходит эта годовщина моего вступления на пост президента! Префект Мааса позвонил мне, что перед моей родовой усадьбой в Ньюбекуре произошел несчастный случай: взорвался грузовик с 155-миллиметровыми снарядами; силой взрыва совершенно разрушен этот дом, связанный для меня с дорогими воспоминаниями; частично разрушен также дом моего дяди Полена Гильона.

Палли-де-ла Баррер, писавший недавно: „Президенту республики принадлежат большие прерогативы; пусть он использует их“, теперь не без замешательства признается, что у меня нет никаких прерогатив.

Маркиз де Дампьерр говорит, что, по надежным полицейским сведениям, Германия и Австрия сговорились создать королевство польское и возвести на его престол эрцгерцога Стефана Габсбургского [91].

Слышу от Марселя Гютена, что мне все еще приписывают, даже на фронте, оппозицию против применения газов.

Вернулся из России Лакур-Гейэ. Он сожалеет, что был лишен возможности побывать в Румынии. Привез мне записки о своем пребывании в России. Он отовсюду слышал о влиянии Распутина; в Москве констатировал невероятную непопулярность императора.

Вчерашнее заседание палаты тоже было не благоприятно, несмотря на всю ловкость Бриана и успех правительства.

Шарль Бенуа предупредил меня утром, что Бриана обвиняют в согласии с направленным против правительства предложением Абеля Ферри. Я передал Бриану об этом слухе, впрочем и без того дошедшем до его сведения. Для вящего опровержения этого слуха Бриан поставил при голосовании предложения Абеля Ферри вопрос о доверии. Предложение было отвергнуто, но 153 депутата высказались за открытие прений, и левая сильно аплодировала Абелю Ферри.

Сегодня в совете министров Бриан как бы мимоходом рассказал, что во время заседания палаты генеральный контролер Бонн, один из горячих приверженцев Галлиени, беседовал с Абедем Ферри и что этот разговор подал повод к кривотолкам: разнесся слух, будто военное министерство согласно со взглядами Ферри против высшего командования.

„...Если мне приходится защищаться против подобных рассказов, — заметил Галлиени, — то имеется простой выход: я уйду“. — „Генерал, — возражаю я, — если бы вы командовали армией, вам не приходило бы в голову уйти. Теперь на вас тоже лежат обязанности, которые вы не можете оставить“.

Шарль Эмбер выступил на днях в военной комиссии со страстным докладом против Альбера Тома и высшего командования. Тома уверяет меня, что в минувшее воскресенье Галлиени имел продолжительную и интимную беседу с Клемансо и что доклад Шарля Эмбера был составлен последним при участии Клемансо, Шерона, Беранже, Думера и Жаннаней.

После заседания Клемантель, Тома и Тьерри высказывают по этому поводу Бриану свои предположения. Он неопределенно заявляет, что уже предупредил Галлиени и с той же целью намекнул в присутствии всех министров на разговор генерального контролера Бонна с Абедем Ферри. Однако сам же Бриан высказывал в совете министров недовольство главной квартирой и снова выдвинул мысль о том, что необходимо сменить всех командующих группами. А Галлиени огласил письмо, написанное им Жоффру по поводу генерала де Мод Гюи, который жалуется, что ему не возвратили его командование. Генерал Жоффр ответил, тоже письмом, что жалобы генерала де Мод Гюи несовместимы с дисциплиной и что командование не будет ему возвращено, пока он будет проявлять подобные настроения.

Чтобы предотвратить предложение Виолетта, Галлиени предложил мне на этих днях на подпись декрет, согласно которому молодые офицеры не должны засиживаться в штабах и должны предвзрительно пройти строевую службу. Сама по себе это превосходная мысль. Но записка Галлиени, который сделал свою карьеру на службе в колониях и недолюбливает высшую военную школу, пришлась не по душе офицерам генерального штаба. По словам Пенелона, некоторые из них очень раздосадованы ею, и Жоффр в письме

к Галлиени жаловался на выражения, употребленные в записке военного министра.

Все эти инциденты весьма прискорбны, они могут лишить Жоффра душевного спокойствия, в котором он нуждается накануне наступления немцев. Я говорю об этом в совете министров, и меня поддерживает Фрейсинг.

Но Буржуа, Мальви и Рибо встревожены делом де Мод Гюи. Вивьани требует изменения статьи 2-й декрета о полевой службе, которая предоставляет слишком большой простор главнокомандующему. Галлиени находит изменение ее безусловно необходимым.

Буржуа замечает в совете министров, что цензура проявила сегодня, пожалуй, слишком большое усердие в отношении статей, трактующих о вчерашнем заседании палаты. Он показывает номер „Figaro“, в котором цензура изъяла деликатно всю статью Капюса. Бриан говорит, что Капюс превозносил его до небес и противопоставлял его парламенту. „Меня уже прочтут в диктаторы. Я не могу допустить, чтобы мне пели дифирамбы в противовес парламенту. Диктатор! Нет, благодарю за честь. Не завидую тому, кому достанется это удовольствие“.

Он запустил руку в свои длинные волосы — эта манера все более входит у него в привычку — и разглаживает их пальцами. Затем — это тоже стало у него привычкой — он оставляет на четверть часа заседание и идет бродить по комнатам и курить папиросы у Сенсера. „Это — восточный человек, — говорит Сенсер, — у него взгляд восточного человека; он курит, как житель Востока, предаваясь своим думам...“

Мальви получил письмо от префекта Маасского департамента Обера. Последний был уведомлен военными властями, что необходимо немедленно эвакуировать ряд деревень в укрепленном районе Вердена, а через несколько дней и сам город. Со дня на день ждут мощной атаки немцев. Префект спрашивает, должны ли гражданские власти оставить город после эвакуации населения? Совет министров полагает, что об этом надо спестись с военным командованием.

Дюбо говорит мне, что однажды вечером Думер рассказывал в сенате следующую историю: Галлиени якобы заявил в совете министров, что необходимо сменить Жоффра, приступили к голосованию, причем все голоса якобы были поданы за Галлиени, не считая его собственного. И Думер рассказывал это в похвалу Галлиени!

На вчерашнем заседании палаты во время обсуждения предложения Ферри присутствовал полковник Вальер, несколько тугой на ухо. Судя по движению в зале заседаний, он решил, что кабинет свергнут. Он плохо расслышал сообщение о результате голосования и приехал в Елисейский дворец в большом волнении с известием о министерском кризисе. Генерал Дюпарж и Сенсер ввели его в мой кабинет, где он пробормотал мне эту печальную весть. У меня вырвался жест удивления и досады, но я тут же сказал: „Я откажусь принять отставку кабинета“. Сенсер, желая знать детали, позвонил в президиум совета министров, где его немедленно успокоили. „Нужды нет, — сказал он мне после этой ложной

тревоги, — ты правильно подошел к ситуации, нашел ключ к ней. Не принять отставки кабинета — это был единственный выход“.

В совете министров Галлиени зачитал записку, составленную, как мне думается, под влиянием Таннери и Пенелона. В ней говорится о необходимости объединить под общим руководством все ведомства, имеющие отношение к экономической войне. Я предложил возложить это руководство на Фрейсинэ. Все конечно поддержали мою мысль. Но Фрейсинэ отнесся к ней сдержанно и попросил времени на размышление. Во второй половине дня он пришел ко мне и сказал, что боится, что эта задача будет ему не по силам. „Когда я вступил в кабинет, я не намеревался оставаться в нем. Я хотел облегчить задачу Бриана и по прошествии двух-трех месяцев уйти. Остался я в кабинете главным образом из-за тревожившего меня вопроса о высшем командовании, а также ради вас, чтобы не оставлять вас в такое трудное время. Но я попрежнему боюсь, что вынужден буду уйти на покой“. Я благодарю Фрейсинэ, говорю ему, что меня страшит перспектива его ухода, но если предложенная задача кажется ему слишком обременительной, то пусть он лучше откажется от нее; но я убедительно прошу его остаться на своем посту в министерстве. Он отвечает, что делает все, что в его силах, но непременно уйдет, если поставят вопрос о смене главнокомандующего, и что его очень беспокоит позиция Галлиени.

Главная квартира определенно убеждена, что немцы собираются предпринять мощную атаку на Верден, и предупредила меня об этом через генерала Пенелона. Противитель продолжает с настоящим остервенением бомбардировать крепость. Генерал Жоффри думает, что взятие Вердена имело бы для Германии несравненно более важное значение, чем одновременное взятие двух или трех наших укрепленных городов вроде Туля и Бельфора. Германия находится во власти традиций 1793 и 1870 гг.

Воскресенье, 20 февраля.

Выехал вчера в четверть десятого вечера из Парижа и приехал в восемь часов утра в Берри-ан-Шампань. Меня встретили генералы де Лангль де Кари и Гуро. Последний все еще хромает и передвигается с трудом.

Поехал далее на автомобиле с генералом де Лангль де Кари. В нескольких километрах от фронта мы сошли с автомобиля и направились вдоль очень размытого траншейного хода к нашим передовым позициям на западе от Оберив-сюр-Сюинп.

Осматриваем первые линии. По новым инструкциям войска размещены более в глубину. В первой траншее, служащей для стрельбы, очень мало людей; местами даже заделаны амбразуры, частично над траншеей протянута накрест колючая проволока. В траншее лишь караульные посты да несколько солдат в подземных прикрытиях. Вторая, опорная, траншея многолюднее, особенно же траншея, служащая прикрытием для артиллерии. Таким образом в случае газовой атаки мы, можно сказать, жертвуем первой линией,

но несем менее потерь людьми; потерянная территория должна быть потом взята обратно в контратаке.

Стреляет артиллерия. Это пристреливаются наши 75-миллиметровые орудия. Погода стоит хорошая. Солдаты очевидно всюду очень рады меня видеть. Один узнал меня в траншейном ходу и приветствует меня словами: „Да здравствует Лотарингия“. В основных рощах, очень поредевших, — командные посты бригадного генерала и полковников; посты устроены в подземных прикрытиях, обитых бревнами и очень удобных.

Завтракаю в поезде с генералами де Лангль де Кари, Гуро и де Митри.

По мнению де Лангль де Кари, в ближайшее время предстоит мощная атака немцев на Верден и на фронт в Шампани.

Генерал Жоффри закрепил укрепленный район Вердена за центральной армейской группой, находящейся под командой генерала де Лангль де Кари. Последний получил подкрепления, в том числе также тяжелую и полевую артиллерию. Во второй половине дня осматриваю в сопровождении генералов де Лангль де Кари и Гуро барак в Мурмелоне, расквартирование войск и лазареты.

Затем смотр трех полков, батальоны которых храбро защищали 9—12 февраля позиции „Шампийон“ и „Картофель“. Войска лишь третьего дня вышли из окопов; у них прекрасный боевой вид.

Раздаю знаки ордена Почетного легиона, военные медали и военные кресты; получившие их офицеры, унтер-офицеры и рядовые дрались, как львы. Когда я обнимаю их, некоторые плачут от волнения. Во время церемонии Пенелон читает вслух выписки из приказа; они блестящи.

Генералы де Лангль де Кари и Гуро потрясены так же, как и я. Это одна из самых прекрасных церемоний, которые я видел в жизни. Эти покрытые грязью солдаты ослепительно прекрасны.

Ужинал в поезде наедине с генералом де Лангль де Кари. Он сожалеет, что операции в Шампани не были прекращены по прошествии двух суток. Высшее командование, говорит он, редко советуется с исполнителями. Он критикует частичные наступления, говорят, что они стоят нам больших потерь и не приносят пользы. Генерал придает большое значение ближневосточному фронту, не очень верит в возможность прорыва, считает, что во всяком случае к этому следует приступать впредь только постепенно, нанося удар за ударом.

Понедельник, 21 февраля.

Бриан, Франклин-Буйон, Лейг, де Шамбрец, Пипон и др. представляют мне члены палаты общин и палаты лордов, входящих в состав франко-британской парламентской конференции.

Серьезные известия из Вердена. Город был бомбардирован из тяжелых орудий и сильно пострадал. 165-й пехотный полк, защищавший Гомонский лес, был атакован превосходными силами и должен был оставить свои позиции.

Когда Бриан пришел представить мне англичан, я как раз писал

ему по поводу тех перемен, которые он намерен произвести в командовании армиями. Я писал ему: „Я и Фрейсинэ считаем, что, пока вы не сговоритесь с главнокомандующим, лучше не упоминать об этом, даже на совещаниях правительства. Боюсь, как бы мы не оказались на положении того больного, который ворочается на своей постели и воображает, что это приносит ему облегчение. Мы дискредитируем одного за другим своих вождей, не будучи уверены, что найдем лучших. Не будем же отказываться от тех, у которых есть опыт войны, пока у нас не будет уверенности, что мы можем заменить их другими, не вызывающими возражений“.

Бриан ответил мне, что вполне согласен со мной. Он хотел лишь заменить Дюбуа генералом де Мод Гюи, де Вилларе — Жераром, а д'Урбалу дать назначение в тылу. Бриан очень недоволен тем, что полковник Бюа, бывший заведующий секретариатом у Мильерана, пробывший лишь несколько недель на фронте, возвращен Жоффром в главную квартиру; в палате депутатов Бюа имеет репутацию человека ретроградных воззрений.

Но с этими оговорками Бриан готов защищать Жоффра и в случае надобности сместить Галлиени. Он имел серьезный разговор с последним и предостерегал его против интриг, в которые его желают втянуть.

Вторник, 22 февраля.

Фрейсинэ заболел гриппом, Галлиени тоже нездоров; оба они не присутствуют на заседании совета министров. Длинная дискуссия между Кошеном и Тома. Первый утверждает, что мы производим слишком много порохов и взрывчатых веществ для выполнения программы главной квартиры; Тома отвечает, что заявки главнокомандующего являются лишь минимумом и что производство еще не стоиг на уровне потребностей.

Буржуа указывает на пропаганду, которую ведет Общество исторических исследований о происхождении войны. Сеньбос выступил против этой вредной пропаганды, проводимой Мерргеймом и агентами Германии. Однако она делает успехи.

За завтраком Бюно-Варилья и Бриан.

Барту с горечью заметил вчера Бюно-Варилья: „Президент, кажется, заявил, что в случае кризиса обратится ко мне. Итак, вот вам моя эпитафия: здесь лежит Барту, который служил за-тычкой“.

Жюлиа, сотрудник „Temps“, ныне главный врач в ближневосточной армии, говорит мне о Салониках; он считает город теперь неприступным для неприятеля. В Корфу Жюлиа видел сербских солдат и лечил их; они в ужасном состоянии.

Мне сделали визит адмирал де Жонкьер и главный инспектор путей сообщения Жозон. Оба они назначены членами совета ордена Почетного легиона.

Депутат Галли привел ко мне своего молодого товарища по департаменту Марны, умеренного республиканца Форжо. Этот последний голосовал однажды против правительства и недоволен высшим командованием. Он утверждает, что Жоффр уже не поль-

зуется доверием; однако он не знает, кем можно было бы заменить Жоффра. Я указываю ему на опасности, связанные с переменой в главном командовании, на трудность найти Жоффру преемника и быть при этом уверенным, что он окажется лучше, чем Жоффр, на авторитет Жоффра у союзников, на то, что сама репутация Жоффра является нашим козырем перед неприятелем.

Социалистический депутат от города Парижа Браке говорит мне, что назначение Тарде в Бухарест было бы роковой ошибкой. Он желал бы также, чтобы Франция и Англия, по соглашению с Россией, сделали жест в пользу Польши.

Клемансо произнес вчера перед делегацией на межпарламентской конференции прекрасную речь. Ради нее можно было бы простить ему его пагубные статьи. В этом человеке бездна противоречий.

Среда, 23 февраля.

Тьерри имел вчера разговор с Галлиени и говорит мне, что мог лишь констатировать полное расхождение во взглядах. Военный министр явно стремится отделаться от товарищей министра. Тем временем он предоставляет им меньше возможностей, чем директорам департаментов, не оставляет им никакой инициативы, подчиняет их своей канцелярии.

Кроме того Галлиени поместил у себя в министерстве парламентскую рыночную комиссию и командировал в нее офицеров интендантства, которые обращаются к Тьерри от имени председателей и докладчиков и по их приказу ищут ему отнюдь не в почтительном тоне и всячески стараются его контролировать.

Палата депутатов приняла вчера четырьмястами семьюдесятью голосами против одного законопроект об обложении военных призывов.

Известия из Вердена неутешительны. Значит Галлиени был прав в своем пессимизме. Но в таком случае почему он за все эти последние дни не сказал правительству ни слова, которое позволило бы исправить директивы Жоффра?

Рибо направил ко мне гг. Моргана и Гарьеса. Морган уезжает сегодня в Англию и Америку. Это человек во цвете лет, дородный, очень живой, с веселым лицом. Он бурно выражает мне свои симпатии к Франции (кстати, благодаря последней он наживает новое состояние).

Бывший товарищ министра Дельпеш обратился ко мне со следующими словами: „Ваши поездки на фронт отчасти возвращают вам вашу популярность. Но вы почти полностью потеряли ее. Вы совершили ошибки перед войной. Вам надо было, когда вспыхнула афера Рошетта, еще до выборов отказаться от министерства Думерга. Но потом объявление войны позволило народу сплотиться вокруг вас. В конце июля и в начале августа вы могли бы сделать все, что хотели. Вот тогда надо было составить большое министерство. Затем вам много повредил отъезд из Парижа, незаслуженно повредил. Но с тех пор вы должны были бы более энергично взять в свои руки руководство“.

Я ответил Дельпешу, что он ошибается как относительно фактов, так и относительно моих возможностей. Сказал также, что ему, как и всем другим, остается неизвестным, сколько труда и усилий я ежедневно трачу на разговоры с министрами. Но я не уверен, что мне удалось убедить его. Однако он согласился со мной и выразил также крайнее сожаление по поводу того, что я связан в качестве президента, тогда как мог бы действовать более свободно на посту председателя совета министров. Он рассказал мне, что в Коррез ведется кампания против меня. Я отвечаю Дельпешу, что я принес в жертву не только свою жизнь, но и свою популярность и даже честь и желаю только одного — работать не покладая рук на благо родины и помочь ей одержать победу.

Был у меня Ле-Шателье, как всегда возбужденный и взволнованный. Он находит, что высшее командование должно проявлять больше силы и единства.

Бертула жалуется на Дюбайля и высказывается за восстановление де Мод Гюи в его должности. Я нахожу в его разговоре аргументы Бриана относительно командующих группами. К тому же Бертула сказал мне, что беседовал с Брианом. Кто же повлиял на кого? Во всяком случае Бриан поступает неправильно, дискредитируя таким образом генералов перед журналистами.

Немецкое радио: позиция неприятеля значительно поколеблена; на холмах, господствующих с одной стороны над долиной Мааса и с другой — над долиной Вэвры, продолжаются с неумещающей силой артиллерийские бои.

В главной квартире считают вероятным, что в скором времени прибудет на фронт германский император. Кронпринц и командиры 3 и 14-го немецких корпусов разбрасывают вокруг Вердена знаменательные прокламации. Генерал Жоффри заявляет, что с нашей стороны приняты все меры предосторожности. Войска проявляют изумительную храбрость: они преисполнены решимости сломить это последнее наступление немцев, преисполнены уверенности.

Неприятель сообщает в своих оперативных сводках, что атаковал нас на высоте деревень Консанвуа и Азанн на фронте длиной более десяти километров и проник на три километра в глубину; далее говорится, что немцы взяли в плен 3 тысячи человек и захватили много военного материала.

Гильмен телеграфирует из Афин: „Я уже не раз имел случай упомянуть корреспондента „Associated Press“ Апактона Стиссена, который часто был мне очень полезен. Через него я получил заверение, что его величество примет генерала Саррайля, если я попрошу аудиенции от имени генерала“.

От главной квартиры. Район Вердена. Сообщается о присутствии новых немецких войск близ Фюр-де-Пари и в Маланкурском лесу.

Немецкое радио: „На северо-западе заслон наших войск отбил русские атаки на передовые посты“.

Четверг, 24 февраля.

Фрейсинг еще болен гриппом и не присутствует на заседании совета министров. Он просит Бриана поместить в газетах заметку,

что он не участвовал на заседаниях в понедельник и четверг. Не подготавливает ли он свой уход?

Вивиани жалуется, что государственный совет ни разу не вынес заключения в пользу лишения немцев прав французского гражданства. Вивиани предлагает новый, более строгий законопроект, который заставит государственный совет следовать за правительством и лишать французского гражданства лиц, продолжающих проявлять во Франции германофильские чувства, сохранивших связи с Германией и т. д.

После заседания Рибо, Клемантель, Тома и Буржуа беседуют со мною о поведении Галлиени, которое становится все более загадочным. Он безучастно присутствует на заседаниях совета министров, не высказывается ни по какому военному вопросу, ограничивается сухим зачитыванием записок, составленных его канцеляриями, и немедленно исчезает после этого. Тома говорит, что имел вчера вечером с военным министром разговор, не оставивший у него никакого сомнения о намерении Галлиени устранить товарищей министра.

Клотц и Дюмон требуют от имени бюджетной комиссии постоянного разрешения для поездок на фронт без предварительного согласования с главнокомандующим и без установления маршрута военными властями. Клемантель замечает, что это может помешать снабжению армии и военным операциям. Решено, что Бриан обратит их внимание на это возражение и попытается столкнуться с ними. Бриан берется уладить этот вопрос. Уладит ли он его? Он более склонен отсрочивать затруднения, чем разрешать их. Впрочем он просит меня принять его в субботу в три часа вместе с Галлиени, Тома и Тьерри, чтобы уладить, если возможно, конфликт между Галлиени и товарищами министра.

Сегодня неприятель не бомбардировал Вердена. Военные власти еще не приняли решения относительно гражданского населения. Будет ли оно эвакуировано? Или же его оставят еще в крепости? До сих пор ничего не решено. Однако уже теперь облегчают выезд желающих. Немцы отняли у нас вчера Корский лес, но сегодня утром марокканская дивизия отвоевала его. Тяжелый урон понесла бригада Дриана, состоящая из 56 и 59-го батальонов кеших стрелков; полковник ее, он же депутат от города Панси, вел себя безукоризненно; главная квартира сообщает мне, что он — увы! — вероятно погиб.

Немецкое радио утверждает, что действия немецкой армии на востоке от Мааса увенчались полным успехом. По этим данным, взяты коммуны Брабант, Гомон и Самонье, неприятель занял лесистую местность вокруг Бомона, а южнее Метца захвачен врасплох один французский передовой пост, причем вся команда его в 50 человек взята в плен.

Более скромны немецкие сообщения с балканского фронта. Без перемен — говорится в этих сообщениях; отсюда можно предположить, что неприятель не может похвастать ни малейшим успехом на Ближнем Востоке. По итальянская бригада в Савоие якобы выбита из своих позиций [92].

Сенатор от Па-де-Кале Будано и депутат от того же департамента Родан приносят мне благодарность за мои старания о том, чтобы реквизиции производились умереннее.

У меня были Стег и Барту с бывшим председателем брюссельской корпорации адвокатов Брюне; они пригласили меня на франко-бельгийское собрание в Сорбонне 11 марта.

Генерал де Мод Гюи, которого отстранили от командования под предлогом плохого состояния его здоровья, говорит мне, что чувствует себя прекрасно и безусловно в состоянии снова приступить к исполнению своих обязанностей. Он был на Востоке, теперь вернулся оттуда; он придает большое значение оккупации Митилены не только потому, что это дает в наши руки залог, но также потому, что эта оккупация свяжет значительные силы неприятеля в Смирне и на побережье. Генерал считает желательным оставить в Митилене вместе с черными войсками несколько французских батальонов.

По словам полковника Эрбильона, из Вердена получены более благоприятные известия. Но его огорчает, что мы не воспользовались моментом, когда войска неприятеля дрогнули, и не перешли немедленно в контратаку и что армия генерала Петэна еще не в состоянии вступить в бой.

Суббота, 26 февраля.

Немцы несомненно метят на Верден. Это несколько не удивительно. В Вердене был подписан в 843 г. трактат, расчленивший империю Карла Великого [93]. Леон Буржуа все время твердит мне, что этот трактат является причиной разрухи в Европе. В 1793 г. Гете прославлял взятие Вердена прусской армией. Немцы смотрят на Верден как на соперника другой крепости, Метца, которую они насильственно присвоили себе. И вот, с 21 февраля Верден подвергается свирепой бомбардировке [94].

Как бы то ни было генерал де Кастельно отдал вчера приказ, что защита Вердена должна происходить на правом берегу Мааса; другими словами, для будущей безопасности мы не должны поступиться ни пядью укрепленного района. Кастельно отправил в Суйи, близ Вердена, штаб II армии, которую он сам сформировал и во главе которой, по его настоянию, поставлен Петэн. Последний устроится завтра со своими подсобными ведомствами в мэрии Суйи, и генерал Герр передаст ему руководство сражением. Эта удачная реорганизация является счастливым предзнаменованием. К тому же первые подкрепления находятся в непосредственной близости. 7-й корпус уже несколько дней занимает левый берег Мааса, и его артиллерия взяла под продольный огонь неприятеля, отважившегося дойти на правом берегу до Вашеровилля.

С замиранием сердца жду известий.

Невозможно получить точную информацию о том, что происходит на севере от Вердена.

Сегодня ночью генералу Дюпаржу удалось связаться по телефону с генералом де Кастельно, находящимся в Бар-ле-Дюке.

Кастельно сказал, что положение в течение дня улучшилось и что оно станет хорошим, если неприятель не продвинется слишком далеко за сутки.

Во время заседания совета министров Дюпарж переслал мне сообщение о Вердене довольно тревожного характера. Оно сразу произвело на меня впечатление, что нам опять не говорят всей правды.

Генерал Герр дал знать в главную квартиру, что за ночь положение улучшилось. Эвакуированный нами вчера холм Пуавр сегодня снова занят нами; контратака неприятеля отбита огнем нашей артиллерии на левом берегу реки. На остальном фронте положение без перемен. Войска сражались изумительно, при наступлении и при обороне. В некоторых местах им пришлось выдерживать восемь атак неприятеля, одну за другой. Такую же информацию генерал Герр дал по телефону генералу Дюпаржу, начальнику моей военной канцелярии.

Генерал Дюпарж передал мне эту информацию во время заседания совета министров. Я сообщаю ее правительству. Но вскоре вслед за тем я узнал от генерала Пенелона о взятии форта Дуомона. Правда, генерал добавил, что наша артиллерия не позволяет немцам остаться в нем.

В выпущенной в полдень оперативной сводке ничего или почти ничего не сказано. Неизвестность, в которой нас оставляют, создает волнение в умах, тревожит как население, так и парламент. Полковник Руссе сказал Бертула, а тот передал Сенсеру, что положение под Верденом серьезно и что это скрывают.

Я передал генералу Дюпаржу список вопросов относительно Вердена, но генерал получил ответ только в половине первого, после заседания совета министров, и я нашел этот ответ полным недоговоренностей.

В половине первого генерал Дюпарж по моему поручению снова телефонирует в главную квартиру, что мы не имеем возможности связаться с Суйи. По моему настоянию генерал Пенелон признался, что форт Дуомон был взят, но прибавил, что он был взят не вчера, а сегодня утром, что наша канонада не позволяет немцам засесть в нем, что это — эпизод, не имеющий значения, и что наши войска держатся твердо.

От трех часов до половины шестого длинная дискуссия между Галлиени и товарищами военного министра: Тьерри, Годаром и Тома. Сначала Галлиени зачитывает длинный меморандум, в котором он излагает целый план реорганизации министерства. Галлиени заявляет, что не будет возражать против создания двух министерств: снабжения и снаряжения. Но он предпочел бы, чтобы были назначены два товарища министра: один — по гражданскому управлению, другой — по хозяйственному ведомству и по вопросам, касающимся рабочих. При этом ставится условие, что оба товарища министра должны находиться в безусловном подчинении министру. Впрочем Галлиени отдает должное своим сотрудникам и даже заявляет — странное противоречие с его стороны, — что без них не мог бы выполнить своей задачи. Тьерри, Тома и Годар, особенно первые два, излагают свои жалобы на

канцелярию министра: чиновники ее на каждом шагу вмешиваются в их функции, отдают им приказы, вставляют им палки в колеса. „Моя канцелярия не существует как таковая, — замечает Галлиени, — она представляет меня, выступает от моего имени, но сама по себе не имеет никакой власти“. Бриан и я, обращаем его внимание на то, что канцелярия может пытаться узурпировать эту власть и что лучше всего было бы, если бы он сам имел дело со своими товарищами и работал с ними... „Но ведь для того, чтобы беседовать с ними, — возражает Галлиени, — я должен сначала отдать вопросы на проработку чиновникам своей канцелярии...“ Короче говоря, он не работает сам. Отсюда все зло. Впрочем после двухчасовой беседы он как будто уступил по всем пунктам. В конце разговора можно было думать, что все уладилось. Посмотрим. Во всяком случае я официально заявил Галлиени, что не соглашусь в настоящий момент ни на кризис, ни на разрыв.

В половине седьмого вечера получено радостное известие: форт Дуомон снова в наших руках.

Самба говорит мне, что, по его мнению, мне следует отправиться в Суйи и убедиться, имеет ли генерал Герр достаточную связь со своими войсками. Ввиду перехода командования в другие руки и взятия нами Дуомона Самба уже не так определенно советует мне это, но все же считает мою поездку полезной и откровенно прибавляет, что желал бы меня сопровождать.

Я действительно должен был ехать сегодня вечером. Но Капельно и Жоффе настойчиво уговаривали меня не ехать, так как мой приезд может стеснить командование и оказаться помехой для снабжения войск, и я в конце концов подчинился.

Я нахожусь в мучительно ложном положении. Это признает также Самба. День тревоги и тоски... Неопределенные, неясные известия. Тщетно телефонируют от моего имени в главную квартиру.

К вечеру узнал из германского радио все размеры постигшей нас вчера неудачи.

В восемь часов Эрбильон говорит мне, что сегодняшний день был лучше вчерашнего, что 20-й корпус находится на позициях и что новые атаки немцев, впрочем более слабые, чем вчера, отбиты нами. Но он, как и я, явно боится, что мы не воспользуемся ослаблением атак неприятеля для немедленной контратаки, что мы, как всегда, потеряем время и что маневренная армия генерала Петэна еще не в состоянии вступить в бой.

Да, у нас, как всегда, с самого начала войны есть метод и порядок, но почти всегда отсутствуют порыв, огонь, быстрота соображения. Как видно, многие офицеры главной квартиры видят эту нашу слабость и встревожены ею.

В девять часов снова явился Пенелон. Новая версия. Форт Дуомон не взят обратно, а окружен 20-м корпусом. Положение наше неплохое, наступление немцев застряло. Со стороны Мааса и Вэври командуют генералы Гийом, Блазер и Балфурье.

Волнение в палате сегодня в послеобеденные часы не поддается описанию. Бриан должен был направиться в Бурбонский дворец, чтобы успокоить умы.

В официальной сводке ничего не говорится о Дуомоне. Предпочитают молчать о нем, пока он не капитулирует. Но все еще возможна контратака неприятеля.

Вечером генерал де Кастельно сообщает, что сегодня его впечатление лучше, чем вчера.

Воскресенье, 27 февраля.

В половине девятого утра звонит Бриан и спрашивает, не имею ли я известий. У меня нет их. В девять часов Пенелон телефонирует из Шавтильи, что положение без перемен.

Я сделал визит Фрейсинаэ, который все еще не совсем здоров. У него бронхит; он принял меня в своей спальне. Впрочем голова его изумительно ясна. Он находит, что, как всегда, наши подкрепления на севере от Вердена приходят слишком медленно. Его беспокоит поведение Галлиени; я рассказываю ему о нашем вчерашнем совещании.

Был у меня Дюбо. Он тоже не доверяет Галлиени, подозревает, что он в заговоре с Думером. Рассказывает, что вчера Думер привел в сенат постороннее лицо, которое заявило в одной группе: „Наши войска достойны удивления, но генералы — изменники или тупицы“. По словам Дюбо, небольшая группа сенаторов, постоянно одни и те же лица, распространяет самые мрачные слухи, и возмущенный этим сенатор Урнак в конце концов бросил им в лицо: „Можно подумать, что вы желаете поражения!“

Когда у меня находился Дюбо, пришло немецкое радио, снова торжествующее. Я велю телефонировать в главную квартиру. Пенелон отвечает мне, что положение весьма запутано и что немцы несомненно торжествуют преждевременно. Однако, продолжает Пенелон, неприятель с такой силой бомбардирует холм Талу, что, возможно, мы там не оставили никого; относительно форта Дуомон ничего неизвестно, но во всяком случае генерал Петэн спокоен, заявляет, что у него достаточно солдат и артиллерии, и считает ненужным посылку ему новых орудий. Где же на этот раз истина?

В половине восьмого Эрбиллон явился с известием: „Положение без перемен. Форт занят немцами, но попрежнему окружен нашими войсками“.

Вторник, 29 февраля.

Главная квартира снова просит меня отложить мою поездку в Верден и выставляет целый ряд возражений против немедленного отъезда. Я решил ехать сегодня вечером. Пенелон робко и мягко замечает мне, что Жоффри все еще желает отсрочки. Однако главнокомандующий обещал мне сопровождать меня, если я буду настаивать на своем намерении.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поездка на восточный фронт. — Взрыв на складе гранат в Курнав. — Посещение пострадавших. — Потопление „Прованса“. — Разногласия между генералами. — Галлиени болен и хочет подать в отставку. — Лес Корбо потерян и снова отбит нами. — Поездка в Лотарингию. — Визит сербского принца.

Среда, 1 марта.

Вчера вечером выехал из Парижа с генералом Дюпаржем и полковником Пенелоном. В восемь часов утра прибыли в Неттанкур. В соседнем замке находится штаб-квартира генерала Эмбера, командующего аргоннской армией. Он говорит, что ожидает в ближайшем времени атаки немцев на его фронте. „Если, — говорит он, — немцы перейдут в наступление на северо-западе от Вердена, мы никак не сможем защитить Вокуа“.

Из Неттанкура отправляюсь в Брабант-ле-Руа и Ревиньи. В последнем находится автомобильный парк (грузовики), но сам Ревиньи представляет собой сплошную грудю развалин. Оттуда еду в Вавенкур и проезжаю Бар-ле-Дюк. Еду не останавливаясь по Банковской улице мимо дома, в котором нашла приют моя злополучная обстановка из Сампиньи; она очень пострадала от бомбардировки, а теперь зорко охраняется нашей садовницей из Кло и нашей верной овчаркой Браво. В Вавенкуре я застал генерала Местра, командующего 21-м корпусом, а также 3-й стрелковый батальон, переходящий на другие квартиры. Генерал Местр объясняет мне, что его корпус еще не получил окончательного назначения от генерала Петэна. Этот корпус должен будет сменить 20-й корпус, а пока лишь передвигается несколько на север. Производим у входа в деревню смотр 3-му батальону. Прекрасная выдержка. После окопов в Артуа 21-й корпус находился пятнадцать дней на отдыхе и совершенно оправился. Жители Вавенкура узнали меня и спешат меня приветствовать.

Из Вавенкура еду через Гаржевилль, Жаникур-су-Конде и Лильан-Барруа в Вильнев-ан-Аргонн. Всюду, всюду войска. Встречаем по дороге также много повозок с мебелью и всяким скарбом бедных жителей с детьми, вынужденных покинуть свои жилища и уходить от неприятельского нашествия. Наскоро позавтракав в Вилье, едем

далее в Суйи через Шармонтуа-ле-Руа и Шармонтуа-л'Аббе. И здесь тоже всюду войска. Проезжаем Санар, где я служил в лагерях вольноопределяющимся; проезжаем Триокур, подожженный немцами и большей частью разрушенный. Бросаю мимолетный взгляд на дорогой моему сердцу дом моего брата и невестки. Эвр — тоже одни развалины. В Ньюбекуре наши солдаты собираются рубить прелестные сосны в „Repos de maman“. Пусть бы рубили мои сосны в Курсель-о-Буа, это еще с полбеды, но эти! Снаряды отбили пьедестал у бюста моего деда; гранаты, взорвавшиеся перед дедовским домом, оставили от него только часть стен, которые вот-вот упадут. Затем другие развалины — Бюлэнвилль.

Варвары, варвары, что вы сделали из нашего бедного Мааса? И находятся еще сумасшедшие или негодяи, обвиняющие меня в том, что я хотел войны! Разве мог я не знать, какими опасностями грозит она моей бедной родине?

Четверг, 2 марта.

В восемь часов вернулся в Париж. На улицах, как всегда, толпа. К счастью, эта ужасная кампания немцев не выводит из равновесия население Парижа.

Сообщаю в совете министров впечатления от своей поездки. Галлиени своим сухим автоматическим тоном замечает, что генерала Петэна слишком поздно назначили на место Герра. Я отвечаю, что еще совсем недавно Галлиени цел дифирамбы Герру и хотел поручить ему командование армейской группой. Галлиени не настаивает.

Бриан предлагает, чтобы правительство обратилось к войскам с поздравлениями. Галлиени вынимает из своих папок набросок приказа, написанный на машинке и начинающийся словами: „Офицеры, унтер-офицеры и солдаты!“ Итак, министр обращается непосредственно к армии через голову главнокомандующего. Я замечая, что такого случая еще не бывало. Тогда совет министров постановляет, что военный министр обратится к главнокомандующему и поручит ему передать войскам поздравления правительства, а не обратится сам как член правительства к офицерам, унтер-офицерам и солдатам. Галлиени-министру трудно вылезти из шкуры военного.

Бриан говорит, что полковник Букабейль был послан военным министром в военную комиссию и что слова этого офицера способствовали пессимистическим кривотолкам. Я напоминаю, что имеется постановление не посылать офицеров в парламентские комиссии. Галлиени принимает это возражение без ответа.

Совет министров встревожен моей информацией о Дуомоне и нервничает. Комб говорит, что на высоте войска, но не командование. Буржуа требует рапорта о военных операциях. Бриан считает целесообразным созвать совет национальной обороны. Напротив, Думерг заявляет с твердостью, что мы черним одного за другим всех наших вождей и играем на-руку тем, которые желают мира во что бы то ни стало; по его словам, число таких людей все возрастает.

Адмирал Лаказ доказывает, что будет очень трудно и опасно перевозить сербскую армию из Корфу в Салоники морем. Решено,

что Бриан потребует от греческого правительства прохода войск сухопутным путем: они должны высадиться в Патрасе и затем быть отправлены по железной дороге из Патраса на мыс Суниум. Бриан свяжет этот вопрос с займом, которого требует Греция.

Галлиени с согласия Бриана разрешил выход журнала „Les nouvelles du jour“, запрещенного несколько недель назад цензурой. Причиной запрещения были иллюстрации, долженствовавшие возбуждать общественное мнение против войны. Самба утверждает, что этот журнал субсидируется Кайо.

Самый большой минус занятия Дуомона немцами заключается в том, что с этого форта открывается очень широкий горизонт; с него видны Монфукон и Римский лагерь, и это помогает исправлять стрельбу артиллерии.

Дюбо говорил с генералом Клержери. Последний уверен, что достаточно вмешательства Бриана, чтобы заставить Галлиени произвести чистку аппарата своей канцелярии. Дюбо подтвердил мне слова Бриана, что на вчерашнем заседании военной комиссии сената Думер выступал с чрезвычайной страстностью; Бриан резко ответил, что уйдет со своего поста, если ему и далее придется выслушивать подобные речи.

Депутат от города Парижа Лебук, мобилизованный в чине подпоручика и прикомандированный к отряду Мондезира, приехал из Корфу. Он рассказывает, что Пашич и сам регент не желают, чтобы сербская армия участвовала в дальнейших боях; по их мнению, она должна служить для создания потомства и спасения сербской нации от исчезновения. Необходимы серьезные усилия, чтобы преодолеть их сопротивление.

Пятница, 3 марта.

Тардые был у Сенсера и заявил ему, что отказывается от назначения в Бухарест, на которое рассчитывал. Так как его батальон находится на отдыхе, Тардые предпочитает работать в военной комиссии. Он посетил Клемансо и смеясь спросил его: „Как вы поступите со своими жертвами?“ — „Пуанкаре? — ответил Клемансо. — Я оставлю его президентом республики. Но председателем совета министров буду я“.

Отвратительная погода. В полдень на улице темно, как ночью. Над садом навис густой туман.

Этот грустный день принес мне грустное известие о потере деревни Дуомон. Мы продолжаем отступать [95].

Суббота, 4 марта.

В совете министров Бриан слишком свободно, рискуя несоблюдением тайны, рассказывает о том, что сообщил вчера ему, а также мне, Пенелон и что содержится в оставленных последним документах. Бриан приходит к заключению, что необходимо немедленно снять с командования де Лангль де Кари и отдать центральную армейскую группу Петэну. Я замечаю, что, пожалуй, не совсем удобно снимать де Лангль де Кари в разгар сражения и что во всяком случае Петэн, будучи занят под Верденом, не может немедленно

перенять командование этой группой: это удалило бы его от верденской армии в самый разгар боя. Бриан признал силу этого аргумента и отвечает, что требует назначения Петэна лишь после окончания сражения. Он увидится сегодня с генералом Жофвром и рассчитывает поговорить с ним об этом. Если бы не мои возражения, то несколько недель назад де Лангль де Кари был бы заменен Герром, которого все считали большим военным талантом; но с тех пор!..

Повторяя сказанное нам вчера Пенелоном, Бриан выражает опасение, что немцы атакуют Гран Куронне под Нанси, и правильно замечает, что Жофвр или Кастельно должны отправиться туда и проинспектировать укрепления этого района. Но если полезно побудить Жоффра предпринять без промедления эту новую проверку, то столь же опасно было распространяться об этом в совете министров. Министры без всякого злого умысла говорят потом об этом в своем кругу и с политическими деятелями, и малейшее слово их толкуется в самом мрачном смысле, парламентские комиссии приходят в волнение, в кулуарах парламента распространяются зловеющие слухи, и паника налицо. Так например, Буржуа рассказывает, что немецкое радио о взятии деревни Дуомон, будучи сообщено военной комиссии сената, немедленно вызвало большое волнение в сенате.

Кто сообщил его? Галлиени заявляет, что он ежедневно передает немецкое радио председателям военных комиссий. Я настаиваю, чтобы это делалось вперед только в секретном порядке, и напоминаю, что сам Клемансо донес председателю совета министров, что в комиссии сената выбалтываются военные тайны!

Военная комиссия палаты депутатов обратилась к Галлиени с письмом, в котором выражает свое единодушное требование отправить на поле битвы под Верденом делегацию для контроля за снабжением армии.

Вероятно этот шаг вызван словами Букабейля перед комиссией, куда он был послан военным министром. Полковник сказал, что пополнение наших частей и снабжение войск наталкиваются на трудности

Галлиени спрашивает совет министров, что ему ответить генералу Педойа. Я заметил, что никоим образом недопустимо посылать в разгар сражения комиссию, что генерал Петэн несомненно будет протестовать против этого, что я сам при своей поездке должен был считаться с желаниями командования.

Все становится на мою сторону, но Галлиени не высказывается ни за, ни против.

Самба настаивает, чтобы комиссии разрешено было отправиться в другое место, не в Верден, и проверить состояние наших позиций. Рибо говорит, что теперь не время ослаблять командование. Бриан слушает рассеянно и ничего не говорит. Несмотря на все мои усилия, не принимается никакого решения. Очевидно Бриан собирается говорить об этом с Жофвром.

Во время заседания до нас донесся грохот отдаленного сильного взрыва. Это взлетел на воздух склад гранат. Префектура полиции телефонирует, что имеется много жертв. Одно несчастье за другим...

После заседания Клемантель, Рибо и Мальви беседуют о Галлиени и его окружении. Мальви заявляет, что окружение Галлиени конспирирует против парламента и конституции. Галлиени, говорит он, очень честолюбив, метит очень далеко; необходимо, не теряя времени, назначить надежного военного губернатора Парижа.

Рибо и Клемантель находят, что следовало бы назначить Брюжера. Галлиени говорил Мальви о генералах, которые распоряжаются в Лионе и Ренне. Клемантель думает, что Галлиени и его окружение конспирируют скорее против правительства; они ставят себе целью в случае смуты в парламенте спасти страну с помощью военной диктатуры. Рибо разумно замечает, что все эти опасности исчезнут, если дела на фронте пойдут хорошо, а если они пойдут плохо, то необходима бдительность. „Во всяком случае, — говорю я, — согласно конституции вооруженной силой располагаю я, а я не предоставляю ее для государственного переворота“. — „Да, — отвечает мне Рибо, — но могут начать с того, что употребят ее против вас...“

Посетил Фрейсинэ. Он не встает с постели, но лихорадки у него нет; голова его работает прекрасно. Его беспокоит поведение Галлиени; он подробно расспрашивает меня о моей поездке в Верден и говорит, что я хорошо сделал, предприняв ее.

Шоухал с Мальви в Сен-Дени. Взорвалось 300 тысяч гранат, и весь форт Курнев взлетел на воздух. Это несчастный случай; по всей вероятности при перестановке ящиков один из них упал на землю. Несколько соседних домов разрушено, силой взрыва отброшены на большое расстояние большие орудия. Убито 22 или 23 человека; их уже положили в гробы, и я поехал поклониться им в казарму зуавов, посетил также раненых, размещенных в гражданских больницах и военных госпиталях.

У меня был депутат от департамента Маас Рево и выразил мне благодарность за мою поездку в Верден.

Наш посланник в Цетинье Деларош-Верне рассказывает мне о своих мытарствах. Он не придает большого значения той информации, которую мне дали его телеграммы.

Депутат Гара, мобилизованный в качестве врача в салоникскую армию, говорит мне, что эта армия прекрасна, но не следует долго оставлять ее в бездействии: малярия и соблазны города представляют немалую опасность.

Жан Аннеси снова надоедает мне по поводу английского ордена, который, по его мнению, полагается ему.

Воскресенье, 5 марта.

Мадам Пуанкаре едет в Сен-Дени, где раздаст вспомоществования пострадавшим при взрыве.

Дюбо сообщил мне содержание письма, полученного им из Салоник от зятя Саррайля. В письме говорится, что Саррайль отклоняет назначение Мишле в качестве начальника его штаба. Саррайль попрежнему требует еще две французские дивизии, для того чтобы перейти в наступление.

Дюбо считает безусловно необходимым обязать Галлиени развязаться со своим окружением. Впрочем он полагается на генерала Клержери, состоящего при военном губернаторе Парижа. „Хотя, — говорит он, — Клержери служил под начальством Галлиени, он не моргнув глазом, арестует Галлиени, если последний пустится на какую-либо авантюру“.

По словам Дюбо, на вчерашнем заседании комиссии сената Галлиени был не в силах ответить на некоторые вопросы Ле-Гериссе по поводу тяжелой артиллерии. Дюбо думает, что его мучит гложащая его болезнь.

„L'Homme enchaîné“ конфискован. Судя по выдержке, перепечатанной в „Journal“, статья Клемансо содержит новые нападки на высшее командование. Кажется, газета запрещена на восемь дней. Я не получил никаких сведений ни от Бриана, ни от его канцелярии.

Понедельник, 6 марта.

Принял Андре Тардье. Он снял военный мундир и носит только ленту к военному кресту, как Дюмениль, как все депутаты, которые, с честью прослужив на фронте, вернулись в палату. „Что ж, — говорю я, — вы отказались от назначения в Бухарест?“ — „Да, я не люблю, чтобы меня кормили завтраками, как это делал Бриан; к тому же по зрелом размышлении я пришел к заключению, что не особенно приятно служить столь слабому правительству, как наше“. — „Сильно сказано. Но ваши слова представляются мне тем более несправедливыми, что Бриан, натолкнувшись на сильную оппозицию против вашего назначения, не терял надежды преодолеть эту оппозицию“. — „При желании он уже давно преодолел бы ее. Но так или иначе я в настоящий момент предпочитаю работать в палате. Я слежу за заседаниями военной комиссии, это меня очень интересует: можно предупреждать ошибки, давать полезные советы. Палата гораздо лучше, чем думает правительство. Да, если бы правительство хотело направлять ее! Но оно не делает этого!“ И он с чрезвычайным жаром обрушивается с нападками на правительство, а также на высшее командование.

„Но, — говорю я, — надеюсь, вы не принадлежите к числу тех, которые требуют замены главнокомандующего?“ — „Нет, принадлежу“. — „Замены его кем?“ — „Этого я не знаю“. — „Итак, вы хотите заменить вождя, обладающего в такой мере хладнокровием, уравновешенностью, спокойствием, и не знаете кем?“ — „Они не сделали столько ошибок!“ — „Под Верденом, как вам известно, исправил положение генерал де Кастельно, получивший от Жоффра все полномочия“. — „Да, но пользуется ли Кастельно авторитетом в главной квартире?“ — „Конечно. Вот вам доказательство: Жоффр снабдил его всеми полномочиями“. — „Так, но в таком случае правительство должно было бы защищать высшее командование, поддерживать его, между тем как оно то и дело критикует его в разговорах, и генерал Галлиени взваливает на него всевозможные обвинения перед парламентскими комиссиями“. И Тардье действительно приводит ряд примеров этой глухой кампании Галлиени.

Дешавель пришел за новостями, как всегда, мрачный. Депутат от города Вердена Поэль, настроенный более радужно, говорит мне, что знал про посредственный состав штаба Герра. Приехавший из Бара Девелль, который вчера показался Сенсеру весьма удрученным, сегодня, как мне кажется, снова воспрянул духом.

Пришло письмо от Бокановского по поводу потопления „Прованса“. С согласия Бриана я отдаю это письмо в печать. Посылаю Бокановскому телеграмму с поздравлениями и пожеланиями.

Морской капитан Гранклеман, состоявший до войны при моей военной канцелярии, тяжело ранен под Верденом.

Вторник, 7 марта.

Заседание совета министров. Атмосфера напряженная. Бриан вкратце докладывает о причине конфискации „L'Homme enchaîné“ и о запрещении его на восемь дней. В конце концов мне, пожалуй, самому придется добраться до подоплеки этой истории. Повидимому Клемансо написал большую статью с резкими нападками на высшее командование и с данными о нашей тяжелой артиллерии, заимствованными из трудов военной комиссии сената. Газета „L'Oeuvre“, перепечатавшая эту статью, несмотря на предупреждение цензуры, запрещена на пятнадцать дней. Итак, газета, перепечатавшая статью, наказана сильнее, чем автор статьи.

Бриан сообщает, что большинство военной комиссии сената аплодировало ему вчера, когда он выступил с решительным протестом против „умников“, которые создают себе или хотят создать себе „клиентуру из генералов“.

Галиени зачитывает своим небрежным тоном длинную записку о высшем командовании. Эта записка является настоящим обвинительным актом против Жоффра и главной квартиры, то замаскированным, то открытым, и изобилует предсказаниями, сделанными задним числом. Правда, в ней содержится много правильных замечаний относительно того, что главная квартира присваивает себе непринадлежащие ей права и самовольно толкует уставы. Но эти замечания преподносятся в умышленно агрессивной форме. Кроме того записка касается боев под Верденом, превозносит генерала де Кастельно, который все исправил, но намекает, что Кастельно принял свои решения без согласия главнокомандующего и чуть ли не против мнения этого последнего. В общем записка должна дискредитировать Жоффра и заставить его подать в отставку.

Бриан тотчас же раскусил это и дал очень ясный, конкретный ответ: правительство всегда отстаивало свое право на ответственное руководство войной и фактически все его требования удовлетворялись главнокомандующим; еще в минувшую субботу он, Бриан, добился от Жоффра разрешения на поездку делегатов военной комиссии палаты даже в Верденский округ (на мой взгляд, это вряд ли целесообразно в разгар сражения); по требованию правительства Жоффр сместил генерала Дюбуа с командования VI армией, согласился на организацию правительственного контроля на фронте, о чем был извещен парламент; поскольку меморандум снова ставит

этот вопрос, с тех пор не поднимавшийся, он как бы подвергает сомнению искренность объяснений, данных парламенту председателем совета министров; таким образом в меморандуме генерал Галлиени оказывается в роли оппозиционера, а между тем гораздо проще и целесообразнее было бы, если бы военный министр каждый раз указывал совету министров на необходимые реформы в отношениях между правительством и главной квартирой.

Галлиени своим мягким голосом прерывает Бриана и произносит загадочные слова: „Легко показать, что я не нахожусь в оппозиции к председателю совета министров. Я попрошу президента республики принять меня после заседания вместе с председателем совета министров“. Мне нетрудно было догадаться, что Галлиени имеет в виду подать в отставку, но я не реагировал на эти слова военного министра, словно не слышал их. Я энергично потребовал, чтобы меморандум, зачитанный Галлиени, не предавался огласке. Все министры поддержали меня, но Мальви заметил, что меморандум уже стал достоянием гласности и что журналисты уже обращались к нему вчера вечером по поводу него.

Галлиени понял, куда метит Мальви, и ответил: „Ничего не понимаю. Я доверил меморандум очень надежному офицеру“.

Я снова потребовал, чтобы меморандум остался в тайне, но спросил министров, не желают ли они лично получить копию его. Думерг отказался, заявив, что не желает навлечь на себя упреки в чреватом опасностью несоблюдении тайны. Самба попросил копию только для себя лично. Буржуа провел тонкое различие между той частью меморандума, в которой говорится о реформах в управлении, и той частью, в которой речь идет о высшем командовании и об операции под Верденом. Во всяком случае я просил Галлиени передать мне меморандум, чтобы я мог ознакомиться с ним на досуге.

Адмирал Лаказ сообщает, что морская комиссия сената прислала в его министерство делегацию с просьбой выдать некоторые документы, касающиеся „истории войны“. Совет министров того мнения, что до окончания враждебных действий не следует выдавать подобные документы — ни из военного министерства, ни из морского.

Как рассказывает адмирал Лаказ, в морское министерство явился „офицер запаса“, посланный Мони, и заявил, что в делах министерства должно иметься письмо президента к тогдашнему морскому министру (Готье) по поводу „Гебена“ и „Бреслау“. Морское министерство приговорило перед объявлением войны телеграфный приказ стрелять в „Гебен“ и „Бреслау“, но я написал Готье и просил его выждать завтрашнего заседания совета министров, прежде чем отдавать приказ, который сделал бы Францию агрессором. Я заметил в совете министров, что если бы я не принял этой меры предосторожности, меня могли бы обвинить в том, что я толкал к войне; все министры согласились со мною.

Я сказал также, что нахожу невозможным сообщать комиссии письмо президента республики к тому или другому министру, и совет министров со мною согласился. Но я просил адмирала Лаказа передать мне документы, чтобы я мог судить, следует ли тем не менее неофициально созвать членов морской комиссии.

Затем произошел неприятный инцидент.

Адмирал Лаказ докладывает, что адмирал Буэ де Лапейрер достиг предельного по закону возраста, и встает вопрос, следует или не следует оставить его в виде исключения на службе как бывшего главнокомандующим во время войны и отличившегося в бою. Повидимому адмирал не очень склонен в пользу этой исключительной меры, но, так как он пострадал при Буэ де Лапейрере, он почти не высказывает своего собственного мнения и выражает готовность представить мне на подпись соответственный декрет. Некоторые министры — Пенлеве, Клемантель, Метэн — замечают, что поблагка Лапейреру вызовет большое недовольство морской комиссии палаты. Тогда Бриан с жаром заступает за своего бывшего министра Лапейрера и заявляет, что с ним собираются поступить несправедливо. Этот незаслуженный упрек возмутил Лаказа; он бросил свой портфель на стол и воскликнул: „Господин председатель совета министров, прошу верить, что я не следую здесь каким-либо личным чувствам. Я выйду из министерства контр-адмиралом и, совершив свой долг, вернусь к себе домой. На-днях я предложу вам произвести в вице-адмиралы контр-адмиралов, которые моложе меня. Я принял на себя обязанности министра и исполняю их со всем своим разумением. Но вы огорчили меня, заявив перед советом министров, что с моей стороны было бы некрасиво не оставить Лапейрера на службе. Я поступлю, как вы хотите, но по совести я не могу ничего сказать более по этому вопросу...“ Бриан отвечает, что он сказал лишь: „С нашей стороны было бы некрасиво“, т. е. со стороны правительства, но он не настаивает, он подчиняется, он воздает должное бескорыстию министра и т. д. В свою очередь я пытаюсь успокоить умы, но адмирал Лаказ, обычно столь спокойный и владеющий собой, совершенно расстроился и чуть ли не дрожит от волнения.

После заседания, в три четверти пятого, должна состояться в моем кабинете беседа между Галлиени и Брианом.

Буржуа, Клемантель, Тома, Тьерри, Мальви и Пенлеве остаются после заседания и беседуют со мною. Они сурово осуждают поведение Галлиени, полагают, что оно согласовано с Клемансо. Пенлеве и Мальви уверены, что Галлиени действует также заодно с Кастельно, окружение которого утверждает, что он спас положение вопреки Жоффру. Но впредь до получения более конкретной информации я не думаю, что Кастельно способен вязаться в интригу. Все министры в один голос заявляют также, что Галлиени не имеет права уходить в отставку, когда сражение в полном разгаре.

Плохие известия с левого берега Мааса. А между тем генерал Базелер уверял меня: „Мы ждем их и дадим им отпор, будьте спокойны!“

Навестил Гранклемана в санатории на улице Бизе. У него разорвало осколком правое плечо, но опасности нет. Он был ранен на наблюдательном посту, на котором я посетил генерала Жерара; снаряд разорвался через несколько минут после моего ухода. Гранклеман стремится опять на фронт; дежурящие у его постели жена и дочь стараются умерить его пыл.

В три четверти пятого явились Галлиени и Бриан. Галлиени тотчас взял слово: „Прежде чем перейти к главной теме, я должен протестовать против слов Бриана на сегодняшнем заседании, что я якобы становлюсь в оппозицию правительству. Вся моя жизнь опровергает такую оценку. Я всегда был честным солдатом. Когда я возвратился с Мадагаскара, я нашел в здании военного министерства Коше, Деруледа, всю лигу патриотов. Они хотели увлечь меня бог знает на что. Я ответил: „Я сажусь в автомобиль своего начальника, министра колоний, и запрошу его приказаний“. Несколько дней спустя Шарль Дюпюи, бывший тогда председателем совета министров, председательствовал на банкете в мою честь и вручил мне золотую медаль... Я всегда держался такой линии. Я никому не служу, не являюсь агентом ни Клемансо, ни Думера...“ И он продолжал в том же духе, причем в голосе его слышались действительно искренние нотки. Я отвечаю ему, что Бриан просто сказал следующее: если бы меморандум был опубликован, он поставил бы военного министра в оппозицию правительству и был бы использован врагами кабинета. Бриан тоже настаивает на этом толковании. „Впрочем, — говорит Галлиени, — вопрос этот имеет лишь ретроспективное значение; а хотел я сказать вот что“. И он вынимает из внутреннего кармана своей куртки документ на бланке военного министерства. „Это, — замечает он, — заключение трех врачей-специалистов. Они находят, что мне необходим совершенный покой от дел военного управления и министерства ввиду предстоящей мне операции предстательной железы. Они нашли у меня заражение мочевого канала. Мне несколько раз на день вставляют катетр. Я уже ничего не ем, питаюсь одним молоком. Я лишился сна и стал совершенно неработоспособным. Я не в состоянии даже перенести езду на автомобиле. По правде говоря, я не имею права оставаться в министерстве. Мне нужны по меньшей мере два месяца, чтобы подготовиться к операции, подвергнуться ей и восстановить свои силы после нее. Через два месяца распорядитесь мною по своему усмотрению либо в министерстве, либо даже, если найдете нужным, на более активном посту“.

Я указываю Галлиени на те серьезные и опасные последствия, которые повлечет за собой его уход в самый разгар сражения; я взываю к его патриотизму. Бриан лишь слабо поддерживает меня. „Подождите несколько дней, — говорю я Галлиени, — не вносите смуту в умы в то время, когда идут бои под Верденом. К тому же вы можете согласиться, чтобы во время вашей операции вас временно замещал в вашем министерстве один из членов кабинета...“ Повидимому он ничего не имеет против такой комбинации; менее правится она Бриану. „Да, — говорит Галлиени, — это возможно, решайте сами. Но вы легко можете заменить меня, даже не временно. У нас достаточно политических деятелей, а среди генералов есть Лиотр...“

Так или иначе он согласился не подавать в отставку до заседания совета министров в четверг. Однако он возвестил о ней своим сотрудникам в министерстве, и эта новость уже облетела Париж.

Галлиени ушел, и Бриан, понюхивая папироской, шепнул мне на ухо злые, незаслуженные слова: „Это — пузырь, который мы прицепили за фонарь“. С явной поспешностью Бриан берется добиться согласия Лиотэ; очень сомневаюсь, удастся ли ему это. Все это, как видно, забавляет его.

Проходя через кабинет Сенсера, он смеясь сообщает ему свое словечко о пузыре и фонаре.

Меня посетил мой бедный друг Рене Керане. Он потерял на войне двух сыновей и зятя; третий сын, призыва 1916 г., тоже отправляется теперь на фронт, и отец не желает, чтобы его ставили на менее опасное место. Я горячо обнимаю его и жму его руку.

Принимаю испанского посланника в Брюсселе маркиза де Виллалобар; на него возложена защита французских интересов в Бельгии, и он очень добросовестно исполняет эту задачу. Это безногий человек, у него два протеза, он ходит спорбившись, но довольно свободно. Он рассказывает мне, что в последние месяцы немцы ведут себя далеко не так варварски, как прежде, особенно по отношению к французам, вызвавшим их восхищение и уважение.

Бюно-Варилья узнал в городе про отставку Галлиени и пришел в восторг. Он настроен более радужно, чем когда-либо, восхищается Брианом, уверен, что силы Германии приходят к концу.

Адмирал Лаказ принес подлинник моего письма к Готье. При ближайшем рассмотрении оказалось, что дело было так: комиссия сената не запрашивала этого письма, напротив, чиновник министерства, найдя это письмо в делах, сказал: „Вот эти документы очевидно не подлежат сообщению“.

Телеграмма морского министерства от 3 августа 1914 г. была составлена в следующих выражениях: „Тулон, морское министерство, адмиралу Курбе. Атакуйте каждый немецкий военный корабль. Подтвердите получение. Начальник морского генерального штаба, вице-адмирал Ж. Пиве“. На этой телеграмме имеется надпись карандашом: „Не была отправлена. Смотри письмо президента республики“.

А вот текст моего письма: „Дорогой министр. Я считаю, что по вопросу о Средиземном море вам надо выждать завтрашнего заседания совета министров. Преданный вам Р. Пуанкаре“.

На этом письме неизвестной рукой сделана приписка карандашом: „Получено 3 августа, в 12 ч. 50 м. ночи в ответ на письмо министра от 3 августа, 12 ч. 15 м. ночи, в котором министр запрашивал, должен ли он отдать флоту приказ искать крейсера „Гебен“ и „Бреслау“ и атаковать их“ [96].

Среда, 8 марта.

Жозеф Рейнах, который пишет для России книгу о войне, просит меня написать небольшое предисловие в честь русской армии; Извольский и Севастопуло просили его заручиться моим согласием. Я дам ответ, когда поговорю об этом с Брианом.

Рейнах, слышавший разговоры об отставке Галлиени, советует назначить его преемником Лиотэ. Он рассказывает, что на днях Клемансо дал следующее определение всякого главнокомандующего: „лаксы министра“.

Матис уверяет меня, что в палате Клемансо потерял всякое влияние. Кто знает? Потерянное может еще быть найдено.

У меня был мой друг Андре Галлэй, мобилизованный в чине офицера и получивший теперь на несколько дней отпуск. Он счастлив, что служит поручиком в Речици, у ворот Эльзаса, вместе с доктором Бюхером. Наши наступления в Эльзасе он находит весьма прискорбными: теперь почти все эльзасские деревни подвергаются бомбардировке

Дюбо, который всегда посещает меня во время моих аудиенций, принес мне письмо генерала Мишле, в котором Клемансо называется невменяемым или преступником; Мишле пишет, что статьи Клемансо о Вердене ведут к упадочничеству. Дюбо — сторонник замены Галлиени генералом Лиотэ; по его словам, общественное мнение будет более всего удовлетворено таким выбором.

Фрейсинэ, все еще больной, передает мне через начальника своей канцелярии, что рекомендует на пост военного министра генерала Лиотэ, окончательно или по крайней мере временно.

Но в половине восьмого Бриан телефонирует мне, что имя Лиотэ встречает сильные возражения в палате. Мы отняли у немцев занятый ими лес Корбо; захват его грозил нам обложением Вердена.

Четверг, 9 марта.

За несколько минут до начала заседания ко мне в кабинет пришел Бриан. Закуривая папиросу, он говорит, что намерен сменить военного министра. Я отвечаю ему, что, по моему мнению, заменить Галлиени могут из штатских только Фрейсинэ или Барту, а из военных — только Лиотэ, всякая другая комбинация будет слабой. Он выдвигает следующие возражения: Фрейсинэ стар, Барту не пользуется популярностью в палате, к Лиотэ враждебно относятся радикалы и социалисты. Я советую ему принять решение по собственному усмотрению и не слишком уж много совещаться с политическими деятелями. Но он, кажется, не очень спешит. Он выдвигает следующую комбинацию: Жоффри — на посту военного министра и Кастельно — в качестве главнокомандующего. „Но, — замечая я, — если даже предположить, что Жоффри согласится на это, ему будет трудно выступать перед комиссиями и особенно с трибуны парламента. Его будут вышучивать и высмеивать, унижая таким образом славу одного из великих людей Франции“. Бриан признает правильность моего замечания, но не делает отсюда вывода.

В совете министров Бриан объявляет, что Галлиени болен, но остается на своем посту впредь до дальнейшего решения.

В газетах сообщается, что вчера в военной комиссии сената единогласно принято было решение приветствовать Клемансо за его патриотизм, преданность делу и т. д. В совете министров Самба заявляет, якобы по сведениям из надежного источника, что это решение было принято потому, что Клемансо, раздраженный успехом и рукоплесканиями, доставшимися накануне Бриану, угрожал отказаться от своего поста.

Бриан доводит до сведения совета министров протокол, в котором Италия соглашается на отмену каституций в Марокко. Вместе с тем Италия сохраняет свои итальянские школы в Марокко и выгоды нашего трудового законодательства распространяются также на итальянских подданных. Согласно протоколу от 23 октября 1912 г. мы пользуемся теми же правами в Ливии.

У Бриана вошло в привычку уходить с заседания посреди прений — выкурить папироску в кабинете Сенсера. Он рассеян, невнимателен, и когда я прошу его высказать свое мнение по вопросу, по которому мы совещаемся уже минут десять, он спрашивает, о чем идет речь.

По словам полковника Бертула и Руссе, Жоффра обвиняют в том, что он хотел оставить Верден на произвол судьбы; при этом уверяют, что в совете министров я выступал в пользу этого. Итак, в то время как Мильеран обвиняет меня в том, что я не поддержал Жоффра, другие приписывают главнокомандующему злощастные идеи и утверждают, что они встретили мое одобрение... Я ответил Бертула и Руссе, что я нарочно отправился в Верден, чтобы подчеркнуть важность сопротивления на этом участке; если, говорю я, мысль покинуть Верден могла притти в голову кому-нибудь из офицеров на месте, то она никогда не приходила генералу Жоффру, так как последний послал генерала де Кастельно в укрепленный район Вердена со всеми полномочиями. Тогда мои собеседники передают мне версию, что Кастельно якобы отправился в Верден против воли Жоффра. Ясно, что Бертула и Руссе подверглись в последнюю минуту влиянию лиц, входящих в окружение Галлиени.

Жан Дюпюи, пришедший побеседовать со мною, говорит, что Клемансо потерял многих сторонников в сенате вследствие резкости своих выпадов. Это не мешает газете „Petit Parisien“, а также „Temps“ и другим газетам помещать резолюцию комиссии сената с приветствиями Клемансо.

Пятница, 10 марта.

Совет национальной обороны. Газеты сообщают, что Галлиени не участвует в заседании по болезни.

Генералы Жоффр и де Кастельно заявляют, что считают положение под Верденом благоприятным для нас.

Генерал Бапет лишен командования. Продолжается следствие над генералом де Бонневалем, и возможно, что он будет предан военному суду; впрочем, он сам этого требует.

Жоффр и Кастельно заявляют, что не думают, чтобы кто-либо когда-либо отдавал приказ об оставлении правого берега; во всяком случае, Кастельно позаботился объявить, что правый берег должен остаться в наших руках. По словам Жоффра, части, участвовавшие в боях, затребовали 49 тысяч человек пополнений; в наших госпиталях находится 30 тысяч раненых, следовательно число убитых и пропавших без вести составляет в общем 19 тысяч. Но я сомневаюсь в точности этих цифр.

Жоффр и Кастельно полагают, что потери немцев гораздо значительнее наших.

После заседания совета национальной обороны я тщетно настаиваю на Бриана, чтобы он остановился на чем-либо определенном в вопросе о военном министерстве. Он утверждает, что назначение Барту или Лиотэ невозможно из-за отношения к ним парламента. Бриан вскользь упоминает о Тьерри, но я говорю ему, что ни для страны, ни для армии не будет понятно его назначение, да и сам Тьерри вероятно не примет его. Галлиени запрашивал, какое решение принято нами, причем, кажется, в несколько недовольном и резком тоне.

Адмирал Лаказ представил мне на подпись декрет о производстве в вице-адмиралы. Несмотря на все настояния мои и присутствовавших министров, он отказался оставить вакансию для себя или назначить себе заместителя. Таким образом он из-за своего безкорыстия и добросовестности теряет свой ранг.

Суббота, 11 марта.

Совет министров.

Отсутствуют Буржуа, который бережет свои силы, Фрейсинэ — больной и Галлиени, готовящийся к операции.

Бриан все еще не принял решения относительно военного министерства. Чем больше он медлит, тем труднее становится разрешение вопроса. Он забавляется тем, что сочиняет каламбуры по поводу Галлиени. Последний, говорит он, явился в военное министерство со словами: „Veni, vidi, vesse“ (пришел, увидел, пузырь).

Во второй половине дня франко-бельгийская манифестация в Сорбонне. По окончании ее Барту говорит мне: „Надеюсь, я достаточно опроверг легенду о примирении“. В палате распространился слух о его примирении с Кайо, и все помыслы Барту при его выступлении были направлены на то, чтобы снять с себя это обвинение.

Принял лорда Портклиффа, владельца „Times“ и некоторых других английских газет. Тучный, лысый, толстощекий. Он жалуется на неповоротливость и непонятливость англичан и говорит, что Китченер совершенно потерял свой авторитет, — теперь всеми военными вопросами ведаёт Робертсон.

Альбер Сарро, приехавший на три-четыре дня в отпуск, очень хвалит мне генерала Рока и сурово отзываясь о Клемансо.

Воскресенье, 12 марта.

Приехавший из Швейцарии мой старый товарищ по лидеру Анри Каэн говорит мне, что некоторые швейцарские газеты, особенно „Journal de Genève“, выступают против Клемансо и подчеркивают вред, приносимый его статьями, но Дешанель послал профессора Льежского университета Вильмотта в Швейцарию, с тем чтобы прекратить эту кампанию. Вильмотт сам рассказал об этом директору Швейцарского банка Кинферальту, который передал это Каэну. Итак, Дешанель работает для Клемансо. Кукушка и петух.

Понедельник, 13 марта.

Вчера у Жоффра в Шантильи состоялось совещание [представителей] союзных генеральных штабов [97]. Сегодня Жоффр завтра-

кал с ними на набережной д'Орсэй. Он уезжает в Верден, где ожидают новых атак неприятеля, еще более ожесточенных.

Вчера вечером я выехал из Парижа с мадам Пуанкаре. Сегодня в девять часов утра остановились на последней станции перед Дюнкирхеном, чтобы избежать любопытства толпы и репортеров. На вокзале нас ожидал майор Жени, который повез нас далее в Карбургский госпиталь, устроенный в охотничьем доме и в бараках на бельгийской территории, у самой границы. Здесь мы встретились с королем и королевой. Мы долго обходили палаты с ранеными бельгийскими солдатами. Один из барачков носит мое имя, другие называются бараками Николая II, Георга V и т. д. Мадам Пуанкаре привезла для всех солдат небольшие пакеты, обертки которых окрашены в бельгийские цвета; в пакетах — записные книжки, табак, трубки, шоколад. Королева узнает в лицо врачей, сестер, раненых.

После осмотра госпиталя я сажусь в автомобиль короля, мадам Пуанкаре — в автомобиль королевы, и мы отправляемся в Ла-Панн. Город наполнен празднующими бельгийскими солдатами. Король показывает нам бани, души, мастерские, устроенные полковником Ролленом и его женой, которым очевидно обещали наше посещение.

Затем мы поехали в небольшую виллу на пляже. Нам предоставили комнату, чтобы переодеться. Король пригласил на завтрак с нами генерала Эли д'Уассель и генерала де Рокероль. Королева подарила нам шесть фотографических снимков, сделанных ею во время ее последней поездки и подписанных ею. Генералу Дюпаржу она тоже дала шесть снимков. Король говорит мне, что Мильеран недавно приезжал к нему и завтракал в Ла-Панн.

Король снова жалуется мне на трудности „нашего ремесла“. „Когда я активен, меня упрекают в том, что я выхожу из своей роли и присваиваю себе права правительства. Когда я неактивен, меня упрекают в бездействии“. Я говорю ему, что в Англии, Франции и Италии то же положение. Я нашел короля грустным. Королева менее подалась. Хрупкая и нервная, она обладает душой из стали.

После завтрака король вручил мне на пляже бельгийский военный крест и говорил мне много лестного о моем патриотическом влиянии во Франции и среди союзников. Улыбаясь он прибавил: „Это море очень красиво, но здесь слишком ветренно и мало цветов. Я предпочитаю сады, все Кобурги любят цветы“.

Генерала Эли д'Уассель я нашел озабоченным битвой под Верденом. Он не придает большой веры предположениям, что немцы сделают попытку высадить десант в дюнах. Однако, говорит он, неприятельская высадка может произойти в Ньюпорте, под защитой немецких батарей. Но эта перспектива его не пугает.

Мы с мадам Пуанкаре объезжаем небольшой уголок Бельгии, уцелевший от немецкого нашествия. Приехали в Фурнес. Со времени моего последнего посещения он подвергся еще большим разрушениям. Этот прелестный город очень пострадал от бомбардировки, многие дома разрушены, окна в старой ратуше выбиты.

Посетили убежища в Викэм. Они устроены в бараках; в одних бараках помещается школа, в других — спальные залы, в третьих —

столовые, больница, часовня. Здесь живут 400 детей в возрасте от трех-четырех лет до тринадцати-четырнадцати. Это дети из фламандских деревень долины Изеры, занятых неприятелем или подвергающихся бомбардировке. Дети начинают уже говорить по-французски и поют „Марсельезу“ и „Брабансон“ по-французски, словно валлонские дети. Большой прогресс. Один из учителей даже из Льежа. Старшие мальчики носят форму, присланную из Австралии, и очень гордятся ею.

Мадам Пуанкаре привезла четыреста различных етрусек, и по просьбе королевы сама раздает их к великому восторгу детей. Погода великолепна, и детвора смеется, кричит, играет в нескольких километрах от фронта.

Мы провели два часа в этой идиллической обстановке, затем простились с королем и королевой и отправились к своему поезду в Эскельбек.

Мадам Пуанкаре привезла для принцессы Марии-Жозе красивые платиновые часы-браслет, но девочка находилась с братьями в Англии, и мадам Пуанкаре оставила для нее у королевы этот небольшой сувенир.

Ужинали и ночевали в поезде.

Вторник, 12 марта.

После заседания совета министров Бриан шепнул мне: „Надо было бы, чтобы вы заехали к Галлиени и попросили его подать в отставку“. — „Я буду у него сегодня после обеда, и если он слишком болен, чтобы оставаться министром, я позондирую его, но решить дело должны вы, если находите это необходимым“.

После обеда я действительно отправился в Версаль. Галлиени все еще очень нездоров и отдыхает в отеле Резервуаров. У него лихорадка, он страдает бессонницей, но врачи прекратили прежний режим и дают ему теперь мясную пищу; они готовят его к операции, которая состоится через две недели. Однако, хотя я указываю ему на неудобства, связанные со столь продолжительным замещением, он ничего не говорит о своей отставке. Я сообщил Бриану по телефону про безрезультатность этого разговора. Бриан отвечает, что спрошенный им генерал Жоффри благоприятно относится к назначению военным министром генерала Рока.

Принял генерала Джона и полковника Миньо, которые устраивают в Сен-Клу канадский лазарет. Затем — Мильвуа, который жаждет на генерала Дюмениля и на проволочки при выполнении заказа на пушку для окопов системы Арше. Принял также Жана Анесси, который наконец чувствует себя удовлетворенным или почти удовлетворенным.

После¹ заседания совета министров зашел ко мне Бриан. Он теперь склонен назначить военным министром генерала. Он говорил с Фрейсина, который, кажется, убедил его. Бриан называет Брюжера. Я сказал ему, что в сенате говорят о Роке; об этом Будано

¹ Очевидно, опечатка. Судя по контексту, „перед“ заседанием. — *Прил. перев.*

сообщил вчера Сенсеру. От себя я заметил, что лично я соглашусь на назначение того или другого и что за исключением Фрейсинга и Баргу, как мне представляется, никто из штатских не пользуется в настоящее время достаточным авторитетом, чтобы занять пост военного министра.

На заседании совета министров Бриан снова ставит вопрос о военном министре и называет имена Брюжера и Рока. Он отстраняет кандидатуру Нуланса, предложенную Мальви и его друзьями, и говорит, что если остановится не на военном, то предпочтет кого-либо из членов кабинета, например Пенлеве или Клемантеля. Министры очевидно более одобрительно относятся к назначению генерала. Имя Брюжера вызывает некоторые возражения, к назначению Рока министры относятся сочувственно. Я подчеркиваю, что вопрос не подлежит коллективному решению министров, что их просто держат в курсе дел, для того чтобы каждый из них мог высказать свое личное мнение. В конце концов Бриан решил зондировать генерала Рока. Тем временем он представил мне на подпись декрет, назначающий адмирала Лаказа временно исполняющим обязанности военного министра.

Думерг говорит, что Поль Камбон в составленном им протоколе придал временный характер англо-французскому соглашению о Камеруне, относительно которого Пико добился решительных обещаний [98].

Вернувшийся из Вердена Тома говорит, что, по мнению генералов Петэна, Местра, Гийома и Базелера, положение остается сомнительным и серьезным.

Рибо говорит, что Англия не выполнила ни одного из обещаний, данных ему Мак-Кенна [99]. Сити до сих пор противится допущению французских ценностей на лондонский рынок, коммерческие кредиты не открыты, и наш курс в Лондоне падает с каждым днем.

Бриан слушает все более рассеянно и отсутствует во время доброй части заседания: то он уходит курить к Сенсеру, то мысли его витают где-то далеко.

Среда, 15 марта.

Веснич представил мне заведующего сербской артиллерией полковника Стеревича и начальника его штаба. Я доказываю им, что необходимо как можно скорее отправить сербскую армию в Салоники.

Ноэль, Виктор Дюпре и др. представляют мне президиум Общества популярных лекций и рассказывают мне о работе общества со времени войны в Эльзасе и в казармах.

Хюг Ле-Ру, возвратившийся из Америки и Японии, рассказывает мне о своих путевых впечатлениях. Как всегда, очень словоохотливый, он утомляет потоком своей речи. Он говорил без перерыва в течение всей аудиенции, длившейся час, и потопил в бездне деталей, впрочем, преподнесенных им красиво, три или четыре главные мысли: 1. Вильсон и Америка эволюционируют в сторону участия в войне. 2. Япония не отправила войск в Европу, потому что Англия отказала ей в более благоприятном режиме для японских

рабочих в своих колониях [100]. 3. Япония и Россия накануне сближения с целью раздела сфер влияния в Китае [101]. 4. Россия согласится на замену в китайском консорциуме Германии Соединенными штатами [102]. 5. Друзья Хюга Ле-Ру уговаривают его выставить свою кандидатуру в Академию.

Находящийся в отпуску генерал Байу попрежнему очень бодр. Наступление на Софию он считает трудным делом из-за вопроса о снабжении. Зато он считает франко-английские укрепления в Салониках неприступными и думает, что мы можем тревожить болгар до самой границы.

У меня был Бергсон. Член государственного совета Шардон подал ему мысль обратиться с открытым письмом к Бальфуру и предложить ему франко-английский союз на двадцать — двадцать пять лет. Бергсон делится со мной своими законными колебаниями. Я признаюсь, что, на мой взгляд, этот обмен письмами не может повести ни к большому политическому результату, ни к катастрофе и что я лично не вижу никакого неудобства в такой переписке, если только Бальфур (не вздумает в своем публичном ответе прочитать нотацию Грею и либеральной партии. Но конечно Бальфур не позволит себе такой бестактности.

Утром Бриан телефонирует мне, что запрошенный им генерал Рок предоставляет себя в распоряжение правительства. Бриан сказал мне также, что пошлет адмирала Лаказа в Версаль дать понять Галлиени, что он должен подать в отставку, если здоровье его все в том же положении.

Я пригласил Лаказа, чтобы поставить его в известность о моем вчерашнем разговоре с Галлиени. Он собирался поехать в Версаль, но через два часа вернулся ко мне с сообщением, что генералу сегодня очень плохо и врачи запретили ему принимать кого-либо. Адмирал может увидеться с ним лишь завтра.

Сенатор Морис Колен пригласил меня на благотворительный спектакль, который ставит в Комической опере (общество) *Algérienne*. Я обещал подписаться, но не прийти.

Будано сообщает мне о яростных нападках Клемансо и Шарля Эмбера на Жоффра и главную квартиру.

Директор горного института Клейне принес мне письмо одного итальянца, который жертвует миллион на премии наиболее отличившимся военным летчикам.

Бриан намерен был издавать газету для ответа Клемансо, но теперь, как видно, уже не думает об этом.

Адмирал Лаказ говорит мне, что полковник Букабейль и майор Шарбоннель из канцелярии Галлиени выразили желание, чтобы генерал был назначен министром без портфеля. Но Бриан естественно нашел это невозможным, раз состояние здоровья Галлиени лишает последнего возможности присутствовать на заседаниях совета министров.

Во время заседания адмирал Лаказ поехал в Версаль. Он говорил с Галлиени, и последний сказал ему, что пришлет сегодня свое прошение об отставке, причем сошлется в нем на действительную причину — состояние своего здоровья. Галлиени уверил адмирала в

своей лояльности. Назначение Рока имеет, по его мнению, тот минус, что является признаком чрезмерной предупредительности по отношению к главной квартире.

Четверг, 16 марта.

У меня был майор Ланглюа, который снова отправляется в Россию. Я советую ему дать понять императорскому правительству, что кроме орудий 90-миллиметрового калибра мы не можем послать ему артиллерии; советую осведомить генеральный штаб о колоссальном расходе снарядов, которого требуют наши наступления.

Самба и Фернанд Давид привели ко мне гравера Кошье, и мы обсуждаем проект диплома для семейств, потерявших на войне сына, отца и т. д.

К Самба явился загадочный Кайо и жаловался на нападки на него в „Libre Parole“ [103]; он притворяется, что верит в бог весть какие страшные заговоры против него, а между тем уверяет, что решительно стоит за правительство. Его друг Аккамбрэ снова начал в палате свои выходы против временных месячных бюджетов и снова нападает также на высшее командование. Дешанель прервал заседание, и при возобновлении его палата, по предложению председателя, лишила Аккамбрэ слова. Социалисты голосовали против этого предложения. Да, нелегко поддерживать теперь порядок в умах.

Галлиени написал Бриану безупречное прошение об отставке, в котором ссылается на свою болезнь. Бриан ответил ему восхвалением его заслуг, пожеланием выздоровления и неопределенным обещанием активного поста по выздоровлении. Ввиду прежних заслуг Галлиени и уважительности мотивов его выхода в отставку я тоже счел долгом послать ему несколько любезных слов в Версаль. Он ответил мне письмом, в котором горячо благодарит меня.

В конце дня Бриан послал мне на подпись декрет о назначении генерала Рока.

Пятница, 17 марта.

Старый художник Гётс (Guth), которому „Грейфик“ поручил написать мой портрет, отнял у меня десять минут на скучное позирование.

Шарль Бенуа сообщает мне, что он по просьбе Жюль Камбона подчеркнул в хронике „Revue des Deux Mondes“ выгоды нейтралитета Бельгии, но Картон де Виар заметил ему: „Вы несколько ошиблись. Бельгийское правительство несколько не дорожит сохранением нейтралитета, у него совсем противоположная точка зрения“.

Стег передает мне слова, сказанные вчера в сенате Клемансо, когда он узнал о назначении генерала Рока: „Он всегда, с самого начала войны, находился там, где нам больше всего не везло; но почему нам не везло там, где он находился?“ А Шарль Эмбер, вернувшись из Вердена, заявлял в кулуарах: „У нас нехватка вои-

ных материалов. Увидите, в каком положении мы очутимся через месяц!“

Что означает эта кампания охаивания и „дефетизма“ (пораженчества)?

Генерал Рок, сообщение о назначении которого появилось в сегодняшнем „Officiel“, сделал мне визит. Он говорит, что принял пост министра главным образом ради меня, подчеркивает, что не следует трогать главнокомандующего, но признает, что правительство должно обладать всей полнотой власти в вопросах административного порядка. „Надо, — говорит он, — защищать генерала Жоффра не только от его противников, но также от него самого и от его окружения. Я, — замечает он, — твердо намерен обсудить с ним в теснейшем контакте все вопросы, и в первую очередь вопрос о командовании армейскими группами и о командующих армиями“.

Суббота, 18 марта.

Фрейсинэ оправился от своей болезни и присутствует на заседании совета министров.

Первое выступление генерала Рока в совете министров производит хорошее впечатление: он говорит ясным и простым языком.

Бриан сообщает, что Саррайль лично написал сербскому принц-регенту и просил его отправить сербскую армию не в Салоники, а в Санти-Каранта. Таким образом Саррайль действует здесь вразрез с правительством, и Фрейсинэ замечает: „Надо воспользоваться этим обстоятельством и отозвать его“. Но откуда у Бриана эта информация? Он не говорит этого.

Воскресенье, 19 марта.

Въехал вчера в четверть десятого вечера с Восточного вокзала и приехал сегодня в восемь часов утра во Фруар.

На вокзале меня ожидали командующий восточной группой генерал Дюбайль, командующий отрядом лотарингской армии генерал Депре и генерал Кордонье. Генералы Дюбайль и Депре извиняются, что не могут сопровождать меня; они объясняют мне в кабинете начальника станции по картам те работы, которые ведутся теперь на фронте для улучшения наших позиций. Отправляюсь далее с генералом Кордонье осмотреть положение на месте. Он командует группой из 74 и 129-й дивизий. С самого начала войны я встречал его то в Коммерси, то в Бельфоре, а теперь нахожу его здесь. Это превосходный и умный офицер. Мы отправляемся на автомобиле через Дьелуар, Скарпин и Луази в Форе-де-Фак, где нас ожидает командир 74-й дивизии генерал де Лардемелль. По возвращению из Салоник он получил свое прежнее командование вопреки заключению генерала Саррайля. Я нашел его изменившимся, осунувшимся. На опушке леса мы сошли с автомобиля и направились по вырытому в земле ходу на холм, называющийся „сигнал Ксон“. Подниматься пришлось долго; стояла чисто летняя жара. Пройдя полдороги, мы натолкнулись на источник; он найден был

солдатами, распространяет кругом прохладу. С вершины „сигнала“ открывается широкий вид кругом на долину Понт-а-Муссон и на Буа-ле-Претр. Из Вэвры доносится ожесточенная канонада.

В окопах на „сигнале“ нет убежищ. Мы лишь теперь начинаем рыть несколько убежищ, а между тем эта позиция была взята нами еще в феврале 1915 г. Невероятная небрежность! Генералы Кордонье и де Лардемель, разумеется, сваливают вину на своих предшественников.

Возвращаемся во Фруар через долину Мозеля, столь дорогую сердцу Авзония и Мориса Бареса. О моем приезде было возвещено солдатам, и они толпятся на нашем пути, лежащем через их расположение. Река нежится на солнце, там и сям ее бороздят дикие утки и водяные курочки.

Завтракаю в поезде с генералом Кордонье. Он рассказывает, что недавно его посетил в Коммерси Клемансо и между ними произошел следующий разговор. „Ваши офицеры, — сказал Клемансо, — не находятся в окопах“. — „Нет, они всегда на местах“. — „Я уверен в противном, и хочу сам убедиться в том, как они несут свою службу“. — „Куда вы хотите пойти?“ — „Как можно ближе к бошам“. — „Хорошо, завтра я поведу вас туда“.

На другой день генерал повел Клемансо на передовые позиции. Когда они подошли к командному посту полковника, последнего там не оказалось.

„Ага! Вот видите!“ — злопыхательствует Клемансо. — „Но он дальше, в окопах“. — „Меня не проведешь“. — „Но вы сами увидите“. Несколько дальше встречают полковника. „Ага! — говорит Клемансо, — ему достанется на орехи“. — „Но так поступают все“. — „Ладно, ладно!“ Пришли в окопы, находящиеся перед самым неприятелем. Клемансо продолжает громко говорить и обращается с каким-то вопросом к солдату. „Да замолчишь ли ты, — отвечает ему солдат и дает ему тумака, — тебя услышат боши“.

После завтрака отправляюсь с генералом Кордонье далее, проезжаем мимо Брюксьер-о-Дам, Лей-Сен-Кристоф, Брюксьер-о-Шен, Ла-Фин-Эгиль. Снова очутился в лесу Шампану, в котором был в прошлом году зимой, когда все занесено было снегом. Теперь уже появилась первая зелень, поют птицы.

Зашли на опушке леса в дом лесничего, часто подвергающийся обстрелу немецкой артиллерии. Отсюда я вижу развалины деревни Брион, где находятся наши передовые посты. Туда нельзя пройти днем за неимением траншейных ходов; теперь лишь начинают рыть такой ход. Опять то же разгильдяйство.

С другого конца леса я вижу деревню аннексированной Лотарингии; она занята немцами. Солдаты говорят мне, что немцы показываются на деревенской улице самое большее два-три раза в месяц; они живут под землей, в погребах.

Наши передовые позиции плохо оборудованы. Проволочные заграждения находятся снаружи, перед лесом, а наши передовые окопы — на опушке. Неприятельская артиллерия может разрушить проволочные заграждения, и атакующая немецкая пехота тотчас ворвется в наши траншеи первой линии. По распоряжению генерала

лов Кордонье и де Лардемелля проволочные заграждения устанавливают теперь в самом лесу, а позади роют окопы.

Во Фруар я возвратился через Нанси. В городе опять прежнее оживление.

Понедельник, 20 марта.

Переночевал в поезде на вокзале во Фруар.

В половине девятого утра за мной приехал генерал Ж. Б. Дюма, командующий группой из трех дивизий (180, 33 и 34-я), и мы поехали на автомобиле в Нанси. Проезжаем мимо Шампану, который все эти дни усиленно бомбардируется и на три четверти разрушен, затем мимо Эстервилля, тоже очень пострадавшего, и мимо Бломбергского леса. Подъехали к большой, имеющей вид четырехугольника, ферме Сен-Жан, расположенной между Бламонским лесом и лесом де ла Гранд-Гутт; немцы вчера усиленно обстреливали ее орудийным огнем, но сегодня здесь спокойно. Идем по длинному вырытому в земле ходу, который приводит нас к окопам первой линии напротив вокзала в Монсель.

Кругом тихо.

После нескольких часов пути лесом, в траншейных ходах и траншеях мы сели в наши автомобили у Эрбевилье, от которого тоже остались одни развалины, и поехали через Гаракур, Варанжевилль и Домбаль в Бленвилль, где меня ожидал мой поезд.

Домбаль был бомбардирован сегодня утром из дальнобойных орудий. Целью неприятеля был завод Сольвей, но снаряды попадали только в один склад и разрушили один из близлежащих домов для рабочих; есть убитые, в том числе двое детей. Через несколько времени я приехал туда; по возвращении я уведомил об этом Тома, которому еще ничего не было известно. Завод Сольвей производит 80 процентов нашей продукции каустической соды для взрывчатых веществ. К счастью, у нас имеется достаточный запас на год.

Завтракаю в Бленвилле с генералами Депре, Дюма и де Лардемелем.

Генерал Дюма, кажется, считает возможным наступление через Шато-Сален. Генерал Депре гораздо менее оптимистично смотрит на это; он думает, что мы натолкнемся там на наводнения, устроенные немцами.

После завтрака отправился с генералом Морделлем на автомобиле через Люневилль и Баккара в Ран-л'Этан, подвергавшийся до сих пор ожесточенной бомбардировке. Оттуда поднялись в живописную долину реки Плен, в которую несколько лет назад я совершил экскурсию с мадам Пуанкаре. Теперь через эту долину проходит фронт и Ран-сюр-Плен занят немцами.

Сворачиваем влево по красивой дороге Пьер-Персе. День выдался на славу, сочная зелень сосен радует глаз, на синем фоне неба отчетливо вырисовывается силуэт горы Пьер-Персе. Деревня кишит солдатами.

Дорога идет лесом, затем спускается в Бадонвилль. Подъезжая к последнему, мы слышим неистовую канонаду, а когда мы въезжаем

в эту коммуну, перед нами, поднимая тучи черного дыма, взрываются снаряды и с треском рушатся дома.

Нам надо пересечь Бадонвилле, чтобы попасть в окопы первой линии. Удастся ли нам это? Едущие впереди нас Пенелон и майор Ноде останавливают свой автомобиль и сходят; мы следуем их примеру. Майор Ноде, из штаба отряда лотарингской армии, находит, что надо выждать несколько минут. Через отдушины погребов перед домами мы замечаем несколько солдат, женщин и детей. Одна женщина спокойнейшим образом чистит салат; дети то и дело высовывают головы, прислушиваются, смотрят; над нашими головами пролетают снаряд за снарядом и падают в трехстах метрах влево от нас, на том месте, где немцы предполагают местонахождение наших батарей; но эти батареи находятся в тылу, под прикрытием, и отвечают интенсивной пальбой.

В воздухе показывается наш аэроплан, и неприятельские орудия замедляют огонь из боязни быть обнаруженными. Мы садимся в автомобиль, быстро проносимся через Бадонвилле и выезжаем вправо от него.

Проехав несколько сот метров, останавливаемся у деревянных хижин под соснами; здесь стоят войска. Офицеры и солдаты обрадовались нам и приветствуют нас.

Полковник, командующий этим сектором, провожает нас к первым линиям, находящимся в сорока метрах от неприятельских окопов. Мы едем в глубокой тишине. Я наблюдаю в перископ неприятельские позиции. Там словно все заснуло.

На обратном пути сделали привал в „негритянской деревне“. Полковник угощает нас чаем. Солдаты все вышли из своих палашей и радостно обступили нас.

Снова проезжаем через Бадонвилле. Канонада прекратилась: мы едем мимо разрушенных домов. Возвращаемся не через Пьер-Персе, а через Пексонн, представляющий собой сплошную грудку развалин. Однажды, рассказывает мне генерал, две девочки, оставшиеся здесь с родителями, хотели пройти в церковь; генерал советовал им остаться в погребке, но они ответили ему с певучим лотарингским акцентом: „Разве мы блохи, что ли?..“

Наступила ночь, когда мы вернулись в Баккара, где меня ожидал мой поезд.

На вокзале большая толпа штатских и солдат. Все настроены сочувственно. Приветственные возгласы.

Вторник, 21 марта.

Совет министров. Я докладываю о своей поездке и своих наблюдениях и указываю генералу Року на необходимость форсировать работы по укреплению фронта.

Еще один прискорбный случай: в Маланкурском лесу 111-й полк бежал!

В два часа встречают на Лионском вокзале сербского принца Александра. Я приехал в закрытом автомобиле; на всем протяжении моего пути стояли толпы народа.

Принц молод, изящный шатен, хорошо изъясняется по-французски, носит на груди военную медаль и военный крест.

Возвратившись в Елисейский дворец, принимаю нескольких эльзасцев, в том числе аббата Веттерле и Гельмера. Они просят, чтобы французское правительство не соглашалось на обмен взятых в плен жителей-французов на эльзас-лотарингцев, даже подозрительных. Я уверил их, что такого обмена не будет.

Визит генерала Кадорна. Живой, приятный, умный. После него был у меня полковник Бард, заведующий секретариатом Рока, тактичный, сдержанный.

Председатель [муниципального совета Парижа] Митуар приглашает меня в четверг в ратушу. Он выражает сожаление по поводу того, что я ездил сегодня на вокзал в закрытом автомобиле.

Вечером в малом зале первого этажа дан был ужин, на котором присутствовали принц Александр, Пашич, Бриан, Веснич, Иванович, полковник Иомичич, Лаказ, Жоффер, Рок, генерал Дюпарж и Сенсер.

Среда, 22 марта.

Меня посетил граф де Каданья, на которого испанский король возложил попечение о французских военнопленных в Германии. Граф во Франции проездом в Берлин; он уверяет меня в своих благожелательных чувствах.

Адъютант короля Альфонса полковник Вехаг привез мне от короля платиновую булавку к галстуху, изображающую охотничий рог с цифрой 11 (11-й батальон). Трогательная внимательность к бывшему капитану 11-го батальона альпийских стрелков.

Четверг, 23 марта.

Заседание совета министров. Вивiani, сильно волнуясь, выступает с обвинениями против финансовой комиссии и де Сальва (не называя последнего по имени из-за его дяди Фрейсина). Ему всюду мерещатся интриги и вождедения политиков. Он жалуется также на палату депутатов, которая все еще затягивает решение вопроса о квартирной плате. По этому поводу Рибо говорит, что у него была делегация домовладельцев и грозила устроить кошачий концерт перед Елисейским дворцом, если будет снова продлен мораторий.

На завтраке в сербском посольстве Дешанель сказал мне, что надеется уговорить палату разойтись на шестинедельные пасхальные каникулы.

Прием в ратуше.

Громадная толпа на всем пути. По просьбе Митуара я поехал в открытый коляске, для того чтобы толпа могла видеть принца. Много женщин в трауре, но всюду веселье и оптимизм. Несмолкаемые крики: „Да здравствует Сербия!“, „Да здравствует Франция!“ Немалая часть приветствий выпала на мою долю.

Состоящий при нашем посольстве в Афинах де Кастильон Сен-Виктор уверяет меня, что Гильмен занял видное положение и поль-

зается большим весом у короля. Сен-Виктор думает, что, проявив твердость, мы можем легко добиться помощи Греции.

Луи Дрейфус говорит мне, что, если правительство использует „services intéressés“, мы получим от Англии больше льгот в отношении фрахтов и уладим вопрос об итальянских банках (Торговый банк, Учетный банк). Я отослал его к Бриану и Клемантелю.

Пятница, 24 марта.

Вчера в четверть десятого вечера выехал из Парижа с сербским принцем Александром; сегодня в половине восьмого утра прибыли в Сент-Менехульд. Я предоставил принцу свой знаменитый розовый вагон, наследство Феликса Фора, а сам остался в вагоне, построенном для меня компанией восточной железнодорожной сети.

В Сент-Менехульд нас ожидали генералы Жоффр и Эмбер. Мы поехали с ними до Флоран. По дороге сделали остановку и осмотрели бараки для войск в лесу; осмотрели также размещение войск в самом Флоран. Затем мы поднялись на холм, чтобы увидеть оттуда Клан. Впрочем этой частью нашей программы пришлось фактически пожертвовать, так как генерал Жоффр пожелал устроить в Комбль смотр 39-й дивизии.

Генерал Эмбер восхищен небольшим успехом, доставшимся вчера на его долю в Вокюа, где наши взяли в плен двадцать одного немца. Жалкая добыча!

В Комбль поехали через Дарикур, Живри, Соммейль, Неттанкур, Брабант-ле-Руа, Лемон и Бар-ле-Дюк. В Соммейль, Брабант и Лемон я показываю принцу на опустошения, произведенные немцами. „Да, точно в таком виде я найду и свою Сербию“, — говорит он.

В Бар-ле-Дюке мы поехали вверх по улице Веель до плато перед Комблем. 39-я дивизия выстроена под командой своего начальника генерала Нуррисона; присутствует также генерал Балфурье, командир 20-го корпуса.

Дивизия, как и весь 20-й корпус, отличалась в боях под Дуомоном и понесла большие потери; теперь она получила пополнение; выправка войск прекрасна. Мы обошли войска, затем они в великолепном порядке прошли мимо нас церемониальным маршем. Я поздравил генерала Нуррисона и пригласил его, а также генерала Балфурье к себе на ужин в поезде.

После смотра поехал к своему поезду в Неттанкур, где наскоро позавтракал с генералами Жоффром и Эмбером.

На набережной я роздал военные медали и военные кресты служащим восточной железной дороги, которые под огнем неприятеля восстановили сообщение с Обревиллем.

Снова садимся в автомобили; нас повезли в Суйи кружным путем через Бар-ле-Дюк, Рюмон и Роон. Этот длинный крюк сделан был с явной целью показать принцу громадные продовольственные транспорты, вереницы грузовиков, курсирующие по большому шоссе из Бар-ле-Дюка в Верден. Действительно, все функционирует очень исправно, но хорошая железная дорога была бы надежнее.

В Суйи мы застали генерала Петэна в мэрии, где помещается его штаб. Пасморк Петэна прошел, но в глазах осталось первое подергивание, признак некоторой усталости. Генерал объясняет нам, что рассчитывает спасти Верден; однако он предвидит также, что, возможно, придется кое-где отступить. Бетенкур и Малаккур находятся в опасном положении; наши батареи не стреляют так далеко, и наша пехота остается там без поддержки артиллерии. Что касается Авокурского леса, то мы попытаемся отвоевать его олушку; с согласия генерала Жоффра, мы уже подготовили здесь наступление, но потом оказалось, что неприятельские позиции недостаточны разрушены, и генерал Петэн предпочел отсрочить эту операцию. Что касается правого берега, то, по мнению генерала, не исключена возможность, что немцы в конце концов завладеют фортом Во. В свою очередь генерал Петэн намерен сделать попытку отнять у немцев форт Дуомон, но позднее. Но он не считает целесообразным наступление на севере или на востоке от Вердена; мы раскроем мешок, но это не даст нам никакой стратегической или хотя бы тактической выгоды. По мнению генерала, если уже переходить в наступление на верденском фронте, то скорее в направлении на Варенн. Чтобы обеспечить согласованность действий в этой операции, командующий III (аргоннской) армией, генерал Эмбер, был подчинен генералу Петэну.

Покидая Суйи, мы констатируем уже значительный прорыв в своей программе. Ненастная погода, мартовские дожди, серое небо, горизонт заволочено тучами. Мы решаем первым делом отправиться в форт де-ла-Шом, чтобы по возможности получить общую картину сражения. Осторожности ради сходим с автомобилями и продолжаем свой путь в гору пешком. Генерал Жоффр, который сильно тучнеет, совсем запыхался, и принц не удержался и проронил замечание на этот счет. С наблюдательного пункта форта мы видим в тумане серебристую ленту Мааса, огонь наших батарей в Бельвилле и дым пожаров, зажженных в Вердене немецкими снарядами.

Идем обратно и просим отвезти нас к крепости. Строения ее большей частью разрушены; стены, гласисы, дворы испещрены пробоинами, пробитыми снарядами. Впрочем остались еще подземелья и казематы. Из цитадели нас повезли в казармы; сначала водители наших автомобилей хотели пересечь город, но улицы загромождены обломками домов, и нам пришлось повернуть обратно и поехать снаружи крепостных стен.

Около казармы Ла-Бево устроена новая закусочная для солдат. Командующий 33-м корпусом генерал Мордан помещается [со своим штабом] в казарме. Генерал очень тверд и решителен, верит в успех. Его войска защищают сектор Дуомон, Во и Данлу. Генерал говорит, что несет небольшие потери людьми за исключением ночного времени, когда неприятель бомбардирует участок между Дуомоном и Данлу. Генерал не опасается за судьбу форта Во.

В сених ко мне подошел Андре Тардьё, который снова надел свой капитанский мундир. Он представился принцу, которого знает лично.

Из южной части Вердена поехали далее, в долину Мааса. Около Ансемона наши строят пешеходные мостки через долину. Без конца грузовики, многочисленные артиллерийские парки. Ансемон обильно „поливается“ неприятельскими снарядами. На левом берегу, между Ансемоном и Суйи, наши солдаты роют окопы и устанавливают проволочные заграждения. Когда мы приехали в Суйи, было уже темно, седьмой час. Против моего желания в Рюмон был назначен на половину пятого смотр 2-й дивизии; его отложили по телефону сначала на пять часов, потом на половину шестого. Из Суйи пришлось по телефону отменить его.

Я спросил, где находится штаб генерала, командующего 2-й дивизией; мы хотели выразить генералу свое сожаление (по поводу несостоявшегося парада). В Суйи нам сказали, что он находится в Шомон-сюр-Эйр.

В Шомон-сюр-Эйр мы нашли штаб не 2-й дивизии, а другой дивизии, которой командует генерал де Линэй. Пришлось поехать дальше — в Рон. Здесь мы нашли генерала, командующего 2-й дивизией; он был очень разочарован и несколько раздосадован. Я просил его выразить в приказе войскам сожаление и выдать им добавочный паек. Наверно солдаты мерзли, поджидая нас. Я заявил Пенелону, что этот парад должен быть последним в моих поездках; пусть генерал Жоффр обставляет свои поездки по своему вкусу, но когда я принимаю в них участие, я не желаю, чтобы отвлекали и утомляли войска.

Через Бар-ле-Дюк мы вернулись в Неттанкур; по дороге тянулась бесконечная вереница грузовиков, перевозящих сменяемые войска.

К поезду мы приехали лишь в четверть девятого. Нас ожидали здесь генералы Балфурье и Нуррисон; командир 2-й дивизии, которого я тоже пригласил, присоединился к нам несколько позднее. Ужинали в вагоне-ресторане. Принц Александр немного устал и лицо его обветрено.

Суббота, 25 марта.

Вернулись в Париж в восемь часов утра. На улицах нас встречала густая толпа народа. Я отвез принца в отель „Континенталь“.

Так как Пенелон сказал мне, что очень хотел бы поехать со мной к королю Альберту, я предложил ему отправиться со мною во вторник вечером, после совещаний союзников. Он с радостью согласился.

В девять часов совет национальной обороны. Присутствуют: Фрейсинэ (очень активный, с очень ясным умом), Рибо (несколько угрюмый), Бриан, Буржуа, Думерг (оптимисты), Жоффр (тяжелый и неповоротливый), Кастельно (кусающий свои удила), Рок (внимательный и осторожный), Лаказ (очень подвижный и очень пронизательный), Пенлеве (горячий и резкий), Тьерри (внимательный).

Бриан утверждает, что, по имеющимся у него достоверным сведениям, начальство предвидело прискорбное поведение 258-го полка в Авокуре, что в перехваченных письмах солдаты сообщали

о своем намерении сдать. Жоффри говорит, что эти факты ему неизвестны, но он распорядился открыть следствие о происшедшем. Генерал Петэн сказал нам вчера, что он знал о вредном настроении полка, занимавшего позиции в Авокурском лесу, но не хотел сменить его, чтобы не давать премию трусости.

Жоффри начал дознание по делу генерала Бапста^[104], но не имеет еще сведений.

Фрейсинэ спрашивает, правда ли, что генерал Герр в январе требовал подкреплений людьми и материалом и что генерал Дюбайль оставил его без ответа? Фрейсинэ считает этот факт совершенно достоверным и спрашивает генерала Жоффра, было ли требование генерала Герра передано в главную квартиру. Жоффри отвечает, что он не думает этого. Он наведет справки!

Бриан сообщает, что он запросил принца Александра и Пашича относительно отправки сербских войск в Салоники и что оба они дали свое согласие. Пашич выставил лишь следующие требования: 1) сербские войска будут использованы на западе, в направлении Монастыря; 2) престиж принца не пострадает; 3) сербская армия будет составлять единое целое.

Затем совет министров обсуждает некоторые персональные вопросы. Генерал Дюбайль, достигающий 16 апреля предельного по закону возраста, не сохранит за собой командования восточной армейской группой; генерал Жоффри желал бы, чтобы правительство назначило его военным губернатором Парижа. Преемником генерала Дюбайля будет генерал Франше д'Эсперэ. Генерал Жерар назначается в V армию; генерал Мазель займет место генерала Рока; генерал Файоль окончательно назначается командующим VI армией. Генерал де Мод Гюи, имевший разговор с генералом де Кастельно, сказал, что, если его назначат корпусным командиром, он не может формально согласиться с этой мерой, являющейся для него понижением, но повинется ей.

Продолжительная дискуссия по основным вопросам. Генерал Жоффри доказывает, что оборона Вердена, затянувшись, нанесет больший урон неприятелю, чем нам. По данным начальника 2-го бюро II армии, у немцев уже теперь выбыло из строя 200 тысяч человек, у нас же только 65 тысяч. Жоффри официально оспаривает цифры военнопленных, приводимые в немецких оперативных сводках. Но в общем со стороны Жоффра это только голые утверждения, и я еще раз требую, чтобы нам были даны более точные подсчеты^[105].

Генерал конфиденциально присовокупляет, что через две недели англичане перейдут в наступление, чтобы несколько облегчить наше положение. Но это не то большое наступление, которое решено было в принципе на последней конференции в Шантильи.

Встает вопрос, сможет ли состояться это большое наступление в назначенный срок (вторая половина мая), несмотря на оборону Вердена?

Жоффри всячески пытается доказать возможность этого, но Кастельно своими жестами выражает сомнение и отрицание. В конце концов у него вырвалось несколько слов, свидетельствующих о его неверии, и после заседания он действительно развивает мне эту

точку зрения. По его мнению, мы не можем быть готовы в конце мая.

Жоффри утверждает, что выбрано место наступления, он даже называет его: наступление состоится целиком или по крайней мере частично на фронте VI армии. Он утверждает также, что уже закончены необходимые обследования; но что касается работ по укреплению местности, то они поневоле зависят от того, какие средства оставят в нашем распоряжении бои под Верденом.

Фрейсинэ и Думерг настаивают, что необходимо уже теперь назначить срок, к которому должны быть закончены эти работы; в противном случае, говорят они, эти работы никогда не будут закончены. Однако Фрейсинэ подчеркивает, что этот срок не будет обязательно также сроком наступления.

Я требую, чтобы генеральное наступление союзников не было начато прежде, чем мы будем в состоянии принять в нем значительное участие. В противном случае англичане будут утверждать, что они спасли Францию, победа будет победой англичан, мир будет английским миром. К тому же мы обладаем качествами для наступления, которых нет у наших союзников. Лучше отсрочить на некоторое время наступление, если это потребуется для пополнения наших контингентов.

Меня энергично поддержал адмирал Лаказ, и в конце концов все министры присоединились к моей точке зрения.

В результате было принято следующее решение:

1. Предварительные работы должны быть предприняты в срочном порядке и закончены на территории предполагаемого наступления к 1 июня; забота о приискании рабочих рук лежит на главнокомандующем и на военном министре.

2. Срок большого генерального наступления пока не устанавливается; мы примем участие в этом наступлении, и срок его будет зависеть от того, когда мы будем в состоянии принять в нем активное участие.

Я принял: Беттенкура Родригеда, который был португальским посланником до Шагаса и после него и теперь возвращается в Лиссабон; капитана Андерсона, первого по времени военного атташе при датском посольстве; моего бывшего сотрудника генерала Бодемулена — его дивизия расформирована, и он ожидает теперь нового назначения; адмирала Бонна, который назначен теперь начальником морского генерального штаба на место адмирала де Жонкьера.

Воскресенье, 26 марта.

Совет министров.

Бриан докладывает, что конференция союзных министров состоится завтра и в следующие дни; но он не указывает никакой программы, и боюсь, что ее нет у конференции [106]. После заседания Тома, вернувшийся из Англии, говорит мне, что английские министры жалуются на эту неопределенность; они думают, что их пригласили просто на пустую демонстрацию. Действительно, Бриан, который однажды публично объявил себя реалистом, не очень конкретно подходит к делу.

Генерал Рок сообщает, что Думер и Жаннаней ездили в Бельфор и вернувшись представили в комиссию сената заключение, что эта крепость оставлена без защиты. Как видно, они все еще не поняли смысла преобразования крепостей в укрепленные районы. Дискуссия относительно квартирной платы и законопроекта о военных судах.

Понедельник, 27 марта.

Сегодня утром и после обеда на набережной д'Орсэй состоялись заседания конференции союзников. По моей просьбе Бриан обещал держать меня в курсе совещаний, но за весь день он не сделал этого. Я был бы совершенно не в курсе того, что там делалось и говорилось, если бы меня не посетили Рибо, который принимал участие на завтраке, данном в честь членов конференции на набережной д'Орсэй, а также Саландра и Соннино.

Рибо пришел поговорить со мной о тревожащих его вопросах по финансовому ведомству. Он хотел бы иметь возможность более существенного контроля над заказами нашего военного министерства за границей, так как они все более и более ухудшают наш курс. Он убежден, что много денег тратится зря. Англичанам он твердо заявил, что они должны оказывать нам более действительную поддержку.

По мне кажется, что цель прихода Рибо была иная: он хотел поделиться со мной теми опасениями, которые все больше внушает ему бездействие высшего командования. Он находит, что Жоффри переутомлен. Если Петэн будет до конца иметь успех в Вердене, то, по мнению Рибо, лучше назначить его главнокомандующим, а „Жоффра забальзамировать с цветами“.

Титтони представил мне Саландру и Соннино. У первого круглое, улыбающееся лицо, у второго живые глаза за стеклами очков. После обычных приветствий я спросил их, удовлетворены ли они работами конференции. Они говорят, что по всем вероятностям эти работы закончатся завтра утром. Назначены подкомиссии, которые представят свои доклады. По вопросам военного характера приходится лишь утверждать заключения генеральных штабов. В вопросах тоннажа и распределения снаряжения Италия, по словам моих собеседников, нуждается в поддержке. Так как Саландра и Соннино ни словом не обмолвились относительно объявления Италией войны Германии, я деликатно пытаюсь дать им понять, что Австрию можно победить, только победив Германию, и что последняя является главным врагом Италии, так же как России и Франции. Титтони делает вид, что разделяет мою точку зрения. Саландра и Соннино с трудом соглашаются с ней.

Принц Александр выразил полковнику Фурнье желание поехать вместе со мной к бельгийскому королю, и я предложил ему совершить эту поездку за время от вечера вторника до утра четверга. Пенелон взялся уведомить об этом полковника Жени и запросить согласие короля. Король сначала ответил — с удовольствием. Но потом он сказал, что по семейным обстоятельствам не может принять принца в среду, что же касается меня, то я всегда

буду желанным гостем... В чем заключается истинная причина этой перемены? Не сказался ли здесь Кобург, который — у меня не раз было такое впечатление — не желает быть слишком предупредительным по отношению к Сербии? Или здесь имеется какая-то другая причина? Мы конечно узнаем ее от полковника Жени. Тем временем я должен был предупредить принца через Вильяма Мартэна, что король в среду занят.

Вторник, 28 марта.

В девять часов утра Бриан пришел ко мне в кабинет выкурить папироску и вкратце рассказать мне о ходе работ конференции. Он сияет. Хотя у конференции нет программы, он уверяет, что она явит всенародно пример единства и солидарности. Он признается, что особенно доволен потому, что конференция „произведет хорошее впечатление во всем мире и во Франции“.

С равнодушно ироническим видом он указывает мне на сегодняшнюю статью Клемансо, из которой он выбросил два места: одно, в котором разносится Италия, и другое, в котором Клемансо заявляет: чтобы вознаградить Баррера, Пуанкаре переведет его из Рима в другое место...

Завтрак в большом парадном зале Елисейского дворца. Мадам Пуанкаре чувствует себя еще нездоровой и не присутствует на завтраке. Против меня сидит Бриан. Присутствуют все члены конференции: Асквит, Броквиль, Саландра, Бергенс, Грей, Соннино, Китченер, Ллойд-Джордж, генерал Кадорна, Пашич.

По правую руку от меня сидит Броквиль (в порядке букв алфавита, по названиям стран), по левую — Асквит. По правую руку Бриана — Саландра, по левую — Извольский.

Необычайное зрелище представляет это собрание русских, англичан, итальянцев, сербов, японцев, португальцев, бельгийцев. Кроме того присутствуют: Лейг, Пейтраль, Жан Дюшои, Барту, Эмар, Клотц, Рауль Перэ, Педойя, Пишон, Круши, Девиль, де Сальв и др. Жоффри, Кастельно, Грациани.

Я спросил Броквиля, может ли он мне частным образом сказать, почему король отказался от визита сербского принца. „Я не знаю причины, — ответил Броквиль, — но догадываюсь о ней. Когда бельгийское правительство сочло нужным наградить принца военным крестом, король не дал на это своего согласия, и я понял, что он возлагает на нынешнюю династию вину в убийстве короля Александра“.

Асквит в очень лестных выражениях говорит мне о Самба и Тома. Броквиль говорит, что Бриан председательствовал на конференции с большим тактом и умом. Асквит, который уезжает отсюда в Италию, не скрывает от меня, что он не надеется убедить итальянское правительство вступить в войну с Германией.

После завтрака я беседовал с Саландра. Он убежденно говорил о стремлении Германии к господству, но ни слова не проронил об исполнении Италией своих обязательств.

Саландра, тучный, с жгучими черными глазами и темнобурым цветом лица, похож на продавца нути в Тунисе.

Асквит, тучный, лысый, похож на пономаря или на провинциального нотариуса.

Пашич весь оброс бородой.

Броквиль, смуглый, эlegantный, со светскими манерами, всегда веселый, словно его страна уже освобождена.

Когда все разъехались, Бриан снова говорит мне, что доволен достигнутыми результатами.

В отдельных разговорах, которые велись с англичанами, последние, вопреки Китченеру, отказались от намерения отозвать войска из Салоник. Кроме того они сообщили, что Испания зондировала их относительно Танжера, но они ответили, что этот вопрос интересует главным образом Францию, что мы не можем уступить Танжер без компенсации и что нежелательно поднимать этот вопрос во время войны.

Согласно предложениям генеральных штабов принято было решение о единстве действия на всех фронтах. Асквит сказал Бриану: „Мы согласны, что руководство должно принадлежать Франции“.

Был принят принцип согласованности действий в экономической войне; будет создан постоянный орган в Париже. В принципе принята также экономическая антанта на первое время после войны.

Эти решения зафиксированы в простых и конкретных формулировках. Тома сделал превосходный доклад о распределении материала и снаряжения. В Лондоне будет создан орган по распределению тоннажа.

Марсель Прево выражает мне пожелание, чтобы генерал Клержери остался и при новом военном губернаторе Парижа. Он сообщает мне о кандидатуре Жозефа Рейнаха в Академию; лично он, Прево, стоит за кандидатуры Бедье, Болейва, Барту и противник кандидатур Бертрана и Шаню.

Среда, 29 марта.

Утром получены очень хорошие известия из Суйи.

Вечером узнал из немецкой оперативной сводки, что кое-что приходится из них сбавить. Если мы продвинулись вперед в Авкурском лесу, то зато мы были застигнуты врасплох к северу от деревни Маланкур, одно из наших укреплений было окружено неприятелем и взято им; немцы взяли около 500 пленных.

Опять пленные, каждый раз пленные... Неужели некоторые воинские части падают духом? Я констатирую прискорбные симптомы, получаю также письма, внушающие тревогу.

Бриан повез министров союзных стран в ратушу в открытых автомобилях, но, по словам Вильяма Мартэна, газеты сильно преувеличили энтузиазм толпы. При проезде итальянцев даже ощущался некоторый холодок. Никакого сравнения с тем приемом, который был оказан сербскому принцу.

Фрейсинэ сделал мне продолжительный визит. Он обижен тем, что не участвовал на конференции, тогда как Буржуа присутствовал на ней. Я предвидел это и сказал об этом вчера Бриану; он ответил мне, что Буржуа ездил в Италию. Но Фрейсинэ подчеркивает,

что это устранение его умалет его авторитет в правительстве и перед главнокомандующим.

Фрейсизэ говорит, что, по полученным им надежным сведениям, Болгария согласна отнестись от Германии и даже заменить Фердинанда наследным принцем Борисом, если мы гарантируем ей некоторые территориальные выгоды.

Четверг, 30 марта.

„Гнусный слух“ распространяется. Простой человек из народа, рабочий стеклодувного завода, бежавший из Понт-а-Муссон в Гонесс, говорит мне, что в этой коммуне на меня возлагают ответственность за войну и что кумушки взяли в переплет одну женщину, приветствовавшую меня в день передачи войскам знамен на поле близ Гонесс.

Совет министров.

Рибо докладывает о финансовом положении. В согласии с Рибо я требую, чтобы на чиновников министерства финансов возложен был контроль над расходами ведомства снаряжения и интендантского ведомства. В настоящее время мы лишены возможности знать вперед, какие суммы нам придется выплачивать в определенные сроки; у нас нет никакой „книги для записи сроков платежей“. Мое предложение принято.

Англия обещала нам допустить наши облигации на лондонский рынок и открыть нам коммерческие кредиты; однако она не торопится удовлетворить нас по этим двум пунктам. Наши облигации продаются в Лондоне на несколько пунктов ниже эмиссионного курса, тогда как английский заем котируется выше своего эмиссионного курса. Англия предпочитает избегать этой нежелательной конкуренции. В этих обстоятельствах Рибо и Паллен выработали совместно с директором Английского банка следующую комбинацию: Английский банк открывает кредит Французскому банку и в свою очередь получает от последнего ссуду золотом, подлежащую возврату через два года после прекращения военных действий. Рибо добивается открытия кредита в 4 миллиарда, причем наша ссуда золотом не должна превышать 1 миллиарда. Английский банк согласен на 1 миллиард золотом, выплачиваемый в рассрочку по мере надобности, но предлагает кредит только в 3 миллиарда. Пока дело не сдвинулось с этой мертвой точки. Совет министров уполномочивает Рибо продолжать переговоры и настаивать по мере возможности на открытии кредита в 4 миллиарда. К тому же Английский банк требует от нас уплаты шести процентов, т. е. на два процента больше учетной ставки в Англии. Тяжелые союзники!

Мелин докладывает о положении сельского хозяйства: оно все больше ощущает недостаток в рабочих руках. В настоящий момент Мелин проводит в палате проект использования невозделанных земель силами коммунальных властей или коллективов жителей; по этому поводу внесено множество поправок, некоторые из них требуют отпусков и отсрочек для военнообязанных, а также мобилизации для полевых работ мужчин рождения 1888 г., которые недавно были частично призваны под знамена, причем в скором

времени предстоит мобилизация на фронт всей этой группы. Авторы поправок требуют, чтобы эта возрастная группа была использована для засева полей.

Для устранения этих поправок Мелину нужно иметь возможность объявить в палате, что в дальнейшем немецкие военнопленные будут в более широких размерах привлекаться к полевым работам. Военный министр обещает дать возможно большее число пленных.

Генерал Монури решил по условиям здоровья уйти с поста военного губернатора Парижа. Увы, он совсем ослеп.

На его место назначен генерал Дюбайль. Преемником генерала Дюбайля назначен генерал Франше д'Эсперэ. Генерал Мазель, заменивший Рока во главе I армии, получает командование V армией вместо Франше д'Эсперэ. Генерал Жерар будет командовать I армией. Генерал де Лангль де Кари смещен: как и Дюбайль, он достиг предельного по закону возраста. Центральная армейская группа, которой он командовал, оставлена временно за главной квартирой. Командование ею будет впоследствии поручено генералу Петэну.

Генерал Мазель явился выразить мне свою благодарность; он очень доволен своим назначением.

Депутат от Кохинхины Утрей с тревогой говорит мне об ошибках и насилиях, допущенных при наборе рекрут из аннамитов.

Подди просит меня о назначении его на место умершего на днях доктора Лаббе.

Пятница, 31 марта.

Мильвуа и Мэнар снова пространно говорят со мной, один — о пушке Арше, другой — о щите Дегр. Они жалуются на медлительность в размещении заказов.

Сенатор Жерве пытался добиться от меня каких-либо сведений. Я держал себя сдержанно, так как его подозревают в несоблюдении тайны. Пришлось говорить ему, и он отплатил мне бесконечной болтовней.

Главный школьный инспектор Говелак рассказывает мне, что комиссия по иностранным делам и Франклен-Буйон предложили ему организовать пропаганду в Соединенных штатах. Я заметил ему, что как чиновник министерства народного просвещения он скорее должен был бы связаться с министерством иностранных дел, но он говорит, что Бюро печати, организованное Брианом и Бертело, работает плохо.

Депутат от Луары и Шеры Грожан говорит мне, что Клемансо потерял всякий авторитет у республиканцев его округа.

Председатель Общества драматургов Ромэн Коолис и Поль Феррье пригласили меня на имеющее быть 3 мая торжественное заседание, посвященное памяти членов общества, погибших за родину. Я, разумеется, обещал притти.

Сегодняшняя статья Клемансо тоже изъята цензурой. Содержание статьи мне неизвестно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Поездка в Эльзас с Леоном Буржуа. — Эссад-паша во главе албанского государства. — Опыты на стрельбищном поле в Бурже. — Отъезд сербского принца Александра. — Возвращение Рибо из Англии. — В Вердене: Бра и Регре. — Вивиани и Альбер Тома уезжают в Россию.

Суббота, 1 апреля.

Альбер Тома передал мне слова, сказанные недавно Кайю в разговоре с ним: „Если бы мы заключили мир полгода назад, мы заключили бы его в лучших условиях, чем теперь; через полгода он будет заключен в худших условиях“. Тома энергично протестовал против этого пессимистического утверждения.

Самба тоже рассказывает мне, что Кайю на днях посетил его и вообще начинает шевелиться. Англичане с беспокойством спрашивали Тома, правда ли, что во Франции снова возрос авторитет Кайю; Тома успокоил их.

Перед заседанием совета министров Фрейсинэ сказал мне: „Как вам известно, Бриан ни словом не обмолвился мне о том, по какой системе установлен был состав французской делегации на конференцию союзников. Я считаю инцидент исчерпанным, но считаю также нужным поставить вас в известность об этом“. —

„Если Бриан не объяснился с вами, — отвечаю я, — то конечно ему помешала в этом робость“. — „Вы думаете?“ — иронически заметил Фрейсинэ. После заседания я все же стараюсь рассеять это недоразумение и настаиваю перед Брианом, чтобы он поговорил с Фрейсинэ и извинился перед ним. Он обещал мне съездить сегодня на улицу Фазаньего двора, где живет его маститый коллега.

На заседании Бриан возмущается неосторожностью военной комиссии сената, давшей в печать недопустимые сообщения; в частности он негодует по поводу статьи Шарля Эмбера о контингентах. Эмбер утверждает в этой статье, что мы израсходовали свои контингенты в гораздо большей мере, чем союзники, что у нас на фронте остались одни юноши и старики, что теперь очередь за англичанами и русскими. На другой день немецкое радио передавало эту статью и распространяло ее в нейтральных странах как доказательство истощения наших сил. Бриан правильно под-

черкивает, что эта кампания носит подозрительный характер. „В конце концов лучше, чтобы совет министров знал все“, — говорит он и рассказывает о показании изменника Бертона, обвинившего Эмбера в предательстве. „Я не говорю, что это обвинение обосновано, я надеюсь, что оно является клеветой; но каково происхождение фондов „Journal“? Эмбер прогнал Летеллье под угрозой разоблачения его пацифистских пайщиков. Но кем он заместил их? Это остается тайной“. Затем выступил Вивиани. Он рассказывает, что вынужден был обрушить кару закона на стряпчего Десуш, служившего в этом деле подставным лицом, но знал, что номинально газету финансировали Ленуар (деятель газетного треста), затем, после его смерти, — сын Ленуара и Шарль Эмбер. Мальви прибавляет, что, когда между Ленуаром и Эмбером вспыхнул по какому-то поводу конфликт, они избрали третейским судьей начальника его канцелярии Лемэри. Но кто те финансисты, которые скрываются за спиной Ленуара и Эмбера? Бриан, Вивиани и Мальви заявляют, что не могут добиться этого. Бриан встревожен аналогичной кампанией, которую ведут газеты „Journal“, „Eclair“, „Heure“ и „Oeuvre“.

Бриан и Мальви сделали в моем присутствии непонятный для меня намек на какое-то разоблачение, переданное им Эмбером. Имеется в виду какой-то зашифрованный документ немецкого происхождения; ключ к шифру легко был найден; в документе идет речь о таинственных переговорах между финансистом Гомбергом и Кайо.

Быть может это клевета на Гомберга и Кайо? Умышленный маневр, долженствующий отвлечь от Кайо более обоснованные обвинения и заодно создать впечатление, будто Шарль Эмбер находится во враждебных отношениях с Кайо? Бриан не высказался конкретнее, и я не знаю, что думать об этом деле.

Затем совет министров обсуждает положение под Верденом. Фрейсинэ говорит, что его изумляют и огорчают наши постоянные отступления. Мы потеряли Маланкур, потеряли Во, мы все время отступаем. Мы истощаем свои силы, уступаем территорию. Почему мы не пытаемся перейти в контрнаступление? Искать ли причину в том, что наша артиллерия не на высоте?..

В действительности генерал Петэн уже говорил мне, что считает Маланкур, Бетенкур и Во в опасном положении и предпочитает выждать, чтобы неприятель истощил свои силы, прежде чем мы перейдем в наступление; кроме того Петэн подчеркнул, что, когда он будет в состоянии перейти в наступление, он не предпримет его ни на севере, ни на востоке от Вердена, так как это лишь расширило бы мешок, который образует наш фронт в этом месте, а будет пытаться прорваться в направлении на Варени.

Однако он присовокупил, что эта операция зависит уже не от него, а от главной квартиры, так как для нее потребуются значительные силы и артиллерия.

Между тем, по словам Пенелона, Жоффри и главная квартира замышляют другое наступление: с генералом Фошем на правом фланге английской армии... Жоффри и Фош надеются, что с по-

мощью этой широкой диверсии удастся освободить Верден. С другой стороны, с тех пор как генерал Петэн находится в Суйи, в его распоряжении перебывало 37 дивизий.

Генерал Рок отправится завтра на фронт, чтобы лично составить себе представление о положении. На первый взгляд он склоняется в пользу идеи Жоффра.

Адмирал Лаказ сообщает, что английский адмирал де Робек требует создания морской базы в Суд. Бриан мечет громы и молнии, протестует, указывает, что это требование противоречит всем постановлениям конференции союзников, что англичане не должны действовать только по собственному почину и кроме того недопустимы также эти постоянные нарушения суверенитета короля Константина.

Адмирал Лаказ поясняет, что речь идет не о высадке десанта на острове Крите, а только о том, чтобы запереть Судский рейд.

Но самое пикантное — это то, что вчера вечером Бриан, к которому непосредственно обратился лорд Берти, послал по телеграфу свое согласие; очевидно он подписал телеграмму, не читая ее, я же узнал про нее лишь после заседания совета министров (Поло Камбону, 31 марта, № 1115). Странный ум, блестящий, импульсивный, удивительно восприимчивый.

Во второй половине дня ехал вместе с Альбером Тома в Ножан-на-Марне и осматривал госпиталь, устроенный ныне мобилизованным Пьером Чемпионом, автором книг о Вильоне и о Карле Орлеанском. Его жена заведует госпиталем. Великолепный парк с родниками и старыми деревьями; под сенью деревьев — раненые и выздоравливающие и приветливая, веселая толпа.

Изящные виллы среди чудесного ландшафта Иль-де-Франс.

Отсюда поехали на ипподром в Трамбле, где происходили опыты установки орудий 280- и 120-миллиметрового калибра.

Затем отправились в Шампиньи, где Альбер Тома состоит мэром. В мэрии нас встречал муниципалитет, школьники цели „Марсельезу“.

В госпитале против здания мэрии мадам Тома и ее дети преподнесли мне пахучие лилии, а я оставил для больных и раненых табак, шоколад и пр.; то же я сделал и в Ножан-на-Марне.

На Венсанском полигоне присутствую при испытании автомобиля, уничтожающего проволочные заграждения. Это — машина более совершенной конструкции, чем та, которую мы видели в Сатори: она не столь велика и громоздка, менее подвержена опасности обстрела. Для продвижения служат зубчатые рельсы, которые прокладываются самой машиной, та же система, что в сельскохозяйственных машинах. Берет окопы, легко поворачивается и хорошо уничтожает проволочные заграждения. Первые заказы сделаны у Крезо, который начнет выпускать эти машины с июня. Завод в Сен-Шомоне тоже наладил производство аналогичной машины и может дать продукцию начиная с мая. Если сделать заказы одновременно на обоих заводах, мы будем иметь в июле приблизительно 400 машин. Запросив предварительно специалистов, Тома отдал двойной заказ. Единственный недостаток этих машин — шум мотора.

Я спрашиваю присутствующих генералов, нельзя ли будет наладить бесшумную машину. Они предложат [инженерам] заняться этой проблемой.

Воскресенье, 2 апреля.

Получаю одно за другим письма, авторы которых смотрят на меня, как на врага; угрожающие письма, письма с требованиями мира, мира во чтобы то ни стало...

Возмутительная кампания.

Вторник, 4 апреля.

Главный школьный инспектор Говелак, выдающийся деятель народного образования и верный друг моего брата Люсьена, привел ко мне американского писателя Симондса, который желает побывать на фронте. Я прошу Пенелона устроить ему поездку в Верден.

Стег говорит, что один его знакомый журналист согласен за месячное вознаграждение в 2500 франков издавать новый „Парламентский вестник“ для ответа Клемансо. Я прошу у Стега разрешения сообщить об этом Бриану и получаю это разрешение.

Депутат от Нижних Пиренеев Гара возвращается в Салоники. Он желал бы быть прикомандированным к военной миссии, если таковая будет назначена в Афинах или Бухаресте.

Сенатор от департамента Ло Лубе рассказывает мне, что один из его избирателей, человек, по его словам, вполне порядочный, приговорен военным судом в Тулузе к трехлетнему тюремному заключению за то, что сказал, что священники — он имел в частности в виду священника в коммуне Ло — помещали до войны деньги за границей. Мальви уже сообщал совету министров про этот приговор, по его мнению, слишком жестокий. Как видно, слова, инкриминируемые осужденному, не вполне точно установлены; во всяком случае приговор слишком суров. Дело передано на рассмотрение Маттеру на предмет пересмотра.

Я просил Бриана притти до начала заседания и сообщил ему про визит Стега. Он пригласил Стега на завтрак и говорит мне, что будет содействовать изданию нового „Парламентского вестника“ и уплатит требуемое вознаграждение. Он уже ничего не говорит о своем собственном проекте издания антиклемансистской газеты; повидимому этот проект оставлен.

Бриан говорит, что был у Фрейсинэ и извинился перед ним. Бриан предложил ему представлять Францию на ближайшей экономической конференции; Фрейсинэ принял это предложение, „покраснев от радости“.

В свою очередь от Фрейсинэ я слышу: „Я виделся с Брианом, и мы восторжествовали над его робостью“.

Совет министров рассматривает предложение депутата Гоннора перевести на летнее время часовую стрелку на один час вперед в целях экономии освещения. Пенлеве доказывает, что эта идея, на первый взгляд забавная, очень серьезна и дает реальные выгоды. Совет министров принимает решение не возражать в парламенте против этого предложения.

Генерал Рок докладывает мне о своей поездке в Суйи. Он предложил генералу Петэну не ограничиваться слишком пассивной обороной и активнее реагировать на атаки неприятеля.

Клемантель излагает программу, которая, по его мысли, должна быть предложена союзникам на предстоящей экономической конференции.

Он подчеркивает, что сторонники свободной торговли в Англии под предлогом остаться во всем верными своей доктрине предпочли бы в будущем высокому тарифу совершенный запрет ввоза германских товаров. Такой запрет, говорит Клемантель, Германия несомненно будет рассматривать как вызов, как новую причину конфликта; к тому же ни Россия, ни Италия не пойдут на него. Поэтому Клемантель определенно высказывается против этого метода.

С другой стороны, Клемантель указывает, что Бельгия согласна будет заключить с нами одновременно таможенный союз и военную конвенцию. Мелин полагает, что таможенный союз не обойдется без трудностей. Но я подчеркиваю, что частные интересы должны отступить на задний план перед политическими интересами и что Франция не может упустить этого случая тесного союза с Бельгией. Думерг и Фрейсинэ поддержали мою точку зрения, и совет министров принимает следующее решение: не выступая уже теперь с какими-либо конкретными мерами, мы не будем однако расстраивать надежд Бельгии и постараемся перед заключением мира сговориться с нею по этому существующему вопросу.

Программа, предлагаемая Клемантелем для конференции, состоит из трех разделов: мероприятия для военного времени, мероприятия для периода восстановления и постоянные оборонительные меры против центральных держав.

В первый раздел входят: унификация союзных законодательств о запрещении торговли с неприятелем, регламентирование ввоза и вывоза с целью обеспечить союзникам постоянную взаимную поддержку, согласованность мер по отношению к секвестрированным предприятиям и ликвидация этих предприятий.

Во второй раздел входят: принудительные меры против враждебных держав, имеющие силу до репарации военных убытков, повышение таможенных пошлин для компенсации займов, необходимых в каждой из союзных стран.

В третий раздел входят: сохранение нормальных ресурсов за союзниками предпочтительно перед другими странами, бронирование финансовых ресурсов для взаимных нужд союзников, преференциальные тарифы для морских транспортов союзников, ограничения торговли центральных держав в странах союзников, изменение законодательства о патентах и фабричных знаках в союзных странах.

Бриан не принимал участия в этой экономической дискуссии: он даже чуть ли не все время отсутствовал — ушел курить.

Рибо заметил, что обсуждение постоянных мер на широкой конференции представляет собой некоторые неудобства: кое-что может просочиться, и, если Германия узнает, что ей угрожают ограничительные меры, она провозгласит на весь мир, что ее вынуждают

продолжать войну, и это даст ей возможность поднять дух своего населения.

Принято решение, что только предложения по первым двум разделам могут быть преданы гласности. Что касается третьего раздела, то надо будет ограничиться установлением одних принципов и соблюдать при этом всю возможную осторожность; конкретные переговоры будут вестись потом дипломатическим путем.

Бриан ушел с заседания; как он сказал мне, у него назначено свидание с Титтони.

Адмирал Лаказ выступает с энергичными обвинениями против греческой полиции, которая находится в руках Германии и организует базы для подводных лодок. Так как Бриан отсутствует, все министры констатируют, что мы проявляем недопустимую слабость по отношению к Греции; Думерг во всеулышание заявляет, что греческое правительство обманывает нас.

Что бы сказал он, если бы совету министров была уже известна телеграмма, которую я получил сегодня вечером от Гильмена и в которой сообщается, что греческое правительство отказывается пропустить сербов через Патрас?

Норвежский посланник барон де Ведель привел ко мне капитана Эйна, военного атташе. По словам последнего, в нейтральных странах ожидают атаки немцев на Реймс.

Гранклеман, почти совершенно оправившийся от своей болезни, пришел поблагодарить меня за мой визит. Во время его пребывания в больнице расформирована его группа судовой артиллерии (в Вердене), и он оказался без своей части.

Был у меня Морис Рейно. Говорил обо всем возможном и всем недоволен.

Принял генерала Франше д'Эсперэ, который приступает к командованию восточной армейской группой. Я указал ему на недостаточность наших укреплений под Бельфором, а также на неудобство бомбардировки нами эльзасских местностей.

Среда, 5 апреля.

Лаговари¹ принес мне письмо, в котором румынский король Фердинанд извещает меня о кончине своей „возлюбленной тетки“, королевы Елизаветы. В вестибюле посланник встретил уволенного ослепшего солдата, направлявшегося к Сенсеру; несчастный намерен стать массажистом. „Скоро, — говорит мне Лаговари, — останутся одни калеки“. — „Да, — отвечаю я, — всюду, за исключением Румынии“. — „Нет, уверяю вас, мы тоже будем воевать. Когда сербы присоединятся к вашей армии в Салониках и вы проявите активность, румынское общественное мнение не будет больше терпеть бездействия Румынии. Братиану искренен, но осторожен, он желает знать, в какой мере может рассчитывать на действительную помощь со стороны России. И кроме того вы поступаете неправильно, оставляя нас с глазу на глаз с Россией. Мы друзья России,

¹ Румынский посланник.

несмотря на Россию. Мы не забыли 1878 год. Лучше было бы нам обсуждать военную конвенцию не в Петрограде, а в Париже... Но мы будем воевать, будем воевать". — „Старайтесь, чтобы это не было слишком поздно, так как не работники последней смены в день победы и мира получают право на лучший кусок“.

Меня посетил находящийся проездом в Париже испанский дипломат Рейнозо, бывший атташе при посольстве в Париже и друг Франции.

Четверг, 6 апреля.

Бриан и Рибо встречали вчера на вокзале Асквита, возвращавшегося из Италии в Англию. Положение английского кабинета серьезно; по всем вероятностям предстоит его реорганизация: из него выйдут Ренсимэн и Мак-Кенна. В экономической и финансовой областях придется все начинать сначала. К тому же совет Английского банка отклонил комбинации, относительно которых Рибо договорился в Лондоне. Англичане в настоящий момент не оказывают нам никакой поддержки.

В начале заседания Бриан сообщает мне, какое место он выкинул в статье Клемансо. Последний осмеливается писать, что не уважал бы себя, если бы подал мне руку. А между тем он перестал подавать ее только в тот день, когда было преобразовано и расширено министерство Вивiani и он не оказался председателем совета министров; он тогда резко обрушился на меня за то, что я допустил социалистов в правительство. Все идет плохо, раз он не во главе правительства. Клемансо, этого нельзя отрицать, обладает большими достоинствами, но они часто исчезают перед его непомерной гордыней.

Совет министров возмущен отказом греческого правительства пропустить сербов. Даже Дени Кошен поднимает руки к небу и говорит об измене. Буржуа и Пенлеве говорят, что чаша терпения переполнилась. Думерг подчеркивает, что он никогда не верил в лояльность греческого правительства. Бриан видит, что, продолжая защищать короля Константина и его министров, он окажется совершенно одиноким. Адмирал Лаказ доказывает, что вся организация греческой полиции направлена против нас. Бриан находит лишь следующий выход из положения: „Англия не согласится на принудительные меры по отношению к Греции, а мы не можем выступать розно с Англией“. Решено обратиться к Англии и предложить ей принудительные меры по отношению к Греции, в первую очередь блокаду.

Генерал Мишле (младший брат того, который состоит в переписке с Дюбо) назначен командующим X армией на место д'Урбала, получившего назначение на пост генерального инспектора кавалерии.

Клержери назначен генеральным инспектором по траншеям. Фрейсинаэ и я настаиваем, чтобы генерал де Ламотт был назначен генеральным инспектором артиллерии.

Думерг докладывает о положении в Индо-Китае. Рум болен и возвращается во Францию; надо найти ему преемника. Депутаты

требуют назначения Виолетта, но Виолетт желает сохранить за собой свой депутатский мандат, а Думерг желает, чтобы он отказался от него и обязался остаться на несколько лет в Индо-Китае. Бриан не говорит ни да, ни нет, и вопрос остается открытым.

Виолетт был у меня и распространялся о своих правах на пост губернатора Индо-Китая. Он говорит, что не может отказаться от своего депутатского мандата и что это все равно ни к чему не послужило бы, так как теперь выборы отпадают, и что, напротив, это лишь умалило бы его авторитет. Он набросал передо мной план своего управления.

Мне сделал визит генерал Дюбайль, назначенный военным губернатором Парижа. Он сожалеет, что ему приходится покинуть фронт, но примирился, и в его словах нет горечи.

Жюстен Годар представил мне швейцарского полковника Колера и трех врачей, тоже швейцарцев; они осматривали концентрационные лагеря для военнопленных в Германии и заявляют, что лагеря произвели на них удовлетворительное впечатление.

Пятница, 7 апреля.

Вся сегодняшняя статья Клемансо опять изъята цензурой. Содержание ее мне неизвестно.

Депутат от Восточных Пиренеев Брусс просит меня принять патронат над выставкой, организуемой им в Барселоне. Я обещаю при условии согласия испанского короля. Брусс снова говорил мне о желательности назначения Памса нашим послом в Мадриде.

Сенатор Морис Колен, мадам Режи и президиум общества Algérienne вручили мне медаль в благодарность за жертвование, посланное мною на их благотворительный спектакль.

Будано сообщает мне, что, несмотря на старания Клемансо, комиссия не приняла проект доклада, составленный Шарлем Эмбером 16 февраля; доклад содержал резкие нападки на высшее командование и генеральный штаб. По словам Будано, Шарль Эмбер, Клемансо, Думер и два-три других сенатора продолжают вести яростную кампанию против генерала Жоффра. Они показывают в комиссии и в кулуарах письма офицеров и, не называя авторов, читают целые страницы из этих писем, в которых критикуются военные операции, указывается на недостаточность наших укреплений на фронте и т. д. Клемансо даже позволил себе выразиться: „Главкомандующий — преступник“.

По словам Пенелона, генерал де Кастильо, как и я, встревожен большим числом пленных, взятых у нас под Верденом. Он боится, что испортилось настроение солдат. Я еще раз настаиваю на том, что офицеры должны больше беседовать с солдатами и объяснять им происхождение войны и ее последствия, должны поддерживать и увлекать их; Жоффр должен подать им пример, беседовать с генералами и вступить в более близкий контакт с солдатами.

Я боюсь, что мы несем большие потери и продолжаем терять территорию.

Генерал Жанен [107], из главной квартиры, получил назначение в Петроград, так как свободно говорит по-русски. Перед отъездом он был у меня с визитом. Я советовал ему заняться под руководством генерала По вопросом об отправке русских войск во Францию, а также вопросом о снаряжении, производство которого, к несчастью, задерживается забастовками на Путиловском заводе [108].

Суббота, 8 апреля.

Мальви сообщает совету министров, что у него были вчера представители всех группировок Генеральной конфедерации труда, хороших и дурных, и предостерегали его, что на почве роста цен возможны серьезные события. Мальви, выступавший вчера в сенате по этому вопросу, надеется, что законопроект о твердых ценах на продукты первой необходимости будет в конце концов принят сенатом, несмотря на оппозицию, на которую он натолкнулся вначале. Но главное значение Мальви придает тому, чтобы Тьерри отпускал ему ежемесячно тысячу тонн мороженого мяса из тех двадцати тысяч, которые он получает каждый месяц из Англии. Тьерри отвечает, что эта тысяча тонн нужна ему для армии или, точнее, что их требует от него главная квартира, которая находит невозможным обойтись без них, хотя мясной паек был снижен три месяца назад с 500 граммов до 450. Мелин и Рибо высказываются в том смысле, что надо приучить гражданское население к ограничению своего питания, но совет министров, исходя в первую очередь из тех соображений, что необходимо поддержать дух населения и избежать беспорядков, присоединяется к мнению Мальви и просит Тьерри найти возможность отдавать тысячу тонн для тыла; для этого Тьерри должен либо добиться от Англии увеличения поставок мороженого мяса, либо увеличить потребление свежего мяса в армии, либо слегка уменьшить мясной паек и увеличить овощной паек.

Дюбо говорит, что командующим X армией будет назначен не брат генерала Мишле, а именно последний; по крайней мере он вызван в главную квартиру как помощник генерала Жоффра и, когда будет сформирована X армия, несомненно станет во главе ее.

Воскресенье, 9 апреля.

Буржуа выразил мне желание сопровождать меня на фронт. Я не хотел ответить ему отказом, хотя очень трудно при состоянии его здоровья взять его с собой на передовые позиции. Мне пришлось составить особый маршрут поездки, чтобы не слишком утомлять Буржуа. У него боли в пояснице, он страдает болезнью мочевого пузыря; ему прописан строгий режим, после каждого приема пищи он должен немного отдыхать. Впрочем, нельзя найти более очаровательного спутника, более приятного собеседника и глубокого наблюдателя, нельзя найти человека с более чутким и тонким умом. Я повез его в Эльзас и знал заранее, что эта поездка произведет на него глубокое впечатление. Мы выехали вчера в четверть десятого вечера с Восточного вокзала и приехали сегодня в восемь

часов утра в Бельфор, где нас ожидали генералы Вилларе и Деманж.

Сначала мы посетили линии укреплений Бельфора, которые Думер недавно нашел недостаточно оборудованными и на которые он указывал в комиссии сената. Позади первых и вторых позиций мы объехали одну за другой линии В и А.

Линия В, являющаяся бывшей линией передовых укреплений крепости, оборудована уже довольно хорошо. В нее входят деревни с прочными фортификациями и опорные пункты вроде горы Баталь с удачно расположенными проволочными заграждениями, целесообразно вырытыми траншеями и глубокими подземными убежищами. Хотя линия А находится ближе к неприятелю, она менее закончена, так как здесь потребовались исключительно новые работы; 30-й корпус, вернувшийся из Вердена и находящийся под командой генерала Кретьена, производит теперь работы на этой линии, которые, кажется, быстро подвигаются вперед.

Следя по линии В с северо-запада на юго-восток, мы приехали в Дель; за ним находится линия S, которая тянется вдоль швейцарской границы напротив Поррантруи. Она почти закончена или, лучше сказать, уже может быть использована, но нуждается в убежищах, которые еще не построены, и во вспомогательной линии S, которая находится пока только в проекте.

Дивизия, работавшая над линией S, недавно сменена и до сих пор не заменена другой.

Из Дель мы приехали в Данимари, где на Буржуа впервые повеяло воздухом Эльзаса. Он был, видимо, потрясен, а между тем о нашем приезде не было возведено заранее и город не был разукрашен флагами, как во время моей последней поездки, на площади еле собрали немного войск, да на пути нам встретился кое-кто из видных граждан. Старый кюре, которого я в последний свой приезд наградил орденом, умер, так и не доживши до окончательного возвращения своей страны Франции.

Мы посетили школу, которой с большим знанием дела руководит один мобилизованный учитель. Буржуа был очень заинтересован вопросами, задаваемыми детям, и тем соревнованием, с которым дети отвечали на них.

Завтракали в поезде, в Монтре-ле-Вье, на эльзасской территории. С нами завтракали генералы Вилларе и Деманж, Мессими, который теперь находится со своей частью близ Данимари, и депутат от Везуль Поль Морель, бывший товарищ министра, мобилизованный в Монтре-ле-Вье.

После завтрака Буржуа прилег отдохнуть, а я тем временем роздал знаки отличия офицерам и солдатам 10-й Д. С. и 30 и 24-й С. А. При этом торжестве зрителями были на перроне дети из Монтре-ле-Вье, муниципалитет и часть жителей.

Отсюда мы отправились в Масво, где я снова увидел прелестную площадь этого города. Флагов не было, наш приезд не был возведен населению, но как только мы приехали, во всех окнах вывесили французские и эльзасские флаги. На площади выстроен был в полном составе эскадрон 11-й Д. С., чтобы присутствовать при награ-

ждении только одного лица. Мы стояли в центре площади у изящного фонтана с украшениями из кованого железа. Буржуа был восхищен этим зрелищем.

Затем мы отправились в местную церковь послушать ее знаменитый орган. Священника не было; все прибывающая толпа устремилась вместе с нами в церковь. Я оставил мэру пятьсот франков для пострадавших от бомб, сброшенных немецкими аэропланами. Потом мы поехали по живописной долине реки Доллер до Сервен; сделали остановку у завода в Нидербрюкке, который теперь изготовляет снаряды для нас и недавно подвергся налету неприятельских самолетов. Нас встретил владелец завода, у которого я ужинал восемь месяцев назад.

Во всех селах, через которые мы проезжали, распространилось известие о нашем прибытии; толпа вышла на улицы, дома разукрашались флагами словно по мановению волшебного жезла.

Вернулись в Жироманьи, где посетили школу эльзасских детей, вынужденных покинуть свою родную деревню из-за бомбардировки Сешуа. Я оставил военному коменданту Лоран Атталену тысячу франков для эвакуированных.

Ужинали в поезде вдвоем с Буржуа. Он в восторге от поездки.

Понедельник, 10 апреля.

Погода прояснилась. Выглянуло солнышко, рассеяло последние тучи, и день засиял во всей своей красе. В восемь часов утра мы выехали из Жироманьи, проехали Масво, вид которого становится мне все более родным, и по дороге, построенной нашими инженерными войсками, направились в Бичвиллер. Здесь перед зданием мэрии выстроились школьники, ветераны 1870 г., а также Жюль Шерер с видными гражданами. Всюду флаги. Мы сошли с автомобиля. Дети поднесли мне цветы. Я дарю им на память часики, брошки. Затем отправляемся в Танн, где остановились у церкви.

Фасад церкви защищен от снарядов мешками с песком и досками. У паперги сгрудились жители во главе со священником. В толпе семья одного садовника; у матери на руках новорожденный младенец, девочка, четырнадцатая по счету; дети обступили мать. Я согласился быть крестным отцом. Священник обратился ко мне с краткой патриотической речью; он говорит, что с нетерпением ожидает того радостного момента, когда сможет отслужить в таннской церкви благодарственный молебен после победы Франции. Он ввел меня в церковь; там царил полумрак: оконные стекла из предосторожности вынуты, и окна заколочены досками. Толпа последовала за нами и разместилась на хорах. На столе лежит открытая метрическая книга, я подписался в ней...

При выходе из церкви комендант Танна говорит мне, что награждение кюре произвело бы прекрасное впечатление в городе. Посовещавшись с Буржуа, я спешу дать свое согласие и вручаю доброму священнику перед всей собравшейся и аплодирующей толпой орден Почетного легиона.

Незабываемое зрелище, потрясающий душу момент!..

Отсюда мы направились в госпиталь, где во дворе выстроились школьнички. Они приветствуют меня, подносят мне цветы, поют патриотические песни; сестры отбивают такт. Как всегда, я с трудом сдерживаю свое волнение, слезы душат горло. Произношу речь, довольно бессвязную. Буржуа так же взволнован, как и я.

В автомобиле он говорит мне о том долге, который мы взяли на себя перед Эльзасом, о том, что мы не можем не исполнить взятых на себя обязательств и должны выдержать до конца.

Перед остановкой в Танне мы у входа в город пересели в открытые автомобили, чтобы подняться по долине до наблюдательного пункта Штауффен. Едем по правой стороне долины, на юг. С вышки наблюдательного пункта перед нами открывается вид на Танн, на старый Танн, эльзасскую равнину, Мюльгаузен, на горизонте Шварцвальд. Они расстилаются под нами в безмятежной тишине. Из Штауффена мы спустились по долине вниз в Танн и прошли здесь пешком до госпиталя. Бедный город подвергся большому опустошению.

Поднимаемся по восхитительной долине реки Тюр. В госпитале в Моше я нашел свою старую знакомую, девушку с ампутированной ногой; она попрежнему весела и смешлива.

Сделали остановку у прядильной фабрики в Мальмесспехе. Она работает уже несколько месяцев; число рабочих-эльзасцев 800 вместо довоенных 1200. Долина снова оживает, словно кругом не война, а мир. Владелец фабрики, большой французский патриот, недавно награжденный мною орденом, водит нас по цехам и показывает нам процесс обработки шерсти, начиная от промывки ее и кончая выделкой готовых мотков ниток. Мы то и дело восхищаемся этим пробуждением к жизни, этим возрождением промышленности.

В Сент-Амарене я показываю Буржуа мэрию, дом солдата с живописью Скотта, детей в школе второй ступени.

Затракаем в Вессерлинге. В эту коммуну попало несколько снарядов 380-миллиметрового калибра; это стреляло то самое орудие, которое временами обстреливает Бельфор. Буржуа восторгается прекрасной аллеей, старым замком, террасой.

К несчастью, нас очень обеспокоило полученное из Вердена известие о большой атаке немцев с левого берега.

Поехали в Крют. Сделали остановку в Феллерингене и Одерне, осматривали, как здесь расквартированы войска. Девочки-эльзаски поднесли нам цветы.

В Крют осматривали помещения для войск и посетили школы. Затем пересели в открытые автомобили и поехали в Брайтфюртский лагерь. Я уже раз был в этом лагере; к нему ведет военная дорога, извинаящаяся между сосен и поднимающаяся до высоты в 1200 метров.

На перевале я нашел роту своего храброго 11-го батальона и роздал несколько знаков отличия; кстати, я ношу булавку, подаренную мне испанским королем.

Бедный 11-й батальон, он опять понес тяжелые потери...

Но мы запаздываем более чем на час. Возвращаемся в Крют, проезжаем Одернское ущелье, с наступлением ночи приезжаем в Кор-

нимон и Бресс. У нас едва хватило времени посетить в Бресс школу для детей эльзасских беженцев. В Жерармер мы приехали поздно и сели в поезд, так и не успев посетить госпитали.

Буржуа вынес прекрасное впечатление от поездки. Он теперь более твердый патриот, чем когда-либо, и хотел бы, чтобы Бриан, который до сих пор не удосужился побывать в Эльзасе, приехал сюда и окунулся в эту атмосферу. Он согласен со мной, что не следовало предпринимать частичные наступления, которые навлекли репрессии немцев против эльзасских деревень, не принесли нам никакой пользы и заставили нас очистить все селения в долине реки Лорж.

Вторник, 11 апреля.

По возвращении в Париж я нашел совет министров в большом волнении. Известия из Вердена привели всех в мрачное настроение. Фрейсинэ повторяет, что мы ежедневно теряем территорию и генерал Петэн не реагирует достаточно активно. Я отвечаю, что Петэн заранее считался с тем, что придется понести небольшие территориальные потери, что он предупредил меня об этом и предпочитает беречь войска. Генерал Рок, поехавший в Суйи, чтобы рекомендовать Петэну проявить больше активности, сам заявляет, что неосторожными и кровопролитными контратаками мы могли бы поставить на карту судьбу Вердена. Но я вижу, что эти доводы не убедили Фрейсинэ.

Вечером Пенелон сообщил мне, что Жоффер, тоже поехавший в Суйи, вернулся оттуда весьма удовлетворенный виденным и верит в успех тактики Петэна [109].

Съезд социалистической партии высказался примерно большинством в две трети голосов против возобновления отношений с германской социал-демократией. Увы! значит все же имеется меньшинство в одну треть голосов: Верхняя Вьенна, Изера, Рона и т. д. Впрочем Самба уверяет, что заседание прошло неплохо и что нападок на правительство не было. Но ясно, что на нем сказались некоторая усталость от войны. Сумеет ли наш народ выдержать до конца?

Сегодня у меня ужинали: сербский принц-регент, Оссонвиль, Жан Дюпюи, Лависс, Лами, Жан Ришпен, Бутру, Марсель Прево (в военной форме), Шарль Бенуа, маркиз де Сегюр, Сенсер и генерал Дюпарж.

Среда, 12 апреля.

Принимал Эсад пашу, главу албанского государства. Не знает ни слова по-французски, не глядит прямо в глаза, одет в элегантный сюртук и обменивается любезностями через переводчика.

Гюистто и президиум Общества памяти Франции о своих морях пригласили меня на благотворительную выставку. Я обедал только пожертвование.

Четверг, 13 апреля.

На сегодняшнем заседании Бриан еще рассеянее прежнего. Он порезался сегодня при бритье; между шеей и воротничком у него

воткнул носовой платок, и Бриан то и дело хватается за него рукой. Свои телеграммы он зачитывает медленно и, как видно, только теперь знакомится с ними. Буржуа несколько иронически поглядывает на него. Во время нашей поездки в Эльзас Буржуа не раз говорил мне, что Бриан недостаточно глубоко подходит к обсуждаемым вопросам, составляет свое мнение во время дискуссии и никогда не призывает совет министров к энергичным решениям. Все это, к сожалению, правда. Но, продолжал Буржуа, так как Клемансо остается Клемансо, а Рибо нужен на посту министра финансов, то, несмотря на все, Бриан все же единственный возможный в настоящий момент председатель совета министров.

Несмотря на опровержение Саррайля, Бриан продолжает утверждать в совете министров, что Саррайль писал сербскому принцу-регенту и рекомендовал ему собрать свои войска не в Салониках, а под Валоной. Бриан заявляет: „Я видел это письмо“, словно принц показал его ему. Однако принц не говорил мне ничего подобного.

Бриан жалуется, что кто-то передал Шарлю Эмберу конфиденциальное сообщение, сделанное им, Брианом, по поводу Эмбера на одном из последних заседаний совета министров. Судя по тому, что мне говорил Бриан, он приписывает эту болтливость Мальви. После заседания Тома рассказал, что у него был Эмбер и сказал ему: „Президент республики и председатель совета министров в заговоре против меня“. Однако я не придаю большой цены доносу шпиона, тем более что Ришар, обещавший прислать мне следственные акты, не сделал этого. Чтобы покончить с этой историей, я написал Шарлю Эмберу и просил его притти ко мне.

Тома сообщает о наших запасах снаряжения. Несмотря на расход снарядов в битве под Верденом, запас снарядов всех калибров, за исключением 120-миллиметровых, увеличился.

Рок заявляет, что, по произведенной проверке указываемая немцами цифра в 36 тысяч взятых ими у нас нераненых пленных более или менее соответствует общей цифре наших пропавших без вести, в которую входят, с одной стороны, оставленные на поле сражения убитые и раненые, а с другой — взятые в плен. Если взять нормальную пропорцию, то число последних не превысит 17 тысяч. Но и это много, и я вместе с некоторыми министрами, в том числе Самба, настоятельно требую, чтобы повели энергичную пропаганду среди солдат против добровольной сдачи в плен и в случае надобности прибегали без пощады к карательным мерам.

Генерал Петэн, находя, что генерал Ферри очень плохо командовал своей 11-й дивизией (20-й корпус), потребовал от генерала Жоффра его удаления; это было сделано.

Приказ по войскам, приписываемый немцами генералу Базелеру, оказывается верным. Генерал действительно объявил в приказе, что, если войска будут продолжать отступать, они рискуют быть уничтоженными нашей собственной артиллерией, которая не изменит ради них своей цели и не пощадит их.

111-й полк, забыв свою честь, вступил в переговоры с немцами. Ведется следствие, так же как и по 258-му полку. Виновные будут преданы суду.

Немцы перебросили одну дивизию из Болгарии и выдвинули из тыла против Вердена и против англичан все свои резервные дивизии за исключением трех.

Генерал Жоффр теперь уже не считает возможным, что немцы перейдут в наступление в другом месте. Поэтому он отправляет в Верден новую партию своих резервов, а именно 9-й корпус. Он полагает, что немцы будут продолжать свой натиск именно здесь.

Вечером уехал в Бурж с Тома, Пенлеве и восемнадцатью или двадцатью депутатами и сенаторами — Жераром из Арденн, Шарлем Дюмоном, Мильвуа и др.

Пятница, 14 апреля,

Сегодня утром при испытании орудий в Бурже один молодой лейтенант желал предупредить несчастный случай, и у него оторвало руку выстрелом из окопного орудия. В местном госпитале ему сделали ампутацию. Я посетил его там и вручил ему орден Почетного легиона; лейтенант проявил большую храбрость.

Андре Лефевр демонстрировал нам стрельбу из 75-миллиметрового орудия изобретенными им удлиненными снарядами. Дальность выстрела — десять километров. Опыты в общем удачны.

Пушка системы Арше, которую очень отстаивает Мильвуа, стреляла неплохо.

Поль Клемансо, с которым я встретился на заводе, был очень любезен.

Суббота, 15 апреля.

В половине восьмого приехали на Аустерлицкий вокзал, откуда я поехал прямо на Лионский вокзал провожать сербского принца-регента, уезжавшего в Рим, а затем на Корфу. Там уже были Бриан, префекты, Маржери и Вильям Мартен. Встречавший меня на Аустерлицком вокзале новый губернатор Парижа генерал Дюбайль по моему совету тоже поехал на Лионский вокзал. Приехал принц. Рукопожатия, обход почетного караула, несколько слов на прощание...

В совете министров адмирал Лаказ подчеркивает опасности морского транспорта теперь, когда греки, разрешив провоз сербов через Коринфский канал, предупредили немецкие подводные лодки. Все министры и я пытаемся открыть глаза Бриану на двуличие греческого короля. Но он устроил на-днях встречу сербского принца-регента с принцем Георгом [110] и принцессой Марией — они завтракали вместе — и думает, что все улажено. Впрочем под давлением совета министров он обещает, что сговорится с Англией относительно энергичных мер.

Посетил лазарет для раненых, устроенный канадским правительством на территории бегов в Сен-Клу. Много раненых под Верденом, часть их с ампутацией конечностей. У всех превосходное, бодрое настроение.

Воскресенье, 16 апреля.

Был у меня приглашенный мною Шарль Эмбер. По его словам, он узнал о том, что говорилось в совете министров, „через одного ми-

нистра из числа своих друзей". Тома этим и возмущался. Впрочем, кто бы ни был министр, информировавший Эмбера, был ли это Тома или Мальви, он повидимому рассказал Эмберу главным образом о подозрениях Бриана относительно пайщиков „Journal“; не знаю, был ли Эмбер также конкретно осведомлен о взведенном на него обвинении в шпионаже. Возможно, что я сказал ему на этот счет больше, чем ему было известно. Мне показалось, что он был огорчен и несколько смущен моими словами; хочу думать, что это — смущение честного человека, на которого взвели клевету.

Рибо возвратился из Англии, где натолкнулся на сильное сопротивление в своих переговорах о финансовом соглашении. Ему не удалось добиться исполнения обещаний, данных ему несколько недель назад. Англичане согласились лишь открыть нам кредит в 60 миллионов, с тем чтобы эта сумма была возвращена через шесть или девять месяцев после заключения мира — точный срок еще не установлен. Рибо не удалось добиться ни более крупных кредитов, ни более отдаленного срока уплаты. Да и для того, что достигнуто, понадобилось выступать очень энергично.

Рибо встретил в Лондоне Пишона, приехавшего с французскими парламентариями. Пишон сказал ему, что надо наградить Жоффра каким-нибудь почетным титулом и заменить его генералом Кастельно. Рибо, попрежнему скептически относящийся к Жоффру, много распространяется об этом.

Понедельник, 17 апреля.

Сегодняшняя статья Клемансо тоже целиком зарезана цензурой. Оставлены только заголовок „Du coupé au coupé“ и подпись. Кто понимается под coupé: Бриан или я? Содержание статьи и на сей раз мне неизвестно.

Вторник, 18 апреля.

Мальви, признавшийся мне, что он субсидирует „Carnet de la Semaine“ — двухнедельный журнал, поддерживающий Райо, — обещал мне исправить заметку, в которой говорится, что все кушанья в Елисейском дворце заказываются у ресторатора, который был недавно осужден за спекуляцию с товарами. В действительности все наши блюда — творчество нашего главного повара. Я рассказал об этой заметке в совете министров. Бриан говорит, что „неудобно“ пропустить ее. Решено не пропускать ее в печать.

Вашингтонские телеграммы о положении в России, а также телеграммы из Петрограда и из русской ставки привели совет министров к убеждению, что нам надо послать авторитетную миссию к императору Николаю II и обратить его внимание на производство снаряжения и на настоятельную необходимость более активного сотрудничества. Фрейсинэ особенно настаивает на этом последнем пункте. Совет министров принимает решение, что поедут Рибо и Тома. Рибо возражает, говорит, что его отсутствие будет превратно понято и что его присутствие в Париже может оказаться безусловно необходимым. Не думает ли он, что, отсутствуя из Парижа, он не сможет стать председателем совета министров? Это предположение

представляет интерес для меня лично. Однако совет министров в такой мере настаивает на своем решении, что Рибо не решается отказаться.

Мальви получил от префекта департамента Изеры письмо, которое показывает нам опасное состояние умов у отпускников с фронта. Час от часу становится все более необходимым, чтобы офицеры входили в более близкий контакт с солдатами и беседовали с ними.

Бриан предлагает назначить нашим посланником в Румынии генерала Жюлиана, военного атташе в Бухаресте, и одновременно снять Блонделя.

Он предлагает также снять Гильмена и послать в Грецию Жоннара. Эта мысль принадлежит Роберту Давиду. Я не верю в целесообразность этих перемен. Но Бриан уже принял это решение, и совет министров соглашается с ним.

Рибо сообщает дополнительные сведения о своей поездке в Лондон. Когда нам будет открыт кредит в 1½ миллиона фунтов стерлингов, Английский банк отпустит нам треть его в золоте, но в качестве нашего вклада; золото будет продолжать фигурировать в счетах Английского банка.

За последний год мы уплатили Англии за фрахт 1 394 миллиона; 48 процентов нашего фрахта приходятся на долю Англии.

Был у меня Жан Дюшюи, толстый и круглый, обливающийся потом. „Я разошелся с Шарлем Эмбером, — говорит он мне (на долго ли? Этого никогда не знаешь). — Я намерен основать газету „Eveil“, финансировать ее будет фабрикант уродоналя Гро. Эмбер хотел сделать меня своим доверенным лицом, своим фактотумом. Мне это надоело. Это бандит, способный на все. Несколько месяцев назад он послал меня к Вивиани предписать ему не брать в министры Жана Дюшюи. А потом он пытался отклонить от себя ответственность за этот шаг и свалить ее на Бюно-Варилья. О вас он отзывается в весьма нелестных выражениях“.

Жозеф Рейнах прислал ко мне Жюля Лорисса из Рубэ, компаньона Эжена Мотта, с тем чтобы он рассказал мне про нужду жителей оккупированных провинций.

Марсель Хабер пришел благодарить меня за награждение его военным крестом. Он утверждает, что кампания против меня в значительной мере ослабела и что я снова пользуюсь доброй долей своей прежней популярности. Он приветствует это в интересах общественного порядка и национального действия.

Члены Академии Потье, Боннье и Керну беседовали со мной об Обществе современного французского искусства.

Среда, 19 апреля.

Вчера вечером выехал из Парижа с генералом Роком. В восемь часов прибыли в Неттанкур. Нас встретил здесь генерал Эмбер, но мы тотчас же простились с ним и поехали на автомобиле в Лавуа, в штаб-квартиру генерала де Базелера, командующего левым сектором. Он чрезвычайно возмущен прискорбным поведением 111-го

полка. Ведется следствие; по мере надобности будут вынесены заочные приговоры. Но в общем, по словам генерала, дух войск хорош.

Потом поехали в Виль-сюр-Кузанс, штаб-квартиру генерала Бальфурье, командующего сектором Эн. Бальфурье тоже в общем доволен положением. Он продолжает ожидать сильных атак на тригонометрический пункт 304.

От него направились в Сиври-ла-Перш, штаб-квартиру генерала Бертело, командующего сектором Мортонн-Кюмьер. Этот генерал попрежнему веселый толстяк, но после неудачи под Суассоном он стал очень боязливым; он подготавливает небольшое наступление силами двух-трех рот, чтобы улучшить наши позиции близ Мортонн-Кюмьер. По его просьбе я вручил несколько крестов и медалей офицерам и унтер-офицерам, расквартированным в Сиври-ла-Перш.

Все три сектора, которые мы объехали, занимают каждый очень узкое пространство и тянутся более в глубину. По мнению генерала Рока, это несколько вредит связи между ними, и лучше было бы объединить командование нескольких корпусов в руках одного начальника; последний конечно будет подчинен Петэну, но установит более тесную связь между секторами.

Заехали в Фромеревиль, ожесточенно бомбардируемый неприятелем. Мы искали здесь генерала Леконта, командующего 10-й дивизией под начальством генерала Бертело, но его здесь не оказалось; зато мы видели войска, расквартированные в этой деревне, полностью эвакуированной жителями и сильно пострадавшей от бомбардировки.

Поехали завтракать в форт Сартель. Когда мы достигли въезда, неприятель обнаружил нас, и довольно близко от нас упало несколько снарядов 13-дюймовых австрийских орудий; эти снаряды отличаются тем, что свист их слышен лишь тогда, когда они приблизились к месту своего падения. Мы вошли в форт. Комендант форта — лейтенант Мюрат, сын принца Иоахима; гарнизон форта состоит из роты возрастного класса 1896 г., употребляемого на работы в окрестностях. Когда мы осматривали казематы и помещения для пулеметов и орудий, вокруг продолжали разрываться гранаты. Закусили холодной говядиной в комнате, служащей спальней графу Мюрату.

По распоряжению генерала Петэна, снова ставят орудия в фортах, с которых их поторопились снять, слишком распространительно толкуя упразднение крепостей. Само собой разумеется, форты должны служить теперь опорными пунктами для боевых позиций. Но загадочное оставление Дуомона повело теперь, пожалуй, к чрезмерной реакции: мы чуть ли не собираемся снабдить фортами небольшие пункты, неспособные держаться в случае осады.

Из форта Сартель мы вышли пешком, чтобы неприятелю труднее было обнаружить нас. Мы пробирались лесом и полем, по мокрым кочкам, и так дошли до Регре, где находится штаб-квартира генерала де Куан. Этот генерал командует 23 и 24-й дивизиями, которые охраняют фронт вдоль изгиба Мааса от Мортонн-Кюмьера до Бра.

Регре напомнил мне странички из мемуаров Гете, где он говорит об этой коммуне по поводу другого штаба, по поводу пребы-

вания союзников под стенами Вердена в 1793 г. К счастью, теперь на этом участке фронта равнина залита водой, и наводнение служит защитой для наших войск. Работы ведутся здесь, как и во всех других секторах, уже посещенных нами, но они ведутся с запозданием, и можно лишь удивляться, как это оборонительные позиции Вердена так долго оставались недостаточно оборудованными.

Через Глорие, который тоже напомнил мне Гете, направляемся по дороге, идущей у подножия гитадели в Ла-Бево. Эта дорога теперь все время обстреливается неприятельской артиллерией. Пришлось настаивать, чтобы нам дали пойти этим путем. Равнина усеяна воронками, образовавшимися от взрывов тяжелых снарядов. С каждым моим приездом я нахожу все больше развалин, местность представляет все более печальный вид. В Ла-Бево генерал Нивелль, командующий 111-м корпусом перед Дуомоном и Во, объясняет нам подготовляемые им наступления; они имеют целью выручить форт Во, тесно сжатый немцами, и, если возможно, отнять у неприятеля форт Дуомон. Генерал говорит ясно и толково и производит впечатление хладнокровия и решительности. Из всех генералов это один из тех, которые произвели на меня и Рока наиболее выгодное впечатление. В Ла-Бево находится также генерал Манжен, командующий 5-й дивизией (она входит в 111-й корпус); дивизия его в настоящее время находится на отдыхе. Невысокого роста, смуглый, пылкий, он показался мне несколько похудевшим.

В Бетенкуре мы говорили с генералом Дюшеном, командующим на участке от Эпарж до Эй. На его участке было до сих пор спокойно; но на днях неприятель энергично атаковал Эпарж.

Наконец в Дье мы посетили генерала Боре, которого я недавно наградил орденом в Эльзасе. Он командует на участке от Эпаржа до Сен-Мигиеля; до сих пор на этом секторе было очень спокойно.

После всех этих посещений мы возвратились в Суйи и остановились в штабе генерала Петэна.

Он попрежнему верит в успех, но желал бы, чтобы ему оставили на все время 24 дивизии и 6 дивизий резервов. Рок, как и Жоффри, находит, что он несколько преувеличивает.

По словам Петэна, наши потери от 21 февраля по 5 апреля составляют 97 тысяч, из них 12 163 убитыми, 68 835 эвакуированными ранеными и 16 043 пропавшими без вести — в эту последнюю цифру входят убитые, раненые, а также пленные без ранений. 15 апреля общая цифра потерь всех категорий составляла вероятно 107-108 тысяч. Потери же немцев на тот же день, по самым надежным подсчетам, должны составить около 278 тысяч.

Петэн вызвал на доклад своих офицеров связи и начальников отдельных управлений; они в нашем присутствии вкратце изложили все происшедшее со вчерашнего дня в каждом корпусе и по каждому виду оружия. Но, естественно, они говорят гораздо меньше того, что мы узнали на местах у всех корпусных командиров; по видимому Петэн, у которого нет времени видаться со своими генералами, получает информацию только от своих офицеров связи. Неужели он впадает в ту же ошибку, что другие? О нем не хотелось бы этого думать.

Мы с запозданием вернулись к ожидавшему нас поезду, который отвоз нас в Париж.

Четверг, 20 апреля.

Вернулись в Париж в восемь часов утра. На Восточном вокзале меня встречали Дюбайль и оба префекта.

Совет национальной обороны. Присутствуют Жоффр и Кастиельно. Жоффр зачитывает длинную записку, заполненную рассуждениями на дипломатические темы; на Рибо, Буржуа, Фрейсинэ и Бриана эти рассуждения производят впечатление большой наивности.

В записке говорится, что правительство должно потребовать от Румынии категорического ответа, прежде чем мы составим свой план военных действий на Балканах.

Бриан, Рибо, Буржуа и Фрейсинэ заявляют, что всякий новый демарш в Румынии будет тщетным, пока мы не проявим свою военную силу. Дипломаты рассчитывают на армию, а военные — на дипломатию. В своих объяснениях Жоффр дает понять, что мы, возможно, будем поставлены в необходимость сократить экспедиционный корпус в Салониках. Бриан, Буржуа, Рибо и Фрейсинэ энергично протестуют против такого предположения. Фрейсинэ объявляет экспедиционный корпус „неприкосновенным“ и требует, чтобы мы не изменяли постоянно раз принятых решений. Тогда Жоффр сам отвечает, что сокращение наших сил в Салониках было бы тяжелой ошибкой. В чем же дело?

Жоффр зачитывает очень твердую и очень разумную телеграмму, составленную им для отправки Саррайлю. Она находится в прямом противоречии с двумя первыми разделами его записки.

Правда, в последнем разделе говорится, что нам нельзя будет уйти из Салоник.

Рибо и Буржуа признаются мне, что они в отчаянии от стольких противоречий.

Затем перешли к вопросу об оконных орудиях. Повидимому, Жоффру известна только пушка 58-миллиметрового калибра, и в данный момент он не может сообщить ничего конкретного. Я настоятельно требую, чтобы товарищу министра предоставлена была возможность сделать необходимые заказы.

Я требую также, чтобы в Бурж послали 150 токарей по металлу, что даст возможность увеличить суточную продукцию жерм для орудий с 20 до 25. Жоффр повидимому полагает, что у нас достаточно 75-миллиметровых орудий, и не склонен послать этих 150 токарей. Посоветовавшись с Роком, я напоминаю Жоффру, что его генералы жалуются на недостаток орудий 75-миллиметрового калибра.

Во второй половине дня у меня был Леон Берар. Он уверяет, что Тардье, Мажино и несколько других лиц интригуют против правительства. Тардье приобретает большой авторитет в палате, где он кичится своим пребыванием на фронте.

Меня посетили еще Девель, Сегюр, который пригласил меня на празднество с благотворительной целью, и Ж. Аннеси, который жалуется, что все еще не получил своего английского ордена.

Рене Бенар снова в штатском. Тома посылает его в Италию с миссией довольно неопределенного характера, и он пришел проститься со мной.

Райберти принес мне свой труд по вопросам артиллерии.

Мой друг Жибу спрашивает меня, не могу ли я добыть ему разрешение поехать в Сомм-Сюиш на могилу одного из его сыновей.

Во второй половине дня я посетил мастерскую на бульваре Бертье, в которой Каррье-Беллез работает над художественным произведением в память героев войны. Макет уже готов: на ступеньках символического монумента — генералы, направо и налево от них — герои, заслужившие военный крест, войска со знаменами; на громадных пиллястрах запечатлены имена павших героев. Перед триумфальным монументом — памятник, увенчанный фигурами четырех солдат, несущих урну; перед памятником — коленопреклоненная женщина в глубоком трауре.

Суббота, 22 апреля.

Вивiani заявил вчера в совете министров, что некоторые парламентарии добиваются от него немедленного обнародования закона о военных судах, принятого на днях парламентом. Этот закон дает военным судам право применять наподобие исправительных судов закон Беранже, применять к осужденным смягчающие вину обстоятельства и давать отсрочку наказания. Эти льготы хотят распространить на военнообязанных, преследуемых за освобождение от службы обманным образом. „Я скорее уйду, чем уступлю“, — восклицает Вивiani, и совет министров единогласно постановляет не обнародовать закона до конца процессов.

Но вечером к моему великому удивлению закон тем не менее был прислан мне на подпись в срочном порядке. Я заявил, что не подпишу его, пока не состоится новое постановление совета министров.

Сегодня утром Вивiani совершенно наивно объясняет мне, что он уступил настояниям Цеккальди. „Да, — говорю я, — но вчера вы сказали мне, что скорее уйдете, нежели обнародуете тотчас этот закон. Так как я не желаю, чтобы вы ушли, я отказываюсь подписать его и, поскольку это от меня зависит, не подпишу его до окончания процесса“. Совет министров стал на мою точку зрения.

На заседании совета министров Фрейсинэ настаивает на том, чтобы Рибо поехал в Россию. Рибо категорически отказывается и заявляет, что его присутствие необходимо во Франции ввиду возрастающих финансовых трудностей. Буржуа ссылается на состояние своего здоровья, действительно очень плохое. Тогда Фрейсинэ называет Вивiani, который изъявляет свое согласие. К сожалению, когда Вивiani поехал со мною в Россию, он, несмотря на все свои достоинства, произвел там плохое впечатление. Он хворал и казался угрюмым, капризным, невоспитанным; он сильно шокировал приближенных императора.

Бриан прислал ко мне Франклина Буיוна; последний решительно высказывается против того, чтобы правительство и я придали официальный характер международной торговой конференции. Вопрос этот обсуждался сегодня в палате депутатов. Бедус, Мурье и некоторые другие депутаты порицали Шоме за то, что он дает этой конференции титул межпарламентской конференции. Бриан теперь находит, что я не должен выступать на этой конференции. А между тем вчера именно он просил меня выступить на ней.

Вторник, 25 апреля.

На последнем заседании совета министров решено было, что я передам Вивиани и Тома при их отъезде в Россию письмо к царю. Сегодня я зачитал в совете министров составленный мною текст письма, и он был единогласно одобрен. Фрейсинэ заявил, что не следует изменять ни строчки в моем наброске. Буржуа желает лишь, чтобы письмо носило личный характер, дабы русским министрам, а именно пацифистам и герmanoфилам среди них, не стали известны те места, где говорится о потерях, понесенных Францией.

Рибо докладывает, что он с большим трудом добился финансового соглашения с Англией. Соглашение остается в таком виде, в каком оно было зафиксировано во время пребывания Рибо в Лондоне. Но Английский банк, под давлением Мак-Кенна, ставит условием, чтобы до погашения открытых нам кредитов, другими словами, до заключения мира, Франция не требовала каких-либо кредитов на английском рынке. Рибо отказывается взять на себя столь определенное обязательство. Он пишет Мак-Кенна лишь, что, если нам понадобятся новые кредиты, мы прежде всего войдем в соглашение с английским правительством. В сущности дело в том, что Мак-Кенна, настроенный пацифистски, относится к этому соглашению очень отрицательно и желает сокращения военных расходов у союзников.

Совет министров очень встревожен проявляющейся в некоторых английских и русских кругах тенденцией затянуть войну и добиваться решения лишь в 1917 г. Рибо находит, что такое затягивание войны невозможно в финансовом отношении; Мальви считает, что оно будет неприемлемо для общественного мнения. В последнее время он особенно настаивает на этом, несомненно под давлением Кайо и его друзей. „Bonnet rouge“ сообщает, что Кайо поехал в Швейцарию и Италию. С какой целью?

Среда, 26 апреля.

Вивиани и Тома беседуют со мной о своей поездке в Россию. Путь через Архангельск теперь закрыт льдами; министры попытаются вернуться этим путем, но теперь они едут через Берген. Вивиани берет с собой жену. Английское адмиралтейство предоставляет в их распоряжение быстроходный крейсер. Вивиани будет хранить при себе мое письмо к царю и уничтожит его в случае разрыва с Россией. Я советую Вивиани и Тома настаивать на вопросах о снаряжении, контингентах и Румынии.

Депутат Англес, мобилизованный в качестве летчика в укрепленном лагере Парижа, говорит мне, что его товарищи по авиации все прекрасно несут свою службу и огорчаются тем, что на них смотрят, как укрывающихся от фронта; он указывает на опасность, которой они подвергаются во время ночных перелетов и воздушных разведок, причем эта опасность не дает им никакой славы. Англес просит меня посетить как-нибудь его товарищей, и я обещаю ему это.

Доктор Булумье, Готье де Кланьи и Санбеф просят меня принять патронат над основанным ими национальным союзом раненых на войне. Я обещаю под условием согласия военного и морского министров.

Жоннар пришел ко мне сказать, что он согласен взять на себя пост посланника в Афинах или даже временное назначение. Зато он хотел бы, чтобы в свое время его назначили губернатором Сирии.

Четверг, 27 апреля.

Короткое заседание совета министров. Даются последние указания Вивьяни и Альберу Тома.

Длинная дискуссия по поводу требования губернатора Люто открыть судебное преследование против епископа города Константины. Этот прелат, повидимому горячий и несдержанный, напечатал в „Semaine religieuse“ резкие статьи, по недосмотру пропущенные цензурой; статьи эти содержат преступные деяния, покрытые однако давностью. Но кроме того епископ произнес недавно в Бискре проповедь, в которой утверждал, что Франция несет кару за свою вину и заслужила эту войну. Впрочем это сказано в туманных выражениях. Мальви стоит за судебное преследование; Бриан и Вивьяни предпочитают оставить дело без последствий, тем более что революционеров не преследовали за гораздо более преступные речи. Совет министров присоединился к мнению Бриана и Вивьяни.

Депутат Луи Марен и мэр города Нанси Симон были у меня с настоятельной просьбой прислать орудия 305- и 340-миллиметрового калибра, так как немцы строят новую площадку на более отдаленном расстоянии для новой бомбардировки города. Я обещал поговорить об этом с главнокомандующим.

Пятница, 28 апреля.

Утром заседание совета национальной обороны.

Я сообщаю генералу Жоффри о требовании мэра города Нанси и настаиваю на том, чтобы в отряд лотарингской армии были посланы орудия 305- и 340-миллиметрового калибра.

Я обратил также внимание главнокомандующего на грабежи, совершаемые солдатами в Вердене и остающиеся безнаказанными.

Затем обсуждался вопрос о контингентах. Тогда как военная комиссия сената считает, что число наших пленных намного превышает 141 тысячу, совет национальной обороны, в отличие от этой преувеличенной пессимистической оценки, приходит к убеждению, что действительная цифра пленных много ниже 141 тысячи.

Специально вызванные генерал Грациани и полковник Жиро подтверждают это. Решено, что они основательнее изучат цифры, и мы получим исправленный вариант.

Во второй половине дня в Трокадеро состоялся концерт в пользу госпиталя маркизы де-Сегюр и организации помощи артистам. Участвовали три больших оркестра: республиканской гвардии, итальянской королевской гвардии и английской гвардии. Я присутствовал с мадам Пуанкаре, Титтони и Берти. Горячие приветствия со стороны публики и огромной толпы, собравшейся на площади Трокадеро поглядеть на гвардию.

У меня был депутат от Вогез Верлю; он хлопочет по поводу одного прошения о помиловании.

Привял графа Остророга. Он хлопотал в министерстве иностранных дел о каком-либо назначении для себя, — не знаю, каком именно, но получил отказ. Бойтся, что он на плохом счету у министерства; и действительно, из „зеленых“ явствует, что он состоит на жалованьи у Греции. Он уезжает в Англию.

Клотц и Шарль Дюмон принесли мне отчет о своей поездке в Верден. Они тоже уверены, что открыли Америку. В разговоре высказываются против Рибо, упрекают его в недостатке энергии, так как он не взимает налогов во время войны.

Суббота, 29 апреля.

Сегодня не было заседания совета министров.

Поехал с мадам Пуанкаре осматривать лазарет автомобильного клуба на улице Габриель, дом № 4; он помещается в частном особняке, предоставленном для этой цели владельцем. Вручил военную медаль и военный крест самому младшему сыну доктора Вик из Сампьеры в присутствии родителей.

Пенлеве привел ко мне богатого грека Захарова, собственника газеты „Excelsior“; я благодарил его за его щедроты. Он много жертвует в пользу университета, а в Греции — в пользу Венизелоса и наших друзей.

Филипп Бюно-Варилья, продолжающий служить в чине майора, был у меня по поводу своего сына, которого немцы задерживают в качестве заложника, чтобы добиться от нас помилования майора Эдлера, поджегшего Креиль. Я доказываю своему посетителю невозможность такой сделки и говорю, что немцы взяли в заложники также одного из моих родственников — об этом я узнал вчера из одной расшифрованной нами телеграммы.

Пенлеве привел ко мне также Говелака, который снова говорит мне о желательности нашей пропаганды в Соединенных штатах.

Мне сделал визит адмирал Кошпра, назначенный вице-председателем Высшего морского совета.

Кергезак устно подтверждает мне то, что писал в своей записке. Он считает, что генерал де Мондезир был бы неплох во главе нашей военной миссии в Бухаресте, но эта миссия должна опереться на предшествующую ей организацию экономической и финансовой связи; кроме того не следует возвещать громогласно о прибытии

французских офицеров в Бухарест, так как это побудит немцев в свою очередь послать своих офицеров.

Шарль Бенуа напоминает мне, что хотел бы участвовать во французской делегации на мирной конференции!

Воскресенье, 30 апреля.

Между пятью и шестью часами в Елисейском дворце состоялся прием членов международной торговой конференции. Буфет, открытый сад, прекрасная погода. Делегаты явились в большом числе: англичане, итальянцы, сербы, португальцы. Присутствуют также Титтони и Луццати; они весьма удовлетворены резолюциями конференции и господствовавшим на ней согласием. Итальянцы важничают, они болтливы и надоедливы. Сербы выражают мне опасение, что Англия сохраняет тайную симпатию к болгарам.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Под Верденом генерал Нивель сменяет генерала Петэна. — Поездка в Бурж. — Англия и морская война. — Реймс. — Архивы и шампанское. — Бриан и декрет о закрытии сессии парламента. — Взятие немцами пункта 304. — Симпатий Швейцарии. — Возбуждение в палате. — Поездка в Нанси и в лес Парруа. — Поездка в Бельгию. — Прием членов Российского государственного совета и Думы. — Посещение укрепленного района Вердена. — Поездка на Сомму.

Понедельник, 1 мая.

Бриан все еще отдыхает в Нормандии.

Жюль Камбон беседовал со мной по поводу телеграммы из Греции. Он, как и я, того мнения, что мы должны добиться разрешения проезда сербов по железной дороге. Но он говорит, что Бриан телефонировал из Кодебека Маржери и Бертело и поручил им в его отсутствие сговориться с Фрейсинэ. Бриан конечно хочет загладить свое невнимательное отношение во время конференции союзников. Во всяком случае Камбон считает, что только он, Камбон, должен вести переговоры с Фрейсинэ; он жалуется, что Бертело и Маржери продолжают устранять его.

Бертело учредил за границей с помощью агентов Maison de la Presse (Бюро печати) своего рода всеветную полицию и замечательно направляет все нити помимо агентов. Жюль Камбон боится, как бы Бюро печати, которое располагает большими суммами, в одно прекрасное утро не оскандалилось.

Дени Кошен говорит мне, что по его инициативе организован консорциум крупных французских заводов с целью вырвать у Германии производство красящих веществ. Он жалуется на затруднения, которые чинят ему министерство торговли и химик Бэаль, советник министерства.

Вернувшийся в Париж генерал де Мондезир заявляет мне, что сербская армия будет украшением нашей восточной армии; она представляет собой однородное и крепкое целое. Он с большой похвалой отзываясь о наследном принце. Я говорю ему, что Бриан собирается дать ему назначение в Бухарест, но говорю об этом сдержанно, так как все это находится еще в стадии предположений.

Новое столкновение между Жофвром и Саррайлем.

Если не ошибаюсь, вина на стороне Жоффра, который не уточнил заранее функции нашей миссии, остающейся при сербской армии.

С своей стороны виноват и Саррайль, который, как всегда, проявил подозрительность и властность.

Вторник, 2 мая.

Генерал Пенелон сообщал мне, что генерал Петэн сегодня принимает командование над центральной армейской группой, а генерал Нивелль заменит его во главе верденской армии. Петэн продолжает впрочем руководить операциями, но штаб его переезжает в Бар-ле-Дюк. Пенелон утверждает, что все эти перемены были полностью согласованы с Петэном. Но все это несколько тревожит меня, и я предпочел бы, чтобы Петэн до конца сражения под Верденом оставался в Суйи. Генерал Лебрэн занял место генерала Нивелля.

Пенелон сказал мне также, что в войсках под Верденом было много прискорбных случаев нарушения дисциплины, что Клемансо несправ, превознося солдат за счет начальства, что „Berliner Tageblatt“ публикует теперь показания пленных французских солдат, жалующихся на продолжительность войны. Пенелон уверяет меня, что наконец приняты к руководству мои советы и офицерам отдан приказ поддерживать более тесный контакт с солдатами и внушать им нравственные начала. Несомненно у наших храбрых солдат легко пробудить прекрасные добродетели.

Инцидент с Саррайлем еще не улажен. По мнению Пенелона, генерал ищет предлога, чтобы не начать наступления. Мы, говорит Пенелон, не должны пойти в эту ловушку и дать Саррайлю желательный ему предлог, посылая ему неумные или неполные приказы.

Впрочем зять Саррайля, капитан Буэ, посетивший меня сегодня, является горячим сторонником наступления. Он утверждает, что его тестя ничего не писал принцу Александру, не просил его действовать со своей армией у Санти-Каранта. (В таком случае откуда взял свою информацию Бриан?) Он считает греческого короля и его правительство нашими непримиримыми врагами и думает, что за несколько недель до наступления надо объявить осадное положение в Салониках.

Среда, 3 мая.

Во второй половине дня я посетил собрание общества драматических писателей на улице Геннер. Вспомнил старые времена, когда работал в суде; встретил старых и верных друзей.

Четверг, 4 мая.

Поехал с генералом Роком на аэродром в Бурже. По дороге министр рассказывает мне, что у него был Клемансо и просил у него разрешения для поездки на фронт; Рок устроил ему это. Клемансо сообщил ему со слов генерала, которого он не пожелал назвать, совершенно ребяческий план наступления. Это наступление должно произойти на севере от Вердена, там, где, по мнению генерала Петэна,

всякий захват территории у неприятеля не представляет никакой тактической выгоды и возможен лишь ценой больших жертв.

В Бурже комендант аэродрома Леклерк представил мне офицеров-летчиков, среди них двух депутатов, Англес и Лебей. Сопутствующие генералом Дюбайлем, мы осмотрели эскадрильи, затем присутствовали при опытах торпедирования воздушных мишеней. Торпеды находятся на правой и левой сторонах самолетов. Их бросают посредством электричества при приближении самолета к цели нападения, но дело весьма затрудняется тем, что пилот, прицелившись и пустив первые торпеды, должен быстро отвести самолет в сторону, чтобы самому не подпасть под действие торпед; действительно, во время испытаний произошла на наших глазах тяжелая катастрофа, и кроме того лишь немногие торпеды попали в цель. В общем опыты показали, что для достижения благоприятных результатов нам необходимы пилоты более квалифицированные и аэропланы более совершенной конструкции. Зато мы присутствовали при прекрасных полетах бомбовозов, выстроившихся в боевом порядке.

Когда мы возвращались, распространился слух о моем присутствии, и нас встречала большая толпа народа, особенно в рабочих кварталах. Генерал Рок был очень поражен оказанным нам приемом.

В конце дня был у меня Мильвуа и долго говорил мне о пушке Арше, которую требуют в окопы многие солдаты.

Пятница, 5 мая.

Сенатор Делонкль и генерал Боннэ просят меня послать своего представителя в воскресенье в Трокадеро на праздник, устраиваемый с благотворительной целью для одной организации помощи раненым.

Сенатор де Сен-Кантэн, потерявший недавно мать, благодарит меня за соболезнование. Он сообщает мне, что в Кавальдосе общее настроение прекрасно.

Шекри Ганем требует, чтобы мы не уступали англичанам в вопросе о Палестине.

Фернанд Давид и гравер Коппье показывают мне некоторые изменения в редакции и оформлении диплома в память павших на войне.

Воскрешенный Брианом „Le Courrier du Parlement“ умудрился сегодня соединить дифирамб Кайо с очень слабой статьей против Клемансо.

Прекрасная статья о Клемансо в „Fantasio“. Пьер Миль передает мне через нашего общего друга, что эта статья написана им.

Суббота, 6 мая.

Совет министров. Бриан, как всегда рассеянный, возвращается к мысли об удалении Гильмена и о замеще его Жоанаром. Он говорит, что еще раз обратится к Жоанару, а на место генерала имеет в виду Брюжера. Рибо и Думерг считают, что Брюжер слишком стар. Решения не было принято.

В Бухарест Бриан желает теперь послать Сент-Олера с генералом де Мондезир.

Бриан получил от Берти ноту, в которой английское правительство в связи с закрытием нами порта в Суде вносит предложение возобновить перед Грецией обязательство эвакуировать после войны все занятые порты. По мнению Бриана, мы должны согласиться на это. Он очевидно не знает о двух телеграммах, в которых Гильмен высказывает серьезное возражение против этого. Я читал эти телеграммы. Совет министров решает указать Англии на желательность сослаться в ноте Греции на ноябрьские соглашения; решено также затребовать от Гильмена уточнения его точки зрения, как он сам вызвался это сделать. Но Бриан, как видно, так равнодушен и даже чужд этой дискуссии, что не знаю, выполнит ли он это решение и если выполнит, то как.

Англия отправила в наше министерство иностранных дел ноту, в которой просит Францию отказаться вместе с ней от лондонской декларации 1909 г. относительно условий морской войны; в ноте говорится, что, если Франция не присоединится к этому шагу, Англия предпримет его одна. Буржуа замечает по этому поводу, что, если Англия и Франция откажутся от определенной доктрины, не заменив ее другой, мы в один прекрасный день окажемся в затруднительном положении и не сможем ответить на запросы Америки.

Ответ Германии на американскую ноту очень коварен и может побудить Соединенные штаты предъявить Англии и нам нежелательные возражения. Я поддерживаю замечания Буржуа и кроме того подчеркиваю, что не может быть речи об отказе от блокады или даже об ослаблении ее. Напротив, ее надо усилить, но было бы хорошо формулировать доктрину, оправдывающую блокаду и устанавливающую, что при современной морской войне, т. е. при подводных лодках и минах, действенная блокада в территориальных водах уже невозможна и поневоле должна быть заменена другим видом блокады. Адмирал Лаказ того же мнения. Постановлено, что министр без портфеля Кошен (которого совет министров раньше уполномочил ведать вопросами, касающимися блокады), Бриан и Лаказ при сотрудничестве трех юрисконсультов — Рено, Вайсса и Фромажо — сделают попытку формулировать несколько общих положений, которые будут представлены на рассмотрение и одобрение Англии. Я указываю, что Англия вряд ли проявит активное сотрудничество в разработке общей доктрины, так как всякое обобщение противно британскому духу.

Главная квартира требует, чтобы в видах предосторожности были вывезены из Реймса архивы, 80 миллионов бутылок шампанского в погребах, банковские счета, прядильные машины и ткацкие станки. Совет министров в принципе соглашается на эту эвакуацию. Дивизия немецкой гвардии переброшена из России к Реймсу, и у нас считают возможным наступление на этот город, находящийся в 1200 метрах от неприятеля.

Совет министров решает не заседать в ближайший вторник, а назначить на этот день заседание совета национальной обороны

со следующей повесткой: контингенты, наступление на салоникском фронте, подготовка франко-английского наступления, вопрос о запасах снаряжения.

Мессими показывает мне свое письмо Бриану, в котором он одобряет идею обновить состав главной квартиры, но резко критикует состоявшиеся назначения. Он констатирует, что большинство назначенных офицеров никогда не командовали на фронте или же провели на фронте лишь несколько часов. Пополнять главную квартиру одними теоретиками является несколько парадоксальным.

В конце заседания Бриан, волнуясь и горячась, заявляет, что если парламент, как он того ждет, потребует от него отказа от декрета о закрытии парламентской сессии на летние каникулы, он не согласится взять на себя такое обязательство. В прошлом году он не был против такого обещания, но, ввиду того что парламентские комиссии то и дело присваивают себе не принадлежащие им права и ввиду постоянных интриг врагов кабинета, он твердо решил не поступаться никакими прерогативами правительства. Он заявляет, что предпочтет уйти, нежели уступить.

Рибо и Самба удивлены и встревожены этим резким выступлением. Самба улыбаясь упрекает меня в том, что я „взвинтил Бриана“. Но Бриан сам „взвинтил“ себя без всякого моего участия, и я протестую против слов Самба, тоже улыбаясь. В том же тоне я прибавляю, что, если бы я желал декрета о закрытии сессии, у меня есть для этого средство: переменить кабинет. На это Рибо возражает, тоже улыбаясь, что это было бы с моей стороны личной политикой и могло бы создать конфликт между мной и парламентом.

Буржуа замечает, что Бриан несомненно сумеет ничего не обещать депутатам и обойтись при этом без угроз и что все уладится.

Пенелон признает, что пункт 304 вероятно будет взят немцами. Что станет тогда с позицией Мортомм? Генерал Бертело говорит мне, что, если пункт 304 падет, положение Мортомм будет очень тяжелым.

Ужасающая неизвестность.

Бывший депутат и старый мэр Туля Дени, мобилизованный в чине капитана на службу в тылу, просит меня дать ему место в моей военной канцелярии! Я отвечаю ему вежливым отказом.

Понедельник, 8 мая.

По словам Пенелона, Клемансо, который продолжает свою поездку по фронту в обществе своего брата Альбера и офицеров генерального штаба, в полном восторге, возносит генеральный штаб до небес и заявляет, что он прежде недооценивал его. Клемансо обвиняет парламентские комиссии в том, что они напрасно настояли на постройке железной дороги Неттанкур — Флери — Дюньи. Одним словом, он поклоняется тому, что ненавидел... Но надолго ли? Если бы его нынешние взгляды могли быть долговечными, какой мощной силой был бы он для Франции!

Фрейсинэ был у меня и рассказал следующее: по имеющимся у него частным сведениям, Сабахаддин утверждает, что турецкий посланник в Берне уполномочен обещать, что, если Россия откажется от Константинополя, турки прогонят немцев и откроют Дарданеллы.

Фрейсинэ находит, что Рибо должен использовать сражение под Верденом для выпуска нового займа.

Утром был у меня Дешанель и просил принять патронат над франко-бельгийским комитетом, основанным по его инициативе. Мне не совсем ясны задачи этого комитета.

Вторник 9 мая.

Совет обороны.

Изучение вопроса о контингентах не закончено. Жоффри нам детально объясняет, что он теперь приблизительно согласен с планом Саррайля, но находит этот план слишком широким, слишком разбросанным и хотел бы, чтобы Саррайль сжал его; однако ответственность должен взять на себя командующий восточной армией. Саррайль согласился действовать только с имеющимися в наличии силами.

Буржуа и Рибо не удовлетворены этим результатом. План Саррайля предполагает вводить в бой все войска и за недостатком контингентов не оставляет общего резерва; поэтому Саррайль не сможет использовать победу, если ему удастся прорвать болгарский фронт.

Буржуа и Рибо высказываются за отправку подкреплений Саррайлю. Жоффри и Кастельно протестуют и говорят, что нельзя снимать новые войска с фронта, на котором последует решение.

Бриан, Буржуа, Рибо и я отвечаем, что победа на Балканах повела бы к наступлению Румынии, загнала бы Болгарию и нанесла бы Германии моральный удар, чреватый серьезными последствиями.

Жоффри огласил полученное им от Робертсона письмо, в котором последний требует, чтобы план Саррайля был сообщен английской восточной армии и предварительно согласован между Англией и Францией. Письмо показывает, что англичане еще далеко не склонны принять участие в наступательных операциях на Балканах.

Я настаиваю на скорейшем согласовании с англичанами этого принципиального вопроса и замечая, что можно было бы при этом случае указать им на желательность послышки двух английских дивизий из Египта в Салоники для создания резерва; одновременно можно было бы настаивать в Петрограде на отправке двух русских бригад.

По вопросу о русской бригаде никаких возражений. Морское министерство принимает меры для транспорта ее^[111]. Но относительно английских дивизий Жоффри заявляет, что они не имеют снаряжения для операций на Балканах, и Кастельно подчеркивает, что они будут полезнее во Франции, чем в Салониках.

Во Франции имеются сорок семь английских дивизий, из Англии должны прибыть еще три дивизии и пять остаются в Египте.

Совет постановляет, что вопрос о двух английских дивизиях будет разрешен на ближайшем заседании совета министров.

Кастельно, который прежде полагал, что решение возможно только на востоке, совершенно изменил свое мнение, с тех пор как Саррайль стоит во главе восточной армии.

Я требую точных сведений о потерях под Верденом. Кастельно достает из кармана записную книжку и зачитывает следующие цифры, не соответствующие тем, которые были даны нам раньше.

25 апреля: 125 тысяч пленных, 16 594 убитых, опознанных на наших позициях, 57 142 раненых, эвакуированных в наши госпитали, и 51 или 52 тысячи без вести пропавших.

Но исключена возможность, что немцы действительно взяли то количество пленных, какое они указывают.

Если Верден будет взят, какое несчастье! Если он будет спасен, сможем ли мы когда-либо забыть какой ценой?

Я очень твердо и даже резко заявляю совету, что считаю недопустимой недостаточную осведомленность правительства, и выражаю сожаление, что не могу сам давать приказания. Все согласны со мной, но никто не дает приказаний.

Затем мы рассматриваем данные о снаряжении. Я настаиваю на форсировании производства снарядов для тяжелых орудий 155-миллиметрового калибра, а равно и самых орудий. Бриан предлагает Року созвать в ближайшие дни директоров заводов на набережной д'Орсэй, чтобы поднять их активность.

Посетил госпитали, один — в предместье Сен-Оноре, которым заведует г-жа Дитц, другой — на Иенском проспекте, которым заведует г-жа Томсон.

Клемантель, который на-днях уезжает в Италию для согласования некоторых вопросов со своим итальянским коллегой, зашел ко мне и между прочим прочитал мне письмо, полученное им от сына-офицера под Верденом. Главная квартира отказалась от системы „мория“ [„непрерывной цепи“], которую раньше применял Петэн и которая давала воинским частям возможность уходить на отдых в тыл, оставаясь на линии боя лишь лишь немного дней. У Петэна отобрали часть войск под предлогом, что он употреблял большую часть на защиту Вердена. Результат: на некоторых частях верденского фронта солдаты начинают утомляться и здесь возможны прискорбные инциденты. Я предлагаю Клемантелю остаться до четверга, чтобы поднять этот вопрос на совете министров и в частности перед Роком. Боюсь, что за подготовкой наступления могут упустить из виду первостепенное значение успеха под Верденом.

Галли говорит мне, что в большей части армии безрассудно растрачивают припасы и материалы.

Мильвуа снова говорит мне об оконных орудиях. Он сговорился с Роком относительно новых испытаний их.

Среда, 10 мая.

Леон Буржуа сообщает мне слова генерала Петэна министру Пенлеве. „Я считаю, что в этом году невозможно предпринять серьезное наступление“. Буржуа, как всегда большой патриот и враг всяких пессимистических гипотез, не согласен с этим мнением.

Эрбильон сообщил мне цифру наших пленных в Германии, по апрельским данным. Она колоссальна: 347 тысяч человек.

Вернувшийся из Италии Шарль Луазо говорит мне, что лондонское соглашение о вступлении Италии в войну, став известным в Австрии, было использовано австрийским правительством; последнее представило дело католикам-кроатам таким образом, будто их приносят в жертву православным сербам. Луазо считает, что нельзя будет создать великой Сербии, не дав религиозных гарантий австрийским славянам-католикам. Он, как и Барес, считает, что Италия нас надувает, что все, что мы делаем сейчас вокруг поездок ее министров и парламентских деятелей, банкеты, тосты, не дает нам никаких выгод.

Депутат от Монмеди Рево, всегда очень увлекающийся, говорит мне о разрабатываемом им проекте предоставления жителям оккупированных местностей монопольного права на доходы с иностранцев-туристов после заключения мира.

Морис Колра показал мне „Bulletin des Armées“, имеющий тираж в 500 тысяч; Колра теперь состоит редактором его.

Наш посланник в Берне Бо считает отношение к нам Швейцарии, даже немедкой, прекрасным; президент официально запросил его, согласимся ли мы обсудить вопрос о военной конвенции с Швейцарией? У нас не потребуют никаких сведений относительно обороны Франции, нас пригласят согласовать вопрос о защите Швейцарии. Швейцарский генеральный штаб не ждет немедленного нарушения швейцарских границ, но имеет серьезные основания считать, что немедкий генеральный штаб готовит такое нарушение в более отдаленном будущем. Германия несомненно стремится сначала вывести Россию из строя и затем с большим количеством свободных сил ударить на нас через Швейцарию. Я сказал Бо, что лично я безусловно за переговоры со Швейцарией; самое худшее, что может случиться, заключается в том, что Германия может об этом узнать; но, если она на этом основании предъявит Швейцарии ультиматум, федеральные войска будут для нас ценной поддержкой.

У нас обедали Ганото, Пайэль и Нобель с женами. Ганото блестящ, остроумен, изобретателен. Он в очень ярких красках описывает битву при Шарлеруа, битву на Марне, всю войну, проявляет местами большую точность в деталях и изумительную память.

Ганото и Пайэль слышали от одного из своих друзей, Фабра, вернувшегося из оккупированных провинций, рассказ о сцене настоящего безумства фон Клуга перед отступлением с Марны: он хватался за ружье и револьвер, грозил стрелять в окружающих, кричал, что не оставит в Париже камня на камне, бегал, как дикий зверь, взад и вперед перед замком Фабра в Лассиньи.

Четверг, 11 мая.

В „Matin“ и „Petit Parisien“ напечатаны статьи, в которых высшее командование обвиняется в том, что дало приказ об эвакуации правого берега Мааса. Как могла цензура проглядеть эти статьи?

Это загадка. Повидимому цензура представила их в секретариат военного министра, и последний не возражал против их напечатания, но Жоффри с полным правом недоволен и потребовал, чтобы вечером напечатано было коммюнике с поправками. Бриан обещал.

В известных парламентских кругах подозревают, что статьи в „Matin“ и „Petit Parisien“ исходят от самого Бриана и имеют целью повредить Жоффри. Некоторые депутаты прибавляют даже (как передает Морис Бернар): „а также присвоить себе заслугу битвы под Верденом, как и битвы при Марне“. Другие подозревают Тардьё. Словом, возбужденное воображение всюду ищет виновных.

Все это может привести в отчаяние.

Пенлеве подтверждает мне, что генерал Петэн сказал ему, что не верит в возможность наступления в нынешнем году.

Депутат Фабр, очень горячий, сделал Бриану запрос о Вердене. Ренодле выразил желание, чтобы Бриан и Рок дали объяснения военной комиссии по поводу статей о военном командовании. Перазбериха!

Совет министров рассматривает вопрос, следует ли потребовать от Англии отправки двух египетских дивизий в Салоники. Фрейсинэ очень вяло поддерживает эту мысль. Совет принимает ее единогласно за исключением Кошена, у которого имеются сомнения, так как генералы Жоффри и Кастельно требуют эти дивизии для французского фронта. Буржуа, напротив, вносит оговорку на случай возможного несогласия англичан послать две дивизии. В таком случае он, вопреки мнению Фрейсинэ, был бы склонен послать французские войска.

Мальви вручил мне протокол заседания нового общества „документального и критического изучения войны“. Лонге с невероятной легкостью возводит на меня там самые неожиданные обвинения. Он, правда, утверждает, что получил сведения от одного бывшего министра, но сведения эти — наглая ложь. Кто этот министр? Несомненно, один из тех, которые несколько месяцев назад получили отставку. Не знаю, известно ли Мальви его имя, но он мне его не назвал.

Мильеран представил мне президиум Общества попечения об инвалидах № 2 и просит меня взять на себя патронат над ним. Он уже был у меня с парламентариями, участниками интернациональной торговой конференции; теперь он по моему приглашению пришел ко мне на чашку чаю; все три раза он был очень любезен и предупредителен. Стал ли он снова самим собой?

Сэр Томас Барклей тоже просит меня взять патронат над курсами сестер милосердия, которые он намерен основать в Париже при содействии английских капиталов. Я воздерживаюсь от ответа, пока правительство выскажется по этому вопросу.

Сенатор Будано беседовал со мной о разных делах.

У меня обедали Сегр и его брат дипломат с женами.

Пятница, 12 мая.

Фрейсинэ сообщает мне, что он вынужден поехать лечиться далеко от Парижа, будет отсутствовать в течение трех месяцев и должен будет подать в отставку, так как министр, говорит он, дол-

жен выполнять свои функции или уйти с занимаемой должности. К тому же он боится, что ему придется нести солидарную ответственность за некоторые решения, принятые во время его отсутствия и без его ведома. Я настаиваю на том, чтобы он не приводил в исполнение своего проекта. Я говорю ему, что министр без портфеля может уехать, не вызывая никаких нареканий, и что министр без портфеля является постоянным советником правительства. Он обещает мне подумать. Но я чувствую, что ему надоела кампания против Жоффра и он находит странным, что ее терпят.

У меня были адмирал Ле Бри, барон Гильом, пригласивший меня на бельгийскую выставку, и Жан Анесси, который получил английский орден, но хотел бы еще другой! Шоме благодарил меня за прием, оказанный членам интернациональной торговой конференции.

Суббота, 13 мая.

Сегодня днем Бриан и Рок вызваны в военную комиссию палаты депутатов для объяснений по поводу статей о битве под Верденом и о высшем командовании. Возбуждение не улеглось. Противники Бриана продолжают обвинять его в том, что он инспирировал „Matin“ и „Petit Parisien“. Он же, как и некоторые его коллеги, утверждает, что эти статьи внушил Анри Жувенело и редактору „Petit Parisien“ не он, а Тардые. Я настаиваю в совете министров, чтобы цензура не допускала больше во время военных действий нападок на командование и что надо покончить с этим прискорбным инцидентом. Но Бриан представляет дело так, будто я преувеличиваю дурное впечатление, произведенное этими статьями в парламенте.

Бриан получил от сэра Френсиса Берти ноту, в которой британское правительство предлагает предпринять в Риме демарш, чтобы побудить Италию решиться на объявление войны Германии. Совет в нерешительности. Я замечаю, что мы не можем отказаться от совместных действий с Англией и что к тому же, раз Италия приняла на себя определенные обязательства, мы не должны подать вида, что сомневаемся в соблюдении их, а просто должны поставить перед ней вопрос, не настало ли время для выполнения этих обязательств. Совет министров присоединился к моему мнению.

Генерал Рок имел продолжительное совещание с генералом Петаном. Последний заявляет, что в его системе „непрерывной цепи“ ничто не изменилось; ему нужно лишь больше артиллерии, но уже обещано пополнение. Он не считает возможным французское наступление в нынешнем году на другом участке фронта и хотел бы, чтобы англичане одни перешли в наступление на своем участке фронта, с тем, чтобы мы поддержали их в районе Вердена, если немцы окажутся настолько истощены, что дадут нам возможность этой инициативы. Но он считает, что в общей совокупности операций этого года основная деятельность французских сил сосредоточивается под Верденом. Это противоречит взгляду Жоффра и Кастельно. Придется сделать выбор. Решено, что на-днях состоится совещание командующих группами с участием Бриана, Рока и моим.

Рибо излагает свой проект бюджета на ближайший квартал. На этот раз он потребует следующих налогов: удвоения прямых налогов, пяти процентов общего подоходного налога вместо двух процентов, повышения налогов с недвижимости и т. д.

К концу августа наши военные расходы достигнут 541½ миллиардов! Что готовит нам будущее?

Совет министров принимает предложения Рибо даже без обсуждения.

Я просил Самба прийти ко мне до заседания поговорить относительно выдвинутых некоторыми социалистами утверждений по вопросу об ответственности за войну. Я вручил ему длинное письмо и просил прочесть это письмо его коллеге социалисту Лонге, которого он считает искренним, и привести Лонге ко мне. Он обещал мне это. Самба говорит, что Лонге легкомыслен и тщеславен, но честен. Что же касается Мерррейма, то он озлоблен и полон ненависти.

Воскресенье, 14 мая.

Вчера вечером выехал с Мальви из Парижа в Нанси. По дороге он рассказал мне, что главный редактор „Dépêche de Toulouse“ Хюг беседовал с Клемансо и вынес впечатление, что последний твердо решил добиться в ближайшее время своего назначения на пост председателя совета министров и в то же время взять в свои руки командование союзными армиями. Хюг сказал Мальви, что нашел Клемансо страдающим старческой манией величия. Мальви говорил со мной также о социалисте Лонге, который у него на большом подозрении с национальной точки зрения.

На вокзале в Нанси нас встречало мало народу. Собрание в большом зале городской думы. Около ста пятидесяти приглашенных. На очень патриотическое обращение мэра я ответил речью, которую Мальви одобрил и сам передал прессе; однако она несомненно навлечет на меня критику пораженцев. В своей речи я реагировал на распространяемый немцами слух и заявил: „Ни прямо, ни косвенно наши враги не предлагали нам мира. Но мы и не желаем, чтобы они нам его предлагали; мы желаем, чтобы они просили его у нас; мы не желаем принимать их условия; мы хотим предъявить им свои условия. Одним словом, я заявляю, что мы желаем мира, добытого победой союзных войск“. Эта декларация была необходима ввиду той кампании, которой пытались смутить умы. Впрочем министр внутренних дел одобрил мое выступление. Было бы желательно также же выступление со стороны Бриана.

Очень занятое утро. Посетил помещение для беженцев в казарме Молитор, превращенной в фаланстер для беженцев, затем школы для увечных, госпитали. Повсюду речи. Отвечал, как умел.

Вернувшись в Шампиньель, позавтракали в поезде, который остался там.

Во второй половине дня отправился с Мальви в лес Парруа, покрывшийся свежей зеленью. Обходим передовые позиции, занятые 3-м кавалерийским корпусом. Теперь здесь много работают над окопами, но, как видно, в течение долгих месяцев ничего не

было сделано. Правда, мы в этом лесу постепенно отняли у немцев немалую территорию; с другой стороны, генерал Дюбайль хотел, чтобы его группа всюду выступала активно, вместо того чтобы оккупываться. Но если бы немцы нас атаковали? Что касается позиций второй линии, то их едва начинают укреплять. Я прошу Пенелона информировать Жоффра об этом положении вещей.

На обратном пути мы, покрытые грязью, вернулись в Люневилль, где нас ожидали. Мэр Келлер, несмотря на мои просьбы не делать этого, пригласил в большой зал ратуши 150 человек. Извещенная о нашем приезде толпа смешалась с солдатами на площади и кричит ура. Префект Мирман и мэр произнесли речи. Мне трудно было отвечать от усталости и волнения.

В Люневилле сели в поезд и обедали в вагоне; Мальви сошел в Бар-ле-Дюке; завтра он осмотрит в окрестностях разрушенные деревни. На вокзале находились префект Обер, члены парламента Ноэль и Рево, несколько чиновников и много любопытных. Я увез с собой множество букетов ландышей, преподнесенных мне солдатами в лесу Парруа. Вагон напоен их ароматом!

Понедельник, 15 мая.

Дешанель посетил меня под предлогом доложить мне о своем визите бельгийскому королю, в действительности же для того, чтобы пожаловаться на нападки на парламент в некоторых газетах; он хочет, чтобы я повлиял на Капюса и Бареса. Я вызвался пригласить их в один из ближайших дней вместе с ним. Он охотно согласился. Капюс и Барес несомненно не правы, поскольку они допускают в своей критике преувеличения и огульные обобщения. Но, пожалуй, еще больше виноват Дешанель, подлаживающийся к своим избирателям, вместо того чтобы руководить ими.

Виктор Баш, которого я просил зайти в мой кабинет рассказывает мне о своих американских впечатлениях. Он нашел, что евреи очень враждебны России, но расположены к Франции; ему удалось проникнуть в их среду, он читал им доклады. Он заручился согласием фирмы Якова Шиффа разместить заем союзников в 250 миллионов долларов, если Россия предоставит некоторые льготы евреям [112].

Я благодарю Баша за объяснения, которые он дал Обществу критических и документальных исследований о происхождении войны. Он, видимо, поражен и раздосадован тем, что я об этом знаю. Я говорю ему, что меня осведомили мои друзья, состоящие членами общества. Тогда он сообщает мне, что вчера вечером состоялось новое заседание общества, очень бурное, и что эти дискуссии несомненно приведут к распаду общества. Некоторые члены добиваются немедленного заключения мира. Не один, а два бывших министра ложно утверждали, что Россия запросила нашего совета относительно мобилизации и что я предложил дать утвердительный ответ [113]. Я объяснил Башу, что частичная мобилизация в России была решена до моего возвращения во Францию и что, само собой разумеется, Россия не спрашивала у нас совета. Я сообщил ему также, что ультиматум Сербии был передан мне лишь после моего отъезда; он

не знал этого. Он считает, что все это явится для него очень важным аргументом в дальнейших дискуссиях. Но ни это, ни какое-либо другое доказательство не убедят тех из его оппонентов, которые играют на-руку Германии.

Вторник, 16 мая.

Совет министров.

Рибо рассказывает, что Клемансо, вернувшись с фронта, не желает больше и слышать о наступлении в этом году. Клемансо говорит, что это точка зрения всех генералов, с которыми он беседовал. Он критикует французское и английское правительства и заявляет: „Две робости не дают в сумме одной энергии“.

Бриан зашел ко мне до заседания и сообщил, что его хорошо встретили в военной комиссии палаты и что инцидент со статьей в „Matin“ будет улажен. Но многие министры считают, напротив, что нам не избежать закрытого заседания, так как палата депутатов желает следовать примеру английского парламента, где состоялось такое закрытое заседание.

Бриан ничего не сказал мне о моей речи в Нанси. Но на заседании совета министров Рибо сообщил, что Шерон обвинил на-днях кабинет в том, что он помышляет о преждевременном мире. Это было, по его словам, до речи президента. „Действительно, президент высказался достаточно ясно“, — заметил Фрейсинэ. Это все.

Днем посетил меня Пенлеве. Он был на фронте в армии генерала Гуро. Генерал пошел ему навстречу в его опытах, на которые главная квартира шла очень неохотно: речь идет об испытании убежищ с земляными фильтрами против удушливых газов. Получены были очень хорошие результаты. Пенлеве виделся также с Петэнном, который встретил его несколько сухо. Генерал встретил его словами: „Вы видите генерала, которого сняли с командования“. На это генерал Нивель поспешил возразить: „О нет, генерал, это не совсем так; вы получаете более высокое назначение“. — „Да, да, но пока что мне дают понять, что я больше не нужен под Верденом“. Пенлеве заговорил с Петэнном об окопных орудиях и получил в ответ: „Вы не в курсе дела; мне пришлось бы слишком во многом вас поправлять, лучше я вовсе не буду отвечать“. Впрочем после этого он внимательно слушал и с большей ясностью излагал свои мысли в дискуссии. Он не сторонник окопных орудий, считает, что они стреляют слишком медленно. Он верит только в 155-миллиметровые орудия С. Т. К. и заявляет, что пока у нас не будет большого количества этих орудий и к ним не менее 50 тысяч снарядов в сутки, всякое наступление будет невозможно.

Полковник Игнатъев¹ представил мне генерала, командующего русской бригадой во Франции², и мы условились с ним, что я посету его войска. Он хотел бы привести их в Париж; это совпадает также с желанием парижских депутатов. Но ни английские, ни французские войска со времени войны еще не являлись в Париж. Посмотрим 14 июля.

¹ Русский военный агент во Франции.

² Генерал Лохвицкий.

Годар, товарищ военного министра по врачебно-санитарной части, привел ко мне президиум нового общества взаимопомощи увечных и раненых на войне. Они пришли в большом числе с ампутированными ногами или руками, с медалями и военными крестами; волнующее зрелище. Они просили меня взять патронаж над их обществом, и я с готовностью согласился на это. Это посещение служит мне утешением за нелепые речи в Обществе критического и документального изучения войны.

Франклин Буйон просит меня принять в понедельник членов русской Думы и пригласить их на завтрак во вторник. Я постараюсь в понедельник раньше вернуться с фронта.

Олар беседовал со мной о Салониках. По его мнению, мы должны настоять на отправке туда всех английских войск из Египта. Он считает, что нам удастся открыть себе путь не только в Софию, но и в Вену, но боится, что в главной квартире не очень будут склонны облегчить задачу Саррайля, из боязни доставить ему крупный успех. „Так было во все времена“, — говорит он. С другой стороны, он считает, что Бокановский, Грюнебаум-Баллен и Бернштейн ведут теперь с салоницкими евреями опасную политику. Он хотел бы, чтобы генерала Саррайля избавили от этого окружения, и уверен, что Саррайль охотно откажется от него.

Среда, 17 мая.

В 7 ч. 50 м. утра выехал из Парижа с Брианом и Роком; в десять часов приехали в Шалоне. Там мы застали Жоффра, Кастельно, Петэна, Франше д'Эсперэ. Фош по дороге в Шалоне пострадал от автомобильной катастрофы и его перевезли в госпиталь в Мо. На обратном пути мы сделали остановку и навестили его. Он лежит в постели, лицо его распухло, щеки и нос разодраны, глаза отекли, три зуба выбиты, но никаких серьезных переломов.

Наш поезд остановился на вокзале в Шалоне, и мы собираемся в моем салон-вагоне, построенном Восточной компанией железных дорог. Когда мы завтракали в поезде, с немецкого аэроплана были сброшены три бомбы. Они упали на полотно железной дороги в двух-трехстах метрах от нашего поезда; обошлось без человеческих жертв.

Мы начинаем с вопроса о Салониках. Жоффр еще не виделся с Робертсоном. Но он не склонен потребовать у последнего отправки двух английских дивизий. Мы настаиваем на том, чтобы он сообразовался с решениями правительства. В конце концов он обещает, но очень неохотно. Он не скрывает от нас, что его отрицательное отношение вытекает главным образом из недоверия к Саррайлю. Он находит безусловно необходимым выступить в Салониках, но считает Саррайля неспособным действовать. Хотел бы сменить его, но боится поднять политическую бурю. Был бы очень рад, если бы Саррайля назначили послом или губернатором в Индокитай, но не даст ему армию на фронте.

Затем мы рассматриваем вопрос о наступлении. Петэн так же категорически, как Жоффр и Кастельно, заявляет, что дело под

Верденем может закончиться лишь наступлением наших союзников на другом участке фронта. Он считает это наступление необходимым, но не думает, чтобы борьба под Верденом позволила нам принять участие в этом наступлении. Мы все еще несем большие потери людьми под Верденом и расходует там много снарядов. На нашу долю выпало уже вдоволь; надо, чтобы англичане одни провели наступление. Жоффри и Кастельно признают, что прежде всего надо продолжать защиту Вердена всеми необходимыми силами. Они тоже полагают, что, если мы не будем иметь возможности участвовать в английском наступлении, англичане должны бы выступить одни; однако они находят, что мы не сможем ни поддерживать правое крыло англичан, ни продолжить линию их фронта.

Я настаиваю на необходимости создать до наступления значительные запасы тяжелой артиллерии, особенно 155-миллиметровых орудий. Жоффри и Кастельно говорят, что если мы не атакуем немцев, то немцы атакуют нас, и, если мы будем слишком медлить, немцы, производящие больше нас, сохраняют свое превосходство в снаряжении. Впрочем русские должны двинуться только 15 июня, англичане должны начать наступление к 1 июля, а к тому времени видно будет, что произойдет под Верденом.

Обсуждение носило дружеский характер и происходило в виде беседы.

За завтраком Бриан, очень выдержанный, развлекал генералов и офицеров штабистов своими остроумиями. Особенно доставалось Клемансо.

На обратном пути нас сопровождали только Жоффри и Кастельно. Петан и Франше д'Эспераз уехали из Шалон в свои штаб-квартиры. Бриан просит Жоффри и Кастельно продолжать опровергать своим тесным сотрудничеством слухи об их разногласиях. Кастельно смеясь отвечает: „Если только не спать вместе, нам больше ничего не остается сделать для того, чтобы еще ярче продемонстрировать нашу дружбу“. Действительно, по всей видимости у них самые дружеские отношения.

Бриан, для которого внешнее впечатление (l'effet) всегда имеет такое же и даже большее значение, чем само дело, желал поместить в печати заметку об этом военном совете. Я настойчиво отсоветовал ему это. Стали бы доискиваться еще чего-то, о чем не было сообщено.

По возвращении в Париж я узнал, что президент Лубе потерял своего младшего двадцатипятилетнего сына, давно болевшего и вышедшего в отставку. Мадам Пуанкаре уже посетила г-жу Лубе и нашла ее очень подавленной. Я в свою очередь навестил вместе с Сенсером бывшего президента, совершенно убитого горем. Он усадил нас и стал тепло говорить о (своих любимых местностях) Бегуде и Монтелимаре.

Четверг, 18 мая.

Жоффри, который вчера, как и Бриан, держал себя по всем правилам и очень ясно, твердо излагал свои взгляды, рассказал нам за завтраком, что Клемансо, приехав к генералу Дугласу Хейту, спросил его в упор: „Кому вы подчинены?“ Несколько сму-

щепный генерал Хейг ответил ему: „Я подчинен конечно своему королю и своему правительству“. Затем он прибавил: „Но получаю указания от генерала Жоффра и следую им“. Вернувшись в военную комиссию, Клемансо объявил: „Председатель совета министров ввел нас в заблуждение. Генерал Дуглас Хейг сам сказал мне, что он не подчинен Жоффру...“ Бриан горит желанием отправить в военную комиссию и вызвать Клемансо на публичное выступление. Бриан доложил совету министров о вчерашнем совещании в Шалоне. При этом он сказал, что, если бы ему пришлось сегодня назначить главнокомандующего, он не колеблясь избрал бы Жоффра, который проявил вчера проницательность и силу суждения.

Кошен рассказывает, что по собственной инициативе написал кардиналу Гаспарри и указал ему на неуместность выступлений константинопольского епископа; кардинал Гаспарри послал этому прелату письмо с выговором. Кошен очень гордится этим результатом и показал это письмо Бриану, Мальви и Самба.

Заседание палаты задало много хлопот Бриану. Сказывается усталость, нервное напряжение, раздражение, горячка...

Мой племянник Пьер Бутру, сын профессора философии, сообщает мне, что выяснение наших потерь убитыми, пропавшими без вести и ранеными, произведенное при его участии в военном министерстве и министерстве труда, не дало пока окончательных результатов. Однако по всей видимости цифры, данные нам раньше, очень преувеличены.

Шевале, французский посланник в Норвегии, полагает, что, если бы мы в начале войны предложили Норвегии выступить вместе с нами, она согласилась бы; но для того, чтобы она теперь согласилась выступить против Швеции, если Швеция перейдет на сторону Германии, ее пришлось бы принудить к этому; скорее всего она останется нейтральной.

У меня обедали полковник Руссе, Шаню и Лаведан с женами. Все с большой похвалой отзываются о моей речи в Нанси.

Пятница, 19 мая.

Похороны сына Лубе в Сент-Клотильд. Г-жа Пуанкаре и я присутствовали на похоронах и все время держались подле семьи умершего (г-жа Лубе не была на похоронах). Лубе хотел пропустить нас впереди себя; я конечно отказался. Было очень мало сенаторов и депутатов. Присутствовали Девель, Герен, Ратье; но не было ни Кайо, ни Клемансо, ни Мильерана, а также никого из нынешних министров. Приехал Делькассе; он еле подал мне руку. Признательность Лубе выказывают лишь немногие незначительные люди. Штат Елисейского дворца послал венок и явился на похороны в довольно большом числе, но политические деятели были представлены очень слабо. Это грустно...

Тардье находит, что хорошо было бы, если бы я поговорил с Фошем, который, как уверяет Тардье, является противником всякого наступления в этом году. Тардье утверждает даже, что сами англичане не хотят перейти в наступление ранее будущего

года. Я ответил ему несколько раздраженно, что он безапелляционно решает вопросы, разрешение которых я не имел бы смелости взять на себя. По мере возможности я указываю ему на точку зрения Жоффра, Кастельно и самого Петэна, что наступление необходимо для освобождения Вердена.

Суббота, 20 мая.

Бриан заявил сегодня в совете министров, что договорился с военной комиссией палаты относительно контроля на фронте; этот контроль будет осуществляться в духе предыдущего соглашения, т. е. при помощи миссий, а не через постоянных контролеров. Но Бриан думает, что ввиду английского прецедента нам не удастся избежать закрытого заседания палаты, и, если придется на это пойти, он предпочел бы сам предложить его. Длинная дискуссия: Фрейсинг опасается, что, если состоится закрытое заседание, палата поставит вопрос о Вердене и выступит против высшего командования.

Самба замечает, что можно заранее установить повестку дня. Буржуа высказывается за изменение устава палаты. Бриан хотел бы выступить по вопросу о самом требовании закрытых заседаний, но этому мешает устав палаты; последний расходуется в этом вопросе со статьей 6 конституции о взаимоотношениях государственных властей, по которой палата обязана выслушать министра, когда он этого требует.

Дюбо находит, что влияние Клемансо разложило часть членов сената. Этот человек, говорит он, всю свою жизнь сеял смуту.

Воскресенье, 21 мая.

Вчера в четверть десятого вечера выехал из Парижа с Северного вокзала, в восемь часов утра приехал в Дюнкирхен. Меня встречал только полковник Женни, военный атташе при бельгийском короле. Мы отправились в автомобиле через Фурнес в Коксид. Из Коксида, где меня ожидали генералы Эли д'Уассель и Рукероль, я поехал с ними через Ост-Дюнкирхен по новой дороге, проложенной нашими войсками через дюны. В Ост-Дюнкирхене мы пошли по длинному, узкому ходу, вырытому в земле вдоль морского берега до Ньюпор-ле-Бен. Ход этот сооружен из досок и имеет перекрытие; слева он открывается к морю на расстоянии выстрела, и открытая часть замаскирована полотнищами. Там, где начинаются дюны, и в конечном пункте на пляже установлены проволочные заграждения; они тянутся вдоль упомянутого хода, который в случае надобности может быть превращен в траншею, если бы неприятель сделал попытку высадиться.

Мы идем под улицами и под плотиной Ньюпор-ле-Бен, проходим через подземелья, в которых живут наши солдаты. Наверху падают в большом количестве немецкие снаряды. Так мы дошли до реки Изера; на левом берегу мы на минутку выходим посмотреть солдат, охраняющих мост. Мы вышли из траншейного хода также на вокзале в Ньюпор-ле-Бен и в некоторых других местах, где солдаты живут в убежищах, вырытых в дюнах. Солдаты были радостно удивлены

при виде нас. Снаряды свистели над нашими головами и падали позади нас.

На обратном пути мы посетили близ Ост-Дюнкирхена две батареи — 16- и 14-дюймовых орудий, устанавливаемые теперь нашими моряками; эти батареи должны держать под обстрелом морской берег.

На короткое время я остановился в вилле, где живет генерал Рукероль. Жара и песок вынуждают меня привести себя несколько в порядок перед поездкой в Ла-Панн.

У устья Изера мы видим на правом берегу Большую Дюну, занятую немцами; но и мы занимаем на этом берегу окопы, соприкасающиеся с рекой; там у нас два батальона. Я спросил генерала Эли д'Уассель, нельзя ли сделать эту позицию менее опасной, прорыв тоннель под рекой. Генерал Рукероль поручил изучить этот проект и относится к нему сочувственно, но генерала Эли д'Уассель повидимому смущают трата времени и расходы.

В четверть первого мы приехали в Ла-Панн с генералами Эли д'Уасселем, Рукеролем, Дюпаржем и Пенелоном. Король и королева сначала приняли меня одного. Я ношу бельгийский военный крест, пожалованный мне королем, и держу в руках белый футляр с французским военным крестом. Прошу у королевы разрешения предложить ей этот знак отличия и выражаю ей от имени всей Франции восхищение ее мужеством и самоотверженностью, которые она выказывает под огнем неприятеля, ухаживая за бойцами и ранеными. Она очень тронута и горячо благодарит меня. Я прошу короля приколоть ей орден; он отвечает мне, чтобы я сделал это сам, и тогда она с большой грацией слегка приподнимает свой белый кружевной корсаж, чтобы облегчить мне эту деликатную операцию.

Мы разговариваем. Король становится все более грустным и молчаливым. Королева одна поддерживает разговор.

Завтрак в тесном кругу. Король вышучивает англичан, которые хотят затянуть войну и насаждают в Булони дубы в надежде укрыться в их тени.

После завтрака канонада. Сначала мы предполагали, что это стреляют английские корабли, которые находятся в поле нашего зрения, и что им отвечают немецкие батареи в Остенде. Но скоро мы убедились, что это зенитные орудия, которые пытаются попасть в немецкие аэропланы, находящиеся на большой высоте и летящие со стороны Дюнкирхена.

Потом я вручил в соседней вилле орден и боевые кресты сестрам и офицерам.

Отправляемся в Вальпен. Там я вручаю кресты двум шуровьям австрийского эрцгерцога, служащим в бельгийской армии.

В палаточной зоне посещаем участок фронта южнее Ньюпор-Виль, впереди Рамскапелле. Ньюпор-Виль еще создает некоторую иллюзию своими сохранившимися в небольшом количестве красными крышами среди зелени; но город весь разрушен. Что касается Рамскапелле, то от него остался один лишь мусор.

Так как почва очень сыра, окопы и траншейные переходы обло-

жены мешками с песком, выступающими наружу. Неприятельские орудия могли бы разрушить их в несколько минут. Но немцы главным образом обстреливают Ньюпор-Вилль и Рамскапелле, а площадь перед оконами бельгийцы затапили.

Мы проходим некоторые из этих окопов вдоль затапленной территории. Здесь устроены мостки, которыми пользуются только по ночам; они дают возможность выдвинуть вперед несколько небольших постов.

Король все время грустен и озабочен. Он не видит конца войне и упорно повторяет мне, что больше всего боится революции на завтрашний день. Он повел меня в Вульвернигем, где помещается его военно-топографическое управление. Я награждаю орденом начальника последнего. Здесь король со мной простился.

Возвращаюсь один через Гутхем, штаб-квартиру французской миссии; застал здесь одного из своих кузенов, Рене Фабри, поступившего в кавалерию. Вручаю академические знаки отличия двум довольно мелким фламандским журналистам. Жени говорит мне, что король очень встревожен. Его правительство недавно в несколько резкой форме указало ему, что он не имеет права высказываться по вопросам нейтралитета и аннексий, не выслушав мнения совета министров. Кроме того на собрании фламандских священников шли разговоры о низложении короля, о республике... Вот как награждается добродетель! На обратном пути я остановился в Розендале, в госпитале города Дюнкирхена, где посетил жертвы немецких аэропланов. Одному бедному шестнадцатилетнему матросу только что ампутировали руку; видел также двух тяжело раненых железнодорожных служащих; штатские и военные... двое умирающих с открытыми внутренностями... Я вручил тысячу франков мэру Перкему для их семейств.

Обедал в поезде и поехал обратно в Париж.

Понедельник, 22 мая.

Генерал Рок говорит мне, что для освобождения Вердена безусловно необходимо ускорить английское наступление, мы же должны сосредоточить все свои усилия на Вердене. Я давно такого мнения. Рок получил от Клотца письмо, в котором бывший министр протестует против „финансовой атаки“, т. е. против фискального проекта Рибо.

Генерал Педойя послал военному министру от имени военной комиссии палаты ряд вопросов относительно Вердена. Все та же кампания.

Рок говорит мне, что из Парижа можно взять сто 155-миллиметровых орудий, которые там стоят без дела. Я указываю ему на необходимость защищать прифронтовые города от бомбардировок.

Принял Извольского и делегатов русского Государственного совета и Думы. Их сопровождали депутаты: Франклин Буйон, Жорж Лейг, Мариус Мутэ, д'Обиньи. Я обратился к русским с краткой приветственной речью, в которой коснулся посланных во Францию русских батальонов, и, говоря о своей поездке в Петроград, сказал: „Если бы мы во время моего пребывания в России

знали об австрийском ультиматуме, оба союзных правительства, находясь в непосредственном контакте, могли бы быстрее и легче согласовать вопрос о мерах, необходимых для избежания мирового пожара". Заместитель председателя Думы Протопопов ответил мне очень любезной речью [114].

Вторник, 23 мая.

Заседание совета министров. Бриан докладывает, что меморандум английского комитета обороны, содержание которого он не сообщает, высказывается против посылки двух египетских дивизий в Салоники и вероятно также против всякого наступления на Балканах. Совет министров поручает Бриану устроить в возможно скором времени встречу обоих правительств, чтобы 300 тысяч солдат не оставались без дела.

Длинная дискуссия о закрытых заседаниях. В палате собирают подписи. В сущности хотят обсудить вопрос о Вердене в полном объеме. Здание начинает давать трещины, это чувствуется. Палата и сенат хотят критиковать военные операции, направлять их. Чувство тревоги и недовольства с каждым днем усиливает анархию. А у меня нет ни прав, ни средств действовать!

Фрейсинг очень четко доказывает, что правительство не должно согласиться на закрытое заседание; Мелин выступает в том же духе.

По мнению Буржуа, надо сначала предложить изменить устав палаты, чтобы дебаты не могли выйти за поставленные пределы. Самба думает, что закрытые заседания не представляют опасности и что лучше согласиться на них. У Бриана, кажется, нет вполне определенной точки зрения. Он сказал, что переговорит с вождями парламентских группировок и укажет им, что во всяком случае желательно выждать окончания битвы под Верденом.

Я пригласил на завтрак членов Государственного совета и Думы.

Во время завтрака Протопопов сказал мне, что русский народ хотел бы, чтобы нам было послано больше войск. Мильеран явился в качестве члена одного из правительств, которые сменялись за время войны.

Среда, 24 мая.

Лубе и его сын Поль приехали благодарить меня; они еще подавлены горем.

Генерал Бодемулен, дивизия которого была расформирована, получил назначение; перед отъездом он пришел ко мне проститься.

Вито, адвокат при кассационном суде, просит меня о помиловании отвратительного греческого шпиона, который состоял на жаловании у Германии с начала войны. Я отказал.

Лорд Эшер, комендант Виндзорского замка, очень тонкий, прекрасно владеющий французским языком, говорил мне следующее: во-первых, сэр Дуглас Хейг писал ему, что его раздражает неосведомленность относительно действительных намерений генерала Жоффра, который оставляет его в неизвестности, должен ли он будет предпринять наступление или нет; во-вторых, вопрос о Салониках

может быть решен только путем непосредственных переговоров Бриана с Асквитом.

Майор Карбонелль, состоящий при генерале Галлиени, предупреждает меня, что, несмотря на две успешные операции, состояние генерала очень серьезно. Больной не в состоянии принимать пищу, и силы постепенно покидают его. Увы! Я это предвидел.

Несчастный и выдающийся генерал, которого несколько честолюбцев хотели сделать своим орудием и в котором они уже видели диктатора... Мы знали его в министерстве лишь после того, как он ослабел физически и умственно и ушел в себя, молчаливый, замкнутый, неспособный к напряженной работе.

Полковник Обер, состоявший в начале 1913 г. в моем военном штате, получил назначение в Марокко и явился ко мне с прощальным визитом.

Четверг, 25 мая.

Сегодня утром заседание совета министров. Ввиду участвовавших жалоб на питание войск Тьерри принял, по предложению совета министров и по моему настоянию, ряд мер, как-то: увеличение рациона сахара и кофе, отмена платы за паек и т. д.

По просьбе генерала Жоффра ему разрешено возобновить воздушную бомбардировку немецких городов в виде репрессии за бомбардировку наших прифронтовых городов. Совет национальной обороны потребовал в свое время, чтобы мы отказались от этих воздушных бомбардировок; он полагал, что таким образом мы избежим рейдов неприятельских аэропланов на Париж. Но участвовавшие воздушные бомбардировки Дюнкирхена, Эпиналя, Нанси, Люневилля, Бельфора и др. побудили правительство согласиться с предложением главнокомандующего.

Бюджетная комиссия палаты единогласно отвергла увеличение вдвое прямых налогов, предложенное Рибо, и предложила министру финансов поторопить сенат с обсуждением проекта подоходного налога, находящегося на рассмотрении сената уже в течение семи лет. Между тем сегодня по предложению Рибо в сенате назначено обсуждение вопроса о военных прибылях, и министр уже просил сенат вернуться к рассмотрению вопроса о подоходном налоге. Таким образом предложение, сделанное министру бюджетной комиссией, было излишним и свидетельствует лишь о недоброжелательном отношении.

Помимо того комиссия, видно, имеет заднюю мысль вотировать бюджет только на один месяц вместо трех. Рибо говорит, что не потерпит этого выражения недоверия, и совет министров соглашается с ним.

Новая дискуссия о закрытом заседании. Мальви и Самба считают, что можно столковаться с фракциями об отсрочке его и установлении повестки дня. По словам Самба, его социалистические друзья опасаются образования министерства Барту.

Пенлеве утверждает, что сенатская комиссия по переводу часовой стрелки на летнее время уже менее враждебно относится к этому проекту, но под влиянием Думера продолжает тянуть дело.

Лоз говорит мне, что Шарль Эмбер помирился с Летелье, завтракал у него и при этом оклеветал его, Лоза, заявив, что он якобы похитил себе в карман 25 тысяч франков, которые ему поручено было каким-то образом употребить в процессе „Matin“. Лоз обратился за советом к Морису Бернару, который ответил ему: „Здесь нет факта диффамации, так как отсутствует момент публичности“. Но Лоз не доверяет Эмберу и очень опасается его, так как считает Эмбера способным на все.

Густав Эрве говорит мне о колебаниях англичан в Салониках и об ошибках, допущенных под Верденом. Он считает желательным добиться от России новых заявлений относительно автономии Польши, причем союзники должны опубликовать их для общего сведения. Я указываю ему на трудности начать теперь официальные переговоры об этом с Россией.

На заседании совета министров Бриан сообщил нам, что генерал Петэн просил у него свидания. Боюсь, как бы ему не дали все, чего он требует. Этого опасаются также Фрейсинэ и большинство министров. Только Думерг упорствует в своем слепом и неизменном доверии. Решено, что военный министр и Бриан в ближайшее время распросят Петэна.

Вечером Пенелон говорил мне, что, хотя Петэну ни в чем не отказывают, он все время жалуется, говорит, что счастлив, что не он, а Нивельль командует теперь под Верденом, и т. д. Я ответил ему несколько раздраженно, что главная квартира все время держится своей абстрактной и менторской линией, не считается с действительностью и — увы! — слишком хорошо показала, что одним отрицанием фактов еще нельзя устранить их. Пенелон считает статью Тарьеде в „Petit Parisien“ ребяческой. „Это похоже на желание пригостишки возражать академику. Эти господа ничего не смыслят в военном деле... Отказ от программы, принятой в Шантильи, будет на-руку немцам, которые только и желают помешать нам перейти в наступление“, и т. п.

Пятница, 26 мая.

В половине восьмого утра я с Извольским, генералами Жилинским и Роком выехали из Парижа в лагерь в Майли. В пути последний рассказывает мне, что генерал Жоффр, не посоветовавшись с ним, сократил число рот в батальоне до трех. Военный министр, опасаясь, что эта мера вызовет критику парламентских комиссий и представит им положение с континентами в преувеличенно мрачном свете, потребовал, чтобы проведение этой меры было отложено, пока он сам не ознакомится с вопросом и не доложит правительству.

По сведениям, сообщенным Року генералом Мишле, некоторые депутаты правой сближаются с Кайо, чтобы добиться назначения Саррайля главнокомандующим и ускорить заключение мира. Капитан Буэ, зять Саррайля, дал понять Дюбо, что Саррайль противник затягивания войны.

Извольский по собственной инициативе заговорил со мной о Польше. Я отвечаю ему с большой осторожностью и веду к тому,

чтобы Извольский вызвал меня на заявление о желательности возобновления императором декларации великого князя Николая Николаевича, на что последовало бы ответное изъявление благодарности и поздравления от глав союзных государств. Так как я высказал эту мысль совершенно частным образом, Извольский ответил мне, что он того же мнения и просит моего разрешения сообщить наш разговор в Петроград. „Я с вами говорил, — заметил я, — только частным образом; польский вопрос является внутренним делом России, во всяком случае поскольку дело касается русской Польши; я ответил вам лишь потому, что вы меня на это вызвали; но с этой оговоркой вы можете передать наш разговор“. Очень боюсь, что мы никогда не добьемся от России согласия на полную независимость всей Польши. Лишь победа союзников позволит восстановить справедливость в этом вопросе. Еще неизвестно, все ли союзники будут согласны в этом вопросе, когда придет время [115].

В лагере Майли под мелким дождем, на размытой и топкой почве я произвел смотр русской бригаде. Красавцы, с хорошей выучкой. Я обошел войска и приветствовал каждый батальон тремя русскими словами, которые заучил в Петрограде: „Здорово, молодцы-ребята!“ Солдаты отвечают мне в один голос, скандируя традиционные слова. Затем я вручаю ордена бригадному генералу, полковнику и старшему врачу. Потом войска проходят мимо меня церемониальным маршем в образцовом порядке. Каждой проходящей части я кричу то же приветствие, и солдаты отвечают также.

Вспоминаю Царское село... Это было во время мира! Закончив смотр, отправляюсь осмотреть церковь и иконы. Священник обращается ко мне с кратким приветствием, которое переводит мне французский офицер. Он говорит, что все русские солдаты ревностные христиане, и благодарит меня за построенную для них церковь. Я отвечаю, что будет сделано все, чтобы дать им возможность исполнять обряды своей религии.

Затем я обхожу бараки, перед которыми солдаты собрались без ружей и поют русские песни. Зашел в одно помещение, затем в кухню, пробую щи, макароны и картофель, вкусно приправленные.

Четыре бедных мальчугана двенадцати-тринадцати лет, дети полка, были ранены еще в России.

Завтракаю в вагоне. На перроне играют по очереди французский и русский оркестры. Солдаты исполняют русские танцы. Один из них удивительно подражает пению соловья.

Последние два-три дня между генералами Петэном и Жоффром царит полное согласие. Петэну дали артиллерию, которую он просил, солдат и снаряжение. К несчастью, его расход тяжелых снарядов превосходит в данный момент их производство; в его распоряжение предоставлены также две резервные дивизии из группы центра. Итак, в данный момент он ничего не требует, тем более что не считает невозможной атаку на другом участке фронта. Но он хотел бы, чтобы английская армия не откладывала наступления до конца июня.

Мы с Роком решили созвать в ближайшие дни новое заседание военного совета с участием Дугласа Хейга, Фоша и Петэна.

Заседание совета министров. Снова обсуждается вопрос о закрытых заседаниях. Самба заявляет, что его фракция в данный момент образумилась, но прежде ее агитировали в пользу закрытого заседания и даже против правительства. Теперь в ней имеются сторонники министерства Барту и сторонники министерства Клемансо. Обещаны были министерские портфели. Фракция желает утвердить и развернуть практику закрытых заседаний. Однако она считает, что повестка дня должна быть устанавливаема заранее.

Я пытаюсь отклонить Бриана от идеи закрытых заседаний и доказать ему опасность последних, но он склонен торговаться и хитрить. Из министров только Мелин и Фрейсинэ решительно поддерживают меня. Буржуа высказывается за пересмотр устава в том смысле, чтобы министры всегда имели возможность выступить перед голосованием предложения о закрытом заседании и чтобы повестка заседания была заранее твердо установлена. В конце концов решено было, что Бриан потребует этого пересмотра от представителей фракций..., а там будет видно.

Я обращаю внимание на то, что палата по всей вероятности намерена подвергнуть обсуждению вопрос о Вердене и что это создаст полную анархию. Но Бриан конечно считает, что я слишком трагически смотрю на вещи.

Он зачитывает запрос Маргена, которому генерал Эмбер отказал в праве свободного передвижения в округе Сент-Менехульд. Но из дела, которое находится у Бриана, видно, что Марген прогуливался в своем округе в форме майора артиллерии. Кроме того он обратился к жителям двух коммун с письмами, копии которых попали в руки генералу Эмберу. В них он прямо называет всех генералов тупицами. Наконец он грозил генералу Эмберу, под началом которого он находится, интерпелляцией в палате. Генерал Эмбер желал открыть следствие по делу о Маргене, но Жоффер требует только, чтобы Маргену предложили выбрать между депутатским мандатом и военной службой. Совет принимает решение в этом смысле.

Греция, не доверяя итальянским офицерам в Корфу и опасаясь, что Италия никогда не эвакуирует этот остров, хлопотала перед Брианом о том, чтобы мы оставили там офицера высшего ранга, т. е. генерала. Французское правительство поспешило ответить, что мы останемся в Корфу с целью обеспечить эвакуацию острова и исполнить желание Греции.

Генерал Рок излагает первые результаты своего обследования по вопросу о Вердене. 16 августа генерал Герр в письме к генералу Дюбайло указывал на вероятность атаки и просил о присылке двух резервных дивизий. Ему немедленно дали все, о чем он просил. Я затребую у Рока все документы этого дела.

По данным Петэна, с начала операций под Верденом до 25 мая мы потеряли 600 офицеров и 22 743 солдата убитыми, 1944 офицера и 73 тысячи солдат ранеными, 1 тысячу офицеров и 53 тысячи солдат пропавшими без вести. Но, с другой стороны, по данным

станция Сен-Дюбье, эвакуировано 13 500 эшелонов в составе 32 тысяч больных и 103 тысяч раненых. Цифра 103 тысячи намного превосходит число раненых, указанное Петэном. Приходится допустить, что в 53 тысячи, числящиеся в армии пропавшими без вести, вошли эвакуированные раненые; это возможно, так как раненые часто эвакуируются сами без всякого контроля. Но все это очень неясно.

Одэу, председатель швейцарского комитета по возвращению на родину гражданских военнопленных, очень достойный и почтенный протестант, излагает мне результаты, достигнутые его усилиями, великодушием его соотечественников и их единодушными симпатиями к Франции. Я горячо благодарю его.

Сегодня в палате среди двух-трех главных застрельщиков закрытого заседания выступил Морис Сюркуф, офицер штаба Фоша... Генеральская клиентура — язва демократий.

Приказом Фоша генералам Файоло и Мишле поручено подготовить наступление на тот случай, если французы будут в нем участвовать. Мишле написал Дюбо, что желает говорить с ним и что сейчас всякая ошибка будет губительна.

Мильвуа снова говорил со мной об окопных орудиях, а именно о пушке Арше; он требует подвергнуть ее новым испытаниям в Бурже.

В девять часов вечера выехал с Самба из Парижа. Он рассказывает мне, что Бриан сегодня на совещании с представителями фракций согласился в принципе на закрытое заседание, но делегаты обязались изменить устав палаты. Самба считает это решение удачным. Я не разделяю его взгляда и боюсь, что мы пошли по опасному пути. Бриан лавирует и хитрит. Никогда еще не было так важно идти прямым путем.

Впрочем Самба, видимо, боится, что кабинет недолговечен. Он видит только две возможные комбинации. Министерство Клемансо он исключает, считает, что оно было бы роковым. Он предвидит возможность министерства в духе Пишона или министерства Барту, против которого социалисты будут не очень ретиво бороться. Барту, по словам Самба, заявил ему однажды, что при моем доброжелательном противодействии скоро станет председателем совета министров; в этой гипотезе нет ничего нелепого. Самба однако желает сохранения нынешнего министерства, но считает, что Бриан чувствует себя неуверенным в палате и не оказывается на высоте своего таланта.

Я забыл отметить, что на-днях отклонил декрет, исключавший, по предложению главной квартиры, капитана Альбера Клемансо из числа офицеров. Я спросил, была ли эта мера принята по прошению Клемансо. По наведенным справкам оказалось обратное. Ссылались на его неспособность к военному делу! После двух лет войны открыли эту неспособность, точно Альбер Клемансо вдруг потерял способность исполнять те обязанности, которые были возложены на него в отряде лотарингской армии. Глупая и мелочная месть! Генерал Рок даже не был осведомлен о том, что его заставляют подписать. Он благодарил меня за то, что я избавил его от большой неприятности.

Приехали в Неттанкур в три четверти восьмого. Здесь пересели в другой поезд и отправились по новому пути, который свяжет Неттанкур с Дюньи. Путь доведен пока лишь до Флери.

Генерал Эмбер, ожидавший нас в Неттанкуре, сопровождает нас. На трассе пути имеются крутые повороты и подъемы, которые не позволяют делать больше 30 километров в час. В иных местах мы еле делаем 15 километров в час, так как во многих местах еще продолжают работы.

Во Флери мы пересели в автомобили. Сделали остановку в Суйи, где несколько минут беседовали с генералом Нивеллем. Я пригласил его к завтраку в моем поезде на половину первого.

От Ламма до Дюньи путь почти закончен. Мы сели на моторизованные дрезины и довольно быстро доехали на них до долины Мааса. Разрыв приблизительно в 15 километров между Флери и Ламмом будет, говорят, заполнен до конца июня. Дорога уже используется до Флери для провоза провианта и для движения санитарных отрядов.

Во Флери помещается крупная санитарная часть; я посетил ее. Вручил военные кресты служащим и солдатам железнодорожной команды.

Самба рассказывает мне, что в палате много разговоров о Бриане и что его очень осуждают за его политику в отношении Гредни.

В воскресенье Рок уговорил Жоффра согласиться на созыв военного совета с участием одних Хейга и Фоша, но без Петэна и Франше д'Эспера. Рок мотивировал это тем, что не желает беспокоить Петэна. Пенелон со своей стороны сообщил мне, что Жоффр подписал с Дугласом Хейгом протокол, согласно которому англичане должны выступить 20-го, но в протоколе вовсе не указано, что они выступят одни.

После завтрака мы с генералом Эмбером поехали в автомобиле в Сент-Менехульд. Там он нас покинул и отправился обратно в Неттанкур, а мы взяли с собой генерала Антуана, командующего 10-м корпусом.

Я решил посетить батарею 120-миллиметровых орудий. В числе ее канониров служит Альбер Бранжье, лакей из Елисейского дворца; он недавно приезжал в отпуск и говорил, что никто из начальников ни разу не бывал на месте его службы и что там нет никакого убежища.

Через Вьенн-ла-Вилье, опустошенный и разрушенный, и Сен-Тома мы приехали до траншейных ходов и идем по ним под треск ядер. Нас сопровождают генерал Эннок, один из моих старых товарищей по школьной скамье в Бар-ле-Дюке, и генерал Кабо.

Дошли до оврага, по которому протекает ручей. К одному из склонов прилепились несколько хижин артиллеристов. Батарея Альбера Бранжье тут же рядом. Его товарищи и он заняты рытьем убежищ. Я подозреваю, что эту работу приказано было сделать по случаю моего посещения; во всяком случае это должно было быть сделано давно.

Я жму руку этому славному парню и беседую с ним несколько минут. Артиллеристы очень удивлены моим присутствием среди них. Батарея находится на северо-запад от Вьенн-ле-Шато, в совершенно разрушенной деревушке. Мы посетили батарею 240-миллиметровых орудий, умело скрытую под крашеными полотнищами, и возвращаемся через Бриенскую долину. Минуем Вьенн-ле-Шато, пересекаем дуг пешком и направляемся на командный пост генерала Кабо в небольшой ложбине на юг от Вьенн-ле-Шато. Здесь в изящном помещении из сосновых бревен и досок мы нашли пшанино из Вьенн-ла-Вилль и картину с часами и музыкой, пьем чай и шампанское, едим превосходные пирожные, испеченные мобилизованным кондитером.

Возвращаемся в Сент-Менехульд и садимся здесь в поезд. На перроне rozdal военные кресты железнодорожным служащим. В Сент-Менехульд к Самба присоединились заведующий его секретариатом и правитель канцелярии Фонтанель. Все они отправляются почевать в префектуру в Бар-ле-Дюке; завтра они едут осматривать Верден.

Мой поезд довез их до Ревиньи, где их ждут автомобили. Обедали в поезде между Сент-Менехульд и Ревиньи.

В Ревиньи рукопожатия и прощанье.

Самба ничего не сказал мне по поводу Лонге, визит которого он обещал мне; этот визит конечно никогда не состоится.

Понедельник, 29 мая.

Вернулся в Париж в восемь часов утра. На всем пути приветствующая толпа народа.

Третья панихида по павшим членам адвокатского сословия. На этот раз в еврейской синагоге на улице Виктуар. Меня встречают главный раввин Франции и главный раввин Парижа, Анри Робер и Брюне, бывший старшина адвокатского сословия в Брюсселе. Все главы еврейской общины налицо: Эдмонд де Ротшильд, Рафаэль-Жорж Леви, Неймарк, Дейч-де-ла-Мерт и др. Точно так же вся адвокатура. Главный раввин Парижа произнес патристическую речь.

Фабр, член парижской судебной палаты и генерального совета департамента Уазы, живущий в Лассиньи, пространно рассказывает мне о немецкой оккупации. Он сделал доклад в комиссии Найэля; кроме того он намерен издать небольшую брошюру для своих друзей.

Бы у меня Стефан Пижон; он несколько разочарован поведением Италии.

Сенатор Маньи опасается закрытого заседания и считает, что его легко можно было избежать; по его мнению, Клемансо потерял всякий авторитет в сенате.

Вторник, 30 мая.

Леон Буржуа и Фрейсинэ зашли ко мне перед заседанием совета министров и выразили желание поговорить с Брианом в моем кабинете. По их мнению, Англия не желает выступать в Салониках, потому что не может простить себе, что обещала России

Константинополь, и желает теперь обсудить, нельзя ли пересмотреть этот вопрос.

В совете министров дискуссия по поводу вступления болгарских войск в Грецию. Думерг требует энергичных действий против Греции; он находит, что мы должны захватить в свои руки в Афинах полицию и почту. Самба сохраняет надежду или иллюзию, что греческая армия пойдет с нами против Болгарии; он не советует принимать слишком резкие меры. После некоторых колебаний Бриан предлагает обратиться к Англии и России и совместно с ними заявить Греции: „Вы впустили болгар, врагов Сербии. Вы нарушаете свои обязательства благожелательного нейтралитета; мы в таком случае отказываемся от наших обязательств в отношении возвращения оккупированной территории“. Кошен считает, что Греция и король изменили своему слову и находит нужным проявить непреклонность. Предложение Бриана принято.

Рибо рассказывает о своих трениях с бюджетной комиссией, которая сначала потребовала налоги, а потом отвергла все предложенные ей налоги.

Белан и члены комитета, преподнесшего шпагу бельгийскому королю, докладывают мне о своей поездке в Ла-Панн. Они преподнесли также королеве ларец с 15 тысячами франков; на королеве был военный крест.

Рене Вивиани вернулся из поездки в Россию и привез мне письмо от дара. Он очень доволен своей поездкой. Подтверждая посланные им телеграммы, он замечает: „Что касается вопроса о Польше, то мне удалось прямо поставить его перед Сазоновым, последний утверждает, что его правительство попрежнему склонно предоставить Польше автономию. Что касается вступления Румынии в войну, то Сазонов очевидно совершенно не доверяет Братиану, и кроме того он опасается, что в виде противоявса выступлению Румынии немедленно последует объявление войны со стороны Швеции“ [116].

Царь подарил браслет г-же Вивиани, сопровождавшей своего мужа, и прекрасный кубок Альберу Тома.

Некоторые депутаты признаются мне, что хотели бы, чтобы палата назначила путем голосования контролеров и поручила им обследовать состояние материальной части и окопов!

Я напрасно указываю им на всю опасность этих предложений. Жан Дюшой говорит, что Бриан напрасно согласился на закрытое заседание и что он легко мог бы добиться отклонения последнего.

Депутат Грессо привел ко мне фабрикантов из Северного департамента; они получили печальные вести из Туркуэна, Рубэ и т. д. Немцы хватают мужчин, женщин и детей и отправляют их неизвестно куда. Я немедленно сообщил об этой гнусности Бриану, с тем чтобы он обратился по этому поводу к нейтральным государствам.

Среда, 31 мая.

Отправился с Брианом и Роком в Салэ близ Амьена. Там мы встретили Жоффра, Кастельно и Дугласа Хейга.

Кастельно читает докладную записку о необходимости франко-английского наступления для освобождения Вердена. Так как Жоффри не желал пригласить на заседание Петэна, я по согласованию с Брианом и Роком вношу от себя ходатайство Петэна относительно артиллерии. Жоффри протестует против того, что Петэн обращается со своими требованиями к другим, а не к нему. Я отвечаю твердым тоном, что, во-первых, Петэн не заявлял никаких жалоб и, во-вторых, вполне естественно, что он поставил меня обо всем в известность, встретившись со мной в воскресенье. Жоффри по своей привычке замечает, что он один несет ответственность. Я возражаю, что он несет ответственность только перед правительством, а правительство ответственно перед парламентом.

Я прошу перейти к рассмотрению вопроса по существу. Есть ли у Петэна то количество артиллерии, которого он требует, или нет? Жоффри и Кастельно утверждают, что ему посылают все, что ему необходимо, и в частности новые орудия; но у меня осталось впечатление, что батареи сохраняются для предполагаемого наступления, и я настоятельно прошу Рока следить за тем, чтобы Петэн ни в чем не нуждался.

Мы рассматриваем затем условия английского сотрудничества. Я указываю генералу Дугласу Хейгу на возможность того, что французские войска не будут в состоянии прийти ему на помощь. Он отвечает, что 1 июля он во всяком случае будет атаковать, но просит, чтобы Жоффри информировал его за две или три недели до предполагаемой даты.

Фош против своего обыкновения очень молчалив. Я спрашиваю его мнение; Бриан замечает, что состоящие при Фоше офицеры-депутаты Менье-Сюркуф и Тардые приписывают ему очень отрицательное отношение к наступлению. В конце концов Фош высказался; он считает, что следует выждать будущего года, а тогда атаковать неприятеля всеми силами. Кастельно вспыхнул: „Это односторонний метод! Вы сбрасываете со счета неприятеля! Ведь он остается налицо и не оставит нас в покое до будущего года“. Я замечаю, что генерал Петэн требует наступления на каком-либо участке фронта, для того чтобы он мог держаться под Верденом. „Я не знаю, где именно, я не знаю, что происходит в Вердене“. Наконец после длительных споров Фош, припертый к стене Роком, вынужден признать, что может оказаться полезным и даже необходимым уже в этом году перейти в наступление на каком-либо участке фронта; однако он подчеркивает, что это будет не наступление для прорыва неприятельского фронта, а наступление с целью облегчить положение Вердена. Несмотря на это кажущееся согласие, я чувствую, что на деле продолжают разногласия. Жоффри желает, чтобы французы приняли участие в наступлении; он надеется, хотя и не смеет в этом признаться, что это наступление может иметь благоприятные стратегические результаты. Жоффри подготавливает наступление слишком незначительными, по мнению Фоша, силами, которые в этом году не могут быть увеличены. Фош, как и Петэн, желает, чтобы ограничилось исключительно английским выступлением для помощи Вердену.

Однако все считают, что какие-то операции необходимы и что они должны быть не стремительными и короткими, а длительными и упорными. Что касается Салоник, то Дуглас Хейг не только против отправки туда новых войск, но желает, чтобы оттуда были взяты две, по его словам, прекрасные дивизии. „Решение, — говорит он, — наступит во Франции; мы должны пойти на Рейн“.

Жоффри отвечает, что нужно предпринять наступление также в Салониках и что, если мы отзовем оттуда две дивизии, они будут находиться в морском плавании в то время, как здесь и там будет идти сражение.

Завтракаем в вагоне. Разговор возобновляется; затем мы оставляем Фоша и Дугласа Хейга в Салэ и отвозим Жоффра и Кастельно в Шантильи.

Гроклод, выигравший процесс против Леттелъе, сообщает мне, что Эмбер не только помирился с Леттелъе, но, не имея возможности рассчитаться с последним, должен был согласиться на возвращение устранившего им директора, некоего Лемэра.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Похороны генерала Галлиени. — Лорд Роберт Сесиль в Париже. — Осложнения в парламенте. — Бомбардировка Бар-ле-Дюка. — Поездка в VI армию. — Перевод часовой стрелки на летнее время. — Кампания „Bonnet Rouge“. — Тайный комитет. — Осложнения в парламенте. — Титтони в Сорбонне.

Четверг, 1 июня.

Дни генерала Галлиени — увьи! — были сочтены еще до операции. Правительство провело в четверг закон о принятии похорон Галлиени на счет государства. Сегодня состоялись торжественные похороны, и я конечно присутствовал на них. От Дома инвалидов, из которого последовал вынос тела, до ратуши я шел рядом с монакским принцем. Каждого из нас сопровождали состоящие при нас офицеры. На пути от ратуши до Южного вокзала, откуда останки покойного должны были быть перевезены в С. Рафаэль, я просил Любо и Дешанеля забыть церемониал и итти в одной шеренге с нами. На всем пути похоронной процессии стояла несметная толпа; она оставалась неподвижной и хранила волнующее молчание. Галлиени был для всего парижского населения не только великим полководцем, но спасителем.

Пятница, 2 июня.

Продолжительное совещание с Брианом, Фрейсинэ и Буржуа. Фрейсинэ едет на воды, но, к счастью, не говорит больше о своем уходе в отставку. Он выражает опасение, что англичане и русские будут стараться затянуть войну дольше, чем у нас хватит на это сил. Он же желал бы, чтобы удалось убедить Россию отказаться от ее притязаний на Константинополь. Но каким образом убедить Россию? Фрейсинэ думает, что на нее можно воздействовать через Англию. Но Бриан, наоборот, поражен постоянной дружбой Англии с Россией и думает, что Англия ищет способов экономически изолировать нас от России. Он рассчитывает на будущей неделе поехать в Лондон и иметь с Асквитом „дружескую беседу“. Если бы только она не носила общего характера и достигла конкретных результатов!

Пьер Лоти, отпустивший себе усы и бородку, благодарит меня за то, что я способствовал его назначению в штаб генерала Франше

д'Эсперэ. Он просил меня об этом назначении, чтобы быть ближе к своему сыну.

По соглашению с генералом Роком, которого я предупредил об этом, я спрашиваю Пьера Лоти, не предпочтет ли он быть командированным в штаб Гуро, чтобы быть ближе к сыну. „Мой сын уже не в Шампани, он на Сомме. У меня нет больше никого кроме него, — и он заплакал, — если бы я мог как-нибудь устроиться у Фоша! Но в данный момент я должен отправиться к Франше д'Эсперэ. Он был очень любезен ко мне, и я желаю отправиться к нему“. — „Но, — говорю я, — все это легко устроить. Военный министр и я увидим Фоша в воскресенье“. — „Нет, нет, позже“. Он ушел, и я написал Року, которого я просил выждать результатов моего свидания с Лоти. Итак, Пьер Лоти, в ожидании возможности назначения его к Фошу уезжает пока в штаб Франше д'Эсперэ. Перед своим отъездом он написал мне письмо, в котором очень мило выражает мне свою благодарность по поводу этой небольшой услуги.

Лорд Роберт Сесиль, английский министр по блокаде, приехал в Париж на совещание с Дени Кошеном, ведающим блокадой во французском кабинете, и с Леоном Буржуа. Последний сказал мне сегодня утром: „Лорд Роберт Сесиль противник принципиальных схем и предпочитает придерживаться эмпирических решений. Так как новые условия морской войны заставляют нас отказаться от лондонской декларации, нам надо было бы по крайней мере выработать более или менее ясную доктрину, на которую мы могли бы опираться, в случае если нам придется отвечать на жалобы нейтральных стран“. Узнав, что я должен принять сегодня лорда Роберта Сесилия, Буржуа просил меня поддержать эту точку зрения.

Берти привел ко мне лорда Роберта Сесилия. Лысина, ясный взгляд умных глаз. Говорит по-французски плохо. Однако по настоянию Берти решается говорить на этом языке, причем посол служит переводчиком. Я сам начал изучать английский язык, но мне еще надо учиться.

Я пытаюсь убедить английского министра в целесообразности указаний Буржуа. Я прошу его не отказываться окончательно, если не будет сразу достигнуто соглашение насчет определенного текста. „Бриан, — говорю я, — легко мог бы в таком случае снова поставить вопрос на будущей неделе в Лондоне“.

В конце дня Дени Кошен принес мне известие, что все складывается хорошо и что достигнуто даже соглашение относительно текста.

Меня посетил генерал Бускье, назначенный военным атташе нашего посольства в Греции. Он когда-то состоял в нашей военной миссии и хорошо знает страну. Он мало питает надежд на успех.

Альбер Тома докладывает мне о своей поездке в Россию. Он очарован приемом, оказанным ему дарем, считает Николая II нашей лучшей опорой. Он нашел, что заводы прекрасно оборудованы, но достижения их еще не соответствуют ни ресурсам страны, ни затраченным средствам. Нет согласованности, нет руководства работой. На железных дорогах невыразимый беспорядок, начальникам

станций предоставлен полный простор и от них ничего нельзя добиться без взятки. Таким образом на вагон с сырьем или снаряжением ложатся значительные расходы. Тома рассказал мне, что Виани произнес в Думе прекрасную речь.

В Москве мощное либеральное движение. Большинство примыкающих к нему будет терпеливо ждать победы, чтобы предъявить свои требования, но одни более нетерпеливы, а другие строят свои расчеты на поражении и думают, что это более верный путь для торжества их политических взглядов.

Тома подписал протокол, по которому России отдается часть нашей продукции 105-миллиметровых орудий. Это было условием для отправки во Францию русских бригад.

Хотя Бар-ле-Дюк является незащищенным городом, он подвергся сильной бомбардировке, причем много жителей было убито. Для оказания помощи семьям погибших г-жа Пуанкаре едет туда с г-жей де Риэ, женой одного из полковников моего военного штата, и с самим полковником. Бедные мои земляки в департаменте Маас, какие муки выпали на вашу долю! И я не могу быть среди вас!

На моих глазах выступили слезы, когда я сегодня утром прощался с женой и думал о многих старых друзьях, подвергшихся столь жестоким испытаниям судьбы.

Суббота, 3 июня.

Леон Буржуа, Комб и Думерг сообщают в совете министров, что они отправились в демократическую палату в сенате, членами которой они состоят. На вопрос о закрытых заседаниях они ответили, что правительство не отвергает в принципе эти заседания. После их ухода фракция единогласно голосовала за закрытое заседание и по предложению Стефана Пишона приняла также резолюцию против изменения устава и ограничения повестки дня. Привычка вести слишком тонкую игру и прятать концы в воду может вовлечь завтра Бриана в злосчастную авантюру.

Барту телефонировал Сенсеру: „Мы вступаем в знаменательную неделю“. Что он подразумевает под этим? Он отложил франко-итальянское совещание, на котором должен был председательствовать в четверг. Не потому ли, что не желает мешать знаменательной неделе?

В совете министров Бриан докладывает, что был вчера в комиссии палаты по иностранным делам и давал объяснения по поводу греческих дел. Выслушав его, комиссия сама опубликовала сообщение, в котором говорится, что она с удовлетворением приняла к сведению полученные указания и энергичные меры, принятые правительством. Бриан продолжает: „Так как до меня дошли разные слухи, я потребовал выяснения дела. Я сказал: знаю, утверждают, что мои отношения к принцу Георгу и его семье меня ослепили и парализовали, знаю также, что к этим инсинуациям прибавили даже низкую клевету. Так как война поднимает иных людей на высоту, так как некоторые лица стараются выловить портфели в грязи, я приглашаю их на немедленное состязание. И я посмотрел на Лейга, речи которого мне были известны. Все было на моей стороне“.

Вчера на заседании демократической левой сената Анри Беранже выступил с письмом Галлиени к Жоффру относительно окопов; он читал оттуда выдержки, и инцидент был использован против Жоффра.

Итак, даже после смерти Галлиени продолжается кампания лиц его окружения. А между тем Галлиени говорил нам: „Если Жоффр будет смещен, я тоже уйду“. На сегодняшнем заседании несколько министров вспоминали эти разговоры. Не раз Галлиени говорил и мне лично: „Не следует трогать Жоффра, нужно только дать ему лучших сотрудников“.

Сенатор Шоме, Шастенэ, бордоский мэр Гриэ и члены торговой палаты Жиронды говорили со мной о ярмарке в Бордо, проектируемой на сентябрь; они просят меня взять на себя патронат над ней. Я ответил, что, если министр торговли возьмет на себя патронат, я немедленно последую его примеру.

Великобританский посол Берти представляет мне австралийского премьера Юза, который приехал на экономическую конференцию и завтра посетит главную квартиру.

Полковник Биллион, наш военный атташе в Мадриде, привез мне привет от короля.

Полковник Руссе и Бертело считают безусловно необходимым осведомить общественное мнение и защитников Вердена о близком выступлении союзников, так как англичан всюду упрекают в бездействии. Я успокаиваю своих собеседников, поскольку могу информировать их, не рискуя открыть им согласованные проекты. Но я обращаю их внимание на то, что осведомление публики представляет известную опасность, так как немцы не преминут узнать о наших приготовлениях и примут свои меры.

Дубо виделся сегодня с генералом Мишле и говорит мне, что последний не верит, что англо-французское наступление поможет Вердену. По мнению Мишле, у немцев достаточно солдат, чтоб оказать сопротивление. Генерал предпочитает диверсию на Вэвре. Сколько стратегов, столько мнений.

Воскресенье, 4 июня.

В половине восьмого утра выехал из Парижа с Северного вокзала с генералом Роком.

В Компьене мы встретили генерала Мишле и пересели с ним в автомобиль. Он убежден, что генерал Нивель может не только продолжать оборону Вердена, но и провести на верденском фронте بدونопасные наступательные операции. Учитывая число немецких войск на местах, Мишле опасается, что франко-английское или исключительно английское наступление не заставит немцев снять часть войск под Верденом.

Мишле относится отрицательно к сокращению числа рот в батальоне. Но генерал Рок после нового рассмотрения вопроса разделяет взгляд Жоффра и Петэна и считает эту меру правильной.

Завтракали в поезде в Бокуре.

Генерал Фош, который завтракал у меня вместе с Роком, доказывает необходимость франко-английской операции в виде диверсии для Вердена.

Генерал Файоль, на которого должно опираться правое крыло английской армии, говорит, что будет готов к 1 июля. Он производит впечатление очень честного и очень решительного человека.

После завтрака мы едем с ним на фронт его армии (VI), которая входит в группу северных армий и занимает участок Розьеран-Сантер и Виллерс-Бретоннэ.

Возвращаемся в Париж в девять часов вечера.

Среда, 7 июля.

Генерал Рок передал мне важные документы о Вердене. Они содержат полный отчет о событиях с декабря и приходит к заключению, что обложение укрепленного района возможно лишь в случае, если будут сбиты фланги, т. е. если будут отгеснены армии, которые окружают крепость. Зная, что этого не произойдет, укрепленный район Вердена будет удержан, чего бы это ни стоило.

Можно констатировать, что с самого начала сражения высшее командование все время проявляло твердую решимость не оставлять правого берега Мааса. Ряд приказов устанавливает это самым неоспоримым образом.

Четверг, 8 июля.

Пенлеве сообщает в совете министров, что сенат, несмотря на возражения Клемансо, утвердит сегодня законопроект, предоставляющий правительству право передвинуть на летнее время часовую стрелку на шестьдесят минут вперед.

По вопросу о Вердене Бриан и Клемантель настаивают, что все силы должны быть обращены на защиту Верденского укрепленного района и что мы должны отказаться от всякого сотрудничества в проектируемом контрнаступлении.

В конце заседания Мальви и Пенлеве, по инициативе префекта департамента Устье-Роны Шрамека, ставят вопрос об учителях, членах союза, которые ведут пацифистскую пропаганду. Префект намерен уволить их, но Мальви считает более целесообразным не принимать в настоящее время мер, которые могли бы послужить другим учителям предлогом для бурных выражений своей солидарности.

Вице-президент республиканского комитета торговли и промышленности Жюль Каэн передает мне циркулирующий в палатах слух, что я намерен в случае кризиса образовать новое министерство Вивiani; Каэн говорит, что эта комбинация встречает повсюду враждебное отношение. Я отвечаю ему, что не предвижу никакого кризиса и имею уже сформированное министерство Бриана.

Я пригласил к себе учителя Фуркада, писавшего мне о докладе Раффэн-Дюжана. Он явился со значком министерства народного просвещения в петлице. Производит прекрасное впечатление, возмущен пацифистской пропагандой.

Клемантель, который уезжает с Брианом в Лондон, просил у меня пожертвования в пользу одного благотворительного учреждения, патронессой которого является его жена.

Тьерри беседует со мной о фортах; он желает создать цент-

ральное управление под своим руководством. Эдмонд де Ротшильд говорит мне о русских евреях. Он говорит, что забота о сохранении франко-русского союза стоит у него на первом плане, но он заметил, что Протопопов склонен улучшить положение евреев, и хотел бы, чтобы французское правительство со всей необходимой осторожностью выступило в их пользу. Я указываю на щекотливость этого вмешательства, тем не менее обещаю, что при встрече с Протопоповым наведу разговор на эту тему. Но последний не является министром: он лишь может стать им.

Мелин просит меня посетить Сен-Диз так же, как я посетил Нанси и Люневиль.

На заседании совета министров отсутствуют несколько министров: Бриан, Фрейсица, Леон Буржуа и Клемантель. Альбер Тома информирует нас о производстве военного снаряжения в Англии и России. Англия достигла больших успехов, особенно в производстве снарядов для полевых орудий. В России положение, напротив, остается неважным. В подписанном в Петрограде соглашении Тома должен был пойти на некоторые уступки, которыми обуславливалась посылка бригад во Францию.

Тома нашел русский рабочий класс неорганизованным. Он не мог связаться ни с одним вождем рабочего движения. Самые точные сведения ему удалось получить совершенно случайным образом. В Москве к нему был прикомандирован офицер, который, очутившись наедине с ним, сказал ему: „Вы не узнаете меня? Мы были вместе с вами на международном социалистическом конгрессе“.

Суббота, 10 июня.

Несмотря на отсутствие Бриана, надо решить вопрос об учителях в департаменте Устье-Роны. Вопреки мнению префекта, Пенлеве и Мальби заявляют, что факты не дают основания вызвать их в департаментский совет по начальному образованию и снять с должности. Оба министра опасаются коллективного протеста учителей членов союза. Гэд и Самба просят не раздувать пламени, очаги которого сейчас изолированы; они обещают внушать идеи порядка и благоразумия. Никто из министров не требует карательных мер.

Мне показали письмо генерала Полле, находящегося теперь под Верденом. Он пишет, что французы и немцы несут ужасные потери. До чего дойдет это уничтожение?

Воскресенье, 11 июня.

Бриан, вернувшийся вчера вечером из Англии, вкратце докладывает мне о своей поездке. Британский кабинет упрямо стоит на своем в вопросе о Салониках. 17 мая комитет обороны принял мотивированное решение против всякого наступления на Балканах. Бриан мог добиться только составления протокола, в котором говорится, что этот вопрос будет пересмотрен. Ясно, что англичан не удастся переубедить и что Бриан принял свои желания за действительность. Зато в отношении наступления во Франции англичане полны решимости и взяли на себя конкретные обязательства. В конце концов это продолжает быть самым существенным.

Бриан обращает мое внимание на становящуюся все более пацифистской позицию газеты „Le Bonnet Rouge“. Из-за статей Альмерейды и других сотрудников председатель совета министров отдал распоряжение о закрытии газеты, но Мальви, как видно, отменил это распоряжение на том основании, что Альмерейда обещал прекратить всякую пацифистскую агитацию.

Бриан повторяет мне, что полиция всецело в руках Кайо. Она допускает продажу „Bonnet Rouge“, хотя газета эта конфискована и закрыта. Делонкю снова выдан заграничный паспорт. Бриан говорит, что вчера в том же „Bonnet Rouge“ цензура задержала очень резкую статью против меня.

Пенелон, кажется, не очень уверен насчет наших позиций на правом берегу Мааса. Выражает ли он мнение главной квартиры?

Вторник, 13 июня.

Клемантель докладывает совету министров, что он принял английскую и русскую делегации на экономическую конференцию и что они намерены внести на этой конференции следующие предложения.

Прежде всего самая существенная статья, относительно которой нет разногласий: так как война уничтожила все торговые договоры между союзниками, с одной стороны, и центральными державами — с другой, принимается решение, что ни в мирном договоре, ни в течение пяти лет после заключения мира не может быть заключено соглашение, предоставляющее центральным державам права наиболее благоприятствуемой нации или ограничивающее права одной из союзных держав, иначе, как только по предварительному согласованию с другими союзниками. Таков по крайней мере смысл, хотя нет еще самого текста.

По словам Клемантеля, русские и англичане кроме того считают нужным приступить теперь к рассмотрению положения в нейтральных странах. Англичане решают провести различие между странами, держащимися благожелательного и менее благожелательного нейтралитета. Русские намерены предложить немедленное расторжение торговых договоров с нейтральными странами, с тем чтобы мы вернули себе свободу, упразднив порядок денонсирования за год вперед. Я подчеркиваю, что если целесообразно немедленно установить согласованность между союзниками по отношению к неприятелю, то, пожалуй, столь же опасно воспротивиться против себя нейтральные страны. На совет министров действовало это мое замечание, и он постановляет отложить этот вопрос.

Англичане предлагают далее в целях защиты торговли и промышленности от всяких поподзновений немецкой конкуренции после войны запретить немецким судам после заключения мира вхождение в союзные порты на срок, равный продолжительности этой войны. Марсель Самба и Тьерри считают, что эта статья послужит на пользу одной только Англии и создаст монополию в ее пользу. Россия, более скромная, желает лишь, чтобы можно было облагать немецкие суда портовыми сборами за право стоянки. Наконец англи-

чае и русские согласны на установление привилегии для разоренных областей, которая обеспечивается военной контрибуцией, получаемой союзниками.

Из иронического письма одного солдата я узнал, что в Шюбегуре, в департаменте Маас, где находится мое фамильное кладбище, поставлен караул у елей, посаженных некогда моей матерью и по этому дорогих для меня. Я стал невольной причиной того, что на солдат возлагают ненужную службу. Как я узнал от Пенелона, командование сначала решило срубить эти ели, как представляющие опасность. Я запросил, какую опасность могут они представлять. Мне дан был невразумительный ответ. Тогда я просил Пенелона выяснит, нет ли возможности спасти эти ни в чем не повинные деревья. Начальство немедленно впало в другую крайность и, вместо того чтобы просто запретить порубку этих елей, сочло разумным нарядить караул для их охраны.

Среда, 14 июня.

Доктор Шанди, депутат от департамента Мерт и Мозеля, мобилизованный в чине главного военного врача, говорит мне, что считает недостаточными меры обороны Туля против самолетов и дальнотбойных орудий. Я переслал генералу Року сведения, полученные от Шанди, и прошу министра позаботиться об этом деле.

Другой депутат, Англес, мобилизованный в качестве летчика в Бурже, говорит мне, что внесенные генералом Дюбайлем предложения о премиях для офицеров-летчиков задержаны главной квартирой. Он говорит мне также, что считает в данный момент защиту Парижа недостаточной, так как ряд самолетов пришел в негодность. Он желает восстановления отдельного ведомства авиации, но сам не собирается выставить свою кандидатуру на пост товарища министра по этому ведомству, а называет Даниеля Венсана.

В палате депутатов социалист-пацифист Бризон, статья которого не была пропущена цензурой, заявил, что желает внести запрос правительству относительно злоупотреблений цензуры. Ни один министр не высказался по этому поводу. Вивиани ответил, что надо подождать прихода председателя совета министров, который назначит срок, и что Бриан занят в военной комиссии сената.

Тогда Бризон взял слово по поводу временных месячных бюджетов. Правительство продолжало хранить молчание. Бризон имел возможность прочесть с трибуны свою статью, и председательствовавший в то время Дешанель не остановил его. Так как эта статья была составлена в очень резких выражениях против меня, Бризон в шутовском тоне заявил, что он говорит о президенте Китая, а не о президенте Французской республики. Это объяснение все уладило.

Четверг, 15 июня.

Этой ночью часы были передвинуты на шестьдесят минут. Эта маленькая революция произошла самым простым образом. Даже Пенлеве сегодня впервые явился на заседание совета министров аккуратно в назначенный час, и все соседи Елисейского дворца без

видимых усилий подняли сегодня утром свои шторы на час раньше, чем вчера.

В совете министров еще раз ставится вопрос о командовании в Салониках. Король Петр хочет быть назначен для проформы генералиссимусом, и Веснич вручил об этом ноту Бриану. Но совет министров, не зная почему, находит невозможным подчинить Саррайя, даже номинально, союзному монарху. Бриан поспешил присоединиться к этому мнению и заявляет, что дело уладится.

Брак, депутат-социалист от города Парижа, умный человек и патриот, сообщает мне о жалобах солдат на то, что при моей последней поездке на Сомму им запрещено было выходить из своих помещений. Я отвечаю ему, что не знал об этом распоряжении и проверю этот факт, который считаю недопустимым.

В совете министров снова обсуждается греческий вопрос. Бриан повидимому желает использовать колебания англичан и заявляет, что нельзя в этом вопросе действовать помимо Великобритании. Я прошу адмирала Лаказа информировать правительство о телеграммах морского атташе и замечая, что, если бы состоялось закрытое заседание палаты, правительству пришлось бы доказать, что оно вело твердую политику, и это было бы ему нелегко. Антонин Дюбо сказал мне, что таково было общее мнение и в сенате.

Пятница, 16 июля.

Отправляюсь с г-жей Пуанкаре в музей Галльера на выставку изделий инвалидов: игрушек, хрусталя, золотых и серебряных изделий, мебели; выставка организована под патронатом муниципального совета Парижа. Ремесленные школы инвалидов в Париже, Лионе и Тулузе послали много экспонатов.

Принял Альфонса Коста, португальского министра финансов, и Суареса, португальского министра иностранных дел, которые дали мне понять, что в ближайшее время Португалия примет активное участие в войне [117].

Я принял также сербского министра юстиции Маниковича, который горячо благодарил меня за все то, что Франция делает в данный момент для его страны. Но он несколько встревожен относительно намерений России.

Редактор „Matin“ Эдеман убит под Верденом. Перед своим отъездом в качестве офицера-знаменосца он сделал мне визит. Голландец по происхождению, он натурализовался во Франции и хотел теперь выразить свою признательность стране, ставшей его второй родиной. Я знал его с 1912 г. по набережной д'Орсэй. Он вел отдел иностранной политики в „Matin“. Серьезный и сдержанный, он был изумительно осведомлен. Он говорил с иностранным акцентом. По-французски он писал негладко, но у него был большой опыт и сильный ум.

Король Испании имел длительную беседу с полковником Биллюпом, нашим военным атташе, который прислал о ней отчет.

Институт изучения Каталонии организовал в Барселоне доклады на французском языке. Альфонс XIII забыл, что является патроном

предприятия и что испанский министр народного просвещения поставил последнее под покровительство короля. Король жалуется, что мой брат Люсьен, посланный в Барселону Парижским университетом, был встречен приветствиями каталонцев, которых его величество, справедливо ли или нет, называет сепаратистами. Альфонс XIII особенно выдвигает две жалобы: во-первых, президиум института послал королю телеграмму с изъявлением чувств преданности и уважения, но к своим подписям прибавил подписи моего брата (без его ведома) и депутата от Восточных Пиренеев Эммануила Брусса. Король в своем раздражении даже выразился, что почувствовал соблазн ответить по-немецки. Вторая жалоба: французское правительство вручило академические знаки отличия членам Института, страстным каталонцам и, по мнению короля, гермаофилам. По наведенным справкам, эти отличия были вручены согласно списку, составленному нашим генеральным консулом в Барселоне.

Первое закрытое заседание парламента. Бриан, которого я спросил о новостях, заявляет, что он вполне удовлетворен.

Выступали Марген, Беназе и Мажино. Они развивали различные стратегические соображения, зачитывали письма Галлиени к Жоффри и докладные записки высшего командования. Бриан ответил безапелляционным тоном, что Галлиени неоднократно заявлял совету министров: „Если Жоффри будет смещен, я тоже уйду“. Никто из ораторов не имел ни малейшего успеха.

Суббота, 17 июня.

Бриан полагает, что закрытое заседание сможет закончить свою работу сегодня днем.

Он докладывает совету министров о разговоре, который он имел только что с Лаговари. Последний дал понять, что, если Румыния вступит в войну, она, возможно, объявит войну только Австрии, так как должна считаться с настроением своего короля. Бриан ответил: „Позвольте мне говорить с вами частным образом. Если вы вступите в войну только для того, чтобы захватить территории, на которые вы заявляете притязания, то Англия и Россия несомненно не захотят за столь малое содействие признать за вами право на все выгоды конвенции. Англия и Россия находят, что вы слишком заставляете себя просить, особенно Россия, которая всегда считала ваши требования чрезмерными“.

Зять Саррайля, капитан Буэ, категорически заявил Самба, что Саррайль никогда не писал принцу Александру того непочтительного письма, которое Бриан якобы видел собственными глазами.

Клемантель и Метэн представили мне бельгийских, английских, русских, японских и сербских делегатов на экономической конференции. Я приветствовал их и пожелал им успеха.

Конференция не пришла к соглашению относительно того (пятилетнего) срока, в течение которого по первоначальному плану союзные державы не должны без предварительного соглашения между собой предоставлять Германии права наиболее благоприятствуемой нации.

Клемансо, который настойчиво требовал закрытого заседания,

теперь боится, что сделал неправильный шаг, и добивается, чтобы палата по крайней мере отступила перед ответственностью вотума доверия.

Воскресенье, 18 июля.

Клемансо, считая повидимому, что отныне министерский кризис стал мало вероятным, обрушивается теперь на меня. Вопреки мнению Шарля Морра и его писаниям нельзя отказать Клемансо ни в уме, ни в силе воли, ни в патриотизме, но он обладает неукротимой гордостью, и, когда не удовлетворена его жажда власти, все его прекрасные качества исчезают.

Понедельник, 19 июля.

Самба очень живо рассказывает мне о закрытых заседаниях парламента. Рок был в субботу несколько туч и многословен, но вчера, в воскресенье, закончил свою речь с гораздо большей плавностью и ясностью. Он вышел из рамок своего досье и постепенно овладел общим вниманием. Но после него ряд ораторов увяз в бесконечных сплетнях.

Тогда по согласованию с Брианом выступил Альбер Тома и добился того, что прения снова перешли к основным вопросам. Вся палата устроила Тома овацию. Я совету ю правительству сделать все возможное, чтобы закончить дискуссию вотумом доверия к победе союзников, отбросив всякие второстепенные соображения и всякий повод для политических разногласий. Бриан отвечает мне, что надеется добиться почти единогласного вотума и восстановить единство палаты.

Вильмот и аббаты Веттерле и Коллин просят меня председательствовать на торжественном заседании, которое состоится 9 июля в Сорбонне в честь эльзасского оппозиционера, депутата рейхстага Прейсса, умершего в Мюнхене в результате жестокого обращения немцев.

Сын бывшего посла Нелидов, российский посланник в Бельгии, едет в Гавр. Еще месяц тому назад он был российским посланником при Ватикане. По его мнению, папа теперь больше верит в победу союзников и не намерен в данный момент предлагать свое посредничество.

Пенелон извещает меня, что 7 и 10-й немецкие корпуса покинули наш фронт и переброшены в Россию.

Прискорбная стычка в Лиможе. Я еще не знаю настоящих причин этого инцидента.

С закрытым заседанием парламента еще не кончено. Виолетт выступал с нападками; ему отвечал генерал Рок. Военный министр телефонирует мне, что ему удалось вызвать патриотическую манифестацию палаты, подобную тем, какие происходили в начале войны. Но он говорил только о военных вопросах; по договоренности с Брианом он собирается коснуться завтра вопросов иностранной политики. Он изложил взаимоотношения между правительством и главной квартирой, отметил, что будет проведена дальнейшая чистка канцелярий в Шантильи, но заявил, что было бы преступлением

и безумием снять Жоффра в момент, когда разворачиваются операции, согласованные под его председательством между союзными штабами. „Движение на различных скамьях“, оратора прерывали, но в конце концов раздался взрыв аплодисментов, вся палата аплодировала военному министру.

Бриан считает, что теперь неизбежно закрытое заседание сената. Он намерен назначить его на ближайшую субботу. „В таком случае, — заявил Рибо, — я буду требовать бюджета на один месяц, а не на три, как я требовал в уже внесенном мною законопроекте“. Но сенат собирается на следующей неделе. Если правительство ограничится требованием бюджета на один месяц, палаты сочтут этот новый порядок окончательным и будут вотировать лишь ежемесячные кредиты. Но это серьезное неудобство отступает на задний план перед новой трудностью, порождаемой продолжительностью закрытых заседаний. Я напоминаю Рибо его недавние слова, что, если ему навяжут систему месячных бюджетов, он не согласится на нее. Совет министров становится на мою точку зрения и принимается решение, что Бриан попросит сенат отложить закрытое заседание на 2 июля, если сенат будет настаивать на таком заседании.

Вторник, 20 июля.

Как сообщает Рибо в совете министров, социалистический депутат Варенн предупредил его, что при голосовании месячных бюджетов социалистическая группа выступит с декларацией, в которой речь будет идти обо мне, а именно о моей речи в Нанси, в которой я требовал продолжения войны до победного конца. Я замечаю: „Конечно я лишь выразил мысль правительства, и Мальви нашел целесообразным сообщить мою речь прессе. Если паче чаяния правительство не защитит меня перед палатой, оно создаст положение, совершенно неприемлемое для меня. Как президент я обладаю лишь немногими полномочиями, но те, которые у меня имеются, я ко мере надобности использую“. Бриан заявляет, что через несколько дней после моей речи в Нанси он выступал перед иностранными делегатами и говорил в том же духе, что и я. Это не помешало некоторым сенаторам утверждать, что президент пытался оказать давление на него.

Я докладываю об обращении ко мне эльзасцев и говорю, что во избежание новых нападков я не дал ответа до рассмотрения вопроса советом министров. Совет министров находит, что я должен согласиться.

Вивиани говорит о какой-то рекламе, организованной одной газетой в виде лотереи. По словам юристов, замечает Вивиани, всюду, где случай преобладает над соображениями разума, имеется лотерея. Я вполголоса говорю Комбу в шутку: „Кто знает, не является ли случай разумом провидения?“ Он отвечает мне: „По Боскюэту, случай есть слово, которым мы прикрываем свое невежество“.

Олар привел ко мне губернатора Новой Каледонии, полковника Брюэ, служащего теперь по мобилизации в Салониках. По словам

полковника, Саррайль вполне убежден, что на-голову разобьет болгар, если ему разрешат предпринять наступление.

В закрытом заседании Бриан изложил внешнее положение. Заседание превратилось в триумф для него. Зато оно привело к провалу Делькассе, который как бы неожиданно вмешался в прения, но повидимому подготовился к выступлению и имел при себе текст длинной речи.

Среда, 21 июня.

По словам Леона Буржуа, объяснения, данные Брианом палате, носили сугубо личный характер. Он приписывал себе все заслуги, преувеличил роль правительства в ущерб Жоффру и даже, защищая главнокомандующего, благожелательно упоминал про сделанные ему (Бриану) возражения и про меры, принятые для ограничения полномочий Жоффра. Буржуа находит, что Бриан слишком склонил весы в пользу противников Жоффра, и просит Бриана найти случай восстановить равновесие. „Вот таков Бриан, — сказал он мне; — он все приносит в жертву непосредственному успеху, упивается своими ораторскими успехами. Это большой парламентский деятель и прекрасный артист. Как жаль, что у него нет большого пыла в работе, большей точности ума и большей рассудительности в действиях“.

Четверг, 22 июня.

Закрытое заседание еще не закончилось. Принято решение о закрытии прений, но Дешанель подчеркнул, что закрытие прений не означает конца закрытого заседания и что оно будет продолжаться сегодня с двух часов. Сегодня утром соберутся фракции и попытаются притти к соглашению относительно текста резолюции. Тардьё составил и вручил Бриану проект резолюции, но не включил в нее вотума доверия. Бриан считает, что, если бы вставить это существенное слово, эта резолюция была бы приемлемой. Между тем она составлена в туманных выражениях; это сделано несомненно умышленно, так как у Тардьё прекрасный, ясный стиль.

Судя по тому, что мне рассказал после заседания совета министров Марсель Самба, вчерашнее закрытое заседание было гораздо менее благоприятным, чем предыдущие. Нуланс был агрессивен и сыграл на-руку радикалам против Тома, возможно, сам не желая этого; он утверждал, что наша старая тяжелая артиллерия никуда не годится. Реплика Бриана тоже имела гораздо меньше успеха, чем его вчерашнее выступление.

В совете министров Бриан со свойственным ему оптимизмом возвещает о предстоящем вступлении Румынии в войну.

Жолнар говорит мне, что Бриан не виделся с ним с тех пор, как предложил ему назначение в Афины, и ограничился тем, что его два раза вызывали к Рибо.

Гристрам, сенатор от Северного департамента, утверждает, что Дюнкирхен все еще очень плохо защищен от воздушных нападений неприятеля.

Длинный, томительный день. После собрания представителей

фракций, на котором присутствовал Бриан, закрытое заседание возобновлено было на два-три часа. Затем фракции снова собрались на совещание. Потом они вернулись на закрытое заседание и лишь к концу дня после мучительной работы остановились на тексте резолюции, многословном, туманном и нескладном. После этого объявлено было открытое заседание и приступили к голосованию; вопреки надеждам Бриана, против резолюции голосовало значительное меньшинство, в том числе Оганьер, Чекалди, Абрами, Фавр, Бокановский, Марген, Мажино и др. Делькассе воздержался. Итак, Бриан не завоевал ни одного из своих противников и, к сожалению, пошел на уступку в самом важном пункте. Палата будет непосредственно назначать комиссаров с очень неопределенной и очень опасной миссией на фронте.

Пятница, 23 июня.

В Сорбонне состоялось собрание под председательством Анатоля Франса. Барту сделал доклад, Титтони произнес речь. Титтони несколько раз выражал пожелание, чтобы я присутствовал на собрании. Должно быть он хотел, чтобы я услышал его намек на манифестацию в честь Леонардо да-Винчи, устроенную несколько лет назад на заседании под моим председательством. Он напомнил о ней в следующих выражениях:

„Я во второй раз имею честь выступать в этих стенах (в Сорбонне); в первый раз публичное, откровенное и лойальное объяснение между председателем совета министров Пуанкаре и мной положило конец недоразумению между Францией и Италией. Я воскрешаю перед вами это воспоминание, которое кажется нам теперь столь далеким потому, что, на мой взгляд, оно может укрепить непоколебимую волю наших народов избегать впредь каких-либо недоразумений между нами. Пуанкаре говорил тогда о набежавшей туче. Мы не желаем больше никаких туч, даже мимолетных. Пусть над Францией и Италией всегда сияет лучезарное безоблачное небо“.

Драматург Эмиль Фабр, временно исполняющий обязанности директора „Comédie Française“, сообщает мне, что он выставляет свою кандидатуру во Французскую академию на место Поля Эрвье.

Вильмот говорил мне о предполагающемся в июле чествовании памяти эльзасца Прейсса, умершего от зверского обращения немцев. Выступят аббат Ветгерле и возможно также Блюменталь; но Блюменталь, хотя такой же верный француз, как и Прейсс, не был в хороших отношениях с последним. Поэтому Вильмот не уверен в его участии.

В Вердене мы снова потеряли территорию; у нас взяли также пленных. Неужели дух армии падает или солдаты наши устали? Я прошу Рока информировать меня. Он запросил главную квартиру и Петэна и, к счастью, рассеял мои опасения. Но Рок говорит мне, что пора начать франко-английское наступление, чтобы облегчить положение Вердена [118].

Воскресенье, 25 июня.

Пенелон уведомляет меня, что английская армия начала артиллерийский обстрел немецких окопов.

Дюбо беседовал со мной. Он не понимает, каким образом допустили скандальное выступление Бризона в палате, и заявляет, что надо положить конец пацифистской пропаганде. Он рассказывает мне, что в департаменте Изеры делают пораженческие доклады. Там читают письма солдат, в которых преувеличиваются некоторые досадные происшествия, ложно утверждается, что 75 и 140-й полки взбунтовались и т. д. Дюбо разрешает мне сообщить эти сведения Мальви, и я немедленно сообщил о них министру внутренних дел и Бриану.

Понедельник, 26 июня.

Бриан, отправившийся на английский фронт, телефонирует мне псутру, что он в восторге от своей поездки, что генерал Дуглас Хейг преисполнен решимости, а немцы повидимому не ожидают атаки англичан.

По словам Пенелона, а в данном случае он передает мнение главной квартиры, генерал Петэн был очень подавлен третьего дня взятием Флери; он собирался очистить левый берег Масса, и генералу Кастельно пришлось подтянуть его. Я не знаю, точны ли эти сведения. Петэн не всегда пользуется симпатиями главной квартиры.

Среда, 28 июня.

Бриан сообщает мне, что узнал от Извольского и от японского посла о подписании двух соглашений между Россией и Японией, одного — официального и другого — тайного. Помимо урегулирования нескольких вопросов местного значения Россия идет на значительные уступки Японии: она уступает последней часть Манчжурской железной дороги¹ и право судоходства на реке Сунгари между Везеном и местом впадения реки Нонни в Сунгари.

Четверг, 29 июня.

Бриан был у меня перед заседанием совета министров. Попыхая паширосой, он не без злорадства говорил мне об „уничтожении Делькассе“. Девяносто семь депутатов, голосовавших против кабинета, объединились и пытаются превратить резолюцию палаты в орудие оппозиции. Бриана это не пугает, он смеется над этим.

В совете министров он говорит, что Клемансо и его друзья не желают больше закрытых заседаний; но он, Бриан, сам толкнет их на это и сорвет маску с Клемансо.

Затем Бриан читает записку, которую Берти передал ему от имени Грея; в ней идет речь о некоторых выступлениях шведского доктора Нансена по поводу мира, не посягающих официального характера. Бриан рекомендовал британскому правительству осторожность; Грей отвечает на это, что тем не менее не следует создавать в нейтральных странах впечатление, будто Германия хочет мира, а мы затягиваем войну. Совет министров одобряет тактику Бриана

¹ До Куанченцзы.

и просит его продолжать держаться той же линии. Бриан думает, что в скором времени вероятно последуют предложения более официального характера; они будут переданы испанским королем и будут предусматривать нейтрализацию Эльзас-Лотарингии под властью одного из южногерманских принцев.

Пятница, 30 июня.

Шарль Эмбер, про которого идет слава, что он небескорыстно защищает интересы фабрикантов, говорит мне, что вместо 1 310 квалифицированных рабочих, которых уже несколько месяцев требуют военные заводы, главная квартира вернула пока только 600. Он с большой горячностью говорит об этой косности и несомненно готовит на эту тему кампанию в прессе. Я поговорю об этом с Тома.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наступление на Сомме. — Визит президента Лубе. — Русский министр финансов Барк. — День сирот. — Визит Боло паши. — Оваджи Бриану в сенате. — Опыты в лагере Майльи. — Национальный праздник. — Поездка в Верден и на Сомму. — Предсказания Ллойд-Джорджа. — Конец парламентской сессии.

Суббота, 1 июля.

Великолепный день. Метеорологические предсказания оправдались, военные предсказания тоже. Англичанам возможно было перейти сегодня утром в наступление. На севере от Соммы кровь льется рекой.

В это время солнце играет на деревьях Елисейского парка. Вязы, смоковница, индийские каштаны и акации нежат глаз всеми оттенками зелени; эти цвета создают при солнечном освещении чарующую гармонию. Дикие голуби, черные дрозды и маленькие птички резвятся на лужайке. Стаи ворон слетаются к деревьям сада и производят в листве адский шум. Гераний и бигония, посаженные в грядках, бросают красные пятна среди зелени. А там, в Вердене и на Сомме, гибнут тысячи храбрых! Под Верденом мы снова потеряли укрепления Тромона. Генерал Кастельно и Пенелон телефонируют, что 20-й корпус покрыл себя славой на Сомме.

В совете министров Альбер Тома докладывает о положении с рабочей силой на заводах. Дело обстоит совсем не так, как представлял его Шарль Эмбер.

Рибо снова настаивает на том, чтоб интендантство не делало столько закупок за границей. Он скоро останется совсем без валюты. Он готов притти к соглашению с Мак-Кенна, чтобы по проведении требуемого им сокращения (заказов за границей) централизовать все заграничные покупки союзников и проводить их через общее бюро. Это единственный способ добиться в Америке кредитов, в которых нам было отказано.

В дополнении к цифрам, данным нам Альбером Тома, Рок сообщает, что на фронте не осталось ни одного из тех рабочих-специалистов, которых требовал Шарль Эмбер. Те 210, которые оставались еще на фронте, отправлены на заводы до 29 июня.

Валюта нейтральных стран, которую Рибо просил у населения

взаимы для передачи в качестве обеспечения Америке, дала в общем 200 миллионов. Совет министров принимает постановление перевезти ее на нескольких крейсерах, чтобы распределить между ними риск торпедирования.

Мой маститый предшественник Эмиль Лубе уезжает в свою излюбленную Бегюд и был у меня вчера с прощальным визитом. Сегодня я отдал ему визит. Его старший брат при смерти, зять его тяжело болен; Лубе удручен горем и сильно постарел. Он трогательно рассказывает мне о своей молодости, о своей семье и родине.

Блюменталь объясняет мне, почему он не присоединился к предполагавшейся манифестации в честь Прейсса; он боялся, что она может навлечь на Эльзас немецкие репрессии. Он говорит мне, что эльзасская либеральная партия надеется, что после возвращения Франции этой провинции для нее не будет установлено особого режима и отдельные лица не пострадают. Но он не считает нужным откладывать введение в действие школьных законов. К несчастью, он уверен, что в возвращенном Эльзасе не будет полного единства.

Воскресенье, 2 июля.

Приостановлен выход газет „Bonnet Rouge“, в которой сотрудничает социалист Бризон, и „L'Heure“.

Известия об английском наступлении не очень утешительны.

Советник французского посольства в Лондоне де Флерю считает, что из-за ирландского вопроса неизбежно произойдут перемены в составе британского кабинета; найдутся другие министры, готовые войти в кабинет национальной обороны; во всяком случае эти перемены не будут иметь никакого влияния на ведение войны. Несмотря на происки некоторых папифистов, Англия, говорит он, доведет войну до конца.

Понедельник, 3 июля.

Верло, депутат от департамента Вогез, просит меня отправиться при случае в Сен-Диз, чтобы укрепить дух пострадавших на войне. Я обещаю ему сделать возможное.

Я получил список вопросов, составленный демократической левой сената для закрытого заседания. Этот список не исключает и других вопросов, но в него конечно включены все вопросы, которые уже обсуждались в палате.

Вторник, 4 июля.

У меня была г-жа Альфред Мейер, вдова эльзасца из Мюльгаузена, расстрелянного немцами. Это очень достойная и умная женщина. Я принял ее с душевным волнением.

На основании многочисленных сведений наш посланник в Гааге Аллизе считает, что в Германии усиливается недостаток продуктов; недостаток мяса становится с каждым днем все чувствительнее.

На закрытом заседании сената сенаторы, кажется, держали себя очень спокойно. Генерал Рок выступал удачно.

Среда, 5 июля.

Из Вердена нет известий. Что-то происходит там?

В получаемой мною корреспонденции растет число писем, содержащих оскорбления и угрозы смерти.

Пенелон говорит, что Кастельно желал бы быстро использовать наши успехи на юге от Соммы и бросить наши войска в тыл немцев. Жоффри, видно, остается верен своему плану, предусматривающему движение на Камбре; но так как англичане не добились своей цели, осуществление этого плана стало еще гораздо труднее.

Сент-Олер посетил меня перед своим отъездом в Бухарест. Он рассказывает, что беседовал сегодня с Лаговари. Последний сказал ему, что получил телеграмму от Братиану, в которой говорится, что Румыния выступит через пять или шесть недель, если за это время начнет прибывать снаряжение.

Русский министр финансов Барк жалуется мне на препятствия, которые ему чинит Рибо, не желающий дать России лишние 25 миллионов для оплаты русских купонов во Франции. Я отвечаю Барку, что мотивы Рибо вполне правильны и что исполнить его, Барка, желание значит взять на себя русский долг. Это противно всякой справедливости, а также нашим материальным возможностям. Рибо хотел бы, чтобы Россия по крайней мере послала нам на ту же сумму товаров. Барк находит недостойным, что у России требуют таким образом своего рода залогов. Я всячески стараюсь убедить его в правоте Рибо, но он меня не слушает и продолжает развивать свою мысль. Это коренастый, невысокий человек, веселый и хитрый, носитя с собой и Россией.

Альбер Сарро принес мне свою брошюру. Его брат Морис приехал в сенат на закрытое заседание и весьма доволен тем, как оно протекает.

Самба приехал из Люксембургского дворца и рассказывает, что Року была устроена настоящая овация. Тома тоже добился большого успеха. Завтра должен выступить Шарль Эмбер. Самба заявляет мне, что считает Бриана лучшим министром иностранных дел из всех бывших у нас: он терпелив, гибок, очень тактичен. Самба не отрицает впрочем недостатков Бриана и даже пространно останавливается на них: расплывчатость, многоречивость, очень часто незнание документов и с конкретными фактами. Самба изящно переплетает обвинительный акт с панегириком. Он сам очень умен, полон остроумия, тонок, как амбра.

После Рока, Тьера и Тома выступал в сенате Пенлеве; ему пришлось давать объяснения относительно осуществленных со времени войны изобретений. Ему горячо аплодировали.

Депутат от департамента Устье-Роны Буж внес запрос по поводу пропаганды, проводимой учителями-пацифистами в Марселе. Бриан и Мальви находят этот запрос весьма досадным; они боятся, что он может вызвать прискорбные инциденты и что огласка его чревата опасностями.

Рибо докладывает в совете министров о своих переговорах со своим русским коллегой Барком, которого он открыто называет барышником. Однако из уважения к России Рибо готов пойти на некоторые уступки Барку. Во время заседания он составил набросок протокола и дал мне прочитать его после заседания. В нем предусматривается с нашей стороны обязательство продолжать давать кредиты России до окончания войны.

Рибо говорит, что при ближайшем рассмотрении оказалось невозможным перевезти валюту и ценные бумаги нейтральных стран в Америку на крейсерах; они будут перевезены на пароходах Трансатлантической компании, таким образом риск будет разделен.

Мальви говорит, что у него больше нет никаких средств воздействия на „Bonnet Rouge“; позиция газеты становится все более подозрительной, Мальви очень сурово отзывается о ней.

Эрбильон сообщает мне, что наша артиллерия продвинулась в германскому фронту и концентрирует свой огонь к югу от Беллуан-Сантер. Мы хотим расширить и укрепить наши позиции к югу от реки Соммы и подготовить наши атаки на севере. Немцы перебрасывают несколько дивизий.

„Appel“ и комитет распределения фондов, полученных от сборов в день сирот, уведомляют меня, что они оказывают помощь 40 тысячам детей и что все их средства будут исчерпаны в октябре. Они хотели бы, чтобы на тронцу был устроен новый день помощи сиротам.

Мерис Барес говорил со мной о г-же Дриан, находящейся в очень стесненном положении. Я обещаю принять в ней участие.

На закрытом заседании Шарль Эмбер произнес длинную и очень резкую речь против правительства и главной квартиры.

Несжиданный визит. Один из моих друзей, школьный товарищ по лицею Людовика Великого, очень порядочный человек, которого однако иногда вводят в заблуждение порывы его сердца и вкусы артиста и поэта, представил мне Боло пашу. Это авантюрист, которого считают подставным лицом хедива, а через хедива и немцев. Еще молодой, обладающий даром слова, с непринужденными манерами, Боло тем не менее производит на меня впечатление иностранца, живущего на широкую ногу при неизвестном источнике доходов; даже более того — он произвел на меня впечатление авантюриста. Он сказал мне, что купил и оставляет за собой большую часть акций „Journal“, с тем чтобы помочь Шарлю Эмберу избавиться от финансистов, возбуждавших подозрения. Он между прочим убежден в том, что Шарль Эмбер считал Дезуша тайным германским шпионом. Боло уверяет, что бывший хедив — друг Антанты. „Я его хорошо знаю, — говорит он. — Он сам вызвался доверить мне своих двух детей в залог своих чувств ко мне“.

Мой приятель не говорит мне, где и как он познакомился с Боло, не старается представить мне его надежным человеком. Поэтому я воздержался от всяких намеков на циркулирующие слухи и ограничился несколькими банальными фразами. Но у меня осталось

впечатление, что этот человек недостойн доверия. Между тем он — француз и брат его — священник и даже, кажется, епископ in partibus:

Я все еще думаю об этом Боло. Откуда у него такие капиталы, что он в состоянии вложить из собственных средств шесть миллионов в газету? Не является ли он подставным лицом Херста, американского миллиардера, который в Соединенных штатах защищает против нас интересы Германии и которого Шарль Эмбер — странное дело! — восхвалял до небес в статье за собственной подписью.

Морис Бернар, который ведет дело против Боло в парижском суде, сказал мне, что, будучи должен 500 тысяч франков, Боло изобретал всяческие поводы для отсрочки и не платил долга. Стало быть мало вероятно, что он вложил в газету свои деньги.

Пятница, 7 июля.

Принял депутатов Брусса и Нералья. Бруссу я рассказал, что король Альфонс был обижен французскими манифестациями в Барселоне.

Из главной квартиры нам телефонируют, что сегодня не следует ожидать важных операций. Мы продолжаем артиллерийскую подготовку.

Пенелон тоже сообщает мне, что мы продвинули вперед свою артиллерию и приступили к артиллерийской подготовке. Но нам несколько мешает погода, непостоянная и дождливая. Пока еще неизвестно, сможем ли мы начать завтра атаку. Она будет направлена на территорию петли, образуемой Соммой.

В половине седьмого вечера мне сообщают, что англичане вместе с нами заметно продвинулись вперед.

Извольский привел ко мне начальника русского генерального штаба генерала Беляева¹, последнего сопровождают Игнатьев и несколько офицеров. Беляев привез для нашей армии уйму русских орденов. Их легче послать, чем солдат и снаряжение.

Суббота, 8 июля.

Плохая погода. Она мешает всяким операциям. Министры удовлетворены дебатами в закрытых заседаниях сената, но жалуются, и с полным основанием, что продление этих заседаний отрывает их от административной работы. Шарль Эмбер произнес вчера с добродушным видом страстную обвинительную речь против всех военных органов. Но и Бриан говорил красноречивее, чем когда-либо. Он превосходно говорил о Сербии. Это одна из прекраснейших страниц в истории французского ораторского искусства, как сказал мне Самба. Дюбо заявляет, что со времени Гамбетты не слышал более прекрасной речи.

Вместо того чтобы в конце своей речи сделать патетическое заключение, Бриан мрачным и глухим голосом произнес следующие

¹ В подлиннике ошибочно «Бреляев».

простые фразы: „Вот, господа, что сделало правительство, которое вы видите перед собой. Да, стоять у власти в такое трагическое время!.. Кто, господа, может добиваться ее теперь?.. Конечно задача, стоящая перед нами, преисполняет нас гордостью, но вместе с тем и сознанием своего ничтожества...“ Умолкая, он опускает руки как бы для того, чтобы показать рост карлика. „Но все же, когда знаешь, что весь отдаешься своей родине, и когда среди тяжкого и трудного дела оказываешься мишенью для нападок и клеветы, которые с высоких мест и, подхваченные неприятелем, воспроизводятся в гнусных газетах, которыми он наводняет захваченные области, — тогда, несмотря ни на что, являются опасения, что эта клевета может тебя унижить. („Нет, нет, нет“, — возгласы на большинстве скамей). Нет, господа, боишься быть униженным... (длинная пауза и затем как бы сквозь слезы) и невольно испытываешь тяжелое чувство“.

Самба говорит мне: „Молчание Бриана так же красноречиво, как самые прекрасные его фразы. Однажды он выступал против Жореса. Я стоял рядом с последним, и тот, слушая талантливого противника, не мог победить своего восхищения и, положив руку мне на плечо, прошептал: „Послушайте этого человека, послушайте его молчание...“

Магия красноречия и импровизации.

Тьерри и Клемантель возвратились в восторге. Буржуа тоже восхищен. Альбер Тома тоже покорен красноречием Бриана и говорит мне: „Да, пока что закрытым заседаниям нет конца, и никто из нас не может работать“.

Сегодня Бриан надеется вытащить Клемансо на трибуну. Тем временем Думер взял слово. После речи Бриана его речь показала-сь сухой.

Пенелон телефонирует из главной квартиры, что второй сын Дени Кошена убит на севере от Соммы. Он был капитаном в 20-м корпусе; был ранен и, не оправившись, вернулся в часть. Я написал бедному Кошену об этом несчастье и выразил ему свое сочувствие. Отправил это письмо с офицером, которому поручил узнать, может ли Кошен принять меня завтра. Последние несколько дней у него было предчувствие, и он просил меня известить его, если до меня дойдут какие-либо вести.

В сенате закончились закрытые заседания. Думер был очень многоречив. Потом говорил Дебьер, за ним Пишон; после них снова выступал Бриан.

Воскресенье, 9 июля.

Мы ошиблись; закрытые заседания не кончились. Куйба желает сообщить мне составленную им резолюцию. Я благодарю его и прошу показать ее правительству.

Понедельник, 10 июля.

Бриан вчера телефоновал мне, что в сенате все обошлось благополучно; он вполне удовлетворен. Дюбо вел заседание прекрасно, а Клемансо производил впечатление больного, переутомленного человека.

Дюбо, со своей стороны, говорил мне, что Бриан выступал изумительно, с необычайным блеском и силой. Пишон, заявив, что делает лишь короткие замечания, произнес полуторачасовую речь с явным желанием привести в замешательство Бриана некоторыми щекотливыми вопросами относительно Италии и Румынии. Бриан отвечал как нельзя лучше.

Думер пытался приписать Галлиени всю заслугу победы на Марне, но его речь была длинна и бессодержательна. Бриан ответил, что победа на Марне доставила достаточно славы для всех генералов и даже, прибавил он улыбаясь, даже для главнокомандующего.

Клемансо говорил три или четыре часа. По словам Бриана, он задыхался, терял нить, искал свои заметки, подносил руку ко лбу, как бы собираясь с мыслями. „Это, — говорит Бриан, — был такой же провал, как и у Делькассе“. Бриан в своей реплике шадил Клемансо и окончательно покорила сенат.

Сегодня утром все газеты возносят его до небес. Ах, если бы Бриан был столь же талантливым главой правительства, как оратором.

Дени Кошен благодарит меня за выраженное соболезнование. Он глубоко страдает, но переносит свое горе с достоинством и внешним спокойствием.

Я подготовил речь к национальному празднику 14 июля. Желая избежать инцидентов вроде вызванных моей речью в Нанси и лишить социалистов в парламенте всякого повода для нападок, я заявил в совете министров, что предварительно представлю ему полный текст своей речи.

Вторник, 11 июля.

Я представил текст своей речи сегодня утром. Никто не сделал серьезных возражений. Единственные возражения, сделанные с большим тактом и, можно сказать, даже боязливо, сводились к следующему.

В том месте, где я говорю о развитии военного производства в России, я никак не мог упомянуть про Италию. Несколькоими строками дальше я упомянул также об Италии, хотя ее производство заставляет еще желать очень многого. Гэд находит, что по этому поводу хорошо было бы написать: „фабрики полны рабочих и работниц; на заводах женщины подают прекрасный пример“. Я конечно принял эту поправку.

Я писал: „Те, которые склонялись перед алтарями, как и те, которые не ходили в церковь“. Мальви выразил опасение, что эта фраза может вызвать полемику, так как в настоящий момент некоторые радикальные газеты ставят в вину священникам, что они не носят оружия и остаются в госпиталях. Я согласился написать: „Те, которые выполняли религиозные обряды, как и те, которые не молились в церквях“. Я не очень горжусь этой поправкой, но по конституции правительство одно несет ответственность.

Наконец генерал Рок отметил также последнюю фразу: „мы должны желать и требовать, чтобы мир принес нам возвращение

всех наших провинций, захваченных вчера или захваченных сорок шесть лет назад, восстановление нарушенных прав и гарантий, необходимых для прочности нашей национальной независимости...“ Рок заявляет, что, поскольку в этой фразе нет никаких упоминаний о союзниках, в ней могли бы усмотреть мысль о сепаратном мире. Я ответил, что в тот день, когда Германия примет все наши требования, поражение ее будет так основательно, что она должна будет подчиниться также требованиям наших союзников; кроме того я здесь указывал лишь на наши собственные условия мира. Самба нашел, что моя фраза хорошо взвешена и что лучше не вносить в нее никаких изменений.

Я принял академика Дьелафуа, мобилизованного в чине подполковника, несмотря на свои семьдесят три года.

Сенатор Кенель говорит мне, что речь Бриана в закрытом заседании была прекрасна.

Оранский епископ монсеньор Легас показывает мне свою докладную записку. Он согласовал вопрос с Этьенном и Сен-Жерменом и подает эту записку Бриану. В ней указывается на необходимость продолжать оплачивать оранских священников, потерявших свои приходы, так как иначе испанцы, даже натурализовавшиеся во Франции, призовут испанских священников.

Дурные вести из Вердена. Неприятель захватил нашу батарею в Данлу. Я сказал Пенелону, что в воскресенье поеду в Верден. Генерал Рок, которого я предупредил об этом, желает сопровождать меня.

Среда, 12 июля.

Между тем как я готовлюсь к 14 июля, несколько учителей членов союза — один из Марселя, один из Обервилье и одна учительница из Пантона, Елена Брион, — готовят пацифистскую манифестацию. Мальви, согласовав вопрос с Пенлеве, предлагает довести до сведения этих учителей, что их собрание будет запрещено, причем в случае надобности будет применена сила. Самба и Гэд замечают, что, если власти закроют помещение, в котором должно происходить собрание, учителя легко найдут другое помещение. Фактически их только 12 человек. Гэд и Самба предпочитают не применять никаких карательных мер. Я говорю, что мы должны поступать решительно. Профсоюзы учителей запрещены законом. Парламенту неоднократно приходилось напоминать об этом в течение 1912 г. и предписывать учителям соблюдать закон 1884 г. в редакции Вальдек-Руссо. И если бы даже профсоюзы учителей были разрешены, они во всяком случае не могли бы в разгаре войны строить козни против родины и воли парламента. Бриан слушал все это с рассеянным видом и заметил Мальви: „Вы это наладите. Вы велите владельцу помещения запретить его“.

Мне не удалось добиться конкретного решения. Бриан прерывает дискуссию и предлагает дать большой крест ордена Почетного легиона адмиралу Лашейеру. Он возобновил атаку на адмирала Лаказа и добился его вынужденного согласия.

Четверг, 13 июля.

Прежде чем поехать с генералом Роком в Верден и на Сомму, я посетил сегодня с ним лагерь в Майльи. Присутствовал на опытах с окопными орудиями; опыты были поставлены очень плохо.

Пятница, 14 июля.

Генерал Рок приехал за мной в Елисейский дворец, чтобы сопровождать меня на парад. Он рассказывает, что получил от Жоффра письмо, в котором тот выражает желание, чтобы военный министр не ездил на фронт без него. Жоффр протестует против того, что Петэн и Нивель помимо него говорили Року о своих операциях и о том, что нуждаются в подкреплениях.

Еду с Роком на эспланаду инвалидов. Идет дождь. Тем не менее на улицах толпы народа в приподнятом настроении. На эспланаде я обошел шеренгу войск союзников, затем произношу свою речь. В то время когда я говорю, мне кажется, что я вижу перед собой женщин в трауре, несчастных людей, безутешных матерей, сирот, разыскивающих своих отцов. Я с трудом сдерживаю свое волнение. Еще больше потрясла меня церемония раздачи дипломов. Один диплом я вручил отцу, потерявшему трех сыновей. Он говорит мне: „У меня остался еще один, я заранее принес его в жертву родине“. Я не удержался и тут же обнял этого храброго человека. Он горячо благодарил меня.

Жоффр поручил полковнику Эрбильтону передать мне, что лучше отсрочить мои поездки в Верден и на Сомму. Никаких аргументов. Я отвечаю, что непременно поеду в Верден, что рассчитываю также отправиться на Сомму, но что касается этой поездки, поступлю согласно мнению генерала Рока, которого в свою очередь осведомлю о своих планах. Я думаю, что не следует откладывать приветствия войскам, заслужившим их в такой полной мере.

Суббота, 15 июля.

На мой запрос военный министр отвечает, что разделит мои чувства.

Греческий посланник Романос, вернувшись из Афин, просит меня принять на этих днях принца Андрея, который официально едет по семейным делам, но уполномочен передать в Париже и Лондоне точку зрения короля. Как уверяет Романос, она весьма дружественна Франции и Англии, но посланник не скрывает от меня, что король и принц Андрей будут уверять нас, что Греция может проводить благоприятную для Антанты политику и без Венизелоса. А между тем, замечает Романос, эта политика возможна только при Венизелосе. Только он в состоянии сделать эту попытку с успехом. Романос впрочем думает, что выборы приведут Венизелоса к власти, но результаты их пытаются исказить, действуя путем террора и деморализации.

Воскресенье, 16 июля.

Генерал Рок согласен, чтобы генерал Кастельно сопровождал нас в Верден и генерал Жоффр на Сомму.

Сегодня в половине восьмого утра мы выехали из Парижа. Мы застали Кастельно в Неттанкуре, где нашли также генерала Петэна. По вновь отстроенному железнодорожному пути доехали до Суйи. Во время завтрака в моем вагоне генерал де Кастельно говорит мне, что он очень доволен Петэном и Нивеллем, и что, на его взгляд, в Вердене все обстоит благополучно по мере возможности.

Однако в Суйи генерал Нивель признается нам, что его тревожит продвижение немцев в район форта Суйи. На этом участке немцы сосредоточили свои усилия. Генерал предпринял контратаку, чтобы освободить Флери. Эта контратака началась вчера, но до сих пор не дала никаких результатов.

Генерал Нивель сопровождает нас в Регре, где находится генерал Манжен. Последний готовит операцию против Флери.

Мы отправляемся затем в Верден и осматриваем казематы крепости. Я нашел здесь 49-й стрелковый батальон; я уж видел его под Реймсом, где он проявил большую храбрость. Подступы к цитадели и наружные строения ее все время обстреливаются неприятелем, но во время нашего пребывания все было спокойно.

Объезжаем в автомобиле улицы города, которые постарались несколько очистить от обломков. Я не вижу ни одного неповрежденного дома. Всюду развалины. Поднимаемся к собору и останавливаемся поблизости от лагеря св. Маргариты, где находится штаб генерала д'Энфревиля. Затем отправляемся в Дие к генералу Полиньеру, в Ансемон — к генералу Боре и наконец на стоянки сенегальцев; к последним мы поехали по каналу, на сторожевых барках. Маас поднялся очень высоко, и вся долина затоплена.

Обедаем в поезде между Суйи и Неттанкуром. Генерал Петэн, приехавший к нам в Суйи, попрежнему несколько фрондирует, но повидимому вполне спокоен насчет Вердена.

У Нивелля и Петэна создалось впечатление, что немцы еще не убрали с фронта ни одного орудия, но уменьшили стрельбу; упорно атакуют нас только в районе Флери.

Понедельник, 17 июля.

Ночью мы прибыли из Неттанкура в Шантильи. Там мы оставили Кастельно, а Жоффри поехал с нами. „Передаю вас главнокомандующему как заказную посылку“, — сказал шутя Кастельно. Последний жалуется на 3-е бюро главной квартиры, но говорит, что образумил офицеров „младотурок“.

Из Шантильи мы в автомобиле отправились в Дюри, где находится штаб генерала Фоша, но последний поехал завтракать с нами в Виллер-Бретоннэ, мы разминулись, отчего произошла некоторая потеря времени.

Плохая погода сделала невозможными полеты аэропланов на Сомме и даже подъем привязанных шаров; отпала поэтому возможность воздушной регулировки стрельбы нашей артиллерии. Однако Фош не теряет уверенности. Английская армия, говорит он, сражается очень хорошо. От начатых операций можно ждать прекрасных результатов. Генерал дает нам объяснения относительно атаки в

направлении Северного департамента, подготовленной на правом крыле англичан.

Завтракаем с Фошем в поезде между Амьеном и Виллер-Бретоннэ. В четверть первого покидаем эту станцию и отправляемся на автомобиле в Мерикур-сюр-Сомм, где находится генерал Файоль, командующий VI армией.

Он тоже проклинает непогоду и тучи, но тоже уверен и решителен.

Среда, 19 июля.

Ллойд-Джордж сказал в Лондоне Рибо и Тома, что война не окончится раньше осени 1917 г. Он даже считает, что она может продлиться до 1918 г.

Сотрудник „Journal“ Лоз, отстраненный Шарлем Эмбером от должности главного редактора, передает мне о нем интересные анекдоты. В день похорон Галлиени Эмбер сказал Лозу с снисходительным самодовольством: „Я не приму участия в процессии. Меня стесняют крики на улицах: „Да здравствует Шарль Эмбер“. Лучше я не поеду“.

Суббота, 22 июля.

Меня посетил русский адмирал Дидерихс, командующий бригадой, которая высаживается теперь в Бресте и из Марселя отправится морем в Салоники. Он завтра едет с первым поездом. Это приземистый, сухой человек, очень решительного вида. Он говорит, что его солдаты горят желанием вступить в бой с болгарами, которых они считают изменниками.

Воскресенье, 23 июля.

Согласно расшифрованным нами телеграммам, между Германией и испанским правительством ведутся оживленные переговоры по вопросу о подводных лодках. Германия предлагает Испании, что будет защищать ее берега, если Англия попытается оказать на нее давление. В Бухаресте Братиану все еще прибегает к уверткам относительно времени вступления Румынии в войну и требует гарантий, что военные действия будут продолжаться до тех пор, пока Румынии будет обеспечено осуществление ее национальных устремлений. Нам никто не давал никаких гарантий, и в конце концов при такой системе окажется, что мы сражаемся ради других.

Понедельник, 24 июля.

Адмирал де Гейдон, вернувшийся с Корфу, сообщает мне о прекрасном впечатлении, произведенном на него реорганизованной сербской армией.

Вторник, 25 июля.

В совете министров Бриан зачитывает записку Жюля Камбона, который принял норвежского посланника, барона Ведела. Последний сообщил Камбону, что принц Гогенлоэ, несомненно располагая

соответственными полномочиями, зондировал его по вопросу о мире и дал при этом заверение, что Германия согласится на менее тягостные условия для Антанты, чем предполагают... Пусть так! Германия повидимому все еще уверена в своей победе. Увидим! Жюль Камбон осторожно ответил, что он не вправе выслушивать такое предложение.

Гад, всегда очень любезный, приходит поговорить со мной о проекте автоматического разбрасывания газет и прокламаций в Германии и в оккупированных областях.

Среда, 26 июля.

У меня был Жюль Камбон. Его тревожат события в России [119], обязательства, которых требует Румыния, и опасность, которую представит для Франции раздробление Австрии, если после победы над Австрией Россия не будет продолжать энергично вести войну с Германией и если немецкие провинции Австро-Венгрии попадут затем под влияние Германии.

Камбон сообщил свои опасения Извольскому, но тот очень подавлен и встревожен своей собственной судьбой.

Посол Соединенных штатов Шарм и декан литературного факультета Альфред Круазе сообщили мне о благородном почине американских детей в деле помощи французским сиротам.

Депутат Жозеф Денэ, мобилизованный в чине капитана в Салоники, говорит мне, что в Греции с нами хитрят не только король, но и правительство и административные органы. Судя по телеграмме, которую принц Андрей послал в Афины после своих переговоров с Брианом, последний в своем ответе проявил по отношению к Константину и королевской семье скорее слабость, чем изворотливость.

Четверг, 27 июля.

Перед заседанием совета министров говорили о русских делах с Брианом, который получил новую очень тревожную телеграмму от Палеолога. Бриан того мнения, что я должен еще раз телеграфировать царю и стимулировать его вести войну до конца. Я это сделаю, но царь и сам убежден в этой необходимости; в отличие от всех окружающих его лиц — увы! — он потерял всякий авторитет, и нет никого, кто пользовался бы этим авторитетом и к кому мы могли бы обратиться.

Это не мешает Бриану представлять себе Вену занятую нами через Салоники и без помощи России. Никогда фантазия этого „реалиста“ не была столь плодотворной.

Наш посол в Мадриде Жофрэ докладывает мне, что при консервативном кабинете Дато и Лема всегда повторяли ему: „Мы нейтральны, но все наши симпатии на стороне союзников“. С тех пор как либералы пришли к власти, уже не говорили о нейтралитете, но и не проявляли к нам никаких симпатий. За последние несколько дней произошла перемена. Романос сказал Жофрэ: „Нельзя ли было бы нам возобновить и расширить заключенную в Карфагене Средиземноморскую конвенцию?“ Жофрэ приходит к следующему вы-

воду: „Я считаю, что мы должны пригласить их. Я приписываю это улучшение в отношении Испании к нам тем сведениям, которыми Испания несомненно располагает о положении в Австрии и Германии“.

Пятница, 28 июля.

Санитарное состояние в Салониках оставляет желать лучшего: там болотная лихорадка, дизентерия, тиф.

Палата, закончив прения о комиссарах при армиях принятием поправки Шоме, отсрочила свои заседания до 12 сентября. Пример спокойствия и благоразумия. Последует ли сенат ее примеру?

Борегар и несколько членов фракции республиканской федерации доносят Бриану, что Леон Буржуа согласился устроить у себя совещание нескольких юристов и политических деятелей, в том числе первого президента Бодуэна, с целью обсуждения условий мира; на этих совещаниях отказались от всего левого берега Рейна, говорили об арбитраже на будущее, словом, наметили решения, которые Борегар считает слишком умеренными. Бриан сообщает мне разговор, который был у него по этому поводу. Я отвечаю, что был бы очень удивлен, если бы Буржуа лично допустил неосторожность в таком деле; он не из тех, которые дрогнули в своем патриотизме. Так или иначе, пока еще рано устанавливать условия мира.

В совете министров Бриан зачитывает краткую докладную записку о Сирии. Он не делает никаких выводов. Рок высказывается за высадку десанта. Понадобилась бы одна дивизия. Лаказ того же мнения. Самба опасается осложнений и возражает. Он требует, чтобы мы не шли на риск ослабления наших операций в Салониках. Решено, что военный министр будет продолжать изучение вопроса о десанте.

О Румынии Бриан не сказал ничего существенного. Еще не все урегулировано, заявляет он, и со своим очаровательным оптимизмом добавляет: „Но все будет в порядке“. Он между прочим сообщает совету министров все меньше сведений об иностранных делах. Если бы мне не сообщались телеграммы и я время от времени не касался их в своих выступлениях, никто ничего бы не знал.

Румыния продолжает требовать, чтобы ей гарантировали территории, на которые направлены ее аппетиты^[120]. Я предлагаю по крайней мере ответить ей, что мы со своей стороны никогда не подпишем мира, который не вернет нам Эльзас и Лотарингию. Бриан говорит, что мы достаточно выяснили этот вопрос в наших выступлениях и нет надобности что-либо добавлять.

Сессия палаты закончилась, и Дешанель приехал ко мне с прощальным визитом. Сенат отсрочил свои заседания до 14 сентября, и Дюбо тоже посетил меня. Он попрежнему тверд и решителен в своем патриотизме, попрежнему уверен в конечном успехе. Мы проектируем отправиться вместе в один из ближайших дней на фронт на Сомме.

Витней Варрен находит, что надо облегчить американским журналистам доступ на французский фронт. Они посещают английский

фронт, расхваливают английскую армию и молчат о нашей. Я за-
прошу Рока и Жоффра, а пока откладываю свой ответ. Эти прогулки
на фронт представляют, по моему мнению, много неудобств.

Воскресенье..30 июля.

Андре Галлэй, мобилизованный в качестве лейтенанта терри-
ториальных войск, приехал на несколько дней в отпуск и посетил
меня. Говорит, что вспоминает обо мне в Решези, где расположена
его часть.

Жорж Гайо извещает меня, что выставляет свою кандидатуру
в Академию на место Фагэ.

К концу дня Пенелон уведомляет меня, что из-за тумана при-
шлось на рассвете прервать бой на Сомме. С того времени не полу-
чено никаких известий. Боюсь, что эта задержка даст немцам воз-
можность укрепиться.

Русским, к счастью, теперь снова везет^[121].

Председатель черногорского совета министров Радович, краси-
вый брюнет с черными глазами, преподнес мне орден Даниила.
Увы, он выбрал для этого неподходящий момент!

Кажется, вчерашний день на Сомме прошел неблагоприятно.

Неужели все наши усилия опять будут бесплодны?

Из Румынии нет новостей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Россия и Константинополь. — Палата и комиссары при армиях. — Генерал Кордонье в Салониках. — Шарль Дюшюи. — Черногорский король в Елисейском дворце. — Поездка в Сен-Диз и в Эльзас. — В Дуллансе. — Посещение генерала Дугласа Хейга. — Италия и Германия. — Поездка в Амьен на фронт к 20-му корпусу. — Альмерейда и немецкие подводные лодки в Карфагене.

Вторник, 1 августа.

Узнаю от Пенелона, что наступления 20 и 30 июля на Сомме, к несчастью, снова окончились неудачей. Придется возобновить длительную подготовительную работу, прежде чем можно будет приступить к новой атаке. Из слов Пенелона у меня создается впечатление, что командование колеблется и не имеет твердо установленного плана.

Генерал Веран и старший врач Грелл, получившие большой крест ордена Почетного легиона, явились за получением своих знаков отличия.

Приехавший из Афин полковник Браке говорит, что мы никоим образом не должны доверять королю. Однако он убежден, что в день, когда выяснится окончательная победа, Константин призовет Венизелоса; он сделает это для того, чтобы дипломатическим путем добиться известных выгод для Греции, не оказывая нам при этом ни малейшего военного содействия.

Был у меня Жоннар. Он повторяет, что готов отправиться в Грецию или, если угодно, в Индокитай, но Бриан ни о чем его не спрашивал. Мне кажется, это означает, что он желает возвратиться в Алжир.

Евгений Семенов из „Нового Времени“, представительный мужчина крепкого сложения и с большой, едва седеющей бородой, жалуется, что французское общественное мнение было недостаточно осведомлено относительно мотивов признания Константинополя за Россией. Он боится, что, когда наступит время, у нас окажется оппозиция по этому вопросу. Я тщетно доказываю ему, почему Франция не очень благосклонно относится к этим русским притязаниям. Он находит, что достаточно пролито крови и что кроме того не следует колебать такую династию, как династия Гогенцол-

дернов. Ни от одного русского я не слышал подобных речей. Может быть этот просто более искренен, чем другие.

Среда, 2 августа.

В сегодняшнем радио немцы раздувают поражение, которое мы якобы потерпели под Верденом на юго-восток от Сувилля. Я затребовал от Рока и Жоффра точных сведений, мне обещали их, но заставляют ждать. Английское правительство начинает проявлять недовольство. Оно требует, чтобы у нас было единое командование и единый план.

Комиссия палаты согласовала с Роком вопрос о комиссарах при армии. Число их не будет сокращено, но они будут получать определенные направления, для того чтобы избежать скопления их в одном месте. Каждому будет дана определенная задача, каждый получит от правительства пропуск.

Генерал Кордонье, выбранный Саррайем на пост командующего французской армией в Салониках, был у меня перед отъездом. Он очень рад, что будет сражаться на востоке.

Рок намерен организовать при своем министерстве генеральный контроль, который будет держать контакт с комиссарами, назначенными палатой.

Шарль Дюшюи, бывший председатель совета министров во времена моих первых дебютов в качестве министра просвещения и министра финансов, сделал мне дружеский визит. Мы перебираем старые воспоминания. Он рассказывает, что после речи Бриана в закрытом заседании сената Рибо сказал ему: „Я никогда не слышал такой красивой речи; пожалуй, только речь Гамбетты после 16 мая, но и она не то!“ Говорит, что Бриан действительно изумительно выступал в течение трех часов.

Черногорский король Николай сделал мне визит в своем национальном костюме. Он стар, изможден, болен. Он говорит мне, что его всю ночь била лихорадка. У него черные, красивые глаза, нос с горбинкой, крапивенные усы, лысина; на нем светлоголубой дождевик с золотыми пуговицами и усеянный орденами, широкий пояс, в котором вместо часов кинжал, шаровары. Что кроется под этим костюмом? Искренни ли уверения короля в его франкофильских симпатиях? Король распространяется о состоянии своего здоровья и о постигших его несчастиях; о сербах говорит он с озлоблением, обещает рассказать мне „очень многое“. Одна лишь Франция и русский император были добры к Черногории. Я задержал его на завтрак с министрами. В разговоре чувствовался некоторый холодок. Г-жа Пуанкаре сломала лед, рассказав королю о нашем путешествии в Цетинье перед войной.

Вторник, 8 августа.

Самба очень доволен вчерашним заседанием национального совета социалистической партии. Он думает, что группа меньшинства не будет более увеличиваться до окончания войны и что можно будет без всяких трудностей приступить к зимней кампании. Цензура запретила печатать резолюцию меньшинства, и ни одна газета ее не на-

печатала. Самба сказал мне: „На мой взгляд, было бы бесполезно показать, что даже меньшинство не требует немедленного заключения мира“. Зато оно говорит о моей „провокационной речи“ в Нанси.

Посетил с г-жей Пуанкаре дом слепых, устроенный щедрой американкой мисс Голт на улице Дарю.

Среда, 9 августа.

Выехал с Мальви из Парижа в Вогезы, Сен-Дье и Эльзас.

В разговоре со мной Мальви резко отзывается о Кайо, упрекает его в том, что он всегда прибегает к услугам бульварной прессы вроде „L'Heure“. Мальви заявил бывшему председателю совета, что такие газеты, как „Bonnet Rouge“, могут ему только повредить. Он полагает, что Кайо дал или поручил дать много денег Альмерейде. Но Альмерейда получил больше из другого источника и ушел от Кайо.

Сен-Дье. Собрание в ратуше. Нас встречают Мелин с сенаторами и депутатами от департамента Вогез, муниципальный совет, видные граждане, чиновники, епископы и офицеры. Я вручаю ордена префекту и обоим помощникам мэра.

Затем мы осматриваем госпитали и подвергшиеся бомбардировке кварталы. О нашем приезде не было объявлено из опасения новой усиленной бомбардировки. Но постепенно население узнало о нашем присутствии, и на улицах собрались толпы народа. Абель Ферри повел нас — Мальви, Мелина и меня — в свой дом. С террасы открывается великолепный вид на голубую линию Вогез.

Погода прекрасна. Завтракаем в поезде в Ла-Шапель с Франше д'Эсперэ и с депутатами от департамента Вогезы Буше и графом Эльзасским. Мелин и Мальви одни за моим столом. Мелин, словно молодой депутат, радуется моему приезду в его департамент. Простой, скромный, любезный, он всегда верен себе.

Уезжаем из Ла Шапель на автомобиле, едем через перевал Бономм. Красивая панорама. Очень ясно видна деревня Бономм, занятая немцами, а также наши окопы и окопы неприятеля. Доехали до шоссе в Тахе, едем потом по дороге, ведущей в Шлухт, затем сходим с автомобилей и продолжаем наш путь пешком. Ленж и Барренкопф оголены и носят заметные следы происходивших на них ожесточенных боев.

В Шлухт все совершенно разрушено, таможня и гостиницы.

В открытом автомобиле, а затем в недавно проведенном электрическом трамвае поднимаемся на вершину Хохенэкка и останавливаемся на станции Ва-э-Виен, которая снабжает съестными припасами долину Мюнстера. Она находится под землей и освещается электричеством. Она была два или три раза отрезана бомбардировкой, но ее быстро восстанавливали.

Затем спускаемся с Хохенэкка и доходим до Альтенберга, который совершенно разрушен. Вчера немцы снова обстреливали его, хотя он всеми покинут.

Теплый, прелестный вечер. Как мог я написать эти слова? Эти несколько часов мне казалось, что война окончилась.

Все изменилось. Погода пасмурная и дождливая. Мы едем в автомобиле по недавно построенной нашими инженерными частями дороге; она построена очень смело, с обрывистыми скатами и крутыми поворотами. Несмотря на дождь, панорама остается чудесной. Перед нами открывается вся долина Вогез и долина Туры.

В Мош погода проясняется. Во всех окнах флаги.

В Сент-Амарен собрались в ратуше мэры всех коммун, расположенных в долине. Я обращаюсь к ним с небольшой взволнованной речью. Они, видимо, очень рады вновь увидеть меня и чувствовать себя все в большей безопасности.

На поляне, усаженной деревьями, перед павильоном, в котором играет оркестр стрелков, выстроились рядами старые рабочие. Мы вручаем им медали. Перед школой собраны дети; они преподносят мне цветы и поют. Мы входим в школу и осматриваем выставку детских работ, рисунков, вышивок и т. д. Изящный городок Сент-Амарен, разукрашенный цветами и флагами, имеет праздничный вид.

Едем по новой дороге на правой стороне реки Туры. Она проложена в ущелье, для защиты от неприятельской артиллерии, и должна будет служить для целей снабжения, которое еще время от времени страдает от бомбардировок. В Вессерлинге мы останавливаемся сначала у завода Гро. Владельцы завода устроили здесь военную выставку; сохраненные ими старые французские флаги времен до 1870 г., старинные гобелены, осколки гранат, трофеи, взятые у немцев. Отсюда мы поднимаемся на террасу замка. Идем по большой аллее, обсаженной деревьями, между двух шеренг войск, возвратившихся из-под Вердена. На террасе представляется нам грандиозное, глубоко волнующее зрелище.

Перед левым павильоном группа детей, девочки с эльзасскими бантами в волосах, в живописных национальных костюмах. Перед правым павильоном — эльзасские ветераны 1870 г.

Дети подносят нам цветы, произносят приветствия, поют песни. Затем происходит церемония награждения орденами. Я обнимаю офицеров и раздаю им ордена по представлению главнокомандующего. Ветераны и дети хлопают в ладоши и кричат: „Да здравствует Франция!“

Вручаю затем гражданские знаки отличия эльзасцам, выстроившимся рядом с ветеранами. Вручаю знамя ветеранам. Его принимает Жюль Шейрер. Я говорю, что это знамя — символ прошлого и в то же время залог будущего, свидетельство близкой победы. Жюль Шейрер — горячий французский патриот, и растроганно благодарит меня.

У всех глаза увлажнены слезами. Мальви говорит мне, что за всю жизнь не испытал такого сильного переживания. Войска дефилируют блестяще. Завтракаем в штабе генерала Бойе, который теперь вместе с Франше д'Эсперэ и Вилларе командует операциями в долине. Погода совершенно проясняется. Терраса с ее цветниками и фонтанами прелестна.

Уезжаем в Танн. В программе нашей поездки не была предусмотрена остановка в Бичвиллере; но так как перед ратушей собрались муниципальный совет, дети и толпы народа, мы на минуту вышли из автомобиля. Нам подносят цветы, а я раздаю брошки, часы и некоторые другие мелкие подарки.

В Танне тот же горячий прием. Мы поднялись на наблюдательный пункт в Штауфене, откуда нам открылся чудесный вид на всю долину Эльзаса, Сернэ и Мюльгаузен. Потом по проспекту Шейрер-Кестнера едем в Масво, где ратуша, площадь, церковь с ее органом так хорошо знакомы мне со времени войны. Приятная церемония раздачи премий, хор девочек в эльзасских костюмах под управлением учителя-органиста пел очаровательные песни на правильном французском языке.

В Данмари, как всегда, нас встретили несколько холоднее. Мы посетили аэродром в Фонтене. Летчики проделывали на скоростных аэропланах системы Ньюпорт удивительно смелые фигуры.

Остановились в Бельфоре, чтобы проявить внимание населению, сильно пострадавшему от бомбардировок.

Пятница, 11 августа.

Сегодняшнее заседание совета министров было посвящено финансовым вопросам. Последние месячные бюджеты, сметы платежей и расходов, предстоящий заем, возобновление привилегии Французского банка и пр.

Вечером получил из министерства иностранных дел текст протокола, подписанного сегодня с Ллойд-Джорджем. Уклончивые формулировки должны замаскировать разногласия, продолжающие существовать между Брианом и британским кабинетом. Все остается в неопределенном положении, мы как бы ждем, чтобы все устроилось само собой.

Суббота, 12 августа.

В половине десятого утра выехал с Северного вокзала в Дулланс. В Шантильи ко мне присоединился Жоффри. В поезде разговаривали с глазу на глаз. Он доверяет мне и высказывается открыто. Он находит, что операции англичан слишком ограничены и разрознены. Вчера он написал Дугласу Хейгу и советовал ему предпринять широкое наступление одновременно с нами.

В Дуллансе для встречи меня выстроена на перроне английская рота в качестве почетного караула. Я обошел ее. Вдоль улиц тоже выстроены британские солдаты; у них прекрасная выправка.

Отправляемся в автомобиле в главную квартиру генерала Дугласа Хейга. Великий шотландец расположился здесь в красивом замке, среди зеленого парка. Король Георг вышел мне навстречу из замка и принял меня очень любезно. Однако в церемониале приема есть доля английской спеси. За столом я сижу по правую руку короля, а Жоффри по левую. Король — на председательском месте и против него сидит Дуглас Хейг, тогда как обычно принято сажать двух глав государства посередине стола друг против друга. А вот еще одна черточка: поговорив с нами часок после

завтрака, король уезжает в Кассель и поручает одному генералу и офицеру сопровождать меня в его армию. Он поступает правильно, но расходится с международным этикетом.

На обратном пути Жоффри, с которым я встретился в Виллерс-Бретонне, говорит мне, что он очень доволен. Хейг обещал ему предпринять наступление 18-го сего месяца. В английской армии нет генерального штаба и связь между пехотой и кавалерией плохо организована, но войска мужественны и воодушевлены.

Я объезжаю британский фронт с приставленными ко мне королем двумя английскими офицерами и с Дюпаржем и Пенелоном. Мы подъехали к Альберу; развалины его производят грустное впечатление. На полуразрушенной церковной колокольне накренилось на бок изображение богоматери. Между прочим местная поговорка гласит: „когда богоматерь упадет, война кончится“.

Воскресенье, 13 августа.

Леон Буржуа вернулся из Эвиана и говорит мне, что он закончил свои каникулы. Я по-приятельски спрашиваю его о его совещаниях относительно условий мира, совещаниях, на которые мне пожаловался Бриан. Буржуа отвечает, что он неофициально встретился с Эмилем Бутру, Дарбу, Дюменилем и некоторыми другими членами „Национальной помощи“, принадлежащими к самым различным направлениям, и что ими были затронуты различные вопросы, все в конфиденциальном порядке; дело идет только об изучении вопроса. Я лично, прибавил он, против великих аннексий, но согласился бы на создание нейтрального государства на левом берегу Рейна и на восстановление французского Эльзаса в границах 1790 г. Я прошу его рассмотреть эти вопросы с Брианом, который знаком с ними гораздо меньше его. Он охотно обещает мне это, так как боится, что мы в данный момент, как он выражается, отчасти действуем вслепую.

Английский король вчера опять говорил мне о том приеме, который был оказан ему перед войной в Париже [122]. Он рассказал мне, что германский посол барон Шен, смущенный этими манифестациями, спросил его: „Ваше величество, что означают все эти демонстрации?“ Король ответил ему: „Они означают, что Франция и Англия стали неразлучны“.

Понедельник, 14 августа.

Секретарь посольства Октав Гомберг, командированный по финансовым делам в Соединенные штаты, вернулся на некоторое время во Францию и говорит мне: „Рынок Соединенных штатов все еще очень замкнут для нас; наши фонды котируются низко; второй франко-британский заем сможет быть размещен лишь в незначительном размере. Англичане напрасно посылают столько золота в Соединенные штаты. При большом числе эмиссионных банков в Соединенных штатах это золото не имеет никакого влияния на курсы. Мы должны сократить наши закупки в Соединенных штатах, которые производятся без системы и часто без нужды“.

Албанский претендент Эссад паша, затею которого Бриан решил поддержать, просит у меня аудиенции, прежде чем пуститься в свою авантюру. Я заявил заведующему протокольным отделом Вильяму Мартэну, что предпочитаю не принимать его и не хочу брать на себя никакой личной ответственности в этом предприятии.

Вторник, 15 августа.

Вернувшийся из Италии полковник Годакур говорит мне, что итальянцы натолкнутся на сильно укрепленные австрийские позиции на северо-востоке и на востоке от Горицы. Впрочем постепенно они смогут продвинуться. В 1917 г. они могут призвать под знамена еще 900 тысяч человек, и в таком случае им удастся выйти из затруднительного положения. Их производство растет [123].

С пятницы никаких известий от Бриана. Я один на страже, по у меня нет ни власти, ни возможности действовать.

Среда, 16 августа.

Бриан докладывает совету министров, что Бризон, которому правительство решило отказать в выдаче заграничного паспорта для поездки на новый международный конгресс, аналогичный состоявшемуся в Кинтале, сказал ему: „Я прочту с трибуны ваши старые речи“. Но эта угроза ничуть не пугает Бриана, он шутит и острит: „Эти речи мне приходится слышать не раз“.

Бриан зачитывает протокол, подписанный 11 августа с Ллойд-Джорджем. Текст его повидимому составлен Альбером Тома. Рок думает, что, если наступление англичан будет успешно, они, несмотря на свое отрицательное отношение, перейдут в наступление также в Салониках. Буржуа, Пенлеве и адмирал Лаказ находят редакцию протокола туманной и двусмысленной.

Бриан ссылается на одну телеграмму Флерио, которая мне не была сообщена. В ней говорится, что положение британского кабинета, и в частности Ллойд-Джорджа, поколеблено; поездка последнего в Париж имела главным образом целью укрепить его положение.

Бриан пытается оправдать перед советом министров проекты Эссада паша. Я заявляю, что не вижу со своей стороны никакой пользы в том, чтобы восстановить Албанию под его властью и вызвать новые раздоры между албанцами, сербами и итальянцами. Предполагается чисто военная экспедиция, но она неизбежно примет политический характер. Я рассказал, что Эссад паша просил у меня аудиенции и что я его не принял. Бриан молча глядит на меня. Кажется, министрам не очень улыбается эта комбинация. Никто не отстаивает ее.

Пятница, 18 августа.

Сегодня на север от Соммы должно возобновиться общее франко-британское наступление. К несчастью, небо снова покрылось тучами, и я боюсь, что и на этот раз погода помешает операциям.

В десять часов утра пришли хорошие известия об этом наступлении. Тем временем, как мне сообщает сенатор Поль Штраус, Шарль Эмбер делает в военной комиссии сената крайне панический доклад о наших орудиях 105- и 155-миллиметрового калибра. К несчастью, в последнее время у нас действительно произошло довольно много взрывов орудий.

Вместе с г-жой Пуанкаре я отдаю визит черногорской королеве. Она принимает нас в обществе двух принцесс и принца Петра. Она полна достоинства и очень бледна. На ее глазах выступают слезы, когда она говорит о своей стране. Король говорит нам, что намерен поселиться в Нейи.

Суббота, 19 августа.

Перед заседанием Комб, всегда очень вежливый и предупредительный, „просит моего разрешения“ отлучиться на несколько дней. Он хочет поехать к своей жене в Пон. Он повторяет мне, что он сантиментален и что установившееся представление о нем не соответствует действительности. И он прав. Он послал г-же Пуанкаре, — „г-же президентше“, как он ее называет, — неплохое стихотворение о молодой незнакомке, которое он написал семнадцати лет. Как далеко то время, когда он обратился ко мне в министерстве иностранных дел с целью побудить меня снять мою кандидатуру в президенты республики! Правда, с той поры Комб никогда не присоединился к нападкам Клемансо на меня.

После заседания ко мне зашел Бриан. Но я не могу догадаться о цели его посещения. Он курит и молчит. Я прошу его конфиденциально поговорить со мной и Буржуа о будущих условиях мира; он немедленно ускользает от этого разговора.

Альбер Тома пространно говорит мне о взрывах и вздутых орудий. Причины выясняются, но пока еще ничего не установлено.

Рибо очень недоволен займом в 250 миллионов долларов, который английский министр финансов проектирует в Соединенных штатах без ведома французского правительства вразрез с формальными обязательствами, принятыми на себя Англией 15 июля. Рибо заявляет, что при тех условиях, на которых Англия собирается заключить этот заем, он сделает невозможными наши финансовые операции. Он считает Мак-Кенна невежественным, неосмотрительным и легкомысленным.

В четверть двенадцатого Бриан должен принять в министерстве иностранных дел Титтони. Он говорит мне, что спросит его, когда Италия выполнит свои обязательства относительно объявления войны Германии. Итальянское правительство само объявило, что среди пленных, захваченных недавно итальянскими войсками, имеются немцы.

Сегодня исполнилось три с половиной года моего президентства. Половина всего срока... Не имею ли я право на условное освобождение? Одно условие я принял бы с радостью: запрещение вернуться когда-либо в Елисейский дворец.

Шарль Морра требует сегодня судебных преследований за антипатриотическую пропаганду. Я сам требую в совете министров,

чтобы было проведено несколько показательных мер. Мальви говорит мне, что рабочие, распространявшие диммервальдские и кингальские воззвания, были отправлены на фронт, но посылка на фронт не есть карательная мера. Бриан все еще заявляет, что все наладится. К несчастью, зло с каждым днем усугубляется.

Клемансо продолжает свои нападки на меня. Но что значит для меня моя вчерашняя популярность? Что значит для меня, что меня забывают или клеветают на меня, если только победа останется за нами и Франция будет спасена! Клемансо мало меня знает, если думает смутить меня и отвратить меня от исполнения своего долга.

Воскресенье, 20 августа.

Сегодня исполнилось пятьдесят шесть лет со дня моего рождения в Бар-ле-Дюке. Бельгийский и английский короли послали мне по этому случаю сердечные телеграммы. „При моем появлении на свет“ колокола извещали об избрании нового депутата в Баре, Миллона, и доктор Нев, услышав их перезвон, сказал улыбаясь моей матери: „Это — предсказание. Ваш сын будет депутатом“.

Понедельник, 21 августа.

В отсутствие Мальви, уехавшего в Кагор на заседание генерального совета его департамента, начальник его секретариата Лемари телефонирует моему генеральному секретарю по гражданским делам Оливье Сенсеру, что в Виши, где в настоящее время находится Кайо с женой, против них была устроена грандиозная манифестация, в которой приняли участие четыре или пять тысяч человек курортников и раненых. Кайо укрылся в Мулен и расположился в префектуре, как у себя дома. Лемари отправил туда директора тайной полиции Рипшара, чтобы восстановить порядок. Лемари телефонировал в секретариат Бриана. Но ни Бриана, ни его сотрудников там не оказалось. *Aliquando bonus dormitat Homerus* (временами дремлет добряк Гомер).

Когда г-жа Пуанкаре посещала американский госпиталь, наш сиамский кот Григри упал с большой высоты на плиты нашего двора. Я находился в своей библиотеке и слышал жалобное мяуканье. Бедняжку Григри подняли совершенно окровавленным. Где то время, когда в нашем небольшом саду на улице *Commandant Marchand* Пьер Лоти восхищался его грацией? Где то время, когда он сладко дремал в Сампийни на коленях моей матери или моей жены? Теперь в Елисейском дворце он сбит с толку, затерялся среди такого множества людей. Он весел только в те редкие минуты, когда остается наедине с своими хозяином и хозяйкой. У него возникает множество вопросов, на которые он не находит ответа. Он так же умен, как любой человек; при этом он привязчив, верен и добр. Те, кто не признает души у животных, могут смеяться над моим суждением. Но оно еще отстаёт от действительности.

Доктор Дюкенуа семидесяти лет поступил в армию в качестве полкового врача и уезжает в Салоники. Это мулат, еще моложавый на вид.

Лорд Берти представил мне военного министра Канады генерала Хюге. Генерал говорит, что священники не позволяют канадцам-французам записываться добровольцами в армию. Он указывает Берти, что епископ Бедрильяр несомненно сумел бы положить конец этой пропаганде, если английское правительство разрешило бы ему отправиться в Канаду.

Берти уверяет меня, что английский король, которому я внушил мысль наградить орденом Верден, как это сделал царь, намерен наградить его „орденом Бани“. Заведующий протокольным отделом Вильям Мартэн предпочитает для Вердена английскую военную медаль, медаль св. Георгия.

Генеральный секретарь Лиги прав человека Гернуг говорит со мной о преступниках, бежавших из каторги и ссылки и явившихся сражаться во Франции. Лига поддерживает их ходатайство о помиловании. Я уже рассмотрел их дела и предложения министра юстиции и помиловал некоторых из этих лиц.

Вторник, 22 августа.

Беседовал с заведующим отделом внешней политики в газете „Temps“ Жаном Эрбеттом о дипломатическом и военном положении.

По словам Пенелона, генерал Жоффри и генеральный штаб негодуют против Саррайля, который растянул свои войска на огромном фронте и расплыл французские части, так что фактически лишил генерала Кордонье командования.

Греческий генеральный штаб безнаказанно продолжает свои предательства. Бриан сердится на наших военных и морских атташе, говорит, что они суются куда не следует; довольствуясь политикой пускания пыли в глаза и находясь под сильным влиянием принца Георга, он продолжает дремать среди цветов, которыми забрасывает его пресса.

Среда, 23 августа.

Завтра Бриан едет с Рибо в Кале, где встретится с Асквитом и Мак-Кенна. Он просил меня по телефону отложить заседание совета министров, назначенное на четверг. Я вынужден был согласиться на это, но обратил его внимание на необходимость созвать заседание в ближайшее время, так как вопросы начинают нагромождаться.

Поутру, в девять часов, я нахожу среди телеграмм министерства иностранных дел телеграмму Бриана Гильмену, в которой он резко выговаривает нашему посланнику за сообщенные им сведения о короле Константине, к несчастью, слишком верные. Я тотчас же написал Бриану, что держусь на этот счет совсем другого мнения, чем он. Бриан явился ко мне улыбающийся, веселый и еще раз старается убедить меня, но безуспешно.

Во время беседы он говорит мне, что Альмерейда — агент Германии. Сотрудник „Bonnet Rouge“ отправился в Картагену (порт в Испании. — Ф. К.) к моменту прибытия туда немецких подводных лодок. Мнение Бриана об Альмерейда представляется вполне обоснованным. Но какие меры принимаются для того, чтобы остановить эту пораженческую кампанию? Никакие или почти никакие.

Уходя, Бриан встретил в кабинете Сенсера Жозефа Рейнаха, остроумно беседует с ними, вышучивает принцессу Макс Бибеско, которая гостит в настоящий момент у Рейнаха, и, выкурив еще несколько папирос, уходит неизменно веселый и жизнерадостный.

Рейнах тоже собирался уходить и говорит мне о Бриане: „Он отличается умением топить шуку в воде. Ему удалось тихонько похоронить вопрос о закрытых заседаниях. Он мог потерпеть неудачу и вызвать катастрофу, но он с большим искусством избежался от этого инцидента. К сожалению, он считает вопрос улаженным, если он улажен в парламенте. Но дело не всегда так просто“.

Был у меня Жюль Камбон. Он говорит, что не может поймать Бриана, который с утра исчез и уклоняется от всяких разговоров. „Я готов держать пари, — говорит Камбон, — что он отправился завтракать к греческому принцу Георгу, посвящает принцессу Марию в положение и советуется с ней. Принц Андрей остался в Париже. Почему? Что означают все эти переговоры? Бриан слишком верит в свою звезду. Он всюду трезвонит, что Салоники — дело его рук. Если мы потерпим неудачу в Салониках, это приведет к его падению. С его стороны было бы благоразумнее поменьше доверять королю Константинову и его семье. Он уезжает на свидание с Асквитом. Они конечно сойдутся на почве своей перешителности и слабости. Я очень побаиваюсь, что из их переговоров не выйдет ничего путного“.

Четверг, 24 августа.

По возвращении из Шалоне, Леон Буржуа долго беседовал со мной о русских делах. У нас обоих одинаковые опасения, мы оба находим, что пора потребовать у нашей союзицы взять на себя определенные обязательства в отношении наших военных целей. Буржуа говорит мне: „Бриан обладает удивительными дарованиями. В закрытом заседании он был бесподобен. Но тем не менее чувствовалось, что он заимствует свои идеи у среды. Он надупывал свою аудиторию и настраивался на ее лад. Он привык плыть по течению“.

Я принял двух молодых принцев Бурбон-Парма. Они благодарят меня за военные кресты, которые я вручил им в Бельгии, где они сражались в армии короля Альберта.

В конце дня Жоффри телефонирует мне, что намерен послать Кастельно в Афины и Салоники познакомиться с положением на месте.

Совет министров долго обсуждает греческие дела, жалуется на нашу вялость и снисходительность к Константинову.

Пятница, 25 августа.

Бриан вернулся ночью из Кале и пришел ко мне перед заседанием поделиться своими впечатлениями; они неконкретны, но оптимистичны.

Во второй половине дня продолжительное совещание с Брианом, Лагазом, Роком, Жоффром и Кастельно. Обсуждались инструкции,

которые Лаказ должен послать адмиралу Дартижу, и инструкции, которые Жоффри должен дать Саррайлю.

Депутат Грандмезон, мобилизованный в чине капитана в VI армию, говорит мне, что офицеры продолжают жаловаться на замкнутость генерального штаба.

Суббота, 26 августа.

Длинная дискуссия в совете министров по поводу предложения Жоффри послать Кастельно в Афины и Салоники. Пенлеве и Буржуа выражают опасения, что эта миссия направлена против Саррайля, и горячо заступаются за последнего. В результате решено сообщить Саррайлю об отправке из Франции новой бригады в Салоники для замены той, которую он послал в Афины [124]. Одновременно решено отложить отъезд Кастельно на несколько дней; Кастельно не будет иметь права касаться вопросов командования, не дожив об этом предварительно правительство.

Решения, принятые вчера советом министров, остались в силе, но Бриан подчеркнул, что с нашей стороны ничего не будет предпринято до получения ответа Англии; как мне кажется, он надеется, что этот ответ будет отрицательным.

Кергезек со слезами на глазах благодарит меня за то, что я понял Румынию и оказал доверие Братиану. Я в свою очередь благодарю его, но буду более спокоен, когда Румыния действительно выступит на нашей стороне.

Пьер Лоти благодарит меня за рекомендательное письмо к испанскому королю. Альфонс XIII просил его посоветовать мне надевать при поездках на фронт мою форму капитана стрелков, Альфонс сказал также, что, когда поставлен будет вопрос о мире, мы сможем рассчитывать на его дружбу к Франции. Лоти ответил ему: „Ваше величество, о мире не может быть речи до полного поражения неприятеля“.

Воскресенье, 27 августа.

В восемь часов утра выехал с Брианом и Роком из Парижа. Бриан, с которым я долго беседую, кажется мне более склонным проявить твердость перед английским правительством, но я не знаю, не старается ли он меня успокоить. Однако он признает, что положение в России внушает опасения; он высказывает мысль, что я должен написать царю, предварительно согласовав свое письмо с правительством.

В Салэ, близ Амьена, продолжительное совещание в моем вагоне с Жоффри, присоединившимся к нам в Шантильи, Кастельно, Петэном, Франше д'Эсперэ, Фошем и Дугласом Хейгом. Все мы сошлись на том, что необходимо дальнейшее усиление производства 155-миллиметровых орудий, чтобы располагать к ближайшей весне самой мощной тяжелой артиллерией. Фош очень настаивает на увеличении выработки; он считает наши производственные возможности почти неограниченными.

Дуглас Хейг настроен весьма уверенно. Он говорит нам, что рассчитывает прорвать неприятельский фронт в сентябре или

октябре. Франко-английское наступление, назначенное на 28-е, отложено на 30-е.

Наступление Мишле к югу от Соммы должно начаться 2 сентября.

Жоффр желает, чтобы на севере англичане вместе с нами ринулись вперед в первых числах сентября. Дуглас Хейг, который должен двинуть десять дивизий из тридцати, желает сменить их потом другими и продолжать наступление 15 сентября. Я предупреждаю его относительно возможности дурной погоды во время равноденствия.

После завтрака мы продолжаем совещание. Затем Дуглас Хейг, Фош и Франше д'Эспера покидают нас, и я еду с Роком и Жоффром в Эу. Там мы встречаем очень горячий прием со стороны населения. Пересели в автомобили и едем на небольшом расстоянии от моря по Дьеппскому шоссе. Проезжаем несколько нормандских деревень, в которых среди фруктовых садов расквартирован в гумнах наш храбрый 20-й корпус. Последние пятнадцать дней он в виде исключения находится на отдыхе. Солдаты ходят к морю и купаются. Это привело их в радостное и бодрое настроение. В Бельвиль-сюр-Мер мы видим много светлых туалетов, обычных на морских курортах. Бриан и Рок восхищаются настроением жителей после двух с лишним лет войны.

Мы снова садимся в поезд, который оставили в Эу. Из Парижа нам телефонируют, что адмирал Лаказ считает необходимым созвать завтра заседание совета министров для обсуждения положения в Греции. Бриан долго колеблется и наконец принимает решение.

В Шантильи генерал Пелле приносит нам известие, что Италия в конце концов объявила войну Германии. Но известия из Румынии запутаны и противоречивы.

Вторник, 29 августа.

Лаговари уверен в предстоящем немедленном вступлении Румынии в войну. Он с радостью возвещает мне об этом, приписывая себе эту заслугу.

Пенлеве рассказывает мне следующий анекдот: один из его друзей недавно завтракал с Брианом. После завтрака Бриан с утомленным и удовлетворенным видом сел в кресло. Вдруг он заявляет: „Дела идут теперь хорошо, но настанет еще трудное время. Меня тогда не будет, и обо мне пожалеют“. Пенлеве говорит о „головокружении“ и о „мании величия“ Бриана.

Четверг, 31 августа.

Мальви утверждает, что редактор „Bonnet Rouge“ Альмерейда по видимому тайный агент Германии. Он взял паспорт для поездки в Сен-Себастьян и воспользовался им для поездки в Картагену к моменту прибытия туда немецких подводных лодок.

Операции на Сомме задержаны из-за дурной погоды. Вчера и третьего дня разразилась ужасная буря. Наступление, назначенное на 30-е, запоздает на два-три дня.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Переговоры с Россией и Румынией. — Наступление на Сомме. — Успех французов под Верденом. — Успех англо-французских операций на Сомме. — Салоникский фронт. — Финансовые затруднения. — Поездка в Верден. — Раздача союзных орденов в Вердене.

Пятница, 1 сентября.

Бриан докладывает совету национальной обороны, что согласно протоколу, подписанному в августе между ним и Ллойд-Джорджем [125], настало время потребовать от России дополнительных сил для Добруджи. Жоффри отвечает, что считает невозможным поддерживать это требование в момент, когда русские войска нам понадобятся для Франции. Россия и Румыния обязались в своей военной конвенции сражаться против Австрии и Германии, и операции русских возобновляются сегодня же. Нельзя прерывать их.

Рок и Кастельно заявляют, что, прежде чем разбить болгар, необходимо пытаться вывести из строя Австрию. К тому же войска союзников в контакте с австро-венгерской армией и невозможно сразу разорвать этот контакт. Мы не можем также подготовить без России наступление против Болгарии, имеющее шансы на успех. Итак, надо договориться с Россией, а через нее с Румынией, чтобы покончить с Австрией.

В заключение решено обратить внимание генерала Алексева на то, что очень важно еще до наступления зимы проложить дорогу союзным войскам через Болгарию; с этой целью желательно послать возможно больше сил против Болгарии.

Надо однако подчеркнуть, что это не должно означать ослабления наступления против Австрии. Генерал Алексеев решит, имеет ли он достаточно резервов для этих операций на два фронта. Нелегкая задача, требующая большой осмотрительности и такта.

В совете национальной обороны Бриан сообщает известия из Греции в прикрашенном виде.

Рибо требует, чтобы Саррайлю отдан был приказ не допускать образования революционного комитета в Салониках [126]. Бриан очень недоволен Саррайлем, который, по его словам, слишком много занимается политикой. Принимается следующее решение: одобрить

действия Саррайля, отправившего сдавшиеся греческие войска в Афины, но указать ему, что, командуя от имени всех союзных государств, он должен поддерживать порядок в Салониках и не допускать ни революции, ни беспорядков.

„Figaro“ сообщает сегодня, что сербский принц-регент Александр послал адмиралу Лаказу свою фотографию со следующей надписью: „Адмиралу Лаказу, спасителю сербской армии“. Я поздравляю морского министра; он смущен и отвечает мне со скромностью и замешательством. Я поздравил его еще раз в присутствии Бриана и заметил: „Эта благодарность вами вполне заслужена, адмирал. Без вас восточная армия свелась бы теперь к нулю“. Бриан, взглянув на меня и Лаказу, опускает глаза, словно увидел осуждение своей политики в моих похвалах Лаказу.

Суббота, 2 сентября.

Рибо в совете министров ставит на обсуждение вопрос о прибавках на дороговизну для мелких чиновников, обремененных семьями.

Затянувшаяся война и рост цен крайне ухудшили положение этих чиновников. Даже суровость министра финансов не устояла перед жалостью к ним.

Буржуа долго говорил мне о Бриане и характеризует его следующим образом: „Это блестящий оратор. Он обладает низким и глубоким голосом, удивительным искусством применяться к обстоятельствам и даже к страстям и капризам своей аудитории, изумительным чутьем и чрезвычайно тонким тактом. Но он информируется лишь за завтраком и в курительной. К тому же он охотно присваивает себе чужие заслуги. В 1915 г. он заявлял, что, несмотря на противодействие всех министров, он настоял на обороне Парижа, отдал распоряжение о битве на Марне и предопределил победу. Теперь он тоже заявляет, что он один и тоже против всех добился вступления Румынии в войну^[127]. Инициатива салоницкой экспедиции также принадлежит отнюдь не Вианини, а только ему одному“.

Однако все эти дразги не имеют значения. Верно, что Париж защищался, что битва на Марне была выиграна и что завтра мы должны добиться победы на салоницком фронте. Теперь не время для личных притязаний. Надо спасти Францию.

После попытки толкнуть нас на сближение с Болгарией Англия, кажется, склонна теперь к соглашению с Грецией. У Бриана та же тенденция; он проявил ее вчера в совете министров.

Воскресенье, 3 сентября.

Сегодня в пять часов утра началось франко-английское наступление. Войска союзников завладели некоторыми окопами неприятеля на севере от Тьепваля и фермы Мукэ. Во второй половине дня они продолжали свое движение по направлению к Гинши и проникли туда. Они взяли Гильмон. Бой идет у фермы Фалькемон.

На французском фронте атака началась в полдень. Мы взяли

Клери, прошли лес „Isolé“, достигли дороги в Forest à Combles до Ленаарского леса, который в наших руках.

Мы взяли тысячу пленных.

После жестокой бомбардировки Вердена немцы атаквали утром наши окопы у Вье-Шапитр. Они полностью отбиты. Эти сведения Пенелон и Гэрбильтон передают мне радостным голосом по телефону.

В совете министров Рибо подробно излагает свой проект временных месячных бюджетов. Как всегда, озабоченный нашими платежами за границу, он снова настоятельно требует сокращения наших закупок за границей.

Понедельник, 4 сентября.

Известия из Вердена: на правом берегу Мааса, на северо-запад от Флери, бой ручными гранатами. Мы удержали за собой захваченную вчера территорию. Все новые атаки неприятеля на наши позиции в лесу Вье-Шапитр были остановлены нашим огнем. Несколько далее на восток ожесточенная атака немцев встречена была нашим заградительным артиллерийским огнем, и немцы вынуждены были быстро отступить к своим окопам; как нас уверяет главная квартира, они понесли при этом чувствительные потери.

На восток от Флери мы продвинулись в северном направлении.

В секторе Таван немцы предприняли мощную атаку, но в блестящих контратаках мы отбили их и взяли пленных.

На север от Соммы англичане отразили две контратаки на окопы, взятые ими на восток от фермы Мукэ. В секторе Гинши завязался жестокий бой. Мы с своей стороны повели общую атаку на юг от Соммы, от Бакле до Шильи. На всем протяжении фронта в 25 километров мы имели лишь успехи.

Вторник, 5 сентября.

Генерал Игнатьев представил мне командующего новой русской бригадой; он низкого роста и выглядит очень молодо; в начале войны он принимал участие в боях в Восточной Пруссии и позднее в Карпатах.

Баррер телеграфирует из Рима: „Итальянские газеты продолжают нападать на Грецию. Эти нападки открыто допускаются, если не поощряются, правительством. На мой взгляд следовало бы не проявлять во французской прессе слишком много грекофильства и в первую голову стараться не производить впечатления, что мы становимся на защиту Греции против итальянских антипатий. Мне известно из надежного источника, что наши противники, несмотря на свое молчание по греческому вопросу, желают посеять на этой почве раздор между Францией и Италией. Опыт прошлого внушает нам в этом отношении осторожность“ (№ 753).

Среда, 6 сентября.

На север от Соммы неприятель в течение ночи не предпринимал никаких попыток контратаки. Продолжается энергичный артиллерийский бой на всем фронте.

Вчера в восемь часов вечера неприятель после усиленной бомбардировки пошел в атаку на деревню Флери, на правом берегу Мааса. Взятые под сильный огонь наших пулеметов, немцы должны были вернуться в свои окопы.

Четверг, 7 сентября.

Сын моего дорогого коллеги и друга Мориса Бернара, Эмиль Бернар ранен в голову близ Флери. Он добровольно вернулся на фронт, после того как был ранен в плечо. Кажется, неизбежна трепанация черепа. Эмиль Бернар был военным комендантом в Танце. Он женился на уроженке города Рамоншан в Вогезах, у него несколько детей. Сколькими несчастиями куплено будет освобождение Вердена!

Редакторы издательства Фламариона Макс и Алекс Фишеры принесли мне посмертную книгу Поля Акера. Я мысленно вижу перед собой возвышающееся террасами кладбище в Моон, где я склонился над могилой мужественного писателя.

Пенлевс несколько раздражен против Бриана. Он ему приписывает кампанию, которую газеты подняли против Саррайля. Однако совершенно не доказано, что именно эти газеты субсидируются министерством иностранных дел.

Это далеко не так. По словам Пенлевса, Бриан сказал зятю генерала, Буэ: „Мне известно, какие разговоры ведутся за столом Саррайля по поводу моих отношений к греческой королевской семье“. Весьма возможно, что Бриан выразился так, и с его стороны это конечно было ошибкой, раз он не имел доказательств того, на что намекает. Впрочем Пенлевсе стоит только попросить разъяснений по министерству иностранных дел, и инцидент будет исчерпан.

В совете министров Бриан тоже упоминает про разговоры за столом у Саррайля и рассказывает, что один офицер якобы заявил там и не встретил возражений: „Следовало бы воздвигнуть три виселицы: одну для Бриана, другую для Пуанкаре и третью для Константина“. В таком случае, замечая я, я окажусь, как Христос, между двумя разбойниками. Все министры, за исключением Бриана, рассмеялись.

Бриан, как всегда скупой на объяснения, бегло излагает греческие дела и в своем нежелании решительных мер попрежнему ссылается на Англию. Он снова жалуется на Саррайля, но утверждает свою неприкосновенность к кампании газет. Он даже приписывает редактору „Intransigent“ Бэильби ответственность за эти нападки.

По своему обыкновению он вышел с заседания покурить у Сенсера. Тем временем адмирал Лаказ, получивший в порядке очереди слово, зачитывает телеграммы нашего морского атташе в Афинах; в них говорится, что правительство короля Константина, несмотря на взятые на себя обязательства, снова обманывает нас и пользуется беспроволочным телеграфом.

По словам Пенелона, Жоффр опять носится с мыслью послать Кастельно в Салоники обсудить на месте военную ситуацию.

Морис Барес пришел ко мне очень взволнованный той возмутительной кампанией, которая ведется против него и его

сына Филиппа в „Bonnet Rouge“, „Le Canard enchaîné“ и других мелких еженедельных листках.

Альбер Тома с грустью поверяет мне, что он чувствует вокруг нас атмосферу интриг. Не знаю почему, он приписывает Филиппу Бертело нападки на Саррайля. Он находит, что на наших заседаниях Бриан все более витает мыслями где-то далеко. Очень трудно, говорит он, разобраться в желаниях и поступках Бриана.

Атмосфера интриг — это возможно, но атмосфера ничтожества — это несомненно. Как можем мы быть столь ничтожными тогда, когда Франция проявляет такое величие!

Пятница, 8 сентября.

Пенелон говорит мне, что Жоффри готов послать Саррайлю еще одну дивизию. Он наконец понял значение салонинского фронта.

Суббота, 9 сентября.

Я передаю министрам то, что мне сообщил Пенелон о намерениях главнокомандующего. Повидимому теперь Жоффри склонен послать две дивизии в Салоники; но ни Бриан, ни Рок не были предупреждены об этом. Решено, что в понедельник состоится заседание совета национальной обороны с участием Бриана, Рока и Жоффра.

Среди телеграмм, полученных во второй половине дня, одна извещает о нападении на наше посольство в Афинах, произведенном приверженцами короля и немцами. Бриан не подает мне никаких признаков жизни. Неужели мы будем продолжать терпеть поведение Константина и его агентов?

Понедельник, 11 сентября.

Заседание совета национальной обороны.

Жоффри отрицает, что он когда-либо имел в виду послать новые дивизии в Салоники. Пенелон, говорит он, слишком поторопился. Мы не можем отдать не только две, но и одну дивизию. Генерал, видимо, очень расстроен этим мелким инцидентом, в волнении проводит рукой по темени. Не будем принимать в расчет англичан, прибавляет он несколько раздраженно, мы должны принимать в расчет только себя и полагаться только на себя. Наша победа будет решаться здесь; все силы Франции нужны нам здесь!

Напрасно я настаиваю на отправке десятой бригады или хотя бы одного полка. Жоффри не уступает, и Кастельно энергично поддерживает его. Зато Жоффри не возражает против того, чтобы послать в Салоники, если царское правительство даст свое согласие, русскую бригаду, которая в данное время находится в Майльи; он согласен также с тем, чтобы мы просили русское правительство послать четыре другие бригады, обещанные нам, не во Францию, а в Добруджу.

Это решение единогласно принимается всеми членами совета национальной обороны.

Адмирал Лаказ жалуется на то, что недостаточно определенно сказали английскому правительству, что инструкции, данные Лаказом как морским министром адмиралу Дартижу, соответствуют решениям французского правительства. Действительно, позиция Бриана, недостаточно твердая в отношении Англии, ставит адмирала Лаказа в совершенно ложное положение. Буржуа горячо настаивает на том, чтобы председатель совета министров поддержал морского министра, который добросовестно выполнил директивы правительства. Впрочем после инцидента перед нашим посольством Дартиж по собственному почину прибегнул к высадке десанта [123]. Бриан не вполне удовлетворен. Он опасается, что Италия воспользуется этим предложением и в свою очередь высадит десант. Он говорит о безобразиях перед нашим посольством, как о мальчишеских выходках, и даже высказывает подозрение, что они, возможно, подстроены Гильменом и военным и морским атташе. Итак, он твердо решил ничего не предпринимать.

Вернувшийся в Париж Дюбо любезно явился ко мне во время моих приемов. Он более юн и пылок, чем когда-либо. И как всегда, исполнен веры в будущее. Однако он находит, что мы недостаточно тверды в отношении Греции. Вечерние газеты сообщают о происшествиях перед посольством. Вероятно все наше общественное мнение станет на точку зрения Дюбо и будет удивляться нашему бездействию.

Клотц и Думер показывают мне письмо, написанное ими военному министру после их последней поездки на фронт.

Вторник, 12 сентября.

Бриан, кажется, решился высадить в Афинах наши морские части. Он даже восхваляет энергию, проявленную адмиралом Дартижем. Но он все еще надеется, что в конце концов Греция примкнет к нам. Он обратил внимание Титтони на то, что Италия, вопреки взятым на себя обязательствам, не ведет еще войну, всеми имеющимися у нее силами, и настаивал на том, чтобы Италия послала по меньшей мере еще одну дивизию в Салоники.

Длинная дискуссия в совете министров о наших платежах за границей. Рибо излагает положение; оно со дня на день ухудшается. Он произносит слово „банкротство“.

Имел продолжительный разговор с нашим послом в Риме Баррером. Он говорит: „Нам нужно остерегаться притязаний Италии. Она пытается выехать на слове „компенсации“, которое мы напрасно вставили в договор от 4 апреля¹ на тот случай, если мы добьемся увеличения своих колоний“. Барреру уже несколько раз предъявлялись требования в более или менее замаскированном виде: то шла речь об округе в Приморских Альпах, то о части французской Ривьеры и т. д. Он их решительно отвел. Баррера очень страшит перспектива, что мы можем допустить итальянские войска на французский фронт, если Италия сделает нам это предложение. Я ставлю в известность об этой точке зрения как Бриана, так и главно-

¹ Лондонский договор с Италией.

командующего и сам тщательно записываю у себя, чтобы иметь ее в виду в случае надобности. Баррер говорит: „Помощь Италии слишком дорого обойдется Франции. Италия будет утверждать, что она спасла нас, и потребует огромных выгод“. Баррер считает, что в отношении Греции мы придерживаемся слишком мягкой политики, а между тем он не осведомлен обо всех деталях. Что касается России, он считает, что пора потребовать у нее гарантий относительно мирных условий.

Дешанель председательствовал сегодня на открытии парламентской сессии. Он говорил в пренебрежительном тоне о Румынии и указывал с явным намерением досадить Бриану, что в принципе вступление Румынии в войну было решено уже много месяцев назад.

С тех пор как я решил поехать в Верден, меня все время осаждают тысячи воспоминаний о разных моментах в богатой событиями истории этого доблестного города на Маасе. Ныне он изо всех сил борется против врага; в этой борьбе его поддерживает окружающий его укрепленный район, защищенный Маасом, его берегами и лесами. Кроме того в Вердене сохранились его старые фортификации и крепостные рвы. Он даже сохранил свои форты, из которых многие превосходят и служат надежными точками опоры для наших позиций. Но он не всегда обладал этой мощной системой укреплений. Со времени аннексии Метца, в 1871 г., он был подвержен немецкой агрессии, он был открыт на восток. Со своим небольшим гарнизоном Верден всегда чувствовал себя под угрозой неприятеля. Но он веками привык подвергаться самой крайней опасности. Он то был подчинен герцогам Лотарингским, то зависел только от своих собственных епископов, то управлялся своей буржуазией и горожанами, но никогда не имел покоя, непрерывно переживал перевороты и потрясения. Перед своим отъездом я вызываю в своем уме все эти перипетии. Я восхожу даже к тем далеким временам, когда мирный край, который мы теперь защищаем от немцев, был населен бельгийскими племенами, исконными братьями галльского племени. Под одновременной угрозой со стороны германцев и римлян, которые создавали свою империю, эти племена медиоматриков признали над собой власть римлян, чтобы получить от них защиту против германцев. Они даже еще до христианской эры постепенно научились говорить на латинском языке, который впоследствии превратился в романский язык во всей Галлии. На территории Веродонума проходила дорога из Реймса (Civitas Remorum) в Страсбург (Argentoratum). Было ли это предсказанием? Явится ли Верден и на сей раз для нас путем в Страсбург?

Когда франки вторглись в Галлию, Верден, нисколько не теряя своих традиций и своего языка, вошел в королевство Хлодвига. Когда Лотар вынужден был разделить с братьями отцовские владения, он получил на свою долю франкские территории в бассейне Мааса и Мозеля, включая область Вердена, Эльзас и Бургундию; страна со странными очертаниями, вытянутая на север и на юг, сохранила название Лотарингии в память Лотара, но осталась предметом вождений и набегов соседей. Лотарингия впоследствии

получила французское название: la Lothaine. В течение своей бурной истории она то составляла часть восточной Франции, то была независимой. Затем, после различных перипетий, она сама признала своим господином Карла Простого, государя западной Франции. Но в 925 г. она против своей воли подпала под владычество Германии.

В течение всего этого долгого периода город Верден постепенно стал важным экономическим центром. Он создал в своих стенах городскую коммуну и своего рода национальное самосознание. В конце VI в. латинский поэт Фортунат прославлял „Мааса нежное журчанье, Маас, в котором живут журавль, гусь и лебедь, Маас, богатый птицами, рыбой и кораблями“. Он не сказал того, что установлено неоспоримыми документами, а именно, что верденцы занимались главным образом торговлей евнухами. Впрочем в один прекрасный день эта торговля прекратилась, как исчезли лебеди и журавли в долине.

В германский период Верден вместе с Лотарингией является частью Священной римской империи. В 985 г. город три раза переходит из рук в руки; в 1047 г. первый собор его стал жертвой пламени, — он был подожжен во время битвы. В начале XI в. город Верден был возвращен Лотарингии; епископы освободились от зависимости от герцогов и ведут с ними переговоры, как равные с равными.

В 1195 г. Генрих VI жалует Вердену грамоту, в которой зафиксированы его муниципальные права. С тех пор начинается нескончаемое соперничество и борьба между епископами, жителями, представленными скабинами и бюргерскими родами. Епископ Рауль де Турот вынужден прибегнуть к осаде города, чтобы проникнуть в него. Верден, как и Метц, находился в зависимости от епископа; но оба города проявляли мало покорности своему епископу. Верден, как Метц и Туль, был фактически небольшой городской республикой.

Начиная с XIV в. происходит важная перемена в выборах лотарингских епископов. В Вердене, Туле и Метце, а особенно в Вердене, папы, считаясь с французской монархией, назначают лишь прелатов, дружественных нашей стране. Бюргеры и епископ, в частности Анри д'Анремон, неоднократно и попеременно отдают себя под защиту короля. Но в 1363 г. городские власти подписывают с герцогами Бара и Люксембурга оборонительные договоры, которые изменяют положение. В 1388 г. французский король Карл VI прибыл в Верден, и епископ Льебо подписывает с ним договор, делающий короля совладельцем Вердена. Бюргеры не соглашались с этим. Они не желают выходить из рамок оборонительного договора. Они протестуют, и епископ вынужден подчиниться.

В надежде поднять епископский авторитет Жан де Сарребрук восстанавливает для себя титул графа. Жан де Сарребрук все же вынужден весьма считаться со старшиной скабинов, с советом и патрициатом¹, которые образуют правительство Вердена и до

¹ В тексте lignages. — *Прим. перев.*

1736 г. заседают в отеле Монтобан, будущей городской ратуше. Официальные акты XIV в. начинаются следующими словами: „Мы правители, патриции, бюргеры, университет и община города Вердена“.

В XV в. эта формула несколько изменена в следующую: „Присяжные и суд, патриции, буржуазия, жители, университет и община города Вердена“.

Аббат Клуэ рассказывает в своей „Истории Вердена“, какому церемониалу подвергнут был сам епископ Жан де Сарребрук. При своем торжественном вступлении в Верден в 1404 г. он останавливается у ворот Сен-Виктор, выходит из кареты и садится на приготовленное для него кресло. Там он присягает перед старшиной скабинов, что будет „охранять свободы вольности, коммуну и обычаи города Вердена, а также поддерживать патрициат и жителей вышеуказанного города в их правах и владениях и не нарушать таковые никоим образом“. После этого старшина скабинов протягивает епископу ключи от города „в знак того, что патриции и правители города принимают его с теми светскими и духовными правами, которые ему полагаются в этом городе“ и т. д.

По окончании этой церемонии епископ — впереди него шествует старшина скабинов, а за ним горожане, — идет босиком от ворот Сен-Виктор в церковь монастыря св. Креста, он идет по сукнам, расстилаемым перед ним цеховыми мастерами-суконщиками. Перед зданием церкви он снова останавливается и опять приносит присягу. Затем он направляется по улице Шатель, и так как он с данного момента находится в епископских владениях, он вправе надеть свою обувь. По выполнении всех этих формальностей епископ, будь то Жан де Сарребрук, или кто другой, никогда не будет себя чувствовать в Вердене, как у себя дома. В общем он предпочитает жить вне стен города, а именно в окрестностях Сен-Мичеля, на принадлежащем ему красивом высоком мысе Гаттоншатель, господствующим над широкой долиной Вэвры.

Лотарингские герцоги использовали ссоры епископов и городских патрициев и взяли город под свое покровительство. Затем Генрих II вступает сначала в Туль, а потом в Верден; последний все более склоняется в сторону Франции и позволяет Генриху II установить в городе свой гарнизон. В 1633 г. Людовик XIII продолжает дело своих предшественников и учреждает общий парламент для городов Мец, Туля и Вердена. В 1626 г. Ришелье осуществляет проект Генриха IV о постройке в Вердене дитадели. Вначале он наталкивается на упорное сопротивление епископа Франсуа де Лоран-Шалиньи. Но горожане, все более склоняющиеся в сторону Франции, дезавуируют епископа и посылают Людовику XIII письмо, в котором добровольно подчиняются ему. Вестфальский договор санкционирует присоединение трех епископств к Франции. Еще до этого окончательного присоединения верденцы отказались от торговли еннухами. Они занялись более безобидным делом — изготовлением получивших всемирную известность драже, варенья и ликеров.

В 1657 г. Людовик XIV приезжает в Верден в сопровождении Мазарини и встречает здесь тем более горячий прием, что подпи-

сание мира с Испанией вызывает ликование жителей. Людовик XIV сохранил столь глубокое и радостное впечатление от этого приема, что снова посещает Верден в 1683 и 1687 гг.

Отныне Верден вполне предан Франции и монархии; при Людовике XV маршал Белль-Иль, губернатор трех епископств, во время войны за испанское престолонаследие ведет в Богемию французскую армию, в которой находится немало уроженцев долины Мааса, причем впереди всех граждан Вердена Шевер. Этот Шевер командует гренадерами при штурме Праги. Он первый входит в город, и когда маршал де Белль-Иль вынужден был удалиться, он поручает Шеверу защищать цитадель с помощью ее слабого гарнизона. Шевер ведет себя геройски и только 2 января 1743 г. покидает со своим гарнизоном цитадель, причем ему оказываются военные почести. С тех пор Верден служит передовым форпостом Франции. Я не могу забыть, что в 1793 г. осада Вердена, к несчастью, закончилась капитуляцией. Когда я учился в лицее, я наизусть выучил страницы Гете, написанные по поводу этого печального события; в его рассказе действительность перемешана с вымыслом (Wahrheit und Dichtung). Я не забываю и того, что в 1870 г. Верден тоже попал в руки немцев. Эхо осады прозвучало в моих детских ушах. Но все это — дело прошлого, а сегодня эта крепость, опираясь на укрепленный район, будет защищаться до конца победоносно. В самом деле, атаки неприятеля парализованы теперь заодно геройской защитой наших войск и операциями на Сомме. Поэтому я завтра передам городу орден Почетного легиона и ордена, которыми его официально наградили союзные страны.

Среда, 20 сентября.

Во вторник вечером выехал из Парижа с министром внутренних дел и военным министром. Еду по возможности без церемониала, быстро. Представители департамента Мааса явились в полном составе вместе со мной или отдельно. Отсутствует лишь один: это Шарль Эмбер, который считает делом чести будировать одновременно против правительства и главного командования.

Церемония происходит в подземных казематах цитадели, которые не пострадали от бомбардировки и остаются защищенными от неприятельских снарядов.

Присутствующие генералы, а именно Жоффри, Нивелль и Петэн, очень довольны известиями с Соммы. Бригада Мессими взяла Бушавен; предвидится успешное продолжение операций.

Казематы украшены флагами и освещены зелеными и белыми электрическими лампочками. Построена эстрада. Я занимаю на ней место вместе с министром внутренних дел Мальви, военным министром Роком, Жоффриом, командующим армейской группой центра Петэном, командующим II армией Нивеллем, командующим правобережным сектором генералом Манженом и комендантом крепости Вердена, генералом Дюбуа.

Напротив нас — представитель города, заместитель мэра. С одной стороны сводчатого зала разместились представители союзных наций: генерал Жилинский от России, генерал сэр А. Пагот от Вели-

кобритании, генерал Бреганца от Италии, генерал Стефанович от Сербии, генерал Гвозич от Черногории. Я беру слово среди этой толпы, хранящей волнуемое молчание.

Я стараюсь разъяснить значение битвы при Вердене.

„Господа!

„Идея почтить защитников Вердена присуждением ордена прославленному ими городу возникла у его величества императора российского в тот момент, когда этот проект принят был правительством республики. Их величества король английский, итальянский, бельгийский, сербский и черногорский немедленно присоединились к этому акту. По этому поводу представители многих союзных стран встретились сегодня в этой несокрушимой цитадели, чтобы совместно принести дань своей благодарности храбрецам, которые спасли мир, и гордому городу, который заплатил столькими ранами за торжество свободы.

„Господа, об эти стены разбились последние надежды императорской Германии. Здесь она пыталась одержать громкий и театральный успех. Здесь Франция твердо и спокойно ответила ей: „Ни шагу дальше!“

„Когда 21 февраля началась атака Вердена, неприятель ставил себе двойную задачу: предупредить генеральное наступление союзников и в то же время нанести сильный удар и быстро овладеть крепостью, историческое название которой должно было поднять в глазах немецкого народа значение военного успеха. Эта германская мечта повержена теперь в прах.

„На трех совещаниях — 6, 7 и 8 декабря 1915 г. — во французской главной квартире под председательством генерала Жоффра и с участием главнокомандующих или представителей всех союзных армий — британской, русской, итальянской, бельгийской и сербской — был принят по предложению французского генерального штаба план операций для кампании следующего года. Было решено, что в 1916 г. войска коалиции предпримут на своих фронтах, представляющих одно неделимое целое, согласованные наступления, даты которых будут установлены с таким расчетом, чтобы не дать центральным державам возможности последовательно использовать свои резервы на различных театрах военных действий. Кроме того были установлены меры на тот случай, если бы неприятель опередил нас и попытался помешать выполнению этой общей программы.

„Не желая подчиниться нашей инициативе, Германия решила навязать нам свою инициативу и сама избрать место и время атаки.

„Доблестные войска под начальством генералов Петэна и Нивелля долгие месяцы дают отпор мощному натиску немецкой армии; своей храбростью и самопожертвованием они расстроили планы неприятеля.

„Это они дали возможность всем союзникам все успешнее работать над производством военного материала. Это они блестяще начертили грань германской мощи и распространили во всем мире уверенность в нашей окончательной победе. Наконец это они обеспечили осуществление плана, составленного генеральными штабами, дали России время подготовить и начать свои победоносные наступ-

ления 4 июня и 2 июля, это они дали Италии время организовать 25 июня свою блестящую атаку на Герд, это они дали англо-французским войскам время предпринять начиная с 1 июля непрерывный ряд последовательных операций на Сомме, это они дали восточной армии время вооружить и сконцентрировать свои различные части, чтобы оказать нашей новой союзнице Румынии братскую помощь против немцев и болгар.

„Честь солдатам Вердена! Они посеяли и своей кровью оросили тот посев, который всходит сегодня.

„Взгляните, господа, на суд истории. Вердену Германия придавала символическое значение в своих грандиозных надеждах. Он должен был означать разгром нашей армии, безнадежный упадок духа во Франции и покорное принятие условий немедкого мира. Отныне это имя вызывает в нейтральных странах и у наших союзников представление обо всем, что есть самого прекрасного, самого возвышенного и лучшего в душе француза. Оно превратилось в общий синоним патриотизма, храбрости и великодушия.

„Ах, гордость, которую внушает нам это всеобщее восхищение, омрачена большим горем. Те из нас, которые связаны с этим городом и этим районом дорогими узами, те, которые насчитывают среди населения долины Мааса, столь храброго и подвергнувшегося столь жестоким испытаниям, многих друзей и родных, те, которые на разрушенных канонадой улицах города на каждом шагу встречают живые воспоминания своих юных лет, не могут (не испытывать непреодолимой боли от мрачного зрелища этого дикого разрушения.

„Но Верден восстанет из пепла; разрушенные и опустошенные деревни вновь поднимутся из своих развалин; жители, бывшие так долго беженцами, вернуться к своим восстановленным очагам; под защитой победного мира эта разоренная страна снова обретет веселость своих счастливых дней. И в течение столетий на всех пунктах земного шара имя Верден будет звучать, как крик победы, как крик радости освобожденного человечества.

„Господа, городу Вердену, который пострадал за Францию, который жертвовал собой за святое дело вечного права, городу Вердену, героические защитники которого оставили миру вечный пример человеческого величия, я вручаю за храбрость на войне от имени его величества императора российского георгиевский крест; от имени его величества короля Великобритании и Ирландии военный крест; от имени его величества короля Италии золотую медаль; от имени его величества короля бельгийского орден Леопольда I; от имени его величества короля Сербии и его высочества принца-регента золотую медаль; от имени его величества короля Черногории золотую медаль Обилича; от имени правительства республики орден Почетного легиона и французский военный крест“.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 27 июля в лондонской и петроградской прессе появились сообщения о принятии мер по случаю эвакуации гражданских учреждений из Вильны, Гродны, Ковно и Белостока. Германское наступление началось горлицким прорывом в начале мая; 13 мая армия Радко-Дмитриева начала отходить за реку Сан; в июне русские очистили Перемышль и Львов; в июле Алексеев получил разрешение эвакуировать Варшаву; 2 августа русские отступили на правый берег Вислы.

[2] Обращение Вильгельма II к германскому народу от 31 июля 1915 г. начинается следующими словами: „Год истек с тех пор, как я вынужден был призвать к оружию германский народ. Неслыханное кровопролитное бедствие обрушилось на Европу и весь мир. Перед богом и историей совесть моя чиста. Я не хотел войны!“ и т. д.

[3] 29 июля „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ начала публикацию документов, захваченных германскими властями при оккупации Брюсселя, архивов бельгийского министерства иностранных дел. В числе первых опубликованных документов было донесение барона Гильома бельгийскому министру иностранных дел от 16 января 1914 г., в котором между прочим было сказано: „Как я уже имел честь вам сказать, господа Пуанкаре, Делькассе, Мильеран со своими друзьями изобрели и проводили националистическую, шовинистическую, казарменную политику, возрождение которой мы констатируем. Она опасна и для Европы и для Бельгии...“

[4] Заседание Государственной думы 1 августа. Премьер Горемыкин после вступительной речи Родзянко произнес речь, в которой сказал о неподготовленности России к войне, призвал Думу к „напряжению всех национальных сил“ для ведения войны, заявил, что теперь „не время разговаривать об улучшении внутреннего положения“, сообщил о царском приказе готовить законопроект об „автономном устройстве Польши под скипетром русского царя“ и закончил изъявлением веры в конечную победу России. Военный министр Поливанов призывал к спасению Европы от тевтонского ига крайним напряжением всех сил страны. Министр иностранных дел Сазонов начал с заявления о том, что русское правительство не хотело войны, отметил присоединение Италии к союзникам, русско-японское сближение и прочее, закончивши призывом к войне „до полной победы над Германией“. Морской министр Григорович говорил о „чудесах“, совершенных рабочими военно-морских заводов, увеличившими русский флот за год войны новыми судами. Министр финансов Барк нарисовал рекламную картину финансового благоденствия России.

[5] Ср. М. Палеолог, Царская Россия во время мировой войны, стр. 253 и сл.

[6] Жоффр в своих мемуарах писал, что выводы этого письма сводились к недопустимости ослабления франко-бельгийского фронта, к неоправданности положения в Дарданеллах, создавшегося вследствие полного несоответствия между поставленной там задачей и приготовленными для решения ее силами, и к необходимости послыки офицера для изучения и выработки нового „рационального“ плана операций, к осуществлению которого можно будет

приступить не ранее сентября („Mémoires du Maréchal Joffre“, 1910—1917, т. II, р. 103 и 122).

[7] Межсоюзническая конференция в Шантильи (первая) 7 июля 1915 г.; решения ее см. в тексте.

[8] 7 августа английский военный представитель генерал Вильямс письменно запросил начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича: „Следует ли ожидать, что к началу весны 1916 г. русская армия будет готова участвовать в общем стратегическом наступлении союзников?“ Ответом послужила уклончивая формулировка: „Как всегда, русская армия будет продолжать делать все возможное на пользу общего дела“ („Труды военно-исторической комиссии. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг.“, Москва 1920, ч. 1, стр. 80).

[9] Финансовые и политические связи культивировались французской дипломатией в Сербии, Греции и Румынии; Болгария была предоставлена „заботам“ русской дипломатии, тщетно пытавшейся под свое влияние в этой стране подвести финансовую базу при помощи болгарского займа в Париже; французское министерство и французские банки уклонялись от этого, и болгарский заем был заключен в Германии. „...Я не мог, — писал в своих мемуарах Сазонов, — раскрыть полную картину бесчисленных трудностей, которые препятствовали успешному воздействию Держав согласия на Фердинанда Кобургского для удержания его в своей орбите. Среди этих трудностей главная заключалась в отсутствии согласованного плана действий у наших западных союзников в вопросе о выступлении их на ближневосточном фронте, которое одно могло помешать болгарскому нападению на Сербию. Проявления сильного союзного отряда в Салониках и в долине Вардара... было бы вероятно достаточно, чтобы удержать Болгарию...“ (Сазонов, Воспоминания, Берлин 1927, стр. 285, 286). Вопрос о посылке этого отряда обсуждался между союзниками, но до мобилизации Болгарии не вышел из стадии споров о том, кто и в какой доле должен взят на себя посылку нужных войск.

[10] С начала июня „наш осведомительный отдел определил в 680 батальонов превосходство союзников на франко-англо-бельгийском фронте“ („Mémoires du Maréchal Joffre“, т. II, р. 81, где проводится и точный расчет сил обеих коалиций). „Известия из России заставляли нас почувствовать необходимость начать наше наступление... 5 августа немцы вошли в Варшаву, 19-го — в Новогоргиевск, 20-го — в Белосток... 14 августа Мишьяран передал мне одно из донесений Палеолога, характеризовавших настроения наших союзников: „Вот уже действительно три месяца, как русская армия отступает с ежедневными боями и ужасающими потерями. Все офицеры, приезжающие с фронта, утверждают, что невозможно себе представить ужас этого непрекращающегося ни на один день сражения, в котором у артиллерии нет снарядов, а половина пехоты не имеет ружей. Вот почему наше наступление ожидается с величайшим нетерпением. Повсюду (как меня уверяют) один ж тот же вопрос у всех на устах: „Но что же делают французы?!““ (Ibid., р. 85—86).

[11] Саррайль считался лево-радикал-социалистическим генералом; на него поступали доносы, сообщавшие, что он высказывал подозрение в существовании плана при участии Жоффра и Фоша ликвидировать парламент и установить военную диктатуру („Мемуары Жоффра“, т. II, стр. 104—122).

[12] Речь идет о коллективном союзническом требовании согласиться на территориальные уступки в пользу Болгарии и Румынии с целью привлечения этих государств в лагерь Антанты.

[13] 7 июня 1915 г. было подписано Россией, Китаем и Монголией соглашение об автономии Внешней Монголии. 3 июня 1916 г. между Россией и Японией было заключено союзное соглашение, направленное против всякой угрозы „территориальным правам или особым интересам одной из договаривающихся сторон“; статья 1 секретного русско-японского соглашения под той же датой обязывала обе стороны общими силами вплоть до войны „охранять Китай от политического господства какой-либо третьей державы, пытающейся враждебные замыслы против России или Японии“.

[14] Предложение это заключалось в том, что англо-русско-французский отряд оккупирует Македонию до Вардара и передаст ее Болгарии тогда, когда Болгария открыто станет на сторону держав Антанты.

[15] „По соглашению с Францией и Англией, — телеграфировал Сазонов посланнику в Бухаресте 10 июля 1915 г. за № 3303, — решено полностью удовлетворить требования Братяну, а именно уступить Румынии Буковину по Прут, Угорщину по Тиссу и весь Банат, под непремленным условием, чтобы Румыния обязалась бы: 1) выступить против Австро-Венгрии не позже, чем через пять недель со дня подписания политического соглашения; 2) ныне же строжайше воспрепятствовать пропуску каких бы то ни было военных припасов в Турцию; 3) уступить Болгарии Добрич и Балчик и 4) в Банате не укреплять имеющего быть определенным впоследствии пространства против Белграда...“ 14 июля Сазонов распорядился задержать это сообщение, а 2 августа (№ 3756) телеграфировал: „Вследствие настояний наших союзников, которые надеются путем немедленного заключения договора с Румынией оградить себя от провоза через последнюю военной контрабанды для Турции, императорское правительство согласно удовлетворить все поставленные Братяну требования под условием, чтобы Румыния обязалась отныне же не пропускать никаких военных припасов для наших врагов и дала бы нам возможность действительного надзора за этим...“ („Царская Россия в мировой войне“, т. I, стр. 198—199).

[16] При потоплении германской подводной лодкой английского парохода „Арабик“ 19 июля погибло 59 человек, в том числе 3 американца. Заявление Рузвельта в прессе кончалося словами: „То, что происходит теперь, служит новым доказательством неразумности американского народа, который еще тринадцать месяцев назад не настоял на начале военных приготовлений“ (Schultheis's E. G. — kalender 1915, II 1272).

[17] Город с районом табачных плантаций, приобретенных Грецией в результате Балканской войны, которым союзная дипломатия предлагала вознаградить Болгарию за присоединение к державам Антанты, обещая грекам территории в Малой Азии и Западной Албании.

[18] Николай II объявил военному министру Поливанову еще 4 августа о своем намерении вступить в верховное командование армиями; на возражение Поливанова он ответил, что „его решение принято им твердо“. Решение это, принятое под влиянием Александры Федоровны и ее окружения, связано было с опасениями ослабления авторитета Николая II и перехода власти в руки Николая Николаевича при содействии окончательно организовавшегося 11 августа „прогрессивного блока“ (блок всех „умеренных“ фракций Государственной думы и Государственного совета). 20 августа министры Кривошеина, Сазонов, Шербаков, Харитонов и Самарин коллективно просили Николая II отказаться от намерения вступить в верховное командование; ответ был следующий: „Я выслушал ваши соображения и остаюсь при моем решении“. 21 августа у Сазонова собрались все министры кроме Горемыкина, А. Хвостова и Рухлова; все они кроме военного и морского министров, которых поставлено было оберечь от „риска“, связанного с этим выступлением, подписали петицию дарю об оставлении Николая Николаевича верховным главнокомандующим в интересах России, самого Николая II и его династии. В этом же письме заключалась просьба об удалении из правительства Горемыкина. 22 августа Николай II выехал в ставку (А. Поливанов, Мемуары, стр. 232, 239).

[19] Известный французский историк.

[20] Новогеоргиевску была поставлена задача обеспечить правый фланг отходившей варшавской группы русских войск, и он выполнил эту задачу; комендант Ковенской крепости изменнически капитулировал и оголил виленское и двинское направления. „Повальное бегство“ только и дало при магензенском прорыве возможность Алексею спасти армию и, подведя резервы, восстановить русский фронт на линии последующей позиционной войны.

[21] Витте характеризовал Кривошеина так: „Умный, деловой человек, но, будучи министром путей сообщения, железнодорожного дела не знал“, „министерством не занимался“, „имел ту же слабость, как и многие другие министры... а именно, как только сделался министром, сейчас же начал разводить различные грандеры, т. е. расходовать казенные деньги на устройство роскоши в своем помещении“, „Из имений Кривошеина ставилась на железные дороги шпалы по особо благополучным ценам“, „Он был делец большой руки, постоянно продавал имения, покупал имения, продавал всякие

продукты и прочее — словом, это был именно тип дельца. Вот этот характер своей деятельности он обнаружил, будучи министром путей сообщения...“; „Если бы эти факты (долженные дарю государственным контролером) уменьшить в десять раз, то и тогда я не могу не сказать, что и этого было бы все-таки достаточно, чтобы признать Кривошеина таким человеком, который не может занимать пост министра, потому что он действовал некорректно, в смысле корыстном“ (Витте, Воспоминания, Берлин, т. I, стр. 16—17).

[22] Английское донесение от 29 августа 1915 г.: „За одно лето 1915 г. во время отступления русская армия потеряла более 1 500 тысяч человек“. Немцы „безнаказанно расстреливали русских солдат... Первый туркестанский корпус сражался при двух орудиях тяжелого калибра против сорока двух у неприятеля. В результате 11-я сибирская дивизия почти уничтожена“. Из новобранцев, прибывших на фронт, только 25% имели винтовки. На участке одного полка (телеграмма Янушкевича Сухомлинову от 27 мая) немцы выпустили 3 тысячи тяжелых снарядов, русские — „едва сто“. Приведа эти и другие факты, Ллойд-Джордж писал: „История предьявляет свет военному командованию Франции и Англии, которое... обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских... Англия и Франция бесспорно могли бы спасти Россию, если бы приняли необходимые меры... Если бы мы действовали быстро и в широком масштабе... к лету 1915 г. мы имели бы великолепный набор орудий всех калибров... Это позволило бы втрое увеличить русские запасы снарядов, доставить русским необходимое число винтовок, пулеметов и т. д.“. „Английские и французские генералы не научились понимать того, что победа над немцами в Польше оказала бы большую поддержку Франции и Бельгии, чем незначительное продвижение французов в Шампани или даже захват холма во Фландрии“ (Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. I—II, стр. 310—318).

[23] Союзный наступательный договор против Турции, предусматривавший раздел турецкой Македонии между Сербией и Болгарией; на основе его началась война против Турции.

[24] Договор, перераспределявший территориальные приобретения и владения балканских стран за счет Турции, а также и Болгарии, в результате войны между Болгарией и ее бывшими союзниками — Сербией и Грецией, к которым присоединилась Румыния для участия в разделе добычи.

[25] По „Воспоминаниям“ Сухомлинова (стр. 260), он стал жертвой „интриги, инсценированной великим князем Николаем Николаевичем. Министр двора граф Фредерикс этого и не оспаривал“. Однако никаких объяснений по этому поводу, а также свиданий с царем (кроме прощального) у него не было.

[26] Мощный подъем рабочего движения летом 1915 г. (стачка 15 тысяч металлистов в Петербурге; стачка в Москве с расстрелом рабочих — 20 убитых и раненых; стачка в Костроме — 15 убитых полицией рабочих; августовская политическая стачка в Иваново-Вознесенске под большевистским руководством, — около 140 убитых и раненых; сентябрьская стачечная волна протеста против этих расстрелов) вызывал усиленную деятельность буржуазной оппозиции. На роспуск Государственной думы 3 сентября буржуазия ответила резолюциями „общеземского“ и „общегородского“ съездов в Москве 7 сентября, московской Городской думы, московского губернского земского собрания, профессоров, адвокатов, военно-промышленного комитета. Резолюции эти призывали рабочих прекратить стачки, а правительство — созвать Государственную думу, образовать кабинет „общественных деятелей“ для проведения программы „прогрессивного блока“ и т. д.

[27] Это было пожеланием „великокняжеской“ офицерской партии (Палеолог, Царская Россия во время мировой войны, стр. 272—277).

[28] Сербо-болгарским союзным договором (см. прим. 23) Македония в предвидении дележа ее была в западной части признана бесспорно сербской, в восточной — бесспорно болгарской, промежуточная же полоса была обозначена как „спорная“ и подлежащая арбитражному решению русского царя. Тожественная телеграмма была послана русским посланником в Софии Савинским Саонову (см. сб. „Царская Россия в мировой войне“, № 127, от 14 сентября, стр. 133).

[29] Поль Камбон — французский посол в Лондоне, Баррер — в Риме.

[30] Нападение на сербов из-за дедежа Македонии.

[31] Генерал Гофман под датой 9 сентября 1915 г. пишет: „Итак, Болгария. Насколько мне известно соглашение с Турцией подписано. Против Сербии подготовлены четыре-пять австрийских и два германских корпуса“. Под датой 10 сентября 1915 г.: „Вчера мне заявил Дюрр (генерал-адъютант герцога Баденского...), что он официально знает, что Болгария заключила договор с Турцией, а также с вами и с Австрией. Договоры подписаны три дня тому назад“ (генерал М. Гофман, Записки и дневники 1914—1918 гг., изд. „Красной газеты“, стр. 175—176).

[32] Поездка Барка вызвана была требованием английских министров и финансистов, поставивших приезд его в Лондон условием дальнейшего кредитования России; имелось в виду в первую очередь добиться от России пересылки в Англию, в обеспечение кредитов, золотой наличности (подробности см. в „Международных отношениях в эпоху империализма“, серия III, т. VIII).

[33] 21 сентября Сазонов телеграфировал тем же адресатам, что он „не желал бы возлагать на болгарский народ ответственность за действия короля Фердинанда..., единственного виновника совершающегося злодеяния, ответственность за которое должна быть возложена на него“ (сб. „Царская Россия в мировой войне“, № 130, стр. 135).

[34] По Фалькенгау, в действительности против 200 тысяч сербов брошено было 330 тысяч немцев, австрийцев и болгар. По другим же расчетам — свыше 500 тысяч (А. Зайончковский, Мировая война, Москва 1924, стр. 231—232).

[35] Телеграмма Сазонова от 24 сентября в Париж, Лондон, Рим (сб. „Царская Россия в мировой войне“, № 135, стр. 137). Сазонов еще более критически относился к английской и французской дипломатии в Болгарии.

[36] Т. е. равнозначущий нападению на союзные державы.

[37] 28 сентября французский посланник прочел русскому телеграмму Делькассе с проектом ультиматума Болгарии о прекращении мобилизации (телеграмма Савинского от 28 сентября 1915 г. — сб. „Царская Россия в мировой войне“, № 138, стр. 139). Возражая против французского предложения предъявить ультиматум, Савинский настаивал на том, что „начинает появляться надежда на более благоприятный оборот дела“.

[38] Грей предлагал в Риме (телеграмма русского посла в Риме Гирса от 23 сентября) добиваться выступления Греции на помощь сербам и для этого обещать Греции в вознаграждение Смирну с прилегающей областью. „Вчера еще, — телеграфировал Извольский Сазонову 29 сентября, — в Лондоне весьма определенно высказывались против высадки войск в Салониках без формального согласия Греции“.

[39] Опубликовано в серии III, т. VIII, ч. II, „Международные отношения в эпоху империализма“.

[40] Вензелос выразил в палате „решимость выступить с согласием на помощь Сербии против кого бы то ни было. Поспешность эта тем менее простительна, что ему было известно настроение короля, желающего всячески избежать войны...“ (телеграмма Демидова, русского посланника в Афинах, от 6 октября, „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны“, № 25, Москва 1922, стр. 14).

[41] „Ипотечка на Константинополь“ — соглашение о проливах и Константинополе 4 марта (русский меморандум), 8 марта (французский), 12 марта (английский) (см. „Константинополь и проливы“, № 49, 65 и 76, изд. НКВД, Москва 1925, т. I). 12 октября Извольский телеграфировал Сазонову, что „возбуждение против России вследствие сомнения в нашей готовности участвовать в военных действиях на Балканах с каждым днем усиливается... Нас выставляют главными виновниками создавшегося на Балканах положения, вызванного будто бы нашей несговорчивостью в отношении Румынии и систематическим пристрастием к Болгарии... Указывают, что... Франция и Англия должны будут пересмотреть свое решение касательно Константинополя и проливов... Сегодня некоторые влиятельные газеты опять высказывают, что ради спасения положения и привлечения Румынии Россия должна пожертвовать частью Бессарабии... Между прочим на этой почве

происходит ожесточенная кампания против Делькассе и Палеолога, могущая кончиться их увольнением“ (там же, № 100, стр. 295).

[42] Имеется в виду „Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 jusqu'à nos jours“, t. V, Paris 1926).

[43] Заявление русского посланника кончалось словами, что он получил предписание покинуть Болгарию „...если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с Державами согласия“ („Царская Россия в мировой войне“, № 139, стр. 140; ответ болгарского правительства, там же, № 142).

[44] Книзь Щербатов и Самарин; на место Щербатова, тотчас же назначен был распутинский кандидат, А. Н. Хвостов, бывший нижегородский губернатор, ставший в Государственной думе одним из главнейших черносотенных „правых“. „Либерализм“ уволенных не шел далее „либерализма-думских октябристов. 6 ноября был уволен и министр земледелия Кривошеин, за „благочестие“ и за „преданность династии“ которого „ручался“ Палеолог. От оппозиции Горемыкину осталось только два министра — Сазонов и Поливанов.

[45] Подробное изложение этой „интимной“, по выражению Палеолога, беседы дая с французским послом см. Палеолог, Царская Россия во время мировой войны, стр. 290—292. О характере ее дает представление следующая деталь: „Император отвечает, сжав кулаки и поднимая их над головой: „Я весь настойчивость и упорство. И таким останусь до полной победы“.

[46] Союзные миссии покинули Софию 5 октября; Великобритания объявила себя в войне с Болгарией с 15 октября; Франция — с 16 октября; Россия — с 20 октября; Италия — с 19 октября.

[47] По „Мемуарам“ Ллойд-Джорджа, Мильеран приехал в Лондон будто бы вместе с Жоффром, хотя „Мильеран и Ллойд-Джордж вместе составили план кампании на Балканах...“ („Военные мемуары“, т. I—II, стр. 347; см. прим. 48).

[48] Ллойд-Джордж приводит текстуально содержание выработанного им, по его словам с Мильераном, плана кампании. Начало его почти дословно совпадает с текстом диктуемого Пуанкаре „протокола, подписанного Мильераном, английскими министрами“; дальше оба текста разнятся формально, но смысл их по существу одинаков (Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. I—II, стр. 347—348).

[49] „Сербия была покинута союзниками вопреки торжественному обещанию своевременной поддержки. Греки, понятию, опасались, что их оставят на произвол судьбы. События войны на восточном фронте, естественно, произвели впечатление на все юго-восточные государства в гораздо большей степени, чем захват нескольких километров во Франции. Русские армии были разбиты; Сербия находилась во власти врага; дарданельская операция оказалась совершенно неудачной...“. „Немцы, побеждавшие на всех фронтах, двинулись к югу семимильными шагами... Сэр Эдуард Карсон, возмущенный тем, что, по его мнению, Сербия была обманута, подал в отставку. Бонар-Лоу и я разделяли его мнение по поводу всего дела...“ (Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. I—II, стр. 348).

[50] Дени Кошен — крайний правый, Рибо — умеренный правый, Комб — радикал-социалист; о Мальви см. ниже в тексте.

[51] В результате этих переговоров весной 1916 г. состоялось англо-французское соглашение о разделе Азиатской Турции, с созданием „независимой Аравии“, за которым последовали переговоры того же Ж. Пико и с английской стороны — М. Сайкса в Петербурге с Сазоновым, завершившиеся летом 1916 г. Тройственным соглашением о разделе Азиатской Турции между Англией, Францией и Россией („Раздел Азиатской Турции“, изд. НКВД, Москва 1924). В прямой связи с этой инициативой английской дипломатии стояла деятельность пресловутого полковника Лоуренса среди арабов.

[52] Одновременно с англичанкой Кавель были приговорены к смерти германским полевым судом пять человек, которые вместе с нею были обвинены в организации систематического перехода через границу (в Голландию) способных к ношению оружия французов и бельгийцев. По заявле-

нию суду самой Кавель, она работала в этой организации девять месяцев. Казнь ее произвела сильное впечатление во всех странах и особенно в Англии.

[53] Жоффр об этой поездке упоминает мимоходом, замечая, что ему удалось заручиться обещанием англичан „действовать сообща с французами путем установления и охраны железнодорожного сообщения между Салониками и Усклобом“ („Mémoires du Marechal Joffre“, t. II, p. 180).

[54] В действительности криволадким сражением Сарраиль вынужден был очистить сербскую территорию, занятую им, и отступить на греческую, т. е. отказаться от всякой попытки хотя бы замедлить гибель Сербии. Новый французский кабинет формировался под знаком энергичной политики в отношении Греции: Бриан считался „аллиофилом“, Дени Кошен находился в особенно тесных отношениях с франкофильскими греческими кругами и предназначался при введении в кабинет к поездке в Афины и в Салоники (E. Driault, Histoire diplomatique de la Grece, V, p. 210).

[55] Дело идет, без сомнения, о беседе Делькассе с Извольским 4 марта 1915 г. (а не 5 марта), в которой Делькассе ссылался на полученную от Папеолога телеграмму о происшедшей перемене в пожеланиях русского правительства: раньше оно повидимому было согласно „на международное управление Константинополем и на нейтрализацию проливов“. „Вы не можете сомневаться (так передавал Извольский слова Делькассе) в моей искренней готовности сделать все, что от меня зависит, чтобы поддержать ваше историческое стремление обладать Константинополем...“ („Константинополь и проливы“, т. I, стр. 255).

[56] А. Мерргейм и А. Бурдерон подписали „за французскую делегацию“ манифест международной социалистической конференции в Циммервальде (сентябрь 1916 г.). „Твердая и утешительная резолюция“ французских социал-шовинистов была тем „утешительней“, что она умалчивала, хотя и с „недомолвками“, о призыве манифеста к „борьбе (пролетариев) за свое собственное дело... путем непримиримой пролетарской классовой борьбы“. Эта резолюция была той социал-демократической ложью, которую Ленин разоблачал как гораздо более опасную, чем ложь буржуазных „патриотов“ (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 298—299).

[57] „Мы должны будем...“, — сказал Скулудис, но, выслушав Гильмена, он добавил: „Я сказал, что мы должны будем... Я скажу: мы должны бы были...“ В своей депеше греческому посланнику в Париже Романосу Скулудис писал, что он сказал Гильмену не „должны будем“, а „должны бы были занять указанную позицию, и два раза я нарочно употребил условный оборот...“ Несмотря на это объяснение, в Париже и Лондоне решили подготовить меры для уничтожения в случае надобности греческого флота, бомбардировки Шрея, Саламина и даже Афин, военного занятия Сирия и Корфу и т. д. В то же время в Берлине Ягов официально заявил греческому посланнику, что если Греция сама не охранит свой нейтралитет разоружением антантовских войск, то войска Германии и ее союзников будут продолжать операции, не считаясь с нейтральной греческой территорией.

[58] Бюллетени негласной информации, повидимому основанные на расшифровке иностранной телеграфной дипломатической корреспонденции.

[59] 10 ноября Алексеев телеграфировал Сазонову: „Ход военных действий итальянской армии на Изонцо не дает права рассчитывать на достижение существенных результатов. По состоянию погоды операции здесь скоро совсем прекратятся. Общие интересы союзников требуют, чтобы значительные силы итальянцев получили скорое и полезное применение на Балканах. Высадка от 50 до 70 тысяч, занятие Каваллы... упрочило бы положение союзников на Балканах... и могло бы повести к крупным стратегическим результатам при развитии удара на Софию — Усклоб“ („Европейские державы и Греция“, № 51, стр. 28).

[60] Нота требовала от греческого правительства: 1) „восстановления доверия“ между ним и союзниками; 2) официального заверения, что ни при каких обстоятельствах греческая армия не будет использована для попытки разоружить сербские или союзные войска и что благожелательный нейтралитет останется и впредь политикой Греции в отношении союзников; 3) предоставления союзникам в полное их распоряжение Салоник с портами и прилегающими железными и шоссейными дорогами.

[61] По лондонскому соглашению 26 апреля 1915 г. держав Тройственного Антанты с Италией предусматривалось создание из „центральной части Албании“ „небольшого автономного нейтрального государства“, северную же и южную часть Албании предполагалось отдать соответственно Сербии и Греции... („Раздел Азиатской Турции“, прилож. 2, стр. 358).

[62] См. ниже запись от 29 ноября. В „Мемуарах“ Бюлова имеется подтверждение того, что соглашение касалось частноправовых интересов граждан обеих стран.

[63] „После возвращения лорда Китченера, к концу ноября, из его путешествия на Балканы антипатия британского генштаба ко всяким операциям на этом театре войны привела к заключению о желательности отозвания салоникской экспедиции. По слухам, Китченера убедил в этом хитрый и красноречивый греческий король Константин. Генштаб советовал, чтобы мы покинули Салоники и Дарданеллы и сосредоточили свои силы на защите Египта... Французское правительство имело достаточно инициативы, чтобы категорически возражать против этого предложения. Оно настаивало на том, что такого рода действия будут означать... окончательную потерю Балкан. Такая политика приведет к окончательному оставлению последних остатков армии... Сербия на произвол судьбы“, а „для Румынии и Греции неизбежно присоединение к Германии“. „К Германии присоединится еще... миллион солдат; под угрозой окажется южный фланг русской армии, и весь Балканский полуостров, в том числе и гавань Греции, станет базой для операций германских подводных лодок в Средиземном море“.

В пятницу, 3 декабря 1915 г. французское правительство отправило царскому правительству резкую телеграмму, в которой обвиняло англичан в нерешительности. В невыполнении решений парижского совещания (см. в тексте) и в том, что „лорд Китченер повидимому достиг соглашения с королем Константином, которое отнюдь не совпадало с намерениями Франции. Франция требовала, чтобы представители британского правительства встретились бы с французскими представителями на следующий день в Кале для обсуждения создавшегося положения“ (Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. I—II, стр. 356—357). Сам Ллойд-Джордж, по его словам, не был приглашен премьером в Кале, потому что „мое серьезное сопротивление намерениям оставить Балканы было хорошо известно, и я даже не знал о телеграмме французского правительства до субботы утром, когда наши представители уже отправились в Кале“.

[64] Еще 16 ноября начальник немецкого генштаба Фалькенгайн предупреждал греческое правительство, что если союзные войска не эвакуируются и не будут нейтрализованы, то немцы со своими союзниками вступят на греческую территорию. 1 декабря Скузудис заявил германскому правительству, что вступление германо-болгарских войск на греческую территорию вызовет в Греции анархию; 9 декабря король Константин сообщил в Берлин условия, на которых он гарантирует отсутствие со стороны греческой армии сопротивления болгаро-германской армии на греческой территории. В числе этих условий было занятие греками Монастыря („Documents diplomatiques grecs“, „Белая книга“, 1915—1916 гг., стр. 203). 24 декабря Ягов ответил, что Греция должна удовлетворяться гарантией целостности греческой территории и возмещения убытков (там же, стр. 207).

[65] Союзники заняли под военно-морскую базу Кастеллоридо, объявили осадное положение в Салониках; Саррайль потребовал удаления из Салоник неприятельских консулов. Скузудис отказался исполнить это требование. 30 декабря Саррайль арестовал этих консулов и отправил их в Марсель.

[66] Германское командование рассчитывало принудить Сербию к сепаратному миру. Генерал Гофман писал под датой 22 ноября: „Конца нигде не видно. Надежда, что Сербия пойдет на сепаратный мир, очевидно не оправдалась“ („Записки и дневники“, стр. 187).

[67] „Греки действительно находятся в тяжелом положении. Если они выступят против англичан, те приостановят всякий ввоз, и через 14 дней в стране наступит голод. С другой стороны, они очень хотели бы пойти вместе с центральными державами, ибо они верят в немецкую победу“ (Гофман, 14 декабря 1915 г., стр. 188).

[68] „...Черногория действительно ведет переговоры с Австрией...“ Черногорский король Николай „не прочь ударить в тыл своему родственнику

Петру (король сербский) и расширить свою территорию за счет Сербии" (Гофман, 27 ноября 1915 г., стр. 187). Еще в июле „сербский генерал перед отъездом из черногорской армии высказал английскому посланнику убеждение в существовании какого-то секретного соглашения между королем Николаем и Австрией. Эти сведения подтверждаются телеграммой де Гра“, т. е. английского посланника в Сербии („Международные отношения в эпоху империализма“, серия III, т. VIII, ч. 1, стр. 403—404).

[69] Из опасения вызвать наступлением болгар против войск Сарраилл военные действия греческой армии на стороне Антанты, о чем король Константинополь предупредил германское правительство.

[70] Коронавание Юань Ши-кая не состоялось отчасти благодаря противодействию дипломатии Англии, ее союзников и США; этот план реставрации использовался разными способами японской дипломатией, основной целью которой оставалось раздробление Китая.

[71] Думер представил в Петербурге план снабжения Франции русскими солдатами в обширных размерах. 13 декабря военный министр Бедяев телеграфировал по этому поводу начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву: „Вследствие последовавшего вчера отъезда в ставку Поля Думера считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству, что.. полагаю признать ее (просьбу о посылке русских солдат) во всех отношениях безусловно не подлежащей исполнению... При переговорах с ним я старался веселить убеждение, что наш боеспособный контингент далеко не безграничен, как думают во Франции, и привел расчет, что к концу первого полугодия будущего года будут исчерпаны все людские ресурсы до 30-летнего возраста. Указал на громадные потери у нас, каковых нет на Западе. Ввиду крайней настойчивости его домогательств считаю долгом телеграфировать вашему высокопревосходительству мой опасения... Лично я считаю... что настоящее предложение не может быть принято ни под каким видом“. Алексеев ответил: „Лично признаю исполнение просьбы Думера совершенно нежелательным; она не считается с нравственной стороной, рассматривает человека как предмет материальной части. Если мы слишком зависимы в отношении материальной части, и решительный полный отказ, который следовало бы дать, признается нежелательным, то считал бы нужным произвести опыт формирования не больше двух полков... Повторяю, это крайность, на которую можно идти только в силу особенной необходимости и желаний сохранить добрые отношения“.

Военному представителю во Франции, генералу Жилинскому, Алексеев одновременно телеграфировал: „Думер просил 300 тысяч укомплектований, тысяч по 30 ежемесячно. Просьба встречена несочувственно. Быть может ввиду нашей материальной зависимости будет сделан опыт формирования двух наших полков придачею французского кадра. Лично я против такой даже меры; желал бы, чтобы этот опыт, если он неизбежен, был ограничен“ (телеграмма Алексеева 17 декабря 1915 г.). Сазонов телеграфировал 22 декабря 1915 г. Извольскому в Париж: „Думер просил здесь о посылке во Францию русских невооруженных солдат в числе 40 тысяч ежемесячно. Это было признано нашим военным ведомством невыполнимым вследствие невозможности уделить столько обученных войск, необходимых на русских фронтах. Однако, чтобы доказать наше желание идти навстречу просьбам союзников, было решено отправить в виде опыта во Францию, через Архангельск, бригаду пехоты... Имел основание думать, что в Париже склонны преувеличивать достигнутый Думером успех. Пропу вас на основании вышеизложенного своевременно рассеять возможность недоразумений на этой почве в будущем...“ („Военно-исторический сборник“, вып. 4, Москва 1921; „Труды военно-исторической комиссии“, стр. 7—9).

[72] Самая поездка Китченера на Восток была предложением для удаления его от дел. „Таким образом, — писал премьер Асквит Ллойд-Джорджу, — мы избегаем немедленного устранения Китченера с поста военного министра, достигая между тем тех же результатов“ (Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. I—II, стр. 353).

[73] 22 декабря, по официальному германскому сообщению, вершина Гартмансвайтеркоффа, занятая накануне французами, была вновь занята немцами.

[74] В 1893 г. Пуанкаре был министром народного просвещения в первом кабинете Шарля Дюноа.

[75] К судьбе фон-Биссинга, родственника генерал-губернатора оккупированной Бельгии, германское правительство проявило такой же интерес, как французы к судьбе Делькассе и Эрвье.

[76] Одновременно король Александр обратился и к Жоффри, который 22 декабря телефонограммой просил Бриана добиться разрешения Италии на использование Валоны, в случае же непреодолимого сопротивления Италии — эвакуировать сербов из Скутари на о. Корфу. „Я ожидал с нетерпением, — рассказывает Жоффри, — ответа, когда с изумлением узнал 26 декабря, что французское правительство решило перевести сербскую армию в Базерту. Это по меньшей мере неожиданное решение представляло, по моему мнению, очевидные неудобства: прежде всего оно требовало обширных морских средств и имobilizовало большое число судов, нужных для снабжения восточной армии в Салониках; я настаивал перед Брианом, чтобы оставились на Корфу ради простоты и быстроты этого решения; я ему объяснил, что оккупация этого острова уничтожит заодно базу снабжения германских подводных лодок и германских промисов; к тому же, по сведениям Гильмена, нашего посланника в Афинах, нам нечего было опасаться серьезного противодействия со стороны Греции — формальной союзницы, как бы то ни было, Сербии. 2 января 1916 г. я поехал защищать эту точку зрения в министерстве иностранных дел и 6 января узнал, что правительство окончательно приняло ее. 7 января был издан приказ отряду английских стрелков занять Корфу, что он и выполнил без затруднения“ (Joffre, t. II, p. 187—188).

[77] „Сер Базиль Захаров“ — один из богатейших и влиятельнейших финансистов Англии, имевший обширные денежные интересы в восточно-средиземноморских странах, направивший там английскую политику во время и после войны 1914—1918 гг., совместно в частности с Ллойд-Джорджем. Богатства Б. Захарова значительно выросли за время войны, когда он стал одним из главных дельцов по поставке оружия и кредитно-финансовым операциям в странах, зависящих от Англии.

[78] О концентрации германских резервов на верденском направлении разведка сообщила в начале декабря, и Жоффри тогда же направил из Шампани в том же направлении 7-й армейский корпус и 15-ю дивизию. Но затем внимание французского командования было привлечено германскими приготовлениями к наступлению в районе Амьена и Уазы. 29 декабря на конференции у Жоффри под председательством Пуанкаре, о которой последний рассказывает в конце VII тома, решено было, что главный удар готовится именно с этой стороны. „Лишь 10 января 1916 г. — рассказывает Жоффри — мы получили первые указания на возможность неприятельской атаки в районе Вердена; действительно, мы узнали через нашего посланника в Дании, что договаривают о близости германского наступления на северо-востоке от Вердена; это известие было тотчас же подтверждено другим, из Швейцарии, отмечавшим концентрацию 400 тысяч человек в районе Вердена...“ (Joffre, t. II, p. 203).

[79] Эта попытка немцев завязать переговоры с Николаем II о сепаратном мире подробно и документально освещена; см. „Константинополь и преливы“, т. II, гл. VIII; „Международные отношения в эпоху империализма“, серия III, т. VII, VIII и IX, также в книге Семеникова „Политика Романовых накануне революции“, Гиз, 1926; на этом инциденте останавливаются в своих мемуарах Сазонов, Палеолог, Блюккенен, Неклюдов (русский посланник в Стокгольме, в котором М. Васильчикова советовалась при проезде через этот город).

[80] А. Гучков выступал с критикой правительства на съезде Всероссийского союза городов в Москве, в Московской городской думе и т. д. в качестве представителя московского великорусско-славянистического купечества, среди которого он был „спасителем России“ не только от „придворной измены“, но и от „инородческой опасности“, и охранителя русского господства в Польше против кадетских уступок их польским единомышленникам. Это влиятельное положение Гучкова среди наиболее „патристической“ части „искоянного“ и „вменитого“ московского купечества вызвало при дворе сугубую ненависть к нему и оценку его как самого опасного противника царского окружения и регента самодержавия. Ненависть эта накапывалась и питалась страхом перед Гучковым, нарастающим в

семье Романовых еще в 1908 г. под влиянием „патриотических“ выступлений его в Государственной думе против дезорганизаторской роли великих князей в Совете государственной обороны и во всей системе военного управления в России. Будучи лидером реакционного октябристского большинства Государственной думы, Гучков называл великих князей „безответственными лицами“ и требовал от них „всего лишь“ отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия, которые связаны с теми постами, которые они занимают (заседание Государственной думы 27 мая 1908 г.). Ланглюа воспринял это отношение к Гучкову.

[81] Имеется в виду франко-германское соглашение о Багдадской железной дороге от 15 февраля 1914 г., англо-германское (парафированное) соглашение о том же 15 июня 1914 г. и связанные с ними переговоры с Турцией.

[82] Политика, проводившаяся в Греции Гильменом, вызывала самые резкие отзывы со стороны русского посланника в Афинах Демидова в его доносениях Сазонову; от этой политики, как не противодействуя ей, все более старался отмежеваться русская и даже английская дипломатия.

[83] Русский посол в Токио Крупенский характеризовал японскую политику в Китае в 1917 г. так: „Под видом невмешательства в китайские дела Япония не становится на сторону одной какой-либо партии или одной части страны, но всюду интригует, поддерживая смутное состояние, которое наиболее соответствует ее интересам“. Американский посол Рейнш: „Япония — единственная страна, которой выгодно разложение Китая“ (6 июня 1917 г.). „Япония, — писал в 1916 г. автор, знающий хорошо дальневосточные дела, — хочет продления беспорядков, открывающих возможность дальнейших разделов и захватов: Южный и Центральный Китай наводнены японскими интриганами, работающими в этом направлении“ (Millard, Our Eastern Question, p. 39). Соответственно этому и в отношении проекта монархической реставрации с Юань Ши-каем — императором — японцы вели двойную игру, о которой Пуанкаре видимо не имел представления. Крупенский отмечал, что в октябре 1915 г. японское правительство предлагало русскому сообщу „отсрочить“ провозглашение Юаня императором и даже выступало позже с этим советом единолично, но в то же самое время „сами же японские представители поощряли китайцев спешить“, явно пантажируя Юань Ши-каю. „Поведение Японии в этом деле, — заключал Крупенский, — предвещает мало доброго для Китая“ (20 октября 1915 г.) (А. Канторович, Америка в борьбе за Китай, гл. IV).

[84] 25 сентября 1908 г. в порту Казабланка (Марокко) секретарь германского консульства пытался посадить на пароход трех немцев-дезертиров из французского иностранного легиона. Французские власти арестовали этих дезертиров, причем при попытке воспротивиться этому были побиты стражники германского консульства и сам секретарь. Возник острый конфликт между Францией и Германией, так называемый второй марокканский конфликт, разрешившийся компромиссным путем.

[85] Договор о присоединении Ионических островов к Греции, т. е. о прекращении английской военной оккупации и передаче их Греции, подписанный 24 марта 1864 г. Англией, Францией, Россией и Грецией. Статья 2 этого договора объявляла, что о. Корфу и Паксос... „будут пользоваться после их присоединения к эллинскому королевству преимуществами постоянной нейтральности“ — „с согласия Пруссии и Австрии“.

[86] Т. е. должность продавщицы в казенной табачной монополии.

[87] В газете „Figaro“ — кампания, вызвавшая ввиду значения Каюо большой скандал в правительственных и финансовых верхах Франции. Жена Каюо стреляла из револьвера в редактора газеты Кальметта, вследствие чего возник сенсационный процесс против нее.

[88] В частности Сазонов возмущался поведением Блонделя, направлявшего или возбуждавшего агитацию румынского правительства в сторону России.

[89] Русское командование на германском фронте в это время производило перегруппировку сил, для того чтобы начать наступление, которое должно было оттянуть германские силы от Франции на Россию. Эта перегруппировка закончилась лишь в середине марта, и наступление началось на шведском и норвежском направлениях 18 марта. Победы, о которых говорит

Пуанкаре, — успехи на турецком фронте. Здесь наступление (с целью нанести короткий удар живой силе турок до прибытия войск Багдадского района) началось 9—10 января. Турки, не ожидавшие до весны серьезных военных действий, были смяты, центр их был прозван к 20 января, и тогда „короткий удар“ превратился в стратегическое наступление на Эрзерум. К 11 февраля была подвезена тяжелая артиллерия и тотчас же начался штурм, продолжавшийся пять дней. 16 февраля Эрзерум был взят.

[90] Нгоко-Санта — каучуковая область в Западной Африке; французская компания каучуковых плантаций, интересы которой представлял Тардьё, столкнулась здесь с германской соседней компанией. Конфликт был передан на арбитражное решение французскому правительству, которое, не желая в данный момент обострить отношения с Германией, компенсировало Тардьё крупной суммой. В палате депутатов Жюрес 8 марта 1912 г. говорил по этому поводу, что Тардьё „под предлогом защиты национальных интересов обдeldывал делишки, в которых его друзья или он лично заинтересованы“. Что касается французского проекта железной дороги Хомс — Багдад, то с этим проектом Тардьё в 1910 г. сначала выступил якобы для борьбы со знаменитой германской концессией, а затем вошел в тайные переговоры с германскими дипломатами, которым он предлагал „не как журналист, а как уполномоченный группы французских финансистов“ такую „комбинацию, при которой удастся сохранить германский характер дороги до самого Багдада“. По донесению германского дипломата, к которому обратился Тардьё, последние руководили в этом деле „относительно не одни идеалистические мотивы...“ (О Тардьё см. Корнев, Прицы и приказчики Марианны, Москва 1935).

[91] Германо-австрийский договор по польскому вопросу состоялся лишь в октябре 1916 г. В марте в этом направлении сделано лишь неопределенное заявление германским канцлером о том, что польский вопрос будет окончательно решен Германией и Австрией (под влиянием этого заявления Сазонов 17 апреля 1916 г. внес в совет министров проект восстановления автономной Польши — царь-король). В начале 1916 г. Берлин стоял за „самостоятельное“ польское государство, с отдельным монархом. Вена была против этого, как еще и против того, чтобы Польша стала третьим королевством под властью австро-венгерского императора, главным образом вследствие оппозиции Тиссы, т. е. венгерской помещичьей олигархии.

[92] Итальянцы в помощь французам начали свое наступление, так же как и русские, в марте, — пятое по счету наступление на Изонцо, не давшее никаких положительных результатов.

[93] Договор между тремя сыновьями Людовика Доброго о разделе империи, созданный Карлом I, королем франков и с 800 г. „императором Запада“; империя его простиралась от Атлантического океана и Пиренеев до Эльбы.

[94] 21 февраля немцы, считая законченной артиллерийскую подготовку, начали наступление. К 24 февраля они овладели первой и частью второй линии укреплений. 25 февраля, несмотря на прибывшие значительные подкрепления, немцы оттеснили французозов по второй линии укреплений с Котте-Талу, с высот Мирмон, а главное, овладели фортом Дуомон, а затем и селением этого названия. Концентрация всех средств наступления на Верден была такова, что атаки в этом направлении не сопровождалась до 6—8 марта никакими действиями на флангах. Инициативу наступления на Верден германский кронпринц (получивший прозвище „верденского убийцы“) приписывал Фалькенгайну, предлагавшему ее с конца 1914 г.: „Нам удалось не дать заметить французам наших приготовлений. Они не видели, как артиллерия двинулась на назначенные ей позиции... Все было подготовлено блестяще. Но вечером накануне атаки снежная буря и проливной дождь не дали нам возможности открыть артиллерийский огонь по французским батареям. Атака со дня на день откладывалась; штурм крепости начался десятью днями позже назначенного срока. Штаб V армии и я переживали мучительные дни, ибо отлично понимали, что каждый день и даже каждый час значительно уменьшали наши шансы на успех. К довершению несчастья во время этого периода затишья весь наш план был выдан французам двумя негодьями, дезертирами из ландвера... Занятие фронта Дуомон было венцом ошеломляющих побед. Если бы в это время прибыли обещанные и ожидаемые нами резервы в назначенный срок, мы заняли бы сразу все

укрепления Вердена... Усталость нашего войска и недостаток в резервах и в подвозе пищевых продуктов заставили нас отказаться от планов победы“ („Мемуары германского кронпринца“, Москва 1923, стр. 165—166).

[95] Операция „взятия Вердена коротким ударом не удалась. Все наличные неприятельские войска были введены в дело, и неприятель должен был привлечь новые силы, чтобы вести долгую и тяжелую борьбу на истощение, которая длилась до того, как сначала русское наступление, затем англо-французское наступление на Сомме вынудили немцев занять перед Верденом оборонительное положение“. Контр-удар нанесен был принявшим командование Петэном в течение дня 28 февраля, 29 февраля непосредственная опасность потери Вердена считалась во французской главной квартире ликвидированной... Французы исчисляли германские потери в эти первые дни верденских битв в 200 тысяч человек (Joffre, t. II, p. 211—212). Новая атака на верденском фронте началась 6 марта и 8 марта превратилась снова в генеральное сражение. Взятие немцами селения Дуомон уже не имело значения.

[96] Установлено и признано бесспорным (в том числе и английскими и французскими военно-морскими специалистами), что „Гебен“ и „Бреслау“ могли быть, пока они находились в западной половине Средиземного моря, атакованы и уничтожены, но что все действия англо-французских средиземноморских эскадр свелись к тому, чтобы отгеснить „Гебен“ и „Бреслау“ с запада на восток, т. е. в турецкие воды. В Англии эти действия подвергнуты были расследованию ввиду сенсации, вызванной ими, следственной комиссии. Как известно, „Гебен“ и „Бреслау“ дали туркам перевес над русскими в Черном море до спуска на воду нового русского dreadnoughta.

[97] На этой конференции было решено, в согласии с предложениями Жоффра, одобренными предварительно французским правительством, начать общее наступление союзников как можно раньше ввиду возобновления германских атак на Верден. Русская армия должна была начать решительное наступление 15 мая, остальные союзники — 1 июня; англичане должны были сосредоточить к этому времени максимум своих сил во Франции, включая египетские дивизии, так как за Египет нечего было опасаться после русских побед на закавказском фронте; насчет салоницкой армии не было принято никакого решения.

[98] По существу эти лондонские переговоры представляли предварительный англо-французский договор, за которым последовало в апреле известное англо-французско-русское соглашение о разделе Азиатской Турции.

[99] Финансовое соглашение Рибо — Мак-Кенна, с которым было связано лондонское соглашение Барк — Мак-Кенна (кредиты для поддержания курса, отправка французского и русского золотых запасов в Лондон Английскому банку, военные заказы и закупки в Англии).

[100] Снятие ограничений японской иммиграции в Австралию, Новую Зеландию и Канаду и открытие этих рынков для японского экспорта. Из-за этих японских требований английская дипломатия противилась французским (при русской поддержке) настойчивым просьбам склонить Японию на посылку войск в Европу. Последним маневром английской дипломатии было предложение привлечь японские войска на русский фронт, против чего решительно высказались русские военные власти (относящиеся к этому вопросу документы русского министерства иностранных дел войдут в серию III, т. VIII, ч. II, „Международные отношения в эпоху империализма“).

[101] 3 июля 1916 г. было подписано открытое русско-японское соглашение о Дальнем Востоке с секретным соглашением по китайскому вопросу.

[102] Консорциум держав-кредиторов Китая.

[103] Пресса разных стран, начиная с Южной Америки, приписывала Кайо заявления о неизбежном поражении Франции, о том, что война вызвана усилиями Делькассе и Пуанкаре, и т. п.: Кайо занимал до, во время и после войны „пацифистскую“ позицию сторонника франко-германского „сотрудничества“.

[104] Самовольно отдал приказ об отступлении, так же как и генерал Бониваль. Оба генерала после расследования их действий были сняты с командования.

[105] По немецким сводкам, потери французов превышали потери немцев.

[106] На этой конференции Жоффра сделал доклад об общем положении и о мерах, одобренных конференцией в Шантильи 12 марта; меры эти были

единогласно одобрены представителями союзных правительств (Joffre, t. II, p. 282). Грей в своих мемуарах рассказывает, что интереснее всего англичанам было увидеть в натуре французских парламентских знаменитостей, так как понимать, что говорилось, и принимать участие в прениях из всей английской делегации мог лишь он один, да и его знание французского языка было таково, что его коллеги смеясь уверяли, что они, не зная ни слова по-французски, понимали все, что говорил по-французски Грей (E. d. Grey, 25 Years, t. II).

[107] С начала нашей революции — глава французской военной миссии и организатор интервенции при правительстве Колчака.

[108] При общем подъеме в начале года стачечного движения в России выступление путиловцев началось предъявлением экономических требований в ряде цехов; требования эти — о повышении зарплат — были отвергнуты администрацией завода. 5 февраля бастовало от 12 до 15 тысяч рабочих. С 6 по 8 февраля завод был закрыт. Военнообязанные рабочие должны были отправиться на фронт. 22 февраля путиловцы, несмотря на это, вновь забастовали. Число арестованных дошло до 400. С 29 февраля другие заводы забастовали, требуя освобождения путиловцев. Движением руководил петербургский комитет большевиков (Б. Граве, К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, Москва 1926, стр. 164 и сл.).

[109] 3 апреля генерал Нивель в районе Дуомона провел ряд успешных контратак. Жоффр настаивал на переходе в общее наступление II армии, но Петэн считал это невозможным, выдвинув в крайний, по словам Жоффра, пессимизм. Последующие бои шли с переменным успехом, но в общем немцы не продвинулись в апреле вперед и даже потеряли некоторые позиции на завоеванном ими 7-километровом пространстве перед Верденом. Генеральная атака 9—10 апреля дала им на левом берегу Мааса Мортом, который 20 апреля был отобран у них французами. Общие потери (обеих сторон) у Вердена составили к этому времени не менее полу-миллиона человек (А. Зайончковский, Мировая война, Гиз, стр. 253).

[110] Члены греческой королевской семьи; Георг — брат Константина.

[111] Русский военный представитель во Франции, генерал Жилинский, телеграфировал 27 марта 1916 г.: „В феврале в Совете государственной обороны при Бриане возбудился вопрос о высадке прибывшей русской бригады не во Францию, а в Салоники, на что генерал Жоффр дал свое согласие. Должен сказать, что присылке этой бригады генерал Жоффр не придавал большого значения; а к присылке из России укомплектований относился совершенно отрицательно, по видимому потому, что этот вопрос был поднят без его ведома его политическими противниками — Галлиени и Думером. Тогда Бриан через Палеолога обратился к Сазонову, который испросил высочайшее соизволение на высадку бригады в Салоники. Недели полторы тому назад генерал По телеграфировал Жоффру..., что предложение Бриана произвело крайне неприятное впечатление в ставке между прочим потому, что бригада знала о своем назначении во Францию и будет крайне недовольна перерешением. Эта телеграмма побудила Жоффра просить Бриана предложить направить первую бригаду во Францию, а вторую, о посылке которой только что узнали, высадить в Салоники. Однако Палеолог ответил, что посылка обеих бригад в Салоники вполне соответствует видам российского правительства и изменение этого пункта высадки нежелательно. В этом смысле и Сазонов телеграфировал нашему послу и прибавил, что пожелание наших войск в Македонии опровергает слух о том, что Россия не хочет выступления Великобритании против Болгарии. Поэтому французское правительство окончательно решило высадить обе бригады в Салоники, а ружья для них послать навстречу в Суэц...“ 31 марта Алексеев отвечал, что куда будут направлены русские бригады — „вопрос совершенно второстепенный, которому вмешательство дипломатов придавало неподобающее значение“. В итоге русские войска были направлены и во Францию (две бригады) и в Салоники (тоже две бригады) — через Дайрен и Суэц. Переезд Дайрен — Марсель длился с 8 февраля до 5 мая. Одна бригада направлена была во Францию этим путем, другая — через Архангельск — Брест, где была высажена в сентябре („Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии“, вып. 4, стр. 10 и сл.).

[112] Американские и английские банкиры оказывали давление на русское правительство с целью ослабить преследования евреев, принявшие в прифронтовых районах размеры, вызывавшие отрицательное отношение к России и к помощи ей со стороны общественного мнения Америки и Англии. В июле русского посла в Лондоне посетил Леопольд Ротшильд, указавший, что „массовая высылка евреев вместе с женами и детьми“ и „сопряженные с нею громадные бедствия вызывают сочувствие у английских единоверцев русских евреев“, что „агитация, главным образом германского происхождения, в связи с высылками сказывается вновь в Америке и даже отчасти в Лондоне“. Посол добавлял в своей телеграмме (от 12 июля 1915 г.) Сазонову: „Я могу подтвердить, что возбуждение растет и что жалобы уже дошли до английского правительства... Я полагаю, что мнения и непосредственные обращения Ротшильда заслуживают серьезного внимания“ („Международные отношения в эпоху империализма“, серия III, т. VIII, ч. I, стр. 188—189).

[113] В три часа ночи с 29 на 30 июля Извольский сообщил Вивияни телеграмму Сазонова об отказе выполнить германское требование прекратить русские военные приготовления. После совещания Пуанкаре с Вивияни и военным министром Мессими была отправлена Палеологу для Сазонова телеграмма, гарантировавшая России французскую союзническую поддержку во всех ее дальнейших действиях; в телеграмме этой было добавлено, что „среди мер защиты и предосторожности, к которым Россия сочтет необходимым прибегнуть“, „желательно, чтобы она воздержалась сейчас от всяких мероприятий, способных послужить для Германии поводом произвести полную или частичную мобилизацию ее сил“. На этой телеграмме Николай II сделал пометку: „Слишком поздно пришла эта телеграмма“ („Международные отношения в эпоху империализма“, серия III, т. V, стр. 262—263).

[114] „Гвоздем“ этой поездки оказались стокгольмские переговоры Протопопова о сепаратном мире с Германией.

[115] В результате этого внушения со стороны Пуанкаре Сазонов, „обойдя совет министров [председателем которого с января 1916 г. был уже Штурмер], обратился непосредственно к государю, которому сделал подробный доклад по польскому вопросу и получил от него разрешение представить ему проект конституционного устройства Польши“. С этим проектом Сазонов предварительно ознакомил генерала Алексеева, взявшегося защищать его перед царем. Последний передал его в совет министров, который „вынес заключение, что обсуждение польского вопроса при обстоятельствах военного времени невозможно, и поэтому признал мой проект несвоевременным“ (Сазонов, Воспоминания, стр. 387—389; см. также о миссии Вивияни в записи Пуанкаре от 30 мая).

[116] Тревожные сведения об усилении партии „активистов“ германофильской ориентации в Швеции передавал Неклюдов из Стокгольма. Энергичные предупреждения со стороны союзников прекратили попытки „активистов“ форсировать выступление Швеции на стороне Германии.

[117] Португалия с начала войны добивалась разрешения войти в антигерманскую коалицию, но английское правительство этого разрешения не давало.

[118] 1 июня немцы, введя в бой перед Верденом свежие силы, возобновили генеральное наступление, 6 июня они взяли форт Во, 8 июня баварский корпус ворвался во французские траншеи на фронте Тиомон — Кайет. Петэн объявил генералу Кастелью, начальнику штаба Жоффра, что дальше недели Верден не продержится. Жоффр издал приказ по войскам, излагавший успехи брусиловского наступления (105 тысяч пленных за одну неделю), и обратился к английскому командованию с просьбой немедленно начать условленное наступление на Сомме (Joffre, t. II, p. 221 и сл.). 1 июля началось генеральное англо-французское наступление на Сомме. К 10 июля VI французская армия на южном участке фронта, продвигувшись на 2—3 километра, заняла возвышенные германские позиции второй линии (Флокур). Русское наступление на фронте в 300 километров между Стоходом и Прутом разворачивалось на подступах к Ковелю и на предкарпатских позициях в Галиции и даю на 8 июля 266 тысяч пленнных.

[119] 20 июля Нератов (товарищ министра иностранных дел) сообщил Палеологу и Бюкенену, что решен вопрос об увольнении Сазонова и о передаче портфеля министра иностранных дел Штурмеру; оба посла

отправили по телеграфу царю просьбу не увольнять Сазонова и передали это известие в Париж и Лондон. 23 июля в петербургских газетах опубликована была отставка Сазонова.

[120] К 10 июля было решено между Англией, Францией и Россией предоставить Румынии Буковину по Прут, Угорщину по Тиссе и весь Банат, на часть которого претендовала Сербия.

[121] Победа армии Сахарова при слиянии Липы и Стыри (12 тысяч пленных), победа на ковельском направлении (60 тысяч пленных), взятие Эрзингяна в Турции.

[122] Поездка английского короля в апреле 1914 г. в Париж; между прочим обсуждался вопрос об англо-русской морской конвенции. Во время описываемой поездки на фронт Пуанкаре рассказал Жоффру, что папа сообщил посетившему его другу Пуанкаре о полном истощении центральных империй и неизбежности для них капитулировать до конца года.

[123] Наступление итальянцев 7 августа на Изонцо дало им успех: они взяли укрепление Горицы и 14 тысяч пленными.

[124] Решения по греческому вопросу, упоминаемые Пуанкаре, заключались в отправке эскадры адмирала Дартине-дю-Фурне с десантом в Афины, для того чтобы либо заставить Константина разорвать все связи с Германией и подчиниться дипломатии Антанты, либо низложить его. Оппозиция Англии, Италии и России заставила отложить это предприятие.

[125] Протокол этот (о нем упоминается выше) повидимому остался до сих пор неопубликованным; в мемуарах Ллойд-Джорджа не обнаружено следов его. Корпус от России в Добруджу был затребован, был послан и сражался под командой генерала Зайончковского.

[126] „Революция“, о которой идет речь, — интервенционистский переворот, произведенный Саррайлем для установления в Салониках местного правительства Вензелоса.

[127] 27 августа Италия объявила войну Германии, а Румыния — Австро-Венгрии.

[128] По сообщениям русского посланника Демидова его французский коллега Гильмен инсценировал нападение (с обстрелом из револьверов) на французскую миссию. Это нападение и послужило предлогом для высадки десантного отряда в Пирее с назначением в Афины „для охраны французской миссии“.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том VII

ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА. 1915.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стр.

На франко-бельгийском фронте. — Визит королю Альберту и королеве Елизавете. — Вопрос о Саррайле и Дарданеллах. — С Пьером Лоти в Эльзасе. — Кладбища в Мооше и Танне. — Правительство, комиссии и парламент. — Сопещания с министрами и генералом Жоффриом. — Бельгийский король на французском фронте. — Император Николай II намерен стать во главе своих армий 7

ГЛАВА ВТОРАЯ

Подготовка нового наступления в Артуа и Шампани. — Генерал Саррайль и Дарданеллы. — Военная и политическая ситуация в России. — Поездка на заводы. — Посещение Эльзаса. — Болгарский король Фердинанд сбрасывает маску. — Венцелос и король Константин. — Тактические успехи в Шампани; стратегического решения не последовало — Болгарская мобилизация. — Сербия призывает на помощь союзников. — Большой Делькассе говорит о своей отставке 47

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Телеграмма царю. — Болезнь Делькассе. — Высадка в Салониках. — Прекращение операций в Шампани. — Сопещания с генералом Жоффриом. — Вступление Болгарии в войну. — Назначение Заимиса на место Венцелоса. — Отставка Делькассе. — Вивиани оставляет пост председателя совета министров. — Образование кабинета Бриана 84

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Интриги бывшего хедива в Швейцарии. — Свержение министерства Заимиса и замена его кабинетом Скулудиса. — Новые поездки на фронт. — Дени Кошен в Греции. — Сопещание с Асквитом, сэрмом Эдуардом Греем, Бальфуром и Ллойд-Джорджем. — Генерал Галиени, генерал Жоффри и ведение войны. — Поражение и отступление сербской армии. — Китченер и оборона Египта. — Первое появление Боло паша 124

ГЛАВА ПЯТАЯ

Генеральный план главной квартиры. — Жоффри — генералиссимус. — Разногласия между Китченером и лондонским кабинетом. — Военная конферен-

дья союзников в Шантильи. — Переговоры с английским правительством. — Отступление сербов и голод. — Защита Салоник и король Константин. — Сэр Дуглас Хейг — преемник сэра Джона Френча. — Год кончается в тумане 166

Том VIII

ВЕРДЕН. 1916

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Печальный новый год. — Бомбардировка Нанси. — Русские впечатления. — Поездка в Нанси. — Поездка на фронт X армии и в Аррас. — Эвакуация Галиноли. — Сербское правительство в Бриндизи. — Визит полковника Хауза. — Французские министры в Лондоне. — Поездка в Сатори. Сербь в Корфу. — Поездка в Эльзас с председателями сената и палаты депутатов Любо и Дешанелем. — Черногорский король во Франции. — Цеппелин над Парижем 213

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приезд Бопца из Сербии. — Военная церемония в Трокадеро. — Салоникская экспедиция. — Мы не бомбардируем незащищенные города. — Жоффр и Клемансо. — Франко-английская парламентская конференция. — Инциденты в парламенте. — Поездка в Верден, осмотр передовых позиций. — Взятие Эрзерума. — Атака немцев под Верденом и бомбардировка города. — Взятие Дуомона 244

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поездка на восточный фронт. — Взрыв на складе гранат в Курнэв. — Посещение пострадавших. — Потопление «Прованса». — Разногласия между генералами. — Галиени болен и хочет подать в отставку. — Лес Корбо потерян и снова отбит нами. — Поездка в Лотарингию. — Визит сербского принца 264

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Поездка в Эльзас с Леоном Буржуа. — Эссад паша во главе албанского государства. — Опыты на стрельбищном поле в Бурже. — Отъезд сербского принца Александра. — Возвращение Рибо из Англии. — В Вердене: Бра и Регре. — Вивьяни и Альбер Тома уезжают в Россию 298

ГЛАВА ПЯТАЯ

Под Верденом генерал Нивель сменяет генерала Петэна. — Поездка в Бурж. — Англия и морская война. — Реймс. — Архивы и шампанское. — Бриан и декрет о закрытии сессии парламента. — Взятие немцами пункта 304. — Симпатии Швейцарии. — Возбуждение в палате. — Поездка в Нанси и в лес Парруа. — Поездка в Бельгию. — Прием членов Российского государственного совета и Думы. — Посещение укрепленного района Вердена. — Поездка на Сомму 323

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Похороны генерала Галиени. — Лорд Роберт Сесиль в Париже. — Осложнения в парламенте. — Бомбардировка Бар-ле-Дюка. — Поездка в VI армию. — Перевод часовой стрелки на летнее время. — Кампания «Bonnet Rouge». — Тайный комитет. — Осложнения в парламенте. — Титтони в Сорбонне 353

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наступление на Сомме. — Визит президента Лубе. — Русский министр финансов Барк. — День сирот. — Визит Боло пашы. — Овации Бриану в сенате. — Опыты в лагере Майльи. — Национальный праздник. — Посадка в Верден и на Сомму. — Предсказания Ллойд-Джорджа. — Конец парламентской сессии 389

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Россия и Константинополь. — Палата и комиссары при армиях. — Генерал Бордонье в Салониках. — Шарль Дюноа. — Черногорский король в Блисенском дворце. — Поездка в Сен-Дие и в Эльзас. — В Дуллансе. — Посещение генерала Дугласа Хейга. — Италия и Германия. — Поездка в Амьен и на фронт и 20-му корпусу. — Альмерейда и немецкие подводные лодки в Картайене 393

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Переговоры с Россией и Румынией. — Наступление на Сомме. — Успех французов под Верденом. — Успех англо-французских операций на Сомме. — Салоникский фронт. — Финансовые затруднения. — Поездка в Верден. — Рядача союзных орденов в Вердене 396

ПРИМЕЧАНИЯ 409

5811

